

ЛОГИКА НАСИЛИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Статис Каливас

Лауреат
премии
**Woodrow Wilson
Foundation
Award**

ПЯТЫЙ РИМ

Данное блестящее исследование обещает стать вехой в изучении гражданских войн. В его основе лежат глубокие и обширные знания и удивительно плодотворная аналитическая методология. Выбирая объектом рассмотрения микродинамику гражданских войн, С. Каливас, с одной стороны, не оставляет камня на камне от старых заблуждений, с другой — предлагает и проверяет собственные многочисленные новаторские идеи. Уверен, что перед нами настоящая жемчужина, будущая «современная классика».

Джон Элстер, университет Коллеж де Франс

Насилие на гражданской войне за последние полвека унесло жизни около 17 млн человек. Социологи, пытаясь установить, в какой стране возникновение гражданского конфликта наиболее вероятно, добились заметных успехов. Однако удивляет то, что до выхода в свет «Логика насилия в гражданской войне» научным работам явно недоставало теоретического и практического анализа динамики убийств. Книга Статиса Каливаса отличается удивительной понятийной четкостью, а также творческим синтезом исторической хроники, собственных теоретических изысканий и новаторской методики микроанализа схем насилия на гражданской войне в Греции. Книга вполне могла бы выйти из-под пера такого мастера, как Никколо Макиавелли, и он мог бы ей по праву гордиться.

Дэвид Лайтин, Стэнфордский университет

Книга обязательна к прочтению теми, кто интересуется историей гражданских войн и повстанческих движений. В ней тонкий анализ сочетается с энциклопедическим охватом материала: рассматриваются события в самых разных уголках мира. Эта книга будет полезна ученым и экспертам, однако рассчитана и на более широкого читателя. Поскольку книга ставит под сомнение устоявшиеся постулаты, она, несомненно, обещает стать предметом жарких споров.

Роджер Питерсен, Массачусетский технологический институт

Статис Каливас

ЛОГИКА НАСИЛИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПАМЯТЬ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ ԵՎ ՄԵՄՈՐԻԱԿԱՆ
ԿԵՆՏՐՈՆ

УДК 316.334.3
ББК 60.56
К17

Серия «Современная история массового насилия»
издается с 2016 года

Редакционный совет серии
А. Н. Артизов, А. Р. Дюков, А.А. Коваленя,
В. В. Кондрашин, П. М. Полян, В.А. Тишков

The Logic of Violence in Civil War
Copyright © Stathis N. Kalyvas, 2006
First published by Cambridge University Press, 2006

Права на русское издание приобретены при содействии
литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского
Натальи Алексеевой, Сергея Алексева

Научная редакция
Олеси Орленко
при участии Александра Дюкова
и Михаила Поликарпова

Оформление переплета Михаила Левыкина

В оформлении использована фотография
«Коммунистические партизаны,
арестованные в Афинах в декабре 1944 года» (AFP)

ISBN 978-5-9990-0067-5

(Фонд «Историческая память»)

ISBN 978-5-9500938-7-6

(Издательство «Пятый Рим»)

© Фонд «Историческая память», 2019

© Издательство «Пятый Рим»™, 2019

© ООО «Бестселлер», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
Введение	10
Глава 1. Понятия	37
Глава 2. Патологии	67
Глава 3. Варварство	103
Глава 4. Теория иррегулярной войны (I): сотрудничество с противником	163
Глава 5. Теория иррегулярной войны (II): контроль . . .	203
Глава 6. Логика неизбирательного насилия	259
Глава 7. Теория селективного насилия	301
Глава 8. Эмпирическое исследование (I): сравнительные данные	363
Глава 9. Эмпирическое исследование (II): сравнение данных на микроуровне	427
Глава 10. Близость	557
Глава 11. Раскол и содействие	615
Заключение	658
Приложение А. Источники данных	666
Приложение В. Обработка данных	697
Источники и литература	713

Научный подход к социальным явлениям для нас настолько непривычен, что некоторые из тезисов данной книги могут немало удивить читателя. Однако от социологии как от науки мы ожидаем не простого изложения старинных народных предрассудков, а нового, иного на них взгляда, ибо цель любой науки — открытие, а каждое открытие — это в той или иной мере удар по устоявшимся воззрениям.

Эмиль Дюркгейм, *«Правила социологического метода»*

Все, кто хоть раз задумывался об истории и политике, должны понимать, какую огромную роль в человеческих делах играет насилие; потому и непонятно на первый взгляд, почему насилие так редко становится предметом изолированного рассмотрения.

Ханна Арендт, *«О насилии»*

Новое не рождается от простой интерполяции старого.

Мишель Ульбек, *«Элементарные частицы»*

БЛАГОДАРНОСТИ

Созданием этой книги я обязан случайной накладке. В 1997 г. Информационное агентство США сообщило, что мне придется провести два года в Греции согласно неким визовым правилам. В то время я преподавал в Нью-Йоркском университете, и такая перспектива меня совсем не обрадовала. Однако плодом моего вынужденного пребывания в Греции стала полевая исследовательская работа, в ходе которой я, в конце концов, обратил свой исследовательский взор на проблему гражданской войны и насилия. Я безмерно благодарен Роджеру Петерсену за то, что незадолго до моего отъезда он побеседовал со мной на эту замечательную тему, а также Адаму Пржеворски, который поддержал мой настрой в этом, как тогда казалось, совершенно невероятном предприятии.

Оказавшись в Греции, я начал интервьюировать людей, контакты которых дали мне мои близкие друзья. Огромную помощь оказали мне Яннис Апостолопулос, Димитра Хаджиангелаки, Костас Гелиотис и Вангелис Комботис. Тасула Вервениоти помогла мне убедить себя в том, что провести эти интервью будет не только возможно, но и полезно — вопреки прямо противоположному совету, полученному мной от нескольких профессиональных историков в Греции. Как всегда помогал и поддерживал мой друг Никос Аргиропулос. У мудрого Джорджа Маврогордатоса нашлись в мой адрес не только слова поддержки, но и критики. Не знаю, как мне благодарить Марину Цулуху: многие годы она помогала мне отыскать богатства в недрах Исторического архива Арголитиды. Я также признателен таким людям, как Х.Ф. Майер и Дж.Т. Маврогордатос за собранный ими архивный материал, а также фонду NEF за поиск и предоставление в мое распоряжение работы *«Деревенская социальная организация в Греции»*.

Я могу здесь упомянуть далеко не всех, кто выслушал мои аргументы в официальных и неофициальных научных

спорах, приглашал меня на семинары и круглые столы, где я представлял свое исследование, кто прочитал мою работу и дал комментарий. Я назову лишь несколько имен: Ларс-Эрик Седерман, Канчан Чандра, Джим Фирон, Манолис Галенианос, Диего Гамбетта, Майкл Хектер, Макартан Хамфриз, Мэтт Кочер, Дэвид Лейтин, Никос Маранцидис, Николай Маринов, Джон Ремер, Николас Самбанис, Инасио Санчес Куэнка, Иона Шульхофер-Воль, Стивен Шуфелт, Джим Фриланд и Элизабет Вуд. На последнем этапе дистанции особенно помогла Ана М. Арджона, а также Сэнди Хендерсон и Эбби Стил, редактировавшие рукопись.

Ценные отзывы оставили четыре рецензента. Маргарет Леви, а также Лью Бейтман поддерживали данный проект с самого начала и до конца. Искренне благодарен им всем. Я приступил к этому проекту, работая в университете Нью-Йорка, написал первые строки в университете Чикаго, а завершил книгу в Йеле. Все три института обеспечили прекрасную интеллектуальную и профессиональную среду. Институт Европейского университета и Институт Хуана Марча приняли меня в ключевой для работы момент, дали мне возможность добиться серьезных успехов; за это я благодарен Даниэлю Вердье и Хосе Марии Мараваллю. Фонд Гуггенхайма профинансировал мои поездки на север Греции, часть собранных там сведений вошла в эту книгу. Благодаря Хрисостомосу Манцавиносу и Кристофу Энгелю я сумел подготовить рукопись к публикации, оказавшись в стенах замечательного Института коллективных благ Общества Макса Планка в Бонне. Я весьма признателен Йэну Шапиро и Йельскому центру международных и региональных исследований за содействие в публикации данной книги.

По счастью, фрагменты данной книги я приводил на семинарах у старшекурсников, когда преподавал в Чикаго, в Институте Марча и Йеле; студенты не оставили от моей работы камня на камне и неоднократно указывали на недочеты, которые выявили; иными словами, меня критиковали крайне обстоятельно, и вклад критиков в окончательную редакцию книги оказался весьма весомым.

За прекрасное ассистирование хочу поблагодарить Иоанниса Эвригениса, Иоанну Караригу, Панайоту Колиатси, Харриса Милонаса, Нассоса Руссиаса, Себастьяна Сайя, Анромахи Цомаку и Чжиун Ю. Карты составлял Стив Ситрон-Пусти.

Высоко ценю предоставленное разрешение на использование материала в главах 6 и 11, предыдущие версии которого выходили как «Парадокс терроризма на гражданской войне» (*Journal of Ethics* 8: 1 (2004): 97–138), а также «Онтология “политического насилия”: Действия и принадлежность людей на гражданской войне» (*Perspectives on Politics* 1: 3 (2003): 475–494).

Я приобрел много друзей среди своих собеседников, но особенно я благодарен семьям Калимниу, Скинохоритису и Яннаку за теплый, радушный прием и дружбу. Одновременно должен выразить признательность всем, кто в Греции открывал передо мной двери. Многие из них изначально отнеслись недоверчиво, но по мере разговора оттаивали; страстно, с чувством они рассказывали умные вещи о своей жизни, убеждениях, страданиях, надеждах. Эта работа изменила всю мою жизнь. Конечно, в книгу вошла лишь малая часть этих ярких, насыщенных и правдивых воспоминаний. Готов приступить к работе над новой книгой, в основу которой лягут исключительно их рассказы, а также те, что мне удалось обнаружить в архиве.

Я бы ни за что не смог выполнить это исследование без эмоциональной и материальной поддержки моих родителей, Никоса и Маргариты Каливас, которым еще раз выражаю свою признательность. Посвящается книга Ангелике Луви, которая была со мной с начала работы до самого ее конца. Ни слова больше — она все знает сама.

ВВЕДЕНИЕ

И разрасталась болезнь: от меча погибали злодеи;
Но уцелеть в эти дни одни лишь злодеи умели.

Марк Анней Лукан, *«Фарсалия, или Поэма
о гражданской войне»*

Все однообразно и удивительно, обыденно и вместе
с тем ужасающе.

Мадам де Сталь, *«Размышления о главных
событиях Французской революции»*

1.1. Четыре загадки

На греческом полуострове Пелопоннес, на невысоких холмах, чуть выдающихся над равнинной плоскостью Арголиды, стоят две деревеньки, похожие друг на друга как две капли воды: Манеси и Гербеси (в настоящее время называется Мидея). Обе расположены в восточной части Аргосской равнины в считанных километрах от древних руин — Тиринфа, Микен и Аргоса — и потому на первый взгляд находятся в одинаковых условиях с социальной, экономической, политической и культурной точек зрения. В 40-е гг. XX века их население было этнически и религиозно однородным: там проживали в основном крестьяне-албанцы, владельцы примерно одинакового размера угодий, жившие вместе с семьями натуральным хозяйством. Деревни поддерживали между собой взаимовыгодные связи, в том числе свойские — до сих пор в них немало однофамильцев. Во время оккупации Греции немцами жители обеих деревень, хлебнув одной участи, предпринимали сходные шаги: и оттуда, и отсюда уходили в подполье; и в одну, и в другую деревню совершали рейды карательные отряды. Но

в одной точке исторические судьбы их разошлись: в августе 1944 г. в Гербеси случилась жестокая резня: были убиты пять семей, включая стариков и детей. Исполнителями убийства выступили вооруженные партизаны, однако изначально его замыслили соседи и даже родственники. В соседнем же Манеси проверить подобное не удалось: тем же самым партизанам жители дали отпор. Но почему? Как жителям Гербеси пришлось в голову сжить со свету соседей? И чем таким отличались от них во всех внешних проявлениях на них похожие жители Манеси, что смогли предотвратить акт насилия?

Микроисторические и антропологические оценки гражданских войн сплошь состоят из подобных парных примеров проявления насилия, на первый взгляд, совершенно не поддающихся логике.

В деревне Лос-Оливос на юге Испании 38 человек стали жертвами гражданской войны, причем все в 1936 г.; практически все в списке жертв сочувствовали социалистам и нашли свою смерть не на поле брани, а в руках правых, фалангистов, которые взяли их по донесениям соседей. При этом в соседней деревне Лос-Маринес, где, казалось бы, социальная структура населения и его политические взгляды те же самые, никаких убийств не произошло (Collier 1987: 163). В ходе колумбийской гражданской войны, известной как «Виоленсия» (1948–1958 гг.), в департаменте Толима больше всех пострадал муниципалитет Ровира; однако был и другой муниципалитет, Долорес, в том же департаменте, охватывающий точно такую же горную местность и раздираемый теми же политическими противоречиями, что и Ровира; в этом муниципалитете конфликта не произошло (Henderson 1985: 144–145).

Гватемалу внутренние беспорядки сотрясали с начала 1980 гг.; жертвами бойни, проводимой военными, стали тысячи человек, были сожжены десятки деревень. Однако антрополог Кей Уоррен (Warren 1998: 92) установила нечто ее поразившее: город Сан-Андрес, в котором она проводила исследования, зверства военных обошли стороной, тогда как в полной мере коснулись других точно таких же городков. Схожим обстоятельством был озадачен и другой антрополог, Джон Ватанабе (Watanabe 1992: 182), так же собиравший сведения на местах: «Несмотря на военную

окупацию, в населенном пункте Чимбаль, в отличие от всех городов в его окрестностях, практически не было жертв... Благодаря то ли слаженным действиям населения, то ли героизму отдельных жителей, то ли вмешательству высших сил, город выжил». И действительно, как отмечает Линда Грин (Green 1995: 114), «для так называемой «тактики выжженной земли», которую проводили в жизнь военные [в Гватемале], было характерно неравноценное отношение к окрестным деревням: бывало, что одну разрушали, а другую оставляли нетронутой». Джонатан Спенсер (Spencer 2000) также с удивлением пишет об одной деревне на Шри-Ланке, которая «чудом» избежала чудовищной резни, коснувшихся всех деревень вокруг.

Идем дальше. Во время сербских чисток в Косове нападению подверглось населенное этническими албанцами селение Букос, а такое же албанское Ново-Село эта участь миновала (Gall 1999); в Чечне российские войска зачистили поселок Примыкание, но оставили в покое соседнее село Центора-Юрт (Gordon 1999b). Один из боевиков ИРА в Северной Ирландии (Collins 1999: 98) вспоминал: «ИРА ликвидировала все гостиницы в Ньюри; Уорренпойнт находится от Ньюри в 10 минутах езды, однако же он был как будто в другой стране: война, бушевавшая вокруг, его совершенно не коснулась».

Исследователи конфликта в Северной Ирландии отмечают выборочный характер насилия (Smyth, Fay 2000: 133; O'Leary, McGarry 1993: 9)¹. Эта выборочность немало озадачивала теоретиков: «Чем же это объясняется?» — задается

¹ На похожую избирательность обращают внимание ученые, описывая ситуацию в Афганистане, Югославии и Вьетнаме (Benini, Moulton 2004; Ron 2000a; Moyar 1997: 307). В этнографических описаниях событий в Мозамбике и Либерии (Geffray 1990; Nordstrom 1997; Ellis 1999; Finnegan 1992) авторы также поражаются наличию островков спокойствия в гуще самых кровавых конфликтов. В отношении других форм политического насилия сделаны похожие наблюдения. Так, массовые убийства в Индонезии (1965–1966 гг.) «разбросаны по времени и по местности, так что наши знания об одном злодеянии не способны пролить свет на остальные» (Cribb 1990: 23); отличаются значительной неоднородностью и избирательностью и столкновения в Индии между индусами и мусульманами (Wilkinson 2004; Varshney 2002), и террор Французской революции, в ходе которого «удар терро-

вопросом Ватанабе (Watanabe 1992: x) в отношении своих гватемальских исследований. И отвечает: «Простого ответа не найти». Сам факт того, что имеет место избирательность, в худшем случае приводят в качестве доказательства общей невозможности увидеть за насилием какую-либо логику (Капп 2000: 401), а в лучшем — неспособности выйти за рамки ученых догадок². Однако, несмотря на очевидную важность вопроса, практически не предпринималось попыток приблизиться к системному пониманию селективности насилия, и этот недосмотр находят странным сразу несколько исследователей (Klinkhammer 1997: 29; Getty, Manning 1993: 17)³.

Отсюда мы вплотную подходим к загадке более общего порядка: это часто отмечаемый крайне жестокий характер гражданской войны, на первый взгляд весьма устойчивый. В 1589 г. Альберто Джентили отмечал, что «главным стимулом к жестокости [на войне] служит бунт» (Parker 1994: 44). Монтень считал, что «война на чужой земле гораздо менее жестока, чем война гражданская», тогда как Адам Смит отмечал (Smith 1982: 155), что «мера враждебности клик — гражданских ли, церковных — часто выше, чем у враждующих народов, вражда же, питаемая ими в отношении друг друга, еще свирепее».

Отчего же гражданские войны такие жестокие — по крайней мере, в представлениях людей?

ра приняли на себя некоторые регионы, а другие эта участь миновала почти полностью» (Greer 1935: 40).

² Рассуждая о причинах неоднородности насилия, авторы ряда работ (Wagten 1998: 100; Viola 1993: 97; Watanabe 1992: 183; Henderson 1985: 142–143) выделяют такие факторы, как относительная изолированность региона, стратегия власть предержащих и повстанцев, групповщина и конфликт на местах, местная тактика сопротивления насилию, а также местное руководство в целом.

³ Интерес к системному анализу неоднородности насилия — относительно недавнее явление; одним из первых попытку системного исследования государственных репрессий предпринял, в числе прочих, Грир (Greer 1935). Тема также затрагивается в работах, посвященных преследованиям гражданских лиц в военное время (Valentino et al. 2004; Downes 2004); в работах о волнениях на национальной почве (Wilkinson 2004; Varshney 2002; Petersen 2002); в работах по гражданской войне (Straus 2004; Verwimp 2003; Fein 1979) и геноциде (Weinstein 2003; Echandíia 1999)

Вот и третья загадка: в макроисторических оценках гражданской войны, почти всех без исключения, содержится тезис о том, что ее исход в значительной мере определяют политические предпочтения народных масс, сложившиеся до войны; при этом во всех микроисторических работах называется целый ряд эндогенных механизмов, на основании которых приверженность и отождествление с определенными взглядами либо формируются в ходе войны, либо радикально изменяются. Любопытно открытие Линн Хортон, касающееся динамики политической приверженности в ходе гражданской войны в Никарагуа; исследовательница выбрала объектом город Килали. Опираясь на множество фактов, она доказывает связь между политической привязанностью и географией, наглядно демонстрируя, каким образом первая формируется за счет второй: никарагуанские контраст выбрали удаленный регион, почти неподконтрольный сандинистским властям, и заручились в нем поддержкой населения. Контраст начали с того, что стали преследовать сторонников сандинистов, вынудили их уехать, бросив хозяйство, в город Килали. В итоге все больше крестьян отказывались иметь с сандинистами всякие дела и состоять в их организациях. Как утверждает один крестьянин, «если ты вел себя хорошо, к тебе [у контраст] не было вопросов». Другой добавляет: «С этими [с контраст] мы здесь жили бок о бок. Про себя каждый думал что хотел, но не высказывался. Сандинистский фронт бросил нас на произвол судьбы». Хортон полагает, что если бы сандинисты решили усилить военно-политическое присутствие в регионе, политические пристрастия большинства крестьян были бы иными. В Килали, по-прежнему неподконтрольном сандинистам, напротив, «диссидентские антисандинистские настроения среди жителей в годы войны практически не проявлялись». Автор доказывает, что люди молчали не в силу своих политических пристрастий, а из практических соображений. Действительно, когда война окончилась, «в Килали произошла вспышка антисандинистских реакционных настроений: многие жители теперь открыто выражали свое недовольство, которое в 1980-е гг. либо не чувствовали, либо таили в себе» (Horton 1998: 71, 129–130, 219, 205, 221–222, 264).

Еще один пример, подкрепляющий эту историческую загадку, — Испания в годы оккупации французскими войсками

(1808–1814 гг.). Как отмечает Лоуренс Тоун (Tope 1994: 57), центрами испанского антинаполеоновского партизанского сопротивления стали вовсе не города вроде Мадрида и Валенсии, летом 1808 г. ставшие твердынями революции, а периферийная провинция — Наварра, где во время революции царило почти полное спокойствие. На основе подробных данных о налоговых сборах и деятельности мятежников в 166 наваррских городах и деревнях он делает вывод о прямой зависимости между географическим положением (точнее, близостью к городам и главным дорогам страны) и эффективностью сборов налогов французами, и обратной зависимостью между сбором этих налогов (они, несомненно, вызывали недовольство масс) и участием народонаселения в рядах повстанцев. Вопреки ожиданиям, в районах, куда способны были добраться французы — сборщики налогов и теоретически спровоцировать недовольство, мятежей не наблюдалось. Наоборот, чем удаленнее был регион, тем успешнее там собирали средства в пользу партизанского движения и тем вероятнее местные мужчины оказывались в рядах повстанцев. Эпицентром сопротивления стала Монтанья: повстанцы «жили в маленьких городках и деревнях, завладеть которыми надолго французам не удавалось». На вопрос, что здесь причина, а что следствие, Тоун дает однозначный ответ. Он утверждает, что горожане, даже несмотря на поборы, отказывались покидать насиженные места именно потому, что «вследствие постоянного присутствия там французов у тамошних молодых людей почти не было возможности уйти в повстанцы». Даже те города, откуда к инсургентам ушло некоторое количество добровольцев, в итоге очагами вооруженной партизанской борьбы не стали. Аналогичным образом обстояли дела с галисийскими священнослужителями: в городах они были коллаборационистами, а вот в сельской местности симпатизировали сопротивлению (Tope 1994: 160–161, 171). Эти примеры свидетельствуют о том, что, вопреки общепринятому мнению, предпочтения населения носят по отношению к войне эндогенный характер, и есть вероятность, что в результате установления военного контроля в определенной местности население будет сотрудничать с оккупантами.

Тут мы приходим к последней загадке, имеющей отношение к природе политических предпочтений. Речь идет

о часто упоминаемом отсутствии связи между высшими предпосылками войны и низовыми сценариями развертывания насилия. Возьмем в качестве примера Палестину в 30-е гг. XX века. Там имели место антибританские выступления, известные как «аль-тавра» («бунт»), которые историки характеризуют как восстание палестинского народа против колонизаторов. В своей блестящей работе Тед Сведенбург (Swedenburg 1995) пишет, что военная организация повстанцев не только не нивелировала существовавшие в палестинском обществе разногласия, но и часто прямо их отражала. Партизанские отряды формировались по семейному, клановому принципу, поэтому при их мобилизации старые распри разгорались с новой силой — так восстание против британских колонизаторов превратилось во внутripалестинскую гражданскую войну. Соперничающие между собой партизанские отряды становились орудием в руках сельских группировок, которые пытались использовать их в своих целях: группировка время от времени объявляла кого-то из членов другого клана шпионом, таким образом провоцируя предводителя дружественных повстанцев на карательные меры. На фоне этих распрей значительное число палестинцев в конечном счете перешло на сторону британцев и стало воевать против своих соплеменников. Таким образом, этот коллаборационизм имел в основе причины не программно-идеологические, а «исключительно местного, семейного характера», в том числе и жажду мести. Из собранных Сведенбургом рассказов следует, что британцам участники тех событий отводили роль периферийную; они были лишь «орудием» для решения местных междоусобных разногласий. Информанты Сведенбурга — палестинские коллаборационисты, сотрудничавшие с британцами, утверждали, что им удалось перехитрить начальство и легко им манипулировать. Выходит, что традиционная трактовка этого конфликта, строящаяся вокруг ключевого противостояния (британцы против палестинцев) и главного политического вопроса (национализм), несколько обманчива как с точки зрения мотивов и личностей участников конфликта, так и с точки зрения динамики конфликта.

Можно сформулировать иначе: обычно приводимая типология причин раскола на противоборствующие лагеря

(например, по идеологическому, социальному и этническому признакам) не всегда отражает истинную динамику насилия. Картина происходящего в хрониках и на деле оказывается совсем иной. Вновь обратимся к греческому примеру: равнина Арголиты на юге страны отличается ярко выраженной однородностью состава населения, глубинных разногласий там не наблюдается. Но именно эта местность погрузилась в пучину кровопролитной гражданской войны, в которой погибли около 2% деревенского населения. Как такая трагедия могла произойти при отсутствии всяких предпосылок к гражданскому конфликту? Эти два обстоятельства — отсутствие серьезного раскола и одновременно наличие массового насилия — подталкивают нас к выводу о том, что концепции, в рамках которых массовое насилие рассматривается в увязке с расколом в обществе, должны быть пересмотрены; необходимо задаться вопросом, действительно ли насилие является результатом глубинных разногласий? Вопрос надо ставить и в том случае, если в определенной местности или в определенную эпоху такие разногласия действительно имеются.

1.2. Цели

Данная работа носит концептуальный и позитивистский характер, теоретический с одной стороны — и практический с другой. Пренебрегать возможностью теоретического осмысления рассматриваемых нами сложнейших и путаных вопросов нельзя. Эмиль Дюркгейм (Durkheim 1938: 14–22) отмечал, что, поскольку мысль и размышление первичны по отношению к науке, физические и социальные явления представляются и рассматриваются в виде грубых, «досужих» понятий — выражаясь термином Фрэнсиса Бэкона, *notiones vulgares* или *notiones praenotiones*. Эти понятия, подчеркивал Дюркгейм, употребляются свободно с высокой степенью убежденности, как если бы они соответствовали предметам хорошо известным и имеющим точное определение. Однако они лишь порождают в нашей голове «смутные идеи, клубок пространственных впечатлений, предрассудков и эмоций. Сегодня мы смеемся над странной полемикой вокруг понятий холодного, теплого, влажного, сухого и т.д., которую вели средневе-

ковые философы, не понимая при этом, что мы по-прежнему применяем тот же метод к явлениям того же порядка и, в силу сложности рассматриваемого предмета, получаем результат более скудный, чем в других случаях». Действительно, когда мы говорим о «политическом насилии», то на ум приходят принятые сегодня практические понятия для его описания; и эти понятия подменяют собой аналитические термины (Brubaker, Laitin 1998). Отход от «эмпирических категорий, которые по закоренелой привычке деспотически властвуют над нами» (Durkheim 1938: 32), требует внятного уточнения ключевых понятийных категорий и объема понятий аргумента — иными словами, требует постоянного теоретического осмысления.

Гражданская война определяется как *вооруженное столкновение в границах признанного суверенного образования между сторонами, в начале противостояния подчиненными единой власти*. В рамках гражданской войны меня интересует преднамеренное насилие, совершаемое против нонкомбатантов. Насилие этого рода долгое время исследователями не рассматривалось в силу теоретической сложности и эмпирической размытости. По удачному определению Антуана де Бека (De Baesque 2002: 851), моя цель — привнести толику разума в обстоятельства, где разум доведен до крайности. Говоря с методологической точки зрения, я пытаюсь показать важность системного исследования на микроуровне. Обычно именно низовые свидетельства стараются игнорировать, объявляя несостоятельными или чересчур путанными. Историки, безусловно, считают «локальное» неотъемлемой частью «глобального» (Pred 1990: 15), однако попытки исследования «локального» редко выходят за рамки разборов конкретных ситуаций. Я же хочу представить свой вариант действительно цельного рассмотрения проблемы.

Разговор о насилии во время гражданской войны я начну с упрощенно-абстрактной характеристики такого насилия, которая, однако, имеет под собой четкую теоретическую основу. Я аналитически разделю насилие на гражданской войне и саму войну. Я постараюсь доказать, что, несмотря на многообразие форм, а также преследуемых целей, постановка которых может варьироваться в зависимости от времени и места, в насилии на гражданской войне часто

проявляются одни и те же ключевые элементы. Я не просто постулирую этот тезис — я стараюсь связно переосмыслить те наблюдения, которые обнаруживаются в десятках описательных исследований, и демонстрирую, что сведения, на первый взгляд разрозненные, складываются в картину одного явления. Позитивистский раздел книги состоит из двух частей: теория иррегулярной войны и теория насилия на основе микрооснований (где выделяются два направления — неизбирательное и селективное). В отличие от прочих исследований, в рамках данной теории подчеркивается совместный характер насилия во время гражданской войны, определяющийся взаимодействием между политическими силами на центральном и местном уровнях, а также между комбатантами и нонкомбатантами. Такое взаимодействие определяется потребностями иррегулярной войны, логикой ассиметричного информирования и местной динамикой соперничества. Иными словами, эта теория идет вразрез с существующими концепциями насилия, в которых упор сделан исключительно на мотивации макроуровня и динамике, в которых акцентируются только наиболее глобальные аспекты расслоения общества и в рамках которых характер насилия определяется как «произвольный», «случайный» или же, с точки зрения тех, кто его применяет, «оптимальный».

Исходя из своей теории, я выдвигаю теоретически состоятельную модель селективного насилия, которая предполагает взаимодействие между силами, действующими на разных уровнях, приводит к порождению насилия в системном, предсказуемом ключе. Это приводит к парадоксальным эмпирическим прогнозам, касающимся пространственной вариативности насилия на микроуровне; эту вариативность я проверяю эмпирически, взяв данные, собранные в Греции. В ходе этой эмпирической проверки в принципе подтверждается наличие у нашей теории, применительно к отдельно взятым обстоятельствам, объяснительной силы; она выглядит еще более правдоподобной на фоне большого количества данных по другим гражданским войнам, но, конечно, ее подлежит проверить и на этом материале.

В заключение по итогам работы я делаю из своей теории два вывода. Первый касается механизмов «кровного» насилия, а второй того, что выявленная форма насилия, та или

иная, может нам рассказать о формировании общественного расслоения — т.е. как и до какой степени национальные, «глобальные» расслоения можно накладывать на расслоение на локальном уровне. В целом в книге имеет место отход от концепций, рассматривающих насилие в нормативном ключе (Sorel 1921) либо путем интерпретации или герменевтической рефлексии (Sofsky 1998; Keane 1996; Heritier 1996; Arendt 1973; 1970; Friedrich 1972). Дистанцируюсь я в ней и от исследований, основанных на данных индуктивного анализа (Harff 2003), не поднимаюсь выше макроуровня (Valentino, Huth, Balch-Lindsay 2004) и не полагаюсь исключительно на вторичные оценки (Downes 2004; Valentino 2004) или на одну политическую силу, будь то государство или мятежники (Weinstein 2003).

Эта книга — лишь первый шаг: эмпирическую проверку можно дополнить, собрав дополнительные данные из достоверных источников. Теория подлежит дальнейшей доработке и расширению. Гражданские войны и совершаемое в их процессе насилие — в высшей степени сложные явления, которые возможно изучать лишь путем обстоятельного исследования. В этой книге я ограничиваю сферу своих интересов исключительно коэрситивным истребительным насилием в ходе иррегулярных гражданских войн. Выделяя в качестве объекта исследования определенный тип насилия, я таким образом задаю магистральное направление: моя цель — узнать, как далеко простирается объяснительная сила моей теории в обозначенных рамках. Выясняется, что теория справедлива для очень многих ситуаций и предполагает применение и к некоэрситивным проявлениям насилия, и к насилию, не переходящему, несмотря на жестокость, грань человекоубийства (например, арест, пытки, ссылка), а также в отношении гражданских войн иных типов. Однако дополнительные исследования все же нужны для того, чтобы включить в теорию новые аспекты.

Размышлять о природе гражданских войн люди начали тогда же, когда начали писать историю. Но лишь недавно мы получили возможность задействовать в исследованиях социологические инструменты. Если в этой книге мне удастся задать магистральное направление для целой программы непрерывных исследований — значит, я выполнил свою задачу.

1.3. План действий

Войны и осуществляемое в их процессе насилие обнаруживают значительную вариативность, причем как в рамках одной страны или эпохи, так и нет. Так, значительно разнятся форма и интенсивность насилия, к которому прибегают на разных этапах гражданской войны красные и белые в России, враждующие сербский, мусульманский и хорватский лагеря в Боснии, соперничающие группировки в Либерии. Эрнесто Че Гевара (Guevara 1998: 75–76) сводит эти различия к основному: «Действия врагов народа носят более или менее преступный характер в силу определенных местных социальных, исторических и экономических обстоятельств. Кое-где житель, который бросает семью и уходит в контролируемую партизанами зону, не вызывает сколько-нибудь бурной реакции. В других обстоятельствах его имущество захватывают или сжигают, а где-то — убивают всю семью перебежчика».

Возьмем в качестве примера Северную Ирландию. Хотя британской стороной совершены нарушения прав человека, в том числе пытки, нельзя говорить о проявлении с их стороны «безжалостного, жестокого подавления населения, открыто или молчаливо поддерживающего восставших, какое испытали на себе алжирские мусульмане, афганские крестьяне, иракские курды, кашмирские мусульмане, палестинские мусульмане и христиане, южноафриканские негры, шри-ланкийские тамилы, вьетнамские крестьяне». (O'Leary, McGarry 1993: 19). Один боевик ИРА вспоминал фразу, сказанную ему после ареста: «Будь мы в Ливане, мы бы тебя живо вывели во двор и расстреляли» (Collins 1999: 188). В то же время ИРА всячески старалась не проводить операций, если за ними усматривался религиозный подтекст: «убийство полицейского считалось оправданным, а вот его семьи — простых протестантов, не воюющих ни на чьей стороне, — нет» (Collins 1999: 295). Если коротко — в Северной Ирландии, в отличие от многих других гражданских конфликтов, у сторон были сдерживающие взаимные обязательства (Toolis 1997: 21).

Источники вариативности в высшей степени многообразны. Карл фон Клаузевиц (von Clausewitz 1976: 609–610) отмечал, что ход войны определяется природой общества,

а также «временем и преобладающими условиями». То же характерно и для гражданских войн, во время которых насилие принимает путано-сложные формы, а многозначные способы применения насилия на протяжении войн определяются факторами, включающими определенное сочетание политических сил и их политической идеологии (Anderson 2004; Heer, Naumann 2000; Degregori 1998; Bartov 1992; Furet 1981: 51)⁴; организационной структуры, социальной основы, военных традиций (Gumz 2001; T. Anderson 1999; Livianos 1999; Mazower 1992); ресурсов (J. Weinstein 2003); национального и местного руководства, а также стратегий (Shepherd 2002; Schulte 2000); трудностей, с которыми сталкиваются политические силы, и помощи, которую им оказывают третьи стороны; преобладающих международных норм (Ron 2000a); уровня доступных военных технологий; наконец, таких факторов, как географическое положение и климат. В дальнейшем эти факторы могут взаимодействовать друг с другом, и результатом этого взаимодействия будет четкая эндогенная динамика: спирали насилия и соперничающие акторы часто повторяют друг друга. Изабель Халл (Hull 2004: 1–2), в подтверждение общей сложности изучаемого вопроса, приводит несколько детерминант насилия на войне: «Продолжительность войны, большое число вовлеченных в нее стран, патовая ситуация в технической сфере, связанная с мощью оборонительного оружия, научным и промышленным потенциалом (благодаря которому создается оружие все более смертоносное), идеологизация (затрудняющая окончание войны и дающая добро на рисование образа врага самыми черными красками), неграмотное руководство («ослы ведут героев») и эскалация конфликта за счет вовлечение в него самых широких масс (означавшее мобилизацию все большего числа солдат под давлением общества, которое, несмотря на возросшие жертвы, требует только победы). У многих этих факторов есть обратный

⁴ Однако следует обратить внимание, что сходные идеологии соотносятся с насилием определенного типа. Так, насилие со стороны коммунистов в ходе гражданских войн в России и Греции носило централизованный, бюрократический характер (Werth 1998; Kalyvas 2000), но в ходе финской и испанской гражданских войн отличались децентрализованностью и «анархией» (Alapuro 2002; Juliá 2000).

эффект; при длительном взаимодействии они укрепляют друг друга».

Тот же изменчивый характер наблюдается и в отношении культурных идиом, используемых для выражения насилия. Политические акторы обращаются к поистине бескрайнему пласту культурных систем и моделей, связанных с насилием (J.-C. Martin 1998; Richards 1996; Zulaika 1988). В этом случае воображение разыгрывается не на шутку, и возможности для фантазии тут поистине бескрайние. Фукидид отмечает, что во время гражданской войны в Керкире «смерть принимала всевозможные формы» и «слабость восставала во всех мыслимых формах». Педро Альтамирано, главарь никарагуанских боевиков в 1920-х гг., прославился тем, что резал врагов «на жилетки»: «жертве отрезали голову, делали надрезы на плечах, вскрывался живот, так чтобы труп напоминал жилет или пиджак» (Schroeder 2000: 40). Боевики в Сьерра-Леоне практиковали расчленение тел, в Алжире — резали жертвам глотки, в Гватемале, помимо расчленения, обезображивали лица. Филиппинские ополченцы убитых обезглавливали и «подобно вампирам, пускали кровь», а конфедераты в Миссури — снимали с врагов скальпы. Эти зверства максимально подробно описаны в многочисленных книгах, основанных на достоверных источниках.

Учитывая настоящие теоретические и эмпирические ограничения, довольно непросто выделить и подвергнуть проверке кросснациональные модели насилия; более того, это было бы преждевременно. Однако вопреки некоторым утверждениям (David 1997: 575) имеющиеся ограничения не дают нам оснований отказаться от достижения нашей цели — системной интерпретации динамики насилия.

Альтернативный путь — дедуктивная стратегия, цель которой — порождение гипотез об эмпирической вариативности, которые подлежат проверке. Такая стратегия восходит к попыткам Фукидида, который, вместо того чтобы составлять подробную опись гражданских войн в их бесчисленном множестве вариантов, решил построить общую модель гражданской войны (Price 2001: 12–14). Хотя гражданские войны и проявляемое в их ходе насилие варьируются значительно, основные наблюдения ученых, практиков и теоретиков, часто ведут к выявлению повторяющихся элементов, что предполагает под собой некую логическую основу (Toolis

1997: 76; Riches 1986: 25; E. Walter 1969: vii; Jones, Molnar 1966: 37; Clutterbuck 1966: 177). Американский журналист Питер Арнетт, писавший о войнах во Вьетнаме и Афганистане, как-то признался своему советскому коллеге, что, «проезжая по Афганистану, всегда вспоминаю войну во Вьетнаме... Я работал там десять лет, и аналогии напрашиваются сами собой» (Borovik 1991: 67). Антропологи давно указывают на «невероятное» межкультурное сходство применяемого политического насилия (Sluka 2000: 9; Zur 1994: 13; Nordstrom 1992: 262). Как отмечает один из них, «люди, в иных, кроме насилия, областях имеющие радикальные культурные противоречия, в насильственные сцены и действия вкладывают один и тот же смысл» (Riches 1986: 25). Нордстром (Nordstrom 1997: 89), изучавшая гражданские конфликты на различных территориях, выяснила, что, несмотря на выраженные местные различия, «преобладают мотивы террора и надежды — разнятся лишь их проявления в зависимости от места. Это говорит о сходстве, позволяющем осмыслить проблему вне зависимости от времени, пространства, конкретной деревни и конкретной культуры». Наличие логической основы отмечали и практики. Че Гевара (Guevara 1998: 75–76), говоря о многообразии насильственных практик, почти всегда добавляет, что «общие репрессивные методы всегда одинаковы», и это его суждение разделяют некоторые британские военные из карательных войск, например, генерал Джордж Эрскин, применивший в Кении палестинский опыт (D. Anderson 2005: 200), а также Джулиан Пейджет. Последний вспоминает: «В 1965 г. мне забросили в Аден, где я по заданию штаба должен был непосредственно заниматься разработкой мер, гражданских и военных, против орудовавших в этом районе боевиков. Возникали трудности самого тяжелого и многообразного характера, но они редко оказывались мне в новинку; совершенно точно, что все это уже имело место в ходе предыдущих чрезвычайных операций — в Палестине, Кении, на Кипре, в Малайе; было бы чрезвычайно полезно осмыслить весь этот опыт и извлечь из него уроки» (Paget 1967: 11).

Таким образом, имеет смысл серьезно отнестись к утверждению Юджина Уолтера (Walter 1969: vii) о том, что, хотя насилие «возникает в уникальных обстоятельствах и всякий раз выражается и понимается через призму местной

культуры, оно соответствует определенным принципам и служит потребностям определенной системы власти. Это универсальный процесс, формирующийся за счет одних и тех же элементов, организованный системно, имеющий отличительные структурные признаки». Подобным же образом, в более общем плане, автор данной работы придерживается той точки зрения, что существует «глубинная структура человеческого конфликта, которая теряется за внешними культурными различиями» (Gould 2003: 101). Задача в том, чтобы вычленил эту «глубинную структуру» и определить в понятиях достаточной степени обобщенности, чтобы они были пригодны для анализа и не вели в логическую ловушку максимального «понятийного расширения» (Sartori 1970).

Преследуя эту цель, я буду полагаться на две стратегии. Первая заключается в том, чтобы связать абстрактные теоретические предположения с определенными иллюстративными примерами, для убедительности предположений выбранными из большого числа эмпирических контекстов. Моя книга на всем протяжении представляет собой непрерывный диалог опыта и теории. На основе детальнейшего, тщательнейшего анализа конкретных случаев можно предположить, что, хотя обстоятельства различны, механизмы повторяются. Люди часто забывают, что здание теории должно покоиться на убедительных интуитивных догадках. Примеры, взятые из большого сопоставительного спектра, служат для демонстрации достоверности каждого кирпичика этого огромного теоретического сооружения — хотя, надо признать, не подтверждают достоверности этой теории: тут нужны многократные проверки. Во-вторых, я избрал стратегию разукрупнения: я определяю три уровня анализа, расположенные по направлению от макро- к микро-. На первом уровне мы исследуем взаимодействие между унитарными (государственными и негосударственными) политическими силами; на втором уровне рассматривается взаимодействие между политическими силами и подконтрольным им населением; на третьем уровне исследуется взаимодействие в рамках небольших групп, а также между индивидуумами. Большинство исследований, посвященных политическому насилию, восстаниям, революциям и гражданским войнам, строятся таким образом, что либо эти уровни сплавляются

воедино, либо высвечивается какой-то один из них — как правило, первый.

На первом (или макро-) уровне обитают элиты, идеологии, большая политика. Здесь преимущественно находят свое место исследователи истории, исторической социологии, военной стратегии, регионоведения, компаративной политологии и международных отношений. Насилие в этих работах воспринимается как побочное проявление — как естественное следствие войны. Исследования, проводимые на макроуровне, имеют одну общую черту: в них во всех рассматриваются унитарные политические силы. Элита и население подаются смешанно, едино. Например, отсылка к Армии освобождения Косово или этническим албанцам в контексте косовского конфликта есть указание на общность, в которую включены разные группы этнических албанцев: элита, боевики, а также все население. Авторы исходят из того, что элита автоматически и односторонне определяет направление деятельности группы, а также из того, что группы однородны по составу. Вероятно, такое упрощение целесообразно при изложении событий конкретной гражданской войны или же при рассмотрении в макроисторической перспективе, однако при разработке теории насилия это серьезная помеха.

Когда исследователь строит свои доводы на существовании устойчивых и ярко выраженных политических общностей с четкими предпочтениями, то они не соответствуют реальной картине — сложной, текучей и неоднозначной. Наблюдение, что политические силы наверху и индивидуумы внизу не всегда прямо связаны, было сделано в ходе прикладных военных исследований (где также детально описывалась деятельность мятежников и карателей), а также в ходе микросоциологических и антропологических исследований гражданских войн. Кратко его суть сводится к следующему: насилие часто применяется для внутреннего контроля групп, а также для достижения желаемого (но редко достигаемого) полного «слияния» между конкретными руководителями и организациями, с одной стороны, и подчиненным им населением — с другой. Предположения о том, что население поддерживает неизменно и безоговорочно определенную политическую силу, которая заявляет о себе как о его полномочном представителе, идут вразрез

с суровой реальностью принудительного комплектования войск, наблюдаемого повсеместно: гражданские войны нередко ведут армии, укомплектованные по призыву (в худшем случае дело доходит до похищения детей); часто в таких армиях сплошь и рядом наблюдаются случаи дезертирства. Это весьма характерно для крупных конфликтов, которые приводят в качестве «хрестоматийных» примеров гражданских войн (таких, как войны в США, в России, в Испании, в Китае), этнических гражданских войн (таких, как гражданская война на Шри-Ланке), а также мелких деревенских восстаний, например, восстания качинов в Бирме (Argenti-Pillen 2003; Tucker 2001; Werth 1998; Ranzato 1994). Очевидно, что связь между политическими силами и подчиненным им населением нужно принимать не как данность, а как научную проблему — отсюда мы имеем содержание второго (среднего) уровня. Наш анализ требует теоретического и эмпирического изучения гражданских войн как процессов, в том числе особенности их ведения как войн — а понять это довольно трудно, поскольку информация о ведении многих гражданских войн представлена довольно скудно (Harkavy, Neuman 2001). Действительно, описание военных операций — удел определенной политологической литературы, которая лежит за пределами главных направлений социологических исследований и чаще всего связана с решением «практических» задач (например, разработкой способов борьбы с мятежниками). В результате получается, что о динамике гражданской войны в целом представление сформировано, но при этом она редко становится объектом аналитического рассмотрения у социологов (наиболее яркая в этом смысле работа: Leites, Wolf 1970).

Однако даже на среднем уровне недостает важного компонента: динамики внутри человеческой общности. Картина такая, что индивидуумы составляют некую общность, которую «завоевывают» политические силы, и общность эта недифференцируемая и монолитная.

Эмпирические свидетельства, однако, говорят о том, что линия раскола (в том числе внутри этнических групп) довольно часто проходит между соперничающими семьями, кланами, местными и иными группировками (Tilly 1964: 173; Yang 1945: 241). Для понимания поведения индивидуумов перед лицом политических сил необходимо знание динамики

в рамках малых групп и между ними — это, кстати, прекрасно понимают представители политических сил: некоторые даже обращались за нужной информацией к антропологам (Lacoste-Dujardin 1997; Wakin 1992). Таким образом, существует необходимость рассмотрения третьего (или микро-) уровня — в основном это удел антропологических и микроисторических исследований, литературы, романистики. На этом уровне частично раскрывается динамика внутри общности и поведение индивидуумов, обычно представляющие собой черный ящик. Я доказываю, что такой выбор объекта научного рассмотрения приводит к нескольким важным теоретическим результатам.

Центральная теоретическая и методологическая задача, решаемая на протяжении всей книги, — интеграция вышеперечисленных трех уровней. Я начинаю с концептуального рассмотрения (Главы 1 и 2), рассматриваю ряд повторяющихся патологий в изучении насилия и гражданских войн, ратую за необходимость изолированного анализа насилия путем проведения трех важных разграничений: между насилием и насильственным конфликтом, между насилием (жестокостью) как результатом и как процессом, а также между насилием в мирное и в военное время. Обозначив область изучения данной работы, я также отмечаю некоторые проблемы, которыми страдают исследовательские работы в сфере изучения насилия, и предлагаю решения.

Глава 3 посвящена подготовке теоретической почвы. В аспекте насилия гражданские войны от межгосударственных отличают два главных признака: их варварский и одновременно близостный характер. Так, во время многих (если не всех) гражданских войн совершаются наиболее страшные зверства: характерно непропорциональное истребление гражданского населения; совершаемое в ходе их насилие также близостно в том смысле, что часто происходит в местах, где прежде между палачами и жертвами наблюдалась близость и мирное взаимодействие, в том числе личного характера. Я восстанавливаю, конкретизирую и разграничиваю четыре главных аргумента в пользу связи между гражданской войной и варварством. При этом я опираюсь на различные теоретические традиции: гоббсовское понятие насилия как побочного продукта анархии; понятие насилия как ответ на нормативную трансгрессию, шмиттианский

тезис о насилии как результате политической поляризации, а также институциональную концепцию насилия как отражения ряда особенностей ведения войны определенного рода, а именно иррегулярной. У каждой из теоретических традиций свои плюсы, последняя же из перечисленных представляет собой наиболее перспективную теоретическую основу для построения и развития теории насилия в гражданской войне.

Соответственно, в Главах 4 и 5 излагается теория иррегулярной войны, которая определяется парными процессами сегментации и фрагментации суверенитета: территория разделяется на зоны, монопольно контролируемые противоборствующими политическими силами (сегментация), и зоны пересечения суверенитетов (фрагментация). Тип суверенитета или *контроля*, преобладающий в определенном регионе, влияет на выбор стратегии, которой придерживаются политические силы. Они пытаются заручиться поддержкой (или сотрудничеством) народа и препятствовать сотрудничеству с противоборствующим лагерем (или же переходу в него). По мере того как конфликт набирает обороты, растет вероятность того, что на занятой территории население будет сотрудничать с теми, кто ее занял. Это потому, что политические силы, установившие контроль над значительной частью территории, способны защитить жителей как от врагов, так и от них самих; те, кто стремится выжить, получают мощный стимул к сотрудничеству независимо от истинных (или же первоначальных) политических предпочтений. В этом смысле сотрудничество по отношению к контролю преимущественно носит эндогенный характер, при этом, конечно же, сотрудничество, порожденное контролем в определенный момент времени, в будущем, скорее всего, усилит активность. Так, официальная власть обычно контролирует города даже при условии, что они с социальной, религиозной, этнической точек зрения должны бы стать оплотом противника; и наоборот, силы повстанцев обычно сосредоточены в удаленных сельских районах, хотя население там часто настроено к ним недружелюбно. В долгосрочной перспективе с точки зрения установления контроля над территорией не так важны довоенная политическая и социальная поддержка, как имеющиеся военные ресурсы. Однако военные ресурсы, необходимые для осуществления

контроля, имеют свойство истощаться — как правило, их всегда недостает. В результате противоборствующим силам не остается ничего, кроме как, прибегнув к насилию, склонить население к сотрудничеству. Применение насилия ограничено природой власти, которой наделена каждая политическая сила; в целом насилие должно быть в большей степени селективным. Глава 6 посвящена логике беспорядочного насилия, также в ней разбираются парадоксальные случаи явно контрпродуктивного его применения.

В Главе 7 я ввожу, как основу теории селективного насилия, теорию иррегулярной войны. Политические силы увеличивают территориальный контроль в соответствии с местным балансом военных сил; в обстоятельствах иррегулярной войны контроль над территорией предполагает исключительное содействие со стороны отдельных гражданских лиц, которые, в свою очередь, получают от этого максимальную выгоду — возможность выжить. Вне зависимости от симпатий (и при прочих равных условиях) большинство людей стремится к сотрудничеству с той политической силой, которая надежнее гарантирует их выживание, и не стремятся дезертировать в противоположный лагерь. Однако в районах неравномерного распределения власти и присутствия двух лагерей перспектива сотрудничества представляется более туманной. Здесь селективное насилие представляется наивыгоднейшим вариантом, поскольку служит цели укрепления контроля. Селективное насилие, однако, предполагает наличие частных информаторов; частная информация распределяется неравномерно между политическими силами и гражданскими лицами — лишь последним известны личности дезертиров, и у них имеется выбор — разглашать их или нет. Другими словами, избирательное насилие есть результат обмена данными между политическими силами и индивидами: оно — их совместный продукт.

В рамках данной теории мы перекидываем мостик между средним и микроуровнем и можем прогнозировать вероятность насилия как контролирующей функции. С одной стороны, политические силы не нуждаются в его применении там, где могут обеспечить контроль на достаточно высоком уровне, и не могут прибегнуть к селективному насилию там, где контроль не установлен. Не имея доступа к информации, политические силы могут прибегнуть к насилию неизби-

рательному, однако этот вариант непродуктивен. Именно поэтому они останавливаются на следующем варианте: прибегают к селективному насилию на территориях спорных, находящихся под неполным их контролем. С другой стороны, доносительство возможно лишь в том случае, если доносчик чувствует, что ему ничто не угрожает. Следовательно, речь идет о случае, когда у жертв доносчиков нет доступа к противоположному политическому лагерю и, таким образом, нет возможности донести в ответ. Этот вариант, в свою очередь, привязан к понятию контроля: чем жестче контроль со стороны одной политической силы, тем меньше присутствие силы, ей противостоящей, и, таким образом, ниже вероятность ответного доноса. Наша гипотеза в том, что вероятность насилия выше не там, где одна политическая сила полностью или не полностью контролирует территорию, а там, где влияние этой политической силы приближается к гегемонии. Иными словами, насилие наиболее ожидаемо там, где институциональному спросу на информацию соответствует индивидуальное предложение. За пределами указанного пространства вероятность насилия резко снижается: так, возможна ситуация, когда политические силы нуждаются в информации, но люди ее не предоставляют (или препятствуют тому, чтобы дело кончилось насилием); или же частные лица готовы поделиться сведениями, но реакции со стороны политических сил на нее не будет: тем прекрасно известно, что вероятность дезертирства низка. Кратко наше предположение можно облечь в следующую несколько парадоксальную формулировку: стратегически политические силы не прибегают к насилию в тех случаях, когда больше всего в нем нуждаются (т.е. на наиболее спорных территориях), и одновременно стратегически индивидуумы неохотно избавляются от врагов тогда, когда более всего желают их изобличить (на территориях, контролируемых полностью одной силой).

Для эмпирического анализа требуется определить переменные, с помощью которых можно было бы эффективно описать пространство насилия. Таких ключевых переменных две: вероятность перехода в другой лагерь и вероятность контрдоносительства или возмездия по отношению к доносящим лицам; для того чтобы политическая сила прибегла к насилию, первый параметр должен быть достаточно высок,

и, наоборот, чтобы состоялось доноительство на соседа, второй должен быть достаточно низок. До определенного, довольно значительного предела дезертирство и во многих случаях доноительство представляют собой процессы скрытые. К счастью, эти переменные можно операционализировать за счет привлечения важного признака контроля, а именно обратной зависимости между дезертирством и доноительством: чем жестче контроль, тем меньше вероятность перехода в другой лагерь (поскольку этот шаг, соответственно, сопряжен с большим риском) и тем выше вероятность доноительства (поскольку почти нет риска возмездия). Эти выводимые из теории предположения я сопоставляю с фрагментарными сравнительными данными (Глава 8), а также проверяю справедливость теории на материале данных компаративного микроисследования, проведенного мною в Греции (Глава 9). Качество собранного мной материала далеко от идеального, однако по вопросам, рассматриваемым в данной книге, идеального материала просто не найти. В то же время имеющиеся данные наводят на чрезвычайно интересные мысли, а кроме того, это первый шаг в направлении систематического, всеобъемлющего анализа. Свою пользу я извлек и из сделанных в рамках теории ошибочных прогнозов, воспользовавшись этими данными как инструментом для выявления причинно-следственных механизмов. Поскольку в основе теории лежит рационалистское мировоззрение, ошибки в прогнозах могут помочь в осознании действия факторов, не фиксируемых процедурами анализа, таких как нормы и эмоции. Наконец, я провожу ряд анализов материала по Греции, оказавшегося за пределами выборки; воспроизвожу процедуру в этнически расслоенном регионе страны и подвергаю проверке дополнительные результаты с использованием данных по 136 деревням, взятых из местных краеведческих, этнографических, сельскохозяйственных научных и исследовательских трудов, а также интервью.

В последних двух главах анализируются два важных вывода из моей теории. В Главе 10 рассматривается характерное для гражданских войн близостное насилие. При том, что теория селективного насилия опирается на фактор спроса политической силы на информацию и способна предсказать случаи доноительства исходя из условий, она не может ответить на вопрос о том, что заставляет

индивидуумов путем доноительства стремиться удовлетворить этот спрос на информацию. Я доказываю, что доноительство представляет собой ключевое микрооснование для насилия близостного характера и, следовательно, гражданской войны. У людей есть мощный стимул воспользоваться информационным неравновесием с целью получения разного рода выгоды, в том числе для сведения счетов с личными и местными врагами. Доноительство не обязательно носит оппортунистический характер, однако так бывает часто, и я пытаюсь дать этому свое объяснение, параллельно проливающее свет на то, почему разногласия, приводящие к доноительству, носят столь обиденный характер. Можно сказать, что, в то время как политические силы охотно «пользуются» гражданскими лицами в целях сбора информации, сами гражданские лица манипулируют политическими силами и с их помощью решают частные конфликты. Иными словами, гражданское лицо легко способно превратить политическую силу в «наемного убийцу» по схеме, которую Ян Гросс (Gross 1988: 118–119) при изучении событий на Западной Украине определил как «приватизация власти». Этот аспект гражданской войны, прямо вытекающий из логики совместного насилия, не оставляет камня на камне от теории поляризации: когда во время гражданской войны происходит вспышка насилия, имеет место не политизация частной жизни, а приватизация, интимизация политики. В то же мере, в какой близостная ориентация насилия отражает локальные конфликты и междоусобные распри, она является темной стороной социального капитала. Если изложить эту точку зрения более обобщенно, то кровопролитность гражданских войн связана не столько с присущей людям жестокостью, сколько как раз с обратным: большинству людей перспектива применения насильственных действий противна, поэтому они не будут прибегать к ним до тех пор, пока не найдется кто-нибудь, кому пригодятся имеющиеся у них грязные подробности и кто сможет их таким образом защитить. Таким образом, жестокий характер гражданской войны, по крайней мере, частично объясняется возникающей в ходе этой войны возможностью осуществить косвенное насилие.

В последней главе рассматриваются выводы из теории, помогающими нам осознать суть понятия раскола, рассло-

ния общества; здесь я предлагаю решение проблемы дизъюнкции между макро- и микроуровнями. Обычно понятие раскола подразумевает, что между политическими силами в центре и действиями на местах есть связь; таким образом, подразумевается, что между центральными и периферийными силами существует система общих предпочтений. В нашей книге предлагается иной механизм проецирования расколов на национальном уровне на уровень местный, в рамках которого учтена очевидная разобщенность между центром и периферией. Это механизм союзничества, подразумевающий взаимодействие между локальными и супралокальными силами, при котором последние предлагают первым военный потенциал для победы в локальных конфликтах, а локальные силы, в свою очередь, оказывают поддержку центральным, предоставляя необходимые им для ведения войны локальные ресурсы. Таким образом, бесчисленное множество местных конфликтов оказывается связанным с конфликтом более высокого порядка, так сказать, «основным расколом». В перспективе гражданская война по своей сути оказывается интеграционным и государствообразующим процессом.

1.4. Как начинался этот проект

Изначально мне на ум пришла довольно пространная мысль об исследовании процесса поляризации на микроуровне. Я поставил перед собой цель отследить этот процесс, приводивший к радикализации политических объединений и насилию. В начале 1997 г. я записал первые свидетельства со слов жителей Афин (первая беседа состоялась 27 января 1997 г.). Работа над другими проектами позволила мне проехать по Греции и собрать новые свидетельства (летом 1997 г.). Услышанное несколько меня смутило, но я сделал две важные догадки: первая — фундаментальную роль играет динамика на местном уровне, а вторая — насилие проистекает вовсе не из четкости политического самоопределения и не из глубины раскола. Далее, много прочитав и осмыслив, я пришел к необходимости изучения нового независимого параметра: насилия.

В сентябре 1997 г. я получил стипендию Жана Монне и отправился во Флоренцию, в Европейский университет-

ский институт. Эта стипендия прихлась мне не совсем кстати: пришлось прервать едва начавшиеся экспедиционные исследования. Впрочем, перерыв кое в чем пошел мне на пользу: у меня появилась возможность прочесть массу литературы, а также отдохнуть от полевой работы и параллельно изучить накопленные наработки. Притом что мне довелось дважды ненадолго отъехать в Грецию и собрать дополнительные сведения, в основном во Флоренции я занимался тем, что формулировал для себя ключевой вопрос докторского исследования: вариативность насилия на местном уровне. Я разработал программу исследований, выбрал объектом работы события в долине Арголида, изучил обширный теоретический и опытный материал. Выполненная мною в период с 1997 по 1998 г. теоретическая работа впервые получила эмпирическое преломление в статье «Преднамеренно или бездумно? Логика алжирской резни» (“Wanton and Senseless? The Logic of Massacres in Algeria”), опубликованной в 1999 г. в научном журнале “*Rationality and society*”. Как раз в это время я выдвинул первые гипотезы, касающиеся пространственной изменчивости характера насилия.

При чтении и в своих догадках я, конечно же, руководствовался результатами проделанной в Греции работы. Однако тогда, в самый первый приезд, мне не удалось собрать никаких данных о насилии; летом 1998 г. я вернулся в Грецию, отправился в Арголиду и приступил к системному анализу. Помню свое удивление, когда обнаружилось, что открытые мной эмпирические схемы совпали со многими моими теоретическими изысканиями.

Значительную часть своих исследований в Арголиде я провел в период с лета 1998 г. по лето 1999 г.; после этого мне посчастливилось изучить греческие и британские архивы. Летом 2000 г. я вновь приехал в Европейский университет и отправился еще в одну экспедицию, на этот раз в историческую область Алмопия (Меглен) на севере Греции.

Моя работа, однако, была все еще далека от завершения. Имея на руках ключевые данные и теоретические выкладки, я еще довольно долго дорабатывал теорию и оттачивал формулировки, стенографировал свидетельства, выверял и чистил данные, прочитывал по сотне страниц архивного, мемуарного и краеведческого материала. В 2001 г., вернувшись в Чикаго, я начал работать над рукописью, претерпев-

шей ряд изменений. Одна из трудностей состояла в том, что подбор материала слишком необычен с точки зрения принятой в политологии структуры изложения, предполагающей «теоретическую» и «практическую» часть. Добиться сбалансированной подачи материала мне удалось лишь в 2004 г., уже будучи в Йельском университете. Летом 2004 г. книга была отправлена на рецензию — ответы рецензентов были готовы в мае 2005 г. В общем, времени ушло прилично, но не зря.

ГЛАВА 1

Понятия

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отращения к суровости ее стихии упустить из виду ее природные свойства.

Карл фон Клаузевиц, *«О войне»*

Чтобы понять живых... как я понял, нужно было начинать с мертвых.

Салман Рушди, *«Улыбка ягуара»*

В данной главе собраны существующие концепции насилия и гражданской войны. Здесь мы проясняем понятийно-категориальные нюансы, связанные как с первым, так и со вторым понятием. Я обосновываю аналитическую независимость понятия насилия по отношению к понятию конфликта и провожу три ключевых различия: между насилием и насильственным конфликтом, между насилием как результатом и как процессом, а также между насилием в мирное и в военное время.

1.1. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Феномен гражданской войны издавна интересовал представителей самых разных областей научного знания — впрочем, значительно меньше, чем феномен войны межгосударственной. Существуют огромные массивы литературы, в которых прямо либо косвенно (например, при изучении революции, бунта, этнического конфликта) затрагиваются отдельные аспекты гражданской войны: ее начало (Fearon, Laitin 2003; Collier et al. 2003; Sambanis, Elbadawi 2002; Gurr 1980), окончание (B. Walter 1997), социальные предпосылки (Wickham-Crowley 1992; Skocpol 1979), результат (Leites, Wolf

1970), политические и социальные последствия (Sambanis 2000), послевоенное восстановление и переустройство, примирение, послевоенное правосудие (Bass 2000; Nino 1996). Недавний подъем популярности гражданской войны как научной темы связан с общемировой тенденцией перехода от противостояний межгосударственных к внутригосударственным: из 118 вооруженных конфликтов, произошедших в 1989–2004 гг., лишь семь являлись межгосударственными войнами (Harbom, Wallensteen 2005).

Однако до недавнего времени гражданская война почти не удостоивалась отдельного научного рассмотрения (Ranzato 1994); данный термин ученые и наблюдатели употребляют во многих, часто противоречащих друг другу, обстоятельствах. Историки пользуются им для описания дискретных исторических событий и в целом далеки от того, чтобы при анализе гражданской войны как явления выйти за рамки конкретных примеров. В исторической социологии и политологии гражданская война вплоть до недавнего времени воспринималась как частный случай явлений, которым негласно отдавалась приоритетная роль — будь то революция, крестьянское восстание или этнический конфликт. В обиходной речи словосочетание «гражданская война» (в отличие от «революции») несет в себе оттенок жестокости и раскола и часто употребляется в метафорическом смысле для описания самых ожесточенных конфликтов и массовых зверств.

Часто бывает, что гражданскую войну сознательно именуют иначе. Эвфемизмов предостаточно: «волнения», «чрезвычайная ситуация», «ситуация» или же просто «вспышка насилия». Действительно, семантика данного термина нередко представляется не менее спорной, чем собственно описываемый им конфликт, ведь одна сторона всегда стремится признать участие в нем другой неправомерным (незаконным). Так, Гражданскую войну в США одна из сторон именовала «войной мятежников», другая — «второй американской революцией».

В ходе самой войны термин, как правило, используется восставшими: так они пытаются узаконить свое участие в конфликте, власть предрежающие при этом термин отвергают, считая, что против них воюют «мерзавцы», бандиты, преступники, диверсанты или террористы, — соответственно, и вой-

на описывается как акт бандитизма, терроризма, преступной подрывной деятельности и в других подобных терминах⁵. Действительно, отрицание данного термина характерно для всех облеченных властью режимов: левых, правых, авторитарных и демократических (Horton 1998: 11; Ravone 1994). По окончании гражданской войны данный термин употребляется и трактуется в свою пользу ревизионистски настроенными побежденными, которые требуют, чтобы с ними считались; победители же его отрицают и требуют полного исключения проигравших из политической жизни и вообще жизни страны (Bobbio 1992). Работа исследователей в значительной мере испытала на себе побочный эффект данной семантической нестыковки: определения гражданской войны, по крайней мере до последнего времени, чаще всего давались исходя из результатов войны (Price 2001: 33–34).

В нашей работе гражданская война определяется как *вооруженное столкновение, имеющее место в границах признанной суверенной единицы между сторонами, на начало враждебных действий подчиненными общей власти*. Данное определение шире, а с другой стороны — четче предложенных ранее (Sambanis 2004); за рамки данного определения выводятся причины, цели и мотивы. Более точным термином была бы «внутренняя война», однако термин «гражданская война» все же привычнее и употребительнее. Это «вооруженное столкновение» (данное понятие предполагает некоторую организованность каждого из лагерей и определенную насильственность действий), подрывающее авторитет действующей власти, может служить различным целям, но некоторые из них — совершенно определенно политические (Глава 11).

Один из ключевых наблюдаемых нами признаков гражданской войны — насильственное физическое разделение суверенной единицы на соперничающие вооруженные лагеря, де-факто подразумевающее разделение *территориальное*. В момент начала войны противоборствующие лагеря

⁵ Это явно прослеживалось на примере немецкой оккупации СССР в 1942 г.: «Из психологических соображений» вместо „партизан“ говорили „бандит“, и, соответственно, антипартизанские операции именовались не иначе как „по борьбе с бандитизмом“, а про районы, где предполагалось присутствие партизан, объявлялось, что они „наводнены бандитскими формированиями“» (Heer 2000: 113).

подчинены одной власти или правителю (De Lupis 1987: 3; C. Schmitt 1976). Начиная с 1648 г. данная характеристика все чаще применима к власти государственной, однако до того, как гражданские войны приобрели современный характер, они происходили внутри образований «суверенных» или «квазисуверенных», от империй до городов-государств и родовых кланов⁶. Действительно, понятие гражданской войны до 1648 г. фигурирует у историков как аналитическая категория (Porter 1994).

Гражданские войны в истории велись по самым разным причинам, как из-за «доктринальных разногласий и ученых споров» (Hobbes, *Leviathan*, appendix 2: 30), так и в силу разницы в принадлежности (религиозной или этнической), и с целью непосредственного захвата власти (Collier, Hoeffler 1999). Стороны конфликта могут быть объединены или разъединены, могут иметь международное признание или быть непризнанными, могут иметь поддержку внешних сил или опираться на местные ресурсы, могут ставить целью захват государства или его раскол. Однако точнее всего будет сказать, что конфликты, составляющие суть гражданских войн, связаны с тем, что кто-то вооруженным путем пытается внутри страны во что бы то ни стало разрушить монополию на насилие. Вооруженная борьба за суверенитет обычно предполагает взаимоисключающие требования к власти, в результате чего возникает ситуация *разделенного или двойного суверенитета* (Tilly 1978: 191; Trotsky 1965: 224). Можно сказать, что данное понятие восходит к Платону, считавшему внутреннюю войну или «распри» разновидностью войны, при которой за управление [городом] приходится бороться (Republic 521a). Кроме того, Гроций (Grotius, II, 18: 2) указывает на ситуацию, в которой

⁶ Карл Шмидт (Schmitt 1976: 32) пишет об «организованных отрядах», а Боббио (Bobbio, Ranzato 1994: xxvi) об «изоляционистских образованиях». При всей фрагментарности, децентрализованности и пересечениях суверенитета (например, в Средние века в Европе существовали юридически признанные образования — княжества) князья «имели высочайший авторитет и были популярны» (Hale 1971: 8). Иными словами, такой квазисуверенитет в Средние века фиксировался в понятиях территориального владчества и дворянского титула (Davies 2003).

«народ разделен на части столь равновеликие, что трудно понять, к которой из них применимо понятие суверенитета». Разделенный суверенитет позже рассматривался как выходящий за рамки нормы (Rousseau, *Social Contract II*, 2: 3). Как выразился один вьетнамец, «как не бывает двух солнц на небе, так не бывает и двух королей в государстве» (Elliott 2003: 749).

Важный аспект — все участники войны на момент ее начала должны принадлежать к одной суверенной единице (Bouthoul 1970: 447). «Американская революция была по сути гражданской войной», — напоминает нам Шай (Shy 1976: 183) именно потому, что в «пропорции к численности населения в боях во время революции принимало участие столько же американцев, сколько в Гражданской войне». Принадлежность здесь, в отличие от гражданства, понимается как отражение данных стороне обязательств и не подразумевает субъективного соотнесения себя с той или иной стороной.

Размышление о гражданской войне связано с двумя пересекающимися интеллектуальными традициями. С одной стороны, понятие раскола — *stasis* — и разногласий в обществе занимало летописцев в малых независимых государственных единицах, таких как города-государства; с другой стороны, в единицах более крупных, таких как империи, возникали понятия подстрекательства к бунту и самого бунта.

Древние греки проводили самоочевидную связь между понятиями *stasis* и *polis*, понимая *stasis* как «*polis*, внутренне разделенный» (Price 2001: 31). Фукидид (Thucydides 3.69–85), Платон (Republic 470c–b) и Аристотель (Politics V: v–xii) проводят четкое различие между *stasis* и внешней войной⁷. Гражданские войны стали господствующей формой войны и на закате Римской Империи (Brent Shaw 2001) и периодически с тех самых пор наблюдались в Европе. В ходе этих войн имели место межгрупповые конфликты того же рода. Они наблюдались в средневековых итальянских республиках, зафиксированы в сочинениях Марсилия Падуанского, Макиа-

⁷ Впрочем, различие проводилось куда более тонкое: гражданские войны в собственном полисе назывались *diaphora*, а в соседнем характеризовались как *stasis* (Price 2001: 35).

велли и других, а равно и войны против крупных субъектов, таких как поместья, религиозные ордена, города. Гроций (*On the Law of War and Peace II, 19: 4*) проводит четкое разграничение между войнами гражданскими и «иноземными», в то же время Гоббс в «Левиафане» (*Leviathan 13: 8*) утверждает, что целью (и оправданием) появления суверенной власти как раз и является предотвращение гражданской войны: люди находятся в состоянии войны, поскольку не существует «общей силы, могущей держать их в страхе»; то же отмечает и Гроций (*Grotius I, 4: 2*). Действительно, Гроций и ряд других авторов оправдывает ограничения на право сопротивляться законной власти, поскольку итог этого в числе прочего — гражданская война.

Согласно этому определению к числу гражданских войн относится большинство революций, затяжных крестьянских бунтов, «революционных» или этнических восстаний, антиколониальных восстаний и войн против иноземных оккупантов (*Malefakis 1996: 18; C. Friedrich 1972: 37*). С другой стороны, из этой категории исключаются протесты с применением насилия, мятежи, преступность и бандитизм на низовом уровне, поскольку в этом случае суверенитет никоим образом не страдает⁸.

⁸ Во многих работах, посвященных оккупации и антиколониальным восстаниям, делается акцент на аспекте гражданской войны (*D. Anderson 2005; Bouaziz, Mahe 2004; Pavone 1994; Shy 1976*). Гражданская война и переворот различаются: устанавливается определенное пороговое значение по количеству жертв, подразумевается ведение масштабных военных действий. Не все крупномасштабные восстания, происходящие преимущественно в сельской местности, следует называть «крестьянскими бунтами»: так, случаются спонтанные крестьянские восстания, жакерии, голодные бунты и т.п. Данные неорганизованные, нестабильные, анархические, децентрализованные процессы (*Tilly 1978*) недостаточно устойчивы и не длятся долго, а потому не могут представлять для суверенной власти достаточной угрозы. Без вмешательства опытного организатора жакерии, как правило, подавляются (*Marks 1984: 240*). А вот организованные крестьянские восстания, во главе которых оказываются организации, перерастают в гражданские войны и — потенциально — в социальные революции (*DeNardo 1985; В. Moore 1966: 479*). К категории гражданских войн можно отнести и пограничные явления, такие как культурная революция в Китае (*L. White 1989: 308*).

1.2. НАСИЛИЕ

Насилие, даже будучи понятием интуитивным, в понятийном смысле представляет минное поле. Это многогранное социальное явление можно определить довольно широко, совершенно выйдя за рамки насилия физического (Nordstrom, Martin 1992: 8). Некоторые разделяют насилие для сохранения общественного порядка («системное функциональное» насилие) и насилие, его уничтожающее («дисфункциональное» насилие) (С. Friedrich 1972; Sorel 1921); другие под формами «структурного» насилия понимают социальный и экономический гнет (и даже конкуренцию) (Braud 1999; Galtung 1975; Ellul 1969: 86). Наконец, есть те, кто считает, что насилие представляет собой целый набор социальных действий, настолько широкий, что в него включаются и действия, причиняющие душевные страдания (Bourdieu 1977: 191). В этой книге определение насилия сужено до его физического измерения. На базовом уровне насилие — это осознанное намерение причинить людям вред. Далее мне необходимо рассмотреть насилие более узко — в отношении нонкомбатантов и гражданских лиц. В ходе большинства гражданских войн данная категория представляется крайне размытой и является предметом бесконечного юридического и философского спора (Nabulsi 1999; Walzer 1997). Поскольку я занимаюсь динамикой внутри общности, в рамках данной работы буду считать гражданскими лицами всех, кто на постоянной основе не является членом вооруженной группировки, таким образом, в их число попадают разного рода добровольцы и коллаборационисты⁹. Потери среди нонкомбатантов в ходе гражданской войны не всегда носят насильственный характер; к значительным жертвам могут привести голод и эпидемии. Кроме того, бывают жертвы насилия непреднамеренного — так называемые сопутствующие потери.

В данной книге я даю оценку преднамеренным насильственным действиям в отношении гражданского населения. Преднамеренное, прямое физическое насилие может проявляться в разных формах, в том числе в форме мародерства, грабежа, вандализма, поджога, насильственного переселения,

⁹ Определение нонкомбатантам я даю в Приложении В.

похищения, захвата заложников, ареста, избиения, пыток, нанесения увечий, изнасилования, поругания павших. При всем разнообразии форм насилия, которые я привожу в работе, наибольший интерес для меня представляет насильственное причинение смерти, убийство. Как я сказал, убийством насилие не исчерпывается, однако это самая четкая и недвусмысленная его форма, наиболее поддающаяся формализованному измерению (Spierenburg 1996: 63; Vuoue 1990: 255), именно поэтому оно служит первичным показателем насилия в количественных исследованиях (Poole 1995; Greer 1935). Кроме того, по общепринятому мнению, убийство людей представляет свособразный водораздел: «Это необратимый, непосредственный, мгновенный и недвусмысленный способ физического устранения» (Straus 2000: 7); в этом смысле «абсолютным насилием» является смерть (Sofsky 1998: 53).

1.2.1. Насилие, конфликт, война

Насилие нередко преподносят как синоним родственных, но все же самостоятельных понятий конфликта, революции или же войны. Таким образом, большинство употреблений словосочетания, скажем, «этническое насилие», соответствует не определенному типу насилия во время того или иного конфликта, а этническому конфликту или войне как таковым. Однако конфликты, войны и революции представляют собой явления, однозначно не сводимые к крупномасштабному насилию. И наоборот, насилие, как замечает Ханна Арендт (Arendt 1970: 19), есть «полностью самостоятельное явление», которое не следует уравнивать с ему родственными. Ей вторит Дэвид Горовиц (Hogowitz 2001: 475), отмечая, что «есть веские основания рассматривать конфликт и насилие по отдельности». Очевидно, что насилие есть «порождение» войны, однако значительная часть насилия на гражданской войне совершается вовсе не традиционными военными средствами, а кроме того, происходит не на поле боя. Более того, оказывается, что существует зависимость между масштабом конфликта, измеряемым величиной сил и совершенством применяемого оружия, и размахом насилия (Harkavy, Neuman 2001: 230). Более того, на территориях, где происходит один и тот же конфликт, масштабы насилия могут существенно варьироваться. Таким образом, насилие следует аналитически

отделить от понятия войны, точно так же, как мы разграничиваем устоявшиеся понятия *jus ad bellum* (право начать войну) и *jus in bello* (правомерное ведение войны).

В этой книге насилие выступает одним из центральных понятий для анализа. Аналитическое разграничение гражданской войны и насилия в ходе гражданской войны — это и гипотеза, и ключевой вывод данной работы. Причины насилия на гражданской войне несводимы к причинам гражданской войны как таковой; аналогично теория гражданских войн и теория насилия на гражданской войне — это две разные теории¹⁰. В то же время представленная здесь теория насилия совместима с самыми разными концепциями начала войны: что послужило отправной точкой — была ли это массовая скорбь или просто удобный случай, — не имеет значения. Если проще, гражданская война способна открыть ящик Пандоры, внутри которого — насилие.

1.2.2. Насилие как результат и как процесс

От наблюдения о том, что политическое насилие осуществляется очень малыми группами людей (Mueller 2004; Valentino 2000: 21–25), мы логически приходим к предположению о том, что большинство граждан в нем не участвует (Valentino 2000: 2); им в лучшем случае о происходящем ничего не известно, а в худшем они оказываются пассивными наблюдателями. Точно так же, как убийца старается не замечать в жертве человеческих черт (Toolis 1997: 126), люди настойчиво убеждают себя, что насилие на гражданской войне носит безличный характер. Но вопрос не только в эмпирической точности таких убеждений, вопрос в том, что в их рамках стирается различие между насилием как результатом и насилием как процессом.

Хотя политологи и историки стремятся категориально подчинить насилие насильственному конфликту, многие антропологи, активисты неправительственных организаций и журналисты все чаще трактуют насилие не как процесс, а как результат, тем самым выводя его как объект исследо-

¹⁰ Следовательно, некорректно проверять теории начала гражданской войны при помощи показателей насилия — например, такой зависимой переменной, как количество жертв (Murshed, Gates 2005)

вания в абстракцию (Appadurai 1996). Рассматриваются конкретные примеры насилия, при этом за рамки рассмотрения выводятся сложные, часто неочевидные ненасильственные действия и механизмы действий, их предвосхищающих и из них вытекающих. Часто описание насильственных действий, совершенных недавно, сопровождается отсылками к древней истории, при этом период между двумя эпохами опускается. Часто при описании гражданских войн, как и при описании балканских междоусобных распрей, авторы не пытаются «провести связь между одним и другим эпизодом. Каждый случай рассматривается изолированно во времени и пространстве. Не пытаются эти авторы и дать объяснение диспропорции, которая обнаруживается там, где связь между причиной и действием вроде бы очевидна» (Black-Michaud 1975: 34). Кроме того, не изучается или практически не изучается биография жертвы до и после того, как разразилось насилие (Binford 1996: 5). Этот взгляд предполагает (и пропагандирует) идею расколотого надвое мира, который населяют лишь преступники и их жертвы; сюда же примешивается искаженное понимание жертвенности и вины как категорий взаимоисключающих (иными словами, жертва не бывает виновной). Ивон Греньер (Grenier 1999: 2) по поводу книг, посвященных латиноамериканским восстаниям, замечает, что в них «живут лишь женщины, дети и старики», и это также отмечается в отношении описаний других гражданских войн (Сенагто 2002: 67; Brovkin 1994: 5). Обычно из рассмотрения выпадает большое «серое пятно» — люди, участвующие в процессе насилия разными способами, но не включенные в его результат — ни в качестве преступников, ни в качестве жертв. Можно сделать промежуточный вывод о том, что граница между нападающими и жертвами размыта: вчерашние жертвы завтра оказываются в рядах нападающих, и наоборот (Joshi 2003: xiii; Chang 1992: 498). Женщины и дети, которым традиционно приписывается роль жертв, обычно активно и добровольно участвуют в деятельности самого разного рода, в том числе в военных действиях (Peterson 2000: 112). Цветан Тодоров (Todorov 1996: xvi–xvii) рассказывает, как при более тщательном изучении кровавых событий, произошедших во французском городе Сент-Аман-Монрон летом 1944 г., он был вынужден начать искать недостающее звено, после чего пересмотрел свой взгляд на эти события:

Мало-помалу я начал понимать, что у рассматриваемой мной бойни, произошедшей в определенное время в определенном месте, были свои причины: она явилась кульминацией событий не менее драматических, произошедших тем же летом. Уже скоро я почувствовал, что прочитанного мной скудного количества работ по различным эпизодам этой истории мне явно не хватает. Заручившись поддержкой приятеля, местного жителя, я решил начать собственные поиски и поговорить с людьми, пережившими те события и ставшими их свидетелями. Мне попало несколько неопубликованных рукописей. Я прочел все ежедневные и еженедельные газеты того времени, несколько дней сидел в национальном архиве и архиве департамента, кропотливо расшнуровывая пыльные папки. Бросить дело я уже не мог... Прочитав о [судьбе главных действующих лиц], я пришел к твердому убеждению, что, рассуждая об этом периоде, нельзя опираться лишь на сакральные жизнеописания «победителей» (что было бы в самый раз по случаю официальных торжеств), а равно и наоборот, нельзя систематически принижать их заслуги. То же справедливо и по отношению к «побежденным». Так мне удалось отойти от черно-белого восприятия мира и выделить ряд ситуаций и даже конкретных поступков, каждый из которых требовал отдельного, независимого анализа.

Если подходить к насилию как к динамическому процессу, то открывается возможность для изучения последовательности решений и событий, которые в своей совокупности приводят к порождению насилия, а также для изучения иных неочевидных действующих лиц, принимающих участие в этом процессе и фундаментальным образом его формирующих.

1.2.3. Насилие в мирное и военное время

Если исследователи гражданских войн прежде часто игнорировали насилие, то исследователи «политического насилия» — понятия широкого и неточного, охватывающего почти все, от студенческих беспорядков до геноцида, — всегда стремились отделить это понятие от гражданской войны. Данная область исследований часто пересекается с социологией социальных движений — в частности, с «состязательной политикой», куда также относят разнообразные

явления, от ненасильственных коллективных выступлений до спорадического насилия (Tagtow 1994). В данной работе насилие понимается «либо как не представляющее проблемы расширение обычных для социальных движений процессов, либо, наоборот, как патологический эффект состязания или спада, имеющего место в социальных движениях» (Seideman 2001: 2).

Если понятие насилия в рамках состязательного действия сплавляют с понятием насилия на гражданской войне, то подразумевается, что исследователь не признает разницы между войной и миром как радикально противоположными обстоятельствами, в рамках которых насилие по-разному осуществляется и по-разному сдерживается. Разумеется, есть много общих механизмов, которые действуют и в тех, и в других обстоятельствах (Tilly 2003); в то же время отличаются способы активации данных механизмов, а равно и последствия. Самое очевидное отличие в том, что в мирное и военное время по-разному формируются и выражаются политические предпочтения; наконец, в военное время значительно выше ставки.

Различие между насилием в мирное и военное время, конечно же, в масштабах. Количество погибших во время всех известных ученым выступлений и протестных кампаний ничтожно мало по сравнению с количеством погибших во время вооруженных восстаний (Gurr 1986: 52). Даже терроризм по своим масштабам порождает меньше насилия, чем гражданская война (Guelke 1995). Так, на Шри-Ланке — в государстве, которое по роковому стечению обстоятельств захлестнули и демонстрации протеста, и гражданская война, отмечалось значительно большее количество жертв в ходе последней.

Куда более важным представляется то, что разница между насилием в мирное и военное время отличается по своему характеру. Владимир Бровкин (Brovkin 1994: 419), говоря о гражданской войне в России, замечает, что «гражданская война превратила в обыденность немыслимые вещи... На смену обычной политике пришла политика войны». Структура принятия решений во время войны, а равно выбор действующих лиц, радикально отличаются от тех же в мирное время, даже если этот мир насаждается силой. Как замечает один из бывших греческих повстанцев, «вооруженное проти-

востояние не похоже на забастовку. Во время забастовки ты терпишь поражение один раз, и два, и три и продолжаешь жить. А избрав путь вооруженного восстания, ты ставишь на кон все, что имеешь» (Papakonstantinou 1986 1: 583). Состязательные действия представляют собой угрозу для действующего правительства в обстоятельствах, характеризующихся наличием у государства неоспоримой монополии на насилие. Что касается гражданской войны, то с ней ситуация обратная: у государства такой монополии нет. В условиях демократии состязательное действие отличается от восстания каузативно: состязательное действие крепнет при наличии политических возможностей, а восстание чаще происходит в случае их отсутствия (Goodwin 1999); по крайней мере, на этнически разнородных территориях динамика волнений и демонстраций в точности противоположна той, которая наблюдается во время бунта (Bates 1999). В отличие от гражданских войн, волнения — явление преимущественно городское (Varshney 2002: 10; С. Friedrich 1972: 70), оно практически не влечет за собой ответных действий (Horowitz 2001: 224) и на него оказывают большое влияние институциональные (часто связанные с выборами) стимулы (Wilkinson 2004), а заметным катализатором выступает фактор анонимности участников, действующих толпой. Во время беспорядков и гражданской войны соотношение преступников и жертв — обратное: в первых принимает участие большинство, а случайные жертвы при этом составляют меньшинство. Тогда как в случае с гражданской войной на преступление осознанно идет меньшинство, а несчастными жертвами в данном случае становится большинство. На Шри-Ланке после начала гражданской войны начали происходить реже и вскоре совсем сошли на нет волнения на этнической почве; в индийском штате Пенджаб в период с 1984 по 1994 г. во время сикхского восстания беспорядков не наблюдалось (Horowitz 2001: 482–485). Таким образом, прав Варшни (Varshney 2002: 11), утверждая, что теория гражданских войн должна быть «аналитически отделена» от теории гражданских беспорядков. Это справедливо даже в отношении тех беспорядков и погромов, которые происходят во время войны (Petersen 2002). Схожим образом соотносятся друг с другом война и геноцид: перед нами два явления, зачастую происходящие вместе, но изучают их обычно по отдельности.

1.3 РАМКИ ИЗУЧЕНИЯ

Имеющиеся примеры осмысления политического насилия в качестве объекта исследования разнятся в зависимости от применяемых критериев: масштаба насилия — массовые убийства; массовые преступления; резня (Verwimp 2003; Valentino 2004; Semelin 2000; Levene 1999), формы и метода осуществления — волнения, погромы, расправы (Wilkinson 2004; Varshney 2002; Geyer 2000), мотивов нападающих (Straus 2000; Fein 1993) или специфических для конкретного разбираемого примера исторических и социальных предпосылок (Browning 1998).

Таким образом, необходимо точно очертить рамки изучения проблемы. В этой книге поле для анализа определяется двумя ключевыми признаками насилия, а именно — его целями и способами осуществления.

1.3.1. Цели насилия

Для политических сил насилие есть способ достигнуть многочисленных, пересекающихся между собой, а порой и противоречащих друг другу целей. В различных работах выделяется более двадцати поводов применения насилия: например, запутывание, деморализация, поляризация, демонстрация, радикализация населения, создание общественного резонанса, подъем морального духа определенной общности людей, установление контроля или освобождение от него, мобилизация сил и ресурсов, финансирование, устранение противостоящих сил, санкции за сотрудничество с врагом, провоцирование контрмер и репрессалий (Novil, Werker 2005; Schmid 1983: 97–99, Mallin 1966: 59, Molnar 1965: 169). Возможно также применение насилия без какой-либо четко определенной цели; порождением войны может быть насилие, полностью независимое от намерений основных действующих лиц и возникающее как побочный продукт их действия — таковы мародерство и различные формы возмездия. В общем, такое изобилие разнородных целей серьезно затрудняет анализ.

Именно поэтому сначала надо разобраться с насилием, за которым не стоит какой-либо конструктивной цели. Считается, что насилие такого рода является импульсивным

и вспыхивает тогда, когда его применение ограничено «строго потребительской выгодой от нанесения урона врагу или от уничтожения ненавистного символа» (Rule 1988: 190). Такое экспрессивное насилие также часто называют бесцельным, беспорядочным, нигилистическим, и оно часто совмещается с т.н. насилием на почве «самоопределения» или «межрелигиозной почве», иначе говоря, обращенным против людей в соответствии с тем, что они из себя представляют. Такое понимание насилия сегодня преобладает в тех источниках, где делается упор на аспект безумства насилия (Rosenberg 1991), и прослеживается во многих научных работах, где подчеркивается непоследовательный, символический, ритуальный и в целом нецелевой характер насилия (Mahmood 2000: 74–81; Geyer 2000: 201; Crouzet 1990; Davis 1973).

Случаи интерпретации насилия как экспрессивной мотивации прослеживаются и в показаниях жертв: «Они убивали одного лишь убийства ради — набрасывались на жертву, словно бешеные псы» (Tarnopolsky 1999: 52).

Индивидуальные мотивации насилия также могут быть — и часто бывают — экспрессивными (Petersen 2002; Horowitz 2001: 123). Так, настоящий кладезь экспрессивного насилия — греческая трагедия: в ней причинами жестокости становятся *orge* (гнев), *eris* (раздор) или *phthonos* (зависть) (Bernand 1999). Важность экспрессивных мотиваций признается и в ходе криминологического расследования: большая часть убийств, совершаемых не с целью наживы, имеет отнюдь не инструментальную мотивацию, ориентированную на средство-цель, а осуществляется без учета последствий (J. Katz 1988). Многие описания насилия в ходе гражданской войны явно лишены всякой инструментальной нагрузки и хорошо вписываются в экспрессивный шаблон. Для примера рассмотрим в паре воспоминания, касающиеся гражданских войн в Испании и в Ливане:

Позже они застрелили Сатурнино, а с ним еще 36 человек, в отместку за гибель сына гвардейца на фронте... Отец, узнав о смерти сына, отправился к тюрьме Торо и начал показывать на каждого, хотя никого из них не знал: «Вот этот, этот, этот!» Так и расстреляли 36 человек (Sender Barayon 1989: 162–163).

Мы направляемся напрямиком на бойню... она всего в паре кварталов за вашим домом. Там еще пустырь, знаете? И вот туда Халаби, мясник-мусульманин, у которого похитили сына, стакивает трупы христиан-маронитов. Так он мстит! Лучше туда не ходить (Tabbara 1979: 64–65).

Однако, если делать основной акцент на экспрессивной мотивации, возникают определенные трудности. Оказывается не просто доподлинно и с приемлемым уровнем точности определить индивидуальные мотивы, стоящие за насильственными действиями (Tilly 1975: 512). Не следует пытаться дедуктивным путем вывести мотив из поведения, как и заменить свидетельства политически мотивированными формулировками — как в случае с «преступлениями на почве нетерпимости» (Rothstein 2005: E3): возникает проблема наблюдательной эквивалентности, поскольку одно и то же действие согласуется с несколькими мотивациями. Более того, типична ситуация, когда мотив подвержен (стратегической или бесхитростной) повторной интерпретации и пострационализации со стороны субъекта. Даже если намерения полностью выявлены, они оказываются разношерстными и часто противоречат друг другу. Так, среди индивидуальных мотиваций насилия может оказаться ненависть (самого разного рода), воздействие среды (Browning 1992), выполнение чужой воли (Milgram 1974), честь, ритуалы и коллективные фантазии (Nahoum-Grappe 1996; Zemon Davis 1973), алчность (Paul, Demarest 1988), месть (Frijda 1994) или садистские поползновения; причиной этих действий также может стать употребление алкоголя (Tishkov 2004: 139; G. Jones 1989: 124) или наркотических средств (Aussaresses 2001; Peters, Richards 1998). Существует тенденция усложнять вещи, являющаяся следствием фундаментальной ошибки атрибуции. Эта тенденция свойственна некоторым наблюдателям: они строят свои умозаключения о долговременной привязанности людей исходя из их поведения, которое на самом деле объясняется ситуацией, в которой они оказались (Gilbert, Malone 1995).

Совершенно очевидно, что данные проблемы имеют место в отношении мотивов всех типов — как инструментальных, так и неинструментальных. Однако многие наблюдатели тяготеют к предвзятым трактовкам, в которых подчеркивается

именно экспрессивный мотив. Так, например, некоторые наблюдатели на скорую руку объяснили вспышку насилия между даяками и мадурцами в индонезийской провинции Западный Калимантан необходимостью исполнения древнего ритуала охоты за головами. Другие посчитали, что данная вспышка насилия стратегически укладывалась в ход конфликта (Peluso, Nagwell 2001). Посмотрим, что писал по схожему поводу Марио Варгас Льоса (Llosa 1994: 428): «Я набрасывал речь... вдруг до меня долетела весть о том, что в Авакучо убит наш предводитель, Хулиан Хуамани Яули. Его убийство — пример тупой бессмысленной жестокости, которой отличается стратегия террористов, поскольку оно совершенно не в ответ на насилие, эксплуатацию, притеснение со стороны скромного и в прошлом аполитичного Хулиана Хуамани, а просто с целью запугивания преступным методом всех, кто надеялся, что судьбу Перу решат выборы». Варгас Льоса в данном случае лукавит (как это часто бывает): в своей формулировке он игнорирует совершенно очевидный инструментальный характер этого убийства — хотя сам же ниже его признал — и описывает его как иррациональное действие.

Как полагал Сенека, «никто не проливает кровь человеческую просто так — во всяком случае, таких немного» (Grotius II, 22: 2). И действительно, если разобраться, то экспрессивная мотивация встречается реже, чем зачастую кажется. Людям, вовлеченным в процесс порождения политического насилия, обычно не свойственны «крайние», «радикальные» черты характера, часто соотносимые с экспрессивным насилием. Во многих исследованиях, объектом которых служили совершавшие насилия лица, обойдены вниманием патологические черты (Kakar 1996; Della Porta 1995), тогда как в других отмечается, что ритуализация насилия часто служит инструментальным целям (Richards 1996: хх; Schroeder 1996: 432). Если делать акцент на экспрессивном насилии, то в итоге возникает двойная путаница: между индивидуальной и коллективной мотивацией, а также между дескриптивной и каузальной оценкой. В спорах вокруг экспрессивного и символического аспекта насилия обычно затрагиваются мотивации коллективных действующих лиц (например: почему хуту нападали на тутси), но на деле имеет место лишь простое описание способа применения индиви-

дуумами насилия (например, как некоторые из тутси нападали на хуту). Возьмем в качестве примера обсуждение случаев каннибализма, совершенного в ходе гражданской войны в Либерии; Эллис (Ellis 1995: 193) отмечает, что «наблюдение о том, что в насилии такого рода присутствует "ритуальный элемент", не подразумевает, что способ ведения военных действий у ополченцев также носит ритуальных характер». Инге Бринкман (Brinkman 2000: 2, 14), рассказывая об опрошенных ей очевидцах — ангольских беженцах в Намибии, отмечает, что, с их точки зрения, применение насилия на этой гражданской войне бессмысленно и абсурдно «и, кажется, недоступно пониманию»; однако, как пишет она ниже, информанты были абсолютно убеждены, что целью такого насилия было поселить в людях страх, парализующий, всеохватывающий. Ей говорили: «Они это все делают, чтобы запугать». Точно так же в Мозамбике насилие принимало характер часто садистский, нередко нападавшие входили в раж под действием наркотиков, в то же время есть свидетельства, что насилие в данном случае «было не спонтанным, а скоординированным, системным» (Vincent 1994: 87).

Вообще, индивидуальная мотивация неспособна перерасти в крупномасштабное долговременное насилие. Карательная политика нацистов на оккупированных европейских землях проводилась централизованно, при том, что исполнителями часто становились младшие офицеры с садистскими наклонностями и откровенные мерзавцы (Heeg 2000; Mazower 1993). Конечно же, есть возможность наложить инструментальные действия на экспрессивные, соединив стратегическое поведение вождей и экспрессивное поведение их последователей (May 1991: 253; Coleman 1990: 483). В отличие от беспорядков, обстоятельства гражданской войны предполагают значительное смещение акцента на организацию, таким образом мы вынужденно трактуем такое насилие как инструментальное.

Насилие может применяться с целью уничтожения определенной группы или установление контроля над ней (Semelin 2000; E.Walter 1969: 14). В нашей работе основное внимание уделено последней категории случаев, обозначаемой как «коэрцитивное» насилие. Хотя методы, используемые для достижения покорности и физического уничтожения, могут быть сходны, речь идет о двух разных целях. Различие

между ними можно провести очень просто. Нужно задаться вопросом: имеется ли хотя бы одна политическая сила, которая хотела бы управлять населением, против которого осуществляется насилие. Эмпирический показатель такого намерения — наличие у жертв насилия возможности сдаться. Если во время гражданской войны разворачивается программа помилования, то она, как правило, служит катализатором для перехода повстанцев в другой лагерь, дает возможность гражданским лицам сохранить свою жизнь и даже получить награду за присоединение и сотрудничество с другой стороной. Тогда как при геноциде сдача жертвы в плен не препятствует ее убийству, а, наоборот, его упрощает (Fein 1993: 21). Физическому уничтожению в аналитическом плане родственен процесс массовой депортации, именуемый иногда «этнической чисткой».

Когда главной целью насилия является контроль над населением, то насилие превращается не столько в конечный продукт, сколько в ресурс (Gambetta 1993: 2). Насилие данного типа предполагает аналитическое разграничение между жертвами и целью насилия (E.Walter 1969: 9). Если кто-то истязает малолетнюю девочку, желая получить сведения о чем-либо еще местонахождении, то ребенок — одновременно и жертва, и цель. Однако если ее истязают с тем, чтобы заставить ее отца говорить о местонахождении искомых людей (неизвестном девочке), то жертва насилия в данном случае — отец, а девочка — его цель; у отца есть выбор — соглашаться или не соглашаться сотрудничать, у ребенка же этого выбора нет (O'Neill 1991: 172–173). Если вкратце, цель насилия — сформировать у определенной целевой группы необходимое поведение, изменив ожидаемую ценность определенных действий. Иными словами, насилие выполняет коммуникационную функцию, в которой явно прослеживается аспект сдерживания — в полном соответствии с популярным описанием гражданской войны как периодом страха и террора (Senaratne 1997: 145). Словами Троцкого (Trotsky 1961: 88), «революция... убивает единицы, устрашает тысячи» — данная мысль также содержится в китайской поговорке: «убей одного, напугай тысячу». Мао Цзэдун призывал наносить «удар по предателям и пособникам, подрывающим силу армии и народа» (Heilbrunn 1967: 145), а Че Гевара оправдывал (Guevara 1998: 91) индивидуальный террор как

средство предотвращения информационных утечек. В работе Гроссмана (Grossman 1995: 207) есть эмфатическое высказывание о том, что «одно из явных и страшных преимуществ учинения зверств заключается в том, что люди напуганы до смерти. Ужас и варварство в перевозданном виде, являемое теми, кто убивает и пытается, приводят к тому, что люди пускаются в бега, прячутся, беспомощно сопротивляются, а чаще всего реагируют немой пассивностью». Следует, однако, отметить, что коэргитивное насилие не всегда носит массовый характер. Действительно, при грамотно организованном терроре уровень насилия крайне низок, поскольку насилие лежит «вне равновесной траектории». Принуждение терпит крах в случае, когда объект, который требуется подчинить, просто уничтожается.

Коэргитивное насилие может быть одновременно стратегическим и тактическим. Тактический характер проявляется тогда, когда в качестве цели выбирается индивидуум, нападение на которого поможет предотвратить определенный риск (например, информационной утечки), однако применение такого акта насилия с целью предотвращения вовлечения остальных в подобное поведение — это уже стратегия. Повстанцы-контрреволюционеры в западной Франции направляли насилие против тех, кто сообщал солдатам-республиканцам сведения об их передвижении; на окраину республиканских городов они подбрасывали изуродованные тела, подвешивая на шею убитым доносчикам табличку с его именем, а также именами тех, за кого отомстили; таким образом они пытались «преподать урок, чтобы другим было неповадно» (Dupuy 1997: 161). Коммунист Мартын Лацис, один из красных командиров, полагал, что следует не только уничтожать силы противника, но и демонстрировать, что тот, кто посмеет поднять меч против существующей классовой диктатуры, от меча и погибнет (Werth 1998: 85). В Колумбии стали привычными массовые казни предполагаемых пособников врага: «Если подослать убийцу, днем или ночью, то коллаборационистский потенциал сходит на нет, и вопрос закрывается сам собой, а местному населению отправляется сигнал, ясный как день: те, у кого в руках оружие, таких действий не потерпят» (Fichtl 2004: 5). Рассмотрим следующее описание убийства, совершенного Ирландской республиканской армией: «Флуд был орудием специальных констеблей

Ольстера; его смерть помогла защитить ИРА и предотвратить появление других потенциальных информаторов» (Toolis 1997: 202). Если сформулировать иначе, коэртитивное насилие оказывается ретроспективным в своем намерении осуществить возмездие за уже состоявшееся действие и перспективным в плане сдерживания подобных действий с чьей-либо стороны в будущем¹¹.

Даже при поверхностном изучении свидетельств обнаруживается стратегический характер насилия в обстоятельствах гражданской войны. Рассмотрим следующие примеры. Зимбабвийский крестьянин организовал убийство человека, сотрудничавшего с правительственными войсками, сообщив партизанам, что «они лишь хотели показать [народу], что все в их власти и они могут посеять страх, так чтобы никто не повторял ошибки» (Kriger 1992: 156). В Перу «с самого начала, не обладая даже инфраструктурой вооружений, группировка "Сияющий путь" умудрялась держать в страхе оппозицию, вселять в своих противников страх, однажды показав, как можно превосходящими силами разгромить противника» (Del Pino 1998: 168). Джеффри Рейс (Race 1973: 135) слышал лично, что «целью террора вьетконговцев было посеять страх». Войдя в одну деревушку, они выбирали двух человек, объявляли американскими пособниками и расстреливали, чтобы другим было неповадно... После нескольких подобных убийств деревушку сковывал страх, и вьетконговцам не составляло труда склонить жителей к сотрудничеству». Британский разведчик, работавший в оккупированной немцами Греции, в своих донесениях 1944 г. подчеркивал тот же самый аспект в насильственных действиях, осуществляемых партизанами: они прекрасно разбирались в психологии «идеальных зверств»... Создавалось ощущение, что у них отработанная схема: выбрать одного, чья смерть или исчезновение послужила бы для остальных стимулом к той или иной степени покорности и помощи партизанам в их деле»¹².

¹¹ Полагаю, такое правило справедливо для всех юридических систем.

¹² См. "Report by Cpl Buhayar", PRO, HS 5/698. См. также: Toolis 1997: 81 (по Северной Ирландии), Senaratne 1997: 121 (по Шри-Ланке), Kheng 1983: 180 (по Малайе), Ortiz Sarmiento 1990: 190 (по Колумбии).

Осуществляющие насилие лица и их жертвы часто сами признают, что эти меры применяются в целях сдерживания. Запись в дневнике алжирца гласила: «29 ноября 1956 г. Всякий раз, когда казнят предателя или кого-то, обвиненного в предательстве, уцелевших охватывает страх. Никто не может быть уверен ни в чем. Люди напуганы. Боятся солдат, боятся мятежников» (Fegaoun 2000: 155). В 1928 г. один никарагуанский либерал писал о насилии, которое учинили консервативные силы, что «все злочинства совершаются бандитами-консерваторами в расчете на то, чтобы посеять страх среди либералов». Михаэль Шредер (Schroeder 2000: 38), приводя в своей работе эту цитату, приходит к выводу, что «фундаментальной целью всех политических группировок было вселение страха (*para infundir terror*). Этот аспект также согласуется с методами убийства, часто принимающими самые причудливые формы — например, трупы подбрасывают в общественные места или набивают рот жертвы банкнотами в знак того, что принимать у противоборствующей стороны наличные деньги не следует даже и пытаться (Dalrymple 1997: 123; Crozier 1960: 163). Часто в тех же целях людей уродуют: получается «живой пример» (Leites, Wolf 1970: 106). В Сьерра-Леоне «жителям деревень отрезают руки и пальцы; разрушив деревню и искалечив человека, можно донести политическое послание в куда более внятной форме, чем в радиообращении» (Richards 1996: 6). Выходит, что эти леденящие душу случаи насилия часто обнаруживают под собой стратегические расчеты. Антрополог Пол Ричардс (Richards 1996: 181), изучавший ход гражданской войны в Сьерра-Леоне, считает, что «если это учитывать, то можно понять обстоятельства той на первой взгляд бессмысленной жестокости, которую проявляли по отношению к жертвам Обединенного революционного фронта». Уильям Финнеган (Finnegan 1992: 58), американский журналист, приходит к аналогичному выводу: многие массовые убийства, совершенные боевиками в Мозамбике (и воспринятые плохо осведомленными местными жителями как примеры нелепой жестокости), были затеяны с целью донести до местного населения то или иное послание.

Притом, что коэргитивное насилие в разных исторических обстоятельствах развивается по отчасти схожей логике, у него есть свои особенности, обусловленные целью примене-

ния и местными условиями. Так, в качестве цели могут быть выбраны местные граждане или же люди слабые или маргинальные; интенсивность таких убийств также разнится. Один северный ирландец, мелкий вор, вспоминает, как отказался выполнить приказ ИРА покинуть страну и это стоило ему неприятностей (Smyth, Fay 2000: 124): «ИРА обвинила меня в том, что, если бы я не отказался им подчиниться, другие бы не последовали моему примеру. А до моего поступка никто не смел им возразить».

Подытоживая тему, скажем, что насилие в ходе гражданской войны может выполнять самые разные функции, однако центральной из них является инструментальное применение насилия в целях подчинения себе людей. Нельзя сказать, что этой функцией насилие ограничивается, однако с учетом того, насколько эта тема на данный момент проработана, имеет смысл остановиться именно на этой функции.

1.3.2. Порождение насилия

Насилие может порождаться в порядке одностороннем (одной силой — как правило, государством) или двустороннем/многостороннем (двумя или более соперничающими силами). Основное отличие между одно- и многосторонними сценариями заключается в том, что в последнем случае ключевую роль играет стратегическое взаимодействие. Когда у населения есть возможность примкнуть к противоборствующим силам или оказать им помощь, то нужно учитывать его реакцию на насилие, поскольку она играет решающую роль с точки зрения исхода конфликта. Поскольку проправительственные войска, призванные охранять деревушку Дук-Лап в Южном Вьетнаме, обошлись с ее жителями недостойно, они все перешли на сторону вьетконговцев, которые «им не досаждали» (Ellsberg 2003: 131). Житель Мозамбика вспоминал (Nordstrom 1997: 9): «Знаете, когда имеет место одна сила, она может творить, что ей вздумается. Ситуация непростая, они могут разбрасываться властью, заставлять людей идти против воли, в том числе и применяя насилие. Если сил две, то у людей есть выбор. Каждой силе приходится вести себя более ответственно, чем противоборствующая, иначе люди скажут, мол, с нами так нельзя, вы неспособны нас защитить, мы перейдем к другим».

Суммируя цели и порождение насилия, мы выделяем четыре идеальных типа массового политического насилия: государственный террор, геноцид и массовое переселение, насилие в ходе гражданской войны и, наконец, еще один тип, который, за неимением лучшего термина, мы назовем «взаимное уничтожение» (таблица 1.1). Не предполагается, что эти категории охватывают весь спектр отклонений, наблюдаемых в реальной жизни, однако они удобны в определении границ предмета данного исследования¹³.

¹³ Государственный террор может осуществляться по квазимногостороннему принципу — государственными органами, конкурирующими между собой; он может преследовать одновременно цели подчинения и уничтожения: одна группа целенаправленно уничтожается для того, чтобы держать в страхе все остальные. Антиповстанческие кампании, начатые с целью восстановления правительственного контроля над удерживаемыми повстанцами территориями, могут перерасти в насилие геноцидного типа; правительства, такие как аргентинская хунта, могут под предлогом ведения гражданской войны оправдывать репрессии. Марголин (Margolin 1999) доказывает, что индонезийское правительство, тысячами истреблявшее коммунистов, стремилось не столько физически уничтожить, сколько запугать. С этой точкой зрения не согласен Герр (Gurr 1986: 47). В работах (Diaz-Balart, Friend 1997: 15) насильственные действия, осуществляемые испанскими националистами в ходе гражданской войны, характеризуются как нацеленные как на запугивание, так и («нередко») на уничтожение. Схожее утверждение находим: Ranzato 1988; de la Cueva 1998; авторы утверждают, что преследования республиканцами католического духовенства в ходе той же войны свидетельствуют о намерениях подчинить себе националистов, в основном принадлежавших католической церкви, и о желании уничтожить как можно больше священников просто в силу наличия сана. Во время Гражданской войны в России жертвами белого террора стали, в том числе, евреи (Figes 1996); красные добивались полного искоренения («всех до последнего») определенных групп — например, казаков (Brovkin 1994: 103). Во время оккупации Польши нацисты в равной мере ставили целью уничтожить польскую элиту и эксплуатировать массы (Jan Gross 1979: 76). И все же данная типология вполне применима для разграничения различных процессов, протекающих в одном месте в одно время: так, на Украине нацисты применяли различные методы против партизан и против евреев; в Руанде убийства коснулись как тутси, так и хуту, но насилие носило четко специфический характер в зависимости от того, на какую этническую группу оно было направлено (Verwimp 2003).

ТАБЛИЦА 1.1
Типология массового политического насилия

Цели насилия: политический деятель намеревается получить управление целевой группой населения		
Организация насилия	Да	Нет
Односторонний	Государственный террор	Геноцид и массовая депортация
Двусторонний (или многосторонний)	Насилие в обстоятельствах гражданской войны	Взаимное истребление

В существующих определениях *государственного террора* прослеживаются нестыковки (Mitchell et al. 1986: 5). В 1578 г. один испанский инквизитор утверждал следующее: «Нам надлежит помнить, что главная цель суда и казни не спасти душу обвиняемого, но добиться общественного блага и поселить страх в иных» (Kamen 1998: 174)¹⁴. Ключевой признак государственного террора — его направленность против населения, не имеющего организованного альтернативного варианта; возможно, этим и объясняется его периодическая избирательность. В работе Чанга (Chang 1992: 218) находим описание того, как маоистская «антиправая» кампания 1957 г. послужила причиной появления псевдоправых самого разного толка: «правых по жребью» — определяющих принадлежность к правым чуть ли не по вытянутой спичке, «туалетных правых» — тех, кого обвинили в принадлежности к правым в силу того, что они подолгу отлучались с совещаний в уборные, и правых, «имеющих яд, но не применивших», — речь о тех, кого записали в правые просто потому, что они ни разу против правых не высказывались. Пшеворский приводит советский анекдот (Przeworski 1991: 47): «Встречаются трое в ГУЛАГе. Один спрашивает: “За что сидишь?” — “Я был против Радека”. — “А ты за что?” —

¹⁴ Камен (Kamen 1998: 174) также пишет, что «прибытие инквизиции в тот или иной город само по себе предполагалось как акт устрашения. Публичная деятельность Святого отдела расследований еретической греховности имела под собой принцип, общий для всех систем охраны правопорядка: страх — лучшее средство сдерживания».

“А я был за Радека”. Поворачиваются к третьему, который все это время молчал: “А ты что же?” — “А я и есть Радек”»¹⁵.

Геноцид — деятельность продуманная, целенаправленная и спланированная из единого центра. Цель геноцида — не принуждение, а уничтожение. В основе этого явления лежит «целенаправленное групповое уничтожение» (Straus 2000: 2). С этой точки зрения геноцид не есть продолжение репрессий другими средствами и не банальное массовое убийство; это явление совершенно особого рода (Straus 2000; Chalk, Jonassohn 1990). Насильственная целенаправленная депортация населения, носящая постоянный характер, проводимая обыкновенно в целях достижения национальной чистоты («этнические чистки»), продиктовано той же логикой устранения группы людей, но именно устранения, а не уничтожения (Snyder 2003)¹⁶.

¹⁵ По мнению Арендт (Arendt 1973: 305), «тиранический террор» заканчивается, когда распространяется на отдельных людей, «революционный террор» — когда уничтожена оппозиция, а вот террор «тоталитарный» с уничтожением оппозиции только начинается. В этой ситуации «террор не является средством завершения процесса, а составляет суть управления государством». В условиях тоталитарной диктатуры насилие может быть направлено не только на предполагаемого врага, но и против совершенно невиновных людей (Gillespie 1995: 244) или даже горячих сторонников власти (Arendt 1970: 55). В работе (McAuley 1992: 50) сталинский террор показан как система с произвольной логикой, в рамках которой невозможно понять, как избежать ареста, где ему может быть подвергнут даже самый преданный сторонник режима, при этом безразличного к власти никто не тронет. Говоря о том времени, писатель Илья Эренбург замечает, что «судьба человека тогда напоминала не шахматную партию, а лотерею» (Schmid 1983: 175). В столь радикальных обстоятельствах насилие часто становится самоцелью. Так, вплоть до 1977 г. в одном аргентинском изоляторе предварительного заключения бытовая следующая практика: как только заканчивался естественный приток «provokatorov», руководство тюрьмы обращалось к директорам заводов с просьбой выявить «нарушителей спокойствия» (Gillespie 1995: 244).

¹⁶ Необходимо различать массовые переселения народов и массовую депортацию. Часто мы имеем дело со случайным побочным результатом войны, или же результатом неслучайным, но временным (например, «принудительная эвакуация»). Лакмусовой бумажкой в этом случае является фактор возможности возвращения по окончании войны на свои прежние территории — именно так приведенные

Взаимное уничтожение — тип насилия, имеющий место в обстоятельствах многосторонних, меж- и внутри государственных, при которых ни одна из политических сил не имеет намерений контролировать уничтожаемое население. Иными словами, у политических сил есть симметричные намерения уничтожить «гражданскую основу» друг друга. Данное намерение часто предполагает массовую депортацию; нередко данный вид насилия увязывают с падением того или иного государства, а также с первым типом ведения боевых действий — «симметричным неконвенциональным» (глава 4). В качестве примера можно привести войны на Балканах 1912–1913 гг., партизанское противостояние между поляками и украинцами в ходе Второй мировой войны, разделение Индии, а также сербско-хорватскую войну. В целом же направленность на взаимное уничтожение встречается реже, чем на уничтожение одной из сторон. Практика и эмпирические данные показывают, что геноцид по своей природе односторонен, что отражено во многих определениях этого явления (Chalk, Jonassohn 1990: 23)¹⁷.

В нашей книге рассматривается последняя категория из указанных в таблице — *насилие в обстоятельствах гражданской войны*. В отличие от государственных репрессий и геноцида, этот вид насилия не носит одностороннего характера, являясь результатом деятельности как минимум двух политических сил, обладающих частичной и/или перекрестной монополией на насилие. В отличие от одностороннего осуществления насилия, при индивидуальном терроре людям часто предоставлена возможность перейти на противоположную сторону и начать поддерживать ее; такое возможно, поскольку одна

выше понятия и различаются. Очевидно, что массовое перемещение, не связанное с вооруженным конфликтом, следует рассматривать особо: так, вследствие возведения плотин было принудительно перемещено от 40 до 80 млн человек во всем мире (Rajagopal 2001).

¹⁷ Разграничение между насилием в ходе гражданской войны и «взаимным уничтожением» не тождественно разделению гражданских конфликтов на этнические и неэтнические. В ходе большинства этнических войн одна политическая сила (обычно представители власти) стремится взять под контроль население, составляющее этническое ядро лагеря противника. Взаимное уничтожение, скорее всего, является подтипом по отношению как к этнической, так и к «идеологической» гражданской войне (Kalyvas 2002).

или более политических сил имеют намерение не уничтожить или депортировать население, но управлять им. Благодаря этому признаку насилие превращается в процесс с очевидными стратегическими задачами. Во-первых, политические силы должны уметь предвидеть и предвосхищать стратегию противника и возможные последствия применения им насилия против мирного населения. Во-вторых, ошибочно представлять насилие попросту как помноженный на два государственный террор. В своей односторонней разновидности являясь прямым олицетворением намерений политической силы, насилие на гражданской войне оказывается отражением стратегического взаимодействия двух или более сил, одновременно занимающих одну территорию.

1.4. ВЫВОДЫ

В данной главе мы подготовили теоретическую почву, пояснив отдельные понятия. Были даны рабочие определения гражданской войны и насилия, выделены некоторые параметры, проведен ряд принципиальных с концептуальной точки зрения различий, определен объем понятий для анализа.

Исследуемое явление — физическое насилие, намеренно осуществляемое против нонкомбатантов, приводящее к насильственной смерти в обстоятельствах, когда хотя бы одна сила стремится к контролю над этим населением. Подвид насилия, представляющий для нас особый интерес, — коэрцитивное насилие с целью подчинения масс; эта разновидность носит по большей части стратегический характер.

Патологии

Мертвые неповинны, убийцы — чудовищны, политика безумна или отсутствует.

Филип Гуревич, *«Сообщаем вам, что завтра убьют нас и наших родных. Рассказы из Руанды»*

4 дня спустя и в 20 тысячах миль отсюда [вашингтонские чиновники] Крулак и Менденхолл составили два отчета [о положении дел во Вьетнаме], диаметрально противоречащих друг другу, которые представили к заседанию Комитета национальной безопасности в Белом доме. «Вы точно побывали в одной и той же стране?» — поинтересовался Кеннеди. «Господин президент, — ответил Крулак, — дело в том, что Менденхолл посещал города, я же — сельские районы, где и разворачивается война».

Нил Шихан, *«Блестательная ложь»*

Я задумал данную книгу потому, что, несмотря на несомненный массовый и научный интерес к проблематике насилия, гражданской войны, а также к связанным с ними трагическими, леденящими душу подробностям, насилие на гражданской войне до сих пор не получило всестороннего описания. Имеющаяся сегодня литература по теме страдает рядом патологических отклонений, коренящихся в способе концептуализации понятия «насилие», а также в систематических ошибках, связанных как с деятельностью исследователя, так и организацией его работы при изучении данной проблемы. Так, при изучении насилия в условиях гражданской войны необходимо прежде всего преодолеть частую понятийную ошибку, которую мы здесь обозначим словом «безумие», и помимо нее пять основных системных заблуждений, как то: «ошибка пристрастия» (исследователь занимает ту или иную сторону), «политический уклон» (когда не делают различий между войной и миром),

«урбанистический уклон» (игнорирование процессов, развивающихся снизу вверх), «ошибка выборки» (игнорирование ненасилия) и, наконец, «ошибка преувеличения» (попытка исследовать проблему на слишком высоком уровне абстрагирования). В следующем разделе я выявляю эти патологии, описываю последствия и предлагаю пути решения проблемы.

2.1. БЕЗУМИЕ И «УСТАНОВКА НА БЕССТРАСТНОСТЬ»

Большинство оценок, которые исследователи дают политическому насилию, тяготеет к двум полюсам. Один из них связан с нагромождением ярких образных и оценочных описаний и трактовкой насилия как иррациональной, отрицающей патологии. На другом полюсе — описание насилия как результата выполнения узко поставленных задач, которое часто оказывается тавтологическим. И та, и другая трактовка уводит исследователя от истины.

«Это книга о Зле». Так начинается свое захватывающее повествование Билл Беркли (Berkeley 2001: 5) об африканских гражданских войнах, тем самым сигнализируя читателю о ненормальности описываемого, о некоем отклонении. Действительно, чаще всего в концепциях массового политического насилия акцентируются его повторяющиеся культурные аспекты, неупорядоченность и анархическая иррациональность; насилие, таким образом, лишается какого-либо смысла, который мог бы выходить за его непосредственные рамки, и уравнивается с безумием. Потому неудивительно, что в работах о насилии столь часто цитируется «Сердце тьмы» Дж. Конрада (например, Ignatieff 1998: 5). Поскольку насилие понимается как симптом «социальной патологии», всплывают многочисленные медицинские аналогии: насилие — это «болезнь», начало которой «трудно предсказать» и развитие которой состоит в конвульсиях, спазмах и приступах (Greenberg 2001: A8; Spencer 1992: 264; Leiden, Schmitt 1968: 30–31; Feldman 1964: 111). Такое восприятие неоднократно встречается в современной прессе или поп-культуре; не чуждо оно и образованным людям, составляющим элиту общества: так, Авраам Линкольн утверждал, что в его раздираемую войной страну мир вернется, лишь когда «добрые

люди придут в чувство» (Fellman 1989: 85), а в ходе конфликта в Боснии международные посредники были уверены, что для прекращения войны необходимо убедить людей не совершать «этого безрассудства» (Silber, Little 1997: 159). Такая трактовка насилия в некоторой степени может считаться современным светским вариантом старинного восприятия войны как посланной Богом для наказания грешников (Hale 1971: 8). При постоянном описании наиболее гротескных аспектов насилия трезвый политологический анализ подменяется эмоциями. Главным образом наблюдатели и исследователи прибегают к риторическим приемам, с помощью которых нагнетается атмосфера ужаса и неверия¹⁸. Постоянная рекурсия, как известно, есть признак рефлексивного расстройства. Сегодня во многих работах мы находим суждения, близкие к народным суждениям о разбойниках; современные культурологические аналитические исследования выдержаны в том же ключе, в котором в современной прессе обсуждается проблема терроризма: вместо тщательного системного анализа теории и практики мы находим в них душевные страдания, домыслы и банальности. В порыве чувства, представляющего собой смесь благочестия и клинического расстройства (Loyd 2001: 4), исследователи тиражируют «сенсации из прессы, старинные стереотипы, не соответствующие истине, и вызывают к жгучему чувству праведного гнева» (Zulaika, Douglass 1996: ix).

Ничего удивительного в преобладании такого подхода нет: насилие действительно носит трагический и яркий характер и представляет собой «неиссякаемый источник вдохновения» (Stibb 1990: 14). Дело усугубляют еще две тенденции. Первая — проявление к жертвам насилия неперенного сочувствия. В основном подробные отчеты о насилии в ходе гражданской войны составляются правозащитными организациями; эти отчеты, наряду с дескриптивной ориентацией на сообщение количества жертв, имеют нездоровый оттенок ориентации нормативной — на осуждение. С нормативной точки зрения такой подход оправдан, но с теоретической он может иметь фатальные последствия, поскольку имеет место скрытая подмена: мы

¹⁸ Так, в первой главе сборника по гражданской войне в Испании Хулиа задается вопросом: «Как могло случиться, что имело место столько жестокости, столько крови пролито?»

получаем осуждение событий и не получаем их объяснения¹⁹. Вторая тенденция опасна тем, что за объяснение события выдается описание его признаков — иначе говоря, путаются причина и следствие. Во многом сегодня понимание насилия согласуется с трактовкой конфликта, появившейся в 1960-е гг., в рамках которой также подчеркивался патологически-иррациональный характер (Coser 1956). Как отмечал Дюркгейм (Durkheim 1938: 110), довольно обманчиво трактовать социальные явления, ссылаясь на их проявление через состояния индивидуального сознания, а не через предшествующие им социальные события. Так, например, наблюдение, что гражданская война приводит к гибели и расчеловечиванию гражданских, часто закольцовывается — и вот уже желание приносить в жертву и расчеловечивать понимается как причина гражданской войны (Onishi 1999; Prins 1999). В результате возникает соблазн всесторонне теоретически рассмотреть насилие и прийти к выводу о его необъяснимости²⁰. Естественно, что в таком случае извлекаются банальные, а порой и неверные «уроки» о том, что-де важна терпимость, что ненависть аморальна, и все это под лозунгом «человек человеку — волк» (Novick 1999: 258–259).

Развенчать такие досужие концепции насилия (Sadowski 1998) довольно просто, хотя на самом деле исследовательская деятельность по этой проблеме никак не влияет на досужее восприятие. Сегодня деталей и эмоций — в избытке, а вот примеры трезвого теоретического осмысления остаются в дефиците. Будучи центральной темой исследований в принципе, насилие в аспекте гражданской войны выносится на периферию. Имея характер яркий, красочный, трагический, насилие лучше поддается описанию, чем теория (отсюда и такая популярность сценария «всеобщего безумия»); в тех же случаях, когда в цен-

¹⁹ Браунинг (Browning 1998: 207) замечает о Голдхейгене (Goldhagen 1996), что у того заявления «основываются не на действительном сопоставлении фактов, а на эмоциональной силе повествования. Зверствам немцев, осуществляемым против евреев, он дает яркие, леденящие душу описания, а затем бездоказательно сообщает оцепеневшему от ужаса читателю о том, что-де такое поведение не имело precedентов».

²⁰ Наиболее радикальную форму эта тенденция обретает в отношении Холокоста, часто описываемого как нечто необъяснимое и невысказанное. Бауэр справедливо критикует эту тенденцию за то, что она низводит Холокост до уровня вовсе не исторического анализа, а религиозных причитаний и скорби.

тре внимание непосредственно насилие, начинают затрагивать смежные темы: страдание жертв (Daniel 1996), освещение насилия (Gilsenan 1996), коллективная память о насилии, совершенном в прошлом (Contini 1997; Portelli 1997). 36 лет назад исследователи (Leites, Wolf 1970: v) отметили, что описание массового политического насилия «отличается богатством деталей наряду с бедностью теории». Несмотря на некоторые успехи последнего времени, характеристика до сих пор актуальна.

Частично это объясняется склонностью некоторых обществоведов, наоборот, избегать обычно связанных с насилием сенсационных подробностей. Такова естественная реакция. Давая оценку Французской революции, мадам де Сталь (de Stael 1818: 112) замечает, что «нам в определенной мере должно быть стыдно за самих себя, раз мы наблюдали эти зверства столь близко, что могли описать их в подробностях».

В этом смысле можно сказать, что в общественных науках преобладает «установка на бесстрастность» (Kaufman 2001: 3). Там, где в результате дескриптивной оценки мы имеем непосредственную, подробную и в высшей степени эмоциональную картину насилия, социологи стараются дать оценку чисто инструменталистскую с тавтологическим уклоном. Безумные субъекты уступают место расчетливым лидерам, которые манипулируют близорукими гражданами и осуществляют политику насилия сообразно собственным целям. Многие ученые склоняются к тому, что насилие применяется потому, что оно эффективно (Downes 2004; Valentino, Huth, Balch-Lindsay 2004). Установка на бесстрастность при обобщенном изучении политического насилия часто приводит к тому, что явление, которое исследователь вызвался объяснить, он как бы обходит стороной; при изучении гражданских войн же часто игнорируется сам смысл конфликта (Tishkov 1999: 588–589). Насилие, вероятно, представляющее собой ключевой признак гражданских войн, часто выводится за рамки анализа. Хотя имели место тщательные исследования таких его разновидностей, как криминальное насилие или, с недавних пор, насилие на почве межэтнических противоречий, погромы и геноцид, насилие в ходе гражданской войны по-прежнему остается в центре внимания в основном журналистов и правозащитников²¹. Научные исследования,

²¹ Из недавних социологических исследований по различным типам насилия упомянем следующие: Wilkinson 2004; Downes 2004; Straus

в которых насилие на гражданской войне рассматривалось бы как цельное теоретическое и эмпирическое явление (в противовес историческому расследованию или чисто абстрактным размышлениям), до сих пор привлекали внимание в основном антропологов и историков, занимающихся преимущественно дескриптивным трудом. Политологи и экономисты, за редким исключением, обращали внимание не на насилие, а на причины войны (гражданской в том числе); что же до исследований этнических конфликтов, то и здесь явной, последовательной теоретической ориентации на насилие как на предмет изучения почти не встретишь (Brubaker, Laitin 1998: 425–426). При этом гражданскую войну называют на многих языках «грязной» (*sale guerre, guerra basurienta*), и это совершенно неспроста.

2.2. ОШИБКА ПРИСТРАСТИЯ

Если война — это продолжение политики, но другими средствами, то исследование гражданских войн нередко есть продолжение самих войн. «Когда умолкли пушки, принялись за работу перья» (Petitfrere 1981: 13). У гражданских войн есть одно устойчивое качество: как известно, они олицетворяют прошлое, которое никогда не пройдет (*ce passé qui ne passe pas*). Живучесть всего, что связано с гражданской войной, часто подкрепляется сегодняшней политической актуальностью данной темы²², в результате этой живучести возникла когорта «боевых» исследователей, открыто или подспудно занимающих при изучении конфликта ту или иную сторону и видящих свою задачу в осуждении либо оправдании. Публикации на эту тему представляют собой помесь жития святых и анафемы (Baggett 2001: 15; Leys, Saul 1995: 2; Ramsey 1973: 3). Время от времени исследователи принимают на веру заявления комбатантов и механически их воспроизводят. Многие публицисты, как замечает Дэвид Андерсон (Anderson 2005: 10), легко поддавались на про-

2004; Valentino et al. 2004; Verwimp 2003; J. Weinstein 2003; Varshney 2002; Petersen 2002.

²² Как замечает исследователь, описывая, какими мучительными были поиски убитых в результате резни в Сребренице, «даже количество убитых крайне важно. В телах погибших таится сила: они определяют будущую трактовку истории» (Rohde 2001: 46).

паганду руководителей восстания мау-мау в Кении и потому изображали его упрощенно, в дихотомическом ключе. В своем радикальном, впрочем, весьма распространенном, варианте эта тенденция неизбежно ведет к выводам, в которых «один лагерь приватизирует лавры победителя, другой — клеймо преступника» (Petitfrege 1981: 50). Даже дескриптивное на первый взгляд изложение бывает заражено пристрастностью (Rubio 1999: 20). Изучение же насилия часто становится уделом полемистов, ведущих состязательные споры о том, чья сторона проявила большую жестокость. Если удастся продемонстрировать, что один лагерь был более жесток, то считается, что противоборствующий ему освобождается от ответственности (Reig Tapia 1990: 11). Иногда имеет место разделение труда: зверства, совершенные одной стороной, изучаются исключительно «экспертами» — сторонниками другой (Casas de la Vega 1994; Reig Tapia 1990). Очевидно, что ошибка пристрастия в значительной мере сказывается на социологическом изучении насилия, поскольку в значительной мере способствует подтасовке имеющихся данных²³.

²³ Примером масштабных и разрушительных последствий ошибки пристрастия может служить официальная статистика жертв конфликтов. Данные о количестве жертв — заветный аргумент у пропагандистов соперничающих сторон (Rohde 2001; Okey 1999); эти данные становятся каноническими и, следовательно, почти не подлежат проверке; если кто-либо попытается их проверить, то эту попытку легко представить как попытку оспорить факт страданий, о которых хранит память определенная группа людей (или отдельные ее представители). Число «бесследно пропавших» в Аргентине в ходе «грязной войны», по первоначальным оценкам, составляло 100 тыс. человек, но в конце концов пришли к канонической цифре в 30 тыс. (Tarnopolsky 1999), которая, по всей видимости, завышена (Snow, Bihugriet 1992: 361). Алжирское правительство в течение долгого времени заявляло, что война за независимость унесла жизни полутора миллионов алжирцев; до сих пор эта цифра считается официальной, хотя при тщательном демографическом анализе выясняется, что и это заявление, и заявления оппозиции об убийстве 150 тыс. пособников французских властей в 1962 г. содержат явно преувеличенные цифры (Meunier, Vidal-Naquet 1999). Общепринятая цифра по боснийской войне (200 тыс. погибших) впервые прозвучала в 1993 г. — ее озвучило министерство информации Боснии (T. Allen 1999: 21); в ближайшее время ее вряд ли пересмотрят. То же касается и заявлений об объеме потоков беженцев и перемещенных лиц — эти данные также искажают из политических соображений (Dale 1997: 82).

Данная ошибка часто распространяется не только на непосредственных участников конфликта. Склонны к пристрастности оказываются и международные СМИ в силу того, что их формат способствует производству коротких, недвусмысленных, аккуратно сфабрикованных сюжетов, в рамках которых действуют негодяи и герои (Khan 1998; Jonassohn 1998). Есть в чем упрекнуть и науку. Так, на изучении предмета нередко сказываются симпатии автора к революционерам или, наоборот, к контрреволюционерам. Жерар Прюнье (Prunier 1995: 157) пишет о том, что «большинство уникальных иностранных специалистов по Руанде и Бурунди страдают тем, что демонизируют хуту либо ненавидят тутси, или по крайней мере обвиняют в этом друг друга», в том время как Фредрик Барт (Barth 1994: 24) осуждает манеру некоторых антропологов становиться «на стражу и защиту этнических групп и высказываемых ими претензий». Такой понятной представляется смелая самокритика, с которой выступил один антрополог, изучавший гражданскую войну в Сальвадоре: «Сейчас, в атмосфере холодной войны, мне было непросто понять сальвадорских крестьян-революционеров и составить их портрет; в худшем случае выходили невинные жертвы, в лучшем — благородные бойцы сопротивления. Поскольку основной задачей было задокументировать и осудить государственное насилие и военные репрессалии, я оказался слеп и не смог разглядеть насилия бытового, междоусобного, вносившего смуту в ряды повстанцев, подрывавшего их внутреннюю солидарность» (Bourgeois 2001: 28).

Расследованиям, проводимым правозащитными организациями, часто свойственна пристрастность двух типов. Первый — их авторам трудно не поддаться искушению и не занять чью-либо сторону (Peterson 2000: 213; Le Pape 1999; Stoll 1999; Prunier 1995); иногда они становятся заложниками манипуляций политических сил (Hedges 2003: 36), а иногда сознательно преувеличивают количество пострадавших с целью добиться желаемого политического результата (R. Cohen 1994). Часто, если акцент делается на правах меньшинств, то нападки на представителей большинства неправительственные организации, как правило, игнорируют (Tishkov 2004: 9). Существует и смежная проблема: гражданские лица рассматриваются не как действующие лица, а как объекты. Так, со слов крестьян в Гватемале, «в гражданской войне некоторые деревни участвовали, но не по своей воле» (Warren 1998: 93).

«Деревенские жители были, как всегда, жертвами чужой борьбы, а не активным элементом борьбы как таковой», — замечает антрополог, приводя в пример опыт одной греческой деревни в период гражданской войны (du Boulay 1974: 237). Говорящим стало слово «марионетка» — так называли армию коллаборационистов во время японской оккупации Китая, а также в других похожих ситуациях (Thaxton 1997; Wou 1994; Henriksen 1983: 89). В то же время такая концепция исключает наличие среди деревенских жителей подлинных «разжигателей», при активном участии которых враждебное отношение перерастает в насилие (Kakar 1996: 151).

Во-вторых, у исследователей, работающих на месте, есть склонность воспринимать человеческие страдания очень остро, потому они часто транслируют рассказы пострадавших, не относясь к ним критически. В антропологии такая тенденция усиливается тем, что имеет место отход от объяснения в сторону «смысла»; в результате «в последние три десятилетия мы наблюдаем, что в книгах, написанных по итогам экспедиций, недостаточно внимания уделено вопросу истинности» (Robben 1995: 96).

Широко распространенная форма ошибки пристрастия — революционный романтизм. Франсуа Бизо (Bizot 2003: 21) рассказывает, как французская интеллигенция автоматически восприняла камбоджийское восстание красных кхмеров как «независимое и спонтанное народное восстание» и как французские журналисты отвергали его наблюдения, если они не соответствовали их ожиданиям. С.П. Маккензи (Mackenzie 1997: 1–2), рассуждая в более общем ключе, указывает на «базисный миф — тенденцию к акцентуации положительного, безличного, героического в революционной ситуации с целью узаконить определенный набор общественных установок». Он также добавляет, что «в основе своей перед нами сказка с моралью, в которой силы добра и света одерживают победу над силами тьмы». Обратная сторона революционной романтики обнаруживается в антиреволюционных исследованиях, в виде стереотипов революционного террора. Джеффри Слука (Sluka 1989: 303) обрушивается с критикой на иных авторов работ по терроризму и карательной деятельности, рассуждающих с точки зрения противостоящей повстанцам силы и представляющей ее исключительно нравственной, а боевиков — исключительно безнравственными.

Пристрастность часто неподвластна времени, поскольку источники, относящиеся ко времени конфликта, отличаются предвзятостью, а также потому, что страсти вокруг конфликта не утихают и после его окончания. Исторические значимые события, такие как резня протестантов в Париже 1572 г., известная как Варфоломеевская ночь, гражданская война во Франции — Вандейский мятеж или гражданская война в России — до сих пор остаются причинами раскола в обществе (Jouanna 1998: 1262; J.-C. Martin 1998: 7; Brovkin 1994: 3–4; Petitfrege 1981: 13). В целом пристрастность — явление повсеместное. Прюнье (Prunier 1995: 157) видит причину этого в нашей «маниакальной одержимости понятиями добра и зла» и «потребности непременно занять чью-либо сторону».

Некоторые авторы считают, что умственное абстрагирование в данном случае невозможно или нежелательно (Reig Taria 1990: 13–14). Такая позиция, вероятно, заложена в высказывании Ранаджита Гухи (Guha 1999: 108) по поводу интерпретаций крестьянского восстания в Индии: это событие можно рассматривать только с точки зрения правителей либо мятежников, либо историков, поддерживающих тех либо других. Некоторые антропологи открыто призывали исследователей выступить посредниками, высказаться от имени жертв террора, в порыве солидарности превратить страницы своих монографий в поля боя. Отказ в этом случае, считают они, означает проявление безразличия и в конечном счете враждебности (Falla 1994; Schepher-Hughes 1992). Однако, как достаточно давно заметил Дюркгейм (Durkheim 1938), социологов нельзя обвинять в потворстве преступникам или отсутствии всякой морали только потому, что они изучают событие как социологическое явление и подвергают его «трезвому, сухому анализу». Данная позиция вовсе не строится вокруг нравственного релятивизма, в рамках ее моральные суждения служат не отправной точкой, а результатом, выводом. Если процитировать Браунинга (Browning 1993: xx), «объяснить — не значит оправдать; понять — не значит простить».

Пожалуй, лучше всего в пользу научного абстрагирования говорит цитата из Уильяма Финнегана (Finnegan 1992: 262–263) о мозамбикских впечатлениях: «Один из первых моих собеседников из числа бывших пленных РЕНАМО²⁴... вежливо,

²⁴ Мозамбикское национальное сопротивление, антикоммунистическая организация. — *Прим. ред.*

но решительно отказался демонизировать тех, кто взял его в плен, и я удивился, насколько меня удручала и даже бесила эта его сдержанность, этот «моральный паритет», который слышался мне в каждом слове из его тихого печального рассказа о войне». Последующие интервью с бывшими пленниками РЕНАМО и вынужденными переселенцами (*deslocados*) только еще больше меня смутили: картина войны из них вырисовывалась куда менее однозначная, чем та, что я ожидал увидеть».

2.3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ УКЛОН

Вооруженное столкновение между политическими противниками, как полагает Карл Шмитт (Schmitt 1976: 33), радикальным образом отличается от «обычного» политического соперничества. Согласно наблюдению Мао Цзэдуна (Shaw 1975: 223) «у войны свои особые характеристики, и в этом смысле она не может быть приравнена к политике в целом». Под «политическим уклоном» я понимаю неспособность исследователя увидеть фундаментальное различие между мирным политическим соперничеством и вооруженным столкновением — иными словами, концептуальное смешение гражданской войны и регулярной политики. Вследствие такой ошибки анализ получается предвзятым, а характеристика гражданской войны — неверной в корне.

Политика гражданских войн часто описывается так, будто речь идет о самой обычной политике, тогда как речь о ситуациях, непосредственно затронутых войной и ею сформированных. Для многих авторов гражданские войны — не более чем разновидность предвыборной гонки. Если военная служба (а также многие военные историки) отмечают, что гражданская война во многом определяется тактикой, техникой и огневой мощью, и игнорируют при этом политическую и социальную природу гражданской войны, то большая часть социологов традиционно делает акцент на политических аспектах, при этом игнорируя важность военных. В результате они пренебрегают явлением, определяющим социально-политический контекст, структуру политики, расклад политических сил и их стратегии, определяющим индивидуальные инициативы и поведение. Война — социально-политическая среда, фундаментальным образом отличающаяся от мира как

минимум в двух важнейших аспектах. Во-первых, война почти не предполагает добровольного согласия — только принуждение. Во-вторых, в военное время ставки для всех несравнимо выше. Одно дело — голосовать за политическую партию, и совсем другое — сражаться за нее и, возможно, отдать жизнь.

Влияние войны выражается главным образом в том, что насилие как ресурс обретает первостепенное значение — «фактически уравниваются сила и нанесенный ею урон» (Вегу 1994: xix). Для Мао Цзэдуна (Shaw 1975: 223–224) «политика есть война без кровопролития, а война — политика с кровопролитием». В результате гражданской войны рождается поляризация, воцаряется хаос, меняются ожидания. «Обычные человеческие надежды рухнули, — пишет Майкл Феллман (Fellman 1989: xvi) о ходе американской гражданской войны в штате Миссури, — им на смену пришли ужас и хаос в душе человека, в культуре. Не осталось привычных средств решения проблем, привычных моделей поведения... Обычные люди — гражданские и военные — оказались в социальном аспекте заложниками гражданской войны. В этих обстоятельствах от прежнего узнаваемого, безопасного уклада жизни не осталось и следа».

2.4. «УРБАНИСТИЧЕСКИЙ УКЛОН»

Авторы исследований по гражданской войне — обычно интеллигенты-горожане. А ведь в большинстве гражданских конфликтов задействованы в основном крестьянские армии, и разгораются они в основном в сельских районах. Действительно, гражданская война, согласно большинству описаний, разворачивается «в деревнях», «на холмах», «в горах» (Petersen 2002: 238; Derriennic 2001: 170; Geffray 1990: 114–115; Ziemke 1964: 194; R. Bergman 1974: 33). Следовательно, насилие распределяется непропорционально — преобладает в сельской местности²⁵. Эти войны, как правило, рассматривают-

²⁵ Так, например, 95% актов насилия в ходе гражданской войны в Сальвадоре совершены в сельской местности (данные Комиссии по установлению истины в работе: Wood 2003). Конечно, у этого правила есть и исключения. В Северной Ирландии вероятность всплеск насилия в городе в два раза выше, чем в сельской местности, хотя, учитывая состав населения, вероятность быть убитым что в городе, что в сель-

ся исключительно через городскую призму; это характерно как для теоретиков, так и для практиков. Как верно заметил Джеймс Скотт (Scott 1977b: 4), «между пониманием политических идей в городе и их применением в деревне наблюдаются систематические сбои». Рассмотрим следующее наблюдение, сделанное во Вьетнаме. «Знать точно, какие шаги следует предпринять, можно было, лишь осмыслив обстоятельства на деревенском уровне; к такому осмыслению нельзя было прийти, сидя в столице провинции или района или обзревая территорию с вертолета. Наблюдатель с недосягаемой для пуль снайперов высоты не просто многое упускал из виду; в некоторые части района он попадал лишь изредка. Вертолеты попросту не совершали столько вылетов, чтобы обзреть все» (Ellsberg 2003: 118). «Урбанистический уклон» не столько состоит в том, что во многих работах прямо указывается отсутствие каких-либо событий в сельской местности или делаются ложные выводы о ситуации там; под урбанистическим уклоном мы понимаем более общую тенденцию интерпретировать гражданские войны вне обстоятельств, придерживаясь исключительно подхода «сверху вниз»²⁶.

Опыт и точка зрения обычных людей в большинстве работ по гражданской войне, особенно теоретических, не отражены. Несмотря на проявляемый на словах интерес к крестьянству, большинство исследователей, рассматривая революции в сельской местности, основное внимание уделяют элите (Horton 1998: 311; Collier 1987: 13; Kriger 1992: 27). В этом смысле литература по гражданским войнам является несколько усугубленным отражением более общей тенденции пренебрежения «малой традицией» в пользу традиции «великой» (Scott

ской местности приблизительно одинакова (Poole 1990). Вспышки насилия в городских районах были характерны для Ливана (M. Johnson 2001), Либерии, Сьерра-Леоне и Конго (Harkavy, Neuman 2001: 210). Однако обычно гражданские войны ведутся в сельской местности по причинам, рассматриваемым в Главах 4 и 5.

²⁶ Естественно, что понятие урбанистического уклона связано не только лишь с гражданской войной. Так, существует давний обычай объяснять политические процессы в сельских районах через призму невнятных категорий вроде «традиция» и «незрелое политическое сознание» (Boswell 1998: 56; Swedenburg 1995). При изучении государственных репрессий также прослеживается чрезмерный перекося в «урбанистическую» сторону (Kugomiya 1993: 222).

1977b; 1977c). Если даже крестьянское движение имеет успех, то после его победы в официальной историографии стараются умалчивать о том, что оно выросло из крестьянской среды, а могут и вымарать из истории сам факт восстания (Thaxton 1997: xiv). Порой замалчиваются целые войны. Как отмечает Брюс Колдер (Calder 1984: xvii), до недавнего времени антиамериканское восстание в Доминиканской Республике (1916–24) было «покрыто завесой тайны, поскольку ни североамериканские, ни доминиканские авторы об этой войне практически не упоминали. Те, кто упоминал, объявляли партизан бандитами, а саму войну — непродолжительной и малозначимой». Причина в том, что партизаны были малограмотными крестьянами и не могли оставить внятных письменных свидетельств. Политически же сознательные и грамотные доминиканцы того времени, включая противников оккупации, не имели достаточных сведений, потому и приняли на веру тезис о бандитах. После войны доминиканские историки, представляющие либеральную интеллектуальную элиту, почти не уделили внимания партизанской войне и все усилия направили на описание общественно-политических протестов своего класса (Calder 1984).

Причинами урбанистического уклона являются в первую очередь предвзятость и высокая себестоимость информации. Во-первых, существует давняя традиция интерпретации насилия в сельской местности как проявления примитивизма (например, Finley 1994: x). Данную традицию легко перенесли на гражданские войны, а кроме того, начали автоматически (предвзято) записывать сельских мятежников в бандиты. Французские республиканцы характеризовали восставшую Вандею как «страну, отставшую от революционной Франции лет на двести» (Dupuy 1997: 145), им вторили парижские газетчики, изображая жителей контрреволюционного юга как «людоедов и дикарей, с ног до головы залитых кровью» (Cobb 1972: 52); в рассказах о вспышках насилия во Вьетнаме и Камбодже фигурировали поверхностные стереотипы, подходящие скорее для популярных путеводителей, вроде «хитрые азиаты» (Bizot 2003: 34; Schell 1967: 56–57); интерпретация насилия на африканских гражданских войнах обычно строится на штампах вроде «безумцы и безмозглые дикари» (Richards 1996: xx). В сочетании с преобладающим акцентом на культурных и ритуальных аспектах насилия эта тенденция ведет к серьезным ошибкам в интер-

претации. Так, например, мы встречаем поразительно большое количество витиеватых интерпретаций поведения, тогда как для этой цели вполне можно было бы найти простые и универсальные категории. Пишут, что те или иные лица «выжидали», «отсиживались», «находились в свободном плавании», или проявляли «аттантизм»; все общепринятые выражения, означающие стремление избежать риска в ходе гражданской войны, свидетельствуют лишь желание выжить, но интерпретируются как вытекающие из странных местных обычаев.

В случае с вьетнамской войной такое уклончивое поведение обычно объясняли традиционной конфуцианской доктриной, прибегая к термину «воля небес» (FitzGerald 1989: 29–31). Джеффри Робинсон (Robinson 1995: 2) замечает, что политическое насилие на Бали некоторые авторы объясняли «последствиями, глубоко коренящимся в религиозных традициях балийцев, желанием очистить остров от зла и восстановить космическое равновесие. Что касается безумного исступления, с которым все это воплощалось в жизнь, то тут ученые указывали на двойственность «балийского характера» и на культурную предрасположенность к впадению в транс. При этом напрочь отсутствовал анализ ожесточенного противостояния 1965–1966 гг. как политической проблемы, коренящейся в истории страны». Появляющаяся сегодня в изобилии литература по так называемым новым гражданским войнам (Kaldor 1999; Enzensberger 1994) лишней раз обнаруживает, что авторы страдают «урбанистическим уклоном» (Kalyvas 2001).

Когда война пришла в Боснию, жители Сараева, по иронии судьбы, оказались жертвами собственных урбанистических предрассудков. «За год до этого, — вспоминал один из них, — мы читали в газетах о том, что творится в далеком Ливане, и думали, мол, как же, это же Ближний Восток, что с этих зверей взять. Теперь говорим: еще бы, конечно, они там в Краине друг друга убивают, это же старая военная граница, люди там живут агрессивные, примитивные. Не исключено, что через неделю будем говорить: так это в новом Сараеве, вы же знаете, кто там живет! Интересно, когда убивать друг друга станут в соседнем доме, что мы тогда скажем?» (Hall 1994: 236).

Можно с уверенностью сказать, что не меньшим заблуждением, чем урбанистическая предвзятость, является урбанистическая романтика. В литературе встречаем то один, то другой перекосяк: от «сельского дикаря» к «благородному дикарю», от

гоббсовского головореза к защитнику-толстовцу (Starn 1998: 226). Контрреволюционно настроенные крестьяне Вандеи изображались авторами-монархистами как удивительные люди, сплошь простаки с чистой душой (Dupuy 1997: 141; Petitfere 1981: 87); горожане Камбоджи, «с презрением относившиеся к сохе, земле, пальмовым плантациям и домашнему скоту, ненавидевшие все, что связано с сельской жизнью, идеализировали крестьянина-кхмера; его сочли типичным революционным элементом — образцом бесхитростности, терпения и патриотизма» (Bizot 2003: 61); в ранних публикациях о перуанском «Сияющем пути» его члены характеризуются как простые люди не из «западного мира»; один британский журналист даже делает из них настоящую экзотическую сенсацию, называя детьми «волшебного мира индейцев» (Starn 1998: 233). Вторая причина «урбанистического уклона» — высокая себестоимость информации. Сельская местность зачастую труднодоступна, а иногда и недоступна вовсе (например, Hamilton-Merritt 1993: xii). Более того, поскольку, как известно, в районе, где происходит насилие, трудно проводить исследования, то этнографические работы по гражданской войне — большая редкость (Wood 2003; Nordstrom 1997). Существует множество сдерживающих факторов. Как отмечает Джеффри Слука (Sluka 1989: 3), «накаленная обстановка в Белфасте во время конфликта между двумя враждующими этническими группами не позволяла провести там включенное наблюдение одновременно за католической и протестантской общиной». Более того, ввиду продиктованной гражданской войной опасной обстановкой люди проявляют подозрительность к незнакомцам и, следовательно, неохотно делятся информацией или не полностью откровенны (Race 1973: xii). Когда жительницу Мозамбика попросили дать интервью, она ответила: «Мы напуганы. Мы ничего не скажем. Обо всем, что происходит, моментально узнает вся округа. Поэтому от этого [вашего предложения] нам страшно» (Chingono 1996: 138). Журналистам часто удается проникнуть на территорию и добыть информацию, но при этом им не хватает глубоких знаний о регионе. Так, американский журналист, расследовавший массовые убийства в Кашмире, вспоминал, что, когда он опрашивал жителей, они вдруг начали друг с другом ожесточенно спорить. Переводчик повернулся к нему и сообщил: «Они спорят о том, будет ли благим делом вам солгать и как солгать правильнее» (Bearak 2000: 30).

Бывает, что доступ в регион возможен, если продемонстрировать политическую лояльность либо действующему режиму, либо контролирующей регион противоборствующей повстанческой организации, и эти «подводные камни» часто используются «в целях пропаганды той или иной заинтересованной стороной» (Kriger 1992: 7). В результате большинство наблюдателей оседают в городах. Освещение войны в Боснии велось из Сараева, «что отвлекало журналистов от происшедшего в других областях» (Loyd 2001: 179). Транслируемая на остальной мир картина происходящего в Мозамбике, как замечает Жефре (Geffray 1990: 19), «отражала взгляды городской элиты, местной интеллигенции и иностранцев, проживавших в столице Мозамбика Мапуто и крупных провинциальных городах. Вести расследование [войны] на месте журналисты не могут, и мировые СМИ воспроизводят информацию и аналитический материал, поступающий из этих кругов». Журналисты и прочие наблюдатели на местах часто не владеют в нужной мере иностранным языком и не понимают местных обычаев, вместо этого вынуждены полагаться на элиту как на источник информации и интерпретации событий. «Когда я служил во Вьетнаме, у нас были трудолюбивые подручные из числа местных, — вспоминает Рейс (Race 1973: x), а вот из иностранных журналистов по-вьетнамски никто не говорил, и в результате все, о чем писала иностранная пресса, проходило через призму этой небольшой горстки вьетнамских жителей, владевших иностранными языками». То же справедливо и для многих участников конфликта: «Для большинства американцев во Вьетнаме, — вспоминает Херрингтон (Herrington 1997: 39), — чаяния и метания простых деревенских жителей представляли собой загадку. Из-за языковых и культурных различий между представителями двух народов возникала непреодолимая стена непонимания».

Именно поэтому сведения, касающиеся сельской местности, часто скудные и недостоверные. Так, малайское восстание для стороннего наблюдателя представляло собой «запутаннейший из лабиринтов» (Crawford 1958: 180), а Вьетнам — «кошмар в духе Кафки для любого, кто пытается заполучить достоверные сведения. Невозможно было добыть простейшие данные, например, о количестве жителей в провинции; за пределами доступной скудной статистики оказывался целый пласт путанных данных... Ошибки часто вытекали из самих событий:

пристрастных оценок, непроверенных слухов, противоречивых докладов» (Pike 1966: viii). Гражданская война в Алжире «с момента ее начала в 1992 г. была окутана тайной, будто скрыта под несколькими темными покрывалами» (Peterson 1997b); «с любой точки зрения Северная Ирландия — что комната с кривыми зеркалами. Любые политические призывы искажаются и преломляются в интересах противоборствующих группировок» (M. Smith 1995: 227). Ф. А. Фойгт (Voigt 1949: 167–169) пишет о «сумеречной зоне, сливающейся с мраком», затрудняющей как частное, так и официальное расследование»; он также отмечает, что в ходе греческой гражданской войны «большинство массовых убийств, совершенных на территории Греции, так и остались неизвестными для внешнего мира. В самой Греции о многих случаях знают лишь на местном уровне... о многих убийствах мы знаем сегодня, много лет спустя, лишь по рассказам случайных очевидцев». Кэролайн Нордстром (Nordstrom 1997: 44) рассказывает о том, что для нее настоящим открытием стал довольно крупный, но уничтоженный впоследствии мозамбикский город: там буквально перед ее приездом было совершено массовое убийство, которое с тех пор не упоминалось ни в одной хронике, ей же о нем поведал один крестьянин (Nordstrom 1997: 48): «Не исключаю, что эти десятки жителей убиты иными людьми и по совершенно иной причине, чем сообщалось официально».

Когда война заканчивается, события в сельской местности от этого не становятся более очевидными: расследования затрудняет гибель людей, массовое переселение и репрессии. Часто люди хотят обо всем забыть и начать поскорее строить жизнь заново. Более того, обычно трудоемкими полевыми исследованиями ученые пренебрегают. Так, один исследователь, занимающийся Колумбией, приходит к выводу, что так называемая «Виоленсия», явление преимущественно сельского характера, почти не зафиксированное в письменных источниках, требует самого кропотливого полевого изучения, на которое большинство занимающихся этой темой вряд ли решатся». И совершенно неслучайно, что у исследователей так популярен североирландский конфликт — учитывая, что в этой стране говорят на английском языке, там потрясающие виды, умеренный климат, замечательная местная кухня и, что важнее всего, риск пребывания относительно невысок; таким образом, есть уникальная возможность побывать в «горячей точке»,

при этом вероятность погибнуть на поле боя будет ниже, чем в иных местах попасть под машину (M. Smith 1995: 225–226).

Существует и еще одна тенденция: некоторые исследователи склонны преуменьшать влияние предшествующих конфликтов. Даже лучшие антропологи, умеющие вести наблюдение на месте за развитием гражданской войны и изучать его, часто этим пренебрегают. Они «традиционно подходили к изучению конфликта, войны и человеческой агрессии дистанционно, избегая всего, что связано с суровой человеческой реальностью» (Clastres 1999: 5; Green 1995: 107; Nagengast 1994: 112). Робинсон (Robinson 1995: 8) отмечает, что в знаменитой «Интерпретации культур» Клиффорда Гиртца, опубликованной в 1973 г. и содержащей целых три статьи, посвященные исключительно балийской проблеме, лишь одним предложением упомянуты массовые убийства, совершенные восемью годами ранее; тогда было истреблено почти 5% населения острова.

«Урбанистический уклон» — проблема серьезная: она приводит к искажению данных и понятий, в которых описывается динамика гражданской войны; в результате этого уклона отдается предпочтение письменным источникам, анализу «сверху вниз», идеологическим или нормативным мотивациям участников событий, а также пониманию их выбора как неизменного, фиксированного, при этом игнорируются источники устные, анализ «снизу вверх», неидеологические мотивации участников и случаи перехода из одного лагеря в другой.

Прежде всего надо сказать, что существует обратное соотношение между типом общества, где происходит гражданская война, и типом общества, способного производить, хранить письменные архивы и предоставлять к ним доступ. Именно поэтому предпочтение письменных источников заведомо порождает искажения. Часто единственные доступные источники — это правительственные архивы, в материалах которых сделан акцент на насильственных действиях повстанцев и замалчивается насилие со стороны власти (Fellman 1989: 189). Более того, если исследователь целиком полагается на опубликованные мемуары, то это может пагубно сказаться на работе, поскольку такие мемуары обычно пишут горожане и представители элиты, люди образованные и располагающие возможностями и временем для их написания, заведомо предвзято относящиеся к деревенским жителям (Hobsbawm

2001: xvii). Как отмечает Баррингтон Мур (Moore 1966: 480), «недовольный интеллигент и его душевные метания всегда привлекали внимание, прямо пропорциональное его политической значимости, частично потому, что эти искания зафиксированы в письменных источниках, а также потому, что историографией занимаются интеллигенты». Например, большинство мемуаров и хроник войны испанских партизан против Наполеона создано не сторонниками партизан, преимущественно из крестьян, а профранцузской городской элитой (С. Schmitt 1992: 209). Кроме того, мемуаров не пишут убитые (Wickham-Crowley 1990: 204). Поскольку от сельских движений и крестьян обычно не остается письменных свидетельств, на их действия либо не обращают внимания (Brovkin 1994: 127), либо относят их к другим силам, которые, с точки зрения исследователя, выступают от имени крестьян либо манипулируют ими, в зависимости от политических предпочтений автора (Duru 1997: 266). Если же в исследовании делается упор на «неавторизованные повествования» — тексты народных песен, устные рассказы, — то возникает несоответствие между реальным отношением народной массы к ситуации и тем, как его преподносят (McКенна 1998: 279).

Во-вторых, проявление урбанистического уклона заключается в акцентировании анализа «сверху вниз», с упором на политику в высших эшелонах и взаимодействие элит (Вах 2000; Тоне 1994: 6). Будучи фактором разбиения пространства, гражданские войны суть процессы, в значительной мере предполагающие динамику на местном уровне. Однако историография гражданских войн часто лишена этого измерения и охватывает не путаную местную действительность, а в основном сферу международной политики и дипломатической истории (Merrill 1989: 189; Mason, Crane 1989: 193; Tilly 1964: 340). Так, историки гражданской войны в России, как отмечает Бровкин (Brovkin 1994: 127), «слишком много занимались армиями, штабами, фронтами и правительствами» и игнорировали тыловую войну большевиков против крестьянства, которая по масштабам «значительно превосходила гражданскую войну против белых на официальной линии фронта». В исследованиях по оккупации Греции нацистами, как отмечает Мазовер (Mazower 1993: xvii), доминировало «незыблемое утверждение о том, что процессы военного времени, имевшие место на территории оккупированной Греции, определяются политикой высших эшелонов.

На страницах фигурируют самые разные послы, генералы, старшие сотрудники миссий, греческие политики и лидеры сопротивления, в зависимости от предпочтений автора... Перед нами плодородная почва для теорий заговора и героического эпоса». Однако между лидерами и последователями имеется одно системное различие. Как писал Джордж Оруэлл (Orwell 1937: 176-177), «одно из сходств коммунизма и римского католицизма в том, что полностью ортодоксальными их последователями являются только образованные люди», а Филип Конверс (Converse 1964: 213) отмечает пропасть, разделяющую элитарные и массовые убеждения, и наглядно демонстрирует, что «истинные мотивации и восприятие сторонников могут не иметь ничего или почти ничего общего с четкими убеждениями одобряемой народом элиты».

Смежная и весьма распространенная проблема заключается в той тенденции, что элитарные описания людей и устремлений принимаются за чистую монету. Поскольку элита в курсе этой тенденции, она извлекает из нее свою выгоду. На эти манипуляции легко покупаются журналисты и ученые²⁷. Наконец, существует анализ «сверху вниз» в наихудшем своем виде — речь идет о пагубной тенденции, характерной для постструктуралистских оценочных работ, заключающейся в тяготении к «метанарративу» и «телеологии», которые «могут породить неаккуратный анализ, не освещающий политику протеста, а изрядно ее затуманивающий» (Starn 1998: 236). Преодоление этого уклона возможно при условии, что все местное воспринимается не как провинциальное или местечковое, а как социальное и, что важнее всего, эмпирическое. Действительно, когда исследователь, рассматривая гражданскую войну, включает и местный аспект, то почти всегда об-

²⁷ Международная служба «Би-Би-Си» в своей весьма авторитетной вечерней новостной программе «Африка в объективе» (Focus on Africa) приводила комментарий лидера либерийских повстанцев Чарльза Тейлора на том основании, что, несмотря на пристрастность собеседника, «это мнение высказано на грамотном английском с большой долей образности. Он оставил далеко позади своих соперников — что лингвистически, что эмоционально» (Richards 1996: 3). Адамс (Adams 1994: 7) рассказывает, как конголезские политики в 1960-е гг. умели довольно убедительно презентовать себя в западных терминах, скажем, как «радикальные синдикалисты», несмотря на то, что их конфликты носили исключительно местный характер.

наруживается множественность и неоднородность впечатлений от гражданской войны и ее результатов (Blackwood 1997; Richardson 1997: 11); таким образом, вводится вариативность, благодаря которой эмпирическое исследование оказывается не только возможным, но и плодотворным.

В-третьих, урбанистический уклон имеет место при явно идеологизированном толковании мотиваций. По меньшей мере в исторической и социологической науке наблюдается недвусмысленная эпистемологическая предвзятость в пользу того предположения, что у всех участников конфликта сплошь идеологические мотивы. Ввиду того, что идеология движет самими «городскими» учеными, они видят недвусмысленную идеологическую мотивацию даже там, где ее нет. Один французский офицер так отзывался об американской революции (Shy 1976: 13): «Это революция с во сто крат большим воодушевлением воспринимается в любом отдельном парижском кафе, чем во всех колониях, вместе взятых»²⁸. Историк, изучавший фашистские движения во Франции (Jankowski 1989: ix; xii), замечает, что «участники дискуссий яростно держались за идеологическую сторону», исключая действительные эмпирические данные исследований. Такая точка зрения приводит к тому, что предпосылкой к партизанским действиям служит «сильная идеология», поскольку она «готовит население к полной отдаче и самопожертвованию во время войны. Подавляющее большинство должно ощутить судьбу страны как свою перед лицом подлинного врага; иначе они не будут согласны нести большие жертвы» (Rohkramer 1997: 513–514)²⁹.

Можно не сомневаться в том, что идеология настраивает на действия (M. F. Brown, Fernandez 1991: 98); однако в деле

²⁸ Шай (Shy 1976: 13) замечает, что этот офицер был убежденным сторонником американцев и что, хотя он и явно утрировал, «существует множество свидетельств в пользу его точки зрения, которые нельзя просто так сбросить со счетов».

²⁹ Удивительно, но, поскольку одновременно могут иметь место различные аспекты урбанистического уклона, желание приложить идеологическую мотивацию к поведению каждого повстанца-крестьянина часто сопровождается тенденцией к лишению всякой рациональности этих людей, чьи мотивы носят религиозный, этнический, «племенной» характер. Все это тесно связано с педалированием большой политики и макросоциальных факторов по отношению к факторам местным, связанным с конкретными обстоятельствами.

участвуют и некоторые другие дополнительные мотивации, которыми при макроисторическом анализе обычно пренебрегают. Так, участие народных масс в партизанской войне против Наполеона, которая имела место в Испании, «было связано не с высшим патриотизмом и пиететом, а с сельским укладом Наварры» (Топе 1994: 7). Причина, по которой в начале XX века македонские крестьяне делали свой «неохотный и временный» выбор в пользу того, чтобы назваться греками или болгарами, «могла состоять в финансовых соображениях, социальном неравенстве, местной политике, вплоть до личной неприязни и вражды, за которыми для какого-либо «национального» определения почти или совсем не оставалось места» (Livaniос 1999: 197). Решение человека перейти на сторону немцев или партизан на оккупированной советской территории определялось вовсе не «абстрактными размышлениями и взвешиванием «за» и «против» двух режимов, и даже не положительным либо отрицательным отношением к советскому режиму, каким его успели узнать до оккупации» (Dallin, Mavrogordato, Moll 1964: 336). Процент вступивших в коллаборационистскую милицию в Марселе во время Второй мировой войны из идеологических соображений оценивается, по очень приблизительным данным судебных протоколов, примерно в 5%; еще 10% хотели устроиться на работу и получить привилегии, остальные же вступили туда по множеству причин, которые часто противоречили одна другой (Jankowski 1989: 123–124).

На самом деле рядовые обыватели, попавшие в водоворот насилия и войны, чаще всего не являются героями: они пытаются сохранить работу, дом, семью и прежде всего жизнь (Butalia 2000: 76). Тимооти Снайдер (Snyder 2003) пишет, что преследуемые на Западной Украине поляки, проживавшие в сельской местности, все чаще уходили в партизаны, а проживавшие в городах присоединялись к немецким оккупантам: их целью было выжить либо отомстить. Говоря о Мозамбике и Шри-Ланке, Нордстром (Nordstrom 1992: 265) замечает: «Идеологи и члены (полу)военных формирований, участвующие в конфликте, считали, что в основе конфликта лежат позиции сторон, их правота и неправота; гражданские же лица часто с трудом разграничивали эти стороны и особенно неуверенно ориентировались в идеологических категориях «справедливого» и «несправедливого». Действительно, многие страдающие от войны люди — лишенные

комфорта и контакта с земляками, близкими, домашними, нередко раненые и обездоленные — попросту не понимают сути конфликта и между кем он разразился».

Проливает свет на проблему и недавнее социологическое исследование по обращению в религиозную веру — этот «выбор» не в меньшей степени определяется идеологическими соображениями, чем политический. Данное исследование показывает, что в основе обращения лежит вовсе не привлекательность доктрины (т.е. когда люди слышат воззвание, находят его привлекательным и принимают веру): большинство вплоть до обращения не принимает всерьез новых постулатов (Stark 1997). Во многих исторических работах, авторы которых используют не только «элитарные» источники, можно встретить утверждение об часто встречающейся эндогенности идеологии войны. В оккупированной Франции «очень многие маки имели коммунистические убеждения не изначально, а приобрели их в процессе борьбы» (Kedward 1993: 153), тогда как на Западной Украине в ходе немецкой оккупации «впечатление от массовых убийств в сочетании с политической обработкой служили инструментом воспитания преданных бойцов из числа аполитичных крестьян» (Snyder 2003: 216). Аналогичным образом новобранцы Вьетконга изначально не были пламенными революционерами, но по вступлении в организацию они «вливались» в коллектив, «обтесывались», у них «росло самосознание» — этого удавалось добиться путем хитроумных методов политической и идеологической подготовки; и даже впоследствии у большинства так и не наблюдалось идеологической преданности как таковой (Bergman 1974: 75, 8).

Если ученый полагает, что успех в бою — показатель идеологической преданности, то он неизбежно столкнется с трудностями, если будет увязывать вступление в организацию с одними лишь идеологическими мотивами. Во-первых, все политические заявления люди делают в своих интересах. Победу повстанцев часто рассматривают как признак сильного духа и преданности делу, тогда как поражения повстанцев — как результат предательства (Mackenzie 1997). На материале обширной исследовательской базы можно сделать вывод о том, что мотивом идти в бой для комбатантов служит не идеология, не ненависть и не страх, а давление коллектива и процессы, так или иначе связанные с уважением к сослуживцам, к лидерам, озабоченностью собственной репутацией в глазах тех и других

и необходимостью внести свой вклад в дело группы — это явление имеет название «первичной групповой привязанности» (Grossman 1995: 89–90; Lynn 1984; Stouffer 1949; Shils, Janowitz 1948; Marshall 1947). Идеологические мотивации, если они и присутствуют, отфильтровываются динамикой группового давления. Наконец, свои привлекательные стороны есть в самой войне. Так, мозамбикские подростки, которых похищали и заставляли воевать на стороне РЕНАМО, демонстрировали высокий боевой дух, что частично объяснялось авантюристской романтикой, которой была окутана служба в РЕНАМО, включая доступ к захваченным предметам роскоши и женщинам (Т. Young 1997: 132). А чтобы люди накрепко привязались к организации — добровольно или насильно, — вводятся суровые санкции. За дезертирство в большинстве армейских формирований, регулярных и иррегулярных, полагается смерть (Rubio 1999: 115–116).

При том, что решение вступить в группировку часто не носит идеологического характера, постфактум в интервью бывшие члены этой группировки часто рисуют именно такую картину. Происходит это потому, считает Иван Ермаков (Ermakoff 2001: 4), что в беспокойные времена одновременно возникает потребность в стратегической неидеологической деятельности и идеологическом ее обосновании. Идеологический уклон усиливается невозможностью оценить отношение и поведение постфактум. Иными словами, пусть в момент времени t_1 некое лицо принуждают вступить в повстанческую группировку³⁰. В момент времени t_2 армия сжигает родную деревню этого человека, убивает членов его семьи. В результате в момент времени t_3 человек всецело посвящает себя делу повстанцев, задавшись целью отомстить за родных (а кроме того, потому что ему нечего терять). По окончании войны (t_4) лицо, реконструировав свою первоначальную мотивацию и заявления, может искренне поверить в то, что вступило в ряды повстанцев в момент t_1 из идеологической преданности. Недостаточно въедливый исследователь, в чьи

³⁰ У Тодорова (Todorov 1996: 113) находим рассказ о человеке, который выдавал себя за члена французского сопротивления, но позже был арестован бойцами сопротивления, которые приказали ему убить чиновника оккупационной администрации. «Псевдомаки был помилован и позже на самом деле вступил в ряды сопротивления».

руки попадет это свидетельство в момент t_4 , сделает на основе этого предвзятого суждения свои выводы. Исследуя сущность религиозного обращения, Родни Старк (Stark 1997: 19) предостерегает от этой опасности: «Если мы в момент обращения не стояли рядом и не наблюдали за процессом, мы, скорее всего, уже не узнаем истинный смысл случившегося, поскольку, когда люди рассказывают о своем обращении в ретроспективе, то делают акцент на богословских вопросах».

Четвертое проявление урбанистического уклона — присваивание фигурантам постоянных, фиксированных, неизменных статусов вроде «крестьянин», «католик», «албанец». Таким образом, возникает картина войны между двумя четко демаркированными лагерями, для которых характерна компактная, стабильная и преданная социальная база. В описаниях гражданских войн последнего времени «идеология четко очерчена, оппоненты очевидны, бой идет между четко обозначенными группами с внятной политической идеологией» (Nordstrom, Martin 1992: 4). Однако такое восприятие сопряжено с рядом спорных моментов: во-первых, нельзя сказать, что деление на лагеря является по отношению к войне исключительно внешне обусловленным. Так, термином «помещик» в коммунистическом Китае пользовались не как нейтральным классовым ярлыком, а как политическим оружием, часто применяя его против противников на местном уровне. Как замечает Хелен Сиу (Siu 1989: 134), благодаря тому, что трудно было провести различие между классовыми ярлыками, «оставалось пространство для маневра. Соседям и родственникам внезапно стало трудно договариваться между собой, посыпались взаимные обвинения». На филиппинском острове Негрос слово «коммунист» было понятием весьма широким и размытым, служившим для оправдания любого убийства (Berlow 1998: xiii). Во-вторых, за этими определениями могут скрываться и маскироваться местные люди и явления, не очевидные для наблюдателя (Глава 10).

Если мы исходим из предположения, что принадлежность к лагерю более или менее постоянна, то ввиду отчетливо прослеживаемой тенденции выводить мотивации непосредственно из принадлежностей мы сталкиваемся с трудностями (Bayly 1988: 119–120; Perry 1980: 251; Tilly 1964: 7). В основе этих мотиваций обычно лежат «внешние» претензии группы, а при этом не учитываются внутренние конфликты и разли-

чия, такие как пол, происхождение, принадлежность к клану, возраст, а также социально-экономическое положение в сообществе (Tambiah 1996: 316; Kriger 1992). Однако даже малые группы, если взять, например, крестьянские селения или деревеньки, могут отличаться разобщенностью (Lison-Tolosana 1983: 39). В научных исследованиях часто прослеживается та же черта, что и в «официальной историографии»: из них удаляют все, что связано с внутренними конфликтами, о которых неудобно рассказывать: «классовые противоречия, изменничество или же крестьянские инициативы, неподконтрольные элите», а также «сглаживают острые заусенцы прошлого» (Swedenburg 1995: 21; Kedward 1993: 160).

То же справедливо и для этнических групп, которые не отличаются однородностью, разве что иногда. Изучая район в Белфасте, заслуживший репутацию «оплота ИРА», Слука (Sluka 1989: 289) установил, что на самом деле речь идет о «гетерогенном и сложном сообществе людей, где перемешались политические настроения и по-настоящему политически заинтересованным и активным является «меньшинство». Аналогичным образом рассуждает Томас Маккенна (McKenna 1998), обнаруживший, что большинством простых филиппинских мусульман, поддержавших сепаратистское мусульманское восстание и даже сражавшихся в рядах мятежников, двигали отнюдь не националистические настроения вождей: к категории «морю» — так лидеры обозначили граждан будущего государства — они себя не относили, а кроме того, отрицали, что воюют непременно за создание нового государства. Сведенбург (Swedenburg 1995), изучая воспоминания о палестинском восстании 1936—1939 гг., открыл мемуары «коллорабационистов» (палестинских повстанцев, перешедших на сторону британцев и воевавших там до конца), которые явно противоречили ортодоксальной палестинской националистической трактовке прошлого. Моханд Хамуму (Hamoumou 1993) утверждает, что мотивации, в силу которых в ходе алжирской войны за независимость огромное количество алжирских крестьян оказалось на французской стороне, изначально были неидеологическими.

Идея об эндогенном — по отношению к войне — характере самоопределения соотносится с пониманием происхождения силы идеологии из практики подчинения (Earle 1997: 8) и опирается «не столько на набор мотиваций, которые она создает, сколько на спектр предпосылок, которые предостав-

ляет политическим силам для оправдания своих действий» (Ermakoff 2001: 4). Она также согласуется с постоянно всплывающими жалобами революционных лидеров на низкий уровень политической «сознательности» крестьян-новобранцев (Wickham-Crowley 1991: 52)³¹.

Не надо лишний раз говорить, что противодействие урбанистическому уклону не должно строиться за счет игнорирования изменений в городах или на национальном уровне. Вместо этого необходимо найти способ соединить местное и национальное, взгляд снизу со взглядом сверху — или, если пользоваться терминологией историков Англии XVII века, интересы улицы с местническими интересами.

2.5. СИСТЕМНАЯ ОШИБКА ОТБОРА

Как отмечал Дюркгейм (Durkheim 1938: 40), «нельзя утверждать, что заболеваемость — полный антипод здоровью; это разновидности одного явления, и одно объясняет другое». Примеры насилия невозможно анализировать в отрыве от примеров ненасилия. Следует отметить, что недавние исследования с привлечением больших данных по гражданской войне (Sambanis 2000; Fearon, Laitin 2000) и этническим конфликтам (Wilkinson 2004; Varshney 2002) проведены с коррекцией данной системной ошибки. Однако вероятность этой ошибки высока в исследованиях, ориентированных на микроуровень, поскольку в них делается акцент на случаях максимальной жестокости, при этом авторы пренебрегают другими местами и периодами, где насилие носило более ограниченный характер или не имело места вовсе.

³¹ По многим данным, мятежники почти не ведут между собой политических разговоров. (Zimmerman 2000: 192; Rubio 1999: 117; Hart 1999: 264; M. F. Brown, Fernandez 1991: 137; Kerkvliet 1977: 229). Книга Гитлера «Майн Кампф» стала лучше продаваться в Германии лишь после того, как увеличилась численность партии (не раньше). Видимо, признаком верности фюреру было иметь у себя такую книгу в качестве инструмента обращения в идеологию (Wickham-Crowley 1991: 129). Выясняется также, что связь между политическим насилием и (радикальными) идеологиями весьма тонка даже для жителя города. Это показывает Делла Порты (Della Porta 1995: 196) на примере итальянских и немецких «террористических» организаций.

Еще одна разновидность ошибки отбора связана с тем, что в центре внимания оказывается та политическая сила, которая творит насилие. Многие исследователи исключают или минимизируют возможность того, что гражданские лица могут стать жертвами не только проправительственных сил, но и мятежников (Valentino 2004; Downes 2004; Azam, Hoeffler 2002; Gulden 2002). В соответствии с таким подходом насилие против гражданских лиц рассматривается как исключительно стратегия государства, повстанцы же ее вроде как не применяют. Противоположная картина (акцент на насилии, применяемом мятежниками) наблюдается у исследователей деятельности властей (Hosmer 1970), также в работах, вышедших относительно недавно (J. Weinstein 2003). Автор исключает возможность толкования насилия, проявляемого стороной, не являющейся объектом изучения; кроме того, автор не уделяет внимания процессу взаимодействия между противоборствующими сторонами, что приводит к искажению данных анализа.

2.6. СИСТЕМНАЯ ОШИБКА ЧРЕЗМЕРНОЙ АГРЕГАЦИИ. ПРОБЛЕМА ДАННЫХ

При исследовании проблемы насилия неизбежно приходится сталкиваться с щекотливой проблемой данных. Помимо искажений, возникающих на этапе сбора и интерпретации данных ввиду урбанистического уклона или пристрастия, данные по насилию уязвимы еще перед двумя факторами. Во-первых, во все времена во всех странах из показателей политического насилия самые доступные — суть ненадежные и непоследовательные; во-вторых, доступные данные представлены в агрегированном виде. Обе эти проблемы пагубно сказываются на анализе, основанном на доступных количественных показателях. Имеющиеся данные по насилию могут претерпеть самые чудовищные искажения³². Систематического характера эти искажения не носят: иногда количество жертв завышается, иногда занижается, по прихоти автора, который склоняется то

³² Lacey 2005; Harkavy, Neuman 2001: 323–324; Tishkov 1999: 580–58; Werth 1998: 95; Manrique 1998: 221; Licklider 1998: 122; Nordstrom 1997: 43; Schlichte 1997: 6; Della Porta 1995; Cranna 1994; Lopez, Stohl 1992; Mitchell et al. 1986; Henriksen 1983; Westing 1982: 262.

в пользу одного, то в пользу другого пристрастного суждения. Число жертв гражданской войны в Перу в период 1980–2000 гг., по последним оценкам, как минимум вдвое выше, чем считалось ранее: не 35 тыс., а 69 тыс.; более высокими, чем сообщалось ранее, потерями среди гражданских обернулась американская операция «Несокрушимая свобода» в Ираке (Benini, Moulton 2004). Обратное относится к боснийской гражданской войне, по которой в осведомленных источниках мы находим общее число жертв 60 тыс. человек, в отличие от получившей широкое распространения цифры в 250 тыс. (Kenney 1995). В результате округления цифр они, как правило, растут: долгое время считалось, что гражданская война в Испании унесла жизни 1 миллиона человек, что является огромным преувеличением (Barnstone 1995: 169). Похожие искажения имеют место во многих других случаях (например, Last 2000: 315–316), хотя точных данных по большинству из войн мы, вероятно, никогда не узнаем. Искажения эти затрагивают не общее число погибших, а потери каждой стороны. В недавней работе, где анализировались имеющиеся свидетельства насилия в ходе испанской гражданской войны, делается вывод, что масштаб насилия, учиненного правыми, систематически преуменьшался, а со стороны левого лагеря — преувеличивался (Julia 1999: 410). Искаженные данные затем проникают в сводные таблицы, что приводит к серьезным количественным отклонениям (Dulic 2004; Davenport, Ball 2002)³³.

Значительная часть искажений проистекает из политического процесса, но даже вне его имеет место огромная проблема, связанная с измерением. Утверждается, что война во Вьетнаме — наиболее тщательно и оперативно исследованный конфликт в истории человечества (Fall 2000: 110); при этом данные о жертвах, в особенности среди гражданских лиц и жителей Северного Вьетнама, мягко говоря, не без изъяна (Moуаг 1997: 230–241; Thayer 1985: 101). В военное время сбор данных сопряжен с трудностями, причем не только в отдаленных сельских районах, об относительной непрозрачности мы говорили в разделе,

³³ Родезийский начальник разведки сделал редкое публичное заявление, в котором признался в том, что «стряпал цифры» вражеских потерь и выдавал убийства, совершенные силами безопасности, за совершенные боевиками (Flower 1987: 151, 204).

посвященном урбанистическому уклону. Затрудняет поиск и пресловутый туман неизвестности, окутывающий войну, которому придают густоты неэффективные или прекратившие существование бюрократические органы. Сложность такого предприятия иллюстрирует следующий пример: несколько лет назад выяснилось, что два брата-мусульманина, якобы убитые в Боснии, на убийстве которых строился судебный процесс, инициированный боснийским правительством, преспокойно живут в пригороде Сараева (Hedges 1997). Данные проблемы, конечно, не связаны исключительно с войной. Когда в странах третьего мира происходят природные катаклизмы, то количество жертв считают также очень приблизительно. Развитая в промышленном отношении страна — США — потратила не один месяц, прежде чем чиновники, работая не покладая рук, смогли установить точное число жертв терактов 11 сентября 2001 г. и наводнения в Новом Орлеане 2005 г.; первоначальные оценки разительно отличались от истинных цифр, и, если бы не длительные кропотливые, трудоемкие подсчеты, их бы так и не удалось скорректировать. Более того, доступные данные чрезмерно агрегированы и оторваны от обстоятельств. Обычно отсутствует информация по конкретным обстоятельствам, сопутствующим насилию (кто, где, когда, как, кем)³⁴. В имеющихся данных примеры насилия также отсекаются от предшествующих и последующих событий³⁵. Эти проблемы отнюдь не новы;

³⁴ Вместо попыток осмыслить обстоятельства мы нередко наблюдаем абсурдные количественные экзерсисы. Голдстейн (Goldstein 1992: 50) даже составил небольшой перечень таких абсурдностей: в частности, один исследователь пытался вычислить, «сколько отчетов о пытках равнозначны одному убийству», другой же предложил значение, равное 70 убийствам и ста «исчезновениям».

³⁵ К насилию на гражданской войне полностью применима следующая оценка качества данных по межплеменным распрям, данная (Black-Michaud 1975: 35): «Работы, в которых предпринята попытка описания подлинных «распрей», страдают либо тем, что рассказывают об одном кровопролитном эпизоде из целой серии подобных событий, либо тем, что преподносят «историю» противостояния в слишком сжатом виде, так что игнорируются значимые параметры, без которых любые попытки социологического толкования сценария враждебных действий будут бесплодны».

так, Джон Шай (Shy 1976: 189) об одном из наиболее тщательно изученных конфликтов — американской революции — пишет: «Война в округе Берген и Вестчестер (штат Нью-Йорк), которую вели день за днем, ночь за ночью, совершая подлые вылазки, карауля противника в засадах, носила характер сложный и путаный; невозможно достоверно определить обстоятельства очень многих спорных ее эпизодов — сколько раз совершались зверства? Кем совершались? Почему?»

Агрегированные и внеконтекстуальные данные располагают к тому, чтобы их интерпретировали неверно: например, анализ насилия в Колумбии, основанный на сообщениях об убийствах, будет заведомо ошибочным, поскольку, как демонстрирует нам Маурисью Рубио (Rubio 1999: 44–45), решения людей сообщать об убийствах также зависят от схемы развития насилия: сообщают охотнее (и с достаточной степенью точности) там, где эти убийства наименее вероятны; иными словами, чем выше уровень насилия, тем скуднее данные. Аналогично, авторы аналитических работ по насилию в Ираке, имевшему место после американского вторжения, склонны в качестве показателя активности боевиков воспользоваться данными по количеству нападений на американские военные патрули. Однако такая интерпретация неверна, поскольку решением американского командования патрулирование в районах, ставших оплотом боевиков, было существенно сокращено, и, соответственно, снижалась вероятность столкновений. «Нападений стало меньше, поскольку мы реже на эту дорогу выходим, — признавался в сентябре 2004 г. один офицер из штаба морской пехоты в провинции Анбар. — Но не стоит делать из этого вывод, что стало безопаснее», — добавил он (Chandrasekaran 2004: A1).

Большая часть информации, особенно к неправительственным организациям по правам человека, поступает исключительно от пострадавших. Такие свидетельства могут до некоторой степени быть сопряжены с трудностями: дело в том, что статус жертвы не предполагает полного или точного знания о действиях, из-за которых они в этом статусе оказались; вообще, показания пострадавших не становятся неприкосновенными только лишь потому, что даны жертвами (Roussio 1998: 67). Как и все люди, пострадавшие бывают

забывчивы³⁶, могут отказываться отвечать³⁷ или же неверно преподносят³⁸ важнейшие аспекты или последовательность действий и событий, жертвами которых стали (Wagenaar 1988). Часто информанты, особенно жертвы, имеют интерес в том, чтобы навязать исследователям свою правду, еще и потому, что считают их подлинными хранителями истории, которые станут пересказывать их судьбу, окружив эдаким ореолом научности и объективности: «Именно потому, что опыт невыразим, а выразить его надо, препятствием для свидетеля является посредство из структур языка, нарратива, социального окружения, религии, политики. Получающиеся в результате истории — не та боль, которая в них описывается, а те формулировки, которые для этого использованы, — не только могут, но и должны восприниматься критически» (Robben 1995: 97).

Наконец, журналистский анализ и личные свидетельства могут оказаться сфабрикованными от начала до конца (Wyatt 2005; Steinberg 2004; Tyler 2002). Попытки последнего времени, предпринимаемые различными НПО и комиссиями по установлению истины, систематически рапортовать о нарушениях прав человека — похвальное нововведение, но все же не панацея. Данные могут быть неполными и неточными (например, Wood

³⁶ Существует интереснейшее наблюдение о том, что свидетели преступлений (и иных происшествий) систематически ошибаются, пересказывая существенные нюансы событий, которые их просят прокомментировать (Dwyer 2001; Gawande 2001). Журналист Дэвид Терещук (Tereshchuk 2001), оказавшийся в Северной Ирландии в так называемое «кровавое воскресенье» 1972 г., был абсолютно убежден, что на стрелявшем впереди него солдате был красный берет; на фотоснимках же отчетливо видно, что на голове у солдата шлем. «Пересмотрев еще несколько фотографий и фильмов, — замечает он, — я убедился, что при этом, что я полностью доверял своей памяти, я откровенно ошибся».

³⁷ В беседе с Нордстром беженец со Шри-Ланки сообщил: «Я не знаю, кто сжег мою деревню и убил 17 человек, включая сына моего брата» (Nordstrom 1992: 265).

³⁸ Стремление ложным образом представить свое прошлое и выставить себя героем наблюдается повсеместно. Так, в Соединенных Штатах было более 7 тыс. случаев, когда люди безосновательно причисляли себя к элитному подразделению «морских котиков», в основном во время вьетнамской войны. Нередки случаи, когда известных людей ловили на том, что они преувеличили свои военные заслуги или полностью придумали себе героическое военное прошлое (Belluck 2001) или историю того, как они якобы пострадали от конфликта (Wyatt 2005).

2003: 32, 55; Binford 1996: 106); иногда их собирают слишком узко, с целью добиться огласки чего-либо или оказать давление (Suarez-Orozco 1992: 220), при этом системного сравнительного анализа не проводится³⁹. Кроме того, как уже говорилось, эти организации (включая ООН) не застрахованы от ошибки пристрастности, отчего их данные становятся менее надежными. В этом отношении особенно полезна развернутая в последнее время работа таких организаций, как Американская ассоциация за продвижение науки (Knight 2003). Из этих проблем складываются последствия — бифуркация направления исследований по насилию: либо они представлены в формате разбора конкретных ситуаций на основе обрывочных сведений, либо — в виде корреляционного анализа больших данных на основе почти наверняка ненадежных количественных критериев.

2.7. ВЫВОДЫ

Проблемы системных ошибок имеют (и всегда имели) тревожные последствия; ими объясняются относительно малые успехи в изучении насилия, в том числе и в аспекте гражданской войны. Преодоление упомянутых уклонов возможно лишь в рамках проектов исследований, направленных «строго на разукрупнение агрегированных данных во время их сбора, а также разукрупнение теоретических построений» (Brubaker, Laitin 1998: 447). В Главе 9 я привожу план сопоставительного микроисследования, в рамках которого учтено большинство обозначенных здесь проблем. Дальнейшее обсуждение методических вопросов, связанных со сбором данных по насилию на гражданской войне, вы найдете в Приложениях А и В.

³⁹ Организация «Эмнести Интернешнл» всегда сознательно представляла полученные данные таким образом, что при попытках социологов анализировать ежегодные отчеты не находилось ни одного документа, который бы, скажем, был универсален для разных стран и содержал данные за один год, или это были бы данные по одной стране за разные годы. Тогда бы эти данные подлежали сопоставлению. В этой организации уверены, что добиться столь точной отчетности не просто невозможно, а что это было бы политически неразумно (Mitchell et al. 1986: 22). Как выражается Гуревич (Gourevitch 1998: 187), «в соответствии с канонами прав человека, такие сопоставления — табу».

Варварство

Эти моменты невозможно понять, не пережив самому. Та гражданская война не выразима словами. Приходили и забирали людей без вины!

Слова испанца, приводимые
в книге Рамона Сендера Барайона
«Смерть в Саморе»

Несмотря на квазиуниверсальное постулирование связи между гражданской войной и зверствами, мало кто берется обстоятельно провести связь между этими двумя явлениями. А между тем почему именно гражданская война ассоциируется с чрезмерным проявлением насилия? Иными словами, что именно на гражданской войне служит источником варварской жестокости? От ответа на этот вопрос прямо зависит, сможем ли мы сформулировать теорию насилия на гражданской войне. В этой главе я реконструирую, уточняю и противопоставляю друг другу четыре общих аргумента, принадлежащие к разным теоретическим традициям. Первый тезис, имеющий место во многих исторических и дескриптивных работах, происходит из заложенного Томасом Гоббсом понятия *распада* политического строя, который он увязывает с насилием. Второй тезис, т.н. «*трансгрессия*», связан с тем, что вооруженная внутренняя угроза трансгрессивна по отношению к установленным нормам — т.е. переступает их, и таким образом вспыхивает насилие. Третья характеристика — «поляризация» — обнаруживается в исследованиях исторических и социологических; в ней делается акцент на глубоких идеологических и социальных различиях и подчеркиваются предсказуемо тяжелые последствия этого явления, охарактеризованного Карлом Шмиттом как «всеобщая вражда». В последнем тезисе делается акцент на жестокую реакцию, которая продиктована соображениями безопасно-

сти, связанными со *способом ведения боевых действий* во время гражданской войны. Я рассматриваю разные теоретические и эмпирические стороны этих аргументов и выбираю последний тезис в качестве наиболее подходящей теоретической базы для теории насилия на гражданской войне.

3.1. ВАРВАРСТВО И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Сказать, что война «порождает» насилие, — значит, допустить тавтологию: война и есть случай коллективного насилия. Однако гражданскую войну отличает именно четко закрепленная ассоциация с чрезмерным насилием и зверствами. Как утверждает Майер (Mayer 2000: 323), «если война есть ад, то гражданская война есть самые недра пекла!»; и, хотя этнический конфликт в последнее время изучается довольно активно, важно помнить, что насилие не закреплено исключительно за ним. Долгое время причиной насилия и гражданской войны считали религию (Hobsbawm 1997: 258), а наиболее тяжелой формой гражданской войны, когда насилие достигает своего пика, — ее «идеологическую» или «революционную» форму (Raupе 1987: 209; Bouthoul 1970: 448). Бернар (Bernand 1999: 273) из своего анализа военных действий в Древней Греции делает вывод о том, «что к ошеломительных масштабов волне насилия привели идеологические конфликты».

Гражданская война часто является войной «наиболее кровавой и тяжелой», «жестокость — верная спутница гражданских войн», «неприкрытое зверство... свойственно любой полномасштабной гражданской войне» (Mayer 2000: 207; Roberts 1994: 136; Petitfrere 1981: 50). Данные утверждения отражают общепринятое понимания гражданских войн как исключительно кровопролитных и варварских; такое восприятие восходит к таким авторам, как Фукидид, Альберико Джентили, Мишель Монтень и Адам Смит⁴⁰. Мадам де Сталь (Stael 1979: 10) замечала, что «все гражданские войны более или менее похожи своей жестокостью, хаосом, в которые они увлекают людей, и той игрой жестоких и тиранических страстей». Красноречиво выразился Дюпуи (Dupuy 1997: 255): вандейский мятеж «был прообразом

⁴⁰ Более свежие формулировки на тему: Tishkov 2004: 127; Malefakis 1996: 28; Bobbio 1992; Bouthoul 1970: 448; Gunther 1949: 129.

всех будущих гражданских войн, и немудрено, что насилие играло в нем ключевую роль»⁴¹. Такую точку зрения разделяют участники войн. Один итальянский партизан писал в дневнике: «Древние были правы насчет того, что гражданские войны куда более жестокие, чем войны между странами» (Pavone 1994: 466). Такое представление о войнах укоренилось столь прочно, что отсутствие полномасштабных зверств весьма озадачивает исследователя (Clifton 1999: 107; Donagan 1994; Worden 1985: 141).

Ясно, что характеристика определенных форм насилия как жестоких предполагает субъективность и культурную обусловленность суждения⁴². Более того, стереотипы жестокости могут

⁴¹ Губернатор Южной Каролины в период Американской революции окрестил ее «неслыханно жестокой войной»; еще один политик из того же штата в 1782 г. отмечал, что «добрые граждане, жители этого штата, не только разделили между собой обычно сопутствующие войне невзгоды, но и пострадали от действий, совершаемых столь злонамеренно и дико, что едва ли допустимы в цивилизованных странах» (Weir 1985: 77, 78); а в XIX в. один французский контрреволюционный лидер писал, что «антагонизму мнений свойственны перегибы» (Dupuy 1997: 237). Мне удалось найти только один явный случай превознесения гражданской войны над межгосударственной, но даже в том случае (речь шла об израильском вторжении в Ливан) рассматриваемая межгосударственная война имела выраженные признаки войны гражданской (Moïno 1999: 44). Иногда убеждение, что гражданская война — более жестокая, связано с популярной позицией, что только гражданские войны стоят того, чтобы их вести (Pavone 1994: 225).

⁴² Crozier 1960: 158; Barnett, Njama 1966: 138. Фойгт (Voigt 1949: 71) отмечает, что «в Испании зверские убийства осуществляли оба лагеря, поскольку таков испанский способ ведения гражданских войн». Прюнье (Prunier 1995: 140) критикует западных журналистов, освещавших геноцид в Руанде, за то, что они «всегда подчеркивали, что людей убивают при помощи мачете — как будто убивать холодным оружием более жестоко, чем пулей. Ни римское войско, ни средневековых европейских рыцарей не приходит в голову осуждать за применение меча — журналистам следовало бы понять, что с мачете воюют не потому, что в культуре наличествует варварство, а в силу определенного уровня экономики». С ним согласен Ричардс (Richards 1996: xx), который пишет о Сьерра-Леоне, что не следует считать «дешевое» насилие, т.е. осуществляемое при помощи ножей и самодельных сабель, чем-то более жестоким, чем насилие «дорогое», при котором людей убивают и калечат оружие с лазерным наведением. «Категорически неверно считать определенный тип войны «варварским», подразумевая лишь его низкую себестоимость».

быть порождением того, что гражданские войны происходят в основном в странах бедных, тогда как богатые имеют возможность вести войну «современную» (Trinquier 1964: 113), более безлично ориентированную, в том смысле, что она позволяет «военным уничтожать больше сил врага на все более удаленных расстояниях», минимизируя таким образом «жестокий, беспощадный контакт с врагом». Гражданские войны, напротив, ведутся без применения современных технических средств, на них люди непосредственно причиняют и испытывают физические страдания, убивают и погибают сами — отсюда и восприятие гражданской войны как более кровопролитной. Тем не менее убежденность в исключительном варварстве гражданских войн представляет определенный интерес — в меньшей степени как объективный эмпирический факт, в большей степени как давнее и стойкое субъективное мнение.

По масштабам и жестокости гражданские войны существенно отличаются друг от друга⁴³. Тем не менее наблюдатели отмечают «невероятно высокий» уровень смертности в ходе гражданских войн (Harkavy, Neuman 2001: 323). 10 из 13 самых кровопролитных конфликтов XIX и XX веков — это гражданские войны; высокий процент насилия наблюдался в 68% гражданских войн и всего в 15% войн межгосударственных (Magalhaes 1996: 225; Miall 1992: 124). При этом есть множество гражданских войн, характеризующихся низкими безвозвратными потерями, а войны межгосударственные с незапамятных времен уносили колоссальное число жизней мирных людей (Mueller 2004; Bernand 1999; Tilly 1985: 173).

Итак, восприятию гражданской войны как источника чрезмерного насилия и зверств способствует смертность нонкомбатантов, превышающая военные потери; к этому можно добавить часто имеющее место проявления близостного («братоубийственного») насилия (см. главу 10)⁴⁴. То,

⁴³ В 146 гражданских войнах, начавшихся с 1945 по 1999 г., среднее число погибших составило 143 883 человека, то есть медиана (среднее количество) составляет 19 000; 11 из этих конфликтов характеризуются, по оценкам, числом жертв менее 1,5 тыс. (Sambanis 2004).

⁴⁴ По оценкам Экхардта (Eckhardt 1989: 92), межгосударственные войны в период с 1900 по 1987 г. унесли жизней почти в два раза больше, чем гражданские, колониальные и империалистические вместе взятые; кроме того, на гражданской войне большую часть погибших

что на гражданской войне высок процент гибели мирных жителей, связано с тем, что реже происходит собственно боевое столкновение и что целью осознанно выбираются гражданские лица: как отмечал беженец из Анголы, «война вошла в дом и шла там» (Brinkman 2000: 7). Гражданские войны, отличающиеся исключительной жестокостью, фактически проходят без боестолкновений. Так, в Ирландии в ходе войны за независимость «бой был явлением более редким, чем убийство» (Hart 1999: 18). Полем боя в этом случае становится само общество; гражданская война «носит тотальный характер и начинается с самого нижнего и массового уровня» (Waghelstein 1985: 42).

При том что современная концепция «тотальной войны» (особенно войны ядерной, т.е. крайней ее формы) предполагает абсолютное неразграничение комбатантов и нонкомбатантов, все же современный взгляд на войну неразделимо связан с разделением этих двух групп и ограничением насилия рамками поля боя. Современные правила ведения войн, теоретические и практические, возникли в Европе в период с 1550 по 1700 г. (Parker 1994: 41). Европейские страны, ведя друг с другом войны с середины XVII века вплоть до Второй мировой, прилежно следовали этому. Однако из практических и нормативных соображений данные «правила хорошего тона» не затронули гражданские войны. Несомненно, стереотип о необузданном насилии связан именно с тем, что гражданским войнам чуждо такое стремление к «цивилизованности».

Если коротко, то понимание гражданской войны как варварской складывается из ряда субъективных восприятий и реальных тенденций. Хотя гражданские войны необязательно лидируют в плане варварства, все же варварство для них характерно, ведь война идет преимущественно против гражданских лиц, с вопиющим нарушением установленных или возникающих международных правил. Далее я постараюсь реконструировать и дать оценку четырем «досужим суждениям» о варварском уклоне гражданской войны.

составляют гражданские лица. Другие отмечают тенденцию, согласно которой, начиная с 1960-х гг., когда шли в основном гражданские войны, растет доля безвозвратных потерь (Sivard 1996: 17–19; Sivard 1987: 28–31).

3.2. РАСПАД ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Долго время считалось, что гражданская война преобразовывает общество в этакую «гоббсианскую игровую площадку» (Hedges 2003: 163). Ученые вслед за Гоббсом увязывают насилие на гражданской войне со свержением политического строя; это наблюдение древнее, восходит к Фукидиду. Суть этой теории в следующем: люди жестоки от природы, и, если их не сдерживать, они будут проявлять насилие. Иными словами, насилие — это человеческое состояние по умолчанию. Когда воинственность и беззаконие разрастаются настолько, что охватывают целое общество, предсказуемый и неизбежный исход — варварство. На первый взгляд, эта догадка весьма правдоподобна и занимает центральное место в описаниях войн (Berkeley 2001: 14; Barrett 2001: 11), а также в научных исследованиях (J. Weinstein 2003). Ту же мысль можно встретить и в воспоминаниях участников: «Здесь сплошная анархия и смятение, все рушится», — писал очевидец американской гражданской войны; другой добавляет: «Все умерло... Нет ни закона, ни порядка — лишь беспорядок, беззаконие» (Ash 1995: 204).

Распад политической системы и варварство увязывают четыре механизма: во-первых, в результате крушения системы обнаруживается или создается культура всеобщего огрубления и ожесточения; во-вторых, в отсутствие органов правосудия в этих условиях возникает бесконечная спираль возмездия; в-третьих, крушение строя ставит под угрозу безопасность, и начинается массовое насилие предупреждающего характера; в-четвертых, зарождаются не обученные военной дисциплине вооруженные группировки, которые начинают приносить в жертву мирных жителей во многом в духе Средневековья.

3.2.1. Ожесточение

Споры о том, меняет ли гражданская война человеческую натуру или обнажает ее истинную сущность, ведутся со времен Фукидида. Греческий ученый сделал войну главным признаком явления *stasis* (Price 2001). Для Берка, «гражданские войны оказывают глубокое воздействие на поведение людей; они подмывают их политические убеждения, отравляют мораль, искажают естественный вкус и запах, какой имеют понятия честности и справедливости» (Keane 1996: 157). Итог подводит

Эш (Ash 1988: 162) в описании, касающемся теннессийской глуши в 1864 г.: «Сельская местность была ничейной территорией — как с точки зрения географии, так и морали; здесь не бытовало каких-то общих устоев и убеждений, не было коллективных обязательств и общих выгод, как и привычных официальных и неофициальных способов поощрять добродетельных, бранить непокорных и наказывать злоумышленников. Неподверженная более давлению сверху, исходившему от власти, сбоку, от соседей, а также, во многих случаях, изнутри — от собственной совести, воля отдельного человека была сброшена за борт, в бурное море социальной анархии». Если говорить более конкретно, то гражданская война порождает насилие посредством ожесточения населения как минимум пятью разными способами: люди непрерывно подвергаются насилию; устраняются социальные рычаги; снижается себестоимость насильственных действий; в обществе получают известность люди, склонные к насилию; люди теряют мирные навыки и обретают новые навыки — жестокости. В результате возникает личная заинтересованность в применении насилия.

Хорошо известно, во-первых, что война делает жестокими комбатантов (Ellis 1999: 128; Henderson 1985: 51). «Увидев, что человек может сделать с человеком в условиях военного времени, — вспоминал американец, побывавший во Вьетнаме, — ты теряешь способность чувствовать. Это был жестокий, кровавый конфликт, и прошедшие его становились людьми суровыми, твердыми» (Mojar 1997: 98). В работе Лотника (Lotnik 1999: 54–79) о польско-украинской войне в 1943–1944 гг. находим откровенное изложение собственных впечатлений: «Люди очень быстро стали бесчувственными и принялись убивать так, как будто не умели ничего другого. Даже те, кто в других обстоятельствах подумал бы, прежде чем прибить муху, обладают способность закрывать глаза на то, что отняли человеческую жизнь». Война разрушает принципы и устои «цивилизованного» общества. Французский новобранец в Алжире вспоминает, как его сослуживцы, которым война изначально претила, позже едва ли не линчевали пленных алжирцев: «Меня поразило, — пишет он, — то превращение, которое постепенно произошло с нами с тех пор, как мы уехали [из Франции]» (Butaud, Rialland 1998: 132). Заставляют задуматься и воспоминания итальянского партизана (Portelli 1997: 139): «Когда восемь — девять месяцев провел в горах, а потом

спускаешься вниз, ты как зверь. По-другому не бывает. Перестаешь быть нормальным. Сегодня, клянусь, я был как зверь. Несколько раз я ловил себя на том, что теряю рассудок. Там носишь с собой постоянную ненависть, войну, всегда ждешь выстрела в спину, ждешь, что в затылок вонзится пуля».

В отличие от войн между государствами, гражданские войны приводят к ожесточению и среди гражданского населения, часто в силу того, что люди подвержены насилию постоянно. Один русский обозреватель (Figes 1989: 346) характеризует процесс ожесточения как процесс привыкания: «За последние несколько лет люди столько раз видели, как преднамеренно уничтожают живое, что уже не вздрагивают при виде луж крови... Люди огрубели, их больше не трогают страдания других... Им как будто стали нравиться агония и смерть». Судья Эданус Берк под конец американской революции был уверен, что жители Южной Каролины настолько свыклись с насилием, что «их разум смирился с тем, что им приходится убивать друг друга» (Weir 1985: 76). Трагедией американской гражданской войны в Миссури, как замечает Феллман (Fellman 1989: 57–58), «был окрашен любой социальный контакт... Во многих письмах читатель может заметить нескрываемое ощущение прозаичности насилия, которое теперь воспринимается как общепринятая норма». Контрасты поведения в военное время отмечает житель Ливана: «Если кто-то умирал от рака или погибал в аварии, то, стоило мне войти в комнату, разговор о покойном прекращался. Теперь я вижу, как о смерти беседуют, не стесняясь детей, будто обсуждают хлеб или вино» (Dalrymple 1997: 259–260). Похожим впечатлением делится женщина-ливанка — они врезались в память в виде набора «кадров»: вот она в 15 лет на месте, где случилась резня, и ей интересно смотреть на трупы; боевики взрывают магазин за то, что хозяин до этого повздорил с членом группировки и ударил того по лицу; вот дорожная разборка перерастает в перестрелку; вот подросток, желая поразить одноклассников, притащил в школу человеческое ухо. Стало трудно различать, заключает она, «повседневное от чрезвычайного» (Chamoun 1992: 38–39, 55, 61, 132–133).

Ожесточение заражает и иностранных наблюдателей, гражданских лиц; бывает, что люди поддаются ему и решают восвать, чтобы положить войне конец. Британский журналист (Loyd 2001: 24, 204), освещавший войну в Боснии, вспо-

минает свои ощущения: когда один хорват, сельский житель, убил щенка за то, что тот утащил его цыпленка, ему очень захотелось в отместку подорвать убийцу на фугасе. Часто анархия и насилие вспыхивают в лагерях для беженцев (Crisp 2000). «Люди, пытающиеся бороться и сопротивляться насилию, — пишет Бургуа (Bourgois 2001: 30), — политическими ли, культурными средствами, не уходят от ненавистных им террора и тирании, не будучи ими отравлены».

Во-вторых, гражданская война разрушает психологические механизмы самоограничения, обычно направляющие поведение человека и сдерживающие его (Vandura 1990: 161). Изначально последствия могут проявляться в безобидной форме. Житель Северной Ирландии, католик, вспоминает, что подростком «бегал по округе, шумел, ставил соседей на уши. Сложившаяся острая политическая обстановка весьма располагала к плохому поведению» (Collins 1999: 47). Такое поведение быстро обретает новые масштабы: «Забылись привычные правила цивилизованной жизни; человеческая натура, мечтающая насолить другому даже под властью закона, в этот момент показывает истинное лицо — уже не сдерживает страстей, не дружит с понятием о справедливости и враждует со всем вышестоящим» (Thucydides 3: 84).

В-третьих, гражданская война снижает себестоимость насильственных действий (G. Martin 2000: 162; Gilmore 1987: 44). Когда санкционирующие институты уничтожены, насилие превращается в предприятие дешевое и прибыльное. Мэри Элизабет Берри (Berri 1994: 7) так характеризует раздираемую гражданской войной Японию: «Высшей полнотой власти было наделено насилие и самосуд, так что любая ссора разрешалась по праву силы: споры между селянами из-за воды, между горожанами из-за колодца почти всегда имели одно разрешение (если его можно назвать разрешением) — кровопролитие». В Колумбии, где «убийство — занятие легкое, дешевое и популярное», были случаи, когда старшекласницы руками наемных убийц устраняли соперниц в амурных делах. Точно к таким же методам прибегали соседи для устранения мелких разногласий: «Лопесу был также известен случай, когда один человек разозлился на соседа из-за того, что тот вел строительные работы, а у него затопило дом. Сосед был богаче, и мужчина опасался, что, подай он иск, тот легко даст взятку судье. Поэтому он обратился к «сикарио» (наемному убийце)

и физически устранил соседа» (Rosenberg 1991: 34). Помимо этого, гражданская война разрушает иерархическую социальную структуру, рычаги которой служат для того, чтобы контролировать общество. Путем передачи власти от старого поколения молодому устраняются те неофициальные механизмы разрешения конфликтов и социального контроля, которые во многих странах с традиционным укладом общества считаются наиболее эффективными (Jok, Hutchinson 1999: 135).

В-четвертых, гражданская война способствует подъему популярности людей, склонных к насилию. Выражаясь словами Авраама Линкольна (Fellman 1989: 85), в это беспокойное время «всякая паршивая птица улетает из страны, и поднимает голову всякое грязное пресмыкающееся». Если взять более современную формулировку: «На поверхность выплывают все отбросы; все, кто был смирен и человечен, эту войну проиграли» (Loyd 2001: 13). Хорошая иллюстрация — часто упоминаемый процесс криминализации гражданских войн (Mueller 2004). Во время американской революции в глуши Северной Каролины промышляли банды вигов и тори, даже не ставившие целью вести партизанские действия; один из вигов писал про такую банду: «Мне неизвестно, принадлежат ли они какому-либо лагерю... однако перед нами особая рота, присланная сюда воровать и грабить» (Ekirch 1985: 108). В Конго-Браззавилле контрольно-пропускные пункты на дорогах изначально были устроены в целях контроля за передвижением населения, однако во время гражданской войны они очень быстро превратились в безопасный и прибыльный способ вымогательства (Bazenguissa-Ganga 1999a: 47); притом что колумбийская «Виоленсия» изначально возникла на фоне общества, расколотого на лагеря, скоро она «превратилась в зонтик, под которым могли спрятаться преступники всех мастей. Набеги вооруженных людей стали принимать крайне серьезный оборот, и стало ясно, что в ряды тех, кто сражался за политические принципы, затесались десятки психопатов и обычных бандитов» (Henderson 1985: 149). Действительно, можно считать, что крайние формы насилия возникают на фоне мародерства и грабежа (Azam, Hoeffler 2002).

В-пятых, гражданская война порождает новые силы, чей кровный интерес — в увековечивании как войны, так и насилия. На коллективном уровне экономика нового, военного типа порождает силы, обладающих навыками применения

насилия; существование этих сил и их мощь обусловлена самой войной (Roldan 2002: 227; M. Johnson 2001: 226; Keen 1998: 22). На индивидуальном уровне война «делает будущее более тусклым», создает ситуацию, в которой оказываются «неувоенными» мирные навыки (Genschel, Schlichte 1998). В Сьерра-Леоне на войну осознанно шли дети-солдаты, ведь они выросли там, где «распадаются семьи и отсутствуют школы» и где лишь война открывает для них перспективы (Peters, Richards 1998: 210). Согласно наблюдению одного кенийского полицейского, сомалийские беженцы в лагере проявляли жестокость, так как они «росли в среде, где не было правосудия, и власть была у того, у кого имелась винтовка» (Crisp 2000: 624). Точно так же объяснял природу анархии и насилия в Афганистане местный житель: «Эти молодчики не ходили в школу — если чему научились, так только воевать» (Weiner 2001: В4). Боевик из Ливана, член шиитской группировки, в 1984 г. описал ситуацию так: «Война — единственный мой товарищ. Она мне как жена, и я ее люблю. Я боюсь жить в мире» (M. Johnson 2001: 203).

Все эти механизмы работают сообща на создание самодостаточного общества, в котором правит беззаконие и насилие, в соответствии с едким замечанием Дюркгейма (Durkheim 1951: 299) о том, что в любой момент времени общество, в зависимости от своего морального состояния, учреждает квоту на количество добровольных смертей.

3.2.2. Мщение

Желание отомстить за ранее имевший место насильственный или ненасильственный акт широко распространено повсеместно, в том числе в обществах с действующей судебной системой (Jacoby 1983). «Мечь — естественное желание, — считает Фрайда (Frijda 1994: 283), — и естественно, что время от времени оно осуществляется»⁴⁵. Это явление характерно для самых разных обстоятельств, упоминается в Библии в виде *lex talionis* («око за око, зуб за зуб»), в греческих трагедиях в качестве центральной сюжетной линии, в утверждении Юма

⁴⁵ В 1976 г. Верховный суд США вынес именно такое постановление: «Инстинкт возмездия — часть человеческой натуры» (Solomon 1994: 307).

(Hume 1978: 410–411) о том, что желание наказать врагов — регулярная человеческая потребность. Фрийда (Frijda 1994: 264) подчеркивает, сколь вездесущий и вселенский характер носит эта «жажда личного мщения» и какую силу она в себе заключает. Когда системы исчезают, желание отомстить естественных образом обостряется; в обстоятельствах гражданской войны оно приводит к возникновению спирали насилия (Berry 1994: 9; Henderson 1985: 226). Чувства, возникавшие на войне у одной ливанки (Tabbara 1979: 54), соответствовали чувствам очень многих, кого затронула гражданская война в этой стране: «Я ливанка, мусульманка, палестинка; когда убиты триста шестьдесят пять ливанских мусульман, меня это не может не касаться. Я ощущаю в сердце зерна ненависти, чувствую, как пускает свои длинные корни во мне желание отомстить. В этот момент мне хочется, чтобы ополченцы или кто другой сделал этим фалангистам вдвое хуже, чем было нам. Очень хочется, чтобы они пошли по офисам и вырезали первые попавшиеся 730 беззащитных христиан».

Такие призывы могут привести к тому, что среди мотиваций насилия месть будет доминировать: так, в Северной Каролине во время революционной войны «месть заслоняла собой политику» (Escott, Crow 1986: 391). «По мере того, как усиливали свои действия как сторонники союза, так и конфедераты, насилие в восточной части Теннесси стало носить все более выраженный обоюдный характер... Нападение с одной стороны приводило к акциям возмездия с другой, что выливалось в эскалацию насилия, и его было уже трудно удержать» (Fisher 1997: 84). В Миссури «сама суть [гражданской войны] свелась к жестоким расправам и ответным мерам» (Fellman 1989: 263). Губернатор колумбийской провинции отмечал, что попросту не мог ответить отказом на просьбу разъяренных консерваторов раздать оружие, «чтобы местные жители могли сформировать шайки (*chustmas*) и банды — и совершать ровно те же действия, что совершают против них либералы, иными словами, применить принцип "око за око"» (Roldàn 2002: 258). В Либерии, судя по всему, немало тех, кто на определенном этапе войны взялся за оружие и при этом пострадал на другом ее этапе» (Ellis 1999: 133). Месть ассоциируется с эскалацией: как в 1863 г. писал житель Миссури — воин-северянин, «партизаны сожгут дом, а мы в ответ сождем два» (Fellman 1989: 184). На такое развитие намекает и название книги, посвященной

колумбийской гражданской войне: *Matar, rematar y contramatar* (Uribe 1990)⁴⁶.

Мечь — наиболее часто встречающийся признак в описании насилия на гражданской войне; часто в силу этого конфликт метафорически описывают словами «кровная мечь», «вендетта»⁴⁷; это — главный мотив в художественной литературе и мемуарах или, если говорить более обобщенно, в фольклоре гражданской войны⁴⁸. Ливанский писатель Массуд Юнес озаглавил книгу *Ces morts qui nous tuent* («Мертвые, которые нас убивают»). Мечь дает разворачивающемуся на гражданской войне насилию оттенок иррациональности и бесцельности; за счет этого подкрепляется восприятие насилия «не самого по себе как результата, а как средства для достижения политического результата», кроме того «неподконтрольного действующим силам», которые это насилие инициировали (Crenshaw 1995: 476). Для Трейси Хамун (Chamoun 1992: 10, 23) ливанская гражданская война сплошь состоит из витков возмездия: война «достигла апогея, поскольку для целой страны смыслом жизни стало желание мстить. Если погибал христианин, убивали двух мусульман и так далее... За эти 15 лет войны мы так и не поняли, что ненависть порождается нашей же ненавистью. Когда мы действовали, руководимые чувством мести, мы тем самым порождали дух возмездия. Когда нас терроризировали, мы провоцировали в точности то, чего так боялись». Действительно, пережившие гражданские войны с неподдельным изумлением говорят о тех ситуациях, когда к мести НЕ прибегали (Moïgo 1999: 181).

Упоминание мотива личной, направленной мести можно найти повсеместно в мемуарах участников гражданских войн⁴⁹.

⁴⁶ Matar (исп.) — убивать. — *Прим. ред.*

⁴⁷ См. M. Johnson 2001: 125; Battini, Pezzino 1997: xxii; Pavone 1994: 240; Kedward 1993: 160; Ortiz Sarmiento 1990: 134; Loizos 1988: 648–649; Henderson 1985: 228.

⁴⁸ Ung 2000; Collins 1999; Lotnik 1999; Lebrun 1998; Portelli 1997; Meyer 1995; Cela 1992; Sender Barayon 1989; Gage 1984.

⁴⁹ Желание отомстить за убийство любимых людей, по-видимому, носит всеобщих характер. Это справедливо даже для случаев, когда такое желание не выполняется (и даже не предполагается к выполнению). На вопрос, заданный аргентинцу, у которого в ходе «грязной войны» погибла вся семья, желал ли он отомстить, тот ответил: «Еще бы! Не раз проигрывал в голове сценарий, как я иду по улице, как показыва-

Партизан-конфедерат из Миссури Билл Андерсон в 1864 г. написал жителям Лексингтона, что янки убили его отца и сестру, и добавил: «Я осуществил свою месть сполна... Я сражался с федералами с честью, но из чувства мести я творил и, боюсь, что буду творить вещи, о которых я жалею и которых при возможности желал бы избежать». Согласно комментарию Феллмана (Fellman 1989: 139), «Андерсон вел личную войну мщения против своего собственного врага». Такое поведение не является лишь уделом бедных, отсталых стран и расколотых обществ; в нем признавались западные активисты, которых не заподозришь в отсутствии преданности делу, например, французские и итальянские партизаны, испанские бойцы-республиканцы (Portelli 1997: 138; Kedward 1993: 160; Zulaika 1988: 28).

Месть на гражданской войне развивается по различным направлениям. Она — непосредственный мотиватор насильственного действия, но она же связана с насилием косвенно, поскольку часто выступает главным мотиватором вступления в вооруженные группировки, впоследствии осуществляющие насилие. Бенедикт Керквлиет (Kerkvliet 1977: 68) приводит свидетельства крестьян-филиппинцев о том, что записаться в антияпонское подполье они решили потому, что японцы убили их родителей. О том же говорит и юноша из Сьерра-Леоне, боевик: «Одного из моих младших братьев убили боевики, это было в 1991 г. И вот, после этого я, чтоб отомстить, пошел в армию. Хотел отомстить за своих» (Peters, Richards 1998: 189). Месть может осуществляться и на коллективном уровне — как между индивидуумом и группой, так и между большими группами (Loizos 1988). Лотник (Lotnik 1999: 70) вспоминает о том, что в польском партизанском отряде в 1943–1944 гг. у него был товарищ, который, «когда [украинцы] убили его сестру, брата, родителей, жену и трех малолетних дочерей, утратил веру в жизнь. Единственной его целью стало убивать и пытать украинцев». Американский военный консультант во Вьетнаме, присутствовавший при том, как солдаты из его части пытали подозреваемого, сообщил американскому журналисту: «Это замкнутый круг. На прошлой

ют по телевизору, и в руках у меня пистолет с глушителем, равняюсь с массерой (членом хунты) и говорю: «Добрый день!» — Он смотрит на меня непонимающе, спрашивает, кто я, а я отвечаю: «Ты убил родителей и братьев моих» и тут же его расстреливаю» (Tagmopolosky 1999: 57).

неделе в другой деревне Дон-Ньон вьетконговцы вывели пятерых сторонников правительства на площадь и разmozжили им головы молотками. Теперь мы ему за это вернем сполна. И так — до бесконечности» (Моуаг: 1997: 97). Иногда групповые и личные мотивации смыкаются. Нередко насилие, во внешних проявлениях имеющее групповой характер, на деле оказывается индивидуально мотивированным. Перванич (Pervanic 1999: 80) пишет о том, что сербы в концлагере Омарска, движимые чувством мести, обычно отыгрывались на пленниках-мусульманах; но если общий спектр целей насилия определялся по национальному признаку, выбор целей осуществлялся в основном на основе индивидуальных характеристик, таких как прошлые деяния.

В крайних обстоятельствах месть перерастает в социальную аномию на грани идеально-типического гоббсовского мира, как во время гражданской войны в американском штате Теннесси: «Одна женщина, когда северяне из фуражного взвода пытались подпалить ее дом, выбежала на улицу и, к своему удивлению, обнаружила, что на помощь янки пришел ее сосед. Он «заявил, что вступил в их ряды, — рассказывает она, — что его дважды разорвали, сначала повстанцы, потом федералы, что он намерен мстить и что ему решительно все равно, кто пострадает» (Ash 1988: 163). В этом случае месть становится частным случаем всеобщего ожесточения. В большинстве случаев, однако, месть подчиняется правилам, хотя диапазон выбора цели широк — от отдельных людей до целых групп.

3.2.3. Дилемма безопасности

Дилемма безопасности связана одновременно с вопросом конфликта и вопросом насилия (De Figueiredo, Weingast 1999; Hardin 1995; Poser 1993). Считается, что дилемма безопасности возникает в тот момент, когда в результате возникновения хаоса возникает ситуация, при которой индивидуумы, сконцентрированные в определенных точках сосредоточения (в основном по этническому принципу), сами прибегают к насилию упреждающего характера либо переходят на сторону осуществляющего насилие лидера из страха за свою безопасность. Стимул к насилию смешивается здесь с ощущением неопределенности и непомерно высокой себестоимостью неприменения упреждающего насилия: они

вынуждены убивать, иначе их самих убьют. Как аргумент дилемма безопасности обычно подразумевает две отчетливые мотивации: действия элиты, стремящейся к власти, носят инструментальный характер, а ее последователи действуют исходя из эмоций, из страха.

Примеры упреждающего насилия в описаниях гражданских войн отнюдь не редкость. Так, для Авраама Линкольна гражданская война на приграничных территориях была связана с тем, что «каждый стремится к тому, чтобы убить соседа прежде, чем тот лишит его жизни» (Fellman 1989: 85). Командир северян в штате Миссури в 1864 г. отмечал, что «в стране не осталось никого, кто не желал бы убить соседа из страха, что сосед убьет его первым» (Fellman 1989: 62).

В Малайзии сразу по завершении Второй мировой войны очевидец вспоминал: «Как только стало известно о первых столкновениях, коммунисты из Антияпонской армии народов Малайи предупредили китайцев в городах и селах, чтобы те готовились к бесчинствам малайцев. Призыв гласил: "малайцы идут убивать — так убивайте вы вперед, иначе убьют вас"» (Kheng 1983: 219).

3.2.4. Средневековая стилистика

Гражданскую войну рассматривают не просто как «дикую и варварскую по природе» (Mauger 2000: 323), но и как отголосок средневековых войн: утверждается, что боевые действия ведутся в средневековой манере (Munkler 2002; van Creveld 1991). Действительно, главный прокурор Гаагского трибунала по бывшей Югославии обвиняла Слободана Милошевича в том, что он учинил «средневековое варварство» (Rotella 2002: 4). Анархия разрушает армейскую структуру и дисциплину, в результате возникают всевозможные проявления чрезмерного насилия (Schofield 1996: 251). Не подчиняющиеся командиру бойцы, солдаты, кочующие по территории и промышляющие на ней, преступный элемент, наживающийся на местных жителях и за это если не поощряемый, то по крайней мере никак не наказуемый (J. Weinstein 2003; Ignatieff 1998: 6; Laqueur 1998: 399; Schlichte 1997: 5). Этот аргумент, который Ричардс (Richards 1996: xiv) окрестил «новым варварством», строится на отрицании политической направленности гражданских войн в пользу криминального характера последних.

Обычно его применяют к гражданским войнам в Африке. В соответствии с типичным описанием (Luttwak 1995: 9), «хаос, захвативший сегодня [Сьерра-Леоне], нельзя квалифицировать как гражданскую войну, поскольку противоборствующие силы — среди которых, что примечательно, есть и «правительственные» — не представляют никого, кроме самих себя; происходящее нельзя назвать и партизанской войной, так как ни одна из сторон не преследует какой-либо высокой цели».

3.3. ТРАНСГРЕССИВНЫЙ ХАРАКТЕР

Поскольку война нормативно понимается исключительно как взаимодействие суверенных сил, организованное насилие со стороны сил несuverенных рассматривается как нечто трансгрессивное, за гранью, вне закона. Следовательно, субъекты и граждане, не уважающие четко очерченную границу между суверенными и несuverенными силами, считаются не законными участниками конфликта, а преступниками, которые не могут рассчитывать на предписанное в отношении участников конфликта обращение.

Насилие часто регулируется нормой (Carpenter 2003). Наибольшее влияние имеет норма, разграничивающая насилие «правомерное» и «неправомерное». Существует давняя нормативная традиция рассматривать гражданские войны как менее «правомерные» в сравнении с войнами между суверенными субъектами; норма уходит корнями в средневековый тезис о том, что война позволительна только в случае, если ее ведет законная власть; так разграничили войны между странами, которые ведут правители-христиане, и войны частные, вендетты, и шевоше (набеги), имевшие место в средневековой Европе и осуществляемые местными военно-феодалными правителями или бандами рыцарей, бедных или не имеющих над собой сюзерена (Howard 1994: 9). Существовало и еще одно разграничение между *bellum hostile* и *bellum romanum* или *guerre mortelle*. Первая была нормой западного христианского мира и состояла из постулатов и ограничений, тогда как последняя касалась войны против иноземцев, неверных, варваров; в этой войне не было никаких запретов, и сила, обозначенная как «враг», вооруженная или нет, подвергалась уничтожению без разбора (Howard 1994: 3). На стыке

этих двух категорий и находится гражданская война; понятие *guerre mortelle* рассматривается как категория, связанная с гражданскими конфликтами; отчасти к ней примешивается частное правовое положение, известное как «смертельная вражда» (Stacey 1994: 33).

Данные категории впоследствии совершенствовались; в частности, заметный вклад внес швейцарский юрист Эмерих фон Ваттель; главный принцип в том, что восстание в корне отличается от войны и его следует рассматривать отдельно (De Lupis 1987: 35). Гражданские лица, выступившие против своего законного правителя, «были абсолютно бесправны, в случае поражения их судили самым жестким образом в рамках уголовного права» (Howard 1994: 10). Таким образом восстание приравнивалось к другим трансгрессивным и девиантным формам — например, к проказе, к ереси; в том время они рассматривались как законные цели, против которых возможно применение насилия в крайней форме (R. Moore 1987). Как в 1582 г. писал Бальтазар де Айяла, «неповиновение, проявляемое отдельными лицами, и восстание против князя суть гнусные злодеяния, равнозначные ереси... Законы войны, пленения, постлиминия, к врагам применимые, не могут быть отнесены к мятежникам» (Parker 1994: 44)⁵⁰.

Преступая *jus ad bellum* (право ведения войны), мятежники уже не могли рассчитывать на защиту *jus in bello* (законов войны); вместо этого их судили по законам мирного времени (Donagan 1994: 1139). Парадоксально, но источником варварства видится применение не законов войны, а внутреннего закона (либо закона об измене, либо общее уголовное право). Действительно, Донаган (Donagan 1994: 1159) объясняет относительное малое число проявлений жестокости в ходе гражданской войны в Англии сознательным решением воюющих подчиняться законам войны «межгосударственной» в противовес законам мирного времени и предоставить каждому статус «полноправных врагов»; и правда, в ходе этой

⁵⁰ Следуя той же логике, средневековые люди не рассматривали осадную войну, приводившую к большим человеческим жертвам среди мирного населения, как собственно войну. Она считалась актом приведения в исполнения приговора, который выносили предателям, послушавшимся своего князя и не выполнившим его законного приказа сдаться (Stacey 1994: 38).

гражданской войны зверства отмечались в тех случаях, когда верх над законами войны брало гражданское право».

Таким образом, общая гуманизация ведения войны долгое время вообще никак не касалась вопросов обращения с повстанцами (Parker 1994); эта тенденция усилилась с подъемом национализма и ростом популярности разграничения народов и государств в духе Клаузевица; выходило, что организованное насилие заслуживает называться «войной» только в том случае, если оно ведется «государством, в пользу государства и против государства» (van Creveld 1991: 36). Таким образом, если в государстве происходит бунт, переворот, восстание, революция или гражданская война, то оно в целом выпадает из поля зрения международного права (McCoubrey, White 1995: 6). Такой концепции открыто придерживались многие участники гражданских войн: так, Дж. Франклин Белл, командующий американскими войсками на Филиппинах в начале XX века, приказал своим солдатам обращаться с захваченными мятежниками как «с разбойниками или пиратами» (May 1991: 253). Аналогичное восприятие совершенно очевидно проявилось в беседе греческой королевы Фредерики с американским писателем Уиллисом Барнстоуном (Barnstone 1995: 72–73), состоявшейся во время гражданской войны в Греции:

«Почему вы казните военнопленных?» — спросил я королеву.

«Они не военнопленные. Они воры».

«Но ведь они люди... Греция ведь сполна хлебнула смертей».

«Они самые обычные воры, не более того».

Такая практика была кодифицирована в качестве закона войны. Юридический консенсус до последнего времени состоял в том, что гражданских защищают до тех пор, пока они пассивны (Nabulsi 2001). Фактически до 1949 г. межгосударственные и гражданские войны отличались применением закона, согласно которому враг объявлялся легитимным противником; законы военного времени применялись к межгосударственным конфликтам, тогда как на гражданской войне в каком-то смысле применялось внутреннее уголовное право, в рамках которого враг рассматривался как преступник. В соответствии с черновым текстом, написанным по-русски к Брюссельской конференции 1874 г., все гражданские лица, принимавшие участие во враждебных действиях, считались

преступниками и должны были быть преданы правосудию; как отмечал в 1874 г. один французский юрист, «эти так называемые патриотические восстания и нерегулярные бунты в масштабах всего населения, призванные отпугнуть законную армию, должны в любом случае быть подвергнуты осуждению, и нет никакой необходимости быть особенно разборчивым в методах (Nabulsi 2001: 13, 17). В конце концов в 1899 г. была принята Гагская конвенция об обычаях сухопутной войны, в которой лица, имеющие право представлять воинствующую сторону, ограничивались профессиональными солдатами. Мятежники, таким образом, исключались (Nabulsi 2001: 16)⁵¹.

Из этого тезиса следует вывод, что чем более четко армия различает военных и гражданских, тем более беспощадна она будет к повстанцам и будет обходиться с ними как с преступниками (С. Schmitt 1992: 240–241). В некотором роде положение о трансгрессии обратно положению о крушении существующего порядка: если последнее максимизирует статус воюющей стороны (расширяет до масштабов всего общества), то первое — сводит к минимуму (ограничивая лишь агентами власти). И тем не менее оба тезиса обуславливают варварство.

3.4. ПОЛЯРИЗАЦИЯ

Поляризация — хорошо всем знакомое звено, связывающее гражданскую войну и варварство. Этот термин обозначает глубину раскола между отдельными группами, к ситуации, «когда большая часть членов участвующей в конфликте группы придает исчерпывающее значение поставленным на кон вопросам, или же провозглашает убеждения и чувства, полностью противоположные тем, что исходят от противоборствующего сегмента, или и то, и другое» (Nordlinger 1972: 9). Считается, что поляризованные конфликты идут не вокруг того, что конкретно прибыло, а что убыло, а вокруг концепций морального права, вокруг интерпретаций истории и человеческих судеб (Lipset, Rokkan 1967: 11); они

⁵¹ В Женевской конвенции 1949 г. (в частности, четвертой, известной как «Гражданская конвенция»), если включать протоколы I и II, добавленные в 1977 г., предпринята попытка решить этот вопрос, но ее можно назвать успешной лишь отчасти.

представляют собой разновидность активной разобщающей политики, которую можно было бы назвать «политикой в абсолюте» (Perez Diaz 1993: 6).

Поляризацию можно понятийно представить как сумму противостояний между индивидуумами, принадлежащими к небольшому числу групп, одновременно проявляющих высокую внутреннюю однородность и высокую внешнюю неоднородность (Esteban, Ray 1994).

Интуиция подсказывает, что если население концентрируется вокруг малого количества сильно удаленных друг от друга, но при этом крупных полюсов, то это население, скорее всего, будет ввергнуто в ожесточенный конфликт. Часто заявляют, что «гражданские войны по своей природе более варварские, чем войны международные, и сильнее обусловлены идеологически. Эти два фактора, несомненно, взаимосвязаны» (Close 1995: viii). Механизм, на котором строится конфликт, — это неприязнь, причем настолько сильная, что она затмевает даже братские отношения, настоящие или мнимые. «Самобытность, — пишет Бурума (Burguma 2002: 12), — заставляет кровь кипеть, а людей творить по отношению к собственным соседям совершенно невообразимые вещи. Это топливо, с помощью которого агитатор способен разжечь пожар в целой стране».

Этот аргумент обычно выдвигают в отношении «идеологических» конфликтов, но отзвуки его слышны и в тезисе Горовица (Horowitz 2001), Кауфмана (Kaufman 2001) и других об «этнической антипатии». Это подразумевает, что гражданская война подчиняется все той же связанной с этнической поляризацией логике. Так, считается, что «почти все наши нынешние и недавние этнические конфликты проходят на фоне зашкаливающей ненависти и призывов к отмщению. В результате мы имеем звериную жестокость, массовую бойню и варварство в различных формах» (Harkavy, Neuman 2001: 208).

Данный тезис восходит к концепции Карла Шмитта (Schmitt 1976), который рассматривал политику как отражение фундаментального разграничения между другом и врагом. Политический антагонизм, говорил он, это антагонизм крайней формы между двумя противоборствующими общностями людей. Война — лишь естественное выражение вражды; согласно замечанию Ленина, гражданская война в классовом обществе есть продолжение классовой борьбы

(J.-C. Martin 1995: 61). Она развивается по той логике, что враг на гражданской войне не зависит от обстоятельств, а возведен в абсолют — это видно из беседы между Бизо (Bizot 2003: 111) и надзирателем из красных кхмеров в Камбодже:

«Если коротко, — говорил я ему, — то вы скорее протянете руку китайцу, чем объединитесь с ближним и станете жить с ним в мире; вы разжигаете к нему ненависть».

«Ты никак не поймешь, — отвечал он мне спокойным, размеренным тоном, словно классный руководитель. — Однажды предавший меня мне уже не ближний: он лакей империализма, который пошел против меня».

Ноберто Боббио (Bobbio 1992: 303) обратил внимание, что между праведностью войны и праведностью врага действует обратная связь: война справедлива тогда, когда враг — несправедлив. Действительно, наличие несправедливого, абсолютного врага предполагает отсутствие пощады. Следовательно, варварство есть результат поляризации. Прагматическая формулировка отношения между поляризацией и варварством имеется у Стэнли Пэйна (Payne 1987: 209):

Замечено, что гражданские войны чаще, чем войны межгосударственные, представляют собой конфликт принципов; для тех, что происходили в нашем веке, катализатором служила идеология и страсть к морализму. В прошлом в гражданских войнах имела место массовая гибель людей на полях сражений — как в случае с войной в Англии в 40-х гг. XVII века или с американской гражданской войной в 1860-х гг., — но в целом зверств против гражданского населения не совершалось. Это преимущественно связано с тем, что в тех войнах, несмотря на имевшие место глубинные разногласия по политическим принципам, у участников конфликта все же был общий взгляд на мир, религию, социальное устройство и мораль... В XX веке, напротив, все конфликты являются отражением глубоких социальных и идеологических конфликтов, в рамках которых демонизируется враг и психологически, и идеологически узакониваются самые крайние и зверские меры.

Вообще, в рамках тезиса о поляризации насилия акцент переносится с насилия на факторы, которые его порождают. Обычно между поляризацией и насилием проводят обычную

причинно-следственную связь, совершенно предсказуемо выводя соответствующую дихотомию «преступник — жертва» и приписывая насилию мотив. В рамках классовой войны этой дихотомии рассматриваются собственники капитала и собственники рабочей силы. В рамках войны межэтнической сталкиваются члены разных этнических групп. По этой логике, определенная группа выбирается в качестве цели вследствие своей принадлежности к тому или иному лагерю. Таким образом, поляризацией объясняется и начало конфликта, и его суть, и насилие. Такая причинно-следственная связь не столько подтверждается эмпирически, сколько принимается на веру. Либо мы наблюдаем деятельность на микроуровне (например, как сингалы истребляют тамилы) и из этого наблюдения заключаем, что это действие на макроуровне объясняется этнической поляризацией; либо мы наблюдаем поляризацию вокруг заданного расслоения на макроуровне и переносим на все индивидуальные насильственные действия на микроуровне.

Тезис о распаде политической системы предпочтителен при дескриптивной характеристике гражданской войны, в то же время тезис о поляризации лежит в основе большинства макроисторических исследований гражданских войн, где насилие подводится под теорию непримиримого соперничества между группами, предшествующего войне и служащего причиной. Таким образом, здесь мы на самом деле имеем дело с теорией конфликта *ex ante*, «предвоенной» теорией конфликта.

Причины поляризации обнаруживаются на пересечении структурных условий, политических институтов, а также в действиях предприимчивых политиков, умело превращающих настоящие и мнимые разногласия в поляризованные и политизированные. На индивидуальном уровне поляризация проявляется в форме «фанатичности», беззаветной, страстной преданности определенному делу, довлеющей над остальными связями между людьми и порождающей желание проливать кровь, свою и чужую. Примеры обнаруживаются в большинстве конфликтов. Подтверждение находим в Испании и в штате Теннесси:

Преданность делу и партийное сознание привели к тому, что разорвались существующие узы дружбы и родства; появилась тенденция проявлять дружелюбие по отношению к товарищам

по твоей группе, а всех остальных избегать. Из-за такой отстраненности возникали ссоры, ревность, ненависть. Каждая группа собиралась в своем кафе и даже праздновала собственные праздники, носившие религиозный характер с одной стороны и светский — с другой (Fisher 1997: 85).

Междоусобная вражда в восточном Теннесси охватила все сферы жизни; она действовала разлагающе. Конфликт между сторонниками Союза и сохранения рабства сказался на целостности семей, дружбе и институтах. Близкие настроились друг против друга; целые города раскололись на отдельные лагеря; прежние друзья стали врагами (Lison-Tolosana 1983: 48).

3.5. МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Адвокат, защищавший двух французских партизан-контрреволюционеров, в оправдание совершенных его подзащитными насильственных действий указал на природу практикуемого ими вида войны: «У шуанов новая манера вести войну, прежде в управляемых государствах неизвестная; это — война дикарей, в которой каждый участвующий изолированно ищет своего врага, где бы он ни был, находит, убивает и грабит. Мятежников называют бригадами [разбойниками], ибо именно так они и ведут себя на войне» (Cobb 1972: 21). Аналогичным образом один генерал северян объяснял крушение социальных норм и проистекающее из него насилие в охваченном гражданской войной штате Миссури. Он считал все это следствием иррегулярной войны и настаивал, что «в сердцах этих самых обычных добропорядочных фермеров-христиан таилось нечто, что вдруг взорвалось, когда под ударом партизанской войны рухнули устои общества и морали» (Fellman 1989: 265).

Заявление о том, что «партизанские» методы ведения войны и варварское насилие соединены причинно-следственной связью, можно встретить повсюду (например, Laqueur 1998: 399; Wickham-Crowley 1990: 225). Согласно данному тезису, варварство оказывается результатом строго определенных методов ведения войны. Для адекватной оценки необходимо четко понимать, что такое «партизанская» война. В военной литературе довольно часто проводится различие между вой-

ной конвенциональной (классической) и «неконвенциональной» (хотя термины выбираются разные: «партизанская», «иррегулярная»). Основания этого разграничения интуитивно объясняются так: конвенциональная война предполагает непосредственное столкновение регулярных армий на четко определенной линии фронта, а при «неконвенциональной» войне такие полномасштабные столкновения, или боевые действия «по учебнику» — большая редкость, а кроме того, отсутствуют линии фронта.

Конвенциональные боевые действия предполагают, что паритет сторон одинаково воспринимается каждой из противоборствующих сторон, или же слабейшая сторона признает, что должна играть по действующим правилам и противостоять врагу на поле боя. Любой конвенциональный бой невозможен без какого-то взаимного согласия (Beaufre 1972: 12). Исторически понятие линии фронта сформировалось под влиянием целого ряда факторов. Бофр (Beaufre 1972) отмечает, что, будучи изначально ритуализованным действием с участием небольших отрядов, война вышла на уровень армий, по всем правилам тактики ведущих бои, которые стали чем-то вроде судебного поединка между сторонами. Для сторон, представленных армиями, исход этого поединка имел законную силу. Возникла конвенция, на основе которой армии действовали как «вооруженные делегации» от населения, в войне в целом не участвовавшего. Постепенный рост огневой мощи привел к тому, что армии перешли от колонн к фронтальным построениям, а затем фронт расширился до тех пор, пока не охватывал территорию целиком. В то же время в некоторых случаях исходом боя не определялся исход войны, либо в силу того, что регулярной армией располагала лишь одна сторона (например, в колониальных войнах), либо в силу того, что победителям сопротивлялись местные армии «иррегулярными», «партизанскими» методами — считалось, что в этом случае играл роль националистический настрой населения; в результате завоевателям на захваченных территориях приходилось «восстанавливать мир». Вообще, до эпохи национализма местные жители почти всегда сопротивлялись захватчикам (Nabulsi 1999); на окраинах империй мир редко когда устанавливался.

Иррегулярная война, таким образом, имеет место в том случае, когда более слабая политическая сила отказывается

противостоять более сильной в открытую и ведет войну обманным путем. В этом смысле иррегулярное военное противостояние недвусмысленно провозглашается проявлениями военной асимметрии. Вот как во время войны против американцев в 1900 г. объяснял свой выбор иррегулярных методов филиппинский боевик: «Война, которую мы ведем против наших врагов, происходит вполне официально, и поскольку они многочисленны и превосходно вооружены, для нас исход [войны] катастрофический, притом, что наши братья жертвуют жизнью. Наилучшее на данный момент решение — применять засадную тактику; результат проявится не сразу, но у нас появится возможность обрести независимость» (May 1991: 121).

Стилизованное описание иррегулярной войны выглядит так: государство (или действующая власть) отправляет регулярные войска и может контролировать городскую и прилегающую территории, при этом ищет встречи с врагом на местности периферийной и пересеченной; борющиеся за власть (повстанцы или инсургенты) «располагаются ниже военного горизонта», скрываются, действуют в расчете на испуг и неожиданность, используя маскировку и вылазки (Simons 1999: 84). Часто в этом случае ведется война на истощение: повстанцы пытаются не выиграть, а не проиграть, неустанно причиняя боль действующей власти (Henriksen 1983: 141; Shy 1976: 12). Как в 1975 г. в разговоре с американским чиновником выразился вьетнамский коммунист, «одной стороне не хватает силы выиграть, другая — недостаточно слаба, чтобы проиграть» (Thayer 1985: 97). В отличие от того, что заявляется или подразумевается (Luttwak 1995: 9; C. Schmitt 1992), иррегулярной войне не свойственна четко обозначенная цель, будь то революция, коммунизм, национализм или что-либо еще: цель у войны может быть любая.

В широком понимании иррегулярная война — та, что ведется в «отсталых» уголках планеты регулярными армиями (например, империалистическая война, колонизация); на территориях, уже находящихся под колониальным гнетом (война за деколонизацию); в современных государствах после поражения регулярной армии (оккупационная война); в слабых, но развивающихся странах, поставивших целью централизацию и подчинение периферийных территорий; а также в странах, где происходит или произошло крушение государства.

Обратной стороной обычной войны является отсутствие равновесия сил; однако для этого утверждения не всегда верно обратное: иными словами, отсутствие равновесия сил не предполагает конвенциональности войны⁵². Бывает, что войны с равным соотношением сил ведутся с помощью иррегулярных армий — часто такие войны именуют «примитивными» (Earle 1997: 108; Beaufre 1972: 9) или «криминальными» (Mueller 2004). К ним относятся войны в Конго-Браззавиле или Либерии (а равно и в Ливане), а также те, что происходили на территории СССР в преддверии распада (например, в Грузии). Такие «симметричные иррегулярные» войны часто называют «партизанскими», но от стандартных иррегулярных войн они по ряду признаков отличаются. На такой войне есть линия фронта, при этом больших сражений, по крайней мере, в том виде, в каком они описаны в тактических учебниках, стороны стараются избегать; кроме того, эти войны происходят на фоне распада государства: противоборствующие армии вооружаются за счет арсенала разваленной государственной армии (Tishkov 1999: 585). Линии фронта часто имеют вид ограждений с КПП, появляются сразу после распада государства и иногда действуют в течение долгих лет. В ходе таких войн часто проявляется насилие определенного типа, обозначаемого мной как «взаимное уничтожение»; имеют место вылазки на вражескую территорию, в ходе которых люди приносятся в жертву без разбора, поскольку ни та, ни другая политическая сила не имеет ни возможности, ни намерения контролировать население, ассоциируемое с противоборствующей силой (Lotnik 1999; Ellis 1995)⁵³.

Несмотря на то, что способ ведения войны обозначают как причину варварства довольно часто, связь между ведением

⁵² Не во всех случаях неравное соотношение сил равно иррегулярной войне; оно справедливо и для других случаев вооруженного противостояния, в том числе и для тех, которые квалифицируют как «терроризм».

⁵³ На некоторых гражданских войнах присутствуют некоторые аспекты неконвенциональных войн как симметричного, так и асимметричного типа. Так, восстание под руководством РЕНАМО в центральном Мозамбике представляло собой классический пример партизанской войны, однако на юге более походило на войну симметричную неконвенциональную: там имели место дерзкие рейды без намерения захватить территорию (Finnegan 1992: 62).

боевых действий и насилием обозначать не принято. Можно выделить три вида причинной зависимости. Первая восходит к тезису о поляризации; она подчеркивает революционный характер иррегулярной войны; вторая восходит к тезису о распаде государства и подчеркивает «средневековую природу» иррегулярной войны; третья указывает на соображения безопасности, из-за которых приходят в движения либо психологические механизмы (отчаяния, страха) или стратегические реакции: в опасной среде, в которой невозможно отличить мирного жителя от вражеского комбатанта, проявление жестокости по отношению к мирным жителям имеет свой смысл.

3.5.1. Иррегулярная война как революционная война

Поскольку «глубокие» конфликты считаются наиболее трудноразрешимыми, войны, возникающие на их основе, отличаются иррегулярностью и высокой степенью насилия. Карл Шмитт (Schmitt 1992) свой тезис о поляризации связывал с «партизанской войной»; он подчеркивал крайне идеологизированный характер «национально-освободительных» движений времен деколонизации и холодной войны. Его «теория партизанства» заключается в том, что «ограниченная, управляемая» враждебность конвенциональной войны перерастает во враждебность «подлинную», выражающуюся в партизанских выступлениях вследствие идеологической вражды — это научное наблюдение фигурирует во многих более поздних работах (Holsti 1996: 39).

3.5.2. Иррегулярная война как «средневековая» война

Те, кто поддерживает теорию, согласно которой жестокость иррегулярной войны определяется ее «средневековым» характером, верят в нее потому, что ведение иррегулярной войны предполагает сравнительное отсутствие формальных структур, разложение воинской дисциплины, и война, таким образом, становится прикрытием для децентрализованных мародерских актов, бандитизма и разного рода насильственных действий, направленных против мирных жителей. Отсутствие профессиональных армий предполагает

упразднение такого понятия, как «воинская честь», и оно заменяется варварством (Ignatieff 1998). Согласно этой точке зрения современные партизанские войны «от Колумбии до Филиппин» представляют собой всего лишь «деяния разбойничьих шаек, состоящих из всякого сброда, совершаемые ради их собственной выгоды; эти шайки мало отличаются от французских живодеров (*«ecorcheurs»*), промышлявших в деревнях во время *Столетней войны»* (van Creveld 1991: 60).

3.5.3. Безопасность

Третья причинная связь между варварством и иррегулярной войной — это то острое ощущение уязвимости, которые испытывают комбатанты в обстоятельствах иррегулярной войны. Данную связь можно сформулировать как в психологических, так и в рационалистских терминах. Если брать психологическую сторону, то отсутствие четко заданных линий фронта и наличие врага за спиной обычно повергает в замешательство, порождает повальную неуверенность, страх, беспокойство и даже панику (Lagu 2001: 114; May 1991: 147; Cooper 1979: 92). Перед политическими силами стоит нелегкая проблема — проблема самоопределения: выражаясь словами генерала северян во время гражданской войны в Миссури, «абсолютно невозможно разделить людей на виновных и невиновных» (Fellman 1989: 96). Так появляются готовые стрелять по любому поводу (Filkins 2005; Grossman 1995: 81; Finley 1994: 74; Calder 1984: xxii), особенно среди солдат, не привыкших к иррегулярной войне. Например, вспышка насилия, имевшая место в ходе американской гражданской войны в Аппалачах, тесно связана с тем, что военные командиры «ждали удара как спереди, так и с тыла»; один из офицеров-южан выразился так: «Когда командира и его людей под каждым кустом, деревом или пригорком по обе стороны дороги ожидает засада, остается лишь применить силу» (Paludan 1981: 66, 94). Такими психологическими процессами объясняют акты насилия, совершаемые вышколенными военными, например, убийство вьетнамских крестьян американскими военнослужащими в Сонгми (Bilton, Sim 1992).

В рационалистическом варианте насилие связывается исключительно с неспособностью армии опознать врага: в случае, если невозможно отличить мирного жителя от

противника, в применении насилия есть свой смысл. С одной стороны, в ряды повстанцев легче внедриться, и им будет труднее опознать информатора; в другой стороны, у действующей власти появляется противник, который, не воюя конвенциональными средствами, тем не менее наносит ей урон. В этих рамках видится оправданным применение насилия, в частности, коллективных репрессалий, против гражданских лиц. Дело в том, что на гражданском населении во многом географически и социально завязана «система обеспечения» политической силы (источники сведений для разведки, поставки продовольствия, пополнение личного состава новобранцами) (Wickham-Crowley 1990: 225; С. Johnson 1968: 447). Следовательно, армии, несущие тяжелые потери, но желающие одержать победу, выбирают целью чаще не бойцов, а гражданских коллаборационистов (или, пользуясь терминологией из известного высказывания Мао, не отдельных рыбешек, а море) (Downes 2004; Valentino, Huth, Balch-Lindsay 2004)⁵⁴. Грубо говоря, дело не в том, что комбатанты убивают людей из страха (хотя в отдельных случаях и такое имеет место), а в том, что с помощью насилия решается основная стратегическая проблема иррегулярной войны.

3.6. ОЦЕНКА

В каждом из приведенных аргументов содержится зерно, призванное приблизить нас к пониманию насилия на гражданской войне. Одновременно все они обнаруживают массу слабых мест, непоследовательностей и нестыковок с эмпири-

⁵⁴ Свежий показательный пример — война в Чечне. Министр внутренних дел России в ходе поездки в Чечню отметил, что боевики не исчезли, они «среди нас»; полковник Евгений Сидоров так сформулировал свою мысль: «Невозможно точно сказать, сколько тут боевиков. Зависит от того, как считать — днем или ночью. У него же на лбу не написано, что он боевик». Офицер российской армии после нападения боевиков в Шали в январе 2000 г. заявил: «Непонятно, откуда [боевики] пришли. Они просто всплыли среди гражданских». В результате российская армия перешла к применению насилия против нонкомбатантов. Чеченская беженка заявляла следующее: «Нас бомбят, убивают, не различая, кто боевик, а кто мирный житель» (Gordon 2000a: A3; Gordon 2000b: A4).

ческими данными. Однако в приведенном виде эти утверждения не могут быть подвергнуты эмпирической проверке в силу своей пространности и неопределенности; некоторые из них и вовсе непроверяемы. Именно поэтому следует заняться прояснением понятий и построением теории. Таким образом, цель последующей дискуссии вовсе не в том, чтобы проверить эти аргументы относительно друг друга и выявить один-единственно верный, через призму которого затем и рассматривать вопрос. Любая исследовательская программа должна иметь в основе систему четких принципов, при этом согласно имеющимся данным приведенные аргументы не равнозначны друг другу с точки зрения способности порождать такие принципы. В ниже я рассматриваю слабые и сильные стороны каждого аргумента и выбираю в качестве наиболее перспективной базы для теоретического построения версию тезиса о способе ведения войны, связанную с соображениями безопасности.

3.6.1. Распад

В оценке варварства тезис о распаде политической системы, во всех своих вариантах и со всеми структурными особенностями, до сих пор является самым интуитивным из всех. Именно поэтому он так популярен. Однако в конечном счете он порождает больше вопросов, чем ответов. Начнем с того, что многие из лежащих в его основе механизмов, обсуждавшихся выше, являются не причинами, а коррелятами насилия. Это совершенно точно относится к ожесточению и мести (но не к дилемме безопасности). Им также свойственен недостаток, который я обозначил, рассуждая об экспрессивных мотивациях насилия: индивидуальные акты мести или ожесточения могут соотноситься с организационными решениями прибегнуть к насилию как к инструменту. Выражаясь более общим образом, распад политической системы для многих гражданских войн может оказаться ошибочной характеристикой. В исследованиях, проводимых на низшем уровне, описывается ситуация, в которой очаги неповиновения (относительного) сосуществуют бок о бок с территориями, на которых царит впечатляюще образцовый порядок. Например, политические силы, обладающие оружием, часто способны бороться с обычной преступностью и имеют такое

желание⁵⁵. На самом деле и те, кто пережил гражданскую войну (например, Mougo 1999: 44), и этнографы, и журналисты, работавшие в «горячей точке» в условиях отсутствия государства (Nordstrom 1997: 12; Finnegan 1992: 230), утверждают, что повседневная жизнь там гораздо более упорядоченная, чем это представляется остальным; насилие не длится непрерывно, а накатывает волнами, причем чаще не случайным образом, а в определенных точках в определенный момент времени. Дэниэл Эллсберг (Ellsberg 2003: 114) вспоминает о своем пребывании во вьетнамских деревнях: «Постепенно я увидел, что везде, где мы оказывались, будь то в больших или малых деревушках, стояли маленькие столбики, заметные для всех, кто был хорошо знаком с местностью. Надписи на них гласили: «Вьентконговцы — налево, около 10 футов», «Вечером и ночью мост закрыт, так как заминирован». Ощущение хаоса, о котором много говорили, могло возникнуть только при поверхностном взгляде».

Проблема неверной характеристики особенно очевидна в отношении мотива мести. При том что месть является мотивом насилия, применением насилия обычно занимаются организованные политические силы, поскольку большинство людей неспособны или не желают действовать непосредственно. Присутствие вооруженных сил, которые по поручению частных лиц осуществляют возмездие *исключительно* в тех случаях, когда оно отвечает их интересам, означает,

⁵⁵ Как отмечает Саймонс (Simons 1999: 92), анархия «есть не что иное, как мыслительный конструкт», поскольку на «низовом уровне люди всегда каким-либо образом организуются и точно знают, кто кого обстреливает». В Венесуэле боевики патрулировали подконтрольную им территорию, боролись с проявлениями насилия на местном уровне (убийствами, драками с применениями мачете), с пьянством, прогулами среди школьников, с бродяжничеством (Wickham-Crowley 1991: 44); в районах Колумбии, контролируемых РВСК, преступность практически полностью исчезла (Rubio 1999: 129). Уровень преступности в Северной Ирландии — рекордно низкий во всем Соединенном Королевстве; согласно опросам общественного мнения, в (мирной) Великобритании преступников боятся куда больше, чем в (воюющей) Северной Ирландии (Gallagher 1995: 50). Похожие свидетельства приводят (Smyth, Fay 2000: 123; Manrique 1998: 204; Degregori 1998: 135; Senaratne 1997: 75; Berlow 1998: 95; Stoll 1993: 80; Jones 1989: 127; Kheng 1983: 148; Rudebeck 1975: 445; Taber 1965: 40; Lear 1961: 92; Kerkvliet 1977: 70; 164).

что месть реализуется структурой отнюдь не хаотической и не случайной.

Таким образом, популярная аналогия между гражданской войной и кровными распрями совершенно несостоятельна и обманчива. Даже если не говорить о том, что в странах, где кровавые распри в порядке вещей, к мести прибегают лишь в крайних случаях (Gould 2003), эти страны трансформируются гражданской войной и превращаются в площадку для неограниченного бытового насилия, при том что «в иные времена такое поведение сочли бы неблагоприятным и достойным осуждения» (M. Johnson 2001: 61). Имеющиеся социологические и антропологические свидетельства по кровным распрям (Keiser 1991; W. Miller 1990; Boehm 1984; Black-Michaud 1975) не позволяют провести здесь аналогию. Кровная вражда — скорее общественный институт с установленными правилами (касающимися того, кто осуществляет возмездие, когда, каким образом, против кого), регулируемый нормами, которые ограничивают класс потенциальных жертв (обычно исключаются женщины и дети) и регламентируют приемлемую реакцию. В большинстве культур, признающих кровную вражду, фигурирует правило пропорционального ответа, один из примеров — принцип «око за око», *lex talionis*⁵⁶. Существуют приемлемые в данной культуре средства временного или постоянного осуществления враждебной деятельности; потенциального нападения можно избежать, откупившись; если мужчин, которых выбрали целью возмездия, встретят с родными и детьми, то их следует пощадить; может существовать сложная система правил, касающаяся бережного отношения к святыням, а также приема гостей в доме. Если коротко, то кровные распри ближе к игре, нежели к войне (Loizos 1988: 648), они служат «регуляторами социальной власти» в отсутствие власти центральной (Frijda 1994: 270). Они регулируют, ограничивают и сдерживают конфликт и насилие; они — не свидетельства социальной неустойчивости, а институты социального контроля, которые нередко поглощаются государством (Wormald 1980). Очень многое открылось сотруднику британской дипломатии Дже-

⁵⁶ И действительно, этот принцип препятствует эскалации: желание мстить не ограничивается, но сама месть регулируется (Frijda 1994: 264).

ральду Кертису, когда тот в 1930-е гг. посетил Афганистан: «Можно утверждать, что в стране, где нет правительства и нет возможности с его помощью наказать тех, чье поведение мешает окружающим, кровная вражда не только уносит жизни, но и сохраняет их. Страх спровоцировать кровную вражду и таким образом навлечь вековое проклятие на свой род заставляет человека задуматься (Schofield 1984: 120)⁵⁷.

Исследования гражданской войны в регионах, для которых традиционно свойственна кровная вражда, показывают, что война дестабилизирует институты и правила этой вражды, разлагающе действует на ее кодекс чести, с которым, в определенной степени, связан порядок в обществе (Xanthakou 1998: 12–13)⁵⁸. Более того, насилие на гражданской войне в значительной мере превосходит масштабы обычной кровной вражды, поскольку нарушается норма кровной вражды — отводить насилие от женщин и детей (M. Johnson 2001: 65; Paludan 1981: 20), а кроме того, возникает раскол внутри кланов и семей (Xanthakou 1998: 12–13). Наконец, насилие на гражданских войнах достигает своего апогея в регионах, где традиций кровной вражды нет. Так, наибольший накал ливанской гражданской войны наблюдался в городах, при том что традиции кровной вражды характерны в основном для горных сел (M. Johnson 2001: 44), и Арголида в Греции, которую я выбрал объектом исследования, также подверглась

⁵⁷ То же применимо и к жертвенному насилию, являющемуся, согласно Жирару (Girard 1977), механизмом общественного контроля в современном обществе, лишенном работающей судебной системы.

⁵⁸ Приведем пример того, как обостряются отношения кровной вражды и разрушаются их правила. В августе 2002 г. в Верхнем Египте были убиты 22 человека — члены одной семьи. Убийство не носило индивидуально-выборочный характер, а напоминало военную засаду; более того, при том что случай был связан с враждой двух кланов — Хашасба и Абдул-Халим, в деле оказались замешаны и местные исламисты (Новости «Би-Би-Си», 10 августа 2002 г.). Похожие процессы, по всей видимости, имели место в мексиканском штате Чьяпас, где в деревнях обосновались боевики-сапатисты и где «люди целыми поколениями враждовали из-за земель, религии и власти. Отец шел боем на сына, брат на брата, сосед на соседа», что вылилось в несколько стычек (G.Thompson 2001: 16). Межэтнические столкновения на северо-востоке Кении и соседнем Сомали также можно объяснить радикализацией кровных распрей между кланами Габра и Борана (Reuters 2005).

интенсивному насилию, несмотря на отсутствие традиции кровных распрей. На самом деле существуют свидетельства того, что кровная вражда в некоторых случаях эндогенна по отношению к гражданской войне, и традиция кровных распрей этой войне не предшествует, а возникает в ее результате (Paludan 1981: 20–21; Williams 1975: 26). Кроме того, представляется спорной связь между практикой кровной вражды и насилием на гражданской войне: сплоченные группы легче мобилизовать на бой, их также вовлекают в кровные распри. Иными словами, при всей очевидности связи между местью и чрезмерным насилием на гражданской войне, было бы неверно рассматривать эту связь как причинную.

Одно из разумных объяснений возникновения насилия — это механизм дилеммы безопасности, наряду с другими механизмами «распада системы», но этот механизм трудно проверить и трудно задействовать; при всем при этом он с точки зрения наблюдений неотличим от некоторых других механизмов. Одно из решений состоит в формулировании тезисов, которые можно подвергнуть проверке: во-первых, насилие наиболее характерно для районов, где сильнее всего перемешан состав населения — идеологически, религиозно, этнически⁵⁹; во-вторых, насилие должны активизировать значимые миноритарные группы, слишком слабые и потому не ощущающие страха перед угрозой, но при этом достаточно сильные для того, чтобы перейти в наступление; в-третьих, насилие — единственно возможный результат, в отличие от мирных договоренностей, например местных соглашений о перемирии. У нас нет на этот счет системных данных, однако обрывочными наблюдениями эти тезисы не подтверждаются. Так, насилие на территории бывшей Югославии часто осуществляли не отдельные лица против друг друга, а армия и ополчение; от населения разных народов в насилии принимала участие лишь незначительная часть (Mueller 2004); данные опросов показывают, что на уровне толерантности группы, проживающей на замкнутой территории, статус большинства или меньшинства никак не сказывается. Есть свидетельства того, что в некоторых обстоятельствах удава-

⁵⁹ Обращаю внимание на то, что положительный результат проверки этого тезиса с точки зрения наблюдений эквивалентен тезису о поляризации.

лось заключать договоренности на местном уровне между местными группами (Bougarel 1996).

Не выдерживает критики и тезис о «средневековой природе» насилия на гражданских войнах. Он предполагает, что насилие есть функция от того, насколько иррегулярна армия. Если воспользоваться формулировкой Селески (Selesky 1994: 85), «чем больше отстояние от центральной наблюдательной власти, а также, вероятно, чем меньше задействовано людей, тем больше у них возможности прибегнуть к насилию для сведения личных счетов, связанных или не связанных с целями того общества, которое в первую очередь уполномочило их на применение целенаправленного насилия».

Однако нам известно, что на многих гражданских войнах (например, в Сальвадоре, Гватемале) большая доля насилия осуществлялась не иррегулярными повстанческими отрядами, а солдатами, прошедшими выучку. И действительно, массовые убийства ассоциируются скорее не с хаосом, а с порядком — например, совершаемые оккупационными силами нацистов и японцев в ходе Второй мировой войны. Что касается гражданской войны в Англии, то в ходе операций регулярных сил совершено большее количество зверств (Coster 1999: 95); исключительное в своей жестокости массовое убийство в боснийском городе Сребренице было организовано и проведено в основном солдатами регулярной армии, а не боевиками полувоенных формирований. Точку зрения о том, что насилие против гражданских лиц применяется с целью достижения военного преимущества, а не с целью мародерства и грабежа, подкрепляет и недавний эконометрический анализ свидетельств из Африки (Azam, Hoeffler 2002). Наконец, положение о средневековом характере гражданской войны ведет к неверной характеристике очень многих конфликтов. Насилие, проявленное в ходе самых жестоких войн в Африке, вовсе необязательно носило беспорядочный характер (Richards 1996; Ellis 1995: 184; Geffray 1990).

3.6.2. Трансгрессивность

Тезис о трансгрессивном характере насилия косвенно, но достаточно весомо подкрепляется поразительным сходством насилия на гражданской войне в узком смысле и гражданской войне, разворачивающейся на фоне иностранной оккупации.

Массовые расправы, неизбирательное насилие, захват заложников, массовое перемещение населения — таковы признаки войны и того, и другого типа; подразумевается, что восстание против любой власти предполагает крайне жестокую реакцию. Действительно, юридический вопрос разграничения комбатантов и нонкомбатантов возник в контексте дебатов о регламентировании оккупационных режимов. Этот тезис также согласуется с наблюдением о том, что высокий уровень насилия, проявляемого против народов «малочисленных» или «низших», как это бывает при колониальных войнах, всегда оправдывался с тех же самых позиций (Donagan 1994: 1139).

Однако в связи с этим тезисом возникает ряд вопросов. Первый из них — является ли варварство продуктом трансгрессивного характера внутренней угрозы суверенитету или же восприятие действий как трансгрессивных есть проявление других процессов, таких как поляризация или изменение характера ведения войны? Второй связанный с данным тезисом вопрос — почему данные конкретные действия рассматриваются в первую очередь как трансгрессивные? В-третьих, вопросы возникают в связи с эмпирическими данными. Наблюдается значительное расхождение между реакцией на внутренние угрозы власти — вне зависимости от того, насколько они серьезны. Например, демонстрации протеста в 1968 г. во Франции, марши протеста 1989 г. в Восточной Европе, а также внутриевропейские террористические угрозы (Красные бригады, ЭТА, ИРА и другие), несмотря на представляемую угрозу и трансгрессивный характер их деятельности, породили реакцию весьма умеренную. В-четвертых, этот тезис не выдерживает критической эмпирической проверки: насилие, осуществляемое повстанцами или соперничающими повстанческими группировками по отношению друг к другу, часто носит характер не менее варварский, чем насилие государственное по отношению к боевикам. Показательный пример — взаимные насильственные действия монархистского и коммунистического подполья в Югославии во время Второй мировой войны. Наконец, очевидно, что массовое насилие, осуществляемое государством, часто является прямым ответом на угрозы, масштабы которого нельзя свести к одному лишь типу режима или к нормативным соображениям (Downes 2004).

Если коротко, то, похоже, тезис о трансгрессии отражает исследуемый процесс и помогает теоретически осмыслить не причины варварства, но варварство как таковое.

3.6.3. Поляризация

Аналитически тезис о поляризации стоит выше по отношению к тезису о распаде системы и тезису о трансгрессии, поскольку их легко можно включить в эту категорию; кроме того, в этом тезисе фиксируется один из важных аспектов гражданской войны.

Однако теория глубокого разделения продуктивна не более, чем теория насилия. Эмпирически подкрепленный тезис о поляризации предполагает, что гражданские войны в обществе, где более глубок предвоенный раскол, должны при прочих равных условиях иметь характер более варварский, чем те, мотивацией для которых послужил раскол менее глубокий. Аналогичным образом вариативность уровня насилия в рамках одной гражданской войны должна согласовываться с глубиной раскола. Проверить данную гипотезу трудно, учитывая трудность измерения глубины общественного раскола в отрыве от конфликта и насилия в рамках этого конфликта. В итоге мы имеем нехватку системных данных⁶⁰.

Предвоенная поляризация связана с варварством doubly: в широком смысле она рассматривается как причина

⁶⁰ Мне известны два исключения из этого правила, и оба взяты из микроисторических исследований. Ледесма, анализируя в настоящее время насилие в деревнях испанской провинции Арагон во время гражданской войны (Ledesma 2001), обнаруживает некоторую связь между поляризацией и насилием. Однако как именно измеряется поляризация, неясно, кроме того, не предлагается альтернативных гипотез. Чакон (Chacon 2003) делает наблюдение о том, что спрогнозировать насилие на первом этапе колумбийской «Виоленсии» позволяла предвоенная поляризация, объективированная в результатах муниципальных выборов. Однако в то время конфликт не носил военного характера и больше напоминал начало массовых погромов. И действительно, он приходит к выводу, что поляризация уже перестает быть подспорьем в прогнозировании насилия на второй стадии «Виоленсии» — стадии полномасштабного вооруженного конфликта. В течение этого периода насилие более четко определяют географические и военные параметры.

гражданской войны и, в результате, насилия; в узком смысле поляризация с началом гражданской войны служит эпистемологической базой для интенсивного насилия. И в том, и в другом случае насилие является результатом глубокого предвоенного раскола.

Критики широкого понимания поляризации утверждают, что связь между поляризацией и гражданской войной остается слабой даже в условиях глубокого довоенного раскола. Значительная часть эмпирических данных свидетельствует о том, что высокой поляризацией по социальному, религиозному или этническому признаку объяснить начало гражданской войны невозможно: эти условия не являются ни необходимыми, ни достаточными (Collier et al. 2003; Laitin 2001; Fearon, Laitin 2000; Sartori 1969: 81). Более того, ввиду отсутствия четкого критерия поляризации исчезает из виду то обстоятельство, что даже в глубоко поляризованном обществе однозначно приписать к тому или иному полюсу можно разве что незначительное меньшинство, тогда как большинство обычно отличается отсутствием прочной привязанности или же полным ее отсутствием, представляя из себя этакую «серую зону»⁶¹. В случае, если доступны более системные данные, как в Югославии, то оказывается, что между поляризацией и войной не такая уж прочная связь. С точки зрения перекрестного анализа между предвоенной поляризацией и гражданской войной есть обратная зависимость: Босния с точки зрения межэтнической терпимости занимает одно из первых мест (Hodson, Seculic, Massey 1994); с точки зрения анализа временного ряда показатели национализма в хорватском обществе в период с 1984 по 1989 гг. почти не менялись; это означает, что поляризация возросла либо непосредственно перед окончанием войны, либо когда война только разразилась (Seculic 2005).

Так или иначе, скорее всего, начавшуюся войну и наблюдаемое интенсивное насилие уже постфактум связывают

⁶¹ Малекфакис настойчиво продвигает следующий тезис о гражданской войне (Malefakis 1996: 26): «На любой гражданской войне большая часть населения обычно принадлежит — особенно на заре конфликта — к лагерю, аналогичному тому, что в 1936–1939 гг. получил название «третьей Испании»: они не привержены в достаточной мере никакой идеологии и потому не готовы проливать за нее кровь». Доказательств этой точки зрения предостаточно в работе (Seidman 2002).

с предвоенной поляризацией. Однако «даже когда насилие несомненно восходит к старому конфликту», предупреждают Роджер Брубейкер и Дэвид Лейтин, «его не следует рассматривать как естественное, само собой разумеющееся развитие такого конфликта, нечто, что происходит автоматически на определенном уровне его интенсивности, накала». В пользу этого утверждения говорит то наблюдение, что причина начала гражданской войны может не совпадать с причиной дальнейшего ее ведения (Pfaffenberger 1994). Действительно, воспринимаемая глубина довоенного раскола может быть результатом ретроспективной оценки, пропущенной через призму войны (Brubaker, Laitin 1998: 426). Более того, совершенно не обязательно, что войне предшествует глубокая поляризация: интенсивное насилие возникает в местах, где раньше раскола не наблюдалось. При том, что в определенных случаях — например в Испании, в Сальвадоре — политический конфликт дозрел до полномасштабного еще до войны, в других случаях — например в России или в Греции — раскол сформировался в ходе войны. В колумбийском департаменте Киндио не наблюдалось стычек с партизанами вплоть до конца 1940-х гг., при этом число жертв насилия в этом регионе составило тысячи человек (Ortiz Sarmiento 1990: 22). Аналогичным образом испанский регион Арагон во время устроенной анархистами коллективизации пережил значительную волну насилия, хотя там не наблюдалось «высокого уровня социальной поляризации или конфликта» (Casanova 1985: 59); это насилие, как выяснил Хулиан Касанова (Casanova 1985: 315), явилось результатом «исключительных обстоятельств военного времени» — факторов войны, особенно присутствия анархистских войск из Каталонии. В противовес этому регион Леванте в Валенсии испытал на себе насилие в меньшей степени, чем Арагон, хотя классовая поляризация была здесь намного выше (Sanchez 1983)⁶².

⁶² Следовательно, довольно опасно исключительно на основе предвоенной поляризации выводить степень риска для каждого человека. Когда Ампаро Барайон в первые месяцы гражданской войны вернулась в свою родную Самору, она «даже не подумала об опасности: Самора всегда была таким спокойным городом»; вскоре после возвращения на нее донесли, потом ее арестовали и казнили (Barayon 1989: 165).

Кроме того, увязывание предвоенной поляризации и насилия уязвимо против двух критических аргументов. Во-первых, насилие на гражданской войне можно связать с предвоенной поляризацией, допустив одну из ошибок умозаключения — например, экстраполируя с агрегированного уровня на индивидуальный или отдавая предпочтение не базовой оценке, а цели. В результате игнорируются эффекты взаимодействия, ложные эффекты и ненаблюдаемые величины. Во-вторых, насилие может возникать из динамики, присущей гражданским войнам, и либо косвенно связываться с предвоенной поляризацией, либо полностью отделяться от нее посредством двух процессов: эндогенной поляризации и эндогенного насилия. Авраам Линкольн стал свидетелем того, как во время гражданской войны в США «пришла настоящая война, кипела и проливалась кровь» (Fellman 1989: 85). Наблюдение Линкольна предполагает, что насилие эндогенно по отношению к войне и не зависит от раскола, послужившего причиной войны изначально. И даже гораздо сложнее: и поляризация может быть также эндогенна по отношению к гражданской войне, не столько к ее цели, сколько к ее исходу.

3.6.3.1. Ошибки умозаключения

Объяснение насилия на основе факторов, его порождающих, подвержено ошибке умозаключения, которая сродни т.н. «экологичному» заблуждению: в его рамках в отношении определенных актов насилия происходит экстраполяция с агрегатного уровня на индивидуальный в отсутствие данных по индивидуальному уровню. Раймонд Будон (Boudon 1988) наглядно демонстрирует нам, что в однородном обществе, где люди равны, есть возможность запустить процессы конкуренции, соперничества (и, как следствие, породить насилие), а на агрегатном уровне все выглядит так, как будто общество разделяют глубокие разногласия. Кроме того, замечено, что ощущение конкуренции между группами может возникать как побочное следствие все той же ошибки отбора: даже в среде, где принадлежность к этнической группе никак не определяет ни взаимодействие отдельных членов общества, ни склонность к их участию в насилии, мы все равно будем воспринимать насилие в утрированном виде как следствие борьбы между этническими группами (Dion 1997). Таким

образом, для трактовки насилия необходимы данные, тщательно отобранные и не оторванные от обстоятельств. Когда такие данные доступны, как в случае с Северной Ирландией, то предполагается разграничение между насилием в рамках конфликта и его наполнением в виде религиозных разногласий (O'Leary, McGarry 1993)⁶³. Не исключается и такой вариант, что картина политических предпочтений отдельного человека, о которых мы узнаем при взгляде сверху, была полностью сфабрикована на низовом уровне или же постфактум. Так, многие из преследуемых в годы сталинского террора кулаков кулаками не являлись. «В то время, а также впоследствии, — отмечает Линн Виола (Viola 1993: 65–66), — можно было за стакан водки или бутыль самогона превратиться из кулака в бедного крестьянина; в отсутствие же стакана или бутылки, наоборот, крестьянин превращался в кулака... Иными словами, понятие кулака существовало в восприятии».

Ситуативные данные, необходимые для формулирования выводов, должны отбираться тщательно. Так, например, наблюдение о том, что в контролируемом повстанцами регионе убит конкретный землевладелец, не является достаточным для того, чтобы считать произошедшее свидетельством классового раскола; для этого потребуются детальная информация о подлинной мотивации, стоящей за данным конкретным насильственным деянием⁶⁴. Немаловажно также избегать распространенной ошибки — ошибки усечения: речь идет об игнорировании информации из удаленных или абстрактных источников и предпочтении информации объективированной, конкретной и яркой. На самом деле важно в рамках одной и той же группы населения вывести соотношение известного числа жертв насилия и также наблюдаемого (но обычно

⁶³ Выясняется, что насилие во времени и пространстве не коррелируется с количеством вовлеченных в религиозные обряды людей, силы, осуществляющие насилие, не определяют себя в религиозных терминах, а кроме того, насилие не направлено против религиозных символов.

⁶⁴ Получить эти данные крайне трудно. Пытливый журналист Берлоу (Berlow 1998) выпустил целую книгу о том, как собирал улики по двум убийствам, имевшим отношение к восстанию на филиппинском острове Негрос (жертвой одного из убийств стал землевладелец). В итоге собранные свидетельства оказались недостаточно информативны.

игнорируемого) числа избежавших этого насилия: сколько помещиков были убиты, а сколько — нет⁶⁵? Если убит всего один помещик (а кроме того, от рук той же организации погиб и безземельный крестьянин), тогда убежденность в том, что насилие имело классовый характер, следует поставить под сомнение⁶⁶.

Более того, бывают смешанные мотивации: возможно, женщина стала жертвой насилия ввиду принадлежности к определенной группе, а также ввиду конкретного совершенного ею действия, с этой группой связанного или не связанного. Алан Берлоу, расследуя ряд проявлений насилия во время левацкого восстания на филиппинском острове Негрос (Berlow 1998: 166), услышал от одного из своих собеседников о том, что землевладелец по имени «Серафин стал жертвой повстанцев, так как помогал войскам... Вот почему его, главным образом, застрелили». «Помещики», которых во время гражданской войны в северном Китае убивали крестьяне под предводительством коммунистов, на самом деле были такими же крестьянами, только зажиточными, и сотрудничали со сторонниками правительства; в то же время тех, кто не принимал участия ни в каких действиях, включая «настоящих» помещиков, тогда не тронули; как заявил кадровый работник компартии, помещика не стали бы преследовать, не пойдя он тогда с гоминьданом против наших товарищей. Мы же считали, что богатые крестьяне — не наш враг и не вели против них борьбу» (Thaxton 1997: 289–290). В документах Вьетконга существуют обширные свидетельства того, что

⁶⁵ Это центральный аргумент в работе (Louie 1964), посвященной критике исследования Грира по французскому революционному террору.

⁶⁶ Из краеведческих исследований по испанской гражданской войне следует, что республиканцы пощадили многих помещиков по совершенно непонятным причинам (Estrada, Planell 1995: 39), зато целью нередко становились беднейшие крестьяне (Ledesma 2001: 254). Ледесма (Ledesma 2004: 291–292; 311–312) заключает, что, хотя в насилии, осуществляемом республиканцами, была классовая составляющая, чистым примером классовой борьбы оно не было никогда, так как класс понимался не столько в узко экономическом плане, сколько как сложное сплетение политических привязанностей. Схожее наблюдение делает Ардженти-Пиллен (Argenti-Pillen 2003: 77) о насилии на этнической почве на Шри-Ланке.

проводилось различие между обычными помещиками и теми помещиками, которые квалифицировались как «злостные вражеские агенты»; в отношении тех и других рекомендовались различные действия (Race 1973: 126). Вьетконговцы также делили крестьян на два политических класса на основе критериев безопасности, не имевших ничего общего с классовым делением (Elliott 2003: 954–960). Степень вариативности между самоопределением и поведением, скорее всего, является следствием желания политической силы провести это разграничение; к поляризации это, вероятно, отношения не имеет.

Наконец, часто бывает так, что тот или иной человек становится жертвой одновременно по политическим причинам (взглядам и действиям) и по причинам неполитическим, таким как личная неприязнь и кровная вражда. Например, в маленьком гватемальском городке «эскадрон смерти» похитил хлебопека; это было сделано как потому, что он публично критиковал армию, так и потому, что один из солдат «эскадрона смерти» предпринял акт личной мести (Paul, Demarest 1988: 126).

3.6.3.2. Эндогенная поляризация

Тезис о поляризации предполагает, что распределение народной поддержки во время войны достоверно отражает картину (предвоенного) раскола; во времена, когда поляризация достигает пика, также достигает максимума и КПД политических сил, порождая картину практически стопроцентного совпадения целей, которые ставят политические силы, и целей населения, интересы которого они вызвались представлять. Таким совершенно естественным образом безземельные крестьяне поддерживают левых повстанцев, а землевладельцы — правительство правого толка; тамилы вступают в ряды «тамильских тигров», а сингалы поддерживают ланкийское правительство; католики помогают ИРА, а протестанты — юнионистам, и т.д. Получается, что коллаборация и поддержка предполагают фиксированную привязанность, оказываются в соответствии с внешним фактором — характером войны; таким образом, чтобы установить картину распределения, достаточно всего лишь обратиться к соответствующим данным из переписи.

При этом существует достаточное подтверждение тому, что поляризация часто эндогенна по отношению к конфликту. Фукидид (Thucydides 3.83–84) указывал на «фанатичную ярость, что возникает, как только разразилась борьба... В результате этих революций у всех греков сильно испортился характер... Общество прежде расколосось на два идеологически враждебных лагеря, каждый из которых бросал подозрительные взгляды в сторону противоположного» (отмечены акценты). Данное умозаключение можно встретить во многих современных исследованиях⁶⁷. Рене Жирар (Girard 1977), рассуждая с теоретической точки зрения, выводит механизм эндогенной поляризации: соперники, по мере нарастания соперничества его участники часто забывают изначальные причины противостояния и слишком концентрируются друг на друге; в результате соперничество очищается от внешних воздействий и становится чистом виде делом престижа.

В ходе войны политические силы целенаправленно пытаются мобилизовать население на борьбу, играя на расколах в обществе, которое представляют: им известно, во-первых, что общество разделено на множество лагерей, а во-вторых, что мирные жители стараются не ввязываться в опасные дела. Армии освобождения Косово пришлось искать способ объединить деревенские кланы, нередко разделенные кровной враждой, а китайским коммунистам — научить бедных сельских жителей отождествлять себя не с собственными зажиточными родственниками, а с такими же бедняками из соседних деревушек⁶⁸. Мобилизация такого рода — задача непростая; здесь насилие оказывается эффективнее уговоров. Данное утверждение согласуется с тем наблюдением, что насилие, проявляемое мятежниками во время восстаний на этнической почве, обычно направлено преимущественно на собственный народ, с целью гарантировать поддержку

⁶⁷ См. также: Johnson 2001: 60; Rubio 1999: 79; Collins 1999: 177; Genschel, Schlichte 1998; Licklider 1998: 127; Byrne 1996: 2; Ellis 1995: 185; Ranzato 1994; Simmel 1955: 30.

⁶⁸ В одной деревне на юге Китая «беднякам из рода Чжэнь предстояло отречься от традиционных понятий семейной солидарности, приходилось убеждать себя в необходимости примкнуть к чужакам и совершать нападения на родных. Нужно было научиться изъясняться на языке «ненависти» (Chan et al. 1992: 19–20).

среди населения, которое в противном случае будет вести себя пассивно (Paget 1967: 32). Раскол в новой плоскости успешно фиксируется на государственном уровне; обычно это происходит после победы в войне⁶⁹. Таким образом, за причину гражданской войны нередко принимается ее фактический исход.

В начале гражданской войны у людей есть определенные предрасположенности и предпочтения, формирующиеся на основе политики предвосного времени, однако эти предрасположенности с течением конфликта могут поменяться. Порой война, по хорошо знакомой многим упрощенной логике, способствует упрочению изначальных предрасположенностей и «цементированию» приверженностей (Van Evera 2001: 21; O. Roy 1999: 233; Kaufmann 1996; Fawaz 1994: 5), увеличению их значимости (Allen, Seaton 1999: 3)⁷⁰. Большинство фермеров из Миссури до гражданской войны были условными сторонниками Севера, однако в результате войны «неопределившихся не стало; и те, кто занимал активную позицию, и те, кто был пассивен, оказались затянуты в водоворот»; в это время «на смену прежнего, сдержанного отношения пришли новые привязанности» (Fellman 1989: 22; 28). О том, как поэтапно растет поляризация, свидетельствуют показания протестантов — жителей графства Корк во время революции в Ирландии: «Все это время разрыв между нами и ими ширился и под конец стал совершенно непреодолим. Теперь они были на нас совершенно непохожи и, более того, были к нам враждебны» (в работе Hart 1999: 312–313). Приведем воспоминания таджикского лавочника из афганского города Герат: «В городе все было спокойно, но после боев начались межэтнические трения» (Waldman 2004: A3). А вот что вспоминает ливанский студент:

⁶⁹ Возникшая таким образом политическая приверженность может стать естественной; за счет ее может сформироваться основа органичной группы населения, которая будет обладать специфическими чертами. Например, в Китае классовые ярлыки, розданные в 50-е гг., позже наследовались по мужской линии: так, бедного крестьянина могли называть «помещиком», даже если у него нет земли (Chan et al. 1992: 21).

⁷⁰ Данное наблюдение легло в основу практических теорий бунтов: так, мысль о том, что собственно бой служит катализатором борьбы, занимает центральное место в концепции Дебре (Debray 1967).

Когда началась война, я учился в университете на архитектора. Я строил планы на самостоятельную жизнь; в это время странным образом изменился менталитет: все разделились на противоборствующие христианский и мусульманский лагеря. Прежде мне ни разу в жизни не приходило в голову спросить человека, христианин он или нет. Теперь же нужно поставить крест на половине жизни: половине друзей, половине городов, которые ты любил. До сих пор среди друзей у меня преобладают мусульмане. Когда началась война, я внезапно не смог с ними видаться и общаться (Darlymple 1997: 259).

Гражданская война одновременно способствует усилению предвоенных разногласий, в то время как другие разногласия ослабляются и меняются. Пользуясь емкой формулировкой Фойгта (Voigt 1949: 75), война «углубляет расколы и увеличивает трения, существующие во всяком человеческом обществе... разделяет, спутывает привязанности, дает защиту одним, делает слабее других, порождает новые лагеря». Кристиан Жеффе (Geffray 1990) и Мишель Каэн (Cahen 2000), рассматривая гражданскую войну в Мозамбике, указывают именно на этот процесс. Данное наблюдение согласуется с тезисом о «ловушке конфликта», согласно которому в результате возникновения гражданского конфликта повышается риск будущих войн (Collier et al. 2003), а также с тезисом о расколе на местном уровне, в рамках которого подчеркивается значимость возникающих за счет войны местных распрей, в том числе между кровными родственниками и земляками, которые развиваются (Kalyvas 2003)⁷¹.

Часто в ходе гражданской войны политизируются те разногласия, которые до войны носили безобидный и ненасильственный характер. В Уганде с точки зрения общественных отношений «на местном уровне» принадлежность к этнической группе не играла роли до тех пор, пока правительственные солдаты не начали убивать людей (Allen 1989: 61); отличающееся этническим разнообразием малайское общество «жило в относительной гармонии» вплоть до японской оккупации,

⁷¹ В нескольких работах, посвященных гражданским войнам, высказывается предположение о том, что местные разногласия «бьют» разногласия предвоенные (Hart 1999: 307; Moyar 1997: 70–71; Paul, Demarest 1988: 152; Gerolymatos 1984: 78).

в результате которой начались стычки на границе проживания разных этнических групп (Kheng 1983: 16–18)⁷².

Действительно, гражданская война порождает новые, независимые от старых, расколы в обществе. «Главным признаком первой эпохи военных действий», каковой была гражданская война в средневековом Киото (Berry 1994: xviii), «был собственно разлад; отсутствие согласия проявлялось повсеместно, порождая противоречия внутри каждого государственного органа, внутри общества». Нередко отмечают, что насилие к расслоению общества в целом не имеет никакого отношения; однако это не есть доказательство вмешательства в дело предвоенных противоречий (Lubkemann 2005: 500). Тот факт, что насилие часто является отражением местных разногласий, полностью соответствует процессу эндогенной поляризации (см. Главу 11).

На индивидуальном уровне существует немало историй об отдельных людях, чьи политические убеждения сформировались во время войны и собственно войной. Царский генерал Алексей Брусилов в ходе Гражданской войны в России перешел на сторону большевиков. Красные взяли его в плен; его единственный сын, дабы отцу сохранили жизнь, стал чекистом, но был пленен белыми и казнен⁷³. В смерти сына Брусилов винил себя и примкнул к красным с целью отомстить за него. Комментарий исследователя (Figes 1996: 697) таков: «он стал красным если не по классу, то по зову крови». Документально подтверждено немало случаев, когда невинно заключенные в тюрьму становятся настоящими повстанцами (Anderson 2005: 52).

В ходе гражданской войны может появиться совершенно новая этническая принадлежность. Такой случай имел место

⁷² Примечательно, что японцы не вели намеренной пропаганды этнической вражды между малайцами и китайцами; эта вражда, как полагает (Kheng 1983: 41), стала непреднамеренным следствием оккупации. В результате последней возникли и были определенным образом интерпретированы на местном уровне социальные противоречия, что породило глубокий межэтнический конфликт.

⁷³ На самом деле единственный сын генерала А.А. Брусилова, которого также звали Алексей, не служил в ЧК, а был командиром кавалерийского полка в РККА. В свою очередь, генерал Брусилов никогда не воевал с большевиками и не мог быть взят ими в плен; в РККА он вступил в 1920 г. — *Прим. ред.*

с алжирскими харки: изначально они были пособниками французов в войне Алжира за независимость. Но этот статус приобрел этнический оттенок и стал передаваться по наследству в течение многих лет (Напоумоу 1993). В конце концов харки превратились в квазиэтническую группу, проживающую на территории Франции; себя эти люди считают алжирцами далеко не в первую очередь, вплоть до того, что воздерживаются от заключения браков с уроженцами и уроженками Алжира. Другой пример — жители Пандшерского ущелья в Афганистане (O. Roy 1999: 231). Пандшерцы как группа в довоенном Афганистане существовали, но это название имело ограниченное распространение и не носило политического характера — обозначало лишь сельских мигрантов, приезжающих в Кабул, но в самом ущелье не употреблялось; политически пандшерцы определяют себя как «фарсиван» — сунниты, говорящие на фарси. Такое самоопределение приобрело выраженный политический характер только тогда, когда в ущелье образовался военный фронт под политически единым командованием.

Этот процесс наиболее ярко выражен в отношении классовых различий. Тилли (Tilly 1964: 305, 330) наглядно показывает нам, что исходная расстановка сил на юге провинции Анжу в ходе Французской революции соответствовала классовому расслоению, а также выкристаллизовалась «задолго» до того, как разразилось контрреволюционное восстание; в 1793 г. «участие в контрреволюции происходило абсолютно вопреки классовым разграничениям. Таким образом, ни одна простейшая схема деления не способна адекватно отразить расстановку сил в 1793 г.». Эмпирически большинство попыток спрогнозировать поддержку населения (главным образом, повстанцев) на основе предвоенных социокультурных характеристик особо результативными не были⁷⁴. В самом

⁷⁴ К выводу об общей невозможности четко отделить крестьян от повстанцев приходят многие авторы. Исследователи пытаются во все более узких терминах (крестьяне-середняки, издольщики, кочующие наемные работники, производители товарных культур и т.д.) описать социокультурный статус крестьян, которые оказывают поддержку восставшим (Peggy 1980; Paige 1975; Wolf 1969). С теоретической точки зрения, в таких работах не рассматриваются, а стало быть, упускаются из виду четыре важных вида взаимосвязи: индивидуального интереса

крайнем случае исследователи полагают, что объяснить связь между расколом и поддержкой воюющих сторон, обращаясь к социальной структуре, в принципе нельзя.

Данная гипотеза опровергается и тщательно проведенными микросоциологическими исследованиями (Wood 2003). Классический экологический подход⁷⁵ к коммунизму в Китае (Hofheinz 1969) приходит к выводу, что мобилизацию за коммунистов в ходе гражданской войны нельзя в достаточной мере объяснить одними социоструктурными факторами⁷⁶. При изучении войны во Вьетнаме 1964–1965 гг. был сделан вывод о том, что власть повстанцев была крепче там, где в предыдущие годы земельные владения были примерно одного размера и где землю обрабатывали в основном не арендаторы, а собственники (Mitchell 1968); аналогичным образом бедные деревни в дельте Меконга, изначально оказавшие поддержку вьетконговцам, реагировали впоследствии более остро на введенную ими воинскую повинность и сельскохозяйственный налог именно в силу своей бедности (Elliott 2003: 1017). Подробный анализ политических взглядов крестьян в семи сальвадорских деревнях накануне гражданской войны, проведенный Карлосом Кабаррусом (Cabarrus 1983), обнаруживает, что по сравнению с такими факторами как кровное родство конъюнктура (кто первым захватил лидерство над массами) и микрополитика (способность организаций управлять конфликтами внутри общин), классовые отношения — не самое удачное средство прогнозирования политических

с интересом группы, с конфликтом группы, с (насильственным) действием группы, с индивидуальным (насильственным) действием.

⁷⁵ Экологический анализ — анализ взаимодействия природных, исторических, экономических, политических, социокультурных и других факторов, влияющих на индивидуальное поведение и поведение общественных групп. — *Прим. ред.*

⁷⁶ Как установил Хофхайнц, китайские коммунисты добились успеха в трех областях: в двух из них (это «рассадники радикализма» и «приграничные базы») имели значение исторические, политические и социальные переменные; однако в третьем районе — важнейшем из них «великом тылу» — социальное происхождение почти не имело значения. Выражаясь словами ученого (Hofheinz 1969: 76), «пользуясь безопасностью, которую обеспечивали рельеф и удаленность от центра, в этих районах коммунисты смогли мобилизовать и привлечь к участию в политических действиях наибольший процент населения».

пристрастий⁷⁷. Когда война начиналась, в дело вмешивались дополнительные факторы, например способность политических сил защитить своих сторонников.

Эндогенная поляризация согласуется с частым наблюдением о том, что вспышки насилия и война обычно происходят неожиданно для населения, что поляризация — явление внезапное, неожиданное, что насилие, по свидетельству жителей, обрушивается на них как снег на голову и тем самым напоминает не человеческое действие, а природное явление; оно «непредсказуемо, необъяснимо, непостижимо, будто удар молнии или лесной пожар» (White 1989: 5). Вот как рассказывает одна очевидица о насилии в ходе гражданской войны в Испании: «Когда она вспоминает [про убийства], и ты смотришь ей в лицо, на нем как будто отпечатывается крошечная тьма... Так или иначе, об этих убийствах она говорит, что они не поддаются пониманию»; война воспринимается как разразившаяся внезапно, подобно извержению вулкана» (Zulaika 1988: 21, 34). Индеец из Гватемалы завершает рассказ о том, чего ему пришлось натерпеться в период с 1980 по 1982 г., так, что «он и его соседи стали жертвой временного помешательства» (Annis 1988: 173). «Было похоже, будто в Бейруте все сошло с ума», — пишет Глэдис Моуро (Mouro 1999: 20), вспоминая начало гражданской войны в Ливане. Давайте изучим следующие наблюдения очевидцев об английской гражданской войне, а также о войне чеченской и боснийской:

Странно осознавать, как неосознанно, по цепочке неожиданных случайностей, мы скатились к началу гражданской войны (McGrath 1997: 91).

⁷⁷ Кабаррус (Cabarrus 1983) установил, что бедные крестьяне (*semiproletarios*) более склонны к тому, чтобы занять ту или иную сторону, в отличие от крестьян более зажиточных (*campesinos medios*) и сельскохозяйственных работников (*jornaleros*), в основном отличающихся аполитичностью. Когда зажиточные крестьяне и сельхозработники все же определялись с выбором, он обычно падал на правую организацию ОРДЕН, у бедных же пользовался предпочтением левацкий ФЕККАС. ФЕККАС более чем наполовину состоял из бедных крестьян, а членство в ОРДЕНе три перечисленные группы делили приблизительно поровну. Социальный состав членов этих организаций значительно варьировался от деревни к деревне.

Поначалу я не воспринял эту войну как войну. Долго время я считал, что это какое-то недоразумение. Мне и в голову не приходило, что такое возможно (Tishkov 2004: 132).

Я думал об аналогичных ситуациях. Ливан, Ангола, Румыния. Раньше я включал телевизор, узнавал о том, что там произошло, потом выключал и каждый раз думал: «Ну что ж тут поделаешь». Я даже не предполагал, что события в Боснии примут тот оборот, который они приняли теперь (Pervanic 1999: 148).

Действительно, и боснийские мусульмане, и хорваты сетуют на то, что «людей охватило своего рода безумие и неожиданно всех изменило» (Loizos 1999: 119). «Мы всегда жили бок о бок и хорошо ладили; а сейчас происходит нечто, порожденное силой, которая нам неподвластна» (Bringa 1995: 4). Социологическое исследование, проведенное в Югославии в середине 1990-х гг., показало, что перспективу распада страны считали возможной всего 7% опрошенных (Oberschall 2000: 988). Этим наблюдениям подводит итог Ноэль Малкольм (Malcolm 1998): «В историях отдельных людей [переживших боснийскую войну] отчетливо прослеживается то ощущавшееся людьми замешательство. Разразившаяся война, судя по воспоминаниям людей, застала их врасплох. Произошедшее с соседями превращение — во врагов — казалось, не было никак обосновано предыдущим опытом. Излюбленная метафора очевидцев — как будто налетел вихрь и разметал их жизни».

3.6.3.3. *Эндогенное насилие*

Вне тезиса о поляризации насилие также эндогенно по отношению к войне в том смысле, что не связано с причинами ее возникновения. Во многих работах, где делается акцент на распаде существующего порядка, фигурирует мысль о том, что с началом войны начинает раскручиваться спираль насилия: насилие превращается в «чудовище, требующее непрерывной эскалации насилия» (С. Friedrich 1972: 76); насилие подвергается «перекрестному опылению» (Senaratne 1997: 145) и развивается по собственной логике, диспропорционально и даже независимо по отношению к изначальным причинам войны, более того, по отношению к ходу войны и ее целям (Scheffler 1999: 178). Война «живет своей жизнью,

точно как 30-летняя война, аллегорически запечатленная Бертольдом Брехтом в образе мамыши Кураж; люди забывают, зачем она идет, и хотят лишь одного — выжить, даже выживание предполагает сотрудничество с бездушным механизмом мобилизации» (Shy 1976: 14). Политический деятель из Южной Каролины в 1789 г. отмечал: «Когда спущены с цепи псы гражданской войны, позвать их назад не так уж и просто» (Weir 1985: 76). Этот процесс подкрепляется систематическими свидетельствами. Квантитативный анализ политически мотивированных убийств в Северной Ирландии позволяет сделать вывод о том, что имеет место «процесс локализованного социального воспроизводства насилия», вследствие которого насилие порождает и подпитывает насилие (Poole 1995: 42). Кроме того, текущее насилие оказалось более надежно в качестве средства прогнозирования выступлений повстанцев в Северной Ирландии, чем чисто экономические лишения (White 1989).

Если коротко, то следствием войны и побочным продуктом насилия часто выступает универсализация различий между своими и чужими. Реакция политических сил и отдельных людей на динамику войны (а также реакция на их реакцию) формирует насилие, войну, а также перспективы мира мало зависящим от предполагаемых причин конфликта способом.

Если признать, что эндогенными по отношению к войне могут быть как насилие, так и поляризация, то тезис о вытекании насилия исключительно из предвоенных расколов в обществе подлежит серьезной проверке. В то же время ограничиться банальным приписыванием насилия войне и возвращением к механизмам распада будет нельзя по причинам, изложенным в разделе 3.6.1. Чтобы лучше понять динамику эндогенного насилия, необходимо принимать во внимание конъюнктуру, в которой это насилие разворачивается; речь идет о методах ведения войны.

3.6.4. Способ ведения войны

Сделано поразительное наблюдение о том, что конвенциональным способом ведется очень малое количество гражданских войн (например, в США, Испании); на некоторых войнах конвенциональные средства сочетаются с иррегу-

лярными (например, в России, Китае, Вьетнаме) (Degiënic 2001: 166). И наоборот, почти все межгосударственные войны ведутся конвенционально⁷⁸. Если коротко, множества гражданских и неконвенциональных войн — иррегулярных ли, симметричных — в значительной мере пересекаются. Аналогично справедливым выглядит утверждение о том, что высокий уровень насилия, ассоциируемый с гражданской войной, связан с неконвенциональным ее характером.

Заявленный в качестве гипотезы тезис о ведении войны состоит в том, что насилие есть, скорее всего, прямая производная от иррегулярного характера войны. Однако свидетельства на этот счет имеются непоследовательные: так, высокой степенью варварства отличались некоторые межгосударственные войны (например, война между Германией и СССР), то же можно сказать об испанской гражданской войне, которая велась конвенциональным способом. И наоборот, варварство наблюдается не на всех иррегулярных войнах — хотя по достижении войной определенных масштабов варварство, как правило, имеет место (Valentino 2004). Действительно, часто звучит утверждение, что, когда партизанская война и массовое насилие накладываются друг на друга, они обычно взаимосвязаны (Valentino et al. 2004).

Гипотеза о ведении войны частично, но критично проверяется американской гражданской войной. Так, в отдельных штатах (в основном Миссури, Теннесси, Западной Вирджинии, в восточной части Северной Каролины, а также в Джорджии, Алабаме, Кентукки, Луизиане и Арканзасе) она велась иррегулярным способом (Beckett 2001: 10–11; Fellman 1989; Paludan 1981); в этом случае мы видим причины, не имеющие ничего общего с типом предвоенной политики и напрямую связанные с географическим положением. Данная иррегулярная гражданская война кардинально отличалась от более привычной конвенциональной, предполагающей сражения на поле боя и в целом не затрагивающей мирных жителей; об этом свидетельствует следующее описание войны в восточном Теннесси: «В этой войне регион шел против

⁷⁸ Иррегулярных войн между государствами известно несколько, но, как правило, они сводятся к малоинтенсивным стычкам на границе, как, например, на войне между Ливией и Чадом или Белизом и Гватемалой (Harkavy, Neuman 2001: 18–19).

региона, город против города, жители одного города против своих же. Она была децентрализованной, локальной, часто удивительно далекой от конвенциональной войны, обладающей характером, варьировавшимся в зависимости от местности» (Fisher 1997: 3). Уильям Оумен (Auman 1984: 70) в заключении к своему исследованию гражданской войны в округе Рэндольф в Северной Каролине замечает: этот поход соседа против соседа, брата против брата... характеризовался убийствами, поджогами, пытками, унижениями, грабежами и мародерством». Случай с США показывает, что способ ведения боевых действий может быть достаточным — хотя и не необходимым — основанием варварства.

Однако досконально причинный механизм, связывающий варварство и иррегулярную войну, еще предстоит определить. Предложены три механизма: иррегулярная война как революционная война, разновидность аргумента поляризации, в рамках которого идеологическая вражда перетекает в особо тяжелую иррегулярную войну; иррегулярная война как средневековая война, при которой все перегибы случаются от недостаточной дисциплины иррегулярных войск; наконец, уязвимость, присущая иррегулярной войне, при которой политические силы применяют насилие с целью свести к минимуму подверженность смертельному риску.

Шмитту, рассуждающему в терминах первого механизма, не удастся провести четкой взаимосвязи между поляризацией и партизанской войной: почему поляризация должна выражаться именно в этой форме военных действий? Более того, Шмитт идет от частного исторического периода и не признает, что насилие и иррегулярная война связаны в более широком, нежели революционные движения периода деколонизации и холодной войны, историческом контексте⁷⁹. Очевидное эмпирическое ограничение этого тезиса состоит в том, что он не объясняет крайнюю насильственность мно-

⁷⁹ Иррегулярная война старше, чем Мао Цзедун или Че Гевара. Участники партизанских движений (и теоретики партизанской войны) начала XIX века были в основном не революционерами, а консерваторами. Троцкий, приводя примеры из истории Гражданской войны в России, доказывает, что партизанские действия характерны не только для революционных армий (Laqueur 1998).

гих гражданских войн, очевидно не связанную с прежней поляризацией, в том числе так называемых корыстных войн.

Второй механизм схож с «осредневековливанием» в рамках тезиса о распаде политической системы, за одним исключением: вводится промежуточная переменная — вид военных действий. Как отмечено в разделе 3.6.1, данный аргумент способствует неверной характеристике большинства гражданских войн. Хуже того, он не объясняет ни насильственных действий дисциплинированных регулярных армий, которые борются с повстанцами, ни насилия на конвенциональной гражданской войне. Интересно, что некоторые ученые на основе имеющихся данных выводят аргумент совершенно противоположный. Так, Шмитт (Schmitt 1992: 240–241) обосновывает наличие прямой взаимосвязи между армейской дисциплиной и высоким уровнем насилия, а Ротенберг (Rothenberg 1994: 87) полагает, что разгулу насилия способствует участие народных масс в войне и сопутствующий рост численности гражданских армий — характерный признак не столько примитивности, сколько современности. Постулируя тезис о безопасности в качестве поверяемой гипотезы, мы признаем варварство функцией от степени незащищенности перед угрозой военной силы. В противовес другим теориям, этот тезис имеет то преимущество, что объясняет поведение как государственной власти, так и инсургентов, а также схемы развития насилия на конвенциональной гражданской и симметричной иррегулярной войнах (при этом неприменим к войнам конвенциональным межгосударственным). Например, большая часть насильственных действий, совершившихся против мирного населения в ходе гражданской войны в Испании, имела место в первые месяцы конфликта, когда царила атмосфера неопределенности и страха, обоснованного и необоснованного, перед «пятой колонной» (этот термин появился тогда же); этим страхом подрывалась вся логика линий фронта, он порождал чувство острой уязвимости. Как только фронт стабилизировался, насилие пошло на спад (Ledezma 2001: 256; Ucelay da Cal 1995: 84; Ranzato 1994). Такая же картина наблюдалась в Финляндии (Upton 1980: 292), Корее (Yoo 2002: 20), Боснии (Kalyvas, Sambanis 2005). В оккупированной Италии, Колумбии и Афганистане имела место связь между ненаправленным насилием против мирных граждан и близостью линии фронта — это еще один

фактор незащищенности (Forero 2002: A9; Waldman 2002b: A9; Klinkhammer 1997).

Кроме того, версия тезиса о способе ведения войны, связанная с безопасностью, позволяет прогнозировать географию насилия: его применение наиболее вероятно там, где позиции силы, имеющей оружие, наиболее уязвимы. Однако этот тезис не позволяет строить прогнозы относительно типа применяемого насилия: оно может быть или селективным, или неизбирательным вне зависимости от какой-либо определенной логики, которая помогла бы установить, ведет ли укрепление безопасности к пропорциональному увеличению насилия того или иного типа. Очевидно, что ключевым вопросом здесь остается уточнение понятия «уязвимости».

3.7. ВЫВОДЫ

В этой главе мы определили, реконструировали и рассмотрели четыре различных теоретических подхода к насилию на гражданской войне с целью прояснить выбор основания для построения нашей теории насилия на гражданской войне. Каждый из подходов имеет свои несомненные достоинства и продолжает служить мощным теоретическим подспорьем для ответа на целый ряд смежных с гражданской войной и насилием вопросов. Насилие — сложное явление, явно охватывающее целый комплекс процессов и механизмов. Наша конечная цель — вычленив их и подвергнуть эмпирической проверке. При этом должна быть создана дедуктивная теория насилия на гражданской войне, имеющая в своей основе простой и понятный тезис.

С точки зрения построения теории оптимальным основанием служит тезис о способе ведения войны. Тезис о распаде системы недостаточно хорошо объясняет изначальное возникновение насилия в конкретном регионе, кроме того, не подтверждаются имеющимися свидетельствами выводимые из него положения о преобладании насилия в районах, не подконтрольных ни одной из сторон, районах с более разнородным населением, а также в случаях, когда армия наиболее иррегулярна. Аналогично, не объясняет эмпирическую картину совершаемого мятежниками насилия по отношению как к гражданским лицам, так и к другим мятежникам тезис

о трансгрессивности; он требует поведения беспрецедентного исследования, которое бы ответило на вопрос, почему бунт по сравнению с другими правонарушениями отличается столь высокой степенью агрессивности. Тезис о поляризации довольно убедителен и включает в себя как тезис о трансгрессивности, так и тезис о распаде системы, однако трудно дать ему эмпирическое обоснование, избежав замкнутого круга, так как война подразумевает поляризацию, а поляризация — войну. В рамках этого тезиса выносятся за скобки то обстоятельство, что насилие и поляризация порождаются эндогенно в ходе войны. Хотя версия гипотезы об иррегулярной войне, связанная с безопасностью, не помогает строить прогнозы относительно избирательности/неизбирательности насилия, в ее рамках появляются убедительные, интересные, подлежащие проверке результаты и концепции действий как инсургентов, так и государства, которые хорошо согласуются с отрывочными эмпирическими наблюдениями, сделанными в ходе большого числа конфликтов. В следующей главе я пытаюсь обозначить теорию иррегулярного ведения войны, из которой можно вывести теорию насилия на гражданской войне.

При том, что основания теории насилия на гражданской войне я вывожу из тезиса о способе ведения войны, остаются открытыми поднятые в этой главе эмпирические вопросы. Их я рассмотрю в главах 8 и 9, где провожу проверку многих эмпирических выводов из всех четырех теоретических подходов. Я задаюсь вопросами о том, существует ли позитивная связь между степенью анархии и интенсивностью насилия, имеет ли интенсивность насилия отношение к потребности во мщении, существует ли предупредительное насилие, соответствующее логике механизма дилеммы безопасности (тезис о распаде системы), соответствует ли интенсивность насилия предвоенной поляризации (тезис о поляризации), а также возникает ли насилие там, где политическая сила наиболее уязвима (тезис о способе ведения войны).

Теория иррегулярной
войны (I): сотрудничество
с противником

Осведомителей надо вешать. Их убить не грех.

Ранашиту Гухе, «*Элементарные аспекты крестьянского восстания в колониальной Индии*»

Непонятно, кто есть кто.

Старший лейтенант Квин Эдди,
армия США, Афганистан, 2001 г.

В этой главе освещается первая часть теории иррегулярной войны, на которой строится теория насилия в рамках гражданской войны. Я бы хотел начать с обсуждения взаимосвязей между иррегулярной войной и географическим положением, а также рассказать об основных моментах, связанных с природой суверенитета гражданской войны. Затем я перейду к непростому вопросу народной поддержки, которую я разделяю на поддержку установочную (выражающуюся в предпочтениях) и поведенческую (выражающуюся в действиях). Мне бы не хотелось делать каких-либо предположений об основных предпочтениях большинства населения, а также я предпочел бы свести к минимуму предположения о поведенческой поддержке, включающей в себя сложный, неоднозначный и меняющийся комплекс действий большинства людей и стойкость воззрений меньшинства. В заключении будет рассмотрена институциональная обстановка, в рамках которой происходило взаимодействие между политическими деятелями и гражданскими лицами.

4.1. СУВЕРЕНИТЕТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

С аналитической точки зрения, иррегулярная война характеризуется отсутствием линий фронта. По словам одного участника военных действий, направленных против индейцев в Америке, «линия фронта повсюду, а тыла нет» (Paludan 1981: 40). Эта особенность также проявилась в стихотворении,

придуманном немецкими солдатами, находившимися в оккупированном СССР:

Россия впереди!
 Россия позади!
 И со всех сторон
 Стрельба!
 (Cooper 1979: 92)

Однако нельзя сказать, что двоих (или более) участников такого типа войны не разделяют никакие границы. Они есть, просто они размыты и постоянно меняются. То есть, говоря другими словами, иррегулярная война фрагментирует пространство. Эту фрагментацию легко увидеть на картах, изображающих страны, которые находятся в состоянии гражданской войны. Если мы возьмем традиционную войну, то увидим, что пространство четко делится на две разграниченные зоны. В случае гражданской войны, оно будет представлять собой неорганизованные, разбросанные повсюду участки военных действий. Чем более подробная карта, тем менее упорядоченной она выглядит (Giustozzi 2000: 291; Cooper 1979: 62; Li 1975: 154). Марк Даннер (Danner 1994: 17) пишет о северном Морасане в Сальвадоре следующее: «Карта похожа на перепутанную мозаику, где деревни принадлежат правительству или партизанам, а порой никому или и тем, и другим одновременно, а города и селенья окрашены различными оттенками розового и красного». Фрагментация пространства свидетельствует о том, что иррегулярная война серьезно меняет природу суверенитета. Главным образом, разрушается монополия насилия, основанная на *территориальном характере* вооруженного конфликта. Проще всего составить концепцию разделения суверенитета в гражданской войне, разграничив следующие зоны: государственного, повстанческого или спорного контроля. Если зону контролируют власти, а его войска и официальные лица могут свободно по ней передвигаться днем и ночью, то речь идет о зоне *государственного контроля*. Если повстанцам удастся предотвратить действия правительственных сил, а правительство не в состоянии выполнять основные государственные функции, такие как сбор налогов и призыв молодых людей на военную службу, то мы имеем дело с зоной повстанческого контроля. В обоих случаях суверенитет разный, но он неделим.

Между этими двумя зонами располагается «промежуточная» зона, которую часто называют «спорной» или «сумеречной» (Armstrong 1964: 30). Она считается «самым важным местом сражения» (McCull 1969: 624), поскольку контроль в ней является спорным. В отличие от других двух зон, в этой полностью меняется природа суверенитета, что проявляется в следующих описаниях, полученных из оккупированной Германией территории СССР и управляемой Великобританией Малайи:

Намного больше народу проживало в так называемых сумеречных зонах, в которых ни немцы, ни партизаны не задерживались надолго. Иногда власть захватывали немецкие войска, но партизаны устраивали по ночам облавы и легко наносили ответный удар. В других местах ни той, ни другой стороне не удавалось добиться постоянного повиновения. В целом немцы время от времени посылали свои войска или официальных лиц, которые угоняли людей для принудительного труда, отбирали еду или просто проводили разведку (Dallin et al. 1964: 330).

Террористы затаились в джунглях, а армия, полиция и правительство безопасно расположились в городах. Между ними была ничейная зона: деревня, дорога, железнодорожные пути, плантации риса и каучука. Террористы в лучшем случае могли рассчитывать на захват всех коммуникаций в Малайе, но у них бы никогда не получилось взять штурмом города. Силам безопасности же в лучшем случае удалось бы загнать террористов далеко в джунгли, но найти их всех за один раз было невозможно: джунгли были слишком густыми (Crawford 1958: 82).

Политические силы сталкиваются с тремя видами состояния населения: в первом случае оно находится полностью под их контролем, во втором — его надо «делить» с соперниками и в третьем — оно абсолютно вне их власти. Таким образом, эти три ситуации создают два типа суверенитета: сегментированный и фрагментированный. Сегментированным он называется в том случае, когда две (или более) политические силы обладают полным суверенитетом в отдельных частях государства. Фрагментированным — когда они обладают ограниченным суверенитетом в одной и той же части государства.

4.2. ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ

Бойцы нерегулярной армии, шпионы и агенты обеих сторон прячутся среди гражданского населения. Этот признак иррегулярной войны, который можно назвать «проблемой идентификации» (опознавания), кратко описывает американский офицер, патрулирующий афганскую деревню (Zucchini 2004: A8): «Здесь двое из десяти тебя ненавидят и хотят убить. Главное понять, кто именно». Во время обыска во всех домах в Ираке то же наблюдение сделал американский солдат: «Я очень сочувствую этим людям. Трудно отличить добро от зла» (Filkins 2005: 57). Несколькими годами ранее советские солдаты называли своих афганских врагов «духами»: так русские называют привидений⁸⁰ (Baker 2002: A1). Они следующим образом описывали проблему, с которой им пришлось столкнуться: «Ты меня видишь, а я тебя нет» (Wines 2001: B7).

Невозможность отличить друга от врага в ходе иррегулярной войны также подтверждается следующими наблюдениями американских военных во Вьетнаме (1968 г.), в Афганистане и в Ираке (2003 г.):

Где бы я ни был, если вдруг на меня смотрели вьетнамцы, я пугался. Непонятно было, кто друг, а кто враг. Можно было находиться в одном помещении с человеком и не знать, «чарли» он или нет. Особенно остро недоверие ощущалось на удаленных территориях. Как можно сражаться, если человек рядом с тобой в любой момент может обратиться в бегство и пойти против тебя? Кому доверять и где провести границу? Еще одна нелепая сторона войны (Brinkley 2003: 50).

Хотя крестьяне говорили на разных языках, они все равно понимали, какие у американцев намерения. Мужчины в тюрбанах и длинных серых мундирах молча открывали двери для групп из пяти-шести в касках и неброских камуфляжных костюмах... Все казалось приемлемым: от горечи и беспомощности перед тем, что творят американцы или (как надеются американцы) из-за благодарности за победу над Талибаном, подавляющим

⁸⁰ Использовавшееся советскими солдатами в Афганистане для обозначения противника слов «дух» — производное от местного *dušman* (в переводе с пушту — «враг»). — *Прим. ред.*

всех вокруг. Солдаты не знали, кто есть кто. Как рассказывает Гонсалес, понять настроение местных жителей можно было не по их улыбкам, а по крепости их рукопожатий (Bergner 2003: 44).

Наши враги как духи. Нападают и исчезают. Они не дерутся с нами лицом к лицу (Zaretsky 2003: A4).

Эта проблема появилась уже давно. В 1810 г. один французский генерал, находясь в Испании, заметил, что «тяжелее всего не победить партизан, а их найти» (Tone 1994: 105). А американские солдаты, служившие на Филиппинах в начале XX века, рассказывали о «погоне за призраком» (May 1991: 161). Как вспоминает британский солдат в Малайе: «Где-то в гигантском болоте скрывались пятьдесят опытных террористов. Как мы могли их убить, если их надо было вначале найти?» (Crawford 1958: 87)⁸¹. По наблюдениям пакистанского офицера в Бангладеш (Salik 1978: 103), «труднее всего было отличить мятежников от невинных людей... Все выглядели одинаково. Мятежник с пистолетом-пулеметом «Стен» мог при необходимости бросить оружие в поле и начать работать, как невинный фермер». Проблема опознавания также хорошо отражается в диалоге между журналистом и индийским офицером в Кашмире:

Я спросил, сколько, по его мнению, там террористов. «Сейчас очень мало», — ответил он. Но зачем тогда правительству держать там полмиллиона человек? «Потому что, — тихо пояснил он, — мы не знаем, кто они» (Hilton 2002: 73).

И эта история не случайна. По данным ЦРУ, боевой контакт с повстанцами был установлен менее чем в 1% от 2 миллионов тактических операций, проведенных в 1966–1968 гг. во Вьетнаме (Ellsberg 2003: 240)⁸². Неудивительно, что ирре-

⁸¹ См. также: Linn 1989: 58; Calder 1984: 138, 158; Salik 1978: 101; Henriksen 1976: 397; Meyerson 1970: 79; Trinquier 1964: 26; Kitson 1960: 192.

⁸² Ежемесячные данные по небольшим операциям во Вьетнаме в 1964 г. следующие: 59 996 операций, в ходе которых был установлен боевой контакт с 451 вьетконговцем; 72 794 операции и 406 контактов в результате; 73 726 операций и 491 контакт и так далее (R. Thompson 1966: 88). По словам одного американского офицера, «он провел целый год во Вьетнаме и никогда не видел ни одного живого вьетконговца» (Herrington 1997: xv).

гулярную войну называют войной в «потемках» (Asprey 1994) или войной с «призраками» (Cooper 1979).

Как видно из предыдущих примеров, проблема опознавания главным образом затрагивает интересы официальных лиц: их противники — слабая сторона и вынуждены прятаться. «Война была односторонней, — рассказывал немецкий офицер о партизанской войне в СССР, — поскольку узнать немецкого солдата было легко, а партизана в гражданской одежде — нет» (Cooper 1979: 89). Именно поэтому победить повстанцев бывало так тяжело, какими бы гигантскими ресурсами ни обладал их противник. Классический пример — Вьетнам, но он не единственный. В 1965 г. Перу потратила более 10 миллионов долларов, чтобы победить около сотни плохо вооруженных мятежников (M. F. Brown, Fernandez 1991: 190), а в июле 1993 г. британская разведка (МИ5) сообщила, что большая часть ее бюджета, «то есть 44% от общей негласной суммы, составляющей многие сотни миллионов фунтов, тратится на борьбу с [ИРА] маленькой группой бедных мятежников, в которую входит порядка шестисот человек и чей бюджет составляет около пяти миллионов фунтов» (Toolis 1997: 285).

Однако и сами повстанцы нередко сталкиваются с проблемой идентификации. Их могут предать те, среди кого они прячутся. Кроме того, они нередко сталкиваются со шпионами и вражескими агентами, которые также могут их опознать. Как писал Лусиан Пиэ (Pye 1964: 177): «Нельзя противопоставить преимущества повстанцев и террористов огромным ресурсам правительства, если у него хорошая разведка. На более поздних стадиях бунта, какой бы мобильностью ни обладали подразделения мятежников, насколько бы ни были способны к неожиданному нападению, правительству всегда есть что им противопоставить, если вовремя сработает разведка».

Если повстанцев обнаружить, то победить их очень легко. В 1942–1944 гг. французское Соппротивление потеряло больше людей из-за предателей среди своих, чем из-за действий немецкой армии (Laqueur 1998: 230). К 1983 г. афганский коммунистический режим заслал 1300 агентов в отряды мятежников, 1226 агентов работало на путях сообщения, 714 — в подпольных политических организациях, а 28 — в Пакистане (Giustozzi 2000: 98). В результате повстанцы были просто

одержимы возможным предательством⁸³. Мятежники, вспоминая о своей деятельности, рассказывают о постоянном страхе перед утечкой информации (Njama 1966: 61); с другой стороны, противники повстанцев (Aussaresses 2001; Flower 1987) также вспоминают о постоянном внедрении мятежников в их ряды, особенно в городской зоне⁸⁴.

Проблема идентификации — двусторонняя: во-первых, мятежники категорически против того, чтобы их выделяли в отдельную единицу, а именно — воюющую сторону (Andreopoulos 1994: 195). Это отражает процесс преобразования, который американцы, воевавшие с филиппинскими мятежниками, называли «действием хамелеона» (May 1991: 142–143, 161)⁸⁵. Во-вторых, население, окружавшее мятежников, категорически не желает выдавать их противникам.

⁸³ Bouaziz and Mahe 2004: 253; J. L. Anderson 2004: 176; Bizot 2003: 112; Elliott 2003: 961; Tucker 2001: 87; Portelli 1997: 138; Todorov 1996: 90; Schroeder 1996: 428; Saul, Leys 1995: 53; Stubbs 1989: 189; Paludan 1981: 78. Иногда из-за этой одержимости страдали невинные люди. Так в 1986–1988 гг. на Филиппинах, боясь утечки информации, коммунистическая Новая народная армия провела «запугивающую» чистку, в ходе которой были убиты сотни ее членов и сторонников (Jones 1989: 265–275).

⁸⁴ Проблема идентификации бывает не только во время войны «идеологий». Она — неотъемлемая часть многих (если не всех) этнических гражданских войн, во время которых армии постоянно набирают противников в свои ряды, участники меняют стороны, а гражданские лица сотрудничают со своими этническими противниками (Kalyvas 2003). По крайней мере, одна сторона (обычно правительственная) хочет не истребить, а взять под контроль население, составляющее большую часть этнического противника. Хотя говорят, что в этнических конфликтах не существует перебежчиков (Kaufmann 1996; Ranzato 1994), тем не менее смена стороны возможна, если кому-то это очень сильно нужно. Перебежчики не утрачивают свою этническую принадлежность, но меняют ее за счет таких определений, как «умеренный», «верный», «антиэкстремистский» или за счет перехода к другому измерению национальной идентичности.

⁸⁵ Также очень трудно вычислить, кто из мирных жителей сотрудничал с врагом. Как писал о Кении Лики (Leakey 1954: 121): «Нет никаких внешних признаков, по которым можно было бы определить, поддерживает ли человек мау-мау или нет. Раньше существовала традиция в качестве обряда инициации делать семь насечек новым членам движения, но он нее очень быстро отказались, поскольку так их слишком легко вычисляла полиция».

Либо люди не знают, кто на самом деле повстанец, что вполне оправданно в случае, если мы имеем дело со шпионами или подпольными агентами, или, что встречается намного чаще, они не хотят их выдавать по самым разным причинам: из-за сочувствия или страха. Здесь уместно поговорить о «поддержке» среди местного населения.

4.3. ПОДДЕРЖКА

«В наше время поле боя не имеет ограничений, — заметил французский офицер, сражавшийся в Алжире (Trinquier 1964: 29). — Обе стороны, нравится им это или нет, вынуждены заставлять гражданских лиц участвовать в сражении». Бой ведется с помощью народа. Как сказал кипрский крестьянин писателю Лоренсу Дарреллу (Durrell 1996: 224), «как будто боксер бьет противника, прикрывшегося телом арбитра». Многие считают, что исход иррегулярной войны зависит от поведения гражданских лиц. Другими словами, «гражданские лица» и «народная поддержка» — «неотъемлемые атрибуты победы» (Trinquier 1964: 8).

Почти все писатели полагают, что ни одно повстанческое движение не сможет существовать без поддержки гражданского населения, но и правительственным войскам без нее не удастся одержать победу (Wickham-Crowley 1992: 8; O'Neill 1990: 70–89). Как отмечал член ИРА: «Нас не существует без общества. Мы носили оружие и закладывали бомбы, но общество нас кормило, скрывало, открывало перед нами свои дома, закрывало глаза на наши операции» (Collins 1999: 225). Даже в «Пособии по борьбе с партизанами», которое использовали немцы во время Второй мировой войны, главным образом говорилось о том, как «важно отношение населения к борьбе с партизанами. Они не смогут долго существовать среди людей, которые поддерживают с нами хорошие отношения» (Heilbrunn 1967: 150).

Несмотря на такое единодушие, существует два совершенно разных подхода к народной поддержке. В рамках первого акцент делается на отношении, предпочтениях или преданности, в рамках второго — на поведении или действии. Конечно, оба подхода взаимосвязаны, но во время иррегулярной войны граница между отношением и дей-

ствием обычно весьма размыта. Во многом это главное последствие войны.

Часто поддержку описывают именно через отношение людей. Утверждают, что «победа партизан зависит от преданности гражданских лиц в зоне проведения операции», в то время как в традиционной войне «военные операции проходят без учета интересов бедного гражданского населения. Никто не ждет, что оно встанет на чью-то сторону, во всяком случае, не вначале, когда бой в самом разгаре... В революционной войне преданность населения становится одной из самых важных целей всей битвы» (С. Johnson 1962: 649; Fallin Trinquier 1964: ix). Как утверждал один юнионист в Миссури: «Если округа, считавшиеся неверными, прекратили бы сочувствовать предателям и стали бы горячо поддерживать правительство, партизанской войны бы не было вообще» (см. Fellman 1989: 91). Поскольку отношение к происходящему перекликается с новыми идеями, многие считают, что в гражданской войне главное — идеология. Тогда получается, что она важнее территории (Angstrom 2001: 106); как грубо заметил один американский доктор: «Важнее всего удержать только одну территорию: пятнадцать сантиметров между ушами крестьянина» (Siegel, Hackel 1988: 119).

Если принять в первую очередь подход, основанный на отношении людей, то перед нами встает ряд проблем. Отношение нельзя увидеть и его нужно каким-то образом интерпретировать, что довольно трудно, если мы говорим о гражданской войне. Часто это решается достаточно некорректным способом: причины начала войны объясняются убеждениями и недовольством народа⁸⁶. Гражданские войны считаются доказательством серьезного «кризиса законности», а значительные группы населения (часто просто «народ») противопоставляются правящему режиму, и поэтому они начинают поддерживать мятежников. Таким образом, утверждается, что гражданские войны на самом деле «народные» (Tone 1994: 4; C. Schmitt 1992: 213; van Creveld 1991: 143). То есть люди, как на выборах, решают, какую фракцию под-

⁸⁶ Здесь неправильно связывать поддержку с исходом войны: поражение очень удобно объяснить недостаточной народной поддержкой, а победу — ее избытком.

держивать, в зависимости от своих политических убеждений, социального статуса или идеологии (С. Johnson 1962), и этот выбор оказывает огромное влияние на военный конфликт: «В гражданской войне военный и стратегический факторы куда менее важны, чем отношение населения. Если местные жители радостно принимают одну из сторон, у нее автоматически увеличивается количество ресурсов и вырастает мощь. Если же, напротив, стороне никто не рад, то ей приходится тратить силы на усмирение и контроль завоеванной территории» (Brovkin 1994: 91).

Однако все-таки сомнительно, что начало гражданской войны должно считаться однозначным доказательством серьезного «кризиса законности» или серьезной поддержкой повстанцев местным населением. Объяснить восстание недовольством населения все равно, что объяснить падение режима в терминах легитимности. Это, как утверждает Адам Пржеворски (Przeworski 1991: 54–55), либо тавтологично, либо неправильно. Только когда организованные политические силы борются с сувереном, «у отдельных людей есть политический выбор». Сотрудничество с противником часто возникает из-за отсутствия альтернативы, независимо от того, насколько довольно или недовольно население, что можно неверно интерпретировать как отражение легитимности. Кроме того, поддержка мятежа может быть вызвана уже идущей войной, а может стать ее причиной. Как верно отмечает Столл (Stoll 1993: 20): «Когда уже начался вооруженный конфликт, самым важным фактором при наборе людей становится насилие, которое проявляют обе стороны. Люди могут присоединиться к революционному движению не потому, что разделяют его идеалы, а чтобы спасти свою жизнь... Таким образом, если мятеж быстро набирает силу, это не значит, что он отражает желания населения и пользуется широкой народной поддержкой».

Также неправильно интерпретировать отношение людей, основываясь на их «открытом» или наблюдаемом поведении (Sen 1986). Часто считается, что если некоторые люди сотрудничали с одной из воюющих сторон, то, значит, они были ей преданны. Однако наблюдаемое поведение часто основывается на противоречивом отношении. В результате с помощью его трудно правильно определить предпочтения

(Lichbach 1995: 287). На самом деле в ходе гражданской войны возникает большой соблазн их сфальсифицировать (Calder 1984: 155). Очевидно, что наблюдаемое поведение не только плохо отражает предпочтения, но и является очень неточным показателем (Kuran 1991)⁸⁷. Особенно сведущими в данном вопросе оказались вьетнамские крестьяне:

Обе стороны беспощадно набирали себе людей, и обе стороны одинаково требовали верности от крестьян. Таким образом фермер, выращивающий рис в Хьепхоа, мог легко в полночь стать членом антиправительственного мятежа, во время которого он под строгим надзором отвечавших за пропаганду коммунистов, сидя под плакатом, играл роль разъяренного и угнетенного крестьянина. А на следующее утро тот же фермер мог отправить детей в новую, построенную правительством школу, а затем отправиться голосовать на выборах — теперь уже под надзором главы деревни, сторонника правительства. В своих сообщениях вьетконговцы хвастались, что: «...на настоящий момент 90% жителей активно поддерживают революцию». В то же время глава деревни Хьепхоа информировал свое начальство, что «на последних выборах проголосовало более 95% населения, и практически все, единодушно, поддержали противников коммунистов» (Heggington 1997: 37).

Неудивительно, что внимательных наблюдателей такое положение дел сбивает с толку. Как писал о Северной Ирландии Кевин Тулис (Toolis 1997: 255–256): «Кто может сказать правду в мире, где царят двусторонний обман, ложь, манипуляции, ненависть к самому себе, профессиональное мошенничество, дезинформация, черная пропаганда и пре-

⁸⁷ Окончательно этому распространенному взгляду на предпочтения противоречат более системные данные, но они либо недоступны, либо не до конца надежны. Содержание частной переписки, прочитанной властями Виши, противоречило предположениям, которые делали обозреватели относительно народных настроений в оккупированной Франции. Так, из 4352 писем, написанных в декабре 1943 г., в которых говорилось о террористических, по мнению Виши, действиях в регионе Монпелье, в 3976 высказывалось отрицательное отношение к действиям Сопротивления и лишь в 142 — положительное (Kedward 1993: 113).

дательство, где непонятно, кто кому предан. В конце поездки я стал сомневаться в намерениях почти всех людей, с которыми я разговаривал».

Из-за неравнозначности мнения наблюдателей начались бесконечные споры, подогреваемые пристрастным отношением к партизанам, на тему того, как интерпретировать наблюдаемую поддержку: с одной стороны, по мнению тех, кто поддерживал повстанцев, гражданские лица, сотрудничавшие с ними, действовали искренне, и их поведение отражало существующее недовольство и веру в то, что мятежники помогут исправить существовавшее положение. Те же самые наблюдатели утверждают, что с правительственными силами мирное население сотрудничало по принуждению. А те, кто разделял взгляды правительства, утверждают обратное. Так, например, мысль о том, что вьетнамские крестьяне поддерживали вьетконговских мятежников, потому что верили в их программу и идеи (Gerald 1989), а не потому что их запугали (Klonis 1972: 155), стала главным риторическим оружием во время дебатов на тему вторжения США во Вьетнам.

Неважно, каким образом интерпретируется отношение, но если мы делаем акцент на поддержке, выражающейся через него, значит, мы утверждаем, что для того, чтобы победить, отношение нужно изменить — повлиять на «сердца и умы», чего можно достигнуть только за счет убеждения, без применения насилия: «Необходимо вовремя предпринять искреннюю попытку удовлетворить требования народа, поскольку люди начинают поддерживать мятежников из-за того, что морально отдаляются от правительства (Ahmad 1970: 15). Как писал Роберт Томпсон (Thompson 1966: 169): «Силой одного лишь оружия не победить». Главным образом, это значит, что правительство должно убедить враждебно настроенное население изменить свои предпочтения, реализовав программу политической либерализации, экономического развития и гражданских исков⁸⁸. Однако, какими бы твердыми не были убеждения

⁸⁸ Из-за этого подхода возникло ложное противопоставление военной и политической реакции на мятежи. На самом деле они часто взаимосвязаны, поскольку политическую программу нельзя реализовать в «ненадежной» обстановке. В Малайе, где впервые заговорили

и сильной верность, не только они определяют поведение. Человека можно насильно заставить вести себя по-другому, даже если он этого совсем не хочет. Как уже было сказано, гражданскую войну не стоит сравнивать с выборами. Если взять даже коммунистическую революционную доктрину, в основе которой лежит идея о влиянии на «умы и сердца», лучше всего проиллюстрированная высказыванием Мао Цзэдуна о «рыбе в море», то и в ней на применение силы делается куда больший акцент, чем принято думать: там говорится, что «винтовка рождает власть». Участники всегда понимают, что насилие играет ключевую роль. По словам Тринкье (Trinquier 1964: 8), гражданская «поддержка может быть спонтанной, хотя это бывает крайне редко и ненадолго. Если ее нет, тогда ее необходимо добиться всеми возможными способами, самый эффективный из которых терроризм». Сложности, связанные с поддержкой, зависят не только от процесса определения подразумеваемого, но и от концептуальных проблем, связанных с мотивацией, которая лежит в основе поддержки. Поскольку популярность ничего не говорит о том, в какие действия она выливается. Человек может присоединиться к мятежникам и сотрудничать с ними по целому ряду самых разных, взаимосвязанных причин⁸⁹, на которые влияют предпочтения относительно исхода войны, убеждения на этот счет⁹⁰, поведение других людей и окружения⁹¹, а также представления о безопасно-

о «сердцах и умах», «стало понятно, что стратегия должна включать в себя как метод кнута, так и метод пряника» (Stubbs 1989: 164–165). С другой стороны, один американский офицер во время войны на Филиппинах в 1899–1902 гг. сказал: «Нельзя одновременно сражаться и цивилизовывать и обучать людей. Вначале нужно добиться мира» (Linn 1989: 128).

⁸⁹ Бартон (Barton 1953: 141) насчитывает пять различных причин мотивации, Маранто и Тухман (Maranto, Tuchman 1992: 251) — восемь, а Р. Берман (R. Bergman 1974: 58, 67) — двадцать семь!

⁹⁰ По словам Томпсона (Thompson 1966: 170): «Много можно понять по лицам людей из деревень, которые регулярно посещают правительственные войска. Лица, изначально покорные, апатичные или даже угрюмые, через полгода или год озаряются радостными, приветливыми улыбками. Люди знают, за кем победа».

⁹¹ Часто люди присоединяются к мятежникам вслед за остальными членами общества, к которому они принадлежат (Petersen 2001).

Штарк (Stark 1997) показывает, как по окружению человека (особенно по друзьям и по родным) можно предсказать, какую религию он предпочтет. Повстанцы постоянно говорят о важности влияния на местные сообщества. Люди присоединятся к ним, «потому что захотят быть с друзьями, соседями и родными» (Barnett, Njama 1966: 158), что подтверждается на практике (Perry 1984: 445). Согласно анализу подразделений ИРА в 1916–1923 гг., проведенному Хартом (Hart 1999: 209), братья составляли 37–58% численности батальонов, которые он изучил. Он также добавляет, что «вопрос личной мотивации странным образом отсутствует в большинстве мемуаров, относящихся к тому периоду. Добровольцы считают свои политические предпочтения абсолютно естественными, а мотивы — очевидными и не требующими обдумывания... Участники редко помнят точно, когда и как они присоединились к ИРА, но они красочно описывают, какие чувства у них вызвала принадлежность к этой структуре: «Там была такая атмосфера!»... В большинстве случаев в самом начале существования ИРА люди вступали в нее без особых усилий, и вряд ли их поступок можно назвать осознанным выбором. При условии правильных знакомств, происхождения и круга друзей ты становился добровольцем наряду с остальными. А если нет, общество переставало тебя принимать или принимало с неохотой» (Hart 1999: 203, 220). В списке колумбийских партизан, заключенных в тюрьму в Медельине, было «полно родственников: дядь и племянников, сыновей и отцов, братьев и кузин» (Roldan 2002: 243). Как выяснила Хортон (Horton 1998: 186), у бывших противников, которых она опрашивала, было в среднем по пять родственников в их армии. Также повстанцы из Сандинистского фронта национального освобождения использовали «в своих личных целях принадлежащие к самым разным классам кланы родственников, друзей, покровителей и тех, кого они опекают» (Horton 1998: 69). Пол Берман добавляет, что сельские жители в Никарагуа «были преданы их собственным огромным кланам», и это отражалось в способах набора в армию: «Братья следуют за братьями» (Berman 1996: 78). Гольц (Goltz 1998: 150) обнаружил, что азербайджанская милиция начала 1990-х гг. «казалось, состоит из огромных семей, а не из солдат», а Вячеслав Авиутский и Мили (Avioutskaa, Mili 2003) подчеркивают важность солидарности клана при наборе мятежников в Чечне. Примеры: Непал (Sengupta 2005c: 64), Чечня (Tishkov 2004: 94), Босния (Claverie 2002: 48), Колумбия (Sanchez, Meertens 2001: 17; Rubio 1999: 102; Pecaut 1996: 257), вся Латинская Америка (Wickham-Crowley 1992: 152), Балканы и Прибалтика (Petersen 2001), Конго (Bazenguissa-Ganga 1999a: 42), Алжир (Faivre 1994: 145), Мозамбик в 1960–1990 гг. (Finnegan 1992: 118; Henriksen 1983: 96), Филиппины (Kerkvliet 1977: 205), Малайя (Stubbs 1989: 49), Кения (Kitson 1960: 126), Китай (Wou 1994: 252) и даже революционная Франция (Cobb 1972: 26).

сти⁹² в среде, где следует учитывать любые возможности и случайности⁹³. Конечно, многих солдат призывали на военную службу или похищали⁹⁴. К дополнительным факторам можно отнести любопытство и тягу к приключениям и интересным впечатлениям (Sengupta 2005c: 64; Kitson 1960: 126), привлекательность опасности (Tishkov 2004: 98), желание перейти на новый, более выгодный для человека уровень, изменить мировоззрение⁹⁵ или поиграть в шпиона (Wood 2003: 18) и просто криминальные мотивы⁹⁶. За

⁹² По словам партизана в Доминиканской Республике (Calder 1984: 126), после того, как капитан морской пехоты угрожал его жизни, он поверил, что «для него единственным вариантом было бегство в горы».

⁹³ Один крестьянин из Никарагуа не хотел участвовать в войне, но однажды случайно наткнулся в лесу на мятежников. Он стал их кормить и постепенно начал более тесное сотрудничество. Как писала Хортон (Horton 1998: 183): «Сделав первый шаг, он уже не мог сохранять нейтралитет... Он специально не принимал решения сотрудничать с мятежниками, но в результате стал играть роль их связного. А двумя годами позже, в 1983 г., он под давлением органов государственной безопасности и мятежников превратился в полноценного участника мятежа». Похожие примеры можно найти: Todorov 1996: 94, Fenoglio 1973: 60; Clutterbuck 1966: 94.

⁹⁴ Даже в этнических гражданских войнах, где огромную роль должны играть личные предпочтения, людей часто набирают против их воли. Хотя «полководцы в Сомали порой пытались с помощью уговоров воздействовать на чувства клана, чтобы укрепить верность, но в основном их власть строилась на силе оружия» (Besteman 1996: 590–591). В Боснии «многие носили оружие, нравилось им это или нет. Достигнув призывного возраста, который ограничивался лишь способностью сражаться, убивать и, возможно, выжить, человек сразу же попадал в ту армию, которая представляла его конфессию: мусульманскую, сербскую или хорватскую» (Loyd 2001: 85). См. также: Waldman 2003: A1; Seidman 2002: 40; Horton 1998: 9; Nordstrom 1997: 50; Senaratne 1997: 99.

⁹⁵ Как сказал бывший член ИРА: «По крайней мере, благодаря этой деятельности, моя жизнь заиграла новыми, странными красками: каждый день я находился в приподнятом настроении, поскольку все время был в боевой готовности. Даже самое банальное дело казалось важным. Жизнь вне ИРА часто бывала слишком приземленной» (Collins 1999: 362). См. также: Sanchez, Meertens 2001: 22; Mahmood 2000: 73; Mirzeler, Young 2000: 419; McKenna 1998: 184; Peters, Richards 1998; Armony 1997: 207; Enzensberger 1994: 42; Ash 1995: 205; Wickham-Crowley 1992: 20–21); Ortiz Sarmiento 1990: 116; Henriksen 1983: 160.

⁹⁶ О криминальных мотивах уже давно говорится в связи с гражданской войной. Возьмем, например, следующее описание Войны за независимость в Южной Каролине (McCrary 1969: 139): «Наряду с настоящими патриотами пришло войско лживых друзей и мародеров.

счет сотрудничества с той или иной стороной можно получить доступ к общественным благам (таким, как защита от преступлений, которых становится очень много, когда ослабляется государственная власть, или победа при урегулировании споров)⁹⁷, личную материальную выгоду (землю, снижение налогов, больше денег за производство или возможность не платить долги)⁹⁸, защиту от применения силы со стороны противника⁹⁹, уклониться от обязательств, которые кажутся более обременительными (военных или рабочих)¹⁰⁰, приобрести более высокий статус¹⁰¹, в том числе за счет ношения оружия¹⁰², увеличить вес при решении личных или местных конфликтов (Kalyvas 2003) или просто дать выход таким чувствам, как злость или гнев, появившимся в ответ на публичное унижение¹⁰³, или желанию отомстить¹⁰⁴. Более того, поддержка отчасти вызывается внутренними причинами. Форм может быть много. Нередко насилие используется специально, чтобы добиться поддержки (Snyder 2003), даже в тех местах, где организация уже имеет достаточное количество сторонников (Collins 1999: 128, 170; Harris 1989: 89). Очевидно, что наблюдаемая поддержка соотносится с целым комплексом предпочтений и ограничений. Как и причины присоединения к мятежникам, которые изучены намного лучше, личные мотивы присоединения к правительственным войскам также комплексны и неоднородны (Rubio 1999; Stoll 1999; Starn 1998;

То же самое произошло и с противником. Преступники виги и преступники тори, а точнее, те, кто ими притворялся в зависимости от повода, опустошали страну не меньше, чем их враги». Про гражданскую войну в Испании можно прочитать: Reig Tapia 1996: 583. См. также: Mueller 2004; Silke 1998; Fisher 1997: 87; Nordstrom 1997: 56–57; Cribb 1991, 1990; Jones 1989; Paul, Demarest 1988; Ash 1988; Henderson 1985.

⁹⁷ Согласно Дегрегори (Degregori 1998: 135), главной целью «Сияющего пути» были «зарвавшиеся купцы, похитители скота, коррумпированные судьи и мужья-алкоголики». См. также: Smyth, Fay 2000: 123; Rubio 1999: 129; Manrique 1998: 204; Berlow 1998: 95; Senaratne 1997: 75; Gallagher 1995: 50; Stoll 1993: 80; Wickham-Crowley 1991: 44; Jones 1989: 127; Kheng 1983: 148; Kerkvliet 1977: 70, 164; Rudebeck 1975: 445; Taber 1965: 40; Lear 1961: 92.

⁹⁸ Kedward 1993: 96; Stoll 1993: 78; Popkin 1979; Race 1973: 123–125.

⁹⁹ Goodwin 2001; см. главу 5, в которой приводятся доказательства и обсуждается данный вопрос.

¹⁰⁰ Del Pino 1998: 170; Berman 1996: 69; Jankowski 1989: 123–124; Cooper 1979: 25; Race 1973: 172.

¹⁰¹ Как утверждает Коллинс (Collins 1999: 164): «В националистических кругах [в Северной Ирландии], особенно у республиканцев, принадлежность к ИРА сильно повышала социальный статус. Кроме того, мятежники могли извлечь из этого выгоду в интимной сфере: огромное количество женщин с радостью бы провели с ними время». Когда стало понятно, что скоро в Китае победит коммунизм, это создало беспрецедентную возможность для десятков, а то и сотен тысяч людей на среднем и высшем уровне улучшить свое социальное положение и продвинуться вверх» (Levine 1987: 173). По словам Шихана (Sheehan 1989: 177): «Существуют серьезные доказательства того, что многие молодые вьетнамские крестьяне присоединились к вьетконговцам, поскольку коммунисты, исходя из природы их революции, согласно которой руководство должно быть из деревни, дали им возможность избежать жизни на самой нижней ступеньке социальной лестницы. Многие молодые люди вступили в «Сияющий путь» в Перу, потому что получили возможность «применять силу в местах, где они проживали» (Degregori 1998: 130). Тодоров (Todorov 1996: 100) рассказывает об одном французе, который работал переводчиком на гестапо и понял, что «стыд и унижения, которые он пережил подростком, компенсируются властью, которой он теперь обладает, работая на гестапо».

¹⁰² Johnson 2001: 202; Mirzeler, Young 2000: 419; Rubio 1999: 115; Finnegan 1992: 70; Zulaika 1988: 25.

¹⁰³ Тэкстон (Thaxton 1997: 308–309) рассказывает о китайском крестьянине, который присоединился к коммунистам, потому что один военный, служивший правительству, как-то «пнул корзину с его дынями и отругал его за то, что он осмелился продавать здесь свои «грязные дыни». В результате ему пришлось собирать их по одной». В Мозамбике важную роль сыграло унижение традиционных вождей «выскочками» из деревенских глав (Geffray 1990: 32). См. также: T. Brown 2001: 42; Horton 1998: 106–109; R. Berman 1974: 75.

¹⁰⁴ Адамс (Adams 1994: 7) вспоминает об отношениях с офицером из Южного Вьетнама: «Я много часов разговаривал с лейтенантом Лэмом. Постепенно он раскрылся. Однажды за ужином Лэм рассказал мне, как сильно он ненавидит вьетконговцев. Они убили его брата». Уэст (West 1985: 56) описывает полицейского из Южного Вьетнама, который сделал на груди татуировку следующего содержания: «Коммунистов нужно убивать». Вьетконговцы убили его жену и всех детей, кроме одного. О том же самом полицейском рассказывал американский сержант (West 1985: 160): «У него действительно такие намерения. Он их ненавидит. Он живет только для того, чтобы убивать вьетконговцев».

Mackenzie 1997; Cribb 1991)¹⁰⁵. Люди, которые присоединились к народному ополчению на филиппинском острове Негрос, «связали с ним свою судьбу не из-за идеологии или чувства долга, а потому что их похитила ННА, им нужна была работа, им приказали работодатели или таким образом у них появлялась возможность отомстить своим врагам» (Berlow 1998: 182). Американский офицер в Ираке рассказал, что бойцы суннитских отрядов согласились сражаться с мятежниками на стороне США, потому что им нужны были деньги, они хотели улучшить свое положение в обществе, в котором считалось почетным быть профессиональным военным, или они стремились к постоянству. Идеология особой роли не играла: «Конечно, некоторые хотели, чтобы Ирак стал лучше, но для большинства это была самая обычная жизнь, к которой они привыкли. Причина для них была не важна. Они привыкли к этой роли... Думаю, многие даже не могли представить, что занимаются чем-то другим» (Maass 2005: 82).

Главной мотивацией часто считают принуждение, хотя, возможно, это утверждает та сторона, которой выгодно. «На самом деле выбора не было, — вспоминал курдский «охранник деревни» в Турции Мехмет Рефиктас. — Когда Исламкоя, отклонившего предложение правительства, спросили, что случилось с домами людей в его горной деревушке, он ответил: «Они сгорели»» (Vick 2002: A18). Похожую историю рассказывает Дэвид Столл (Stoll 1993: 128) о Гватемале: «Вступив в патруль, можно было защитить себя, свою семью и родных

¹⁰⁵ В ходе анализа причин присоединения к войскам СС в Марселе были выявлены комплексные и даже противоречивые мотивы. Например, такой: «После того, как я проиграл зарплату за неделю, меня отругала мать и сказала, что, если я не найду деньги, она отправит меня к отцу [с которым она вместе не жила]... я не нашел и записался в армию» (Jankowski 1989: 128–129). Эта работа — одно из немногих исследований, в которых рассматриваются мотивы вступления в военизированную организацию во время гражданской войны, основанных на письменных архивах того времени. По подсчетам Янковского, комплексные мотивы были у 80% человек (Jankowski 1989: 123–124). Практически в каждом «насыщенном описании» говорится о комплексных и переменчивых мотивах. См.: Tucker 2001: 38; Ellis 1999: 127; Hammond 1999: 260; Horton 1998: 6; Faivre 1994: 121; Geffray 1990: 105–113; Meyerson 1970: 95; Barnett, Njama 1966: 149.

от партизан, контакты с которыми провоцировали [правительственную] резню». На самом деле многие вступившие в ополчение в Гватемале были выжившими после армейской резни (Stoll 1993: 162). Безопасность также была важным фактором и для противоположной стороны: португальцы выдали деревенским старейшинам в Мозамбике оружие, поскольку многих из них убили мятежники, а выжившие жили в страхе перед той же судьбой (Cann 1997: 161).

Также важна экономическая мотивация. Вот как двое мужчин объяснили, почему они вступили в «Армию южного Ливана», которую поддерживал Израиль: «Мы были бедны. Работы никакой не было, только эта армия. Если служишь, можно выжить. Если нет, то — нет» (Sontag 2000: A1). Турция платит участникам милиции, состоящей из 95 000 человек в курдском регионе, ежемесячную зарплату в размере \$115, что представляет собой «значительную сумму». И в самом деле, было сообщение о том, что «турецкие чиновники и зарубежные дипломаты боятся, что если эту зарплату неожиданно отменят и ничем не заменят, то некоторые недовольные ветераны могут вместе с оружием убежать в горы» (Kinzer 2000: A8). Экономическая компенсация может также быть в форме мародерства. Когда армия пообещала отдать имущество партизан с окраин города в Гватемале тем солдатам, которые их найдут, «началась настоящая гонка, каждый пытался найти врага раньше других» (Stoll 1993: 107). Идеология для солдат играла маленькую роль, возможно, даже меньшую, чем для мятежников. На самом деле народное ополчение часто состояло из перебежчиков, бывших мятежников или тех, кто раньше их поддерживал (Berlow 1998: 233; Moyar 1997: 68; Henriksen 1983: 136).

Наконец, важной мотивацией являются страх и желание отомстить. Люди часто вступают в ополчение, боясь насильственных действий со стороны повстанцев (Sengupta 2005a: A3; D. Anderson 2005: 73), а также поскольку хотят осуществить возмездие. Этот мотив является главным скорее для ополченцев, чем для мятежников, что можно проиллюстрировать следующими примерами, в которых описываются Алжир и Чечня:

Каждый день, приходя сюда, Абдурахим (чью семью 14 марта 1997 г. в деревне Хаушэ Фанир убили исламисты) мечтает о том, чтобы присоединиться к патриотам. Но в его двух выживших

братьях, служащих в ополчении, уже зреет желание отомстить, что в результате приведет к замкнутому кругу насилия, из которого невозможно будет выбраться. «Убей я даже 1000 террористов, этого будет недостаточно, чтобы отомстить за одного моего брата, — говорит Араба, прижимая к груди оружие. На поясе у него висит мешок из прозрачного пластика, набитый цветными гильзами. — Хочу ли я отомстить? Конечно. Безусловно» (Peterson 1997a).

Товзаев называл себя «борцом с бандитами» — мятежниками. Говорил, что защищает матушку Россию. Он поддерживал тесную связь с армией России и особенно гордился бронированным джипом, который ему подарил генерал-полковник Геннадий Трошев, командующий российскими вооруженными силами на Северном Кавказе. ...Он говорил, что взялся за оружие в 1995 г., после того как предводитель мятежников Алладин Хамзатов захватил деревню Товзаева и убил его отца на глазах у всей семьи. За три месяца Товзаев нашел себе сторонников, устроил засаду и убил Хамзатова. «Так началась та жизнь, которую я веду сейчас, так я стал бороться с бандитами», — рассказывает Товзаев (Tyler 2001: A8).

Отомстить могут захотеть враги семьи, или же этот мотив может появиться вследствие местных конфликтов, обостренных войной (Abdi 1997; Leakey 1954: 114). Как выяснили французы, многие калабрийцы, добровольно записавшиеся в ополчение, сформированное в 1806 г., «считали, что армия дает прекрасную возможность наконец-то отомстить некоторым членам соседних семей» (Finley 1994: 29). Зачастую месть связана исключительно с прошлыми действиями мятежников (Roldan 2002: 258; Linn 1989: 54). Поскольку у агентов мятежников и сочувствующих им есть возможность обидеть и унижить других, соответственно, настроив их против себя, правительственные силы извлекают выгоду из недовольства народа. Они собирают ополчение в недавно «освобожденных» зонах, и люди вступают в него из-за желания отомстить. Стивен Эш (Ash 1988: 155) называет ополченцев-юнионистов в Теннесси «ангелами-мстителями». А во время войны с Вьетнамом самых преданных ополченцев французы набирали в деревнях, которые были ранее заняты этой организацией (R. Thompson 1966: 168). Алжирцы, вступившие во французскую армию в

1959 г., жаловались на насильственные действия со стороны мятежников: они собирали налоги, штрафовали и установили жесткий контроль за повседневной жизнью (Faivre 1994: 143; Napoutou 1993). Военачальник ННА¹⁰⁶ в южном тагальском регионе Филиппин «отметил рост групп добровольцев, охраняющих общественный порядок, в некоторых сельских районах Лопеса (Кесона), объяснявшийся отчасти деспотичностью ННА. По воспоминаниям командующего мятежниками, “было слишком много налогов”, а “некоторые наши товарищи плохо обращались с людьми. Ополчение воспользовалось ситуацией”» (G. Jones 1989: 249). Даже если не было враждебности, ее можно было создать лишь одним фактом формирования ополчения. По сообщению американского офицера, служившего на Филиппинах, «скомпрометировав себя сотрудничеством с врагом и зная, что они рискуют навлечь на себя гнев мятежников, [филиппинские перебежчики] “главным образом хотели отыскать всех повстанцев в этом округе”» (Linn 1989: 43–44). Граф Карлайл, посол британского правительства в Америке в 1778 г., сказал то же самое об ополченцах-лоялистах: «В нашем нынешнем состоянии единственные наши друзья (или те, кто ими кажутся) — это люди, которых для нас полностью уничтожили» (Shy 1976: 186)¹⁰⁷.

Какова бы ни была изначальная мотивация, со временем многие ополченцы становились по-настоящему преданными своему делу или, по крайней мере, друг другу. В Котсале в Гватемале «никому не нужный гражданский патруль превратился, как ни странно, в институт солидарности» (Stoll 1993: 144). Точно так же в Перу «никто не представлял, что эти патрули превратятся в массовое движение, пользующееся

¹⁰⁶ Новая народная армия, создана в 1968 г. как вооруженное крыло Коммунистической партии Филиппин. — *Прим. ред.*

¹⁰⁷ На самом деле насильственными действиями можно добиться преданности. В Гватемале, чтобы заставить ополченцев убить первую жертву, «офицер приказал им бросить жребий. Затем жертву привязали к дереву и всему патрулю приказали воткнуть в нее мачете. Прошло немного времени, и некоторые патрульные стали сами предлагать себя в качестве палачей» (Stoll 1993: 107). Обратите внимание, что это объясняет форму, которую принимает насилие. Жертва становится частью схемы, которая позволяет помешать предательству.

значительной поддержкой среди населения и автономное от государства» (Starn 1998: 236)¹⁰⁸.

Из-за этого комплекса формирования предпочтений возникает необходимость обратить внимание не на отношение, а на поведение. Но понять поддержку с точки зрения наблюдаемого поведения тоже не так просто. Во-первых, если речь идет о гражданской войне, трудно разобраться с географией, поскольку не хватает данных. Частично эта проблема решается за счет непрерывных этнографических наблюдений (Sluka 1989), но они строятся на ограниченном материале, а кроме того, существуют определенные практические ограничения, вызванные спецификой вооруженной борьбы, которые могут помешать воплотить в жизнь строгий план исследования (Wood 2003: 42). Вот почему многие исследователи, опирающиеся в своих работах на ретроспективную реконструкцию, сталкиваются со многими трудностями.

Во-вторых, наблюдаемая поддержка не дихотомическая, она представляет собой континуум, который охватывает как полную связь с одной политической силой, так и полную связь с ее врагом, а также прочие варианты, в том числе полную нейтральность (Petersen 2001: 8). Он отражается в различиях между ярыми и вялыми (Sluka 1989: 291–294) и пассивными и активными (O'Neill 1990: 71–72) сторонниками, а также теми, кто поддерживает стороны напрямую и косвенно, и теми, кто «застрял посередине» (Kerkvliet 1977: 166–167), между избирателями, сочувствующими, членами организаций, активистами и ополченцами (Lichbach 1995: 17). Как обнаружил этнограф католического гетто в Белфасте, считавшегося всеми центром поддержки мятежников (Sluka 1989: 291), «не все поддерживали повстанцев во всех их ролях... Многие жители Дивиса выступали за ИРА и ИНОА¹⁰⁹ в одной зоне или роли, но одновременно ненавидели в другой». Более того, наблюдаемая поддержка динамична и рациональна, тогда как на действия человека влияют другие люди» (Petersen 2001).

¹⁰⁸ Существуют два системных различия в принципе вступления в повстанческую организацию и народное ополчение: отсутствие серьезного риска в первом случае и отсутствие идеологической доктрины во втором; оба согласуются с мнением о том, что основную роль в формировании ополчения играет государство.

¹⁰⁹ Ирландская национальная освободительная армия. — *Прим. ред.*

В-третьих, необходимо провести различия между причинами вступления в какую-либо организацию и причинами, удерживающими человека в ней (Molnar 1965: 77–82). Так, например, студенты, изучающие военную историю, приняли концепцию Джона Линна, разделяющего изначальную мотивацию (почему люди вступили в армию), мотивацию поддержки (почему они там остались несмотря ни на что) и военную мотивацию (почему они участвовали в боях)¹¹⁰.

Что в итоге? Вывести предпочтения из наблюдаемого поведения очень тяжело. На предпочтения влияют манипуляции и фальсификация. В обстановке гражданской войны трудно увидеть настоящее поведение. Но даже если то, что мы видим, — правда, поддержка — это результат многочисленного, меняющегося, неоднозначного и часто непоследовательного множества разнообразных предпочтений и ограничений. Соответственно, практически невозможно найти какую-либо одну доминирующую мотивацию, которая подошла бы всем людям во все времена в любой точке земли, хотя именно такой поиск преобладает в литературе, посвященной мятежам. Но на самом деле он, скорее всего, приведет к ошибочным выводам. С учетом теоретических проблем и состояния эмпирических данных снять вопрос об индивидуальной мотивации и отношении можно с помощью разумного решения исследовать применение силы обеими сторонами, а в отношении поддержки выдвигать минимальные, но в то же время здравые предположения. Во-первых, достаточно предположить вслед за Тилли (Tilly 1978: 201), что, для того чтобы поднять мятеж и одержать победу, достаточно всего лишь «преданности значительной части населения, независимо

¹¹⁰ Также можно поразмышлять над «составными частями» отдельных мотивов. Маргарет Леви (Levi 1997) выделяет четыре модели согласия: привычное послушание, идеологическое согласие, оппортунистическое послушание и случайное согласие. К случайному согласию относится способность политической силы угрожать санкциями, ее надежность, наличие этического взаимодействия между жителями и доступность информации, предоставляемой обществом. Более того, даже так называемое «чистое» отношение, такое как добровольное согласие, совместимо с несколькими мотивациями второго порядка, в результате чего начались длительные академические споры: о классовых интересах (Wolf 1969), об узких индивидуальных интересах (Porokin 1979) или о «моральной» экономике общества (J. Scott 1976).

от мотивов, альтернативным претензиям на контроль над правительством, на которое в настоящее время оказывают влияние представители действующей формы правления»¹¹¹.

Во-вторых, не нужно считать, что предпочтения стабильны. Существует динамическая сторона поддержки, в рамках которой она представляет собой не автоматическое и фиксированное выражение предпочтений, а пластичное поле действия (часто стратегического), перекликающегося как с предпочтениями, так и с ограничениями. В докладе о мятеже на Филиппинах, написанном в 1900 г. американским генерал-майором Элвеллом Отисом, высказывается предположение о том, что у гражданских лиц на самом деле по ходу войны меняется уровень и направление преданности: «Как видно из телеграмм... наших людей радостно встречали жители областей, когда они туда входили, а позже некоторые под влиянием мятежников вложили деньги и вступили в бой, чтобы выгнать из страны американцев. И наконец, подавляющее большинство, став увереннее в себе, объединилось с нашими войсками для войны с тагалами и подчинявшимися им бандитскими группировками» (Linn 1989: 29).

В-третьих, люди могут быть преданы стороне, потому что их убедили в правильности ее действий или просто принудили ей служить. На самом деле, согласно анализу отношения крестьян, проведенному Дж. Скоттом (J. Scott 1990; 1985), по многочисленным данным, сотрудничество с вооруженными силами было ограниченным, осторожным и двойственным и было вызвано двумя полярными чувствами: сочувствием и страхом. Финниган (Finnegan 1992: 102) вспоминает о разговоре с крестьянином из Мозамбика: «Разве бандитов не узнают и не отведут в полицию [если они объявятся в городе]»? Мужчина, которому я задал этот вопрос, ответил: «Необязательно. Полиция тут не пользуется популярностью». — А бан-

¹¹¹ Во Вьетнаме это отношение нашло отражение у Шихэна (Sheehan 1989: 49–50): «Хотя крестьяне в северной дельте не сочувствовали мятежникам, большинство либо относилось с симпатией к делу вьетконговцев, либо сохраняло нейтралитет, тихо помогая коммунистам, что не шло на пользу правительству Сайгона. Неважно, объяснялся ли нейтралитет страхом перед терроризмом мятежников или искренним сочувствием: правительству Сайгона не хватало поддержки крестьян, а без нее невозможно было сдерживать коммунистов».

диты? — “Необязательно”». Давайте посмотрим, что ответил бывший вьетконговец, когда его спросили, добровольно ли он вступил в движение: «Сложный вопрос. Нельзя сказать, что поддержка была добровольной, но и недобровольной ее назвать тоже нельзя» (Race 1973: 129)¹¹². Неоднозначное сосуществование принятия и страха наверно лучше всего описано у Тулиса (Toolis 1997: 68). Вот что он рассказывает о солдатах в Северной Ирландии: «Это были местные бандиты, начавшие сражаться за общество. Никто из их окружения не одобрял полностью их действия, но большинство обычных граждан защищали их, сделав вид, что они ничего не видят и не слышат. Никто, ни католики, ни протестанты не доносили на мятежников из своей группы из чувства солидарности и еще по одной очень важной причине: если бы выяснилось, кто доносчик, его бы тут же пристрелили».

Сосуществование сочувствия и санкций отражает единство убеждения и принуждения, которое обычно используют политические силы, достигнув определенного уровня контроля. Графство Арма долго считалось очагом сторонников ИРА, но в этом месте также, как отметил один католик, власть ИРА значит, что «никто не высказывает своего мнения, потому что иначе их пристрелят» (Lavery 2005: A5). Кеннет Мэттьюс, британский корреспондент, похищенный греческими мятежниками-коммунистами в 1948 г. и в результате побывавший в регионах, где им принадлежала власть, в разговоре с британскими официальными лицами после своего освобождения пришел к похожему выводу: «На этом большом участке земли практически нет ни войск, ни официальных представителей правительства... Регионом просто, но эффективно управляют повстанцы...» Что касается чувств жителей территории, понятно, что Мэттьюс получил наиболее яркое впечатление от всеохватывающего чувства ужаса. Это не значит, что правление мятежников было террористическим. По мнению Мэттьюса, если бы население было уверенным в том,

¹¹² Как обнаружил Ричард Берман (Berman 1974: 198), набор южновьетнамских крестьян в армию Вьетконга «нельзя назвать ни спонтанным добровольным вступлением, часто приписываемым революционным движениям, ни насильственным, принуждающим к рабской службе. На самом деле присутствовали как насильственные меры, так и уговоры».

что они останутся у власти, большинство бы с этим так или иначе смирилось, хотя вряд ли было бы довольным. Вряд ли мятежникам симпатизировало более 1% населения¹¹³.

Из последнего пункта видно, что настоящая, сильная преданность требуется лишь от небольшого числа людей: от «искренних, страстных идеалистов», о которых очень мало говорится в исторических и журналистских отчетах. Однако, как показывает эмпирическая регулярность, основывающаяся на серьезных доказательствах, в гражданских войнах в качестве солдат или просто сторонников активно участвует совсем немного людей. Лихбах (Lichbach 1995: 18) приводит многочисленные доказательства правила «пятипроцентного правления», в соответствии с которым лишь 5% населения состоит из активных и воинствующих сторонников. Согласно исследованиям процентного соотношения сторонников воюющих сторон во время семи бунтов в период 1940–1962 гг. примерно 7% можно классифицировать как активных. Эта цифра относится как к мятежникам, так и к правительственным войскам (Greene 1990: 75). Такое наблюдение довольно распространено. Гражданская война в Англии — «это не просто поединок между галантными кавалерами и распеваящими псалмы “круглоголовыми”... К этим условным категориям можно отнести лишь небольшое количество провинциального дворянства» (Everitt 1997: 19). Во время гражданской войны в Миссури «некоторые однозначно поддерживали одну или другую сторону, сохраняя верность убеждений и поведения. Многие другие хотели сохранить нейтралитет и не брать на себя никаких обязательств» (Fellman 1989: xviii). Как заверяет Брайан Холл (Hall 1994: 210), количество людей в бывшей Югославии, четко выразивших свои предпочтения и ведущих себя жестоко, варьировалось между 1 и 5%. В Колумбии лишь «крохотное меньшинство» граждан «активно участвовало в войне, выступая в качестве преданных информаторов или партизан». Мирное население, напротив, хочет оставаться нейтральным (Fichtl 2004: 3).

Даже если общество четко расколото на две части и не испытывает особого страха, люди в основном воздерживаются от активного участия в войне. По оценке Элизабет Вуд

¹¹³ “Notes on Conversation with Mr. Kenneth Matthews on the 1st November, 1948,” PRO, FO 371/72217/R1237.

(Wood 2003), в регионах Сальвадора повстанцев поддерживало меньшинство населения (примерно одна треть крестьян, не убежавших в другие места). Во время Гражданской войны в Испании «лишь небольшое меньшинство разделяло безусловные политические убеждения и ассоциировало себя с партиями и союзами... Даже знаменитые *milicianos*, ополченцы-добровольцы, помогавшие спасти республику во время военного мятежа, часто не были всем сердцем преданы делу» (Seidman 2002: 6, 11–12). Общее количество солдат во всех ополчениях в Ливане никогда не составляло более 30 000 человек, а за 15 лет войны через эти военные формирования прошли 90–100 тысяч (то есть примерно 3% населения). В целом активно ту или иную фракцию поддерживало всего 20% населения (Nasr 1990: 7). К таким же выводам исследователи пришли относительно войн в Боснии и Чечне (Mueller 2004; Claverie 2002: 48; Tishkov 1997). Из результатов выборов, если таковые имеются, видно, что до войны даже самые удачливые мятежники не пользовались особой поддержкой населения¹¹⁴.

У большинства «обычных» людей доминируют слабые предпочтения и оппортунизм, на которые влияет необходимость выживать (см. главу 5)¹¹⁵. У них нет тесных связей с желающим рисковать меньшинством, и их отношения с ним зависят от того, какой поворот принимает война и как он влияет на их благополучие (Settano 2002: 375; Lison-Tolosana 1983: 48). Так бывает как во время этнических, так и во время неэтнических конфликтов, что видно из следующих рассказов о революции в США, оккупированной немцами Украине и о Ливане:

¹¹⁴ В качестве примера можно привести коммунистические партии в оккупированной немцами Европе. Во времена вторжения нацистов в апреле 1941 г. во всей Боснии и Герцеговине было всего 830 коммунистов, однако там на удивление успешно действовали коммунистические партизаны (Hoare 2001: 2). Конечно, то же самое можно сказать про большевиков в России (Schmemmann 1999: 208). Мятежников обычно изначально бывает очень мало, но к ним быстро присоединяется народ. См.: Berkeley 2001: 47; Horton 1998: 74; Asprey 1994: 537; Stubbs 1989: 183; Paget 1967: 35; Clutterbuck 1966: 5; Barnett, Njama 1966: 152; Kitson 1960: 126.

¹¹⁵ Lubkemann 2005: 504; Raleigh 2002: 140; Schmemmann 1999: 208; Pyszczynski, Greenberg, Solomon 1997; Malefakis 1996: 26–27; Griffin 1976: 137.

Из британских архивов... видна картина, отражающая крупную группу американцев среднего класса. Они практически точно составляли большинство населения. Эти люди во всем сомневались, всего боялись, ни в чем не были уверены и отличались нерешительностью. Многие полагали, что ничто на свете не стоит того, чтобы подвергнуть себя и свои семьи серьезной опасности и заставить их страдать. В информации о революции эти люди не учитываются, или их намеренно исключили, как «пугливых». Поскольку их не оправдывает даже бедность, на них не обращают внимания историки, которые считают, что инертные люди в любые времена заслуживают лишь забвения. Однако эти люди важны, поскольку они составляли значительную часть населения революционной республики, чье существование зависело от количества голосов (Shy 1976: 215–216).

На основе всех приведенных здесь данных можно сделать следующие общие выводы: отношение мирного населения в этом регионе описывается как покорное и податливое. За исключением самих партизан и небольшого числа выступающих в интересах СССР и Германии активистов, готовых ради дела рискнуть жизнью, большинство готово подчиниться любой из сторон, которая на настоящий момент покажется наиболее надежной (T. Anderson 1999: 622–623).

Конечно, во время гражданских войн в Ливане жертв было куда больше, чем преступников, и большинство людей просто хотели, чтобы убийства прекратились. Они, наверно, скорее согласились бы на патриархальные и семейные ценности, за которыми стоит этническая и конфессиональная идентичность, но, пока они не оказывались под влиянием определенных обстоятельств и чувств, они вряд ли были готовы напрямую участвовать в войне (M. Johnson 2001: 230).

4.4. ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Политические силы хотят, чтобы мирное население сотрудничало только с ними. На практике они ждут активного сотрудничества от небольшой группы преданных сторонников и пассивного, но исключительного от всех остальных

людей. Стороны также хотят, чтобы мирные жители не сотрудничали с врагом. Сотрудничество исключительно с ними, хоть и неполное, они предпочтут сотрудничеству с обеими сторонами (к которому можно отнести нейтралитет и поддержку отношений в тайне). Конечно, они бы хотели получить хотя бы невысокий уровень поддержки, а не полное ее отсутствие. Как минимум, стороны обычно ждут, что их не выдадут врагу (Stubbs 1989: 2; Leites, Wolf 1970: 10). Поскольку гражданская война делит всех на две части, в любом случае, выбор, сотрудничать или нет, — это игра с нулевой суммой, т.е. выигрыш невозможен.

Обратная сторона сотрудничества — предательство, которое можно разделить по крайней мере на три типа несогласие, информирование и смена стороны (таблица 4.1). Последние два однозначно свидетельствуют о сотрудничестве с врагом, хотя первый часто считают тем же самым. В данной книге я называю предательством активное сотрудничество с врагом.

Несогласие бывает публичным и частным, коллективным и индивидуальным. Информирование обычно частное и индивидуальное, а смена сторон может быть как индивидуальной, так и коллективной, но обычно публичной. К несогласию относятся такие действия, как осуждение, неуплата налогов, уклонение от обязанностей и побег. Оно может быть индивидуальным и коллективным (например, когда вся деревня не выходит на работу), частным или публичным. К главным мотивам можно отнести желание заработать и выжить. Хотя это самая безобидная форма отказа от сотрудничества, если за нее не наказывать, в результате могут появиться другие, более серьезные формы.

ТАБЛИЦА 4.1
Типы предательства

Тип	Масштаб	
несогласие	индивидуальное и коллективное	публичное и частное
информирование	индивидуальное	частное
смена стороны	индивидуальное и коллективное	публичное

Информирование заключается в предоставлении информации о другой стороне противнику. Обычно это делается в частном порядке и предполагается, что доносчик обладает нужными знаниями, но при этом может спокойно получить доступ к врагу. То есть линия фронта отсутствует¹¹⁶. Хотя при информировании человек некоторым образом связан с политической силой, которая получает информацию, но тем не менее эта форма сотрудничества отличается от смены стороны, поскольку обычно информатор действует частным образом и старается сохранить секретность. Кроме того, скорее всего, это он действует в одиночку, а эффективность (или вред) его поступка никак не связана с количеством осведомителей. Во Вьетнаме вьетконговцев устраивало, если у них в деревнях, где власть держало правительство, было по одному-два тайных сторонника (Race 1973: 147).

Информирование важно не только потому, что от него есть прямая военная польза (например, предотвращение тайного нападения или способствование ему), но и, главным образом, потому, что оно решает проблему идентификации. К положительным факторам можно отнести то, что, зная, что у одной стороны есть надежный доступ к информации, людям не захочется сотрудничать с другой стороной.

Мотивации у осведомителей, как и в целом у тех, кто сотрудничает с врагом, могут быть самые разные. К ним относятся искренние политические предпочтения, ожидания личной выгоды, недовольство, принуждение, шантаж и необходимость выживать¹¹⁷. И так же, как и предательство в целом, информирование зависит от степени риска. На осведомителей можно воздействовать с помощью силы.

Националистический лидер из Гвинеи-Бисау Амилкар Кабрал как-то сказал, что революция — это как поездка в по-

¹¹⁶ Когда человек отказывается предоставить информацию, то это считается косвенной формой предательства. Как объяснил офицер СФНО в Никарагуа: «На самом деле напрямую убивает именно язык. Потому что если никто не скажет мне, что меня поджидают в засаде, то я ничего не замечу и погибну» (см. Horton 1998: 210).

¹¹⁷ Как один баск сказал Сулайке (Zulaika 1988: 83): «Если вы на стороне проигравших, то попасть к победителям можно только одним способом: давать им информацию о своих друзьях. Таким образом ты получишь над ними власть и заработаешь денег».

езде. На каждой остановке кто-то садится, а кто-то выходит (Finnegan 1992: 133). В гражданской войне часто встречается смена стороны. Перейти на сторону врага может как один человек, так и целое сообщество. Как правило, это публичное и заметное действие: к противнику могут уйти отдельные люди, или целые деревни организуют ополчение и открыто показывают свое неповиновение. Такая ситуация распространена в гражданской войне. Перебежчики со стороны мятежников активно используются правительственными силами, и обычно их действия связаны с применением насилия¹¹⁸. Во время Гражданской войны в России практически все революционные комитеты, «куда входили назначенные большевиками люди, перешли на сторону мятежников». На самом деле «для центральной России и особенно для Украины было совершенно привычным делом, что один и тот же человек служил в нескольких или во всех сразу армиях: красной, белой и у “зеленых”» (Brovkin 1994: 105, 418). В Китае многие коммунисты присоединились к националистам, особенно после того, как проиграли фракционные конфликты. Они стали худшим врагом повстанцев, поскольку «знали, как ведут себя партизаны, и жаждали мести» (Benton 1992: 475). Во Вьетнаме «часто случались переходы с одной стороны на другую, а также часто изменяли сельские жители» (Bergan 1974: 31). А вьетконговцы «считали предательство одной из самых главных проблем» (Moyar 1997: 250–251). Мотивы опять-таки были самыми разными¹¹⁹.

Перебежчики использовались как различные источники. Их использовали для получения информации, для того что-

¹¹⁸ Myers 2005: A4; Hedman 2000: 132–133; Bearak 2000; Gossman 2000; Mahmood 2000: 83; Clayton 1999: 50; McKenna 1998: 180–181; Del Pino 1998: 169; Zur 1998: 106–107; Starn 1998: 244; Gacemi 1998; Berlow 1998: 182; Moyar 1997: 167; Cann 1997: 101–102; Swedenburg 1995: 156–164, 195; Le Bot 1994: 176; Stoll 1993: 140; Hamoumou 1993; Cribb 1991: 143; Rosenberg 1991: 46, 92; Blaufarb, Tanham 1989: 63; Flower 1987: 115; Crow 1985: 170; Calder 1984: 158; Henriksen 1983: 136; Salik 1978: 105; Heilbrunn 1967: 69–70; Paget 1967: 91–92; Clutterbuck 1966; Kitson 1960.

¹¹⁹ К причинам, побудившим людей предать Вьетконг, Мойар (Moyar 1997: 111) относит следующие: «разногласия относительно повышений и понижений по службе, плохое обращение с чьими-то родственниками, обвинения в сотрудничестве с правительством и враждебное отношение подчиненных к начальству».

бы переманить на свою сторону их бывших коллег да и просто в качестве пропаганды. Понсиано Дель Пино (Del Pino 1998: 169) также отмечает, что, поскольку перебежчики знают свою бывшую организацию изнутри, они в состоянии преодолеть перед ней страх, который часто испытывают те, кто в ней не побывал. Поскольку смена стороны — это крайне важный шаг, сильнее всего наказывают тех, кто меняет сторону в решающий момент конфликта, особенно глав деревень или даже целиком всех жителей. Как сообщает Роберт Томпсон (Thompson 1966: 25), когда вьетконговцы снова завоевали деревню, перешедшую на сторону правительства, они «схватили старосту и его семью, выпотрошили у него на глазах внутренности его жены, отрубили его детям руки и ноги, а затем кастрировали его».

4.5. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА

К одному из неисследованных аспектов иррегулярной войны относится организационный контекст, в рамках которого происходит взаимодействие между политическими силами и мирными жителями — я называю это «промежуточным уровнем». Иногда взаимодействие неофициальное. Но чаще всего это организованный процесс, который принимает две основные формы: ополчение и комитеты. Поскольку у ополчения есть оружие, оно может применять силовые меры напрямую, а комитеты нет. Политические силы полагаются на тех и на других, хотя правительство предпочитает ополчение, а мятежники — комитеты. Вероятнее всего, это объясняется наличием или отсутствием оружия.

4.5.1. Ополчение

Ополчение (милиция) — это в первую очередь политическая, а не военная организация. Оно представляет собой часть стратегии в области местного управления и строительства государства¹²⁰. Как говорил один алжирец про ополче-

¹²⁰ Это видно по их функциям. В Гватемале народное ополчение имело также судебные полномочия. В то время, как перед войной спо-

ние в его стране: «Террористов нельзя уничтожить без армии, а армия не может уничтожить террористов без людей» (Peterson 1997b). В Гватемале главной целью гражданских патрулей (так называли ополченцев) было «информирование о людях, которые сочувствовали мятежникам» (Carmack 1988b: 63). Изначально ополчение создается для «контроля над населением» (Jones, Molnar 1966: 25). Отдельные члены ополчения идут в него, чтобы защитить свои жилища и семьи, но они постоянно находятся в своих деревнях и действуют в хорошо знакомых местах, за счет чего правительственные силы получают доступ к личной информации.

Хотя мятежники тоже прибегают к помощи ополчения (Geffray 1990; Stubbs 1989: 87–88), этот термин обычно употребляется по отношению к правительственным силам, которые используют его в качестве вспомогательного войска¹²¹. У мятежников есть зеркальное отражение. Это различные нерегулярные и полурегулярные военизированные формирования, которые называются ополчением, эскадронами смерти, а также отрядами местной обороны (Zahar 2001; Rubio 1999: 20). Франк Китсон (Kitson 1960) назвал их «контрбанды». Формирование ополчения, а также организация «укрепленных деревень», которые часто называют «местными» программами или программами «самообороны» (Armstrong 1964: 30), представляют собой важную часть борьбы с мятежниками (Hedman 2000: 133; Barton 1953). Как правило, ополчения организуются на местном (обычно деревенском) уровне, и состоят они из местных жителей: мужчин, а иногда женщин. Их активность тесно связана с местом проживания.

Ополчения обычно достигают огромных размеров. Подсчитано, что к 1985 г. в Гватемале свои деревни патрулировались уже одним миллионом жителей (Warren 1998: 89). В милицию также вступает много людей во время этнических конфликтов, когда государству часто удается переманить на

ры разрешал местный мэр, исполнявший, кроме того, функции судьи первой инстанции, или, если речь шла о столице, судья более высокого уровня, во время гражданской войны приходилось обращаться к местным лидерам «гражданского патруля» (S. Davis 1988: 29–30).

¹²¹ В этом отношении ополчение в иррегулярной войне отличается от такого же отряда в нетрадиционной форме, так как чаще всего он будет действовать автономно.

свою сторону представителей других этносов (Kalyvas 2004). Так, например, индийским службам безопасности в Кашмире удалось уговорить мусульманских ополченцев перейти на свою сторону и стать «контрополченцами» (местные жители называли их ренегатами, а правительство — сочувствующими) (Gossman 2000: 275). Кроме того, ополчение — главный инструмент для поддержки оккупации. На самом деле, оккупанты удивляются, насколько просто бывает набрать в отряд местных жителей, и порой получается, что желающих больше, чем мест (Finley 1994: 29)¹²².

На ополчение уходит много средств. Хотя оно формируется для того, чтобы «защищаться с помощью силы», часто оно начинает использовать свою силу в грабительских целях и занимается вымогательством¹²³. Всем хорошо известно

¹²² На оккупированных немцами территориях СССР общее количество коллаборационистов практически вдвое превышало количество партизан (Klonis 1972: 91). В Алжире больше народу воевало на стороне французов, чем против них: «В период с 1954 по 1962 г. ни разу количество алжирцев, сражавшихся за независимость, не сравнялось с количеством тех, кто воевал на стороне французов» (Hogne 1987: 255). Половина португальских солдат, сражавшихся с мятежниками, выступающими за независимость, в Гвинее и две трети в Мозамбике были местными жителями. К 1974 г. количество мятежников в Анголе достигло 22 000 человек, в то время как набранные на месте 61 816 человек воевали на стороне португальцев. «Всегда было больше африканских добровольцев, желающих попасть в португальские войска, чем мест» (Clayton 1999: 51–54; Cann 1997: 103–104; Henriksen 1983: 60–61).

¹²³ Тринкье (Trinquier 1964: 34) признает, что в такой обстановке «всегда возможно злоупотребление властью». Рейнджеры Конфедерации, сформированные законодательной властью Виргинии во время Гражданской войны, «использовали данную им правительством власть, чтобы воровать и убивать. Они вытаскивали предполагаемых юнионистов из домов, судили их на месте и тут же признавали виновными и устраивали такое наказание, какое им только захочется. Они не были слишком предвзяты при выборе жертвы, и поэтому сторонники Конфедерации в скором времени стали просить защитить их от их “защитников”» (Paludan 1981: 52). Осведомители, работавшие на японцев на Филиппинах во время Второй мировой, часто шантажировали людей и требовали от них взятку за то, чтобы их не выдавали (Lear 1961: 27). То же самое происходило в Китае (Seybolt 2001: 218). В Малайе «недавно набранные офицеры и сержанты без должной под-

о зверствах ополчений¹²⁴. Из-за них может также произойти рост насилия, поскольку они используют свою силу для решения личных или местных конфликтов¹²⁵. «Ополченцам в Миссури очень хотелось отомстить своим соседям, которые сочувствовали мятежникам, и они точно знали, за что им выставить счет» (Fellman 1989: 129). Много случаев злодеяний произошло в курдских регионах в Турции, где турецкое правительство сформировало проправительственные отряды для борьбы с курдскими повстанцами. Как сообщает Вик (Vick 2002: A18), в селе Уграк правительство вооружило семью Гуклу, которая, по словам большинства, «не имела особого влияния, пока государство не сделало их лицом закона... В результате полицейские выгоняли из деревни всех жителей с другой фамилией... эти люди рассказывают, что их выгнали их соседи, которые, воспользовавшись полицейской силой, забрали себе землю получше и дома побольше». Как сказал один из пострадавших: «Государство дало этим людям оружие, но они использовали его себе на пользу». Отряды, «которые многие местные жители называют мафией... творят, что хотят, прикрываясь законом, сообщают защитники прав человека и местные жители... Им нестрашно правосудие. Все чаще рассказывают о случаях изнасилования, а критики описывают глав известных родов, которые используют принадлежность к отряду, чтобы укрепить свою уже и так значительную власть. Порой они возят контрабанду, а правительство ничего не может сделать, так как боится попытаться их разоружить».

Однако, как ни странно, хотя ополченцы ввиду своего местонахождения могут собирать информацию, так необхо-

готовки и солдаты, которыми никто толком не руководил, плодили коррупцию. Из-за чрезвычайного положения намного проще было заниматься взяточничеством и вымогательством. Если кто соглашался дать взятку, его не арестовывали, но несогласных «доноров» всегда можно было расстрелять как сторонников коммунистов» (Stubbs 1989: 72).

¹²⁴ Roldan 2002: 161–162; Zur 1994; Mason, Krane 1989: 185; Calder 1984: 130; Perry 1984: 433; Kerkvliet 1977: 196; Shy 1976: 187.

¹²⁵ Наиболее ярко это описали Пол и Демарест (Paul, Demarest 1988). Они рассказывают о событиях в городе Сан-Педро Ла Лагуна в Гватемале во время гражданской войны. См. также: Dupuy 1997: 158; Fellman 1989: 185; Stubbs 1989: 72; S. Davis 1988: 28; Kerkvliet 1977: 196.

димую политическим силам, они могут также превратиться в контрпродуктивное оружие, которое бьет по всем без разбора. Например, один британский журналист «был абсолютно уверен», что в Греции в 1948 г. «активисты сил правого крыла... несли ответственность за силу мятежников. По его словам, постоянно прибывают новобранцы. Он видел их своими собственными глазами. Из разговора с ними он понял, что невоздержанность правого крыла и произвол и несправедливость членов правительства приводят к тому, что ряды мятежников на Пелопоннесе быстро пополняются»¹²⁶. Из-за этой тенденции политические силы стараются сдерживать ополченцев (Paul, Demarest 1988).

Поскольку милиция угрожает мятежникам, она вскоре становится их главной целью. Часто повстанцы устраивают резню в деревнях, чьи жители перешли на сторону врага, вступив в недавно сформированное ополчение (Kalyvas 1999). Таким образом, даже если людей насильно заставили вступить в милицию, в итоге они могут быстро научиться бояться и ненавидеть мятежников. Как показывает Столл (Stoll 1993: 100), в Гватемале армия с помощью данного механизма решала проблему доверия и мешала ополченцам передать оружие мятежникам: изначально их не вооружали, а ждали, пока не прольется достаточно крови (ополченцы убивали повстанцев и наоборот), чтобы получить подтверждение того, что милиция — на стороне армии¹²⁷. В целом нужно признать,

¹²⁶ "Notes on Conversation with Mr. Kenneth Matthews on the 1st November, 1948," PRO, FO 371/72217/R1237.

¹²⁷ Главное — это доверие: как писал Роберт Томпсон (Thompson 1966: 136) о Вьетнаме: «Если люди надежны, и им можно доверять, то количества вооруженных должно хватить для защиты села. Если людям доверять пока нельзя, тогда вооружать нельзя никого... Не может быть полумер. Иначе дело закончится предательством и катастрофой». Я нашел мало отчетов об ополченцах, сотрудничавших с повстанцами. Хенриксен (Henriksen 1983: 159) сообщает о доказательствах прямого контакта между жителями важных сел и мятежниками. Он также добавляет, что «даже члены ополчения сотрудничали с мятежниками, кормили их, передавали им информацию и иногда отдавали им оружие». Также есть сообщения о том, что с мятежниками сотрудничали некоторые чеченские пророссийские ополченцы (Nougayrede 2002), а мятежники ФАРК [в Колумбии] проникли в правительственную крестьянскую милицию (S. Wilson 2003). Самым удивительным случаем

что народное ополчение — достаточно эффективный метод борьбы с мятежниками¹²⁸.

4.5.2. Комитеты

Обычно в деревнях комитеты собирали и обрабатывали информацию для воюющих сторон¹²⁹. Такие организации были практически во всех странах. В революционной Франции «почти в каждом городе, а также в большинстве сел и во многих деревнях создавались “комитеты бдительности”, образованные из местных патриотов». Им «разрешено было арестовывать, и они стали первой ступенью лестницы революционных репрессий, ведущей в тюрьму, а затем на трибунал и к гильотине» (Lucas 1997: 33). В революционной России чекисты составляли список людей, которых необходимо арестовать (Werth 1998: 172). Во время американской гражданской войны в пограничных зонах также создавались «комитеты бдительности» (Ash 1995: 123). В Кении повстанцы мау-мау тоже основали подобные организации, которые «приказывали убить, устраивали облавы, собирали деньги и подыскивали новобранцев» (Kitson 1960: 45). В Малайе британский местный «комитет надзора» проверял местное население, арестованное в ходе облав (Stubbs 1989: 74). На Филиппинах мятежники ННА поручали своим организациям определить, кого необходимо убить в следующий раз. Комитеты же основывали свои решения «в основном на жалобах сочувствующих и на данных разведки» (G. Jones 1989: 249). То же самое можно сказать о Сальвадоре (J. L. Anderson 2004: 136). В Южном Вьетнаме в деревнях, селах и областях были

занимался Лакост-Дужардин (Lacoste-Dujardin 1997), рассказавший об алжирской берберской деревне, вооруженной французами, которая присоединилась к ФНО, последовав совету антрополога. Удивительно, однако, насколько необычными кажутся эти случаи. Отсутствие доверия сказывается на интересах обеих сторон (Race 1973: 256).

¹²⁸ Richards 1996: 171; Blaufarband Tanham 1989: 79; Linn 1989: 54; Jones 1989: 273–275; Horne 1987: 255; Cooper 1979: 115; Race 1973: 270; Paget 1967: 91–92.

¹²⁹ Иногда ополчение называет себя комитетом, как, например, в Непале (Sengupta 2005a). Я использую этот термин по отношению к маленьким группам, занимающимся обработкой информации, а не к вооруженным отрядам.

«комитеты проверки», которые состояли из чиновников, отслеживающих доказательства деятельности людей, подозреваемых в сотрудничестве с Вьетконгом (Моуэг 1997: 204). В то же время во Вьетконге появилось огромное количество комитетов на уровне деревень (West 1985: 21), которые следили за тем, чтобы «важные решения... принимали местные жители и делали это более гибко и с оглядкой на конкретную ситуацию» (Расс 1972: 164). По словам Бермана (Berman 1974: 50), «при такой структуре основная ответственность ложится на кадры низкого уровня». В обмен на контроль и информацию местные агенты получали огромное преимущество: власть в своей деревне.

Хотя есть много доказательств существования этих комитетов¹³⁰, мы мало знаем о том, как они на самом деле работали. Скорее всего, важнее всего было то, что именно они определяли масштаб применения силы в месте их существования, но то, каким образом она использовалась, менялось от деревни к деревне. В большинстве случаев эти комитеты могли запретить применение силы. Я вернусь к этому вопросу в главах 7 и 8.

4.6. ВЫВОДЫ

В этой главе я рассказал о первой части теории иррегулярной войны, систематизировав хорошо известную, но разбросанную по разным источникам информацию о мятежниках и представив новую концепцию суверенитета в иррегулярной войне. Подняв различные вопросы, связанные с понятием «народной поддержки», я рассмотрел проблему идентификации — главную, с которой сталкиваются политические силы. В следующей главе я расскажу про сотрудничество с воюющими сторонами и его взаимосвязь с контролем.

¹³⁰ Fitzpatrick, Gellately 1997; Rosenau 1994: 315; Rosenberg 1991: 199; Geffray 1990; Gross 1988; Henriksen 1983: 148; Clutterbuck 1966: 6.

Теория иррегулярной
войны (II): контроль

Мы не убиваем мух топорами.

Подполковник Бижар,
французская армия, Алжир

Это политическая война, и не каждый способ убийства подойдет. Лучшим оружием стал бы нож, но, боюсь, мы не сможем им орудовать. Хуже всего самолеты. Затем артиллерия. Лучше ножа только винтовка: ты знаешь, кого убиваешь.

Джон Пол Ванн, США,
советник во Вьетнаме

В этой главе анализируется взаимосвязь между сотрудничеством с врагом и контролем и высказывается мнение, что военные ресурсы — при установлении контроля — обычно одерживают победу над довоенными политическими и социальными предпочтениями народа. С другой стороны, именно из-за контроля люди решают сотрудничать с той или иной политической силой. Однако для того, чтобы полностью и навсегда захватить власть в стране, где бушует гражданская война, нужно огромное количество военных ресурсов, которых обычно не хватает. Соответственно, стороны стараются особенно эффективно применять силу, чтобы установить и удержать контроль над людьми, и, таким образом, создаются условия для сотрудничества и подавления предательства. А для успешного применения силы требуется избирательность.

5.1. РАСПОЛОЖЕНИЕ МЕСТ СОТРУДНИЧЕСТВА С ВРАГОМ

Как видно из грубых эмпирических наблюдений, расположение мест сотрудничества тесно связано с распределением зон контроля, то есть с тем, насколько стороны смогли установить единоличное управление территорией. Эти отношения

можно оформить в гипотезу: чем выше уровень контроля политической силы в определенном месте, тем выше уровень сотрудничества с ней мирных жителей.

Сразу же возникает вопрос: какова причинно-следственная связь? Люди сотрудничают с воюющей стороной, потому что она установила контроль над их территорией, или наоборот? Например, по словам Бровкина (Brovkin 1994: 126), во время Гражданской войны в России «у армии численностью 100 тысяч человек вряд ли получилось бы за три месяца захватить власть над территорией с населением численностью 40 миллионов, если бы люди так не ненавидели предыдущее правительство». Также утверждается, что больше всего на местоположение зон, где находятся мятежники, «вливают политические цели, которые превосходят географические (территориальные) преимущества» (McCull 1967: 156).

Не вызывает сомнений, что сотрудничество и контроль подпитывают друг друга. Однако можно поспорить о том, возникает ли всегда второе из-за первого, а не наоборот. Также сомнительно, когда гражданскую войну рассматривают с точки зрения «медианного избирателя», то есть предполагают, что расположение зон контроля отражает предпочтения большинства, которые соответствуют довоенному периоду. Однако у политического большинства не всегда есть военное преимущество — бывает все как раз наоборот (Massey et al. 1999). Так, по политическим взглядам испанцев, за исключением каталонцев и басков, нельзя было предсказать, как распределится власть националистов и республиканцев в первые месяцы войны (Dergiennic 2001: 168). В Боснии мусульмане имели численное преимущество, но они не смогли превратить его в военное. Что намного важнее, эта точка зрения не учитывает влияние войны и не объясняет многие случаи, когда предпочтения формировались под ее воздействием, что мы обсуждали в предыдущей главе.

Согласно более широкой и динамичной гипотезе, изначальное распределение контроля можно предсказать по определенному сочетанию довоенных предпочтений и существующих военных ресурсов¹³¹, но по мере развития войны контроль

¹³¹ Анализируя приход РЕНАМО в области Марири в провинции Нампула в северном Мозамбике, Джеффри (Geffray 1990: 53–54) говорит об этих взаимоусиливающих процессах: местному начальнику Ма-

побеждает довоенные предпочтения и стимулирует сотрудничество. Хотя эти два понятия взаимосвязаны, можно разделить их взаимосвязь на простую временную последовательность. Например, успешно применив военную силу в момент t_0 , в результате существующих политических предпочтений или же благодаря сочетанию того и другого, в момент t_1 группа мятежников захватывает власть в каком-то месте. В результате в момент t_2 усиливается сотрудничество мирных жителей с этой группой. Однако в момент t_3 правительственная армия может нанести ответный удар, выгнать мятежников и установить свой собственный контроль, применив лишь военную силу. Теперь в момент t_4 население будет сотрудничать с этой политической силой, хотя может по-прежнему симпатизировать мятежникам. Если армия останется на данной территории на длительное время, то в точке t_5 население может начать «эндогенно» предпочитать ее. Этот процесс напоминает принцип Аугсбургского религиозного мира 1555 г., когда все население вслед за своим правительством становилось протестантами или католиками. Майкл Сайдман (Seidman 2002: 40) назвал распространенную во время испанской гражданской войны тенденцию сотрудничать с лагерем, который доминирует в городе или регионе, «географической верностью». О том же говорит Финнеган (Finnegan 1999: 50), наблюдавший за динамикой поддержки населения в Судане: «Политические взгляды людей сильно зависят от того, какая сила их окружает».

В общем, суть в том, что, хотя контроль и сотрудничество взаимосвязаны, первое может влиять на политические предпочтения людей по ходу войны и вызывать второе. Это утверждение согласуется с мыслью о том, что в экстраординарной

хии не нравилась политика правительства, и поэтому он с симпатией отнесся к повстанцам РЕНАМО до того, как они смогли защитить его. В то же время РЕНАМО решило прийти в эту область из-за сочетания нескольких удачных географических факторов: удаленности от крупных и мелких городов, густого леса, водных ресурсов и близости гор с многочисленными пещерами. То есть, в конечном счете, из-за присутствия РЕНАМО «у людей появилась возможность противопоставить себя государству». Цитируя Джеффри (Geffray 1990: 93): «К защите РЕНАМО в этом регионе прибегли десятки тысяч человек... вне досягаемости государства ФРЕЛИМО. Эти люди никогда бы сами не решились на бунт, не вмешайся вооруженная сила, способная держать ФРЕЛИМО на расстоянии».

ситуации возможности растут (Fearon, Laitin 2003; Coleman 1990: 479), и со связанным с ним утверждением о том, что мятежники скорее получают поддержку мирного населения там, где правительству не удалось установить или удержать контроль (Del Pino 1998: 170; Skocpol 1979)¹³². То есть по довоенным предпочтениям нельзя точно определить распределение контроля во время войны (Elliott 2003: 408; Geffray 1990: 39; Li 1975: 188).

Говоря о важности контроля, я ни в коем случае не имею в виду, что сила — единственный фактор или что недовольство народа не играет никакой роли. Тысячи человек в Мозамбике вступили в повстанческую организацию РЕНАМО, финансируемую ЮАР, потому что она позволила уничтожить ненавистные новые деревни, которые строило правительство. Однако люди так поступили только после того, как мятежники уже набрались достаточно сил, чтобы тягаться с официальной властью и установить военный контроль, соответственно, вытеснив армию (Geffray 1990: 39). Также недовольно было население Танзании, но поскольку там не возникло группы, которая могла бы противопоставить себя правительству, то до мятежа дело не дошло.

Поскольку, на первый взгляд, утверждение о том, как контроль может влиять на довоенные предпочтения и стимулировать сотрудничество, может показаться спорным, я приведу в его поддержку несколько примеров, а затем расскажу

¹³² Джеймс Коулман (Coleman 1990: 479) также говорит об этой «теории силы», противопоставляя ее «теории раздражения». Это особенно заметно в случае слабой оккупации или колониального управления и объясняет легкость, с которой распространяется мятеж. Например, Канн (Cann 1997: 21) отмечает, что мятеж в Анголе во время португальского колониального правления начался в районах, где португальцев «было настолько мало, что власть физически могла сохранять лишь отдельный контроль над территорией». Говоря о неспособности колумбийских войск контролировать страну, американский аналитик отметил: «Военные не могут заменить государства» (Forego 2001: A3). То же самое говорил Эванс (Evans 1985: 211) о Виргинии во время революции в Америке и Хортон (Horton 1998: 126) о Никарагуа. Очевидно, что условия для мятежа возникают из-за отсутствия государства, а не потому, что пришло время. То есть важна именно причина. Таким образом, те, кто присоединяются к мятежникам, рискуют не так сильно, как принято думать, поскольку правительственные силы отсутствуют или слишком слабы (Degregori 1998: 130; Horton 1998: 126; Herrington 1997: 29).

о причинном механизме, который превращает контроль в сотрудничество. Во время гражданской войны в Испании многие «левые» вступили в «правое» ополчение (и наоборот), потому что оказались не с той стороны линии фронта и хотели выжить (Сенагто 2002: 75). Молодые французы, желая избежать воинской повинности во время Второй мировой войны, скорее присоединялись к коллаборационистской милиции, если жили в городах, и к Сопротивлению, если жили в деревне¹³³. Двое мужчин объяснили, почему они вступили в «Армию южного Ливана», которую поддерживал Израиль (Sontag 2000: A1): «Мы выросли с оружием в руках. Оно было нашей силой. А в этом регионе оружие было у АЮЛ».

Те, кто изучал гражданскую войну на практике, хорошо об этом знают. Мао Цзэдун (Shaw 1975: 209) утверждал, что «антияпонские вооруженные силы» стали первым условием появления базовой области. «Если нет вооруженных сил или они слишком слабы, ничего нельзя сделать». Согласно вьетнамскому отчету ЦРУ 1968 г. (Moyn 1997: 321), «большинство людей слушаются сильных и власть имущих, неважно, представляют ли они Вьетконг или правительство». Французский генерал рассказал о французской военной операции в Алжире в 1959 г.:

Повстанческие зоны Бени Мера — Бабор и Арбаун — Тамгида были сильно разрушены. Мятежники либо прятались в храмах, либо разделились на маленькие группы и избегали контакта. Повстанческая политическая организация без поддержки вооруженных сил частично нейтрализована, а ее члены прячутся. Логистическая инфраструктура серьезно дезорганизована. Население освободилось от власти мятежников и начало отчетливо

¹³³ На основе судебных данных Янковский (Jankowski 1989: 123–124) выяснил, что большинство (примерно четверть или даже треть людей) записались в милицию, чтобы избежать принудительных работ в Германии, некоторые — надеясь, что не получат повестку, а некоторые — в тот самый день, когда они ее получили. Как объяснял один из них: «Я вступил в милицию, чтобы не ехать в Германию. Так было проще, поскольку я остался рядом с близкими и не бросил работу. Я не хотел уходить к каким-то незнакомым партизанам и ставить под угрозу свою семью». По убеждениям в милицию вступило около 5%, еще 5% заставили друзья и родные, 10% хотели получить нужную им работу и привилегии, остальные вступили в милицию по разным причинам.

возвращаться к нам... Однако его настроение может снова измениться. Чтобы сохранить и усилить поддержку народа, необходимо одновременно и на всех уровнях пытаться уничтожить мятежников (Faivre 1994: 148–149).

Рональд Уинтроуб (Wintrobe 1998: 45) выделяет два инструмента, с помощью которых диктатор может прийти к власти: репрессии и лояльность. Лояльности можно добиться несколькими способами, в том числе с помощью материальных преимуществ (особенно монопольных рент) и идеологических призывов. Гражданская война настолько многогранна, что во время ее очень трудно постоянно находить верных сторонников. Уже после ее начала на смену материальным и нематериальным ресурсам приходит такой инструмент, как применение силы, заставляющий тех, для кого важно выживание, сотрудничать не с той политической стороной, которую они предпочитают, а с той, которой они боятся. Другими словами, вместо мотивации ресурсами начинает использоваться насилие. В конечном итоге, это очень простое оружие, однако «результат превосходит количество затраченного времени, энергии и материалов» (Thornton 1964: 88). А политические стороны скорее предпочитают, чтобы их не любили, но боялись, чем любили, но не боялись, и при этом боялись их соперника¹³⁴. Один американский журналист, рассказывая о методах подавления восстания в Ираке, спросил командующего подразделением иракских отрядов специального назначения полковника Аднана Табита о шейхе, с которым тот встречался в Самарре, и пригрозил ему расправой. Аднан ответил, что «неважно, с нами он или против нас. Мы — хозяева. Мы — правительство, и все обязаны с нами сотрудничать. И он тоже согласен» (Maass 2005: 56). Советник Ричарда Никсона Чарльз Колсон сформулировал эту мысль жестко, но четко: «Схватишь их за яйца, и они сразу начнут тебя поддерживать

¹³⁴ Хуже всего, когда не любят и не боятся одновременно. Уэст (West 1985: 157) описывает такой случай. После неудавшегося обстрела из миномета Вьетконгом деревни, местный начальник полиции «сказал, что завтра во всех селах будут обсуждать, что вьетконговцы снова пытались кого-то убить. Они попробовали, но ничего не вышло. А у деревенских жителей появилась серьезная причина их не любить, однако они так и не начали их бояться».

сердцем и душой» (Chang 1992: 403). Конечно, на одном страхе власть долго не удержишь (Wintrobe 1998: 37; C.Friedrich 1972: 60), однако он становится первым шагом на пути к формированию преданности. Даже если не учитывать тот момент, что никакая выгода, которую можно извлечь, сотрудничая с одной из сторон, не перевесит высокого риска расправы в случае попадания в руки противника (Mason, Crane 1989: 179), во время гражданских войн очень редко используется материальная мотивация¹³⁵. Вследствие боевых действий сильно страдает экономика и, соответственно, возрастает уровень бедности и падает количество товаров, доступных для распределения. Поэтому люди могут отвернуться от политической стороны, которой изначально симпатизировали (Chingono 1996). В результате даже мятежники могут начать вести себя более жестоко по отношению к своей социальной среде, «отпугивая тех людей, чья поддержка им нужнее всего». Как отмечал Берлоу (Berlow 1998: 179), на Филиппинах «деревенским жителям предлагали выбор: пуло ukon polo, десять песо или пулю в лоб». «Во время войны, — пишет Дэвид Эллиотт (Elliott 2003: 348) о Вьетнаме, — даже бедные крестьяне стали задаваться вопросом, стоят ли преимущества, которые давало членство в партии, таких жертв. Обязанностей становилось все больше, а вознаграждения все меньше». Самые богатые крестьяне сбежали из своих деревень, освободив землю для Вьетконга, «но именно поэтому на этой земле было так опасно, и невыгодно было ее обрабатывать... Таким образом, земля стала уже не так важна, на первое место для сельских жителей вышла ежедневная борьба за выживание» (Elliott 2003: 521). Хотя в период 1957–1962 гг. Вьетконг главным образом вербовал сторонников путем убеждения, позже он стал чаще прибегать к насильственным мерам, заставляя людей вступать в свои ряды (Berman 1974: 50). В Перу меры «Сияющего пути» «постепенно становились все более жестокими» (Del Pino 1998: 185). Начальник родезийской разведки (Flower 1987: 122) следующим образом описывает перемену настроения своего правительства: «В ответ на усилившуюся

¹³⁵ К частичным исключениям можно отнести производство незаконных товаров (опиума или кокаина) и основных видов сырья, в особенности минералов, которым обычно занимается центральное правительство.

жестокость повстанцев стало меньше “пряников” и больше “кнута”». Идеологические преимущества также утрачивают свою изначальную силу. Чем дольше и сильнее конфликт, тем больше вероятность того, что людям станет важнее «защититься от опасности, чем получить какие-либо преимущества и действовать в соответствии с идеалами (Leites, Wolf 1970: 127).

5.2. ВЫЖИВАНИЕ

В 1944 г. британский офицер рассказал об оккупированной Германией Греции: «Все бьются за выживание: все остальное вторично¹³⁶. По мере того, как насилие становится «главным занятием в селе», для мирных жителей на первое место выходит необходимость выжить (Kheng 1983: 173). Особенно это видно по крестьянам, чье отношение к жизни описывалось следующими терминами: «прагматизм», «фатализм» и «стойкая адаптация» (Del Pino 1998: 178; Herrington 1997: 29; Siu 1989: 113)¹³⁷.

Фукидид (Thucydides 3: 83) описывал разрываемую войной Керкиру следующим образом: «Все пришли к выводу, что не стоит ожидать спокойствия, и вместо того, чтобы почувствовать уверенность в других, направили силы на свою защиту».

¹³⁶ “Woodhouse report on the situation in Greece, January to May 44 (5 July 1944),” PRO, FO 371/43689/R10469.

¹³⁷ Говорят, что крестьяне не рассуждают экономически максимизированно и что их поведение по отношению к земле, займам, «умеренным ценам» и доходу нерационально (Shanin 1975: 273). Хотя это, может быть, и правда, однако данное суждение не противоречит тому, что, когда речь заходит о выживании, большинство крестьян обычно предпочитают жить, а не умереть, действуя в соответствии с убеждениями. На самом деле это утверждение как раз соотносится с поведением, направленным на выживание, в рамках которого человек скорее предпочтет избежать риска, чем увеличить прибыль. Согласно многим исследованиям крестьяне обычно хотят улучшить свою безопасность и уменьшить риск (Kerkvliet 1977: 255). Например, как отмечает Циу (Siu 1989: 113), во время японской оккупации для китайских крестьян важнее всего был «безопасный заработок. Они также надеялись хотя бы на какую-то политическую стабильность и социальный порядок, независимо от того, к чему призывало новое правительство».

Люди невольно устают от длительной войны и страданий, из-за чего меняются их симпатии и предпочтения. Как писал Феллман (Fellman 1989: xviii), мирное население от беспомощности «ведет себя не в соответствии с совестью». В 1781 г. типичный житель Северной Каролины, «независимо от своих изначальных приоритетов, больше всего хотел, чтобы в его ежедневных делах установился какой-то порядок. В отдельных случаях жестокость войны породила новую жестокость, но большинство, напротив, мечтали о мире и стабильности» (Ekirch 1985: 110). По всей стране люди «злились, когда бесчинствовали войска британские, гессенские или тори, но они также устали от постоянных угроз местных комитетов, от коррумпированных заместителей помощников директоров военных складов и от банд оборванцев с оружием в руках, называвших себя солдатами революции» (Shy 1976: 13). Когда в Америке бушевала Гражданская война, люди тоже в первую очередь думали о выживании. Как писала в своем дневнике в 1865 г. одна женщина в Теннесси (Ash 1995: 204): «Сейчас людей заботят только они сами и никто другой... Большинство стали лгать и воровать, и почти не осталось тех, кого волновал бы кто-то еще». Изучая многочисленную информацию о Гражданской войне в Миссури, Феллман (Fellman 1989: 46, 49) приходит к похожему выводу: «По моему убеждению... выживших было больше, чем героев: если в данных обстоятельствах моральную стойкость можно считать достаточной проверкой верности... Лучше было жить лжецом, чем умереть героем, а ставки действительно были очень высоки». Похожую мысль высказали в письме из Саратова, перехваченного ЧК в 1921 г.: «В Саратове арестовывают все больше людей. Обычные жители сидят тихо и лишь ругают коммунистов, но настолько трусят, что когда читают наклеенные на доску объявлений газеты, то непременно делают преданные лица, как будто бояться увидеть большевика, который может заподозрить их в неверности» (Raleigh 2002: 393).

Сравните эти примеры с поведением людей во время недавних войн. Как видно из подробного описания Трумана Андерсона (Anderson 1999: 623) партизанской войны на оккупированной нацистами Украине, «прагматичный, ежедневный расчет возможностей выжить играл намного более важную роль, чем прогерманские настроения (вызванные враждебным отношением к советскому режиму) или советский па-

триотизм». Точно так же в Испании партизаны, выступавшие против Франко в 1940-х гг., столкнулись с крестьянами, которые «предпочитали еду войне за свободу и высказывали симпатию той стороне, которая приходила к власти» (Segano 2002: 374). Даже если люди однозначно поддерживают одну из сторон, может оказаться, что в силу обстоятельств они не могут с ней сотрудничать. В своем во многом автобиографическом романе итальянский писатель Беппе Фенольо (Fenoglio 1973: 380) описывает следующий эпизод. После неожиданного нападения фашистов итальянский крестьянин говорит партизану: «Конечно, мы знаем, что вы лучше. Но мы боимся, мы живем в постоянном страхе». Согласно внутренним документам Китайской коммунистической партии, в отличие от официальной версии, «количество героев-добровольцев стремительно падает по мере того, как возрастает риск пострадать за свое дело. Они постоянно отстаивают непостоянство героизма» (Hartford 1989: 112).

В конце войны за независимость Биафры большинство «народу в Биафре уже не проявляли никакого энтузиазма по отношению к войне. Главным образом их беспокоило их собственное “выживание”» (Essien 1987: 151). Как отмечал вьетнамский журналист: «После двадцатилетней войны не остается правого дела, не остается идеалов. Ни одна сторона не может выступать во имя чего-либо во время этой бесконечной агонии. Единственным правым делом может считаться скорейшее прекращение войны» (Chung 1970: xi). Как сообщает из Мозамбика Нордстром (Nordstrom 1997: 52): «У деревенских жителей не было выбора: либо согласиться на требования каждой приходящей к власти группы, либо рискнуть своей жизнью, либо убежать из дома». И добавляет: «Возможно, точнее всего идеологию мирного населения во время войны описал молодой человек из Бейры: “У людей есть лишь одна идеология: они не хотят больше зверств”» (Nordstrom 1992: 266). Как сказала одна чеченка: «Что угодно, только не война. Я бы хотела прожить остаток жизни в мире. Я согласна питаться лишь хлебом с водой, только бы больше не воевать». О том же пишет работник гуманитарной организации: «Страдания ужасны, и страдают люди не за политику. В большинстве случаев они всего лишь хотят выжить. Они хотят жить так, чтобы не бомбили их дома и чтобы на улицах не было беспорядков и стрельбы. Они совсем не ду-

мают о политике, лишь о том, чтобы остаться невредимыми» (Wines 2003: A3; Gall 2001: 25). «Нам нужен мир, — говорил мужчина из Дарфура. — Мы слишком пострадали из-за этой войны» (Polgreen 2005: A3). В итоге можно сказать, что, как во время гражданской войны в Испании, «маленький резервуар народной поддержки быстро опустошается» (Seidman 2002: 27). Из-за уменьшения доступных ресурсов, растущей роли насилия и желания мирного населения выжить люди под действием угроз соглашаются сотрудничать с той или иной стороной. Но с другой стороны, возможность осуществить угрозу зависит от того, в чьих руках власть.

5.3. КАК КОНТРОЛЬ ФОРМИРУЕТ СОТРУДНИЧЕСТВО

Согласно несистематическим эмпирическим данным контроль порождает сотрудничество независимо от довоенных моделей поддержки. Во-первых, существуют доказательства пространственного изменения контроля. Об этом писал составитель экономического отчета из греческой деревни: «Здесь вся территория равнинная, что не очень подходит для партизанской войны, предполагающей горную местность». Кроме того, деревня была в относительной безопасности из-за ее близости к Салоникам — крупнейшему армейскому центру. Позиция «левых» была выражена достаточно активно, но никто не делал первого шага, соответственно, не было видимых результатов» (Tchobanoglou 1951: 1). Ниже приведен анализ Шая (Shy 1976: 178) распределения лояльности британцам (торизма) во время Американской революции:

Если посмотреть на такие места, как Питерборо, где почти не было торизма, и другие места, где он бушевал повсюду, можно проследить тенденцию, не этническую, не религиозную или идеологическую, а основанную лишь на силе. Торизм процветал везде, где британцам и их союзникам хватило сил прийти к власти: на побережье, рядом с реками Гудзон, Мохок и в долине Делавэр, в Джорджии и Каролинах и на западе, за Аппалачами. Но в регионах, менее открытых географически, где за счет плотности населения могло защищаться (в большей части Новой Англии, прибрежной зоне Пенсильвании и Пидмонте в Виргинии), куда

враг практически не заглядывал, тори или убегали, или сидели тихо, а иногда даже служили в повстанческих армиях или время от времени смело, хотя и безнадежно пытались выступить против революционных комитетов и их вооруженных сторонников.

Во время Гражданской войны в США многие сторонники юнионистов в Аппалачских округах Северной Каролины в итоге стали поддерживать Конфедерацию: «Из-за влияния сепаратистов разумно было начать поддерживать юг. Столкнувшись с властью Конфедерации и отсутствием организованной федеральной защиты со стороны, разумные люди, желая избежать мучений, могут стать южными патриотами» (Paludan 1981: 64). В восточных районах Доминиканской Республики повстанцы захватили власть в сельской местности, помешав «людям сотрудничать с морской пехотой» (Calder 1984: 159). Немцы изначально считали, что на оккупированной территории СССР существует прямая взаимосвязь между недовольством его правлением и ростом партизанского движения (Соорег 1979: 24). Но в итоге они поняли, что она обусловлена их властью. Так, советский агент в 1942 г. заметил: «В тех областях, где партизаны не особо активны, люди выступают против них. Народу кажется, что это какие-то бандиты или грабители» (Dallin et al. 1964: 331). То же самое говорилось в советском докладе 1941 г.: «Многие симпатизируют партизанам и советскому режиму. Но поскольку они боятся последствий, то действуют с крайней осторожностью» (Соорег 1979: 78). Также в 1940-х гг. в Колумбии консервативным деревням, контролируемым либеральными бандами, пришлось перейти на сторону либералов (и наоборот): самых активных консерваторов убили, или они убежали, а остальная часть населения изменила партизанам (Sarmiento 1990: 176–177). Как отмечал Роберт Томпсон (Thompson 1966: 15), поддержка Вьетконга «стала намного сильнее» в тех сельских районах, в которых он пришел к власти. Как сказал один из вьетконговцев: «Некоторые крестьяне, в особенности зажиточные, не любят коммунистов, потому что они ущемляют их интересы... Но у них не хватает смелости им противостоять, потому что тогда придется переезжать в правительственную зону. А хватит ли у крестьян денег, чтобы жить в Сайгоне? Скорее всего, нет. Так что им приходится довольствоваться тем, что есть, и оставаться в своей деревне» (Race 1973: 130).

С другой стороны, Мойар (Mojar 1997: 339) говорит, что солдаты Вьетконга, служившие в зонах с высокой активностью США и Южного Вьетнама, «дезертировали в большом количестве и выдавали много информации», в отличие от тех, кто служил в менее активных зонах¹³⁸.

Во-вторых, существует немало доказательств того, что сотрудничество зависит от временных изменений контроля. Если сторона захватывает власть в регионе, то больше народу хочет с ней сотрудничать, и наоборот. Один революционный деятель рассказал, как во время Американской революции в Северной Каролине лоялисты «стали более уверенными в себе, дерзкими, смелыми, а их число возросло» после поражения американской стороны при Камдене в августе 1780 г. В ополчении, в котором он сам участвовал, только 8 человек сохранили верность вигам, а «остальные присоединились к тори» (Stow 1985: 160). Ситуация снова изменилась в 1781 г., когда после сдачи в плен Корнуоллиса¹³⁹ тори потеряли присутствие духа (Stow 1985: 160–161). Во время Американской гражданской войны генерал Союза обнаружил, что в Виргинии «большинство людей, встречавшихся на нашем пути, сохраняло нейтралитет», и отмечал, что, «по мере того, как мы захватывали территории, росла их верность» (Wills 2001: 204)¹⁴⁰. Используя список, составленный правительством во время Вандейского мятежа для оценки верности деревень в Иль и Вилене в июле 1795 г., Рожэ Дюпюи (Dupuy 1997: 194–197) обнаружил, что она перекликалась в основном не с довоенными предпочтениями (1789–1792), а с тем, какая военная сила была у власти, а также с географическим положением, другими словами, со степенью контроля. Когда контрреволюционеры обнаружили военную слабость респуб-

¹³⁸ Пространственные отношения между контролем и поддержкой устанавливаются не только во время гражданской войны. Например, Камен (Kamen 1997: 180) обнаружил, что Испанская инквизиция не может внушить страх многим испанцам еще и потому, что она не представлена в большинстве мест: «Один инквизитор просто не мог достаточно часто посещать все огромные территории».

¹³⁹ Британский генерал, капитулировавший вместе с армией в Йорктауне в октябре 1781 г. — *Прим. ред.*

¹⁴⁰ Как поясняет Уиллс (Wills 2001: 204): «Некоторые были искренне верны, другие демонстрировали верность, лишь пока рядом были солдаты в синих мундирах».

ликанцев и захватили деревни, все нейтральное население, а также многие преданные республиканцы встали на сторону контрреволюционеров. В архивных материалах, на которые ссылается Дюпюи, содержится огромное количество упоминаний о «республиканских коммунах», в которых «шел на спад республиканизм» из-за их «географического положения» и «трудности сообщения», и о деревнях, которые перейдут на сторону контрреволюции, «если не прислать дополнительные силы»¹⁴¹. И в самом деле, французский революционер Гракх Бабеф (Gracchus Babeuf 1987: 120) отмечал, как много республиканцев начали переходить на сторону контрреволюционеров еще в 1797 г. из-за изменения расстановки сил.

В начале XX века македонские деревни неоднократно меняли «национальный лагерь» и становились «греческими» или «болгарскими» в зависимости от того, чьи бойцы приходили на их территорию: греки или болгары. Один грек сказал о деревне, которая одинаково встречала обе стороны, что ее жители вели себя «по-политически» (Livanios 1999: 205). В 1941 г. один высокопоставленный политический деятель китайской коммунистической армии отметил, что после ухода коммунистических войск в незащищенных зонах прекратилась работа сопротивления, боевой дух крестьян пошел на спад, а партийные организации проявили открытую враждебность по отношению к военным лидерам. Местные солдаты-коммунисты часто дезертировали и, чтобы оправдать свой побег, распространяли среди местного населения различные слухи, которые еще больше портили репутацию армии

¹⁴¹ Стоит процитировать несколько примеров из этого отчета (Dupuy 1997: 194–195). Аманли: «Патриотизм пошел на спад, муниципалитет больше не выходит с нами на связь. Однако предположительно достаточно просто снова внушить [этой коммуне] республиканские принципы, но у нас ничего не получается из-за ее географического положения и особенно отсутствия коммуникации». Бе: «Большая коммуна, максимально проявившая патриотизм», но «патриотам придется покинуть дома», и Бе станет на сторону контрреволюционеров, если «не пришлют дополнительные силы». Мойар (Mojar 1997: 301) цитирует вьетконговца из областного правительства, который говорил примерно о том же: «Мне кажется, что Национальный фронт очень активен и вредоносен в тихих зонах, но теряет силу там, где активно правительство [южновьетнамские военные силы]». См. также: J. Anderson 2004: 140 (о Сальвадоре), Ekirch 1985: 114 (о революционной Северной Каролине).

(Hartford 1989: 111). Это подтверждает наблюдение советского партизана, которым он поделился в письме в 1943 г.: «Когда мы пришли туда с советской территории, немцы были повсюду, и ситуация была не очень приятной. Повсюду ходили полицейские и прочий сброд, который воевал бок о бок с немцами. Население тоже было настроено против нас. Последний год [1943] принес заметные изменения. Наша партизанская зона стала большой. В районном центре уже не встретишь немцев. Мы вынуждены были проводить эту работу в трудных условиях, но сейчас уже стало легче. Все население — за нас» (Соорег 1979: 64–65). Сьюзан Фриман (Freeman 1970: 24–25) описывает поведение маленькой деревушки рядом с линией фронта во время Испанской гражданской войны:

Вальдемора задалась целью выжить... Жители решили оставаться в стороне, когда возможно, и отступать, когда необходимо. Они действовали, как единое целое. Когда войска (обеих сторон) разбивали лагерь в Сиерре и требовали еды, алькад [мэр] брал у всех семей одинаковое количество продуктов и отправлял их в горы. Это считается единственным по-настоящему умным шагом... В 1936 г. нескольких человек, отказавших войскам, убили, и жители Вальдеморы считают, что они зря пожертвовали своими жизнями, не проявив должного разумного реализма. Пока длилась осада Мадрида, линия фронта отодвинулась от Сиерры (война шла менее одного года), и молчаливое согласие с правительством стало главным правилом жизни, неважно состояло ли оно из монархистов или республиканцев.

Один вьетконговский повстанец рассказал, что после того, как южновьетнамские и американские войска пришли в провьетнамскую деревню Митхюифуонг, «большая часть революционных ячеек распалась, а люди перестали выступать единым фронтом» (Trullinger 1994: 143). Похожая тенденция наблюдалась и в других регионах Вьетнама. До января 1960 г. в южновьетнамской провинции Лонган «большая часть народу склонялось к [коммунистическому] движению, но не хотело поддерживать его в открытую, поскольку боялось правительства... Но по мере того, как центральное правительство теряло позиции, резко повысилась возможность добиться того, что обещало движение, а риск в то же время значительно уменьшился» (Race 1973: 191). «Люди стали нас

сторониться и бояться нашего присутствия, зная, что мы привлекаем правительственные силы и из-за нас начинаются новые бои», — вспоминает бывший вьетконговец (Herrington 1997: 30). Эллиот (Elliott 2003: 1006) провел масштабное исследование дельты Меконга, и его результаты подтверждают это наблюдение: «Революция стала отчетливо терять поддержку, из-за того что уменьшился физический контроль». После того как США вступили в войну в Афганистане на стороне Северного Альянса, многие талибы перешли на сторону противника. Как пояснил один из них: «Я вступил в Талибан, потому что он был сильнее, а сейчас сильнее Северный Альянс, поэтому я вступаю в него» (Filkins 2001: A1). Таким образом, сотрудничество с одной из сторон укрепляется по мере того, как она усиливает контроль, и одновременно, по мере потери контроля, уменьшается сотрудничество с другой стороной. Дель Пино (Del Pino 1998: 178) описывает, как жители долины Эне «вступили» в «Сияющий путь» после того, как он поставил долину под свой контроль в 1988 г., разместив на въезде и выезде из нее свои войска. Когда в 1991 г. перуанская армия начала «освобождать» долину и «возвращать себе» население, те же самые крестьяне вступили в местную милицию и стали воевать против мятежников. В Кении «по мере улучшения безопасности менялись убеждения: раньше методы мау-мау поддерживали 90% [народности] кикую (хотя необязательно их цели), а сейчас люди начали постепенно поддерживать правительство» (Clayton 1999: 14). Керквлиет (Kerkvliet 1977: 237) показывает, как крестьянам пришлось перестать поддерживать мятежников Хукбалахапа на Филиппинах, потому что изменился контроль. Похожим образом менялась поддержка в деревне Пунта Думалаг в Давао на Филиппинах, известном оплоте коммунистов. Коммунистические кадры работали в деревне с конца 1970-х гг. Тайная областная революционная организация действовала как теневое правительство, и большинство жителей активно участвовало в мятеже, выполняя целый ряд функций. В начале 1988 г., за несколько месяцев до приезда писателя Грегга Джонса, власть сменилась: мятежникам «пришлось сбежать из такого когда-то неприступного оплота, а им на смену пришло сильно антикоммунистическое авторитарное правительство, во главе которого стояли члены комитета бдительности “Алса Маса”». Джонс обнаружил, что, хотя

самые преданные коммунистам жители сбежали, большинство осталось и «теперь они так же преданны “Алса Маса”». Джонс приходит к выводу, что, «даже если жители в тайне были недовольны жизнью при новом правительстве, как преданно предположил НДФ Давао, они, по крайней мере, приспособились к новой жизни» (G. Jones 1989: 270–275). Из британских отчетов о последнем этапе гражданской войны в Греции (1946–1949) видно, как контроль формирует сотрудничество. Следующие отрывки из сообщений Министерства иностранных дел даже не нужно комментировать:

Май 1947 г. Многочисленный блок националистически настроенного населения Лаконии хотя и готов помочь в борьбе с бандитами, но уже никак не может этого сделать. А бандиты становятся все более активными. Националисты теряют присутствие духа и сдаются и, кроме того, учитывая слабость правительства, не помогают местным властям¹⁴².

Июнь 1947 г. Население в антикоммунистической зоне теряет уверенность в правительстве и собирается сдаться коммунистам, поскольку не видит другой альтернативы¹⁴³.

Ноябрь 1948 г. Хотя большая часть двухмиллионного населения Пелопоннеса — настоящие патриоты и не хотят зависеть от русских коммунистов... от страха и усиливающейся нищеты, чтобы просто выжить, им приходится играть роль коммунистических партизан¹⁴⁴.

Февраль 1949 г. У мирного населения крепнет боевой дух. Это видно по тому, насколько сильно выросла помощь, которую оно оказывает армии и жандармерии, собирая разведданные, и насколько больше стало сдаваться бандитов... Реакция на военные операции была вполне предсказуемой. После того, как войска оккупировали бандитские территории, мирные жители приняли их настороженно и сердито, но как только они поняли, что правительство теперь останется здесь надолго, их отноше-

¹⁴² “Greece: Security Situation in the Peloponnese; Sir C. Norton to Mr. Bevin (26 June 1947), Attached Greek Gendarmerie report (16 May 1947),” PRO, FO 371/67006/R8651.

¹⁴³ “Greece: Security Situation in the Peloponnese; Sir C. Norton to Mr. Bevin (26 June 1947),” PRO, FO 371/67006/R8651.

¹⁴⁴ “Report from Patras (2 November 1948),” PRO, FO 371/72328/R13201.

ние полностью изменилось: они стали активно сотрудничать, особенно в области сбора информации¹⁴⁵.

Политическим деятелям хорошо известно, что контроль формирует сотрудничество. Из доктрины безопасности Вьетконга следует четкая связь между этими двумя понятиями: благодаря захвату власти создается «сочувствующая среда, то есть среда (население), состоящая из сочувствующих и нейтральных элементов, из которой удалили враждебные единицы» (Race 1973: 146). Также специалисты по подавлению мятежа отмечают, что главной целью правительственного ополчения должен стать контроль населения, чтобы мятежники лишились «поддержки мирных жителей» (Jones, Molnar 1966: 25).

Насильственное удаление населения (которое часто называют «переселением», «контролем населения» или «перемещением») — метод, которым пользуются правительственные силы во многих гражданских войнах, — также подтверждает эндогенность сотрудничества контролю¹⁴⁶. Этот метод стали применять США и Великобритания в конце XIX — XX века. Он нужен для того, чтобы лишить мятежников поддержки населения. Как говорят специалисты по подавлению мятежа: «Проблема населения... может быть решена за счет физического или психологического разъединения двух элементов: мятежников и населения» (Condit 1961: 24)¹⁴⁷. Используются

¹⁴⁵ "Report from the Military Attach'e on the Military Situation in the Peloponnese (visit: 18–21 February 1949)," PRO, FO 371/78357/R2293.

¹⁴⁶ Поскольку для этого метода необходимы значительные ресурсы, обычно им пользуются богатые правительства (или те, кого поддерживают иностранцы), или он применяется во время экономического роста (Stubbs 1989: 113).

¹⁴⁷ Во время англо-бурской войны Великобритания переместила большую часть населения Южной Африки в концентрационные лагеря (Klonis 1972: 53), США заставили переехать тысячи филиппинцев в «защищенные зоны», в результате 11 000 человек умерло от плохого питания, ужасных санитарных условий, болезней и деморализации (Linn 1989: 154–155). Та же тактика, но не в таком масштабе, применялась и в Доминиканской Республике (Calder 1984: xxii). Во время гражданской войны в США юнионистские войска также склонялись к переселению народа в зонах, симпатизирующих мятежникам (Fellman 1989: 95). В 1950-х гг. британцы снова вернулись к этому методу и стали перемещать людей в укрепленные деревни в Малайе и Кении. Францу-

многочисленные эвфемизмы, такие как «опорожнить резервуар» и «глушить рыбу». Если переместить население в зоны, где его смогут контролировать правительственные силы (в укрепленные деревни или лагеря беженцев рядом с городами), это вызовет не только недовольство, но и усиление сотрудничества. На самом деле насильственное переселение крестьян в трущобы рядом с крупными городами (например, в Греции, Вьетнаме, Турции) не поставило безопасность правительственных сил под угрозу. Те же крестьяне, что поддерживали мятежников в своих городах, успокоились, хотя теперь у них было больше причин жаловаться на ужасные условия новой жизни¹⁴⁸. В этом отношении лучше всего исследован Вьетнам.

Проанализировав все работы, посвященные отношению беженцев, Уиснер (Wiesner 1988) отмечает, что насильственная эвакуация не только не меняет предпочтений людей, но и превращает обиженных на правительство крестьян в сторонников Вьетконга. Кроме того, появление в лагерях, расположенных в правительственных зонах, тех, кто поддерживает Вьетконг, ухудшило безопасность. Поэтому насильственную эвакуацию критиковали многие официальные лица США.

зы применяли его в Алжире во время войны за независимость, а американцы во Вьетнаме (используя британский опыт в Малайе) — под названием «Стратегическая программа по переселению деревень». Различные колониальные, африканские и латиноамериканские правительства также прибегали к этому методу: особенно Португалия, Эфиопия и Гватемала. Переселение использовали даже «левые» режимы, такие как Сандинистский фронт национального освобождения в Никарагуа (Hogton 1998: 229). В качестве недавнего примера можно привести Турцию, которая эвакуировала 1779 деревень и сел и 6153 поселка в восточной части страны в 1990-х гг., во время восстания Рабочей партии Курдистана (Jongerden 2001: 80).

¹⁴⁸ Джон Канн (Cann 1997: 155) рассказывает о некоторых трудностях применения этого метода португальцами в Африке: «Перемещать людей было неизменно очень трудно эмоционально, поскольку они были привязаны к родовым землям. Также важно было правильно выбрать время: перемещать население после того, как оно лишилось власти, было бессмысленно и, как правило, давало обратный эффект. Программу реализовывали в спешке, в результате население часто против нее активно возражало, и, чтобы с ним справиться, требовалось много времени и денег».

Однако, хотя в лагерях жили сторонники Вьетконга (и некоторые военные), они никогда не ставили под угрозу безопасность правительственных сил. Симпатия не перерастала в сотрудничество. Напротив, Вьетконг считал эти лагеря угрозой и периодически устраивал там взрывы бомб. На самом деле, если перейти от описания отношения к описанию поведения, то, как видно из отчетов США, большинство беженцев сотрудничали с правительственными силами (Wiesner 1988: 113, 136–138, 144, 243–244, 357).

Обозреватели часто замечают эту взаимосвязь между контролем и сотрудничеством, но они неправильно понимают ее значение или не так интерпретируют причинно-следственную связь. Милтон Финли (Finley 1994: 28–29) отмечает, что войска Наполеона в Калабрии смогли набрать добровольцев только из городов, но никак не связывает это с тем, что «даже номинальная власть французов заканчивалась на границе города. Сельская местность принадлежала бандитам». Посмотрите следующее замечание, сделанное в апреле 1964 г. американским журналистом Уолтером Липпманом (Taber 1965: 17): «Правда, которую скрывают от американцев, заключается в том, что правительству Сайгона предано не более 30% населения, и контролирует оно (даже днем) всего четверть [национальной] территории». Легко увидеть взаимосвязь между схожим процентным соотношением преданности и территориального контроля, на которую не обратил внимания Липпман.

5.4. ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНТРОЛЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Главным причинно-следственным механизмом превращения контроля в сотрудничество является максимизация принуждения и выживания. Если есть контроль, можно эффективно применять насилие, таким образом, предотвращая предательство. Противники после обнаружения либо убегают, либо становятся нейтральными, либо переходят на другую сторону. Остальное население подчиняется, хотя некоторые люди могут изменить свои предпочтения и поддержать правителя. Хотя насилие — важный инструмент, с помощью которого контроль формирует сотрудничество,

он — не единственный. Я выделяю еще шесть механизмов: защита, «механическая аскрипция», надежность власти, обеспечение ресурсами, слежка и самоукрепляющие побочные продукты. За счет этих механизмов насилие оказывает не прямое воздействие в большей мере, чем прямое.

Во-первых, как уже говорилось, сила, заключенная во власти, позволяет решить проблемы коллективных действий и подавить возможное сопротивление. Как утверждал Тилли (Tilly 1992: 70), «от насилия есть польза: тот, кто применяет силу по отношению к своим товарищам, в итоге получает повиновение». Исследование Шая (Shy 1976: 179), посвященное индивидуальным мотивациям во время Американской революции, подтверждает «прямое жесткое влияние военной силы на поведение, хоть и не на мнение». Как сказал один крестьянин в Никарагуа: «Приказы отдают те, у кого оружие» (Horton 1998: 207)¹⁴⁹. Таким образом, люди могут сотрудничать с одним из противников под давлением обстоятельств, поскольку «нет выбора» или потому что на данный момент это необходимо. Как сказал житель оккупированной мятежниками «демилитаризированной территории» в Колумбии (Fogero 2000: A3): «У людей на самом деле нет возможности принимать решения. У них нет выбора. Они просто соглашаются на то, что есть»¹⁵⁰. И в самом деле, очень эффективно сочетаются угрозы с предложением перейти на другую сторону. Люди меняют свое отношение, желая выжить (Henriksen 1983: 75)¹⁵¹.

¹⁴⁹ Обратите внимание, что обеспечить воинскую повинность можно только с помощью власти. Вьетконг набирал людей насильно в основном в зонах, контролируемых мятежниками, а не правительством (R. Berman 1974: 69).

¹⁵⁰ См. также: Horton 1998: 136; Kedward 1993: 60; Shy 1976: 13; Barnett, Njama 1966: 151.

¹⁵¹ Обратите внимание, что то же самое можно сказать о многих этнических войнах, в ходе которых мятежники предлагают сотрудничество этническим меньшинствам. В Пенджабе «за исключением преданных повстанцев [сикхов] защититься могли только те, у кого были средства самообороны» (Pettigrew 2000: 211). В Чечне в пророссийском ополчении Рамзана Кадырова состояли перебежчики с другой стороны (Myers 2005: A4). Поэтому этническим мятежникам также придется прибегать к террору (Collins 1999: 128), даже если им нравится внушать населению симпатию к своим действиям (Herrington 1997: 22–23).

Как видно из второго механизма, одних угроз недостаточно. Из-за контроля народу становится не так выгодно сотрудничать с существующей властью, поскольку другая сторона может предоставить ему защиту от угроз и насильственных действий, исходящих от противника. Как писал Роджер Экирч (Ekirch 1985: 121) о Северной Каролине: «В начале 1780-х гг. большая часть поселенцев была готова поддерживать любую сторону, которая может обеспечить хотя бы какую-то стабильность». В немецких отчетах, пришедших с оккупированной Украины, подчеркивается уязвимость потенциальных коллаборационистов, которым грозила расправа со стороны партизан, так как поблизости не было ни одного немецкого гарнизона. Редкие немецкие патрули просто не могли обеспечить надежной защиты, а в некоторых деревнях вообще ни разу не видели немецких войск (T. Anderson 1995). Когда Вьетконг смог поставить под контроль большую часть провинции Лонган в Южном Вьетнаме в 1960 г., «большинство людей присоединились к партии или к группам, которые она контролировала, поскольку после исчезновения «глаз и ушей правительства» намного меньше стала угроза быть пойманными» (Race 1973: 116). Бывший вьетконговец рассказывает, как люди в деревне Меконг в Банлонге выбирали, с кем им сотрудничать, в зависимости от того, кто контролировал более крупную соседнюю деревню Винким: «Как только к власти приходил Фронт, деревне сразу обеспечивалась защита, и мотивация жителей (встречами, праздниками, предоставлением работы) проходила легко и свободно. С другой стороны, если Винким оказывалась под влиянием правительства, Банлонг приходилось тратить много сил на защиту себя от предателей, сохранение секретов и обеспечение своей безопасности» (Elliott 2003: 268).

В-третьих, со временем из-за контроля происходит «механическая аскрипция» (Zulaika 1988: 32). С помощью длительного контроля формируется прочная информационная монополия, которая соответствующим образом влияет на население. В таких обстоятельствах естественным поступком для многих становится вступление в вооруженную группировку: «В теории люди, достигшие необходимого для войны возраста, могут присоединиться к одной из сторон. На практике за исключением некоторых особенно политизированных зон, большинство сел, таких как Итциар [территория басков в Испании], просто подчинялось приказам официальной

армии» (Zulaika 1988: 32). Этот единственный вариант становится главным культурным посылом и «бесспорной моделью героической активности» для юношей. «В Мина-парке было нетрудно присоединиться к ИРА, — отмечает Тулис (Toolis 1997: 39). — Это было очевидным шагом для молодых людей, у которых много свободного времени». И добавляет: «Сидя на кухне, я задавал один и тот же вопрос: почему Тони вступил в ИРА? Дорисы не понимали, чем он вызван. С их точки зрения достаточно было увидеть жизнь в Колайленде, чтобы получить на него ответ. Мой наивный вопрос поставил под сомнение эту уверенность. Они попытались объяснить мне поступок Тони, но не знали, как это сделать — настолько он был очевидным» (Toolis 1997: 40).

Во многих регионах Южного Вьетнама для всех молодых людей было естественно вступать во Вьетконг, поскольку он был у власти более двадцати лет (Bilton, Sim 1992: 57; Meyerson 1970: 91). Талибский перебежчик объяснил свои действия следующим образом: «Когда Талибан захватил власть в Афганистане, к нему присоединились все мужчины соответствующего возраста в Бадахшане. В области не осталось ни одного потенциального воина из Северного Альянса» (Filkins, Gall 2001: B2)¹⁵².

Индивидуальный доступ к людским ресурсам формирует поддержку, поскольку семьи солдат обычно выступают на той стороне, на которой воюют их молодые родственники: «Китайцы, чьи родные “ушли вглубь”, не задавались вопросом, кого поддерживать», — пишет Стаббс о Малайе (Stubbs 1989: 89). «Какими бы ни были ее политические взгляды, — отмечает Клаттербак (Clutterbuck 1966: 93), — мать всегда принесет еду своему сыну, даже если за это ее могут на многие годы посадить в тюрьму». Как сказал фермер из Никарагуа

¹⁵² С точки зрения Дегрегори (Degregori 1998: 131–132), этот процесс становится результатом эффекта «демонстрации», а не «социализации», но, по сути, это тот же самый механизм. По его словам, перуанскую молодежь в Андах вдохновили на вступление в «Сияющий путь», «престижную организацию, которая переживала подъем и работала очень результативно». Она давала им власть и меняла их. Вступление в «Сияющий путь» напоминало переходный обряд или вступление в религиозную секту. Могли немного помочь насильственные меры. На контролируемых территориях семьи солдат часто становились заложниками, и их наказывали, если солдат дезертировал (Cooper 1979: 74).

Хортону о противнике (Horton 1998: xiii): «Эти мальчишки — наши сыновья, наши соседи». Хортон (Horton 1998: 175) также добавляет: «В сельских районах, где уже закрепился противник, молодые люди с большой неохотой вступали в армию, поскольку нужно было воевать со своими соседями, друзьями и даже семьей». С другой стороны, когда правительства США и Южного Вьетнама усилили политику «умиротворения» и завоевали больше территории, они главным образом опирались на народные ополчения, которые давали тот же самый результат (Moynar 1997: 313). Политические силы хорошо это понимают. Китайские коммунисты придумали на эту тему пропагандистское стихотворение:

Если отец завербует сына,
 Революция воспримет это близко к сердцу.
 Если сын завербует отца,
 Он навсегда будет предан революции.
 Если старший брат завербует младшего,
 Скоро искоренится бедность.
 Если младшая сестра завербует старшего брата,
 Только тогда сможет богатство пустить корни.
 Если младший брат завербует старшего,
 Националистическая армия будет разбита.
 Если старшая сестра завербует младшего брата,
 Победа скоро будет нашей.
 Если жена завербует мужа,
 В семье не будет раздоров.
 (Levine 1987: 155)

Этот процесс объясняет два часто отмечаемых признака революционного движения: оно обычно состоит из жителей того региона, на территории которого оно действует, а не из тех, кто приезжает к нему присоединиться (Geffray 1990: 39; Barton 1953: 70). И, преодолев некий порог, крохотные группы начинают расти в геометрической прогрессии. Дегрегори (Degregori 1998: 132) сравнивает рост «Сияющего пути» в Андах в начале 1980-х гг. с пожаром. Одна алжирка рассказала Байе Гасеми (Gacemi 1998: 109, 185) о том, с какой огромной скоростью ее соседи вначале стали поддерживать мятежников Вооруженной исламской группы (ВИГ), а затем, тремя годами позже, когда повстанцы стали отступать, всту-

пили в правительственное ополчение и начали делиться необходимой информацией. Именно этот резкий рост в самом начале часто ошибочно считают доказательством того, что мятеж отражает настоящие, крайне актуальные потребности народа. Конечно, может быть и так, но на самом деле рост в геометрической прогрессии в наблюдательном плане равен каскадному механизму и потенциально эндогенен с ним.

В-четвертых, контроль свидетельствует о надежности, как краткосрочной, то есть о возможности принять немедленные меры, так и о долгосрочной, то есть о возможности обеспечить благами и поддержкой после окончания войны. Мирные жители обычно предпочитают сотрудничать с победителем, а не с проигравшим¹⁵³. Так, например, русские крестьяне, видя свою выгоду, предпочитали сотрудничать с немцами, когда те брали верх в партизанской войне, и, напротив, когда немцы стали проигрывать, крестьяне уже не могли быть по-прежнему уверенными в их силе и постепенно начинали поддерживать партизан или даже пополняли их ряды (Hill 2002: 43; Соорег 1979: 27). Американские советники во Вьетнаме «отмечали, что взлет и падение уровня военной активности союзников влияли на уровень взлета и падения количества коммунистов, покинувших регион» (Моуар 1997: 110). В своем отчасти автобиографическом романе Фенольо (Fenoglio 1973: 296–297) рассказывает, что итальянские крестьяне в горах помогали партизанам, боровшимся с фашистами, исключительно в обмен на гарантии победы и обещания, что они снова смогут собирать урожай, пасти стада и мирно торговать на рынке, как только закончится эта отвратительная война с немцами и фашистами. Теперь же, после проигрыша партизан в Альбе, им по-прежнему приходится помогать, рисковать жизнью и жильем, но победа и свобода оставались так же далеки, как и были. В течение нескольких месяцев они помогали нам с улыбкой на устах, уверенно задавая вопросы, но теперь они умолкли, затем помрачнели и, наконец, стали выражать недовольство, вначале про себя, а потом уже вслух.

¹⁵³ Если быть более точным: мало кто будет поддерживать сторону, которая может проиграть (Hartford 1989: 122). См. также: Manrique 1998: 204; Herrington 1997: 25; Lichbach 1995: 68; Coleman 1990; Sansom 1970: 226–227.

Ученые нередко отмечают, что к мятежникам присоединяются новые люди в результате двух типов событий: беспорядочные правительственные насильственные действия, направленные против мирного населения, и победа мятежников над правительством (Tucker 2001: 90; Laqueur 1998: 317; Wickham-Crowley 1991: 43; Debray 1967). Около 10–20% советских партизан в 1944 г. ранее сотрудничали с немцами. Когда стало понятно, что немцы проигрывают, к партизанам примкнуло еще больше народу. Многих называли «примаками». Это были советские солдаты, женившиеся на местных женщинах и собиравшиеся по-тихому пересидеть войну, но в итоге все-таки присоединившиеся к партизанам (Cooper 1979: 70–72). Поэтому стороны обычно стараются пышно отметить победу и скрыть поражение (Tope 1994: 109). Конечно, главный показатель того, что сторона одерживает победу в войне — это значительное изменение контроля. Вьетконг стал намного популярнее в Хуангхиа (Hua Nghia) в Южном Вьетнаме после того, как правительство лишилось доступа во многие села: «В это время не было необходимости применять угрозы или запугивать население, чтобы добиться поддержки, — рассказал один крестьянин Херрингтону (Herrington 1997: 29). — Люди сами переходили на нашу сторону, поскольку были практически полностью уверены, что будущее за коммунистами». Рэйс (Race 1973: 39–40) описывает, как Вьетминь получил поддержку крестьян в Лонгане во время войны с французами: «Крестьяне видели, как бегут землевладельцы, как деревенскому совету приходится жить на аванпосте и уезжать в сельскую местность с вооруженной охраной. Когда наступала ночь, крестьяне понимали, у кого из сторон больше власти: представители Вьетминя спали с людьми, а деревенского совета — с солдатами на аванпосте». И напротив, если видно, что, скорее всего, победит правительство, многие мирные жители вместо мятежников начинают поддерживать его (Cann 1997: 104). На Филиппинах стали намного сильнее осуждать реальных и предполагаемых мятежников после того, как стала набирать силу война с ними (Barton 1953: 129). Многие перуанские крестьяне стали поддерживать армию потому, что «к 1990 г. большинство сельских жителей поняли, что военные “не собираются пасовать перед лицом великих подвигов народной войны”, как обещали первые мятежники в 1982 г.» (Starn 1998: 229–230). Как вспоминает

один пакистанский офицер, сражавшийся в Бангладеше в 1971 г.: «Поведение бенгальцев отражало колебания в исходе операций мятежников. Обычно они сотрудничали с выигрывавшей стороной. Если наши войска были неподалеку, то люди поддерживали нас. Но когда нас отзывали, они с радостью приветствовали новых хозяев (мятежническую Мукти-бахини)» (Salik 1978: 101). В мире, где так важны ожидания, связанные с окончанием войны и где информация распространяется в основном на местном уровне, контроль на уровне одного района может означать превосходство и, в итоге, победу¹⁵⁴.

В-пятых, благодаря контролю появляется возможность обеспечить людей всеми возможными благами, за счет которых формируется преданность — «сердца и души». Если власть неполная или отсутствует, то ничего не получится (Harmon 1992; Clutterbuck 1966). Как утверждает Макиавелли в «Государе», во всех государствах основой власти служат хорошие законы и хорошее войско. Мятежники могут снизить или вообще отменить арендную плату землевладельцу только в том случае, если могут обеспечить контроль (Wood 2003). Вьетконг смог провести земельную реформу в тех местах, где у него было больше власти, а не там, где сильнее страдали крестьяне (Elliott 2003: 504). На самом деле размер арендной платы напрямую зависел от уровня контроля одного из противников: чем больше власти у Вьетконга, тем ниже арендная плата. То есть она вытекала из контроля, так как крестьяне, жившие близко от главных дорог и военных постов, платили намного больше остальных (Sansom 1970: 60–61).

В-шестых, власть способствует прямому слежению и контролю населения. Для прямого слежения нужен более мощный и разветвленный административный аппарат, который невозможен, если нет контроля. И напротив, контроль усиливается за счет административного аппарата. Как только некая область оказывается во власти одной из политических сил, сразу же становятся возможными такие процессы, как регистрация жителей и составление подробных списков населения. Японцы могли «достаточно рано обнаруживать организации сопротивления и пресекать их деятельность на корню» только

¹⁵⁴ Это касается не только мирных жителей, но и военных. См. Finley 1994: 101; R. Bergman 1974: 178–179.

в тех зонах, которые китайские коммунисты считали «оккупированными врагами» или «зонами слабого партизанского сопротивления» (Hartford 1989: 95). В Малайе правительство в рамках политики, направленной на борьбу с мятежниками, «раскинуло административную сеть над населением» (Stubbs 1989: 163). «В областях, где население находилось в относительной безопасности и где эффективны были методы сбора разведанных, используемые полицией и военными организациями, удалось раздобыть большую часть информации» (Jones, Molnar 1966: 29). Похожий процесс был виден в ходе того, как набирал силы Вьетконг: «Вначале были нейтрализованы правительственные посты, затем перестала работать разведка. Без нее крупные правительственные подразделения стали неэффективными, а агенты оказались даже в большей опасности» (Elliott 2003: 424). О том же говорится в немецком отчете 1942 г., составленном на территории оккупированного СССР: «Оказалось, что назначение надежных бургомистров и местных полицейских в районах, недавно очищенных от партизан, представляет собой эффективное способ предотвращения формирования новых банд в этих местах и прилегающих к ним лесах. Бургомистры и полиция при поддержке немецких войск, а также полевой полиции и военных полицейских отделений, тщательно следят за умиротворенной зоной, обращая особое внимание на регистрацию и отслеживание всех недавно прибывших людей» (Cooper 1979: 46).

В-седьмых, контроль порождает укрепляющую саму себя динамику. Поскольку некоторые зоны изначально контролирует только одна политическая сила, все могут подумать, что они ей преданы. Считалось, что Джаковица в Косово предана «Армии освобождения Косово» (ОАК), а деревни в Шамали в Афганистане — Северному Альянсу. Неважно, действительно ли таковы предпочтения большинства, в результате могут начаться массовые репрессии (или их будут ожидать), и соответственно места, которые случайно стали поддерживать ту или иную силу или вообще никогда не выступали за нее, превращаются в ее горячих сторонников. «Хотя неправильно было считать, что все в городе “обожали” партизан, — пишет Мэри Ролдан (Roldan 2002: 243–244) об одном колумбийском городе, — но так думали власти и считали, что здесь никому нельзя доверять. Соответственно, росло и укреплялось чувство местной идентичности и коллективной цели. Именно

из-за него местные жители считали, что имеют право взяться за оружие и выступить против правительства». На корейском острове Чеджудо мятежники пользовались наибольшим влиянием в деревнях, расположенных ближе всего к горам. В результате правительство стало считать вражескими все территории, расположенные в пяти километрах от берега, и соответственно к ним относилось (Yoo 2001). В Кении, согласно инструкциям мау-мау, «воины имели право забирать урожай и скот у любых жителей правительственных центров независимо от того, враги они или друзья» (Barnett, Njama 1966: 195). Также развивалась ситуация в филиппинской деревне Сан-Рикардо, которую изучал Керквлиет (Kerkvliet 1977: 166), вьетнамской деревне Митхюифуонг, которую исследовал Труллингер (Trullinger 1994), и зонах, занятых РЕНАМО в северном Мозамбике, изучаемых Джеффри (Geffray 1990: 71).

Такое поведение укрепляет взаимосвязь между политической силой и населением. Как отмечает Даллин (Dallin et al. 1964: 329), на оккупированных немцами советских территориях «выжить можно было, только если выживут партизаны, так как судьба людей была predetermined в случае, если немцы снова оккупируют зону». Лир (Leag 1961: 27) рассказывает, что «жителей округов, где располагались японские гарнизоны [на острове Лейте на Филиппинах], особенно тех, кто находился в *poblacion*, т.е. в центре города, и местных чиновников, считали только поэтому сторонниками японцев». Как вспоминал один из участников движения: «Жители Таклобана — сторонники японцев. Они с ними не воюют, живут в японском городе, соответственно, они их поддерживают. Если я поймаю жителя Таклобана, я его убью». В результате жители Таклобана «не любили партизан. Они их боялись, и неспроста» (Leag 1961: 28).

Таким образом, получается, что из-за случайного места проживания создается новая устойчивая политическая идентичность. Вот описание того, как небольшой городок в северной Испании после начала гражданской войны полностью встал на сторону одной политической силы, хотя ранее был политически разобщен (Lison-Tolosana 1983). Такое изменение мировоззрения возникло вследствие объединения индивидуальных стратегий максимизации выживания после того, как город оказался в националистической зоне. Когда в первые дни войны республиканские лидеры были

убиты, все юноши, независимо от довоенных предпочтений их семей, были призваны на службу в националистическую армию, которая сражалась против республиканцев, и «стали» националистами. Смена эндогенных предпочтений нашла отражение в последующих моделях религиозной практики, где согласие подчиниться рассматривается как доказательство поддержки националистической идеи. После того, как националистические войска захватили город, количество тех, кто не выполнял пасхальные обряды, упало с 302 в 1936 г. до 58 в 1937 г. Изначально изменение настроения жителей произошло из-за репрессий и страха, однако из-за него сформировались новые устойчивые идентичности. Лисон-Толосана (Lison-Tolosana 1983: 190, 196, 290) установил, что до войны власть в городе делилась между республиканцами и националистами и население было политически раздробленным, но уже следующее поколение стало единым и разделяло националистические взгляды. Эту модель подтверждает исследование Фримана (Freeman 1970: 24) кастильской деревни, которая сразу после начала войны оказалась под контролем националистов. Молодые люди записывались в националистическую армию, и «трудно было определить, кому они были преданы ранее». Как сообщает Сайдман (Seidman 2002: 38), 80–85% наемных рабочих, оказавшихся в республиканской зоне во время гражданской войны в Испании, вступили в партию или союз, когда война уже началась, и поступили они так исходя из практических, а не идеологических соображений. Следует обратить внимание на то, что деревни попадали в ту или иную зону (националистическую или республиканскую) случайно. Эти примеры иллюстрируют такую интерпретацию гражданской войны в Испании, согласно которой предпочтения были сформированы в ходе ее, а не она отражала их.

Эти новые идентичности могут стать аскриптивными. Как отметила де Сталь (de Stael 1818: 33): «Убийством нельзя никого истребить... так как негодование детей и друзей жертв будет сильнее, чем предпочтения убитых». Многие сельские жители в СССР, которых считали кулаками в период между 1927 и 1935 гг., на самом деле были не богатыми крестьянами, а ветеранами белых армий или их родственниками (Viola 1993: 78). Значение такой «генеалогической охоты на ведьм» подчеркнул Сталин в 1935 г., заявив, что «сын за отца не отвечает» (Viola 1993: 80). Харт (Hart 1999: 294) рассказывает,

как однажды в ирландском пабе в Корке его знакомые подошли к мужчине средних лет и сказали: «Вот он, доносчик!» Мужчина был слишком молодым и точно не мог принимать участия в гражданской войне в 1920-х гг. «Но потом мне сказали, — вспоминает Харт, — что осведомителем был его отец. Они не знали, как он оправдался, но за спиной его и его сына всегда называли “доносчиком”». Китайские коммунисты наделили законным статусом идентичности, которые появились во время гражданской войны, разработав систему «пяти красных типов», три из которых были сформированы на основе сделанного во время войны выбора: революционный кадровый состав, революционные солдаты и члены семей пострадавших за революцию (к оставшимся двум относились рабочие и крестьяне — бедняки и представители низшей части среднего класса). Эти категории превратились в аскриптивные группы, в соответствии с «теорией кровного родства», которые нашли отражение в следующей песне:

Если отец — герой, то сын — хороший парень.

Если отец — реакционер, то сын — негодяй.

(Chang 1992: 285; L. White 1989: 222)

Взаимоотношения между контролем и сотрудничеством очень важны с теоретической точки зрения, так как они противоречат распространенному мнению о том, что вступление в повстанческую организацию всегда связано с большим риском (таким образом, автоматически превращая кадровый набор в проблему коллективного действия). Давайте рассмотрим описание процесса вступления в греческую повстанческую армию ЭЛАС, сделанную Уильямом Макнилом (McNeill 1947: 80–81), который пытался объяснить не сам процесс набора, а отсутствие новых солдат:

На самом деле солдату ЭЛАС жилось намного лучше обычного крестьянина, и ему не приходилось так тяжело и монотонно работать. Кроме того, ему было психологически приятно ощущать себя героем и настоящим потомком разбойников — клефтов, которые орудовали во время войны за независимость и считались частью греческой национальной традиции. При таких обстоятельствах многих детей крестьян тянуло к партизанской жизни, а поскольку в эту группу населения входило огромное

количество народу, набрать людей было очень легко. Кто-то приезжал из городов. Там жизнь была относительно комфортной, и Национально-освободительный фронт находил для городских жителей другую работу, например, организацию забастовок или распространение пропаганды среди более безграмотных крестьян. С самого начала главным фактором, ограничивающим количество мятежников, было отсутствие оружия.

Учитывая влияние контроля на сотрудничество, неудивительно, что, судя по наблюдениям, народная поддержка и личная преданность чаще всего зависят от случая и непредвиденных обстоятельств¹⁵⁵. Как утверждает Даллин (Dallin et al. 1964: 336), решение сотрудничать с немцами или партизанами на территории оккупированного СССР во многом зависело от того, «чей режим был сильнее и кто был у власти на данной территории». К такому же выводу приходит Лир (Lear 1961: 237), рассказывая о японской оккупации филиппинского острова Лейте: «Этими и другими возможными примерами мы стараемся доказать, что главным мотивом, определяющим принадлежность человека на Лейте к партизанам или коллаборационистам, был случай». В Греции «примерно половина юношей из [села] Керасьи служили в национальной армии, а половина присоединились к партизанам. Принадлежность к той или иной стороне объяснялась призывом и временем вступления в большей степени, чем идеологическими убеждениями. Но после принятия решения было уже очень трудно безопасно поменять сторону» (McNeill 1978: 154). Крис Вудхаус (Woodhouse 1948: 58–59), командующий Союзной военной миссией во время оккупации Греции, так описывает «выбор» греческих партизан:

В 1942 г. он жил в горной деревушке. ...Он вступил в левое сопротивление, потому что оно было первым в его области. (Оно тогда было самым влиятельным, поэтому он поступил правильно). ...Так получилось, что он стал членом движения, в котором преобладали коммунисты, хотя сам коммунистом не являлся: он мог с тем же успехом при других обстоятельствах вступить

¹⁵⁵ Loyd 2001: 48–50; Tucker 2001: 61; Livianos 1999: 197; Laqueur 1998: 99; Mackenzie 1997; Todorov 1996: 94; Chang 1992: 449; Henderson 1985: 41; McNeill 1947: 134.

в охранные батальоны, сформированные для борьбы с коммунистами, не став при этом сторонником немцев. Не изменившись как человек, этот крестьянин тем не менее стал бы участником совсем других событий. Его судьба зависела не от него самого, а от случая, который привел его к людям, жившим в горах [то есть к посторонним], случая, обусловленного главным образом географическим положением. Живи он с одной стороны гор, он, скорее всего, попал бы в первую очередь под влияние коммунистов. С другой — под влияние некоммунистического сопротивления. В равнинной области — вступил бы в охранные батальоны и подчинялся бы коллаборационной власти.

Как видно из этого отрывка, воюющая сторона часто проникает в определенный сегмент населения благодаря случаю, который, в свою очередь, во многом определяется контролем. Основываясь на всем сказанном выше, я хотел бы высказать следующее утверждение:

Утверждение 1: Чем выше уровень контроля у политической силы, тем активнее сотрудничество с ней, и, наоборот, тем ниже уровень предательства.

5.5. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ

Если сотрудничество зависит от контроля, то что определяет его распределение? Конечно, можно предположить, что контроль во многом зависит от военной эффективности. С другой стороны, этот тип эффективности часто (но не всегда) определяется географическими факторами. Поскольку невозможно допустить, что география определяется политическими предпочтениями, направление причинно-следственной связи очевидно. Не говоря о том, что политические предпочтения вообще не существенны. Как было показано ранее, если они совпадают с военными ресурсами, как бывает у этнических меньшинств, живущих скученно в изолированном месте и суровых условиях, то довоенные расхождения во взглядах и географическое положение будут укреплять друг друга (Toft 2003). Но там, где такого совпадения не наблюдается, из-за неудачного расположения (например, этническое меньшинство проживает в городах) или из-за эффективного

использования военных ресурсов врагом (например, правительство надежно держит власть в своих руках в горном анклаве, где находится этническое меньшинство), география в формировании контроля победит политические предпочтения.

Контроль отчетливо зависит от территориального фактора: для того чтобы править, нужно обеспечить постоянное присутствие вооруженных сил, что отлично понимают воюющие стороны. Мао утверждал, что географическое положение — «важный, и, скорее всего, самый важный фактор, облегчающий ведение партизанской войны» (см. Benton 200: 714). Как он подчеркивал, невозможно было вести партизанскую войну без «базовых областей» (Bruno Shaw 1975: 208–209). Один американский участник вьетнамской войны говорил, что контроль на микроуровне обозначает установление «сюзеренитета» над каждой деревней (West 1985: 191). Вооруженные силы могут грозить жителям санкциями только в тех местах, где они в состоянии обеспечить присутствие войск. Иначе открывается дорога для врага. Ярким и повторяющимся признаком иррегулярной войны является формирование пространством контроля. Как правило, города, равнины, основные линии коммуникации и открытое пространство ассоциируются с правительственными силами, а горы и труднодоступная местность — с мятежниками. Их местоположение легко предсказать по таким переменным, как местность и удаленность от областных военных баз¹⁵⁶. Власть правительства в удаленных и труднодоступных местах изначально распространяется только на укрепленные деревни и города, а мятежники в городах, по крайней мере вначале, могут орудовать только в подпольных организациях. Конечно, под географией нельзя понимать лишь физические

¹⁵⁶ Kocher 2004; Fearon, Laitin 2003; Hill 2002: 44; Shaw 2001: 154; Yoo 2001; Zur 1998: 82; Tone 1994: 13; Tong 1991; 1988; Brustein, Levi 1987; Schofield 1984: 315; Crow 1985: 129; O'Sullivan 1983; Wolf 1969: 292–293; Salik 1978: 101. Под труднодоступной местностью не всегда подразумеваются горы. Иногда и равнина располагает к партизанской войне, как видно по вандейскому «бокажу» во Франции (полям, окруженным высокой живой изгородью из кустов, узкими, затонувшими в грязи дорогами и разбросанными в разных местах деревнями, селами и фермами). К другим примерам относятся густые леса и болота в России и Белоруссии, рисовые поля дельты Меконга во Вьетнаме, болота и затопленные равнины Хэнани в Китае или Малайзии, а также густые апельсиновые рощи Митиджи в Алжире.

особенности местности. Джеффри (Geffray 1990: 53) обнаружил, что базы РЕНАМО в Мозамбике не только были сильно удалены от местных административных центров, где располагались правительственные силы, но находились рядом с административными границами округов. Очевидно, что, по мнению стратегов РЕНАМО, такое местоположение позволяло извлечь пользу из правительственной бюрократической глупости, так как власти обычно старались всячески уклониться от законных действий, направленных на борьбу с партизанами.

Военная мощь, определяемая географическим положением, как правило, оказывается важнее довоенной политической и социальной поддержки. Лучше всего это демонстрирует следующая закономерность: правительство обычно контролирует города, даже когда они представляют собой социальные, религиозные или этнические оплоты противника. Мятежников же обычно невозможно поймать в сельской местности, даже если жители деревень относятся к ним враждебно¹⁵⁷.

Как правило, мятежники в целом слабее в городах, хотя именно города становятся их довоенными оплотами. По наблюдениям, во многих странах во время гражданских войн в крупных городах тихо и спокойно (Butaud, Riailand 1998: 124). Они неудобны для мятежников, поскольку правительству намного проще следить за населением (Kocher 2004; Trinquier 1964: 18; Kitson 1960: 78). Кроме того, с помощью подкупа и шантажа проще собирать информацию, поскольку возможны регулярные контакты между информаторами и заинтересованными лицами. В результате в городе мятежникам в особенности угрожает утечка информации и проникновение в их ряды шпионов, что видно на примере Северной Ирландии и Палестины. А вычислив, кто есть кто, правительство легко может одержать победу, поскольку обладает более внушительной силой. Партизаны редко ведут войну в городах, и поэтому обычно остаются без внимания специалистов по подавлению мятежа (Blaufarb, Tanham 1989: 15–16). Как говорит Тринкье (Trinquier 1964: 71), «наиболее уязвима вражеская организация в городе. Туда всегда можно ввести войска или уничтожить ее в ходе полицейской операции...».

¹⁵⁷ Тут гражданские войны полностью противоположны преступлениям: обычно государству намного труднее контролировать города, чем деревни (С. Friedrich 1972: 26–27).

Фидель Кастро говорил, что город — это «могила для партизан» (Laqueur 1998: xix, 333)¹⁵⁸.

Поучителен китайский пример. Мао был хорошо знаком с динамикой городов и мятежей: «Большие города ограничиваются железной дорогой, а равнины сильно охраняются врагом, соответственно, партизанская война может доходить только до их границ, но не вестись внутри этих мест, у которых есть достаточно устойчивый марионеточный режим» (в Bruno Shaw 1975: 209). Городские организации Китайской коммунистической партии были практически полностью уничтожены к 1927 г. (Schran 1976), и хотя после поражения японцев коммунисты смогли вернуться в города, им снова пришлось оттуда уйти, поскольку они не выдержали давления Гоминьдана (Chang 1992: 103). Бентон (Benton 1999: 729–730) показывает, как «армии, а не классы совершили Китайскую революцию». Он приходит к выводу, что «классовая борьба... началась не снизу, став предпосылкой для триумфа [китайских коммунистов], но навязывалась сверху после того, как они пришли к власти за счет использования и реорганизации групп и сетей, наводнивших сельский Китай». Как отметил китайский стратег-коммунист: «Враги — боги городов, а мы — деревень» (Wou 1994: 222). В качестве примера можно рассмотреть Алжир. Во время первой половины 1950-х гг. там соперничали две националистические организации, желавшие вести борьбу с французами: сельский Фронт национального освобождения и городское Движение за триумф демократических свобод. Жильбер Мейнье (Meunier 2004:

¹⁵⁸ В этой связи неспособность США успокоить несколько иракских городов в 2003–2005 гг. однозначно свидетельствует о численном несоответствии военной силы. В итоге это было признано публично. Как сказал командир американских морских пехотинцев: «Такие города, как Рамади и Самарра, попали в руки мятежников из-за неправильного поведения американцев, которые сосредоточили свои ограниченные ресурсы в других областях, направив все усилия на защиту нового правительства и важных элементов инфраструктуры. Наступление на основе данных разведки не было в приоритете» (Filkins 2004: 15). Американских сил было так мало, и они были разбросаны по такой большой площади, что солдаты даже регистрировали вымышленные патрули, которых на самом деле не существовало, известные как «патрули-призраки» (Packer 2003: 72).

422–423) утверждает, что Фронт победил именно потому, что был в сельской местности.

О том же свидетельствует и опыт оккупированных южных городов во время гражданской войны в США. Южные гарнизонные города, чьи жители были под постоянным присмотром оккупационных войск с севера, буквально кипели от враждебности. Помимо идеологической нелюбви к янки, она была вызвана безработицей, сильной нехваткой жилья, страшной инфляцией, недостатком продовольствия, топлива, одежды, лекарств и других основных товаров. Как сказал генерал Союза: «Людям не хватает буквально всего». Конечно, это еще больше усиливало чувство враждебности по отношению к оккупантам. Эш (Ash 1995: 82) приходит к выводу, что «из всех жителей оккупированного юга наименьшую опасность представляли гарнизонные города, так как там даже речи не могло идти о вооруженном сопротивлении». Вероятность конфликта между сепаратистским большинством и союзным меньшинством также сильно уменьшалась, поскольку «сепаратисты были в целом бессильны, а юнионисты — неуязвимы за счет постоянного присутствия федеральных войск» (Ash 1995: 122).

Существует целый ряд несистематических доказательств. Когда греческие мятежники-коммунисты атаковали Эдесу, известный оплот левых, они обнаружили, что местное население не может им помочь, а в тылу по-прежнему располагаются правительственные войска (Vettas 2002: 211). Во Вьетнаме «городские» стало синонимом зон, контролируемых правительством (Elliott 2003: 1051; Meyerson 1970: 16). Повстанцы из алжирского Фронта национального освобождения не смогли взять под контроль города и в результате потерпели поражение в Касбе, несмотря на свою изначальную силу (Aussaresses 2001: 41)¹⁵⁹. Хотя города играли важную роль в подготовке мятежа в португальских колониях в Африке, никаких важных действий в них не разворачивалось, поскольку использование информаторов, комендантские часы, облавы и цензура «ослабляли мобилизацию партизан» (Henriksen 1976: 384).

¹⁵⁹ Режали (Rejali 2004b) отмечает, что французы победили, потому что смогли разрушить инфраструктуру мятежников за счет контроля населения и вербовки огромного количества информаторов, а не потому, что применяли пытки, как полагает Джилло Понтекорво в своем знаменитом фильме «Битва за Алжир».

Одной из причин, почему жители Биафры не стали участвовать в партизанской войне, стала «сильная концентрация городов» внутри государства и, соответственно, отсутствие «убежищ», а не нежелание народа бороться за независимость (Madiebo 1980: 105). В Сальвадоре власти с помощью репрессий сдержали оппозицию в городских районах, но в то же время усилилось сопротивление во многих сельских областях (Stanley 1996: 4). В Колумбии «правительственные силы часто контролируют центр крупных городов, где расположены здания муниципального правительства», но «их власть исчезает» в близлежащих трущобах (Fichtl 2004: 3). Важность военных ресурсов для установления контроля и, соответственно, сотрудничества также подтверждается тем, что деревни, расположенные рядом с центральными дорогами, часто склоняются к сотрудничеству с властью.

Как отмечал один британский офицер (Hammond 1993: 137), греческие деревни, которым «не повезло» находиться «у главной дороги Македонии или неподалеку от нее», сотрудничали с немецкой оккупационной армией. То же самое происходило во Вьетнаме (Sansom 1970: 60–61) и Родезии, где такие деревни зимбабвийские мятежники часто называли «предателями», поскольку «из-за того, что они располагались рядом с дорогами, их чаще посещали солдаты, чем повстанцы» (Kriger 1992: 208)¹⁶⁰. Хотя «современные» деревни рядом с основными дорогами одни из первых реагировали на призывы к революции, их скорее контролировало правительство, и, «по мере того, как в середине и конце 1960-х гг. увеличился риск политического действия, росла пропасть между отношением и поведением, и многие сторонники революции не предпринимали никаких действий, так как опасность была слишком велика, или, в некоторых случаях работали подпольно, настолько тайно, что иногда революционная деятельность полностью прекращалась» (Elliott 2003: 589). Если же мятежники могут воспользоваться поддержкой извне, а территория расположена близко к границе и обладает определенным географическим положением, то, скорее всего, она попадет под контроль мятежников.

¹⁶⁰ То же самое происходило и в оккупированных немцами областях СССР (Cooper 1979: 45).

Сельские районы, как раз строго наоборот, обычно враждебно относятся к властям, независимо от довоенных политических предпочтений. Один высокопоставленный американский офицер, служивший в Доминиканской Республике в 1921 г., утверждал, что строительство дорог поможет подавить мятеж: «Люди будут активнее контактировать со столицей, и, таким образом, у центрального правительства появится возможность контролировать политические условия» (Calder 1984: 164). Если посмотреть результаты выборов до и после войны в районе Пелопоннеса на юге Греции, то правые, как правило, были сильнее в горах, а левый центр и левые — в городах и равнинных местах. Но война все изменила. Британский агент, работавший на территории оккупированной Греции, рассказал о коллаборационистских охранных батальонах, которые «утратили популярность в горах, но в прибрежных районах и крупных городах на них смотрят как на меньшее зло»¹⁶¹.

Расположение в сельской местности предполагает действие различных причинно-следственных механизмов. Так, например, воюющие стороны имеют возможность спрятаться, и никто их не выдаст из-за сельских представлений о солидарности и чести. Кроме того, жители деревень более спокойно относятся к угрозам применить насилие. Традиция мятежа усиливается принятыми нормами взаимодействия, которые приводят к массовому участию в антигосударственной деятельности, начиная от контрабанды и бандитизма и заканчивая полноценным мятежом. А экономика, основанная на натуральном хозяйстве, более склонна к вооруженному мятежу, чем та, в основе которой лежит наемный труд. Возможно, важнее всего то, что в сельской местности население рассредоточено, и, соответственно, за ним тяжело следить (Kocher 2004). Намного проще установить комендантский час в городе, чем на огромных сельских территориях, кроме того, контролировать приходится сотни, а то и тысячи деревушек, и, соответственно, маленькие армейские отряды часто попадают в засаду (Tope 1994: 13)¹⁶². Хофхайнц

¹⁶¹ "Second Report of Colonel J. M. Stevens on Present Conditions in Peloponnese (24 June 1944)," PRO, HS 5/669/S6557.

¹⁶² Гамбетта (Gambetta 1993: 109) считает, что в сицилийских деревнях намного труднее поддерживать порядок, и, соответственно, они чаще соглашаются сотрудничать с мафией, чем города. Неуди-

(Hofheinz 1969: 76) считает, что реализация «высочайшего уровня мобилизации и участия в коммунистической политике» в «тыловых базовых округах» объяснялась «безопасностью, которую обеспечивали особенности местности и удаленность от фронта». На корейском острове Чеджудо и в Малайе коммунистические повстанцы были настолько сильно привязаны к горам, что их стали звать людьми с «гор», «холмов» или из «джунглей» (Yoo 2001; Kheng 1983: 168). Мои информаторы в Греции, рассказывая о воюющих лагерях (мятежников и правительства), использовали исключительно географические обозначения: они называли их «те, кто сверху» и «те, кто снизу». Даже в сельских регионах мятежники скорее найдут поддержку в самых суровых и удаленных областях (Horton 1998: 126; Nordstrom 1997: 99; Escott, Crow 1986: 376; Kitson 1960: 124).

Таким образом, мы можем по-новому оценить результаты некоторых исследований, которые считают главными причинно-следственными переменными насилия идеологию и этническую принадлежность. Тимоти Галден (Gulden 2002) обнаружил, что в Гватемале более половины убийств, совершенных военнослужащими, происходит в муниципалитетах, в которых представители народа майя составляют 80–90% населения (в стране в целом майя составляют 8% от общего числа жителей). Частично основываясь на этом открытии, он утверждает, что здесь речь идет о геноциде. Однако эти муниципалитеты, как правило, сельские и расположены далеко от центров правительственного контроля. Такой процент убийств может объясняться как тем, что они совершены майя, так и присутствием мятежников. Здесь возникает вопрос эндо-

вительно, что ей даже удастся осуществлять территориальный контроль в некоторых сельских областях на Сицилии. Тоун (Tope 1994: 162–166) сравнивает горную деревню Эчаури с городом Корелла (оба расположены в Наварре). По его мнению, Эчаури поддерживали мятежников во время французской оккупации из-за того, что «надежные общественные институты системно укрывали людей от французского режима», а Корелла была склона к коллаборационизму из-за характера ее элиты. Но, конечно, для отделения эффекта социальной структуры от влияния военных ресурсов было бы важно сравнить с этим городом деревню, похожую на Эчаури, но расположенную совсем рядом с французским гарнизоном. Если я прав, то, несмотря на социальную структуру, она бы сотрудничала с французами.

генности недовольства: мятежники выбрали это место, потому что там проживают недовольные своей жизнью майя? Или майя просто оказались в регионе, хорошо подходящем для действий мятежников, которые затем рассказали этому народу об их бедственном положении? На основе эмпирических данных, предоставленных Столлом (Stoll 1993: 87), можно частично разделить эти два момента: армия применяла репрессалии не в тех зонах, где были сильны организации местного этноса (и, предположительно, их недовольства), а мятежников практически не было, а там, где партизаны пытались повлиять на сельских жителей несмотря на то, что организации у них были развиты крайне слабо. На самом деле четыре основных района, где правительство широко применяло насилие, фактически следовали за мятежниками, которые продвигались на юг, чтобы перерезать Панамериканское шоссе.

Если есть подробные исследования, то можно отчетливо проследить отсутствие пересечений между довоенными и военными оплотами. Как отмечает Бекетт (Beckett 2001: 11), во время гражданской войны в Аппалачах, а также в районах плато Камберленд и Озарк крайне активно действовали партизаны Конфедерации, хотя именно там проживало больше всего сторонников Союза. После поражения в городах китайские коммунисты сумели вернуться и изолировать «пограничные регионы», где до войны практически не пользовались никакой поддержкой (Schran 1976). Казалось бы, что городские жители оккупированных немцами советских территорий должны сильнее недолюбливать немцев — отчасти потому что они в большей степени ассоциировали себя с советским режимом, а отчасти из-за более тяжелых условий работы и жизни в городах. Однако, как отмечает Даллин (Dallin et al. 1964: 335), «партизанское движение, как ни странно, было главным образом развито в деревнях». Как показало исследование, проведенное в северной части Греции (Antonίου 2001), по количеству проголосовавших за Коммунистическую партию в 1936 г. нельзя было предсказать, сколько человек вступит в коммунистическое сопротивление в 1942–1944 гг. А вот удаленность от города, считавшегося главной базой правительственных войск, оказалась практически идеальным показателем: чем дальше от него была деревня, тем больше местных жителей присоединилось к мятежникам (остаточную разность составили довоенные предпочтения в равноудаленных деревнях).

Французские мятежники-коммунисты пользовались большой популярностью в сельском департаменте Ло, в котором «коммунисты были представлены только в двух из трех избирательных округов в 1936 г. и получили всего 4183 голоса из 30 293» (Kedward 1993: 131). Как отмечает Эллиот (Elliott 2003: 908), из-за бомбежки дельты Меконга в Южном Вьетнаме и проведенных там мер по умиротворению произошло разделение между классовой основой и зонами контроля Вьетконга. В Сальвадоре мятеж начался не в департаментах Ауачапан и Сонсонате, где в 1932 г. произошло массовое восстание крестьян и последовавшая за ним резня (и где находились огромные кофейные плантации), а в изолированных и малонаселенных Морасане и Чалатенанго, где жили в основном мелкие землевладельцы и где организованным группам было легко поднять мятеж (Grenier 1999: 84). Точно так же мятежники РЕНАМО, воевавшие против правительства ФРЕЛИМО¹⁶³ в Мозамбике, действовали в тех же местах, где ФРЕЛИМО ранее активно вела антиколониальную борьбу. И напротив, регионы, поддерживавшие португальское правительство во время антиколониальной войны, выступали на стороне ФРЕЛИМО во время мятежа РЕНАМО (Geffray 1990: 41). Нордстром (Nordstrom 1997: 98–99), исследовав провинцию Ньяса в той же стране, говорит о том же самом. РЕНАМО смогло установить очень жесткий контроль и добиться сотрудничества (применив минимум насилия) в сильно изолированных местах, которые до войны поддерживали ФРЕЛИМО. То есть военная эффективность зависела от географического местоположения. «Насколько я могу судить, — отмечает Нордстром (Nordstrom 1997: 99), — правительство не сильно интересовалось этими регионами. Зоны, где действовало РЕНАМО, были полностью переданы в его руки».

На примере Никарагуа хорошо видно, как вел себя Сандинистский фронт национального освобождения вначале в роле мятежников, а затем в роли правительства. Из этого сравнения становится понятно, что преданность народа была во многом эндогенна территориальному контролю. Во время «контрфазы» войны Сандинистский фронт, придя к власти, жестко контролировал города, но отсутствовал в горах: «В го-

¹⁶³ Фронт освобождения Мозамбика, придерживавшийся леворадикальных позиций. — *Прим ред.*

рах были только военные» (Horton 1998: 137). В результате люди в тех регионах поддерживали противников. Однако многие из них выступали на стороне сандинистских мятежников в 1970-х гг. (Horton 1998: 21–22). В городах, которые в начале войны контролировало правительство Сомосы, а затем — сандинистское, ситуация была прямо противоположной. Как писал Хортон (Horton 1998: 21): «В Килали находились сотни бойцов сандинистской армии, и поэтому город всегда оставался под их контролем». Населению приходилось с ними сотрудничать, другого выбора не было. В то время как сандинисты в роли мятежников прятались в труднодоступных деревнях и не могли проникнуть в города, в роли правительства они столкнулись с ответным мятежом. Но в обоих случаях люди, которыми они правили, соглашались на сотрудничество.

5.6. ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Если мы соглашаемся с тем, что полный и постоянный контроль формирует сотрудничество мирных жителей, тогда получается, что победа в гражданской войне представляет собой в первую очередь военную задачу. То есть необходимо установить контроль над целой территорией страны. Это общепринятая точка зрения. По словам одного человека, боровшегося с мятежниками: «Для того чтобы в каждой населенной деревне был правительственный полицейский пост, необходимо обладать абсолютной властью. Терпеливо во всех деревнях «освобожденной» области организовывать правящие органы, начиная с самых легких территорий» (Clutterbuck 1966: 176)¹⁶⁴.

Однако гражданские войны, как правило, происходят в бедных странах. Они затягиваются на длительный срок и остаются незавершенными (Fearon, Laitin 2003; Fearon 2001). Это значит, что противники не способны установить полный контроль над

¹⁶⁴ Очевидно, что этот взгляд отражает похожую точку зрения, которая связывает преступление с присутствием полиции (С. Friedrich 1972: 26).

большими территориями страны¹⁶⁵. Проиллюстрировать это можно описанием гражданской войны в Италии, сделанным Фенольо (Fenoglio 1973: 157): «Партизаны были слишком сильны, их было невозможно атаковать в горах. Во всяком случае, они производили такое впечатление. В то же время они были слишком слабы и технически неспособны атаковать и победить фашистские гарнизоны в равнинных городах»¹⁶⁶.

После начала гражданской войны перед сторонами встает серьезная военная необходимость установить и сохранить контроль на территории всей страны¹⁶⁷. С этой проблемой сталкиваются как зарубежные захватчики, так и местные правители. Ее очень удачно сформулировал Тулис (Toolis 1997: 70): «Ни одна армия не может постоянно патрулировать абсолютно все дороги». Военный атташе в Мозамбике сказал следующее: «Страна большая, а армия маленькая» (Т. Young 1997: 150). Один южновьетнамский чиновник представил эту проблему в виде настоящей головоломки: «Мы не можем постоянно быть с людьми. Мы приходим и проводим операции в дневное время, но у нас не хватает сил защитить народ по ночам. Мне необходимы понять, как защитить деревню, в которой живет тридцать человек? Чисто с военной точки зрения как? Вьетконг ждет порядка полугода, а потом нападает. Мы можем что-то строить в течение двух лет, а он

¹⁶⁵ Гражданские войны длятся так долго из-за двух разных процессов. Некоторые зоны остаются «замороженными» под контролем одной или обеих сторон, но другие постоянно меняют правителя. Например, во время гражданской войны в России Киев в течение двух лет четырнадцать раз переходил от одной стороны к другой (Werth 1998: 111; Figes 1996: 698). Единственной «постоянно менявшейся деталью» в толстых книгах, сохраненных ООН в Судане, «была колонка, отмеченная как «оккупирована такими-то», в которой было написано, к кому в руки попала деревня в этом месяце» (Peterson 2000: 237).

¹⁶⁶ Постоянная война в слабых государствах, в которых не хватает военных ресурсов, предотвращается за счет использования непрямого управления (Kocher 2004).

¹⁶⁷ Обратите внимание, что в мирное время стороны могут контролировать свою территорию, задействовав намного меньше ресурсов, чем во время гражданской войны. Это значит, что мятежи нельзя объяснить лишь низким уровнем государственного контроля. Говоря другими словами, способностями правительства можно объяснить динамику гражданской войны, но не ее начало.

разрушит за ночь. Надо понять, как решить эту головоломку, и тогда проблема будет решена» (Race 1973: 135).

Часто говорят о числовом несоответствии правительственных армий. Рассказывая о контрреволюции в западных провинциях Франции в 90-е гг. XVIII в., один французский генерал-республиканец сообщил, что патриоты «настолько запуганы, что нам нужен целый гарнизон, чтобы охранять каждый дом» (Duru 1997: 133). В 1863 г. офицер Союза, находившийся в Миссури, отметил, что было бы невозможно истребить мятежников Конфедерации, «если бы правительство не могло себе позволить выделить десять солдат на одного мятежника» (Fellman 1989: 126). Как видно из британского военного доклада о ситуации в Ирландии в 1920 г., «не хватает полиции и военных, чтобы справиться с мятежниками» (Hart 1999: 73). Пакистанский офицер рассчитал, что для успешного подавления мятежа в Бангладеше пакистанской армии понадобилось бы 375 640 солдат, а у нее было всего 41 060 (Salik 1978: 101). Как сообщил американский журналист, армии Мозамбика требовалось более 1 миллиона человек для защиты одной лишь инфраструктуры страны от мятежников, но получилось выделить всего лишь 30 тысяч (Finnegan 1992: 95–96). Глава разведки в Родезии понял, что нет смысла бороться с зимбабвийскими мятежниками, демонстрируя масштаб армии или возможности бомбардировки, потому что жители деревень вскоре поймут, что это лишь временное явление, а при условии непостоянного военного присутствия не получится проводить государственную политику» (Flower 1987: 122). И наконец, как пишет Фореро (Forego 2001: A3), «в Колумбии армия просто слишком маленькая и не способна охватить всю страну... И даже если случаются удачные атаки, у нее не получается обеспечить постоянное присутствие».

В качестве хорошей иллюстрации данной проблемы можно привести немецкую оккупацию во время Второй мировой войны. Немецкие силы, отправленные вести борьбу с различными движениями сопротивления, абсолютно не подходили для этой задачи. На территории площадью ок. 110 000 кв. км., где расположено более 1500 колхозов и деревень, порядок должны были обеспечивать менее 1700 человек, из которых лишь 300 полагалось принимать активные меры, направленные на борьбу с партизанами. В центральном СССР количество людей, пригодных для выполнения охранных функций

всех типов, составляло лишь 2 человека на каждые 8 кв. км¹⁶⁸. «Хотя Гитлер и командование СС понимали необходимость отправить значительные силы для охраны тыла, у них просто не получалось их выделить». Неудивительно, что немцы могли осуществлять лишь ограниченный и очень поверхностный контроль. Большие территории оказывались просто заброшенными и быстро переходили во власть партизан. После операции «зачистки» 1943 г. 221-й немецкий охранный батальон сообщил, что «у партизан была возможность... заново занять свои прежние территории, и, таким образом, успех данных операций лишь иллюзорен... Как только из умиротворенных зон навсегда или на время уводят войска, их тут же снова занимают партизаны». Как сказал один немецкий генерал: «Если достаточно солдат, то все возможно». Купер приходит к выводу, что «причину поражения немцев легко проанализировать, но невозможно исправить: у них просто не хватило войск» (Соорег 1979: 45, 143–144, 153–154).

У США во Вьетнаме было огромное количество ресурсов, и тем не менее им также было непросто в этом вопросе. «Мы пришли сюда провести операцию, и что? — рассказывал один солдат США в марте 1969 г. о рейде в деревне, контролируемой Вьетконгом. — Вьетконговцы вернутся уже сегодня вечером» (М. Young 1991: 240–241). Над американским военачальником, генералом Уэстморлендом, часто шутили, что ему постоянно требуется больше и больше солдат, но, защищаясь, он говорил вполне правильные вещи: «У меня вечно не хватает людей, чтобы обеспечить присутствие американцев, союзников и АРВ повсюду. Никогда не имел такой роскоши. Если бы в моем распоряжении было действительно неограниченное число людей, я бы смог постоянно разместить войска во всех округах

¹⁶⁸ Откуда взяты приводимые автором цифры, непонятно, однако они совершенно неадекватны. Перед нападением Германии на СССР для охраны тыла на оккупированных советских территориях было выделено девять охранных дивизий и четыре айнзатцгруппы полиции безопасности и СД численностью около 800 человек каждая. Кроме того, в распоряжении ОКХ за фронтом групп армий имелась полицейская дивизия СС. Впоследствии численность используемых для охраны тыла немецких войск росла; кроме того, оккупантами активно формировались и использовались всевозможные коллаборационистские подразделения, включая несколько сотен батальонов «туземной» вспомогательной полиции. — *Прим. ред.*

и провинциях и таким образом обеспечить альтернативную стратегию. Солдаты хорошо бы узнали людей, и проще стало бы определять тех, кто ведет подрывную деятельность, и защищать других от запугивания противником. Но для этого потребовались бы буквально миллионы человек» (Bilton, Sim 1992: 34)¹⁶⁹. Еще острее данная проблема стояла в оккупированном США Ираке. Например, 1-й батальон 8-го пехотного полка 4-й пехотной дивизии, состоявший из 800 человек и базировавшейся в районе Балада в беспокойной иракской провинции Анбар, отвечал почти за 750 квадратных километров (Filkins 2005: 55). Точно так же территорию вокруг города Рава размером с Вермонт (площадь этого штата составляет почти 25 тыс. кв. км) патрулировали всего 800 солдат, из них лишь 300 участвовали в операциях, при этом никогда не были задействованы одновременно все. В результате «вокруг нескольких оккупированных городов военные силы американцев встречаются лишь от случая к случаю. Ни у армии, ни у морских пехотинцев нет постоянных контрольно-пропускных пунктов на главной региональной дороге. Если солдаты погибают, это становится настоящей бедой. Как объяснил полковник Стивен Дэвис, командир 2-й полковой боевой группы морской пехоты: «Можно сколько угодно захватывать одни и те же города, но результата не будет, если вы не сможете в них остаться» (C. Smith 2005: A6).

По одним только цифрам видно, как трудно установить полный и постоянный контроль, соответственно, крайне важно грамотно использовать и разместить имеющиеся военные ресурсы, обладать определенной устойчивостью, а также

¹⁶⁹ Шихан (Sheehan 2000: 179) подтверждает этот момент. «Нехватка американских солдат, которые могли бы обеспечивать оккупацию после того, как территория была вырвана у коммунистов, стала основной причиной масштаба нанесенного вреда мирным жителям и имуществу». Дополнительную проблему представляет количество личного состава, выделенного в современных армиях для обеспечения. Люттвак (Luttwak 2003) подсчитал, что в Ираке из 133 000 американских мужчин и женщин лишь 56 000 прошли боевую подготовку и могут осуществлять охранную деятельность, а одновременно для патрулирования выделялось не более 28 000. См. также: Shepherd 2002: 351; Tucker 2001: 90; Fall 2000: 199; Vargas Llosa 1998: 137; Fisher 1997: 50; Finley 1994: xi, 29; Tone 1994: 80, 143–144; Ortiz Sarmiento 1990: 132; Ekirch 1985: 114; Li 1975: 187; Beaufre 1972: 66.

способностью получить поддержку извне, особенно в решающие моменты. Из-за ограниченных ресурсов необходимо правильно применять силу. Но как это делать?

5.7. НАСИЛИЕ И ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ

По словам Майкла Хечтера (Hechter 1987: 162), главным образом сотрудничество зависит от предполагаемых санкций. Как говорил Цезаре Беккариа, «с политической точки зрения наказание необходимо, чтобы вселить страх в других людей». А по словам Иеремии Бентама, сдерживание — это «запугивание или террор законом» (Zimring, Hawkins 1973: 75). Если говорить по-простому, то согласно теории сдерживания с помощью угроз можно уменьшить вероятность того, что будут предприняты некие действия. Другая формулировка гласит, что сдерживание с помощью наказания — это метод ретроспективного умозаключения с помощью угроз, необходимый для того, чтобы тот, кто совершил проступок, понес наказание (Kenny 1907). Главной гипотезой мы обязаны Бентаму: «Выгода — это та сила, которая толкает человека на преступление. Боль — от него удерживает. Если первая из сил выигрывает, будет совершено преступление, если вторая — то нет» (Zimring, Hawkins 1973: 75).

Однако, как нам известно, многие преступления совершаются несмотря на очевидную и вполне правдоподобную угрозу. Кац (Katz 1988: 12–51) показывает, что значительное количество убийств совершается людьми, которым безразличны санкции. Он называет их «справедливыми». Они совершаются быстро, под влиянием момента и непреднамеренно. Определение сдерживания Бентама называли «механическим» и критиковали за то, что оно основано на «ложной психологии». Его противники утверждали, что угрозы, наоборот, могут вызвать желание не подчиниться и что криминальный феномен никак не зависит от уголовного права. В то же время понятно, что большинство людей воздерживаются от преступлений, чтобы избежать санкций. Таким образом, с их помощью можно добиться определенного уровня сдерживания¹⁷⁰.

¹⁷⁰ Как писали Зимринг и Хокинс (Zimring, Hawkins 1973: 95): «Кажется, что угроза в качестве препятствия на пути к определенному по-

Когда эффективны угрозы? По мнению Беккарии (Beccaria 1986: 81), они должны быть публичными, незамедлительными, неотвратимыми, минимальными с учетом обстоятельств, пропорциональными преступлению и определенными законом. Зимринг и Хокинс (Zimring, Hawkins 1973) говорят о трех условиях: известность широкому кругу людей, убедительность и персонифицированность. По мнению Хечтера (Hechter 1987: 151), люди скорее будут слушаться, если их обязательства будут определены с высокой степенью точности. Эти черты можно до некоторой степени объединить, подразделив насилие на *селективное* (или избирательное) и *неизбирательное*¹⁷¹.

И селективное, и неизбирательное насилие представляют собой в принципе инструментальные формы, направленные на формирование сотрудничества с помощью устрашения. Различие основано на уровне, на котором определяется понятие «вины»¹⁷². Насилие считается селективным, когда есть намерение определить индивидуальную вину. Поскольку намерения не всегда очевидны (хотя в большинстве случаев политические силы открыто говорят о неизбирательном насилии), использовать эту разницу можно, определив для себя, что селективное насилие подразумевает персонализированную цель, а неизбирательное — коллективную¹⁷³.

При неизбирательном насилии, которое на юридическом языке называется «репрессалии», концепт индивидуальной

ведению, скорее всего, вынудит членов запугиваемой аудитории пересмотреть свое отношение к его желательности».

¹⁷¹ Селективное применение силы персонализировано, но не должно быть публичным, незамедлительным или неотвратимым, хотя обычно бывает именно так. Оно точно минимально и пропорционально совершенному преступлению, по сравнению с неизбирательным.

¹⁷² Поскольку важен уровень, на котором происходит определение цели. Существует насилие, которое избирательно на индивидуальном, местном и национальном уровне. Однако я использую различие между селективным и неизбирательным насилием, поскольку в нем заключается основная разница между определением цели на индивидуальном и сверхиндивидуальном уровнях.

¹⁷³ Обратите внимание, что, несмотря на распространенное убеждение, селективное насилие может в итоге стать (и часто становится) массовым. Например, подсчитано, что вьетконговцы за пятнадцать лет избирательно убили 50 000 человек (Wickham-Crowley 1990: 215).

вины заменяется на концепт вины по ассоциации, «Если виновных нельзя найти, — заявил немецкий командир в оккупированной Греции, — то надо искать тех, кто с ними связан, и, хотя и не совершил самого проступка, тем не менее может также понести наказание» (Condit 1961: 265–266). Такая форма правления бывает разной и зависит от конкретной семьи, деревни, региона или нации. К крайней форме такого типа насилия относится выбор жертвы на основе ее принадлежности к национальной, этнической или религиозной группе. Его часто называют «случайным» насилием, и в качестве классического примера можно привести террор нацистов в оккупированной Европе. «Неоднократно в Афинах, — писал Макнил (McNeill 1947: 57), — на место смерти немецкого солдата высылался немецкий патруль, который арестовывал первых пятьдесят человек, попавшихся на улице, ставил их к стенке и расстреливал на месте». Немецкий террор в Варшаве в тот же период времени очень ярко описан у Чеслава Милоша (Milosz 1990: 90):

Однажды в первый год войны мы возвращались от общего друга, жившего в деревне. Насколько я помню, мы спорили о том, стоит ли ехать на поезде. Мы решили вопреки совету нашего хозяина сесть на поезд, который уходил через полчаса. Мы приехали в Варшаву и гуляли по улицам, крайне довольные жизнью. Стояло прекрасное летнее утро. Мы не знали, что этот день запомнится как самый страшный в истории нашего города. Только я закрыл за собой дверь, как услышал на улице крики. Выглянув в окно, я понял, что началась облава. Впервые ловили людей для Освенцима. Впоследствии там были убиты миллионы европейцев, но в то время концентрационный лагерь только начинал свою работу. В тот день на улицах было поймано огромное количество народу, и, похоже, никто не выжил. Мы с Альфом прогуливались по этим улицам всего за пять минут до начала облавы. Возможно, нам принесли удачу его зонт и его беззаботность.

Поскольку такая угроза абсолютно непредсказуема, то, по крайней мере поначалу, она полностью парализует и нагоняет жуткий, иррациональный страх. У людей не остается никаких мыслей, и начинается дробление общества (E.Walter 1969: 25–26; Thornton 1964: 81). В опубликованной в 1947 г. книге группа греческих психиатров поделилась результатами выдающегося исследования, посвященного влиянию немецкого террора

на население Афин. Они выяснили, что большинство было парализовано ежедневным ожиданием «непредсказуемого и неизвестного несчастья» и «невероятным страхом перед неизвестностью, которая могла коснуться любого человека» (Skouras et al. 1947: 124–136). Поскольку жертвы никак не могут отреагировать на такое насилие, оно нужно, чтобы «увеличить согласие с властью среди тех, кто считает, что им может что-то угрожать» (L. White 1989: 328). То есть население толкают к полной пассивности и политическому отречению.

Хотя неизбирательное насилие может подойти для диктатора (McAuley 1992: 50; Moore 1954: 169–170), во время гражданской войны оно менее эффективно из-за наличия противника, на чью сторону может перейти население. Во-первых, неизбирательное насилие исключает сдерживание, поскольку оно уничтожает возможность предсказать будущее зло и таким образом его избежать: оно стирает связь между преступлением и наказанием и уничтожает концепт правонарушения. Из-за того, что неизбирательное насилие абсолютно непредсказуемо, его боятся все, независимо от своего поведения: неважно, виновен ты или нет, а выразить свое согласие просто невозможно. В одном немецком отчете (Cooper 1979: 27) следующим образом описывалось поведение среднестатистического гражданина на оккупированной территории СССР: «Если я останусь с немцами, меня, когда придут, убьют большевики. Если они не придут, то рано или поздно, меня застрелят немцы. Таким образом, если я остаюсь с немцами, то подписываю себе смертный приговор. Если уйду к партизанам, то, может быть, спасусь». В таких обстоятельствах «неучастие уже не обозначает защиту. Появляется все больше мятежников, так как теперь одинаково рискованно как сохранять пассивность, так и присоединиться к мятежу» (Agon 1966: 170). Так и вышло. Из-за террора нацистов «у поляков остался один выход: не обращать на оккупантов внимания, то есть либо противостоять им активно, либо пассивно, то есть вести себя так, как будто их не существует» (Gross 1979: 238):

Казалось бы, несогласие с требованиями немцев должно привести к таким ужасным последствиям, что вряд ли кто-то осмелится им перечить. Но полностью подчиниться было невозможно. Террор продолжался и усиливался со временем. Население быстро разобралось в ситуации: пытаешься или нет удовлетворить

требования немцев, все равно можешь стать жертвой насилия... Когда наказание случайно, то не имеет смысла менять свою жизнь из-за того, что можешь стать жертвой. Более того, стоит организовывать повседневные действия с оглядкой на возможный случай» (Gross 1979: 212).

Во-вторых, если подчинение не гарантирует безопасности, то сотрудничество с враждующей стороной увеличивает шансы на выживание и способствует развитию чувства нормативной целостности (Gross 1979: 202). В Польше члены сопротивления вели себя более осторожно и не испытывали ложного чувства безопасности, фатального для тех, кто в нем не участвовал. «Заговорщики» пытались активно избегать немцев, остальные же были не так осторожны и допускали случайные контакты с оккупантами, поскольку считали, что если их арестуют, то им грозит всего лишь несколько дней в заключении, а потом их выпустят, так как поймут, что они невиновны. Однако такое предположение приводило к смерти, учитывая, что между преступлением и наказанием была крайне слабая связь. У «заговорщиков» часто были удостоверения лучше, чем у тех, кто в сопротивлении не участвовал, и они заранее готовили подходящие ответы на типичные вопросы полиции на случай ареста. Если их ловили во время облавы, остальные пытались вытащить их из тюрьмы или давали деньги их семьям на подкуп чиновников. Если заговорщикам грозил арест, разоблачение или их начинали шантажировать, в их распоряжении были огромные организационные ресурсы: им помогли бы исчезнуть, сменить место жительства и документы или найти новую работу (Gross 1979: 234–235).

Таким образом, неизбежное насилие имеет лишь ограниченную ценность, поскольку оно уменьшает степень возможной расплаты в случае сотрудничества с противником. Один британский специалист по подавлению мятежей сравнил неизбежное насилие с «попыткой поймать рыбу широкой сетью в заросшем пруду, вместо того чтобы выбрать тактику щуки и тихонько выслеживать ничего не подозревающую добычу, спрятавшись в траве» (Paget 1967: 110). Поэтому мы можем сформулировать следующее утверждение:

Утверждение 2: Во время гражданской войны неизбежное насилие контрпродуктивно.

Это утверждение представляет собой гипотезу. Теоретические работы по соответствующей взаимосвязи между репрессиями и несогласием не позволяют сделать окончательный вывод (Lichbach 1987: 297). Эмпирически нам не хватает контролируемого сравнения последствий наличия и отсутствия такого насилия. Мало внимания уделялось противоречащим фактам. Так, например, мы не знаем, сколько вооруженных мятежей произошло бы и сколько человек присоединилось бы к повстанцам, если бы не было неизбирательного насилия. Согласно некоторым подробным исследованиям неизбирательное насилие позволяло порой добиться лучших результатов, чем принято думать (Hill 2002; Hartford 1989)¹⁷⁴. Но в то же время несистематические доказательства свидетельствуют о правильности данного суждения. В следующей главе я вернусь к этому вопросу.

В отличие от неизбирательного, селективное насилие персонализирует угрозу. Если люди становятся целью из-за своих действий, то воздержание от них гарантирует безопасность. Практики и теоретики сходятся в том, что селективное насилие — самый эффективный способ избежать измены. По словам Роберта Томпсона (Thompson 1966: 25): «Террор более эффективен, когда селективен». Как сказал один американский полковник, воевавший во Вьетнаме: «На самом деле приходится пользоваться хирургическим скальпелем» (Rase 1973: 238). Че Гевара считал (Guevara 1998: 91), что «не стоит применять насилие и заниматься терроризмом в неизбирательной форме». Вьетконг выпустил много официальных документов, в которых говорилось о преимуществах селективного насилия (Elliott 2003: 266).

На практике разница между селективным и неизбирательным насилием зависит от народного восприятия, поскольку

¹⁷⁴ Один вьетконговец утверждал, что неизбирательный обстрел со стороны правительственных сил в Южном Вьетнаме ослабил силы мятежников: «Из своего опыта знаю, что Фронт сильнее всего в деревнях, которые не попали под обстрел, и что, напротив, слабее там, где он происходит часто. Ради пропаганды и разжигания ненависти по отношению к правительству бойцам Фронта приходится сидеть тихо» (Elliott 2003: 767). Эллиот приходит к выводу, что небольшой обстрел идет на пользу Вьетконгу, но когда он слишком сильный, то ситуация обратная, видимо потому, что от него не предлагается защиты.

можно притвориться, что действуешь селективно, поражая неизбирательно отдельных людей. Если люди считают, что насилие селективно, оно будет иметь те же самые последствия, что и настоящее селективное насилие. А если нет, то и результаты будут обратными, такими же, как если они считают селективное неизбирательным. Я подробно рассмотрю эти вопросы в главе 7.

Выбор вида насилия во многом зависит от качества имеющейся информации — без нее действовать избирательно не получится. Соответственно, многое зависит от сути суверенитета. Информацию нельзя получить без сотрудничества, которое формируется, если имеется уровень контроля, достаточный для того, чтобы убедить тех, сотрудничество с кем необходимо. Хотя стороны могут свободнее использовать неизбирательное насилие, оно вряд ли окажется эффективным в условиях фрагментированного суверенитета. Я вернусь к этим вопросам в дальнейших главах.

5.8. ВЫВОДЫ

В этой главе говорилось о теории иррегулярной войны, а основной упор был сделан на роли контроля в формировании сотрудничества с мирным населением. Главное, это то, что контроль, независимо от «истинных» предпочтений населения, исключает любые другие варианты, кроме сотрудничества, поскольку те, кто на него соглашается, получает определенные серьезные преимущества, а предатели, что даже важнее, наказываются. Контроль может распространяться с помощью военной силы, поскольку при достаточном ее количестве надежнее становятся санкции для перебежчиков. Однако в то же время, как правило, для установления полного контроля не хватает военных ресурсов. Тогда политические стороны обращаются к насилию, но оно должно быть селективным.

Остальная теоретическая часть книги будет посвящена роли суверенитета в формировании использования селективного насилия и контрпродуктивному эффекту неизбирательного насилия. Во-первых, необходимо рассказать о случаях применения неизбирательного насилия, а во-вторых, дать аналитическое обоснование селективному. Первому посвящена следующая глава, а второму — глава 7.

Логика неизбирательного
насилия

Я вижу несчастных, но не могу найти виновных.

Стендаль, «Игуменья Кастро»

Из-за нашего неблагоразумия и неправильного судопроизводства у нас появилось больше врагов, чем было изначально.

Генерал Стивен Дрэйтон,
Северная Каролина, 1781 г.

Посмотрите на меня! Я не хотел воевать!
Меня заставили!

Чеченский боевик после зверств,
совершенных российской армией

В этой главе рассказывается о логике, которая стоит за неизбирательным насилием. Как видно из утверждения 2, оно контрпродуктивно во время гражданской войны. Если это действительно так, тогда почему оно так часто встречается? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к теории неизбирательного насилия¹⁷⁵. Я начну с того, что расскажу,

¹⁷⁵ Тут я исхожу из интересов данной книги. Она строится на том, что, по крайней мере, одна сторона пытается контролировать население, против которого используется насилие. Неизбирательное насилие также применяется для депортации или уничтожения определенных групп. Например, сепаратисты могут прибегать к нему, чтобы выгнать с интересующей их территории этнических врагов (Senaratne 1997: 88). То же самое происходит при «обоюдном уничтожении». Как писал Лотник (Lotnik 1999), во время польско-украинского конфликта 1943–1944 гг. главным образом устраивалась резня сельского населения другой стороны. Бывший польский партизан Лотник (Lotnik 1999: 65) вспоминает, как офицер сказал им накануне первой бойни: «Ничего не поджигайте и не мародерствуйте. Просто отстреливайте молодых, хорошо сложенных мужчин. Если кто-то начинает сопротивляться, стреляйте прежде, чем он выстрелит в вас. Необходимо преподнести им урок и показать, что нельзя брать польских граждан, мучить и уби-

как и когда оно применяется. Далее мы обсудим его логику и уточним условия, при которых оно контрпродуктивно. Затем я расскажу о четырех причинах его применения, несмотря на контрпродуктивность, и об особых случаях неверной трактовки из-за использования неполных или неправильно истолкованных данных и о его применении из-за невежества, излишних расходов или институциональных ограничений. Я считаю, что неизбирательное насилие появляется, поскольку оно намного дешевле, чем селективное. Однако любая «выгода» должна быть уравновешена последствиями. Таким образом, неизбирательное насилие может скорее использоваться, если имеется сильный перекоп в сторону одной из сил или там, где не хватает ресурсов и информации. Не зная, как разрешить конфликт, даже сторонники неизбирательного насилия начнут применять его более селективно.

6.1. СЛУЧАИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕИЗБИРАТЕЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Как и другие формы, неизбирательное насилие может применяться для достижения целого ряда целей, таких как уничтожение определенной группы населения, перемещение людей, хищение имущества или демонстрация мощи и способности одной стороны навредить другой. Учитывая объем данной книги, в этой главе я расскажу об использовании неизбирательного насилия для контроля населения, а не просто для его перемещения, уничтожения или ограбления¹⁷⁶.

То есть в таком случае неизбирательное насилие — это, по крайней мере вначале, способ справиться с проблемой самоопределения. «Филиппинские военные, — пишет Берлов (Berlow 1998: 180), — столкнулись с той же трудностью, что и американцы

вать. Им это с рук не сойдет». Эти случаи выходят за рамки интересов данной книги, в которой в первую очередь говорится о повиновении мирных жителей.

¹⁷⁶ Помните, что это идеальная, типичная ситуация. Но есть несколько примеров неизбирательного насилия, которые иллюстрируют, как иногда сторона начинает подавлять мятеж, не имея особых средств, а затем начинается бессистемный процесс кажущегося уничтожения, как произошло в Дарфуре (Prunier 2005).

во Вьетнаме: они не понимали, кто тут «рыбка», пока не закинули удочку. На всякий случай филиппинцы, как и американцы во Вьетнаме, стали убивать слишком много человек, ошибочно предположив, что все — враги, пока не докажут обратное»¹⁷⁷.

Трудно вывести совокупную разницу между неизбирательным и селективным насилием. Поэтому практически невозможно определить вклад каждого вида насилия в общий печальный счет. Неизбирательное насилие более заметно, в отличие от селективного, поэтому считается, что оно встречается чаще (Valentino 2004; Downes 2004). Это отражает склонность многих исследователей относить к нему любые внесудебные убийства, даже если они были совершены селективно (Carlton 1994: 1). Например, убийство иракскими мятежниками «иракских офицеров, гражданских лиц, иракских, американских и коалиционных солдат» считается неизбирательным (de Albuquerque, Cheng 2005: 11). Сулайка (Zulaika 1988: 85) пишет о «неизбирательном убийстве информаторов и гражданского патруля ЭТА».

Тенденции любое насилие считать неизбирательным способствует нехватка информации. «Из-за запутанной, нестабильной и опасной ситуации, — пишет Ягат Сенаратне (Senaratne 1997: 146) о Шри-Ланке, — многие решили, что насилие было случайным и бессмысленным. Некоторые наблюдатели (в основном журналисты) говорили о хаотичности

¹⁷⁷ Описание поведения колумбийской армии, данное Хендерсоном (Henderson 1985: 179–180), применимо практически к каждому случаю. «Считалось, что все фермеры — потенциальные бандиты, и именно так к ним и следовало относиться». Как один житель Гватемалы сказал Столлу (Stoll 1993: 97): «Они считали всех майя, живущих в Небаже, Коцале и Чахуле, мятежниками. Они боялись даже своей собственной тени». Гарднер (Gardner 1962: 152–153) писал: «Среднестатистического немецкого солдата [в Греции] практически не заботило, в кого он стреляет или кого берет в плен. Он считал любого человека, жившего в этом месте, либо активным мятежником, либо союзником местной банды. Именно поэтому, когда говорилось о потерях среди партизан, немецкие данные обычно сильно отличались от греческих». Особенно часто убивали молодых мужчин во время операций по зачистке захваченной «вражеской» территории. Родители одного крестьянина, проживавшего во французском департаменте Сарта, подробно описали ему в письме, как троих его безоружных друзей убили солдаты Французской Республики только потому, что те побежали, увидев их (Dupuy 1997: 182–183).

из-за неспособности разглядеть много различных направлений насилия... и отделить его от его компонентов». Однако можно точно сказать, что насилие редко бывает полностью случайным. Обычно его жертвы выбираются на основе определенного критерия, например, места проживания. Так, например, летом 1944 г. немцы устраивали массовые убийства в Афинах в определенных кварталах, которые они подозревали в поддержке коммунистической активности. Более того, во многом это насилие было направлено на отдельных людей. Немцы окружали целый квартал, собирали на центральной площади его жителей, и информаторы из их числа, накинув на себя капюшон, указывали на отдельных обвиняемых (я вернусь к этому моменту в разделе 6.5.1).

Мы просто не знаем, как выглядит совокупность видов насилия во время гражданской войны. Тем не менее имеется много описаний случаев неизбирательного насилия, и их достаточно, чтобы предположить, что, несмотря на плохие данные, этот тип встречается достаточно часто и заслуживает внимания.

6.2. ИНФОРМАЦИЯ И НЕИЗБИРАТЕЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Из предыдущих примеров видно, что насилие является неизбирательным, когда не используются жесткие критерии отбора. Так бывает, когда нет точной информации. Как правило, считается, что неизбирательное насилие применяют правительственные силы, а не мятежники¹⁷⁸. Мятежники прак-

¹⁷⁸ Как показали проведенные во Вьетнаме исследования, беженцы, покинувшие свои дома из-за (неизбирательных) бомбардировок и наземных боевых действий, считали, что вынуждены были так поступить из-за правительства, а те, кто убежал из-за (селективного) террора и насилия, винили мятежников (Wiesner 1988: 111). См. также: Spencer 2000: 131; Benton 1999: 102–103; Horton 1998: 127; Cribb 1991: 151; Carmack 1988b: 60; Calder 1984: 159; Henriksen 1983: 118; Armstrong 1964: 41; Dallin et al. 1964: 328. Связь между неизбирательным насилием и отсутствием информации подтверждается эмпирическими данными, полученными из бывшей Югославии и Израиля, которые показывают, что неизбирательное насилие встречается намного чаще, если группа-агрессор действует за пределами, а не внутри государственных

тически всегда делают первый шаг. Убрав правительство из контролируемых зон, они организуют деревенское управление, способное собрать информацию, которая необходима для эффективного решения проблемы самоопределения (Wickham-Crowley 1990: 216–217). Как пишет Карлос Иван Дегрегори (Degregori 1998: 143–144) о «Сияющем пути» в Перу: «У партии было тысячи глаз и тысячи ушей, но вооруженные силы оставались слепы, точнее, они были дальтониками: различали лишь черное и белое... Они не понимали нюансов: видели темнокожего и тут же стреляли». То же самое говорили об Индокитае: «французы убивали хаотично, поскольку им не хватало информации» (Leites, Wolf 1970: 109), а американский репортер (Barton 1953: 138) отмечал, что «у мятежников эффективнее работает разведка, чем у их противников».

Власти прибегают к неизбирательному насилию в ходе военных операций, известных как «облавы», «прочесывание», «оцепление и досмотр», «поиск и уничтожение» и «выжигание земли», направленных на окружение и ликвидацию мятежников и уничтожение повстанческих гражданских баз. Эти кампании часто называют «умиротворением»¹⁷⁹. Результат, как правило, всегда одинаков: неизбирательное насилие. Один американский офицер, находившийся на Филиппинах в начале XX века, отметил, что «мы не знаем, кто тут мятежники, и не можем отличить хороших от плохих, поэтому нам часто приходится арестовывать всех подряд» (Linn 1989: 139). Эту же проблему сформулировал один филиппинец, сказав, что американская армия — это «слепой гигант», достаточно мощный, чтобы уничтожить врага, но неспособный его найти

границ (Ron 2003). Рон объясняет этот взгляд по-другому, а именно, он говорит, что с точки зрения режима границы значительно влияют на ведение войны, но наличие информации может стать причинно-следственным механизмом, объясняющим разницу.

¹⁷⁹ Не догадываясь об иронии своих слов, американский составитель отчетов во Вьетнаме отметил, то «зоны нельзя умиротворить, если там никто не живет» (Wiesner 1988: 113). Японцы использовали такие термины, как «операционная зачистка» и «операционное очищение с помощью уничтожения». Их политику «трех очищений» (забрать все зерно, скот и людей) враги называли «политикой всего» («все взять, сжечь и уничтожить»). Индонезийская армия придумала термин «операционное уничтожение» в Восточном Тиморе, а армия Гватемалы говорила об «испелении».

(Linn 1989: 160). Когда американская морская пехота прибыла в 1927 г. в провинцию Сеговия в Никарагуа, у нее не было «практической возможности отличить сторонников мятежников, сочувствующих и солдат от “мирных жителей”. Из-за этой неопределенности американцы решили принять крайне жестокие меры по отношению ко всем крестьянам» (Schroeder 2000: 39). Судя по относительно недавним американским кампаниям по подавлению мятежей во Вьетнаме, Афганистане и Ираке, даже миротворческие операции, имеющие высокоморальную основу, могут в итоге закончиться значительным неизбирательным насилием (Kalyvas, Kocher 2005).

Применение неизбирательного насилия из-за отсутствия информации (а не из-за, скажем, идеологии) также подтверждается тем, что к нему нередко прибегают мятежники¹⁸⁰: в случае, если деревни открыто поддерживают правительство, организуя ополчение, в местах, где их присутствие ограничено (например, в урбанистических центрах), и после уничтожения их административного аппарата, как, например, произошло в Алжире в 1997 г. (Kalyvas 1999) или в Малайе (Clutterbuck 1966: 63).

6.3. СДЕРЖИВАНИЕ И НЕИЗБИРАТЕЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

В 1981 г., после того, как батальон «Атлакатль» убил сотни крестьян в сальвадорской деревне Эль-Мозоте, его солдаты вынесли зеленую ткань, на которой белыми буквами было написано: «Если мятежники вернуться в Морасан, то в него вернется “Атлакатль”» (Binford 1996: 23). Как пишет о Мозамбике Финнеган (Finnegan 1992: 58): «Даже когда в середине 1980-х гг. РЕНАМО выбрало стратегию массового террора, в большинстве случаев оно преследовала определенную цель: подозревало, что кто-то утаил информацию, в какой-то деревне не отдали еду, или бандиты хотели удостовериться, что

¹⁸⁰ Peterson 2000: 220; Horton 1998: 167; Manrique 1998: 218; Del Pino 1998: 163–164, 172; Berlow 1998: 197; Richards 1996: 181; Swedenburg 1995: 153; Shalita 1994: 142; De Waal 1991: 48; Geffray 1990: 214–215; Fellman 1989: 25; Horne 1987: 221–222; Wiesner 1988: 58, 123; West 1985: 272; Kheng 1983: 65; Rodriguez 1982: 33–34; Lewy 1978: 276; Paget 1967: 93–94; Mallin 1966: 60; R. Thompson 1966: 25–27; Pye 1956: 104; Leakey 1954: 101.

соседи хорошо усвоили урок». В отличие от общепринятой точки зрения (например, Gutt 1986: 51), как видно из этих примеров, неизбирательное насилие необязательно безвозмездно, беспричинно и вызвано лишь желанием отомстить. Как раз напротив, часто его используют, чтобы удержать людей от сотрудничества с противником, наказав коллективно возможных изменников и их родственников.

Неизбирательное насилие нацелено, главным образом, на не прямое формирование поведения гражданских лиц с помощью их связей. «Сожгите несколько ферм и крупных деревень в Морбиане, чтобы показать пример, — писал Бонапарт командиру западной армии, генералу Жююму Брюну, который готовился подавить восстание монархистов. — Война должна стать ужасной, и только тогда сами жители восстанут против бандитов и наконец-то поймут, что им очень дорого обойдется равнодушие» (Dupuy 1997: 158–159). Благодаря использованию американцами неизбирательного насилия, направленного против индейских племен, «появилась надежда, что из-за достаточно сурового группового наказания, хотя невинные пострадают наравне с виновными, может возникнуть настоящая групповая ответственность, и границам больше ничего не будет угрожать» (Paludan 1981: 43). О том же говорилось в Миссури во время Гражданской войны: «В Миссури будут волнения до тех пор, пока сепаратисты не будут подавлены и не поймут, что у них не только недостаточно власти, но и что любая попытка поднять восстание закончится для них большой бедой. Причем эту уверенность должны разделять не только солдаты и воины, но и не участвующие в боевых действиях мужчины и женщины» (Fellman 1989: 201). В марте 1944 г. в оккупированной Греции немцы публично заявили, что если в случае диверсии преступник не будет арестован в течение двух суток или крестьяне не докажут, что пытались активно помешать случившемуся, то они повесят трех жителей ближайшей деревни. За счет такого насилия формируется базовая мотивация для сотрудничества, а именно желание предотвратить возможный вред. В заключение немцы сказали: «Таким образом, чтобы не пострадать, каждый грек, узнав о заговоре, должен немедленно сообщить о нем ближайшим военным властям» (Zervis 1998: 179).

То есть логика неизбирательного насилия следующая: если не получается найти и арестовать «виновных», то необходимо направить насилие на невинных людей, которые с ними связа-

ны. Подразумевается, что «невинные» либо заставят «виновных» изменить свое поведение, либо «виновные» сами выберут другой путь, когда поймут, что могут пострадать «невинные», близкие им люди. Или и то, и другое вместе. Кроме распределения ответственности, при неизбирательном насилии также однозначно присутствует сравнительный подсчет санкций: целевое население будет сотрудничать с правительством, потому что боится его больше, чем мятежников. Как говорили немцы: «Население должно больше бояться расправы с нашей стороны, чем со стороны партизан» (Heilbrunn 1967: 150).

6.4. КОНТРПРОДУКТИВНОСТЬ НЕИЗБИРАТЕЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Хотя неизбирательное насилие на практике выглядит ужасно, в нем тоже есть своя логика. Однако широко популярно среди исследователей мнение, которое разделяют преступники, люди, ставшие жертвами данного вида наказания, и сторонние наблюдатели, что неизбирательное насилие в лучшем случае неэффективно, а в худшем — контрпродуктивно. Рассказывая о Вандейском мятеже в 1797 г., Гракх Бабеф (Babeuf 1987: 119) отмечал, что республиканцы применяли силу против вандейских повстанцев «без разбору и в результате добились прямо противоположного эффекта». В начале XX века лидер повстанцев в Османской Македонии уверял, что при применении силы необходимо разумное равновесие, так как «от неизбирательного насилия больше вреда, чем пользы, и появляются враги». Еще один отметил, что «найти того, кого нужно наказать, — целое искусство» (Livanius 1999: 206). «Больше всего обречены на провал коллективные наказания», — говорится в классическом тексте об иррегулярной войне (Heilbrunn 1967: 152). Хенриксен (Henriksen 1983: 129) утверждает, что «в революционной войне наказания идут на пользу партизанам». Он отмечает, что в колониальном Мозамбике «снова и снова перешедшие на сторону ФРЕЛИМО утверждают, что поступили так главным образом из-за действий португальцев. Непортугальские наблюдатели говорят о том же». Джеймс Коулман (Coleman 1990: 501), давая четыре основных рекомендации по правилам поведения для правительственных сил и мятежников, в том

числе пишет следующее: «Не занимайтесь неизбирательным террором».

Мятежники прекрасно знают об этих свойствах неизбирательного насилия. «Партия правильно рассудила, что из-за правительственной доктрины... на сторону оппозиции перейдут дополнительные группы населения, — говорилось в одном документе Вьетконга, — которым придется слушаться партию, чтобы получить защиту» (Race 1973: 172). Че Гевара даже говорил о том, что крестьяне переходят на сторону мятежников главным образом именно из-за неизбирательного поведения правительства (Wickham-Crowley 1992: 139). Это подтверждается следующими заявлениями: «Для того чтобы обычно нерасположенный к риску крестьянин превратился в революционного солдата, помимо организационного катализатора, требуется высокий уровень неизбирательного репрессивного насилия» (Mason, Crane 1989: 176). Труман Андерсон (Anderson 1995 1: 43) приходит к выводу, что «главным “вкладом” неизбирательного насилия в судебное преследование современных войн стало усугубление мятежей, а также оно оставило после себя долгие, тяжелые воспоминания, которые не стираются со временем. Как писала Арендт (Arendt 1970: 56): «Насилие разрушает власть. Практически невозможно с его помощью ее заполучить», видимо, подразумеваемая неизбирательный тип.

Скорее всего, больше всего о контрпродуктивности неизбирательного насилия свидетельствует часто отмечаемая склонность мятежников радоваться правительственным расправам или даже их провоцировать, нападая из засады на отдельных вражеских солдат. Ведь таким образом повстанческие ряды пополняются новобранцами¹⁸¹.

Лучше всего бессмысленность неизбирательного насилия можно проиллюстрировать с помощью репрессивной политики нацистов на территории оккупированной Европы, направленной на сдерживание сопротивления среди населения. Она закончилась полным и абсолютным провалом. Сдержать сопротивление не удалось, а как раз наоборот, люди более

¹⁸¹ Aussaresses 2001: 62; Hayden 1999: 39, 57; Bennett 1999: 143; Keen 1998: 21; Senaratne 1997: 95; Schofield 1996: 246; C. Schmitt 1992: 280. Кроме того, зверства вызывают сочувствие других стран, что представляет собой дополнительное преимущество для мятежников.

охотно стали к нему присоединяться. «Какова бы ни была цель немецких репрессий, — отмечает Кондит (Condit 1961: 268), — с их помощью практически не удалось умиротворить Грецию, победить коммунизм или взять под контроль население. Германия добилась прямо противоположного результата. После того, как сгорели деревни, у многих мужчин оставался лишь один вариант, куда они могли пойти, — к партизанам. А из-за убийства женщин, детей и стариков немцев стали ненавидеть еще больше, и все больше крепло желание отомстить»¹⁸². Немцы в соседней Югославии «честно признавали, что репрессивная политика не сдерживает сопротивление, а толкает мирных и политически безразличных сербов в руки к партизанам» (Browning 1990: 68). Похожий эффект наблюдался во всей оккупированной Европе (Mazower 1998: 179)¹⁸³. А японцы добились того же в оккупированной Азии¹⁸⁴.

Из-за контрпродуктивности уровень насилия нацистов и японцев взлетел до небес. Давайте рассмотрим следующие примеры, иллюстрирующие ситуацию в Судане (Дарфуре), Гватемале, Вьетнаме и Венесуэле:

Во время недельного путешествия на грузовике, который был загружен доверху примерно 15 бойцами одной из двух дарфурских повстанческих группировок — Суданской армии освобождения, внимание, как и полная луна над Сахарой, привлекало следующее: ответственность за рост мятежа несло арабское правительство в Хартуме... Среди повстанцев-пехотинцев тактика «Джанджавида» [проправительственного ополчения] и правительственных сил вызвала огромную волну злости и недоверия, а также потребность в возмездии. Если всего несколько дней пообщаться с мятежниками, то можно понять, как организо-

¹⁸² Как пишут историки, эффект запугивания от репрессий в Греции был лишь локальным и совсем небольшим (Hondros 1993: 155–156; McNeill 1947: 57–58).

¹⁸³ СССР (Shepherd 2002; Cooper 1979; Armstrong 1964: 30; Dallin et al. 1964: 328), Польша (Lotnik 1999: 87), Босния (Gumz 2001: 1037), Италия (Minardi 2002: 8; Klinkhammer 1997: 83; Collotti 1996: 27; Pavone 1994: 478) и Франция (Kedward 1993: 190).

¹⁸⁴ Китай (Lary 2001: 109–110; Li 1975: 209–210, 231), Филиппины (McCoy 1980: 215; Kerkvliet 1977: 68), Малайя (Kheng 1983), Бирма (Tucker 2001), Вьетнам (Herrington 1997: 21).

вать мятеж: достаточно убить родственника мужчины и украсть чей-то скот, и все, готово. «Они убили моего отца, и поэтому я вступил в АОС», — объяснил тринадцатилетний Халид Салех Банат (Sengupta 2004: A1, A8).

Сразу после того, как армия Гватемалы убила около 50 человек, в том числе женщин и детей, в деревне Ла-Эстансия, оттуда к партизанам убежало 40 молодых мужчин и женщин (Carmack 1988b: 54–55).

«Каждый раз, когда приходит армия, у Вьетконга появляются новые друзья», — сказал вьетнамский крестьянин о рейдах южновьетнамской армии на свою деревню (Trullinger 1994: 85).

По словам венесуэльского повстанца, каждая женщина, изнасилованная правительственными солдатами, приносила им новобранца (Wickham-Crowley 1990: 234)¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Для общей информации см.: Rich, Stubbs 1997: 7; Andreopoulos 1994: 196; O'Neill 1990: 80; Molnar 1965: 117. То же самое говорилось о Вандейском мятеже (Laqueur 1998: 24), Американской революции в Нью-Джерси (Shy 1976: 205–206), Южной Каролине (Weir 1985: 74), Северной Каролине (Escott and Crow 1986: 393; Crow 1985: 145, 173); оккупированной французами Испании (Tone 1994: 103); Американской гражданской войне в Миссури, «где Конфедерация стала популярной после того, как в Миссури вторглись и оккупировали его военные силы, часто отличавшиеся жестокостью» (Fellman 1989: 11), Северной Каролине в тот же период, где «террор не парализовал мятежников, а дал им силу» (Paludan 1981: 101); гражданской войне в Ирландии 1922–1923 гг. (Laqueur 1998: 180); американских карательных мерах на Филиппинах в 1899–1902 гг. (Linn 1989: 85); Доминиканской Республике в 1917–1922 гг. (Calder 1984: xiv, 123); Никарагуа в 1920-х гг., где «крайняя форма насилия оккупантов вызвала быстрый рост СФНО» (Schroeder 2000: 38); гражданской войне в России (Werth 1998: 115; Figes 1996: 565, 583; Brovkin 1994: 201); в Японии (Thaxton 1997: 308–309; Hua and Thireau 1996: 302; Griffin 1976: 146); советских репрессиях в Прибалтике после 1944 г. (Petersen 2001); антияпонских и антиколониальных мятежах в Малайе (Stubbs 1989: 256; Kheng 1983: 24, 65; Kheng 1980: 97; R. Thompson 1966: 25; Clutterbuck 1966: 161; Barton 1953: 136); Кении (D. Anderson 2005: 69; 192–193; Paget 1967: 29; Barnett and Njama 1966: 197), Мозамбике (Lubkemann 2005: 496; Henriksen 1983: 128), Анголе (Cann 1997: 28); Войне за независимость в Алжире (Butaud, Rialland 1998: 103); вооружённом конфликте в Колумбии 1940-х гг. (Roldan 2002: 209; Ortiz Sarmiento 1990: 174; Henderson 1985: 143, 180); Вьетнамской войне

Но до сих пор никто не уточнял, как и почему неизбирательное насилие не приносит результата. Я выделил и изучил пять возможных механизмов: эмоциональная реакция, которую оно вызывает, расплывчатая структура мотивации, обратная избирательность, селективная мотивация для противника и переоценка теми, кто к нему прибегает, крепости связи между политическими силами и мирными жителями¹⁸⁶.

6.4.1. Эмоциональная реакция и нормы справедливости

Макиавелли утверждал, что наказание «надо применять умеренно, чтобы не вызвать ненависти, поскольку она ни одному правителю не пойдет на пользу». Поскольку от неизбирательного насилия страдают все люди, независимо от того, что они сделали или могли бы сделать, оно считается

(Wiesner 1988: 32; Race 1973: 197; Klonis 1972: 182; Taber 1965: 95); Лаосе в 1960-х гг. (M. Brown 2001: 26); Филиппинах в 1950-х гг. (Kerkvliet 1977: 143; Crozier 1960: 217) и более позднем периоде (McKenna 1998: 156, 191–192; Jones 1989: 125); Бирме в 1960-х и 1970-х гг. (Tucker 2001: 43, 90); Кипре (Paget 1967: 29); Кубе (Jones, Molnar 1966: 71); Бангладеше в 1971 г. (Salik 1978: 104); Сальвадоре (J. L. Anderson 2004; Wood 2003; Goodwin 2001; Stanley 1996; Siegel, Hackel 1988: 115; Mason, Crane 1989); Кубе и Перу в 1965 г.; Венесуэле, Колумбии, Гватемале в 1960-х гг., Никарагуа в 1970-х гг. (Wickham-Crowley 1991: 43) и 1980-х гг. (T. Brown 2001: 26; Horton 1998: 13, 179); Афганистане в 1980-х гг. (Cordesman, Wagner 1990: 185; Barry O'Neill 1990: 83); Гватемале в 1980-х гг. (Stoll 1993: 15, 119); Перу в 1980-х гг. (Manrique 1998: 197; Starn 1998: 230; Vargas Llosa 1994: 221; Shave 1994: 115); Колумбии в 2000-х гг. (Semana 2003); Судане в 1980-х гг. (Keen 1998: 22); Либерии (Duyvesteyn 2000: 100–101); Алжире в 1990-х гг. (Martinez 1994: 104); Сьерра-Леоне в 1990-х гг. (Richards 1996: 3–5); Шри-Ланке (Senaratne 1997: 67; Daniel 1996: 170; Barry O'Neill 1990: 81); Северной Ирландии (Collins 1999: 5, 153); Кашмире (Mahmood 2000: 78; Mishra 2000); Пенджабе в 1980-х гг. (Pettigrew 2000: 206); вторжении ООН в Сомали в 1990-х гг. (Peterson 2000: 111); Косово (Hayden 1999: 37); Чечне (Gordon 1999a); и оккупации США Афганистана (Achakzai 2003) и Ирака (Mahdi, Carroll 2005; Maass 2005: 41; Georgy 2003).

¹⁸⁶ Из-за неизбирательного насилия также погибают люди, которые могли бы стать ценными источниками информации. Как грубо сформулировал эту проблему Китсон (Kitson 1960: 95): «Хотя большинство предпочло бы увидеть мау-мау мертвыми, нам они были нужны живыми. От трупа информацию не получишь».

крайне несправедливым. Как сказал один военный Вьетконга (Elliott 2003: 91), из-за несправедливого и неумеренного наказания создается «плохое впечатление». Более того, оно может вызвать сильную эмоциональную реакцию (от «недоброжелательности» до «морального гнева», «отчуждения» и «внутренней злости»), и люди в большей степени захотят совершать рискованные поступки.

О том, что неизбирательное насилие вызывает негодование и злость, писали очень много (Tishkov 2004: 142; Wiesner 1988: 366). Один крестьянин в Гватемале рассказал Уоррену (Warren 1998: 109), как страх может перерасти в гнев: «Было так тяжело, так тяжело. Очень страшно, и хотелось как-то себя защитить. Появилось ощущение, что это не страх, а гнев. Почему нас преследуют? Ведь мы ни в чем не виноваты, мы честно работаем. Нам всем было очень плохо. Горестно, но при этом мы злились». А злоба, в свою очередь, вызывает желание действовать. Как отмечал один из ранних теоретиков иррегулярной войны Ж. Ф. А. Ле Мье де Корве в 1823 г., мирные жители обычно не начинают боевые действия против регулярных войск. Трудно, например, представить, как парижские торговцы собираются и организуют воюющую силу. Но все может измениться, если разрушить дом мирного жителя и убить его жену и детей (Laqueur 1998: 113). Ведущим механизмом часто становится желание отомстить. «Когда пришел НПФЛ¹⁸⁷, — рассказал лидер либерийских повстанцев Чарльз Тейлор Биллу Беркли (Berkeley 2001: 49), — нам даже не надо было ничего делать. Люди сами к нам шли и просили: “Дайте мне ружье. Как мне убить того, кто убил мою мать?”». Мужчина, которого в 1781 г. в Северной Каролине поймала банда лоялистов, отметил, что она «состояла из людей, которые жаловались на страшную жестокость по отношению к ним или их имуществу. Кого-то незаконно призывали в армию, кого-то избили кнутом, с кем-то просто плохо обошлись без суда и следствия. У кого-то сожгли дом, а все имущество разграбили, а в окрестностях царило варварство и совершались жестокие убийства» (Crow 1985: 145).

Злость и желание отомстить могут перерасти в вооруженное сопротивление, только если рядом есть организация, которая

¹⁸⁷ Национально-патриотический фронт Либерии, воевавший против правительственных войск. — *Прим. ред.*

может сделать такое действие возможным (Wickham-Crowley 1990: 235; R. Thompson 1966: 35; Gardner 1962: 44). Если ее нет или она слаба, в итоге будут предприняты пассивные и непродуманные действия, которые ни к чему не приведут. Как бы мирные жители ни гневались, у них не останется другого выбора, кроме как сотрудничать с применяющей неизбирательное насилие военной силой. Например, вооруженные левые группировки в Аргентине осознанно планировали террористические действия, чтобы вызвать хаос и спровоцировать неизбирательное насилие со стороны армии. Таким образом создавалось массовое недовольство и запускался революционный процесс. Они не ошиблись относительно способности армии к террору, но в процессе их ликвидировали, и у населения не осталось достойного выбора. Точно так же, как и многие другие мятежники, просчитались повстанцы в Гватемале.

6.4.2. Расплывчатая структура мотивации

Когда правительство применяет неизбирательную форму насилия, не получается сформировать четкую структуру системы поощрения за отказ сотрудничать с мятежниками. Даже наоборот, может появиться мотивация с ними сотрудничать. То есть вместо удержания от предательства, получается его стимулирование. Подчинение практически так же опасно, как неподчинение, потому что «невиновные» почти никак не могут избежать наказания, а «виновные» оказываются в точно такой же (а иногда даже меньшей) опасности. «Из-за необузданного характера возмездия — выбора жертвы наугад, — рассказывает Кондит (Condit 1961: 268), — настроенные прогермански греки и их родственники страдали не меньше, чем настроенные против немцев. В таких условиях не было особого смысла идти на сотрудничество [с немцами]... По мере роста количества бездомных и убитых греки становились все более запуганными и все сильнее ненавидели немцев». В Кении стало опасно признаваться, что не клялся в верности мау-мау, потому что «в ответ на отрицание можно было часто получить пулю или дубинкой по голове [от англичан]» (Barnett, Njama 1966: 130).

Более того, у неизбирательного насилия отсутствуют практически все черты, которые обычно считаются необходимыми для эффективных санкций: оно обычно применяется слишком

поздно (Contini 1997), часто произвольно, непоследовательно, беспорядочно и абсолютно непропорционально¹⁸⁸. Неразборчивое и непредсказуемое насилие, скорее всего, вызовет отрицательную реакцию (Leites, Wolf 1970: 109). Непоследовательность потрясает, сбивает с толку и нередко свидетельствует о слабости (Lichbach 1987: 287). Можно подумать, что сторона заинтересована лишь в уничтожении, и шансы на выживание возрастают, если вступить в сопротивление.

Во многом эти проблемы возникают из-за того, что обычно после применения неизбирательного насилия не получается полностью заполучить контроль. Более того, по логике потенциальные жертвы неизбирательного насилия могут предотвратить его повторное применение, если расскажут о враждебных планах мятежников, которые должны оставаться в секрете. Помимо того, что часто приходится делать предположения относительно владения некой информацией, о чем мы уже говорили в предыдущей главе, результата можно добиться, только если мирное население получит надежную защиту со стороны

¹⁸⁸ Кедуорд (Kedward 1993: 181) отмечает, что на территории оккупированной Франции «немцы непоследовательно реагировали на действия вооруженного Сопротивления, за счет чего можно сделать вывод о значимом соотношении между различными действиями партизан и случаями репрессий». На территории оккупированной Сербии немцы вели особо жесткую репрессивную политику для подавления сопротивления: они решили, что за каждого немца будет убито 100 сербов. Однако многие командиры выполняли эту норму, забирая из заключения главным образом евреев-мужчин, поскольку они были «самым удобным материалом для жертвы» (Browning 1992: 134). Браунинг добавляет, что в одном случае репрессии закончились просто-таки гротескной абсурдностью: солдаты 718-й дивизии, состоявшей в основном из австрийцев, расстреляли австрийских евреев-беженцев в Шабаце за то, что сербские партизаны напали на немцев. Из всех немецких чиновников только один, Тернер, почувствовал что-то не то. Но он успокоил себя тем, что «евреи в лагерях, в конце концов, тоже сербские граждане, и они должны исчезнуть» (Browning 1992: 135). Тодоров (Todorov 1996) рассказывает о похожем случае в оккупированной Франции, где решение о репрессиях было принято французскими коллаборационистами. Ломаский (Lomasky 1991: 86) довольно загадочно описывает недавний аналогичный абсурд: террористическую атаку в аэропорту: «В.: Почему японцы расстреляли из чешских автоматов пуэрто-риканских пассажиров, которые в израильском аэропорту садились на самолет «Эр Франс»? О.: «Чтобы нанести удар по американскому империализму».

правительственных сил. Иначе им начнут мстить мятежники. Чтобы защитить, правительство должно держать территорию под контролем. Однако часто войска захватывают некую зону, убивают мирное население, а затем уходят. Мятежники остаются целы и невредимы и в скором времени возвращаются (Binford 1996: 25; Geffray 1990: 94; Wiesner 1988: 128; Dallin et al. 1964: 328). Они либо извлекают выгоду из недовольства мирных жителей, либо добиваются сотрудничества, угрожая расправой (Sheehan 1989: 115). В 1971 г. в Бангладеше «пропакистанский доброволец из Галимпуре пришел в полицейский участок в Навабгандже и предложил показать армейской колонне, где прячутся мятежники. Когда он вернулся, то обнаружил, что трое его сыновей убиты, а дочь похищена» (Salik 1978: 105). В 1941 г. один немецкий офицер, служивший на территории Украины, заметил: «Если войска просто в качестве наказания расстреливают несколько ни в чем не повинных граждан, а затем уходят, то жителям становится неинтересно искать бандитов и растет опасность того, что они к ним присоединятся» (T. Anderson 1999: 610). Немецкий полевой командир в Греции в отчете, отправленном в штаб в апреле — мае 1944 г., написал, что политика репрессалий не дает заметного результата, поскольку она не позволяет установить постоянный контроль в задействованных зонах (Zervis 1998: 221). Именно поэтому специалисты по подавлению мятежа (Thompson 1966: 114–117) настоятельно рекомендуют операции типа «очистить и удержать», а не «обыскать и очистить», и предупреждают, что, если нет перспективы удержать очищенную зону, не следует предпринимать попыток привлечь жителей на сторону правительства, потому что «это все равно, что попросить их совершить самоубийство».

6.4.3. Обратная избирательность

Правительственное неизбирательное насилие часто вызывает обратную избирательность, направленную против «немятежников» и «антимятежников», которые, считая, что их «невиновность» их спасет, не могут эффективно себя защитить. Давайте рассмотрим следующие примеры, взятые из истории оккупированной Италии в 1944 г.: мужчина из Невьяно-дельи-Ардуини, провинции Пармы, ждал немцев на пороге своего дома. «Он был фашистом, поэтому попри-

ветствовал их, когда увидел. Они приказали показать документы. Он вышел из дома, держа их в одной руке. Едва он переступил порог, как получил пулю в голову. Вот так вот, на глазах у своих детей. Затем немцы потребовали у его жены, чтобы она отварила яйца, и съели их прямо там, рядом с лежащим на земле трупом» (Minardi 2002: 6). Очень часто во время антипартизанских кампаний в СССР жертвами немцев становились пронемецкие старосты (Armstrong 1964: 40). Во время таких же операций в Кении британцы часто ловили умеренных националистов, поскольку намного более осторожные и пугливые радикально настроенные мятежники успевали убежать в леса (D. Anderson 2005: 63). Подробно исследовав бойню в Эль-Мозоте в Сальвадоре, Бинфорд (Binford 1996: 115) приходит к выводу, что люди, убитые армией, «были в меньшей степени *decidido* (то есть убежденными, но в данном контексте «политически преданными»)». Перед бойней из Эль-Маозоте сбежало 70% жителей, несколько десятков записалось в ряды повстанческой «Революционной армии народа» или поддержало правительство. Тех, кто не сделал ни того, ни другого, убили». В своих мемуарах один грек (Parakonstantinou 1999: 313) вспоминает, как однажды он узнал, что немцы собираются арестовать несколько человек в его родном городе в северной Греции. Он увидел их имена в списке и поспешил предупредить, что их жизни угрожает опасность и лучше им сбежать. Один из них, разочаровавшийся бывший коммунист, отказался: «Я порвал с партией и больше не участвую в ее делах. Почему я должен бежать?» Его арестовали и убили, а настоящие коммунисты сбежали. Примерно о том же рассказывает греческий крестьянин (Svolos 1990: 22): «Однажды вечером немцы напали на нашу деревню и схватили всех мужчин, которых были дома. На самом деле это были те люди, которые не имели ничего общего с партизанами, и, соответственно, им нечего было бояться. А те, кто был связан с партизанами, обычно ночью уходили из деревни и спали на улице». Американский командир, служивший в Доминиканской Республике, в своем докладе о концентрационных лагерях для интернированных лиц сформулировал эту проблему следующим образом (Calder 1984: 154): «С военной точки зрения от концентрационного лагеря не было никакой пользы. Ловили хороших, а плохие оставались на воле».

Результат очевиден. Как сказал Столл (Stoll 1993: 120) о Гватемале: «Армия была настолько неизбирательна, что я даже слышал о случаях, когда близкие члены семей врагов Партизанской армии бедных просили мятежников о защите, поскольку те были намного более избирательными в определении противников».

6.4.4. Селективная мотивация для противника

Из-за неизбирательного насилия у мятежников появляется возможность решить проблемы коллективного действия, превратив защиту гражданского населения в селективную мотивацию. Это хороший вариант именно из-за неизбирательности противника. Чем она сильнее, тем выше ценность защиты. Мирные жители, желая выжить, будут сотрудничать с той политической силой, которая сможет предоставить им надежную защиту, при условии, что ее противник применяет только неизбирательное насилие. Кабаррус утверждал, что в Сальвадоре (Sabagus 1983: 195) революционная организация была сильна своей способностью обеспечить безопасность ее членов. Когда сальвадорского мятежника спросили, почему он присоединился к движению, он ответил, что у него «не было выбора... Надо было выживать. В то время не пойти к ним означало, что тебя убьют» (J. L. Anderson 2004: 222). Бывший мусульманский повстанец в южной части Филиппин отметил, что «присоединился к ним из-за насилия со стороны христиан, потому что в то тяжелое время нигде нельзя было чувствовать себя в безопасности» (см. McKenna 1998: 183). На территории оккупированной Франции, «когда репрессии сочетаются с неизбирательными облавами и остатками коллаборационизма Виши, население в большинстве мест оказалось под сильным давлением, толкавшим их к мятежникам в поисках убежища или гостеприимной и мобилизующей организации» (Kedward 1993: 190). В таких обстоятельствах участие в мятеже не влечет за собой никаких проблем коллективного действия, а вот отказ от участия — влечет (Tope 1994: 78; Stoll 1993: 204; Davis 1988: 23). Более того, сторона, предоставляющая защиту, может решать, превратить ли ее в публичное благо, которое распространяется на всех, или использовать в качестве наказания по отношению к отдельным

людям и сообществам¹⁸⁹. Во втором варианте неизбирательное насилие становится крайне контрпродуктивным: если мятежники решат не защищать недружелюбно настроенную деревню, то она окажется лицом к лицу с правительством. Таким образом получается, что твой враг сам расправляется с твоими недругами¹⁹⁰.

6.4.5. Переоценка крепости связи между политическими силами и мирными жителями

Неизбирательное насилие применяется не только для того, чтобы получить информацию о вражеской деятельности противника, но и чтобы мирные жители заставили вооруженные стороны уменьшить уровень своей активности, так как предполагается, что они могут это сделать. То есть считается, что у мирных жителей есть доступ к воюющим сторонам и они могут на них повлиять, а тем, в свою очередь, не безразлична судьба простого народа. В этом есть своя логика, поскольку противники зависят от поддержки мирного населения и вряд ли захотят портить с ним отношения.

И действительно, известны случаи, когда повстанцы приостанавливали или совсем прекращали свою деятельность из-за массового неизбирательного насилия, применяемого по отношению к мирным жителям. Норвежское сопротивление в 1943 г. отказалось от агрессивной тактики, поскольку немцы прибегли к неизбирательному насилию. Позже это решение получило следующее объяснение: «Мы убеждены, что активное нападение на врага повлечет за собой беды для людей и всей страны, несопоставимые с военной выгодой, и что из-за

¹⁸⁹ В оккупированном Японией Китае коммунисты обучали крестьян справляться с японскими облавами по методу *paofan*: «Пришел враг — ищи убежище». С помощью коллективной дисциплины, отменив свободное перемещение, они превратили крестьян в дисциплинированную группу. Те же, в свою очередь, получили безопасность, которой не могли добиться самостоятельно (Wou 1994: 231). Похожую тактику использовали во многих местах, в том числе люди прятались в подземных туннелях (во Вьетнаме), бункерах (в Литве) или окопах и пещерах (в Латинской Америке) (Wickham-Crowley 1991: 43; Lansdale 1964: 85).

¹⁹⁰ Интересный поворот: в качестве наказания за неуплату налогов вьетконговцы отправляли людей на «переобучение» в села, в которых были правительственные силы (Elliott 2003: 873).

него потерпит крах длительная гражданская и военная подготовка, которая в будущем должна сыграть крайне важную роль в жизни нации» (Riste, Nokleby 1973: 68–69)¹⁹¹. Также существуют доказательства того, что мятежники периодически частично прекращают свою деятельность из-за негативных последствий неизбирательного насилия, особенно если они слабы (Fenoglio 1973: 166–167). По сообщениям британских агентов, на территории оккупированной Греции из-за репрессий падала популярность повстанцев, и они были правы: во внутреннем коммунистическом документе говорилось, что «население нас поддерживало, но после разрушения деревни [немцами] оно обернулось против нас»¹⁹². Когда на греческих партизан стали давить и требовать, чтобы они также начали борьбу и в городах, развязав таким образом повсеместную войну, они отказались, пояснив, что из-за возможных репрессий население будет настроено против них (Mathiopoulos 1980: ix). Более того, когда я проводил исследование в Греции, мне удалось обнаружить несколько случаев, когда мирные жители смогли убедить повстанцев прекратить свою деятельность и уберечь их деревни от репрессалий (Frangoulis 1988: 52)¹⁹³.

Однако мятежники могут и не принять во внимание требования мирного населения, особенно если оно проживает в деревнях, с которыми их мало что связывает. В апреле 1944 г. жителям греческой деревни Маландрени в районе Арголиды сказали, что к ним в определенный день придет немецкий офицер. Узнав об этом, партизаны-коммунисты решили устроить засаду. Жители испугались наказания и потребовали у представителей местной коммунистической партии, чтобы они заставили партизан отказаться от их планов. По словам деревенского партийного секретаря, начальник отреагировал следующим образом: «Вы кем себя считаете, товарищ? Представителем немцев?» — «Нет, — ответил се-

¹⁹¹ По той же причине прекратили свою деятельность четники в Югославии.

¹⁹² "Report by Lt. Col. R. P. McMullen on Present Conditions in the Peloponnese," PRO, HS 5/699; "Report about Markopoulo, 13 October 1944," ASKI, ККЕ 418 24/2/106.

¹⁹³ Петерсон (Petersen 2001: 196–197) вспоминает о похожих случаях в литовской деревне в Жемайтии во время войны с советским режимом сразу после окончания Второй мировой войны.

кретарь. — Я просто хотел сравнить преимущества засады с ее последствиями». — «Немцы сожгли много деревень, — ответил начальник, — но их жители присоединились к партизанам» (Nassis б.д.: 11). Точно так же, когда предводителя партизан попросили отпустить заложников, чтобы спасти город Сент-Аман на северо-западе Франции от немецких репрессалий, он ответил: «Мне плевать на Сент-Аман. Пусть жители, как и мы, присоединяются к мятежникам» (Todorov 1996: 72). Таким образом, неудивительно, что мирные жители часто обвиняют мятежников в расправах, которые устраивает правительство. Когда партизаны убежали из города, один из жителей Сент-Амана сказал: «Седьмого июня партизаны заказали выпить, а восьмого июня бросили нас и заставили платить по счетам» (Todorov 1996: 42–43). О том же шестьюдесятью годами позже говорил шейх Лабадо в Дарфуре (Судан): «Мы злы на СОА [Суданскую освободительную армию], поскольку из-за нее мы оказались в этой ситуации. У нас забрали наше имущество и дома, но они убежали и не стали нас защищать» (см. Polgreen 2005: А3)¹⁹⁴. Мятежники обычно с самого начала знают, какому риску подвергают мирное население, и не готовы прекращать из-за них борьбу. Однако из-за отсутствия информации правительственные силы (по крайней мере, в начале) переоценивают крепость связи между мирными жителями и мятежниками, как видно из этих примеров, в которых описываются гражданские войны в Миссури, Малайе и Эфиопии:

Правительство Канзаса считало всех жителей Миссури врагами. Оно полагало, что его главная задача подавить их, лишить способности сопротивляться Союзу, и делало это настолько регулярно, насколько возможно... Для них все жители Миссури были по своей природе врагами (Fellman 1989: 35–6).

¹⁹⁴ О случаях, когда мирные жители обвиняли партизан в репрессиях со стороны правительства, можно прочитать про оккупированные немцами Италию (Contini 1997; Pavone 1994: 482–483) и Грецию (Liapis 1994: 202–205), Вьетнам (Elliott 2003: 1135; Wiesner 1988: 64), Никарагуа (Horton 1998: 168), Гватемалу (Debray 1975: 331), Перу (M. F. Brown and Fernandez 1991: 168), Россию в период Гражданской войны (Figes 1996: 1098) и оккупированный немцами СССР (T. Anderson 1999: 609).

Всех китайцев считали бандитами или потенциальными бандитами, и к ним был только один вариант отношения — «грубое обращение». Если не помогал удар в челюсть, то били под дых и так добивались желаемого результата (Stubbs 1989: 73).

Мы точно знаем, что пострадают мирные жители. Но, поскольку люди симпатизируют мятежникам, нам отдан приказ бомбить любые движущиеся объекты (De Waal 1991: 123).

Проведя исследование методом включенного наблюдения католического гетто в Белфасте, Слука (Sluka 1989: 288–289, 300) описал, как благодаря неизбирательному насилию со стороны правительства сформировались новые «промятежнические» идентичности среди мирных жителей:

Из-за уверенности в том, что «все» люди в районе Дивиса — члены ИРА или ИНОА либо активно их поддерживают, силы безопасности относились к ним, как к сторонникам мятежников, а лоялистские боевики считали их оправданными целями политических убийств. Поэтому многие из тех, кто раньше не поддерживал ИРА и ИНОА, перешли на их сторону и даже пополнили их ряды. Быстрее всего политически умеренные или безразличные жители Дивиса присоединялись к мятежникам, когда их несправедливо обижали, унижали и подвергали грубому обращению британские солдаты и полицейские... Для того чтобы люди стали оказывать поддержку мятежникам, достаточно было начать репрессии против католиков.

6.5. ПОЧЕМУ СТОРОНЫ ПРИБЕГАЮТ К НЕИЗБИРАТЕЛЬНОМУ НАСИЛИЮ?

Несмотря на отсутствие систематических эмпирических доказательств, достоверным кажется то, что с помощью неизбирательного насилия часто не удается достигнуть поставленной цели: осуществить запугивание. Столкнувшись с высоким уровнем неизбирательного насилия, многие предпочитают перейти на сторону противника, а не умереть, не попытавшись себя защитить. Как во время Вандейского мятежа, когда, отчаявшись, крестьяне из-за неизбирательного насилия республиканцев предпочли присоединиться

к контрреволюционерам, люди хотят «продать свою жизнь по самой высокой цене, постаравшись защититься со всей возможной горячностью» (Babeuf 1987: 120). Как тогда можно объяснить частоту, с которой используется неизбирательное насилие?

В основном неизбирательное насилие «объясняется» на индивидуальном уровне. Из-за слабой дисциплины и сильных чувств возникает раздражение и стресс, которые впоследствии приводят к неизбирательному насилию. Как писал Гроссман (Grossman 1995: 179): «Насилие может также возникать из-за недавней потери друзей и любимых командиров в бою... Во многих обстоятельствах солдат охватывает ярость (одна из известных стадий реакции на смерть), и они могут начать убивать, потому что потеряли своих товарищей... История знает огромное количество случаев, когда человека охватывала ярость и он убивал из мести. Это обстоятельство также необходимо добавить в общую совокупность факторов, из-за которых происходят убийства на поле боя».

Аналогично оправдал применение армией неизбирательного насилия гватемальский крестьянин (Wapen 1998: 100): «Они убивали, потому что их переполняла ярость, так как во время боя погибли их товарищи». Особенно это актуально для тех мест, где мятежники избегают открытого конфликта и практически невозможно отличить их от мирных жителей (Paludan 1981: 94; Li 1975: 232). Соответственно, солдаты будут прибегать к неизбирательному насилию по отношению к мирным жителям, давая выход своей злости, особенно если они считают, как сказал один американский лоялист в 1780 г., что «все люди — солдаты» (Weir 1985: 74). Еще одно чувство, связанное с неизбирательным насилием, — это страх (Fellman 1989: 128); также причиной часто становится желание получить удовольствие (Katz 1988; Leites, Wolf 1970: 92–94). Многие солдаты в Миссури считали, что война — это вид охоты (Fellman 1989: 176–184). В элитное подразделение «Скауты Селуса» в Родезии вступали «тщеславные любители наживы и отдельные убийцы-психопаты» (Flower 1987: 124). Также не следует сбрасывать со счетов расистов. Как писал о южновьетнамской армии Шихан (Sheehan 1989: 110), большинство «офицеров Сайгона не чувствовали вины за эту резню и садизм... Они относились к крестьянам, как к какому-то подвиду. Они не убивали людей и не разрушали человеческие

дома, а уничтожали вероломных зверей и их берлоги»¹⁹⁵. Как уже говорилось, в ходе гражданских войн появляется немало возможностей для вымогательства и шантажа, а из-за постоянной опасности и возможной смерти люди дичают. Сюда же стоит добавить отсутствие ресурсов. Если солдат вынуждают жить за счет крестьян, то они не будут брезговать неразборчивым насилием (De Waal 1991: 43). Однако, хотя эти индивидуальные детерминанты кажутся правдоподобными, они не объясняют мотивацию и ограничения этого вида насилия на коллективном уровне. Также неясно, являются ли эмоции и отношение (страх, ярость, расизм) причиной, коррелятом или результатом использования неизбирательного насилия.

Из-за настойчивого применения неизбирательного насилия появилось мнение, что оно представляет собой иррациональное отражение определенных идеологий (Klinkhammer 1997: 101) или становится результатом «адреналина военных зон» (Loizos 1988: 650). А устрашением просто прикрывают самый настоящий геноцид или очевидную месть беззащитному населению (Paggi 1996). Прежде чем говорить об идеологической иррациональности, стоит исследовать и отвергнуть альтернативные объяснения. Я рассмотрю три возможных причины применения неизбирательного насилия: оно может быть артефактом недостаточных данных или отражать невежество, нехватку средств или институциональные ограничения.

6.5.1. Артефакт

Из-за низкой видимости селективного насилия часто сильно переоценивают неизбирательное. Во-первых, избирательное насилие намного больше распространено, чем принято думать. Так, например, согласно исследованию Трумана Андерсона (Anderson 1999: 621) в одной украинской области немцы убили столько предполагаемых партизан, «на которых донесли их односельчане», что суммарно их количество сопоставимо с двумя

¹⁹⁵ Как писал о войне Джон Керри: «Считалось, что у азиатов нет своей личности. Их называли тупыми “узкоглазыми”, считали всего лишь крестьянами без чувств и надежд». Командиры, хваля солдат за их убийство, говорили: «Отличная охота!» Керри же замечал: «Хорошая охота! Господи, такое впечатление, что мы охотились на оленей» (Brinkley 2003: 57-58).

крупными бойнями в этом же районе. Рядом с городом Дабейба колумбийские правые боевики целенаправленно и индивидуально убили больше людей, чем погибло во время очевидных массовых убийств (S. Wilson 2002). Когда я сам исследовал Арголиду в Греции, я обнаружил, что мирные жители погибали в равной степени в ходе селективного и неизбирательного насилия (49,86% были убиты селективно, а 50,14% — неизбирательно). Однако, когда читаешь лучшие исторические описания событий, создается совсем иное впечатление (Meyer 2002), так как в них постоянно говорится о неизбирательном насилии.

Кроме того, часто насилие считают неизбирательным ошибочно. В Алжире 1997 г. вырезали отдельные семьи и общины (Kalyvas 1999). В ходе нападения мау-мау на кенийскую деревню Лари в 1953 г. погибло 74 человека, еще 50 получили ранения. Эти убийства считались неизбирательными. Однако Дэвид Андерсон (Anderson 2005: 127–128) обнаружил, что «насилие было совершенно не случайным», а нацеленным на семьи местных начальников, бывших начальников, советников и руководителей местного ополчения. Он также добавляет, что «жертв выбирали очень внимательно, отслеживались и отбирались их фермы... Соседей не трогали. Каждая группа систематически посещала две или три фермы, к которым она была приписана». То же самое можно сказать о нескольких случаях массовых убийств в сельской части Колумбии в 1950-х гг. (Henderson 1985: 150). Предводитель людей, атаковавших колумбийскую деревню Эль-Топасио в мае 1952 г., «хорошо был знаком с местом и его жителями». Он ходил из дома в дом и играл на гитаре. «В тот день музыкант был судьей и присяжным в одном лице. Из тех домов, где он останавливался, бандиты вытаскивали всех мальчиков и мужчин и расстреливали на месте. В итоге погиб 91 человек». Точно также, в 1953 г. в Колумбии в деревне Сан Пабло убили 140 мужчин и мальчиков, казалось, что неизбирательно, но потом выяснилось, что все жертвы были либералами и их принадлежность к этому движению «была тщательно проверена» (Henderson 1985: 152). Когда вьетконговцы напали на округ Биньсона в 1967 г., они сожгли группу из шести домов, но соседние не тронули (West 1985: 273)¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Уэст (West 1985: 273) также отмечал удивительное отсутствие реакции на эти действия: «Никто не спрашивал, почему Вьетконг выbral именно эти дома».

Если взять Афганистан, то там в деревне Шакар Дариа талибы сожгли дома порядка тридцати человек, но остальную часть деревни не тронули (Waldman 2002b: A9). В начале 1980-х гг. в Гватемале насилие применялось по территориальному признаку. Главной особенностью было то, что к соседним деревням относились по-разному: одну разрушали, другую не трогали. Все зависело от того, кто, по мнению армии, поддерживал мятежников» (Green 1995: 114). Если деревня располагалась в зоне высокой активности мятежников, но «считалось, что они ей не управляют», то на нее никто не нападал (Davis 1988: 25). Когда сербы напали на деревню Букос в Косово и «вынудили албанцев бежать», они не тронули похожую соседнюю деревню Ново-Село, возможно, «потому, что, по словам жителей, в ней не было представителей Армии освобождения Косово» (Gall 1999: A6). На первый взгляд, неизбирательное насилие российской армии в Чечне таким не являлось: некоторые деревни «не тронули, по словам российских чиновников, в награду за то, что они отказались помогать мятежникам и сотрудничали с российской армией» (Gordon 1999b: A1).

И наконец, то, о чем обычно умалчивается: вооруженные стороны часто не хотят прибегать к неизбирательному насилию, даже если у них есть такая возможность (McGrath 1997: 112). Немцы, например, часто воздерживались от коллективных наказаний (Lotnik 1999: 61; Pavone 1994: 481; Fleischer 1979). Как писал о Маньчжурии Рана Миттер (Mitter 2000: 180): «Казалось, что японцы в Маньчжурии применяют насилие случайно, но по доказательствам видно, что оно представляло собой часть целой системы техник принуждения и что при возможности использовалась кооптация».

В целом можно сказать, что, скорее всего, значимость неизбирательного насилия переоценивается из-за неправильного прочтения доступных данных. Этот тип встречается реже, чем принято думать. Тем не менее, необходимо объяснить, почему он применяется.

6.5.2. Невежество

Как шутил Роберт Томпсон (Thompson 1966: 84), «существует два типа командиров во время борьбы с повстанцами: те, кто еще ничему не научился, и те, кто никогда не научится!». В основном неизбирательное насилие объясняется

невежеством и отсутствием организационной компетенции. Лучше всего это можно проиллюстрировать на примере войны во Вьетнаме. Много лет командование США не могло понять ее природу (West 1985: 256). «Вскоре после приезда во Вьетнам, — вспоминал один военачальник, — стало очевидно, что у меня нет ни понимания природы войны, ни представления о том, как ее выиграть» (Thayer 1985: 3). «Давайте убьем несколько вьетконговцев, а потом подумаем про разведку», — сострил другой недавно прибывший командир (R. Thompson 1966: 84). Отсутствие линии фронта стало главным когнитивным препятствием для офицеров, обученных ведению традиционной войны. В результате большая часть данных не была обработана должным образом (Thayer 1985: 4). Таким образом, «никогда отчетливо не формулировалась теоретическая база программы применения насилия, которая соотносилась бы как с внутренними факторами, так и с внешними условиями, хотя ежедневно она уносила огромное количество жизней. Основой для применения насилия были военные доктрины, разработанные для дружественных военных подразделений, действующих на чужой вражеской территории» (Ruse 1973: 227). Существует несколько метафор, описывающих трудность ведения иррегулярной войны. Т. Э. Лоуренс шутил, что вести ее «все равно, что есть суп ножом: трудно и медленно», подполковник Бижар придумал афоризм: «Мы не убиваем мух топорами», а недавно подполковник Тодд Маккефри сказал про Ирак, что вести войну, в которой главную роль играет разведка, используя при этом традиционную армию, это все равно, что «учить слона танцевать балет» (Negus 2004: 5).

К непосредственным детерминантам этого невежества относятся ненужный чрезмерный оптимизм и отсутствие подготовки, а также ощущение, что от мятежа не исходит особой угрозы (Fall 2000: 115; Cann 1997: 63; Paget 1967: 33), полное непонимание природы иррегулярной войны (Harmon 1992: 44; Sarkesian 1989: 44–45), плохая организация и обучение (Paget 1967: 31) или в чистом виде отсутствие профессиональной компетенции и коррупция¹⁹⁷, часто отмечаемая плохая ведомственная память, свойственная армии, и отставание в обучении и обнов-

¹⁹⁷ Ellsberg 2003: 115; Downie 1998: 133; Stubbs 1989: 70; Siegel, Hackel 1988: 116–117; Leites, Wolf 1970: 92–94; Paget 1967: 78; Kitson 1960: 192.

лении военной доктрины (об этой тенденции даже есть поговорка, в которой говорится, что военные ведут не настоящую войну, а предыдущую)¹⁹⁸, преобладание авторитарных структур внутри армии (Mason, Krane 1989), ее политизация или коррупция (Blaufarb, Tanham 1989: 19) и, наконец, откровенный расизм¹⁹⁹. Однако таким образом нельзя объяснить удивительные перепады в уровне неизбирательного насилия. Например, на территории оккупированного СССР немцы применяли его с совершенно разной степенью интенсивности.

В итоге невежество можно считать причиной применения неизбирательного насилия, поскольку политические силы часто с самого начала знают о ее разрушительных последствиях. Так, во время гражданской войны в Испании каталонские республиканцы предупреждали, что из-за неизбирательного насилия по отношению к противникам в республиканской зоне создается «контрреволюционный климат в тылу» (de la Cueva 1998: 360), однако оно все равно применялось. После особо кровавой серии репрессий в Греции немецкий министр, отвечавший за юго-восточную Европу, Герман Нойбахер пожаловался военачальнику данной области: «Убивать детей — настоящее безумие... только потому, что ночью их дом силой захватили вооруженные красные бандиты, или потому, что рядом с их деревней убили двух немецких солдат. Политический эффект этого бессмысленного кровопролития несомненно сводит на нет все наши усилия в пропагандистской борьбе с коммунизмом» (Condit 1961: 268)²⁰⁰. И все же немцы продолжали устраивать массовые расправы. В американской литературе 1950–1960-х гг., посвященной подавлению мятежей, содержится огромное количество предупреждений относительно негативного эффекта неизбирательного наси-

¹⁹⁸ Downie 1998; Garvin 1991: 9; Blaufarb, Tanham 1989: 23; Trinquier 1964: 61. Получается, что уроки, полученные в Корее, не были приняты во внимание во Вьетнаме, а вьетнамские уроки — в Центральной Америке (Downie 1998: 158, 251; Katz 1975: 589).

¹⁹⁹ Heer, Naumann 2000; Li 1975: 231; Welch 1974: 237. Американский солдат в Ираке следующим образом объяснил жестокое поведение американцев: «Мне казалось, что старшекласники задирают малышку. Старшекласниками были мы, а малышкой — иракцы» (Filkins 2005: 92).

²⁰⁰ Исследователи (Klinkhammer 1997: 84; T. Anderson 1995: 342) говорят о похожих сомнениях немецких чиновников в Италии и на Украине.

лия, а также приведены десятки исследований официальных и полуофициальных подразделений, таких как отдел исследования операций, отдел исследований специальных операций, информационно-аналитический центр подавления мятежа и центр исследования социальных систем²⁰¹. Как видно из широко распространенных «научных социологических исследований», в ходе которых изучались различные аспекты войны во Вьетнаме, «при попытке навредить Вьетконгу с помощью бомбардировок и обстрелов деревень в большей степени с точки зрения верности пострадало правительство и американцы, даже в тех местах, где были оплоты и военные базы Вьетконга» (Wiesner 1988: 122–123). Эти аргументы распространялись и популяризировались в таких журналах, как «Форин афферс» (Lansdale 1964). Конечно, в конце 1960-х гг. военные прекрасно знали, что «ранение или убийство несчастных мирных жителей неизбежно идет на пользу коммунистическому делу» (Bilton, Sim 1992: 40). Однако США в течение многих лет неизбирательно обстреливали и бомбардировали бесчисленные деревни в Южном Вьетнаме. Относительно недавно российская армия, зная о последствиях неизбирательного насилия, все равно игнорировала эту информацию и применяла его в Чечне²⁰². Таким

²⁰¹ «Мятежники могут провоцировать акты насилия в сообществах, искренне настроенных на сотрудничество, для того чтобы спровоцировать несправедливое отношение к ним. Партизаны активно эксплуатируют несправедливое или неуместное наказание со стороны оккупационных войск, чтобы вызвать к себе симпатию и укрепить свои позиции» (Наставление "Operations against Guerrilla Forces", цит. по: Barton 1953: 3). Те же выводы были сделаны в ходе крупных исследований, таких как «Проект Камелот» и «Проект Эджайл» (M. F. Brown, Fernandez 1991: 111, 204). См. также: Ferguson 1975; Jones, Molnar 1966; Molnar 1965; Gardner 1962; Condit 1961; Barton 1953.

²⁰² В августе 1999 г. российский генерал заявил, что «не должно быть потерь среди мирных жителей. Чтобы уничтожить бандита, который прикрывается мирным жителем, нужно вначале отделить мирных жителей от бандитов, а затем заняться последними» (Bohlen 1999: A1). Российские аналитики утверждали, что чеченские мятежники могли специально провоцировать неизбирательное насилие со стороны российских военных (Gordon 1999a). Но тем не менее неизбирательное насилие все равно применялось, что изначально объединяло разобщенных чеченцев. Шамиль Басаев, самый известный чеченский

образом стоит переформулировать вопрос: зачем применять неизбирательное насилие, если знаешь о его контрпродуктивности? Я считаю, что тут стоит упомянуть два фактора: нехватку средств и институциональные ограничения.

6.5.3. Нехватка средств

В подавляющем числе случаев к неизбирательному насилию прибегают из-за высокой стоимости селективного насилия²⁰³. Для того, чтобы выявить, определить местоположение и «нейтрализовать» врагов и их союзников среди мирных жителей, нужна сложная и дорогостоящая инфраструктура. В основном правительство быстро понимает, что у него нет необходимых ресурсов. В директиве, направленной подразделениям в СССР, немецкое центральное командование отметило, что «командиры должны найти средства сохранить порядок в регионах, в которых они отвечают за безопасность, но не требуя при этом дополнительные силы, а применяя соответствующие суровые меры» (Cooper 1979: 143). Короче говоря, неизбирательное насилие изначально кажется удобной заменой индивидуальному наказанию. Тем не менее, низкой стоимостью можно объяснить появление неизбирательного насилия, но не упорство, с которым оно применяется.

6.5.4. Институциональные ограничения

В некоторых случаях неизбирательное насилие применяется из-за внутренних институциональных ограничений. Это можно отлично проиллюстрировать с помощью войны во Вьетнаме. Шихан (Sheehan 1989) описывает, как южно-

командир, саркастически отметил, что он «очень благодарен» России за создание нового чувства единства среди его народа (Economist, 9–15 Oct. 1999). В результате война зашла в тупик. Из-за российской тактики «укрепилось сопротивление», а чеченские солдаты «больше не могли сражаться с российскими войсками лицом к лицу, но сохранили решительность причинить как можно больше боли во имя чеченской независимости» (Myers 2002: A6).

²⁰³ Военные часто говорят об этой стоимости. Например, примерная стоимость убийства одного мятежника в Кении — £10 000, в Малайе — \$200 000, а во Вьетнаме — даже \$373 000 (Laqueur 1998: 379; Paget 1967: 101).

вьетнамские военные и верховное командование США во Вьетнаме устраивали неизбирательные военные и артиллерийские бомбардировки сел. В итоге в год погибало 25 000 мирных жителей, а 50 000 получали ранения. Американский областной советник, говоря о подвластной ему зоне, отметил, что «в прошлом месяце мы потратили боеприпасы для гаубиц стоимостью полмиллиона долларов на ненаблюдаемые цели. В то время как бюджет целой области на сбор информации и разведку составляет триста долларов» (Fall 2000: 110). Насилие основывалось на теории, что таким образом «крестьяне испугаются и не будут поддерживать Вьетконг» (Sheehan 1989: 109). Конечно же, из-за того, что были убиты и ранены огромное количество мирных жителей, а их фермы и скот уничтожены, люди отвернулись от нападающих (Taber 1965: 95). Шихан вспоминает, как американский военный советник Джон Пол Ванн осудил неизбирательную бомбежку и обстрел деревень, назвав такое применение силы жестоким и обреченным на провал. Изначально Ванн не мог поверить в то, что бомбежка и обстрел осуществляются абсолютно без всякой избирательности. Достаточно было одного-единственного снайперского выстрела, и деревня, откуда он был сделан, оказывалась под воздушной атакой или артиллерийским обстрелом. Начальник провинции или области мог начать обстрел любого места в любое время, и ему даже не нужно было ждать непроверенного сообщения о том, что где-то собрались мятежники. Ванн задавался вопросом, неужели американцы не понимают, что вьетнамские крестьяне, потеряв родственников, друзей и жилье, придут в ярость. И действительно, многим фермерам предлагали сотрудничать с альтернативной армией и правительством, а также — помочь им отомстить. Ванн пытался обратить внимание своего начальства на то, что из-за бомбежек и обстрелов погибло больше мирных жителей, чем погибло от рук вьетконговцев, и в результате у Вьетконга появилось больше сторонников. Однако обычно его никто не слушал, и бомбежка деревень продолжалась. Как сказал один американский командир ВВС: «Вьетнам можно победить, если добавить еще бомб, еще пуль, еще напалма... пока противник не сломается и не сдастся» (Sheehan 1989: 619).

Почему допускалась такая политика? Шихан считает, что главной причиной была невозможность победить «институциональные наклонности». С одной стороны, в американской

армии конкурировали разные направления, и ВВС весьма успешно продвигали бомбежку. Главнокомандующему ВВС и его войскам было выгодно считать, что с помощью бомбежек можно выиграть войну, поэтому он и придерживался этой точки зрения (Sheehan 1989: 650). Кроме того, военные кадры сменялись раз в год или раз в полгода, что затрудняло процесс обучения. Как только военный советник начинал понимать, что происходит, ему уже пора было ехать обратно (Meyerson 1970: 37)²⁰⁴. Таким образом, получается, что в американской военной системе не уделяется внимание обучению. Точно также южновьетнамские офицеры считали, что артиллерийский обстрел — это легкий способ показать свою силу, не прибегая к рискованным операциям типа «обнаружить и уничтожить». Командиры на всех уровнях, которые занимались лишь обстрелом, сохраняли свою должность и даже двигались вверх по карьерной лестнице, а тех, кто рисковал, могли уволить, если бы они потерпели неудачу или понесли бы серьезные потери²⁰⁵.

Институциональные ограничения встречались и в других случаях. Французский революционер Бертран Барер объяснил изначальную неспособность подавить мятеж в Вандее «желанием большинства начальников и управленцев развязать длительную войну» (Tilly 1964: 338). Пакистанский офицер (Salik 1978: 117) следующим образом описал, что происходило

²⁰⁴ «Когда я приехал, — вспоминал один подполковник, мой предшественник должен был уже уезжать. Он надел пальто и шляпу, кинул мне ключи и сказал: “Вот твоё жильё. Удачи. Тут каждый день всё по-новому”. На этом моё обучение было окончено» (Katz 1975: 591). Сноу (Snow 1997: 106–109) подробно рассказывает о посредственных мерах, которые применяли США для борьбы с повстанцами. Главным образом он осуждает армию, высокотехнологичную организацию для политиков и низкотехнологичный способ ведения войны с участием мирных жителей. Анализ Эллсберга (Ellsberg 2003: 185–186) подтверждает его точку зрения.

²⁰⁵ Южновьетнамское правительство поддерживало такое неэкономичное распределение военных ресурсов, так как было не готово втягивать свои вооруженные силы в полномасштабную войну. Главным образом оно было заинтересовано в сохранении элитных войск, чтобы избежать переворота, и не хотело расходовать их на ведение войны. С другой стороны, такой расчет мог оправдаться только из-за плохих последствий американского участия. Южный Вьетнам считал, что США, самая могучая держава в мире, не могли допустить, что их антикоммунистическое правительство проиграет Вьетконгу.

с его армией в Бангладеше: «Все командиры дивизий и бригад, за исключением одного генерал-майора и одного бригадного генерала, неизменно заверяли генерала Ниязи, что, несмотря на недостаток ресурсов и значительные преимущества противника, они смогут выполнить поставленные перед ними задачи. “Вы за мой участок не переживайте! Придет время, и мы вытрясем из врага дух”, — говорилось на всех совещаниях. Если кто-то пытался заявить обратное, это воспринималось как отсутствие уверенности в себе и профессиональной компетенции. Никто не хотел рисковать перспективой сделать карьеру».

И снова, институциональными ограничениями можно объяснить появление неизбирательного насилия, но не упорство, с которым оно применяется на протяжении длительного времени, несмотря на неоспоримые доказательства его контрпродуктивности.

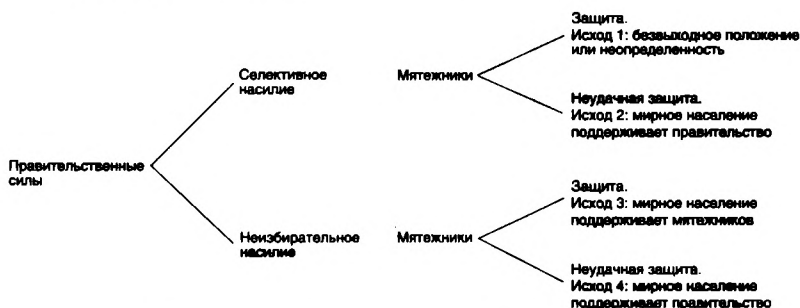

Рисунок 6.1. Поведение мирных жителей в качестве функции неизбирательного насилия и защиты.

6.6. ОБЪЯСНЕНИЕ

Как я уже отмечал, гипотеза о контрпродуктивности неизбирательного насилия не основана на систематических эмпирических исследованиях. Из-за недостоверности данных имеет смысл обратиться к теории. Давайте представим ситуации, в которой правительственные силы могут выбрать, использовать ли неизбирательное или селективное насилие, у мятежников есть возможность защитить мирных жителей от неизбирательного насилия со стороны правитель-

ства, а мирные жители сотрудничают с той политической силой, которая может обеспечить их безопасность. В такой обстановке мирные жители, скорее всего, будут сотрудничать с правительством, если у мятежников не получится их защитить. И неважно, будет ли правительство применять насилие неизбирательно или селективно. Мирные жители согласятся сотрудничать с мятежниками, если те смогут их защитить от неизбирательности правительства. И непонятно, что произойдет, если мятежники могут защитить население, а правительство применяет селективное насилие (рис. 6.1).

Судя по данному анализу, можно сделать следующий прогноз: если мятежники не способны защитить население, то правительство может позволить себе применять любой тип насилия. То есть дорогостоящая селективность не нужна, если мятежники слабы. В этом случае неизбирательное насилие действительно парализует беззащитное население. Когда из-за неизбирательного насилия американцев филиппинские мирные жители «страшно устали от войны», им «пришлось хранить верность одной стороне». Вскоре к командирам гарнизонов «стали приходить делегации мирных жителей, которые либо выдавали им местоположение мятежников, либо рассказывали о членах организации» (Linn 1989: 56–8). Как отмечает Феллман (Fellman 1989: 78), в Миссури многие перешли на сторону Союза от отчаяния, «не из-за изменения взглядов, а в поиске единственно возможной защиты». В качестве парадигматического примера можно привести Гватемалу (Stoll 1999; Le Bot 1994). После того, как гватемальская армия массово применила неизбирательное насилие против мирного населения, жители, ранее сотрудничавшие с мятежниками, от безысходности перешли на другую сторону, так как мятежники просто не могли обеспечить им защиту (Watanabe 1992: 181). Как отмечает Столл (Stoll 1993: 6): «Военным путем победить мятежников не удавалось, но они не могли защитить своих сторонников»²⁰⁶.

На примере оккупированных Греции и Югославии можно провести контрольное сравнение как с учетом пространства,

²⁰⁶ Сообщалось о похожей ситуации в Калабрии в 1806–1807 гг. (Finley 1994: 99), Перу в 1960-х (M. F. Brown, Fernandez 1991: 140) и Анголе в 1961 г. (Clayton 1999: 35–39). Сюда же можно отнести Дарфур, если не считать международную шумиху, которую он вызвал.

так и времени. В октябре 1941 г. немецкие войска сожгли две деревни на севере Греции — Ано Кердилию и Като Кердилию — и расстреляли 207 мужчин в отместку за убийство немецких солдат недавно появившейся группой партизан. Эффект был ошеломляющим. Сразу же после произошедшего грекам из соседних деревень разрешили создать ополчение и установить вокруг их деревень наблюдательные посты, чтобы помешать партизанам получать снабжение. Иногда они даже ловили мятежников и передавали их в руки немцев, показывая таким образом, «как население ненавидит мятежников» (Dordanas 1996: 91–96). Однажды одного партизана выдал немцам муж его двоюродной сестры (его поймали и повесили) (I-1; список опрошенных см. в таблице А.1 Приложения А). В результате «в северной части Греции получилось быстро добиться эффекта сдерживания, и зимой сопротивление сошло на нет» (Mazower 1993: 87–88). Деревенские жители стали так себя вести, поскольку хотели в дальнейшем избежать страшного насилия со стороны немцев. Я разговаривал с одной женщиной из соседней деревни (чей дядя возглавлял группу партизан и чьего отца расстреляли немцы). Она рассказала, что, «если бы жители Кердилии нашли моего дядю, они бы с живого сняли с него кожу. “Из-за него произошла бойня, — утверждали они. — Мы его найдем, мы сдерем с него кожу и убьем!”» (I-1). Это пример эффективного использования неизбирательного насилия с учетом слабости мятежников. Полезно провести сравнение с соседней Югославией в 1941 г. и Грецией в 1943–1944 гг.: в эти периоды добиться похожего результата с помощью репрессалий не удалось. Причина заключается в том, что в обеих этих странах существовала серьезная инфраструктура мятежников, которая в ответ на неизбирательный террор со стороны немцев разработала стратегию, сочетавшую в себе селективное насилие с защитой мирного населения.

Короче говоря, с помощью неизбирательного насилия можно быстрее добиться эффекта, если существует серьезный дисбаланс сил между двумя противниками. Если у мятежников достаточно сил, то оно в целом бесполезно, так как очевидна его контрпродуктивность. Таким образом, мы можем наблюдать рациональное правительство, которое применяет неизбирательное насилие, чтобы получить дополнительные ресурсы и подчинить институциональные ограничения, от

которых оно страдает, долгосрочным требованиям. По мере назревания конфликта мы видим переход к селективному насилию, особенно у правительственных сторон, то есть тех, кто больше склонен к неизбирательному. Таким образом, можно сформулировать следующее:

Гипотеза 1: Политические силы, как правило, постепенно от неизбирательного насилия переходят к селективному.

Отдельные случаи доказывают эту гипотезу (эмпирические исследования см. в главе 9). Особенно сильно переход к более селективным видам насилия виден на примере конфликта между немецкими оккупантами и европейским сопротивлением во время Второй мировой войны. Если есть политическая сила, у которой идеологические взгляды затмили необходимую рациональность, то это определенно нацисты. Они также вели полномасштабную войну, и в 1944 г. перспективы победы были, мягко говоря, крайне туманными. Военные силы Германии использовались на пределе возможностей, и во многих европейских странах их присутствие было весьма ограниченным. Таким образом, политика неизбирательного насилия предопределялась как идеологическими, так и стратегическими факторами. Однако если подробнее рассмотреть поведение нацистов, то, рассуждая непредвзято, можно увидеть значительный и неожиданный переход к смеси селективного и неизбирательного насилия, где первое стало играть все более важную роль. Например, в Греции после особо кровавых неизбирательных убийств в декабре 1943 г., в результате которых погибло 1300 греков, немецкому командованию приказали «хватать самого преступника, а к репрессалиям прибегать только во вторую очередь, если с их помощью получится предотвратить дальнейшие нападения». Кроме того, нижним чинам запретили отдавать приказы о расправах и наделили этими полномочиями командиров дивизий, которым также необходимо было получить разрешение от компетентного административного начальника (Condit 1961: 265–266). Хотя эти правила не всегда полностью соблюдались (и ответственность в конечном итоге обычно лежала на местном командире), видно желание изменить курс с учетом очевидных последствий неизбирательного насилия. После формирования греческо-

го вспомогательного корпуса и охранных батальонов и их резкого роста весной — летом 1944 г. увеличился уровень селективности насилия, поскольку войска получили доступ к информации²⁰⁷. Похожий процесс проходил и в остальных странах оккупированной Европы (Laqueur 1998: 209; Heilbrunn 1967: 147, 151; Dallin et al. 1964: 327–333). Так же вели себя японцы в Азии (Hartford 1989; Li 1975: 204–209). Во Вьетнаме в конце 1960-х и начале 1970-х гг. США перешли от неизбирательного насилия к одной из наиболее сложных программ селективного. В рамках операции «Феникс» необходимо было «одного за другим» убить, посадить за решетку или запугать членов аппарата Вьетконга на юге (Adams 1994: 178). В 1971 г. стало намного важнее, «кого мы убиваем, а не сколько» (Herrington 1997: 69). Как утверждал агент ЦРУ, «мы знаем по именам 75% ключевого состава [Вьетконга]» (Moyn 1997: 146). Похожая тенденция наблюдалась в Сальвадоре (Binford 1996: 140) и Мозамбике (Geffray 1990), где многие люди крайне неохотно переезжали из зон, контролируемых РЕНАМО, в места, где властвовало правительство, так как опасались неизбирательного насилия со стороны правительственных солдат. Из более недавних примеров можно привести Чечню, где российская армия стала действовать более избирательно, перейдя от зачисток («ранее любимого метода преследования мятежников») к целенаправленным и похищениям подозреваемых, а также к использованию чеченского ополчения (Gordon 1999c; Economist 2003: 46). Существует значительное количество доказательств похожих переходов к более высокому уровню избирательности во время ряда гражданских войн²⁰⁸.

²⁰⁷ Как видно из греческих мемуаров, в отличие от немцев вспомогательные войска выбирали в качестве цели дома семей, в которых мужчины состояли в Сопротивлении или его поддерживали (Parandreu 1992: 110; Svolos 1990: 25).

²⁰⁸ Существуют такие данные по ряду конфликтов, а именно в Македонии (Livaniou 1999: 205), на Филиппинах (McKenna 1998: 158–159; Jones 1989: 273; Linn 1989: 77–78; Kerkvliet 1977: 208, 240), в Китае (Wou 1994: 127–158), Малайе (Stubbs 1989: 252; Pye 1964: 177), Зимбабве (Flower 1987: 106–107), Гватемале (Stoll 1993: 111, 139–140; Paul, Demarest 1988; Carol Smith 1988; Peralta, Beverly 1980), Перу (Starn 1998: 230–238; Rosenberg 1991: 207) и Ираке (Maass 2005). Обратите внимание, что переход к избирательному насилию не всегда значит переход

Если это утверждение верно, то мы можем объяснить относительно редкое применение неизбирательного насилия мятежниками тем, что у них есть доступ к местной информации. Соответственно, следует думать, что мятежники будут действовать неизбирательно, если такого доступа у них нет. И действительно, существуют доказательства того, что они применяют этот тип насилия против закрытых от них групп и в местах, в которые они не могут проникнуть, например, в контролируемых правительством городах. Хотя даже в таких случаях они обычно в итоге переходят к селективному насилию²⁰⁹. Наконец, принимая во внимание

к правильному определению цели (Kalyvas, Kocher 2005). Я расскажу об этом подробнее в главе 7.

²⁰⁹ В ходе гражданской войны в Китае мятежники-коммунисты обнаружили, что из-за убийств помещиков, основанных исключительно на их социальной принадлежности, представители соперничающих групп помещиков формируют временные коалиции для того, чтобы дать отпор. Это привело к серии крайне эффективных расправ, поскольку представители знати легко могли получить информацию о тех, на кого они нацеливались, таким образом «сильно разрушая моральный дух крестьян и подавляя коммунистическое крестьянское движение». То же самое можно сказать о конфискации зерна. Этот процесс «хотя сильно нравился крестьянам, неизменно приводил к непреднамеренным противоположным результатам. Часто не обходилось без убийств и мародерства. В некоторых деревнях бедным крестьянам могло понравиться воровать зерно, но в других в результате неизбирательного насилия и убийств уничтожались целые деревни, из-за чего зажиточные крестьяне переходили на сторону помещиков... Общество, напротив, становилось более сплоченным. Кроме того, поляризовались местные сообщества, и коммунистическое движение вообще не могло набирать обороты». В результате этого Коммунистическая партия открыто запретила неизбирательное насилие и подвергла критике мнение тех, кто работал с деревнями, когда во время конфликтов с местной милицией считалось нормальным убивать крестьян сотнями (Wou 1994: 123, 142). На самом деле коммунисты поняли, что «красный террор», основанный на «жестких неизбирательных действиях», давал обратный результат, и пересмотрели свою политику насилия. Они действовали более избирательно во время яньаньского периода (1935–1941), по сравнению с более ранним временем (1924–1933): «Вместо того чтобы упрямо придерживаться старых методов, коммунисты, по-видимому, научились экспериментировать» (Griffin 1976: 93–94, 146). Так же и в Малайе: коммунистические лидеры решили, что в будущем надо избегать «слепых и яростных безрассудств», а упор делать на «отрегулированные и умеренные методы» (Laqueur 1998: 290; R. Thompson 1966:

все вышесказанное, можно выдвинуть три предположения относительно действий террористов-смертников. Во-первых, это своеобразный метод неизбирательного насилия, применяемый для сдерживания мирного населения (но не всегда), который встречается относительно редко из-за своей контрпродуктивности (Kalyvas, Sanchez Cuenca 2005). Во-вторых, террористы-смертники обычно орудуют в тех местах и в такое время, где и когда очень трудно или невозможно прибегнуть к селективному насилию, в том числе в зонах, где ограничен и отсутствует контроль. Это соотносится с данными, полученными из Израиля и Палестины. Наконец, по мере нарастания мятежа и расширения территориального контроля происходит переход к более избирательным методам.

Здесь важно понимать следующее: во многом причиной начала гражданских войн в оккупированных зонах становится контрпродуктивность неизбирательного насилия. Поскольку оккупантам необходима селективность, им приходится полагаться на местных агентов, в результате чего происходит раскол населения. Точно так же постоянное использование неизбирательного насилия свидетельствует о серьезной слабости политической силы: так происходит в государствах на грани развала (во время «симметричных нетрадиционных войн»), где высокий уровень неизбирательности объясняется неспособностью стороны организовать административную инфраструктуру, необходимую для селективности. Таким образом, подгруппу этнических гражданских войн с высоким уровнем насилия, направленного на уничтожение, можно считать эндогенной государственному распаду.

После недавнего распространения международных норм, направленных на борьбу с нарушителями прав человека, применение неизбирательного насилия стало еще менее желательным. Существует мнение (J. L. Anderson 2004; Greenhill 2003), что слабые мятежники крайне заинтересованы в том,

25). Во Вьетнаме коммунистическая партия «после 1954 г. намного жестче контролировала процедуры одобрения казней из-за неблагоприятных последствий многих бездумных убийств, происходивших во время действия сопротивления» (Race 1973: 189), а позже прекратила случайную бомбардировку городских центров (Fall 2000: 111). Алжирские мятежники стали более тщательно проверять доносы через несколько лет после начала восстания — в 1957–1958 гг. (Hamoui 1993: 203–204).

чтобы спровоцировать власти на использование неизбирательного насилия. Как видно по недавним конфликтам в Косово и Дарфуре, оно скорее создаст негативную шумиху на международной арене и даже может привести к вмешательству извне. Если так пойдет и дальше, то, скорее всего, снизится уровень неизбирательности в ходе иррегулярных войн, так как правительства будут точно понимать, чего она может им стоить, или же появятся новые способы скрывать такой вид насилия от международного внимания и обеспечивать «правдоподобное отрицание» (Ron 2000b). С другой стороны, по мере уменьшения неизбирательности со стороны правительств, она может увеличиться со стороны мятежников.

6.7. ВЫВОДЫ

В этой главе рассказывалось о применении неизбирательного насилия для подчинения мирного населения. В этих обстоятельствах оно используется главным образом для формирования поведения мирного населения не напрямую, а через связи, и для переноса ответственности за враждебные деяния на более широкую группу населения. Как правило, оно появляется тогда, когда с помощью выделенных ресурсов не выходит получить информацию, необходимую для селективности. Однако неизбирательное насилие можно охарактеризовать как контрпродуктивное, за исключением ситуаций, в которых наблюдается сильный перекос в силах сторон. Когда насилие неизбирательно, сотрудничать со стороной так же опасно, как с врагом, так как «невиновные» никак не могут избежать наказания, а «виновным» угрожает такая же (а иногда меньшая) опасность. Если противник может обеспечить надежную защиту, то люди начнут поддерживать его. Хотя вначале эта динамика может быть не так заметна, или на поведение политических сторон могут влиять институциональные ограничения, по мере назревания конфликта и выхода на первый план долгосрочных интересов мы видим переход к селективному насилию. Таким образом, случаи неизбирательного насилия могут объясняться особым периодом: политические силы применяют его, поскольку поначалу он намного дешевле альтернативных методов. Однако постепенно они понимают его контрпродуктивность и переходят к селективному насилию, о котором я расскажу в следующей главе.

Теория селективного
насилия

Узнать правду можно только на месте.

Военнослужащий армии США
в Ираке, подполковник Грег Рэйли

Сказал слово — умрешь.

Имон Коллинз, бывший боевик ИРА

Непосредственное орудие убийства —
язык.

Никарагуанский военный

В данной главе развивается теория селективного насилия как совместного процесса. Политические силы, действующие в режиме фрагментированного суверенитета, должны полагаться на избирательное насилие с целью предотвратить переход на сторону противника (активное сотрудничество с противоборствующей силой), несмотря на недостаток ресурсов для отслеживания действий населения. Селективное насилие подразумевает персонализацию насилия и нуждается в информации, которая распределяется между политическими силами и отдельными людьми неравномерно. В институциональном контексте, определяемом иррегулярной войной, насилие порождается слиянием двух отдельных, но взаимосвязанных процессов: стремления политических сил сдерживать переход на чужую сторону на индивидуальном уровне и решений отдельных индивидуумов предоставлять политическим силам информацию. Я даю политэкономическое обоснование совместного производства насилия, формулирую модель, которая охватывает ключевые аспекты теории, и строю ряд эмпирических прогнозов.

Аргумент состоит в следующем: селективная модель предполагает способность собирать и тщательно отбирать данные; наиболее эффективный способ получения такой информации — от отдельных лиц, отсюда и повсеместное распространение на гражданской войне практики доноительства. Доноительство — ключевой аспект всех гражданских войн,

за вероятным исключением того их подкласса, в котором ни одна из политических сил не пытается сотрудничать с группами, предположительно поддерживающими противника, и в котором вся релевантная информация находится в открытом доступе — ее передают отдельные люди, находящиеся на виду. Существует два типа доносительства — политически мотивированное и злонамеренное; и то, и другое рассматривается в рамках предлагаемой здесь теории. Нередки и ложные доносы, поскольку индивидуумы оказываются перед искушением разрешить свои частные и локальные споры и конфликты. Однако ложная информация подрывает сам замысел селективного насилия. Политические силы не способны обработать всю получаемую ими информацию, но эта проблема для них разрешима: они смогут создать убедительное впечатление, что прибегают к насилию исключительно избирательно. Данное впечатление поддерживается благодаря присутствию местных агентов, что говорит о наличии сети информаторов, относительной способности местных агентов избегать непростительных «ошибок» при выборе жертвы, а также тайному, секретному характеру информирования противоположного лагеря. При наличии всех трех перечисленных условий, если среди пораженных целей есть попадания, а есть и случайные пострадавшие, то все равно создается впечатление, что выбор целей был осознанным от начала до конца.

От политических сил я перейду к рассмотрению индивидуумов. Мотивы доносительства могут различаться, однако этот процесс легко смоделировать, приняв в расчет обстоятельства, которые давят на доносчиков. Главное из них — вероятность того, что доносчику будут мстить родственники жертвы путем контрдоносительства противоборствующей политической силе. Таким образом, доносительство является функцией контроля, который политическая сила установила над конкретным регионом: степень контроля влияет на вероятность возмездия против доносчика, поскольку контрдоносчикам нужно прежде всего установить контакт с противоборствующей силой. В рамках теории строится прогноз о том, что доносительство, ведущее к селективному насилию, вероятнее всего в том случае, если контроль одной из групп над регионом носит неполный, лишь преобладающий характер. На территории, где установлен тотальный контроль политической силы, перебежчика вычисляют быстро; о том,

что политическая сила способна его вычислить, становится известно всем, и поэтому уровень перехода на сторону противника низок. Там же, где политическая сила контролирует территорию ровно настолько, насколько другие силы, информацию будут предоставлять неохотно. Таким образом, селективное насилие наименее вероятно там, где высок уровень контроля, осуществляемого одной силой, и, как это ни удивительно, там, где власть делят две политические силы. Иными словами, на передовой иррегулярной войны насилие проявляется в меньшей степени. В рамках нашей теории мы также можем спрогнозировать очаги неизбирательного насилия.

7.1. ИНФОРМАЦИЯ

Информация на иррегулярной войне — ключевой ресурс (Eckstein 1965: 158; Pye 1964: 177); она являет собой связь между сильной стороной одного лагеря и слабой стороной другого (Crawford 1958: 179). Широко распространено мнение о том, что победить мятежников невозможно до тех пор, пока действующая власть не сделает борьбу с ними своей первостепенной задачей и не сможет создать эффективную разведывательную организацию (R. Thompson 1966: 84). Под разведкой здесь подразумевается не только «разведка высокого уровня, военная, с применением карт, но и основная разведка — полицейская, от самых низов» (Clutterbuck 1966: 4). Сбор таких разведанных требует наличия колоссальной структуры. «Мы должны быть осведомлены обо всем, — утверждал французский военный офицер в Алжире (Trinquier 1964: 35). — Для этого мы обязаны разворачивать обширную разведывательную деятельность».

Одна из ключевых проблем власти — отслеживание ситуации. Как отмечал Токвиль (Tocqueville 1988: 206), «правитель способен наказать без промедления за любую ставшую ему известной провинность, но он не может льстить себе, полагая, что видит все подлежащие наказанию провинности». Действительно, информация настолько же важна, насколько труднодоступна. Как красноречиво заметил британский офицер в Малайе, «наша военная машина не способна двигаться без информации; информацию мы не способны добыть, не имея

поддержки населения; поддержкой населения мы не способны заручиться, не покончив с террором, а чтобы освободить их от террора, нужно отправить людей устранить террористов. Так мы и двигались, замыкая сложнейшую комбинацию из порочных кругов. Ключ к тому, чтобы вырваться из них, остался только один: информация» (Crawford 1958: 180–181).

Откуда информация поступает? По словам того же офицера, существует множество источников: «Информация поступала от плененных террористов, которые расплачивались ей за свою жизнь; от шпионов; от информаторов; от самых разных гражданских, с которыми мы контактировали, и даже из слухов; из фотографий, сделанных в джунглях; из обнаруженных там же разрозненных следов; из захваченных документов, оружия, одежды, лагерей, ресурсов; из донесений лесных патрулей, действующих на одной огромной территории» (Crawford 1958: 180).

При этом можно разделить способы добывания информации на три группы: материальные свидетельства, насильственное получение, обеспечение по договоренности. Материальные свидетельства (фотографии, перехваченные документы и т.д.) предполагают наличие высокого уровня технической оснащенности; их трудно интерпретировать, и на спорной территории они, как правило, представляют ограниченную ценность. Насильственное получение информации может происходить в разной форме. Запугивание, шантаж и подкуп больше подходят для городской среды, в которой возможны регулярные и продолжительные контакты между получателями информации и информаторами; в сельской же местности такие контакты либо невозможны, либо легко разоблачаются. В результате длительных задержаний, даже если таковые возможны, как правило, получают ложные признания (Rose 2004: 134). Контрпродуктивна оказывается и «массовая проверка» подозреваемых (Leakey 1954: 122). Наконец, существуют пытки, которые для некоторых представляют собой «вопрос не морали, но метода» (West 1985: 61).

Мнения о пытках разнятся²¹⁰, но сводятся к общему выводу: начиная с труда Пьетро Верри «Замечания о пытках»

²¹⁰ Автор работы (Aussaresses 2001) признает, что длительное применение пыток в ходе восстания в Алжире говорит о действенности этого метода, однако в книге содержится больше примеров сведений,

(*Osservazioni sulla tortura*) и заканчивая наблюдением Ханны Арендт (Arendt 1970: 50) о том, что пытка не заменит «тайную полицию и ее сеть информаторов», многие авторы уверены, что пытка не только аморальна, но и не особо эффективна; все эти публицисты утверждают, что результат пытки — ложное признание, которое вырвали из жертвы, единым желанием которой было прекратить дальнейшую агонию; по их мнению, пытка отваживает тех, кто не симпатизировал врагу, и склоняет к переходу на сторону врага тех, кто предан пытке по ошибке. Применение пыток, по их мнению, сигнализирует о неспособности нанять информаторов и, соответственно, об общем разложении системы агентурной разведки, из-за которого иссякают источники сведений; наконец, пытки сводят на нет обращение к источнику, много лет служившему верой и правдой, ради сомнительной кратковременной выгоды²¹¹. Испанская инквизиция считала признания, добытые под пытками, непригодными; кроме того, выясняется, что «с точки зрения статистики корректнее было сказать, что пытки применяются недостаточно часто» (Kamen 1998: 188). Французы в Алжире пришли к выводу об их неэффективности (Rejali 2004b; Crozier 1960: 19), то же можно сказать и о некоторых американцах, проводивших допросы в Афганистане (Mackey, Miller 2004). Дариус Реджали (Rejali 2004a) подводит

полученных не в результате пыток, а в результате доносов. Мойяр взял интервью у нескольких американских и вьетнамских чиновников, участвовавших в разведывательных операциях. Некоторые из них показали на допросе, что пытки эффективны, особенно в ходе военных операций, когда информация нужна немедленно; другие, однако, сообщили ему, что под пытками качество информации снижается. Большинство американских консультантов не были уверены насчет подлинности информации, которую выбивали из людей под пытками. Из тех, кто мог уверенно подтвердить подлинность или ложность предоставленных пленным сведений, большая часть вторила заявлениям американских законодателей о том, что под пытками нельзя получить данных, сколько-нибудь точных, а подчас и достоверных: «Физически принуждая людей, вы можете получить от них любые признания, которыми они поделятся с вами, лишь бы вы перестали причинять им боль» (Moyar 1997: 101–102).

²¹¹ Rejali 2004a; K. Brown 2003: 167; G. Thompson 2003; Cann 1997: 118; Blaufarb, Tannham 1989: 27; Horne 1987: 205; Comision Nacional sobre la Desaparición de Personas 1986: 61; Clutterbuck 1966: 97; Molnar 1965: 247.

итог существующим свидетельствам, заключая, что «пытки во время допросов редко приводят к лучшему результату, чем тот, что дает традиционная разведка». Однако на этот счет убедительных доказательств нет; если бы пытка всегда давала отрицательный результат, к ней бы не прибегали. Тем не менее имеет смысл утверждать, что регулярное применение пыток требует наличия инфраструктуры, что их применение в спорных сельских регионах затруднено, что эффективны они будут в тандеме с агентурной разведкой.

Наиболее распространённый и, вероятно, эффективный способ получить доступ к частной информации есть ее предоставление по согласию. По данным значительного количества криминологических исследований, вероятность раскрытия преступления снижается, если люди не опознают преступников и не сообщают о них полиции (Rejali 2004a). То же справедливо и для гражданских войн — в частности, для конфликта в Северной Ирландии: «Наем информаторов долгое время был прерогативой британцев и служил для сбора данных о противнике — республиканцах. На протяжении веков посредством информаторов удавалось срывать и подавлять республиканские бунты самым сокрушительным образом. Несмотря на развитие в XX веке электроники, мощнейшее оружие британской короны на нынешнем этапе ольстерского конфликта — это живой информатор» (Toolis 1997: 194). Действительно, «говорят, что информаторы [в рядах ИРА] передают властям две трети разведанных»; власти, в свою очередь, по сотне раз в год объявляют набор в ряды информаторов; в 1980-е гг. по подозрению в доносительстве ИРА казнила почти сорок своих соратников (Toolis 1997: 212, 193; M. Dillon 1990: 283).

Информация может быть предоставлена платными информаторами²¹²; однако набрать их порой непросто (особен-

²¹² Термин «информатор», «осведомитель» в обычном понимании подразумевает отношения с властью на регулярной, часто платной основе (Fitzpatrick, Gellately 1997: 1) — в отличие от терминов «информант» и «доносчик». Британская школа армейской разведки определяет информанта как «всякое лицо, предоставляющее информацию. Термин обычно используется для описания случайных и косвенных источников, в отличие от информатора, обычно вовлеченного в преступную деятельность, которому можно давать указания и платить за его услуги» (M. Dillon 1990: 283–284).

но на спорных территориях в сельской местности), кроме того, их дорого содержать и проще разоблачить²¹³. Более распространенной является практика доносов — разовое, ненаправленное предоставление информации нонкомбатантами²¹⁴. В результате доносительства производство селективного насилия становится результатом совместных действий политических сил и гражданских лиц. В этом смысле, селективное насилие есть совместный процесс.

7.2. ДОНОСИТЕЛЬСТВО

Доносительство есть сложное социальное явление, на сегодня недостаточно изученное (Fitzpatrick, Gellately 1997: 1). Данная деятельность считается постыдной, о ней не принято распространяться. Доносительство не следует путать с «открытым обличением» — практикой выдвигания обвинений людьми на общественном собрании против такого же, как они (Madsen 1984: 80). Принятые во многих обществах и культурах нормы предписывают считать позором передачу информации посторонним, а равно и своим, как, например, в Северной Ирландии:

Жизнь осведомителя, его родных и близких, отделена от жизни его народа: они будто два берега расступившегося океана (Toolis 1997: 194–195).

Быть осведомителем — значит, быть «Иудой в душе, предателем», «пасть ниже некуда» (Smyth, Fay 2000: 27).

Он побежал к дому шпионки, которая стучит республиканцам на соседей, внимательно высматривая всё, что идет вразрез с ее

²¹³ Эрик Шмитт (Schmitt 2003: A20) приводит свидетельства того, с какими трудностями приходилось столкнуться при найме платных информаторов в Ираке и чем обернулись их услуги разведке.

²¹⁴ Явление, обратное доносительству, — «рекомендация» или «сертификация». После испанской гражданской войны среди подозреваемых в том, что они — республиканцы, работу могли найти только те, кого «сертифицировали» местные семьи, известные своей преданностью режиму (Aguilar 1996: 85). И доносительство, и рекомендация суть примеры передачи частной информации политическим силам.

политическими убеждениями. Она полагает, будто членство в ИРА дает ей в глазах других горожан козырь. В каком-то смысле это действительно так; но она и не подозревает, как ее тайно проклинаят и презирают (Collins 1999: 3).

Данные нормы находят отражение в многообразии уничижительных слов, придуманных для характеристики осведомителей: крысы, нюхачи, стукачи, *soplones*, *chivitos*, *sapos* (жабы), *orejás* (уши), мерзавцы, *mouchards* и прочие. Жители Западного берега реки Иордан, обвиненные в доносительстве израильтянам, почти не имели возможности после ареста найти адвоката; нередко их убивали, а в моргах отказывались принять тело; был случай, когда мать убитого информатора отказалась опознать тело. Ярлык, которым награждены осведомители, практически исключает возможность того, что кто-то добровольно в этой деятельности признается. «Среди моих друзей некоторые были на стороне красных — Лусио, Исаси, — рассказывал житель баскской деревни, консерватор, — но я продолжал с ними дружить, как прежде. Никогда ни на кого не доносил. Совесть моя уж точно чиста» (Zulaika 1988: 25). Наличие такого ярлыка вынуждает даже тех, кто занимался доносительством по причинам «оправданным» и идеологическим, скрывать этот факт. Когда я проводил полевое исследование в Греции, то там нашлись желающие сознаться в сомнительной деятельности, в частности, в применении насилия, но в доносительстве не признался никто.

Таким образом, доносительство выявить непросто даже постфактум. Это единственно возможно только в отношении работающих с информаторами бюрократизированных организаций, если уцелел их архив — речь идет, например, о католической церкви, гестапо или Штази²¹⁵. На наличие доносительства красноречиво указывает такой косвенный признак, как порождаемая гражданской войной атмосфера всеобщей подозрительности (Collins 1999: 200; de Stael 1818: 125). Рассмотрим следующие утверждения:

²¹⁵ Неудивительно, что почти все исследования, посвященные доносительству, базируются на материале нацистской Германии и Советского Союза (Nerard 2004; Joshi 2003; Gellately 1991).

Мы живем среди соглядатаев, они бродят меж нами, будто дьявол меж верующих (итальянский крестьянин в 1944–1945 гг.; Fenoglio 1973: 386).

То было время вкрадчивого террора. Порой достаточно было прошептать слово, и ты лишался жизни (малайский крестьянин в 1940-е гг.; Kheng 1983: 141).

Селяне жили в страхе днем и ночью, постоянно в мыслях о том, не совершили ли чего предосудительного (вьетнамский крестьянин о жизни под контролем Вьетконга; Elliott 2003: 259).

Исследователи не всегда обращают внимание на то, что страх подобного рода, охватывающий во время гражданской войны широкие массы населения, не является страхом в привычном смысле слова: его испытывают не перед вооруженными участниками конфликта, а перед собственными соседями-доносчиками. В ходе последней войны в Алжире «все боялись всех и действовал закон молчания. Люди подозревали соседей, не доверяли даже собственным родным» (Leclere 1997). В Гватемале «слежка и доносительство приобрели повальный характер» (Zur 1998: 73); в силу этого страха «вбивался клин недоверия между членами семей, соседями, друзьями. Население было разобщено посредством страха, подозрения и настороженности по отношению не только к незнакомцам, но и друг к другу» (Green 1995: 105). Один колумбиец, житель провинции, описал эту атмосферу так: «От страха люди молчат, потому что стоит только открыть рот, как туда влетит стая мух» (Fichtl 2003).

Случаи доносительства можно разделить на две обширные категории: спровоцированные политическими мотивами и вызванные мотивами неявными и личными. Доносительство имеет «политический» («бескорыстный», «беспристрастный», «верноподданнический», «чистый») характер в том случае, если доносчик действует в первую очередь из преданности делу или власти²¹⁶. Так, студент, работавший на

²¹⁶ Существует и третий тип, который можно назвать «социальным» доносительством, когда лицо доносит на кого-то по причине того, что тот нарушил социальную норму. Так, Нерап (Nerard 2004: 374) рассматривает доносительство более широко — как форму социально-

Вьетконг, признался в доносите́льстве на «друзей»: он «смотрел на этих людей как на врагов и мечтал лишь убить их ради спокойствия» (Elliott 2003: 1099). Безусловно, успех политической силы, в пользу которой осуществляется доносите́льство, гарантирует возможность получения личной выгоды (включая сохранение жизни), но первичная мотивация — способствовать этому успеху. Доносите́льство носит «злонамеренный» («личный», «манипулятивный», «корыстный») характер в случае, если его мотив — личный, не связанный с масштабными политическими целями: например, расплата за неуважение к своей персоне — при том, что мотив может выдаваться за политический. Шейла Фитцпатрик (Fitzpatrick 1997: 117) отмечает, что в Советском Союзе «мотивация состоит в том, чтобы спровоцировать со стороны государства реакцию, от которой доноситель сможет получить конкретную выгоду или удовлетворение. Выгода может состоять в том, чтобы опозорить соперника или конкурента на селе, выселить соседа из переполненной коммуналки, наказать бывшего супруга или свести счеты с личным врагом».

В рамках теории селективного насилия подчеркиваются сдерживающие обстоятельства и игнорируются мотивы доносите́льства. В этой теории соединяются как таковые политические и корыстные мотивы. Тем не менее примеры злонамеренного доносите́льства часты в дескриптивной микроисторической литературе и практически отсутствуют в теоретической и дескриптивной макроисторической литературе; в связи с этим к феномену злонамеренного доносите́льства следует присмотреться более тщательно. Здесь я позволю себе несколько вводных замечаний и вернусь к вопросу позже, в Главе 10.

Злонамеренное доносите́льство может производиться отдельными лицами, семьями, сельскими группировками и даже целыми селами²¹⁷; оно может являться отражени-

го протеста в условиях авторитарной системы, в случае если остальные каналы закрыты. Очевидно, что между двумя обозначенными категориями нет четких границ.

²¹⁷ В некоторых случаях частные притязания могут иметь характер не индивидуальный, а локально-коллективный: в революционной Франции отдельные деревни прибегали к доносите́льству с целью избавления от надоевшего всем смутьяна или мелкого вора (Lucas 1997).

ем более глубинного раскола: например, личная зависть может быть индивидуальным отражением классового расчленения, но если доносят на одного конкретного помещика (а не на всякого другого, случайно выбранного), то вероятен злонамеренный мотив. То же справедливо и для ситуации, в которой вражда на основе общественного раскола смешивается с ожиданием личной выгоды; например, человек доносит на конкретного помещика или члена «противоборствующей» политической группировки или этнической группы в надежде получить собственность. Злонамеренное доносительство может возникать на основе прошлых конфликтов (незатухающей кровной вражды) или провоцироваться самой войной (месть и возмездие за прежде совершенное в обстоятельствах войны действие, «контрдоносительство», попытка очистить свое имя, донося на соседа, и т.д.). Немцам удалось собрать обширные сведения о сопротивлении, которые сообщали обиженные партизанами греки (Condit 1961: 247); то же удалось и американцам в Ираке (Finer 2005).

Мотив личных доносов может быть корыстным — может быть связанным с материальной выгодой (например, доносчик желает получить имущество жертвы); однако нередки случаи, когда он ищет выгоды на уровне чисто эмоциональном (например, хочет получить удовлетворение от того, что будет наказан ненавистный враг). Злонамеренный донос часто оказывается ложным, хотя ложность — не непременно условие. Например, донос на неверного супруга как на шпиона может быть правдой — просто жертва измены долгое время знала о его шпионской деятельности, но решила рассказать, только узнав о романе благоверного на стороне. Так, нацисты сожгли дотла норвежскую деревню Телеваг, вывезя оттуда всех мужчин: они получили вполне достоверную информа-

Аналогичным образом во время вьетнамской войны некоторые американские советники возражали против бомбардировок деревень. «По их убеждению, глубоко порочна в своей основе система, при которой проплаченные вьетнамские доносчики могут спровоцировать авианалет на деревню, а Соединенные Штаты выступают в роли механической руки-манипулятора, которой управляют вьетнамские власти. "Ни один агент еще не навел самолеты на свою деревню — всегда на чужую", — едко заметил один американец» (Mohr 1966: 3).

цию о том, что деревня служит перевалочным пунктом для британских агентов; эти сведения были переданы женщиной, которую обделили британские разведчики — не дали кофе и прочих товаров (Riste, Nokleby 1973: 51–52).

Доносительство обычно предполагает определенную близость знакомства: чтобы получить о человеке информацию, необходимо его хорошо знать. Действительно, когда начали изучать архивы секуритате в Румынии и штази» в Восточной Германии, выяснилось, что информаторами часто оказывались товарищи, друзья и даже члены семьи (Bran 2002; Garton Ash 1997).

Очевидно, что недостоверные доносы наносят моральный вред; это поняли сотрудники ЦРУ, собиравшие сведения о вьетконговцах:

Люди, которые в районе проведения операции помогают выявить членов теневого правительства [Вьетконга], часто имеют вокруг себя множество врагов отнюдь не коммунистического толка — особенно если приходится работать в родной деревне. Как и большинства людей, у них есть личные враги: этот мужчина обидел родную сестру, тот увел девушку, этот фермер занял у родных денег и не отдал; бывало даже, что какой-нибудь чиновник избил двоюродного брата. Не считается зазорным нанести удар по членам семьи обидчика, особенно если в прошлом семья также в чем-то перешла дорогу (Moyn 1997: 114).

Доносительство для гражданской войны — ключевой аспект. Это не «частное отклонение от нормы», как полагает ряд исследователей (Wickham-Crowley 1990: 209), а общая закономерность. Работавший в Гватемале антрополог Джон Ватанабе (Watanabe 1992: 182) отмечал, что, «несмотря на то, что Чимбаль был занят вооруженными силами, погибших там почти не было, в окрестных же городах наблюдалась иная картина». Когда я спрашивал почему, мне отвечали, мол, «люди там хорошие» — точнее, «истинно верующие в Христа», вне зависимости от конфессии — они, в отличие от соседей, не стали доносить военным».

Поскольку большинство наблюдателей строит свое исследование главным образом вокруг непосредственных исполнителей насилия и их мотивов, они совершенно упускают из вида то обстоятельство, что информация, провоцирующая

это насилие, может исходить от мирных жителей, чаще всего тесно связанных с жертвами. Так, на оккупированной немцами украинской территории селян казнили нацистские солдаты, но «доносили на них как на партизан их собственные земляки» (Т. Anderson 1999: 621). В 1980 г. армия Гватемалы тысячами истребляла индейцев майя: однако вне территорий, где проводились неизбирательные массовые убийства, жертвами становились «люди, на которых указали местные информаторы как на ведущих подрывную деятельность» (Watanabe 1992: 181). Жительница Испании так объясняла убийство женщины в городе Саморе: «Вилория был настоящая тварь. Его наняли убить моего отца. Он и его дружки убивали за деньги. Они стреляли в человека и даже не знали, кто он. Фалангисты им приказывали: «Убить этого!» — те захватывали десятка два, три, четыре, кого хотели, и расстреливали. Но не он на нее донес. Он ее убил, а донес тот, на чьей совести ее смерть. Не будь доносчиков, не было бы и убийц» (Barayon 1989: 145).

Доносчиков необходимо отличать от коллаборантов и перебежчиков. Совершаемые ими действия предполагают передачу информации политическим силам, однако в случае с доносом информация касается определенных лиц, тогда как коллаборация/переход в другой лагерь предполагают более широкий круг действий — от уплаты налога до сбора сведений о военных операциях противника. Позже мы продемонстрируем, что возможна коллаборация/переход в другой лагерь без доноса, а вот обратное — невозможно: донос по своей природе есть акт коллаборации и перехода в другой лагерь. Доносительство, в отличие от смены лагеря, — шаг более рискованный и чреват более серьезными последствиями, как в силу приклеенных к нему социальных ярлыков, так и в силу направленности на жителей той же местности.

Как и любая общественная практика, доносительство существует в самых разных формах, от неофициального до поддерживаемого властными структурами. Когда иракские солдаты произвели вылазку в Алезе к северу от Багдада и стали обходить дома, стуча в каждую дверь, от внимания американского журналиста не ускользнуло, как одна тучная женщина шепнула солдатам про соседа, который якобы ненавидит американцев и у которого якобы ящик с гранатами»

(Glanz 2005: A14)²¹⁸. Сообщалось также, что иракцы время от времени приносят на американские КПП списки с именами, после чего спешно уезжают (Negus 2004: 5). Джон Ли Андерсон (Anderson 2004: 140) описывает встречу сальвадорского повстанца с информатором: «Крестьянин просит Диего на секунду отойти в сторонку, так, чтобы не был слышен разговор. Некоторое время они беседуют, крестьянин что-то настойчиво шепчет, Диего слушает и кивает. Крестьянин — коллаборационист. Он сообщает сведения о происходящем в деревнях, которые лежат на их пути».

Доносительство может иметь и организованно-бюрократический характер. В ходе исследования, которое я проводил в Греции, мне удалось установить бытовавший там механизм доносов: человек доносил на кого-то члену местного комитета (или кому-нибудь, кто был в этот комитет вхож), после чего член комитета выносил вопрос на общее рассмотрение, и они обсуждали возможные варианты действий. Вариантов у комитета было три: передать соответствующему органу власти все дела; передать дела выборочно; не передавать дела и даже заблокировать применение насилия в отношении того или иного лица. Правила и процедуры на этот счет разнились, но в ряде случаев прибегали к официальному голосованию. Например, когда немцы в июне 1944 г. пришли в Эрмиони — городок в Арголиде с населением в 2212 человек — они арестовали нескольких по обвинению в членстве в ЭАМ (Национально-освободительном фронте) — повстанческой организации, которая захватила власть в городе еще в 1943 г. Созвали собрание из 80 человек; оно решало судьбу 15 местных жителей — следует ли выдать их немцам или оставить в городе. На собрании тайным голосованием решили депортировать более половины обвиняемых. Однако дело приняло неожиданных для многих оборот: продолжили обсуждение, созвали комиссию поменьше и послали за советом в столицу региона, Краниди. Комиссии в Краниди на тот момент только что стало известно, что немцы по собственной инициативе расстреляли шестерых местных жителей, которые были переданы им точно таким же образом, и посоветовали людям

²¹⁸ «Поиски в доме, — добавляет Гланц, — ничего не дали, но солдаты не преминули вернуться и обыскать заодно и дом доносительницы, дабы сосед её не заподозрил».

из Эрмиони освободить всех пленников — из практических соображений, чтобы не дать себя обмануть и не санкционировать насилие. Так они и поступили; все были освобождены (Frangoulis 1988: 52–54)²¹⁹. Данный пример показывает, насколько сложной может быть процедура доносительства, а также насколько велико желание местных влиять на то, кого передавать в руки чужаков, а кого — нет.

7.3. ДОНОСИТЕЛЬСТВО В ХОДЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

На многих гражданских войнах, как этнических, так и не этнических, достоянием общественности часто становится *первоначальная* информация о состоявшихся и потенциальных перебежчиках. Во время этнических гражданских войн политическая принадлежность отдельных людей часто (хотя и не всегда)²²⁰ демонстрируется открыто, наглядно; в свою очередь данная политическая привязанность подразумевает (или предполагается, что подразумевает) информацию о потенциальном поведении человека в будущем²²¹. То же касается некоторых неэтнических войн, при которых картина поляризации носит предполагаемый характер и при которых политические пристрастия являются достоянием общественности.

В этих обстоятельствах насилие может быть избирательным без какой-либо личной информации. Жертвами первой вспышки насилия обычно становятся популярные в обществе местные лидеры, как это было в Испании: «В Фуэнмайоре с началом гражданской войны в июле 1936 г. произошло полное крушение общественного порядка, со всеми предсказуе-

²¹⁹ Впоследствии оказалось, что шаг был разумный: когда повстанцы вернулись в Эрмиони, то бывших пленных попросили ходатайствовать перед ними о том, чтобы не допустить репрессалий — они так и поступили.

²²⁰ Так, во время войны в Хорватии противоборствующие группировки, дабы отличить своих от чужих, обязывали своих членов носить ленты строго определенного цвета, по дням недели (Pervanic 1999: 23).

²²¹ «Идеологические» пристрастия людей при неэтнических конфликтах можно определить множеством способов (Figes 1996: 665; Rosenberg 1991: 41)

мыми последствиями. Оцепив город, полувоенизированная Гражданская гвардия, действуя в союзе с местными правыми, захватила около тридцати профсоюзных лидеров и погнала их на городское кладбище, где на глазах у родных без суда и следствия расстреляла. В соседнем городе Ла-Кампане, где в тот момент власть была в руках у левых, имела место суровая акция возмездия: разгневанные левые собрали 15 представителей помещичьего класса, с ними захватили и приходского священника, заперли в городской тюрьме и сожгли их заживо» (Gilmore 1987: 44).

Заметьте, что в таких обстоятельствах вероятность стать жертвой выводится из очевидных для всего общества признаков, а это автоматически способствует углублению поляризации, поскольку люди из соображений безопасности примыкают к той или иной группе. Вслед за первым этапом насилия наступает второй, когда уничтожается противоборствующая элита, а поддерживающее эту элиту население получает (либо не получает) возможность сдаться армии противника. Если такую возможность не предоставляют, то население либо уничтожается, либо депортируется, либо само покидает территорию²²². В результате данного процесса воз-

²²² Массовая депортация отличается от децентрализованного процесса сегрегации. Различие часто очень тонкое. Сегрегация возникает в результате как этнических, так и неэтнических войн. Шамун (Chamoun 1992: 23) вспоминает, как в первые месяцы гражданской войны в Ливане началась сегрегация по конфессиональному признаку, «каждый искал укрытия в районе, где его религия преобладала». Дарби (Darby 1990: 98) пишет, что в окрестностях Белфаста ему удалось насчитать «больше покинувших кров семей, чем где-либо — не потому, что они подверглись насилию, а потому, что боялись, что в будущем это случится». Данное наблюдение справедливо не только для этнических гражданских войн. Как писал брату житель города Индепенденс штата Миссури, где были очень сильны сепаратистские настроения, «отсюда уезжают все, кто за Союз» (Fellman 1989: 74). В Колумбии в результате гражданской войны население деревень стало политически более однородным, так как все известные инакомыслящие бежали (Sanchez and Meertens 2001: 17). Когда в ходе американской войны за независимость британцы заняли Бостон, из города вместе с семьями уехали все патриоты; когда в 1776 г., в свою очередь, ушли британцы, за ними последовали тысячи лоялистов (Сагг 2004). По данным Лира (Lear 1961: 120), филиппинские партизаны, боровшиеся с японцами, «способствовали миграции филиппинцев-патриотов из оккупирован-

никает линия фронта, а поддержка того или иного лагеря выглядит в точности как на межгосударственной войне. Логика доносительства имеет в этих обстоятельствах ограниченное применение и применяется только к случаям маргинальным, таким как шпионы и «пятая колонна». Однако если населению из противоборствующего лагеря дают возможность подчиниться силе, установившей контроль, и если ряд лиц начинает с ней сотрудничать, то в рамках существующих категорий политической принадлежности не удастся получить информацию о потенциальном поведении людей в будущем (Kalyvas 2004). Коллаборация подобного рода имела место во время восстания мау-мау в Кении. Вот как описывает этот случай британец, воевавший против мятежников:

Был предпринят шаг, важность которого оказалась несомненна в долгосрочной перспективе: сформировано ополчение кикую. Администрация приняла смелое и нестандартное решение — сформировать и вооружить группу из членов племени, где началось восстание мау-мау и где 90% жителей в том или ином виде клялись мау-мау в верности. Но оказалось, что решение правильное. Уже через несколько месяцев ополчение насчитывало 10 тысяч человек, затем его численность увеличилась до 20 тысяч; они беззаветно сражались против собственного племени — сначала с кинжалами и копьями, а уже потом с ружьями и винтовками в руках; в сотрудничестве с племенной полицией кикую они к концу восстания уничтожили не менее 4686 мау-мау — 42% всех мятежников... В результате того, что они решительно выступили против своих, восстание из националистического движения переросло в гражданскую войну внутри одного племени (Paget 1967: 91–92).

В данном случае предательство своих подчиняется описанным в данной книге общим закономерностям.

ных неприятелем районов в неоккупированные». Чиновник, поддерживавший японцев, заявлял следующее: «На настоящий момент у нас осталось всего 30 семей, и наши попытки вернуть жителей обречены на провал, поскольку партизаны, контролирующие пригороды, не дают никому войти в город и связаться с властями. Они грозят убивать, похищать, калечить или иным образом карать всех, кто связан или сотрудничает с нынешним режимом» (Leag 1961: 208).

7.4. ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ НАСИЛИЕ?

Главный парадокс гражданской войны состоит в том, что во время ее возрастает необходимость контролировать население и одновременно подрывать возможности противника заниматься тем же самым. Политические силы пытаются решить этот вопрос, внедряя децентрализацию и не прямое управление, в определенной мере наделяя полномочиями местные комитеты или ополченческие формирования (Глава 5).

В результате децентрализации увеличивается объем локальной информации и одновременно возникают проблемы морального вреда, поскольку неточные сведения приводят к неизбирательному насилию и имеют контрпродуктивное действие. Один афганец — житель деревни — сообщил американским солдатам, что слова людей из враждебного племени о деятельности в деревне бойцов Талибана не соответствуют правде, и добавил: «Не делайте той же ошибки, что и русские. Они слушали информаторов, арестовывали не тех и в итоге настроили все население против себя» (Zucchini 2004: A9). Женщина из партизанского отряда в Гватемале говорила, что вступила в сопротивление, чтобы «не погибнуть от чужой *envidia* (зависти)» — иными словами, от доноса военным, который мог совершить ее личный недоброжелатель (Stoll 1993: 136). Во Вьетнаме один деревенский вор отмечал, что от ложных доносов тот же эффект, что и от попыток коррумпированных чиновников вымогать деньги: «Тебя хватают, потом пытаются, пока ты не сознаешься. Так люди и переходили на сторону Вьетконга, хотя и не испытывали к нему никакой симпатии, — просто потому, что не было выбора. В противном случае их бы арестовали» (Race 1973: 71–72). Действительно, ключевая претензия жителей занятых Вьетконгом районов заключалась в злоупотреблении последних властью — говорили, что «они убивают людей, про которых в селе точно знают, что они невиновны» (Elliott 2003: 944).

Делегирование полномочий местным органам — палка о двух концах: с одной стороны, так реализуется контроль и, путем создания постоянной агентуры на месте, упрощается доносительство, поскольку доносчикам дается

благовидное прикрытие и создается орган для их защиты. Имея доступ к местным данным, агенты способны оценить достоверность получаемых доносов. Колин Лукас (Lucas 1997: 35) полагает, что во Франции революционные комитеты в сравнительно малых населенных пунктах обычно игнорировали доносы, в которых открыто прослеживалась личная и эмоциональная мотивация, или, по крайней мере, не придавали им большого значения». «Допустим, молодой человек влюбился в девушку, — рассказывал мне член повстанческого комитета в одной греческой деревне, — но на пути стал старший брат. Он и донес на брата. Меня он долго уверял, что [ее брат] высказывался против нашей организации. Я его не послушал. Я был объективен, и я утверждал здесь законы» (1-58). Более того, доносительству способствуют местные агенты: принимая на себя большую часть ответственности за насилие, которое учиняется впоследствии, они частично отгораживают доносчицу от последствий ее действий и размывают границы личной ответственности за содеянное.

С другой стороны, делегирование полномочий не является панацеей от неточной информации. Наиболее позорный случай наблюдался в Гватемале: местные агенты намеренно сообщали солдатам неверные сведения (даже инсценировали мнимые бои с партизанами и оставляли на стенах партизанские граффити); таким образом они манипулировали войсками, убеждая военных в том, что город наводнен боевиками, а затем брали его под преступное покровительство и занимались вымогательством (Paul, Demarest 1988). К помощи местных властей для разрешения частных споров порой прибегают даже самые дисциплинированные из повстанцев, как это было во Вьетнаме (Elliott 2003: 259). Дело в том, что отследить действия местных агентов невероятно трудно, особенно в ходе гражданской войны, когда имеет место дефицит ресурсов и острая необходимость действовать.

Политические силы в целом в курсе того, что многие доносы ложные. Им, как военным, проводившим операцию «Феникс» во Вьетнаме, известно, что часто «различие между Вьетконгом и личными врагами стиралось» (Moyn 1997: 115); им не нравится система «анонимных доносов», так как «есть опасность, что анонимы начнут сводить старые

счеты» (Kitson 1960: 100). В письме 1919 г. Ленин критикует екатеринославскую ЧК, объявляя ее «преступной группировкой, которая казнила любого, кто им не нравился, конфисковала, грабила, насилывала, бросала в тюрьмы, подделывала деньги, вымогала взятки и затем шантажировала тех, у кого вымогала, освобождая тех, кто мог заплатить в двадцать раз больше» (Werth 1998: 120). Позднее советские региональные чиновники «поняли, что крестьяне при помощи взаимных доносов осуществляют кровную вражду» (Fitzpatrick 1997: 107). Когда в Советский Союз вторглись немцы, они стали свидетелями именно этого явления. Так, например, солдаты 25-й моторизованной дивизии, вошедшей на территорию Брянской области, «сетовали на то, что доносительство среди местных цветет буйным цветом» (Тергу 2005: 8).

Рано или поздно представители политической силы обнаруживают (как это произошло с американскими офицерами, в 1899–1902 гг. подавлявшими восстание на Филиппинах), что некоторые из сотрудничающих с ними глав городов «втягивают их в местные распри» (Linn 1989: 146). То же осознание пришло к их потомкам в современном Ираке: «они сдают друг друга без зазрения совести»; «из сотни фактов, предоставленных иракской разведкой, полезным оказался только один» (Packer 2003: 71). Американский солдат во время операции в городе Таль-Афаре критиковал работу местных иракцев-информаторов. «Ничего нужного от них не дождешься, — говорил он. — Такое ощущение, что берут навскидку людей из другого племени, или тех, которые должны им денег» (Finer 2005: A1). Внезапно осознал, что его «втянули в семейную разборку», и другой воевавший в Ираке американец, капитан Джон Прайор (Packer 2003: 71); об этом красочно рассказывает его товарищ капитан Тодд Браун:

Случалось как на скандальном ток-шоу Джерри Спрингера — такая аналогия приходила нам на ум: информатор мог заставить нас ловить некоего человека, который чем-то насолил ему лично, — этакая вендетта по контракту. Вот такие случаи с вендеттой мы и называли «шоу Спрингера», ведь это напоминало... ну, те забавные закидоны, что и в Америке порой случаются. Здесь, когда речь идет о личной мести, — все то же самое. Украл, на-

пример, кто-нибудь корову, женился на его девушке или кусок земли отхватил. Мститель идет к нам, говорит, что тот, мол, лидер Аль-Каиды или что-то в этом духе, и ты за ним, как дурак, бегаешь (CNN, 26 December 2003).

Именно поэтому политические силы не доверяют своим местным агентам и предпринимают попытки отсеять ненадежную информацию. Они, как один колумбийский военный, предупреждают своих подчиненных о том, что, дабы не попасть в зависимость от чужих людей, они не должны позволять гражданским им советовать (Roldan 2002: 252). Советник ЦРУ во Вьетнаме вспоминает (Moynar 1997: 122): «Несколько раз у меня возникали сомнения насчет того или иного имени из “черного списка”, где были имена вьетконговцев». «А точно он — ставленник Вьетконга, или просто идейный враг? А может, деловой конкурент главы провинции или округа, или кого-то еще?»²²³ В ходе военной операции в Гватемале военный предупреждал собравшихся перед ним местных жителей: «Те, кто сегодня сюда не явился, и есть самые настоящие партизаны, доставьте мне их сюда. Связанными. Но мне не нужны невинные, не нужны почтенные граждане. И не приводите людей, с кем у вас споры из-за клочка земли, коровы, женщины или денег. Этих мне не нужно» (Stoll 1993: 102).

Однако этот вопрос не так-то легко решается, поскольку люди в целом умеют обманывать и не замечают, когда обманывают их (de Turck, Miller 1990). Одно из решений — предусмотреть процедуру апелляции. Такую процедуру вводили китайские коммунисты, но даже в период относительной стабильности она себя не оправдала, а в кризисные периоды временно упразднилась; в итоге большая часть совершенных ими насильственных действий имела произвольный харак-

²²³ Партизанские лидеры на оккупированном японцами филиппинском острове Лейте «пытались на контролируемой территории установить максимальное подобие правопорядка», иными словами, «со шпионажем и коллаборацией следовало бороться, применяя юридические нормы и наказывая виновных». Не позволялось действовать из злого умысла, выдвигать фальшивые обвинения в адрес невинных, не допускать попыток соседей свести счеты, завладеть чужой собственностью» (Lear 1961: 91).

тер²²⁴. Более того, местные агенты могут прибегать к запугиванию тех, кто подает апелляции²²⁵.

Еще один способ повысить точность данных — ввести отчетность, открыв обществу личности местных агентов и доносчиков. Когда нет возможности укрыться за стеной анонимности, ресурс последних очень быстро иссякает. Например, американское командование планировало распространить список из 1400 лиц, подозреваемых в связях с боевиками в иракском городе Таль-Афар; целью было получить подтверждение или опровержение от местных шейхов. «В итоге от этого отказались, — отмечается в работе (Orpel 2005a: A8), — поскольку почти никто из шейхов не станет добровольно высказываться о статусе подозреваемых так, чтобы об этом знали остальные иракцы». Можно также устраивать ротацию агентов: велики шансы, что у них за пределами родного города нет ни с кем конфликтов²²⁶. Помимо того, что

²²⁴ «Поскольку ответственность за арест, расследование, а также установление виновности лежала целиком на единственном органе — полиции, — не было эффективных способов проверить ее деятельность и предотвратить несанкционированные аресты и наказания» (Griffin 1976: 139).

²²⁵ Хелен Сиу (Siu 1989: 132) рассказывает историю парработника в послереволюционном Китае, который поддержал обвинение в злонамеренных действиях, выдвинутое против одного деревенского жителя, и вынудил его, продав имущество, расплатиться с обвинителем. Дело рассмотрела комиссия и вынесла обратный вердикт: она постановила, что житель деревни стал жертвой «произвольных, оппортунистских обвинений со стороны враждебного элемента». В обстоятельствах гражданской войны этот случай — скорее исключение. Бенджамин Пол и Уильям Демарест (Paul, Demarest 1988) перечисляют немало случаев, в которых попытки человека убедить гватемальских военных в том, что он стал жертвой рэкета со стороны их агентов, заканчивались ничем.

²²⁶ После того, как в 1864 г. в штат Миссури приехал генеральный инспектор северян, он увидел, что «многие солдаты и их близкие стали жертвами мародерства со стороны повстанцев и что у них появились враги, которым они хотели бы отомстить, что ради этой неразумной цели они готовы были даже воспользоваться своим положением в армии»; инспектор высказался за то, чтобы прислать войска из других штатов; тем, рассуждал он, не надо было мстить за три года обид (Fellman 1989: 87). Как заявлял американский советник во Вьетнаме (Moyn 1997: 222–223), «начальник полиции, как и начальник специ-

данный метод сопряжен с определенными логистическими вопросами, он идет вразрез с самой идеей делегирования полномочий ради сокращения расходов на слежку: агенты из других регионов менее эффективны в сборе и оценке информации, чем местные.

Наиболее эффективное решение, вероятно, состоит в том, чтобы по разным источникам проверять доносы на истинность и, если они ложны, наказывать доносчиков. Памятка сотрудникам гестапо, которую рассылали во все берлинские штаб-квартиры, относилась к доносам на близких родственников, в частности, на супругов; в ней отмечалось, что существует практика сведения — посредством доноса — личных счетов, чего гитлеровский режим никак не предусматривал. Памятка предусматривала более жесткие правила для доносителей в браке: нужно было подтвердить под присягой, находится ли доносчик уже в разводе или только подумывает об этом шаге; кроме того, в министерстве юстиции заявили, что даже те доносы, которые в конечном счете способствуют раскрытию серьезных преступлений, отнюдь не гарантируют удачного исхода судебной процедуры расторжения брака (Gellately 1991: 143, 148–149)²²⁷. Жестче поступали китайские коммунисты: ложных доносителей, «обвиняющих других в предательстве», они считали самих предателями (Griffin 1976: 173); итальянские партизаны часто казнили соратника, узнав о том, что он примкнул к ним ради осуществления личной мести (Ravone 1994: 451). Немецкая оккупационная армия на территории Советского Союза за ложные доносы арестовывала и сажала в тюрьмы, в некоторых случаях отдавался приказ публично высечь перед всем селом, дабы неповадно было лгать будущим доносчикам (Tegge 2005: 8). Еще один пример мы находим на оккупированных японцами Филиппинах: «Однажды одного солдата напоил приятель, у которого была цель...избавиться от лейтенанта — начальника округа, который был у солдата командиром. Солдату

альной полиции, поселился в Фуйене не ради личной мести: если им и было кому мстить, то только в своем родном городе. Здесь же, в Фуйене, они никого не знали, потому правительство их сюда и назначило».

²²⁷ Впрочем, в работе (Negard 2004: 361) отмечается, что в Советском Союзе при Сталине ущерб от фальшивых доносов был низок, а иногда сводился к нулю.

было сказано, что упомянутый лейтенант получал из города корреспонденцию; солдат не стал разбираться, нашел своего «господина лейтенанта» и хладнокровно застрелил. Позже, протрезвев и, вероятно, поняв всю тяжесть совершенного преступления, он вызвал своего информатора и застрелил и его тоже» (Leag 1961: 94).

Эмпирические данные носят неоднородный характер — зависит от того, насколько эффективно ведется перекрестная проверка. В Перу сотрудник правозащитной организации отмечал, что «"Сияющий путь" всегда проверяет своих жертв» (Rosenau 1994: 317). Участник операции «Феникс» во Вьетнаме заявляет, что «подавляющее большинство пленных в ходе операции "Феникс" были захвачены на основе реальных и достоверных свидетельств, а не каких-либо единичных заявлений, чьим мотивом могла бы послужить личная неприязнь» (Herrington 1997: 196); при этом американский военный обозреватель отмечал, что «фальсификация данных и сведение счетов с личными врагами действительно имели место, но в случае, если виновника разоблачали, за этим обычно следовали те или иные дисциплинарные меры» (Moyn 1997: 120). Британцы в Кении применяли систему, опирающуюся на множество тайных информаторов; принцип был такой, что «любого настоящего террориста или члена повстанческого комитета должны опознать двое-трое агентов» (Kitson 1960: 101)²²⁸.

Берлоу (Berlow 1998: 247) вспоминает свою беседу с активистом филиппинской «Новой народной армии»: «Требования возмездия, поступающие от семей, мы не принимаем», — сказал он, пояснив, что их организация, как и государственная армия, получает массу фальшивых доносов, написанных исключительно из личных интересов. «У нас свой порядок применения наказания, включая смертную казнь».

Однако, чтобы перекрестная проверка была эффективной, необходим полноценный контроль и развитая бюрократическая система, а этого трудно добиться в условиях гражданской войны, когда ресурсы, особенно на спорных территориях, истощены. Имеющиеся данные свидетельству-

²²⁸ Китсон (Kitson 1960: 102) добавляет, что «затяга была трудоемкая и утомительная для анонимных агентов, особенно когда вдруг начинало палить солнце, они изнемогали от жары, хотели пить».

ют о том, что воюющие стороны не настолько готовы тратить ресурсы на проверку доносов на истинность, как, скажем, это готовы делать авторитарные режимы. Так, испанская инквизиция нередко успешно отличала правду от лжи, хотя в 80-е гг. XV в. один крестьянин и утверждал, будто «в Кастилии по ложным свидетельствам сожжены полторы сотни человек» (Kamen 1998: 175). То же утверждает и Джеймс Гивен (Given 1997: 141), отмечая, что степень манипуляции инквизицией, осуществляемой местными жителями в средневековом Лангедоке, определялась частотой, с которой инквизиторы налагали епитимью на граждан, виновных лишь в лжесвидетельствовании против невиновных. «Манипулирование инквизицией явилось для некоторых лангедокцев новым и чрезвычайно эффективным политическим инструментом, — заключает он, — однако всегда существовал риск, что инквизиторам откроется правда. Неудавшийся интриган в этом случае платил сполна».

А вот в условиях гражданских войн, тем более — на плохо контролируемых территориях, примеров эффективной перекрёстной проверки фактов я не нашел. Испанские ополченцы-республиканцы не предпринимали каких-либо организованных усилий по установлению истинности или ложности доносов, по которым расстреливали деревенских жителей (сейчас выясняется, что имели место и те, и другие случаи: Harding 1984: 75–76). Американский офицер, служивший в Ираке, отмечал, что местные анонимные информаторы — «первый ключевой этап в выявлении босвиков». Он также замечает, что, «конечно, никуда не денешься от того, что эти люди часто ошибаются, но, поскольку мы хуже их знаем местность, их присутствие рядом для нас полезно» (цит. по: Finer 2005: A1). Другой военнотружущий признавал, что установить истинность многих неоднозначных рассказов, полученных от информаторов и их жертв, для него не представлялось возможным. «Я вам что, Шерлок Холмс какойнибудь?!» — возмущался он (Packer 2003: 72).

Вместо установления истинности фактов политическая сила прибегает к «вторичной» работе с биографическими данными — вторичной потому, что проводится в тот момент, когда список имен уже поступил: обращают внимание на вероятные признаки лояльности/нелояльности и таким образом отделяют истинные доносы от ложных. Так, индий-

ские силы безопасности в Пенджабе разыскивали «сикхскую молодежь в возрасте от 18 до 40 лет, носящую длинную бороду и тюрбаны» (Gossman 2000: 267). Никарагуанские контрасты считали вероятными сторонниками сандинистов школьных учителей и медицинских работников — людей как раз этих двух профессий избрали своей целью и боевики РЕНАМО в Мозамбике (Nordstrom 1997: 83). Гватемальская армия подозревала учителей, инструкторов-иностранцев, священнослужителей и сотрудников кооперативов (Wagten 1998: 95; Paul and Demarest 1988: 125–126). Для колумбийских повстанцев легитимной целью являются зажиточные граждане, а для полувоенных формирований — профсоюзные деятели и правозащитники (Fichtl 2004: 5). У Вьетконга под подозрение попадали все, кто ездил в торговые города, где сохранялась власть правительства (Elliott 2003: 949–950). Естественно, что работа с биографией часто неэффективна. Например, инквизиция в Лангедоке не отсеивала ложный донос, если жертва доноса «нанесла обиду высокопоставленным членам местной политической верхушки и таким образом сама поставила себя под удар» (Given 1997: 147).

Более того, если слишком полагаться на составленные по личным данным портреты, то нарушается основной принцип селективного насилия: действительно, получается компромисс между потребностью в селективности и ограниченностью информации. В ходе полевой работы, проводимой мной в Греции, я столкнулся с несколькими случаями, когда смешивалась составленная характеристика и местные данные. Так, я выяснил, что боевики убили главу села, на которого до этого, вероятно, донес брат обманутой им невесты; будучи главой администрации, он также имел частые контакты с оккупационными властями, и, вероятно, это стало последней каплей при принятии решения (I-6, I-7)²²⁹.

Наконец, невозможно оценить пропорцию ложных положительных и ложных отрицательных случаев. Однако су-

²²⁹ В некотором смысле в портрете, составленном на основе личных данных, совместное производство насилия проецируется на жертву: сдают прежде всего тех, у кого есть личные враги и кто имеет в обществе репутацию неблагонадежного человека. Этот пример также иллюстрирует влияние на формирование насилия существующего раскола в обществе, в соответствии с местной динамикой.

ществуют свидетельства тому, что политические силы часто склоняется в ложноположительную сторону. В начале века американские командиры на Филиппинах официально, ясно сформулировали последствия данной ситуации: «Чтобы арестовать кого-то по подозрению в пособничестве восставшим или предоставлении крова врагам государства, не надо ждать, пока накопится достаточно доказательств для судебного приговора; оказавшиеся под серьезным подозрением в пособничестве боевикам могут быть арестованы и заключены в тюрьму по военной необходимости и могут содержаться на правах военнопленных под юрисдикцией начальника гарнизона до распоряжения вышестоящих органов»²³⁰. Итальянский партизан сформулировал эту проблему в довольно жестких терминах: «Обстоятельства вынуждают нас жестко решать проблему шпионов и доносчиков: подозреваемые должны быть задержаны и расстреляны при наличии минимальной доказательной базы. С другой стороны, существует риск осуждения невинных: но разве возможно сидеть и ждать, пока появятся доказательства предательства? Ждать, пока с нашей стороны кто-нибудь не погибнет и не будет пленен?» (Franzinelli 2002: 204). В Кении обвинения, выдвинутые другими людьми, в том числе анонимными доносителями, в подкреплении фактами не нуждались (D. Anderson 2005: 203). В Колумбии вооруженные группировки «заковыристым судебным тяжбам и трудоемкому процессу пленения подозреваемых предпочитают простое отправление “правосудия” путем массовых казней предполагаемых коллаборационистов» (Fichtl 2004: 5). В 2003 г. колумбийское правительство арестовало еще несколько сотен человек в нескольких округах, основываясь лишь на нескольких доносах; в городке

²³⁰ Фукидид, описывая сицилийскую экспедицию, сообщает следующее: «...после отплытия эскадры в Сицилию афиняне вновь взялись за расследование по делу о мистериях и гермах. При этом, не проверяя достоверность сведений доносчиков, афиняне в своей подозрительности принимали все показания без проверки. Так, на основании доносов и улик негодяев хватали и бросали в тюрьму многих безупречных людей. Представлялось предпочтительным путем строгого расследования все же выяснить дело, чем допустить, чтобы какой-нибудь на вид благонамеренный человек, раз уж он навлек на себя подозрение, избежал пристрастных допросов» (перевод Г. А. Стратановского. — *Прим. ред.*).

Картегена-дель-Чаира арестовали 74 человека по одному лишь доносу от человека, которого местные обвиняли в клевете (Semana 2003). «Лучше по ошибке убить, чем по ошибке выпустить» — этот популярный о Вьетнаме лозунг взяли на вооружение некоторые боевики; для них «правосудие было не абстрактным идеалом, а орудием политической борьбы»; «если приходилось выбирать между престижем революции и абстрактным понятием справедливости, было сразу ясно, чему отдается предпочтение» (Elliott 2003: 91, 947). Один командующий американскими войсками в Ираке замечал о правительственных войсках: «Даже если они кого-то застрелят — даже невинного, — угрызений совести они не почувствуют» (Maass 2005: 47).

Таким образом, жертвами избирательного насилия становится немало невинных людей. Анализируя проявление насилия, имевшее место в родной деревне во время гражданской войны, один греческий краевед приходит к выводу, что причиной убийств «в какой-то мере послужили политические убеждения жертв», но в «большей степени» одержимость желанием отомстить врагам (Kanelloropoulos 1981: 609). Программа «Феникс» во Вьетнаме часто способствовала «искоренению не того элемента» (Adams 1994: 179; Gerald 1989: 516), партизаны антияпонской армии на Филиппинах «убили многих людей как вражеских шпионов, но позже выяснилось, что те не были ими» (Kerkvliet 1977: 177), а в Анголе и УНИТА²³¹, и МПЛА²³² казнили невинных как предателей на основе ложных обвинений, исходящих от личных врагов жертв (Brinkman 2000: 15). Рассказывают, что местный командир алжирского Фронта национального освобождения в целях устрашения казнил 3 тысячи мужчин и женщин, в основном невинных: кампания проводилась в 1958 и в 1959 гг.; именно тогда французы научились ловко сеять подозрения среди местного населения (Horne 1987: 323). В Сальвадоре ложных обвинений было достаточно, чтобы «решить человеческую судьбу: правительственные силы редко начинали следствие

²³¹ Национальный союз за полную независимость Анголы, основанная Ж. Савимби организация, которая с леворадикальных позиций постепенно переместилась вправо. — *Прим. ред.*

²³² Народное движение за освобождение Анголы — Партия Труда. — *Прим. ред.*

по обвинениям, а принцип «невиновен, пока вина не доказана», был совершенно чужд военным, членам сил безопасности или гражданским лицам из иррегулярных частей сальвадорских демократических националистов» (Binford 1996: 107; Wood 2003: 96–97). В отчете о Шри-Ланке значится, что, «веря информаторам на слово, силы безопасности давали добро на решение кровопролитием старых распрей, земельных споров, деловой конкуренции» (University of Teachers for Human Rights 1993: 38). Сулайка (Zulaika 1988: 99) «выяснил, что достоверно установленные «факты» о [предполагаемом информаторе в баскской деревне], в частности, то, что он в событиях 1960 г. сыграл роль предателя, не соответствовали действительности»²³³. Установление квот и вознаграждений за «нейтрализацию» лишь обостряет проблему (Courtois 1998: 21; Moyar 1997: 116; Chang 1992: 218).

Помимо разрозненных сведений существуют и систематические свидетельства. Питер Харт (Hart 1999: 17, 303), в более чем достаточной мере изучив архивы британской полиции, обнаружил, что среди жертв ИРА в 1916–1923 гг. «настоящих информаторов практически не было». Сравнивая данные по казням ИРА и британские разведданные, он приходит к выводу, что большинство реальных доносчиков не попали под подозрение и не были наказаны; большинство же из расстрелянных (а также изгнанных, сданных полиции и тех, у кого сожгли дома) доносительством не занимались ни разу, и те, кто попал в «черный список», обычно также оказывались невиновными. В Перу, как сообщалось, в целях борьбы с повстанцами «Сендеро» был учрежден антитеррористический суд; он вынес приговор сотням тех, кого позже оправдали как не оказывавших содействия повстанцам. К лету 2000 г. по помилованию либо по замене приговора из тюрем вышли 1089 человек (Krauss 2000: 3).

В целом будет справедливым допустить, что политические силы очень часто не видят разницы между виновным и невиновным. Следует ли из этого вывод, что селективное насилие — иллюзия и что всякое насилие по определению неизбежно и в конечном счете контрпродуктивно? Именно так

²³³ Можно дополнить примерами ложного доносительства из оккупированной японцами Малайи (Kheng 1983: 144, 180, 181–182), Гватемалы (Warren 1998: 99) и Шри-Ланки (Senaratne 1997: 147).

происходило во Вьетнаме при реализации программы «Феникс»: о ней говорят, что действовали грубо и одновременно весьма эффективно (Sheehan 1989: 116; West 1985: 95). То же справедливо и для ИРА. Британские власти в 1921 г. в отчете разведки сделали вывод о том, что ИРА крайне неразборчива: «Во всех случаях, кроме одного, убитый [боевиками ИРА] человек не сообщил им никаких сведений»; в то же время составители отчета признавали, что борьба, которую ведет ИРА против информаторов, оказывалась крайне эффективна (Hart 1999: 300). Это наблюдение согласуется с результатами моего собственного исследования на греческом материале: очень многих убили избирательно, но по ошибке; их гибель имела сдерживающий эффект, в чем и состоял умысел убийц. В сумме получается, что, при всем несовершенстве, селективное насилие эффективно. Но каким образом?

В целях сдерживания политические силы должны убедить население в том, что они с достаточной точностью в состоянии их контролировать и наказывать за неподобающее поведение. Другими словами, нужно было создать ощущение надежности отбора. Чтобы достичь этой цели, им не нужно было тщательно выбирать цель. Сочетание попаданий и промахов может быть совместимо с этим ощущением надежности отбора при выполнении трех условий²³⁴.

Во-первых, само присутствие местных агентов говорит о способности и желании организации применять избирательность. Политические силы вмешиваются лишь тогда, когда возникает проблема морального вреда; в противном случае система остается в действии. Политические силы преподносят свои селективные способности как функцию местной власти: один из главных лозунгов «Сияющего пути» был: «У партии — тысяча глаз и тысяча ушей» (Degregori 1998: 143). В этом смысле важность агентов на местах определяется в меньшей степени их деятельностью и в большей — самим их

²³⁴ Очевидно, оптимальная для политической силы стратегия — случайный выбор, который внешне выглядит осознанным (на это мне указал Диего Гамбетта, за что я ему признателен). На практике достичь этого сложно; для создания убедительного впечатления об отборе нужна административная машина, внедрение которой стоит денег, а после того, как она внедрена, она действует не чисто случайно, а чередует попадания и промахи.

существованием. Если народ думает, что сеть информаторов активна, они будут склоняться к тому, что за жертвой действительно есть вина (Herrington 1997: 39) — или, по крайней мере, они будут в некотором замешательстве, так что не будут и рассматривать других вариантов. Это согласуется с наблюдениями о том, что если сеть информаторов производит впечатление функционирующей, то это впечатление обладает парализующим действием. «Невозможно разобраться, кто есть кто», — эта фраза, например, характеризует ощущения жителей Гватемалы (Green 1995: 105). А вот так в 1922–1923 гг. описывал очевидец ситуацию в Ирландии: «Пожалуй, из всего, что мы тут наблюдаем, в наибольшей степени достойна порицания так называемая “разведка”. Невозможно понять, с кем говоришь — с “сотрудником разведки” или нет... Если кто-то куда-то идет, за ним следят все глаза, об этом подозрительно перешептываются все языки» (Hart 1999: 124). Хотя насилие часто носит публичный характер²³⁵, его причины понимаются весьма неоднозначно. Когда рассказывают об актах террора, отмечают распространение слухов и черных списков, а также «наветов, намеков, сплетен» о перечисленных в этих списках людях (Green 1995: 109; Faivre 1994: 145).

Во-вторых, местные агенты помогают политическим силам избежать грубейших ошибок, на которые сразу обратит внимание население и останется при мнении, что политическая сила все время ликвидирует не тех людей²³⁶. Как я уже говорил в предыдущей главе, неизбирательное насилие приводит к очевидной для окружающей ликвидации потенциальных или действительных сторонников власти, чего можно избежать путем делегирования на места. Политические силы не хотят, чтобы люди задавали вопросы,

²³⁵ Бывает, что на телах жертв оставляют записки с приглашением на открытый суд (обычно марионеточный) или открытую исповедь (Kheng 1983: 180; Cobb 1972: 1921). Например, вьетконговцы крепили к трупу «извещение о смерти», в котором были перечислены все «преступления» ликвидированного ими врага и сделан вывод, что у убитого «накопилось перед обществом много кровавых долгов», за которые он должен быть осужден.

²³⁶ Заметьте, что убедить семью жертвы в ее виновности не удастся; однако если открыто высказываться на этот счет опасно, то они будут молчать (Natouitou 1993: 157, 174). Кроме того, заявлениям родственников, как правило, не слишком верят.

подобные тем, что они задавали местному палестинскому руководителю об убийстве подозреваемого в сотрудничестве с израильянами: «Зачем вы его убили? Он же ни в чем не виноват» (Swedenburg 1995: 199)²³⁷.

В-третьих, когда переход на сторону противника происходит в стесненных обстоятельствах (например, там, где ситуацию контролирует противостоящая сила), он обычно происходит тайно; людям неизвестно, человек пострадал как предатель или нет²³⁸. В ряде районов Сальвадора, которые изучал Ли Бинфорд (Binford 1996: 112), «большинство политически "нерешительных" жителей не имели никакой возможности узнать, заслуженно или незаслуженно убитым армией людям предъявили обвинение в пособничестве партизанам, поскольку деятельность Революционной армии народа не была там особо заметна». Когда нет уверенности в виновности или невиновности жертвы, но есть некоторая убежденность относительно надёжности организации, большинство людей делают вывод о виновности и соответствующим образом меняют свое поведение. Посмотрите на приведенные ниже свидетельства из Алжира, Вьетнама, Шри-Ланки и Колумбии:

²³⁷ Именно поэтому не срабатывает вариант, когда случайный выбор жертв выдают за осознанный. Кроме того, обратите внимание, что убийство людей, которые известны как жертвы злонамеренных доносов, не всегда интерпретируется как ошибка: злонамеренный донос также может оказаться правдивым.

²³⁸ Даже если насилие направлено на членов организации, некоторые из них могут быть невиновны, и остальные никогда об этом не узнают. Степень секретности отступничества варьируется в зависимости от дополнительных факторов, в частности, от обычаев организации, в которой состоял ранее. Например, японцы во время кампании по зачистке заметили, что коммунистические организации в Юнцине сильнее, чем в Хэцзяне (оба уезда находятся в центральной части провинции Хэбэй), и это несмотря на то, что Хэцзяне исторически сильнее коммунистическая традиция. Поскольку коммунистическая организация в Хэцзяне создавалась в условиях надежного военного присутствия, коммунистических активистов знали все жители сел; когда коммунистов прогнали, стало возможным донести на большинство местных активистов; в Юнцине, напротив, коммунистическая организация была основана позже и не в столь благоприятных условиях, в ее составе были тайные организации, способные лучше противостоять японскому натиску (Hartford 1989: 117).

Когда мы слышали, что убит человек X или Y, мы говорили себе: кто бы мог заподозрить, что они предатели? Но, раз уж Фронт национального освобождения их казнил, — значит, были виновны» (Натомтоу 1993: 157).

Вьетконг казнил в моей деревне четверых, объяснив, что эти четверо были платными агентами, работавшими на правительство. Вычислить, так это или нет, не мог никто. Боялись. Не смели сказать ни слова (Mallin 1966: 72).

Повстанцы из Народного фронта освобождения Шри-Ланки сумели создать «общее впечатление, что если они кого-то убили, значит, он или она своими деяниями заслужил(а) наказание» (М. Моог 1993: 628).

Среди населения существует широко распространенное убеждение, что люди, ставшие жертвой насилия, «сами запросились». Комментируя судьбу убитого, люди обычно говорили «*Algo debia*» (чем-то провинился в прошлом) или «*Es que se habia polarizado*» («поляризовался», «радикализировался»); объясняя убийство, жертву часто обозначали словами *desintegrado*, *descompuesto*, *ladron* (вор), *falton* (не сдержавший слово), *hablon* (болтун) или *desechable* (отброс) (G. Martin 2000: 181).

Если вкратце, эффективность селективного насилия в меньшей степени определяется безупречной точностью попадания в цель и в большей — созданием у населения иллюзии, что имел место процесс выбора. Для создания такой иллюзии важное значение имеют местные агенты; этим объясняется очевидный парадокс кампаний селективного насилия: они оказываются крайне эффективными, несмотря на низкую точность попадания в цель.

7.5. ПОЛИТЭКОНОМИЯ ДОНОСИТЕЛЬСТВА

Эффект от доноительства зависит как от мотиваций, так и от сдерживающих факторов. Мотиваций может быть много, причем самого разного характера (Глава 10); доносов нельзя избежать даже при низком уровне социального

конфликта и высоком уровне солидарности, учитывая, что запустить этот процесс может и небольшая группа людей. Сдерживающие факторы влияют на доноительство более эффективно.

Поток доносов подвержен фундаментальному сдерживающему фактору: вероятности возмездия либо для доносчика, либо для реагирующего на доносы местного комитета. По нормам общества, данное действие вызывает ненависть — для доносчика это, конечно, потенциальный источник риска, но реальная опасность заключается не в аморфном чувстве неприязни, а во вполне материальных репрессиях. Этот аспект обычен для организованной преступности: реальная угроза возмездия останавливает желающих дать против преступников показания (Butterfield 2005). Похожий механизм обнаруживается на гражданской войне. Вот как один житель греческой деревни, у которого дядю убили левые, объяснил свой отказ донести на убийц правой администрации. «По селу рыскали партизаны, — сказал он мне. — Не знаешь, что случится с тобой завтра» (I-10). Другой деревенский житель, коммунист, вспоминает свои впечатления (Nikolaidis 1977: 55), после того как его соратник, партизан, вытащил одного из его земляков на «народный суд» и жестоко его избил. Он высказал тому все, что думал: «Представляешь, каково нам тут придется после этого твоего судилища?! Ты уйдешь, а нам-то тут жить!» Данный процесс подтверждается следующими примерами из Кении, Алжира, Вьетнама и Северной Ирландии:

Даже если «лоялисты» кикуюю знают, что те или иные горожане — сторонники мау-мау, этим людям непросто дать против них показания или просто сообщить их имена. Поступи они так — месть будет незамедлительной (Leakey 1954: 121).

Жители, которые серьезно пострадали от их действий, их непременно узнают, но доносить на них не станут, если это будет сопряжено хотя бы с малейшей степенью риска. Страх перед репрессиями всегда будет мешать им поддерживать с нами контакт и сообщать имеющиеся сведения... Мы не имеем права закрывать глаза на то обстоятельство, что успех в получении информации возможен лишь в отсутствие риска для того, кто ее предоставляет (Trinquier 1964: 35, 78).

Правило номер 1 гласило: «Никогда не сообщать правительству о деятельности коммунистов». В деревне Хьеп Хоа большинство жителей прекрасно знали, какие семьи сочувствуют революции и кто входит в деревенский комитет партии. Однако приходилось сомневаться насчет политических пристрастий соседей вокруг... Практически в каждой вьетнамской деревне был один тайный информант, немедленно сообщавший вьетконговцам имя какого-нибудь фермера, предупредившего американцев о засаде. Таким образом, структуры Вьетконга превращались в инструмент, при помощи которого революционеры добивались молчания населения — и этого молчания хватало, чтобы свести на нет наши усилия (Herrington 1997: 39).

Таким образом, решающий фактор в изначальной неудаче вьетнамской правительственной разведки ситуации в деревнях — изменение состояния безопасности агентов разведки: правительство Вьетнама утратило возможность их защищать. Очевидно, изменился и расчет рисков. Учитывая высокую вероятность возмездия за подобную деятельность, те, кто рассчитывал на ней заработать, все взвесили и решили, что рисковать жизнью они ради нее не готовы. Те, кто был недоволен революцией, увидели, что цена возмездия сильно выросла. (Elliott 2003: 424).

Она проживала в этом районе и знала, кто убил ее мужа, она не могла об этом сказать, так как там проживали все мои братья и мой отец, — им бы пришлось уехать из страны. Остаться бы не вышло. Поэтому об убийствах она молчала. Встречала убийц каждый день, и они ее периодически запугивали, чтобы она ненароком не проболталась (Smyth, Fay 2000: 23).

Значение риска расплаты как детерминанты доношительства подтверждается психологическими исследованиями, в соответствии с которыми относительная концентрация признаков возмездия препятствует мщению как таковому (Bandura 1983); с экспериментальными данными, которые показывают, что в ряде обстоятельств ожидание возмездия есть эффективный регулятор агрессии (Walters 1966); с социологическими исследованиями на сельском материале, в которых установлено, что крестьяне со всей серьезностью принимают во внимание настроения других крестьян — их желание или нежелание с ними конкурировать, соперничать (Hua,

Linshan 1996: 180–182); а также с исследованиями преступной и квазипреступной среды, показывающими, что реальная угроза возмездия со стороны преступников мешает жертве или свидетелю заявить о преступлении или предоставить улики (Crisp 2000: 620) — не говоря уже о многочисленных случайных, но при этом глубоких наблюдениях, сделанных авторами литературных произведений (Stendhal 1996: 38). Наличие данного риска объясняет, почему доносчики (а равно и информаторы) стремятся к анонимности.

В изданном в России словаре «доносительство» определяется как тайное уведомление представителей правительства о какой-либо незаконной деятельности (Kozlov 1996). Политические силы часто осознанно обеспечивают анонимность с целью снизить риск от доносительства (Kamen 1998: 182; Моуар 1997: 74)²³⁹. Этот стереотип — человек, лицо которого скрыто капюшоном, указывает на тех, кого нужно арестовать (пресловутые латиноамериканские *encapuchado*), характерен для большинства гражданских войн²⁴⁰. Политические силы не жалуют идею полной анонимности, поскольку это «открытая дорога к корыстному и злонамеренному лжесвидетельству» (Kamen 1998: 182).

Однако добиться анонимности непросто, особенно в маленьких населенных пунктах. «В глухой вьетнамской деревне ни у кого ни от кого нет тайн», — вспоминает Стюарт Херрингтон (Herrington 1997: 23). У кипрских крестьян есть пословица: «Думал дурак побить жену так, чтоб соседи не слышали» (Duttell 1996: 224). Определить происхождение доноса часто возможно, особенно в маленьком городе, где имеют место личные распри (Butterfield 2005: 22; Argenti-Pillen 2003: 61-62; Berlow 1998: 44)²⁴¹. Кевин Эндрюс (Andrews

²³⁹ В нью-йоркском метро я видел объявление со следующими словами: «Чтобы оказать содействие в раскрытии тяжкого преступления, вам не нужно называть себя. Звоните 1-800-577-tips. Вознаграждение в размере от 2 тыс. \$».

²⁴⁰ См. напр.: D. Anderson 2005: 202; Wood 2003: 114; Mahmood 2000: 83; Zur 1998: 80; Stoll 1993: 62; Stubbs 1989: 44; Kheng 1980: 96; Kerkvliet 1977: 66; Kitson 1960: 100.

²⁴¹ Здесь смыкаются понятия кровных распри и чисто политической деятельности: тайное осведомительство вычислить труднее, чем злонамеренный донос, мотивированный частным или локальным спором.

1984: 122), объехавший Грецию в 1949 г., упоминает следующий разговор, который он имел с жителями деревни:

«Скажите мне только одно: люди, которые жгли дома, те, кто убили вашу сестру и ее ребенка, — что с ними теперь?»

«Что с ними теперь? — переспросил он с таким же наивным, как и у Папаставроса, лицом. — Да ничего».

«То есть?»

«Да тут все».

«В деревне? До сих пор?!»

«А куда им деться?»

«Но он знает, кто учинил бесчинства?»

«Конечно, знает. В деревне все про всех известно».

Пострадавшие от гражданской войны в штате Миссури подавали властям прошения, в которых значились предполагаемые имена совершивших насилие (Fellman 1989: 60); эскадрон смерти в Гватемале выступал в масках, но кое-кто из родственников погибших опознал нападавших (Paul, Demarest 1988: 123); после убийства сыновей Саддама Хуссейна в Ираке стало немедленно известно о том, кто к этому причастен²⁴²; в одной греческой деревне из тех, в которых я вел исследования, анонимный доносчик в капюшоне, приведший немцев и указавший на членов сопротивления, был опознан таким количеством местных жителей, что ему ничего не оставалось, как, сняв капюшон, показать себя.

Родственники и друзья жертвы доносительства, как правило, испытывают естественное желание отомстить либо доносчику, либо местным агентам, с чьего одобрения произведен донос. Таким образом, потенциальные доносчики и местные комитеты должны принимать во внимание опасность возмездия. В отличие от мести в рамках кровной вражды, носящей прямой характер, месть в обстоятельствах гражданской войны предполагает наличие посредника. Как отмечалось в Главе 3, кровная вражда выражается в основном в демонстративных проявлениях, которые регулируются конкретным сводом норм о том, за какие именно обиды полагается мстить; этими нормами объясняется, почему люди

²⁴² "Host betrayed Saddam's sons," BBC News, 24 июля 2003, http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/middle_east/3092783.stm.

горят желанием отомстить, даже несмотря на потенциально высокую цену мести (Gould 2003). Нежелание — в большинстве культур — подавляющего большинства людей совершать насильственные действия и отсутствие желания мстить объясняется отсутствием норм кровной вражды²⁴³. Гражданская война расширяет возможности мести и существенно снижает ее себестоимость: человеку нет необходимости пачкать руки в крови.

Мечь принимает форму «контрдоносительства» — иными словами, на изначального доносчика доносят противоборствующей политической силе. Как мы знаем, доносчики имеют возможность воспользоваться политической силой в своих целях; таким же образом родные жертвы доноса могут осуществить «контрдонос» на изначального доносчика. Проще говоря, свойственная большинству людей фундаментальная неприязнь к совершению насилия своими руками плюс желание политической силы монополизировать насилие²⁴⁴ способствуют превращению контрдоносительства в основное орудие возмездия. Прежде всего контрдоносчик должен иметь доступ к лагерю противоборствующей силы (и эта сила должна быть способна осуществить расправу). Доступ к политическим силам асимметричен, им свойственно естественное нежелание придавать циклу мести эндогенный характер. Во-вторых, если доносители принимают в расчет риск возмездия, контрдоносителям следует задуматься об опасности контрвозмездия²⁴⁵. Когда люди чувствуют, что, даже будучи разоблачены как доносчики на лиц из своего лагеря или объявлены таковыми, они могут рассчитывать на защиту от возмездия со стороны противоборствующей политической силы, то они с большей охотой совершают

²⁴³ Подтверждается наблюдением о том, что массовые убийства совершаются относительно малочисленной группой людей (Valentino 2004).

²⁴⁴ Кэтлин Хартфорд (Hartford 1989: 114) рассказывает о том, как компартия в Китае внедряла программы по «устранению предателей» под непосредственным контролем не деревенского, а окружного комитета партии. Убийства проводились с санкции округа; убийства из мести, по собственной инициативе, не разрешались.

²⁴⁵ Конечно же, личность контрдоносчика в этом случае должна быть для изначального доносчика столь же прозрачна.

акт доноса (контрдоноса)²⁴⁶; если они переживают из-за того, что в ходе доносительства они с большой вероятностью оказываются уязвимы, и, таким образом, им грозит возмездие в виде контрдоноса (или если считают, что их доносу или контрдоносу едва ли будет дан ход), эти люди — наиболее вероятные доносчики²⁴⁷. Хотя считающийся приемлемым уровень защищенности будет варьироваться в зависимости от индивидуальной рискоустойчивости с учетом силы мотивирующего импульса, основополагающая линия для нас состоит в том, что доносы будут функцией контроля, осуществляемого политическими силами. Контроль также влияет на способность политической силы осуществлять расправы. Я интегрировал это положение в формализованное представление теории селективного насилия, которое привожу ниже.

7.6. МОДЕЛЬ СЕЛЕКТИВНОГО НАСИЛИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Попробую формализовать теорию селективного насилия и построить прогнозы относительно вероятности селективного и неизбирательного насилия вне зависимости от места, а также относительно личности исполнителя (будь то представители власти или повстанцы); теория не принимает в расчет интенсивность и сроки совершения насилия. В целях

²⁴⁶ Исхожу из того, что низкая вероятность погибнуть автоматически не означает сверхвысоких ожидаемых издержек. Действительно, крайне низкая вероятность быть убитым может способствовать тому, что люди будут вести себя, как если бы шансы были равны нулю. Имеется обширная база экспериментальных данных, из которых следует, что люди склонны переоценивать свои шансы на успех относительно выгодных дел и недооценивать шансы на успех дел потенциально дорогостоящих (Mirels 1980; Weinstein 1980; Larwood, Whitaker 1977; Miller, Ross 1975). Когда я задал нескольким грекам-информантам вопрос, почему люди совершали акты доноса, учитывая низкую вероятность возмездия, они проводили аналогию с местной манерой езды на автомобиле: все водят лихо, хотя знают, что существует некоторая вероятность попасть в аварию.

²⁴⁷ Доносительство в пользу политической силы, неспособной осуществить расправы, функционально эквивалентно тому, чтобы остаться вовсе без протекции данной силы.

простоты я разбил модель на три элементарных, связанных между собой процесса: индивидуальная калькуляция перехода в другой лагерь, индивидуальная калькуляция доносительства, организация калькуляции насилия.

Преференции в рамках модели просты и ясны. Политические силы максимально увеличивают территориальный контроль; они стремятся завоевать территорию и увеличить уровень контроля над территорией, которой управляют. Анархию я не рассматриваю; если одна из сил покидает территорию, ее занимает соперник. Под усилением контроля понимаю получение исключительной поддержки мирного населения и пресечение попыток сменить лагерь (иначе говоря, заручиться поддержкой противника); это основная функция селективного насилия.

Производственные издержки селективного насилия я считаю состоящими в обратной зависимости от контроля; распределение контроля в момент t_0 считают экзогенным; как только процесс начался, последующие изменения в контроле являются функцией к следующим факторам: во-первых, экзогенным военным ресурсам, которые позволяют политической силе «завоевать» территорию, которую до того контролировала сила противоборствующая; во-вторых, использованию селективного насилия на территории уже «завоеванной», что способствует увеличению степени сотрудничества и, следовательно, контроля в последующий период времени t_1 — разумеется, при условии, что существующее равновесие сил внешне не изменяется вследствие того, что одна из сил выводит войска, или того, что противоборствующая сила вводит дополнительные.

Мирные жители мыслят ограниченно рационально; они падки на поощрения и стремятся максимально увеличить личную и политическую полезность, зависящую от вероятности выживания; они также склонны смешивать возможности со своими представлениями о возможностях. В рамках модели не учитываются мотивы перехода в другой лагерь и доносительства: они могут быть политическими, личными, объяснятся идеологией, местью или злобой. Однако я принимаю, что доносы происходят на местном уровне между людьми, которые друг друга знают. Я также исхожу из убеждения людей в том, что уровень контроля в регионе их проживания, по их мнению, стабилен. Мирные жители должны принять

два обособленных стратегических решения: переходить или не переходить в другой лагерь, а также доносить или не доносить. Политические силы решают, прибегать ли к насилию и к какому именно.

7.6.1. Переход в другой лагерь

Представим, что географическое пространство разбито на пять четко разделенных зон контроля, проранжированных от 1 до 5. В зоне 1 — полный контроль властей, а в зоне 5 — полный контроль со стороны повстанцев. Между ними расположились зоны 2, 3, 4 — спорные территории, на которых контроль варьируется следующим образом: зона 2 — преимущественно под контролем властей (зона доминирующего правительственного контроля), зона 4 — преимущественно под контролем повстанцев (зона доминирующего повстанческого контроля), а зона 3 — контролируется и той, и другой стороной (паритет).

Следуя Тезису 1, я предполагаю, что переход в другой лагерь (или сотрудничество с противоборствующей политической силой) определяется уровнем контроля, осуществляемого соперничающими политическими силами. Если в деревне k перебежчиков, а c — уровень контроля, который организация имеет в этой деревне, то $k(c)$ растет по мере роста c . Выгода от перехода в другой лагерь включает в себя материальные и нематериальные преимущества, которые сулит содействие организации, с которой человек ведет сотрудничество, тогда как весьма высока цена перехода в другой лагерь при условии, что человека вычислят — плен, пытки, смерть. Если i — награда за переход на сторону врага и u — издержки в случае, если перебежчика поймут, то для подавляющего большинства людей, ценящих собственную жизнь, $u > i$. Таким образом, учитывая предпочтения потенциальных перебежчиков, определяющей для их желания перейти на сторону врага будет вероятность быть пойманными.

Политические силы с радостью вознаграждают за сотрудничество (в форме новых обещаний, продвижения по службе либо материальных благ) в той зоне, где потенциал контроля уменьшается, даже если при этом снижается способность дать обещанную награду. Так происходит при перемещении из зоны 3 в зоны ослабленного контроля. И наоборот, если

происходит переход из зоны 3 в зону более жесткого контроля, возрастает способность арестовывать перебежчиков. Перебежчика либо непосредственно вычисляют, либо узнают о нем из доноса. Если p — вероятность того, что перебежчик не будет ни непосредственно вычислен, ни сдан другими людьми, и, соответственно, не будет пойман, то себестоимость перехода в другой лагерь становится запредельно высока в зоне тотального контроля противника: $p_i > (1 - p)_i$; p достигает максимума при тотальном контроле и снижается до нуля при тотальном контроле со стороны противника. Рисунки 7.1 и 7.2 иллюстрируют отношения между ожидаемой стоимостью и выгодой от сотрудничества с властями и повстанцами соответственно (или перехода к правительственным силам или повстанцам) во всех пяти зонах контроля.

Отсюда следует вывод, что перебежчики из зон тотального контроля (1 и 5) — это практически самоубийцы; обычные люди, преданные делу, совершают переход в другой лагерь из зон доминирующего контроля (2 и 4).

Явление перехода в другой лагерь начинает расти в зоне 3 и достигает запредельных значений в зонах 4 и 5 (переход на сторону повстанцев), а также 2 и 1 (на сторону властей) (рис. 7.3). Проблема перебежчиков стоит остро для властей во всех зонах, кроме 1, а для повстанцев — во всех зонах, кроме 5. Иными словами, зоны 1 и 5 однородны, тогда как зоны 2, 3 и 4 — гетерогенны, что вполне согласуется с их статусом спорных территорий.

7.6.2. Доносительство

Рассмотрим следующее формализованное представление этого аргумента. Возьмем двух сельских жителей, А и В; перед А стоит выбор: доносить или не доносить на В, а равно и перед В стоит выбор, доносить или не доносить на А. Каждый житель деревни в политическом плане связан с одной лишь политической организацией (житель А — с организацией А, а житель В — с организацией В); в свою очередь каждая организация обладает некоторым уровнем контроля; пусть g_A — степень, до которой организация А в состоянии контролировать деревню и исключать организацию В, а g_B — степень, до которой организация В способная контролировать деревню и исключать организацию А. В полном соответствии

Рисунок 7.1. Выигрыш от сотрудничества с властями (или перехода на их сторону) и ожидаемые издержки от данных действий.

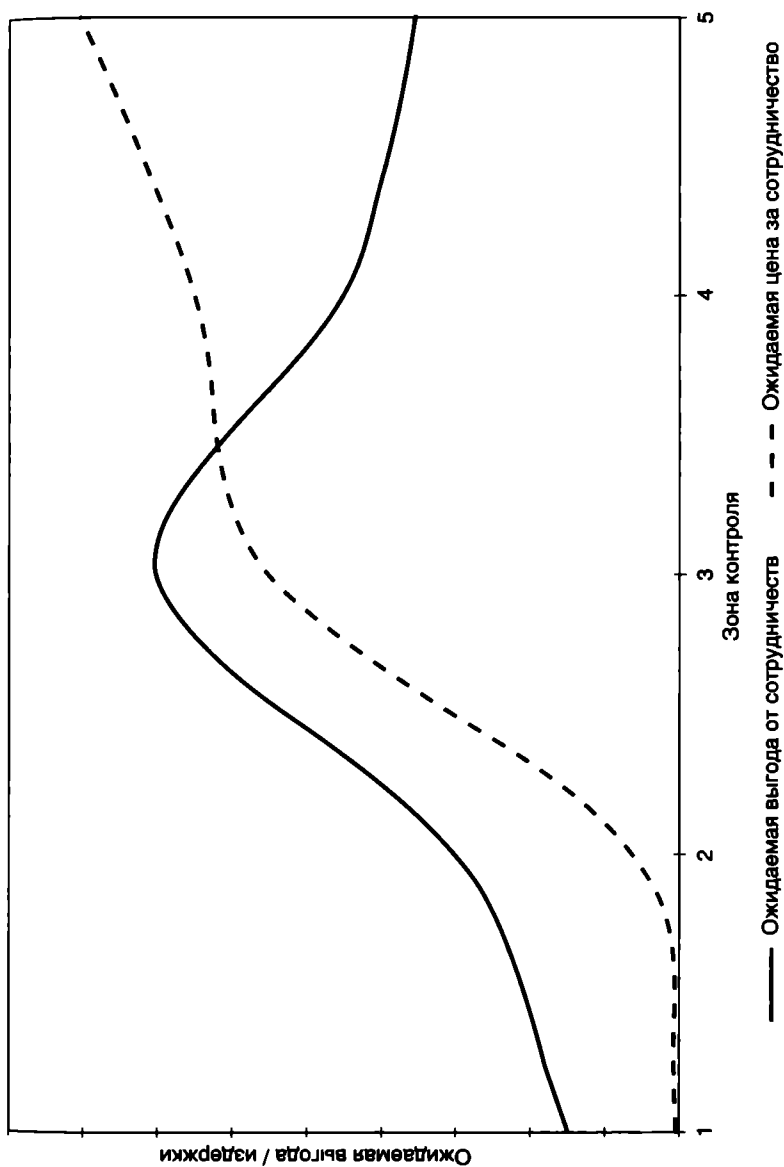
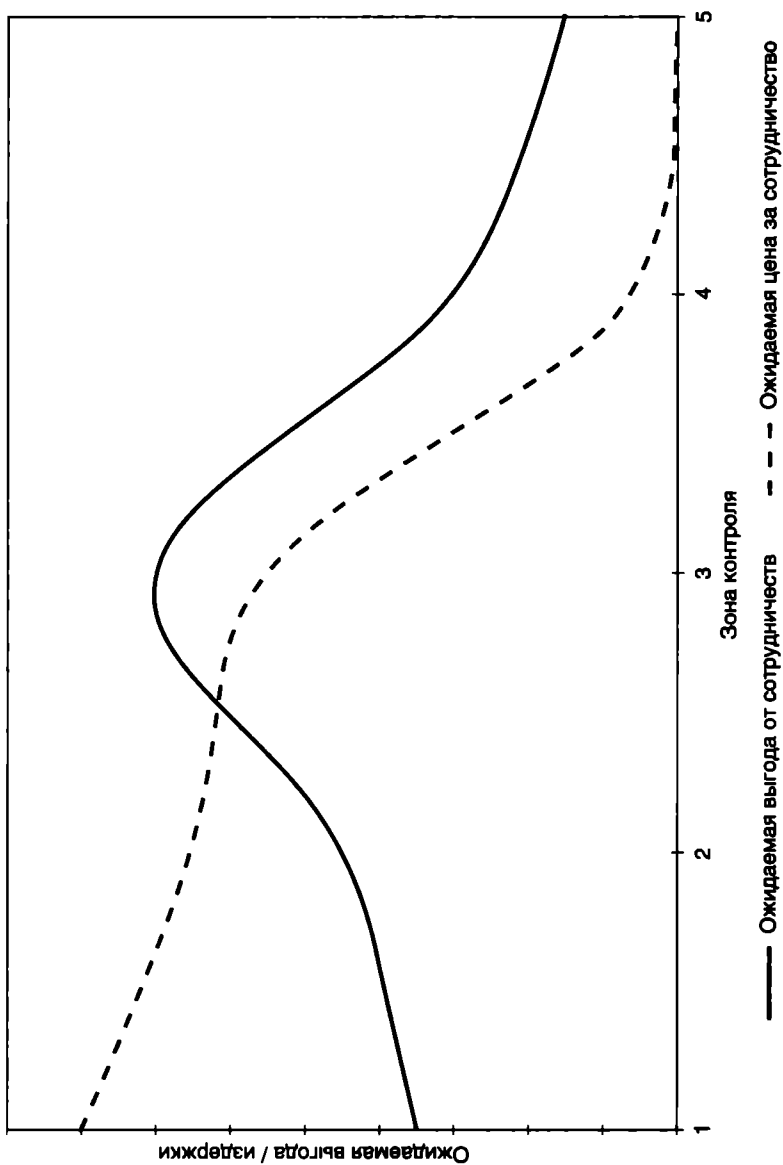

Рисунок 7.2. Выигрыш от коллаборации с повстанцами (или перехода на их сторону) и ожидаемые издержки от данных действий.

с предыдущими рассуждениями в данной главе, значения γ^A и γ^B в пяти зонах следующие:

γ^A растет в зонах 1 и 2, а понижается в зонах 4 и 5, в то же время γ^B растет в зонах 4 и 5 и снижается в зонах 1 и 2; зона 3 — это зона паритета, здесь $\gamma^A = \gamma^B$. Местоположение жителя в пространстве (и, соответственно, γ^A и γ^B) определяются самой природой.

Каждый житель предоставляет сведения определенной организации, которая в соответствии с ней совершает убийства. Я исхожу из того, что жители информируют только ту организацию, с которой они связаны, а также из того, что житель, ставший жертвой доноса, превращается в цель и будет убит политической силой, в адрес которой поступил донос, с вероятностью p .

Пусть p^A — вероятность того, что, реагируя на донос, организация А выследит и успешно ликвидирует В, а p^B — вероятность того, что организация В в ответ на донос выследит и успешно ликвидирует А.

Рисунок 7.3. Переход в другой лагерь как функция контроля.

Исхожу из того, что между доносчиком и семьей его жертвы существует «прозрачность» и, таким образом, имеется потенциал для возмездия: семья человека, на которого донесли и которого убили, имеет возможность отомстить — совершить

акт контрдоноса на изначального доносчика в пользу организации-противника. Деревенские жители выбирают между двумя стратегиями: доносить (D) или не доносить (N).

Пусть x определяет ценность для человека А убийства человека В организацией, с которой связан А, а также ценность для В от убийства А организацией человека В. Это — удовлетворение от устранения местного соперника. Пусть y — непосредственные затраты для человека А на донос на В, а также непосредственные затраты для В на донос на А, которые могут включать в себя разоблачение и наказание от противоборствующей организации — за это наказание я принимаю смерть; $y > x$, потому что собственная смерть для человека превосходит всевозможные выгоды от доноса на соперника и его смерти. Исхожу из того, что x и y , независимо от человека, суть константы. В дополнение к y , пусть q^A — вероятность возмездия посредством контрдоносительства, которое может быть совершено семьей человека А против В, а q^B — вероятность возмездия посредством контрдоносительства, которое может быть совершено семьей человека В против А; q^A — убывающая функция от r^B , степень, до которой организация В способна контролировать деревню, а q^B — убывающая функция от r^A , как то:

$$\begin{aligned} q^A &= q^A(r^B) \\ q^B &= q^B(r^A) \end{aligned}$$

Обратите внимание, что эти функции симметричны и что функция q до нуля выпуклая и вогнутая после нулевой отметки. Вероятность возмездия путем контрдоносительства зависит от того, имеет ли противоборствующая организация монополию или квазимонополию на применение силы. Поэтому можно представлять r^A и r^B как степень, до которой организация способна защитить человека от возмездия противоборствующей стороны. Возможны четыре варианта: «донести, донести» (D,D), «донести, не донести» (D,N), «не донести, не донести» (N,N) и «не донести, донести» (N,D). Выгода от каждого варианта для каждого игрока приведена ниже:

Игрок А

$$\begin{aligned} P^A(D,D) &= p^A(x - q^B(r^A)y) + p^B(q^A(r^B)x - y) \\ P^A(D,N) &= p^A(x - q^B(r^A)y) \end{aligned}$$

$$P^A(N,N) = 0$$

$$P^A(N,D) = p^A(q^A(r^B)x - y)$$

Игрок В

$$P^B(D,D) = p^B(x - q^A(r^B)y) + (q^B(r^A)x - y)$$

$$P^B(D,N) = p^B(q^B(r^A)x - y)$$

$$P^B(N,N) = 0$$

$$P^B(N,D) = p^B(x - q^A(r^B)y)$$

Равновесия следующие:

1. (D,D) — равновесие, когда $x \geq q^B(r^A)y$ и $x \geq q^A(r^B)y$ или $x/y \geq \text{Max}[q^B(r^A), q^A(r^B)]$
2. (N,N) — равновесие, когда $x \leq q^B(r^A)y$ и $x \leq q^A(r^B)y$ или $x/y \leq \text{Min}[q^B(r^A), q^A(r^B)]$
3. (D,N) — равновесие, когда $x \geq q^B(r^A)y$ и $x \leq q^A(r^B)y$ или $q^B(r^A) \leq x/y \leq q^A(r^B)y$
4. (N,D) — равновесие, когда $x \leq q^B(r^A)y$ и $x \geq q^A(r^B)y$ или $q^A(r^B) \leq x/y \leq q^B(r^A)y$

Человек А донесет на человека В, при этом В не донесет на А (D, N), когда r^A велико, а r^B мало, то есть когда у организации А есть монополия или квазимонополия на власть, а организация В не может защитить своих сторонников. Обратная ситуация (N,D) возникает, когда r^A мало и r^B велико. При условии, что $x/y < 1$, равновесие взаимного доноительства (N,N) достигается, когда обе организации неспособны защитить сотрудничающих с ними лиц ($q^A(r^B)$ и $q^B(r^A)$ высоки, тогда как и r^A , и r^B малы); другими словами, люди будут воздерживаться от доноительства ввиду высокой вероятности того, что ее себестоимость будет велика, следуя логике, которая сродни логике взаимно гарантированного уничтожения в гонке ядерных вооружений²⁴⁸.

И наоборот, равновесие взаимного доноительства (D,D) предполагает, что обе организации одновременно обладают потенциалом для того, чтобы защитить сотрудничающих с ними лиц, предотвратить возмездие ($q^A(r^B)$ и $q^B(r^A)$ малы, при этом r^A и r^B высоки); присутствие двух сильных квази-

²⁴⁸ Насчет (N,N) есть следующее предположение: связь между y , x , и q такова, что при $r = .5$, $x < y * q$.

государств в один момент времени и в одном месте крайне маловероятно в условиях гражданской войны, когда для противоборствующих сторон главная цель — достижение монополии на применение силы²⁴⁹.

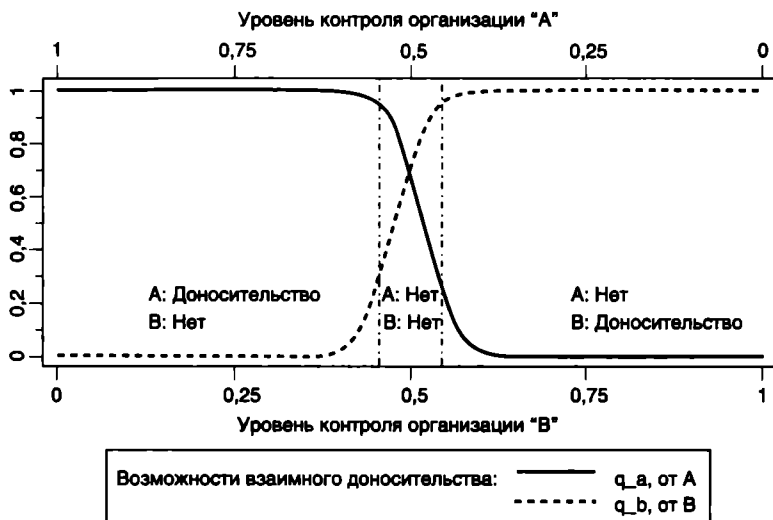

Рисунок 7.4. Индивидуальные равновесные стратегии.

Простое моделирование с использованием разумных числовых значений для y и x (100 и 33 соответственно) показывает, как распределяются равновесия по значениям γ для двух жителей деревни с учетом значений q (рис. 7.4). Человек А донесет, а человек В не донесет, если организация А обладает большим контролем по сравнению с организацией В, и наоборот. Равновесие взаимного недоносительства возникает, когда две организации достигают в контроле паритета. С учетом значений γ^A и γ^B в пяти разграниченных зонах контроля, равновесие (D,N) должно возникнуть в зонах 1 и 2, равновесие

²⁴⁹ Обратите внимание, что результатом (D,D) может быть ненасилие: две стороны эффективно защищают своих сторонников от контрдоносов, но нельзя сказать, что такая динамика наблюдается в случае с ненасилием (показано выше). В главах 8 и 9 я пытаюсь выявить непосредственные свидетельства по механизму ненасилия в зонах паритета.

(N,D) — в зонах 4 и 5, равновесие (N,N) должно возникнуть в зоне 3 (рис. 7.5). Обращаю внимание, что отсутствие доноительства из зоны паритета согласуется с высоким уровнем перехода из лагеря в лагерь, наблюдаемом в этой зоне, о чем было сказано выше.

7.6.3. Насилие

Теперь рассмотрим политические силы. Пусть выгода от применения насилия для политической силы будет b , а издержки от насилия — v . Политические силы прибегнут к насилию при $b > v$ и воздержатся от применения насилия при $b < v$; b включает в себя консолидацию их контроля, что достигается устранением действительных перебежчиков и (особенно) запугиванием потенциальных перебежчиков; v включает потенциальные негативные последствия насилия: те, кого оно может затронуть, могут, при определенных условиях, перейти на сторону противоборствующей силы при том, что до насилия они ни о каком переходе не помышляли; включен и отчуждающий эффект насилия, которое понимается как нечто неуместное, неоправданное, там, где условия для смены политического лагеря практически отсутствуют; v — функция от их возможности перейти в другой лагерь (зависит от доступности противоборствующей силы) и понимания, что подчинение — занятие бесполезное и не гарантирует сохранения жизни; она зависит от избирательности насилия.

	(D,N)	{D,N}	{N,N}	{N,D}	(N,D)
Контроль	1	2	3	4	5

Рисунок 7.5. Равновесия доноительства (расчет исключительно по индивидуумам).

Информация о перебежчиках получается либо путем непосредственного наблюдения — при высоком уровне контроля, либо из доносов — когда контроль ниже; у нас второй случай, поскольку непосредственное наблюдение предполагает наличие большого бюрократического аппарата, что невозможно в условиях, когда контроль оспаривается, то есть на спорных территориях. Если не будет доносов

или они будут систематически ложными, тогда себестоимость насилия будет выше, чем выгоды от его применения ($b < v$), и, таким образом, насилия не будет. Показатель общей предвзятости доносов — оценка политической силой вероятности перехода в другой лагерь, $k(c)$. В ситуации отсутствия противоборствующей силы переход на сторону врага маловероятен: $k(c) = 0$; таким образом, большинство доносов ложные с большой долей вероятности²⁵⁰. Из рассмотренной выше проблемы перехода на сторону противника следует, что $k(c) = 0$ для правительственных сил в зоне 1 и для повстанцев в зоне 5. Таким образом, селективного насилия в этих зонах наблюдаться не должно; не должно его проследиваться и в зоне 3, где, согласно теории, должно отсутствовать доносительство (и, следовательно, должна отсутствовать информация) или должно быть наложено местное вето на доносы из-за страха перед контрдоносами. На рисунке 7.6 изображены прогнозируемые отношения между контролем и насилием. Если коротко, то там, где высок уровень контроля, ни перехода на другую сторону, ни доносов, ни насилия не будет²⁵¹.

Если насилие наблюдается в зонах 1 и 5, велика вероятность неизбирательного насилия, осуществляемого противоборствующей политической силой. Там, где контроль со стороны одной силы носит подавляющий, но неполный характер (зоны 2 и 4), перебежчики и доносчики будут; таким образом, политические силы обладают как стимулом, так и способностью прибегать к селективному насилию. Наконец, в зоне паритета (зона 3) будет в больших количествах наблюдаться переход в другой лагерь, но доносов не будет. Хотя стимул к применению насилия высок, издержки будут гораздо выше. В отсутствие информации применение неизбирательного насилия в зоне 3 может привести к массовому переходу в лагерь противника, отсюда и его низкая вероятность.

²⁵⁰ Если проходит несколько итераций и реакции на донос не следует, то доносительство, вероятнее всего, должно сойти на нет.

²⁵¹ Если точнее, будет ниже уровень насилия со смертельным исходом; насилие в этом случае принимает нелетальные формы (тюремное заключение) и может применяться для достижения целей иных, нежели предотвращение перехода в другой лагерь (например, наказание преступников).

Неизбирательное насилие должно наблюдаться в зонах 2 (со стороны повстанцев) и 4 (со стороны властей), однако его вероятность здесь ниже, чем в зонах 1 и 5, в соответствии с предположением об обратной зависимости неизбирательного насилия от доступности информации (Глава 6). На рисунке 7.7 отражен процесс прогнозирования актов перехода в лагерь противника, доносительства и избирательного насилия и колебания количеств таковых по всем пяти зонам контроля.

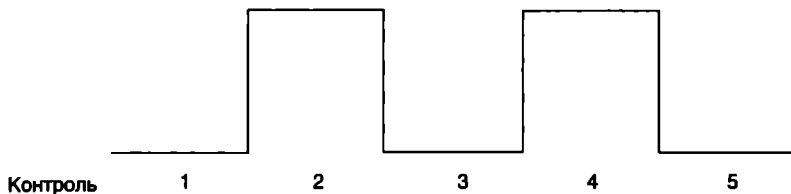

Рисунок 7.6. Селективное насилие и контроль.

Прогнозы можно переформулировать в виде проверяемых гипотез:

Гипотеза 2. Чем выше уровень контроля у политической силы, тем меньше вероятность, что сила прибегнет к селективному или неизбирательному насилию. Таким образом, в зоне 1 не наблюдается насилия со стороны властей, а в зоне 5 — со стороны повстанцев.

Гипотеза 3. Чем ниже уровень контроля со стороны политической силы, тем с меньшей вероятностью сила прибегнет к селективному насилию, и если прибегнет, то к неизбирательному. Таким образом, в случае возникновения насилия со стороны повстанцев в зонах 1 и 2 будет носить неизбирательный характер; то же справедливо и для насилия со стороны повстанцев в зонах 4 и 5.

Гипотеза 4. В условиях фрагментарного контроля насилие будет в основном применяться той политической силой, которая с точки зрения контроля пользуется преимуществом: для зоны 2 — это правительственные силы, для зоны 4 — повстанцы.

Гипотеза 5. Паритет контроля между силами (зона 3), как правило, не приводит к применению селективного насилия ни той, ни другой политической силой.

Данные прогнозы парадоксальны в том смысле, что ни одна из политических сил, а равно и ни один из индивидуумов не прибегает к насилию там, где им бы этого более всего хотелось. В противоположность утверждению Арендт (Arendt 1970: 56) о том, что наивысший уровень насилия должен приходиться на самые спорные территории, поскольку именно там «власть под угрозой», согласно нашим прогнозам, самые спорные территории как раз оказываются островками спокойствия в океане насилия. Еще одно удивительное предсказание заключается в том, что в зоне 3 одновременно наблюдаются как активный взаимный переход на противоположную сторону, так и низкий уровень доносительства²⁵². Другими словами, жители сотрудничают и с той, и с другой стороной, при этом их сотрудничество исключает доносительство. Предсказание относительно отсутствия насилия в эпицентре конфликта интересно с двух точек зрения. Во-первых, предполагается, что с точки зрения симметричные и асимметричные войны представляют собой полную противоположность. В условиях идеальной конвенциональной войны насилие разворачивается целиком на линии фронта; в условиях идеальной иррегулярной войны линия, выполняющая функции линии фронта, оказывается для мирных жителей наиболее безопасной. Во-вторых, данный прогноз служит отражением теоретического наблюдения о совместном порождении насилия: селективное насилие имеет место только в той точке пространства и времени, где пересекаются интересы локальных и супралокальных сил. Насилия нет на той территории, где политические силы наиболее в нем заинтересованы, или там, где локальные силы более всего желают предоставить необходимую для порождения насилия информацию. Действительно, людям

²⁵² Обратите внимание, что более интуитивные прогнозы, такие как Гипотеза 2, далеки от устоявшихся представлений; немало авторов видят связь между силой авторитарного государства (функционально эквивалентной полному контролю) и высокого уровня насилия (Rummel 1994; Duvall, Stohl 1983: 175–176).

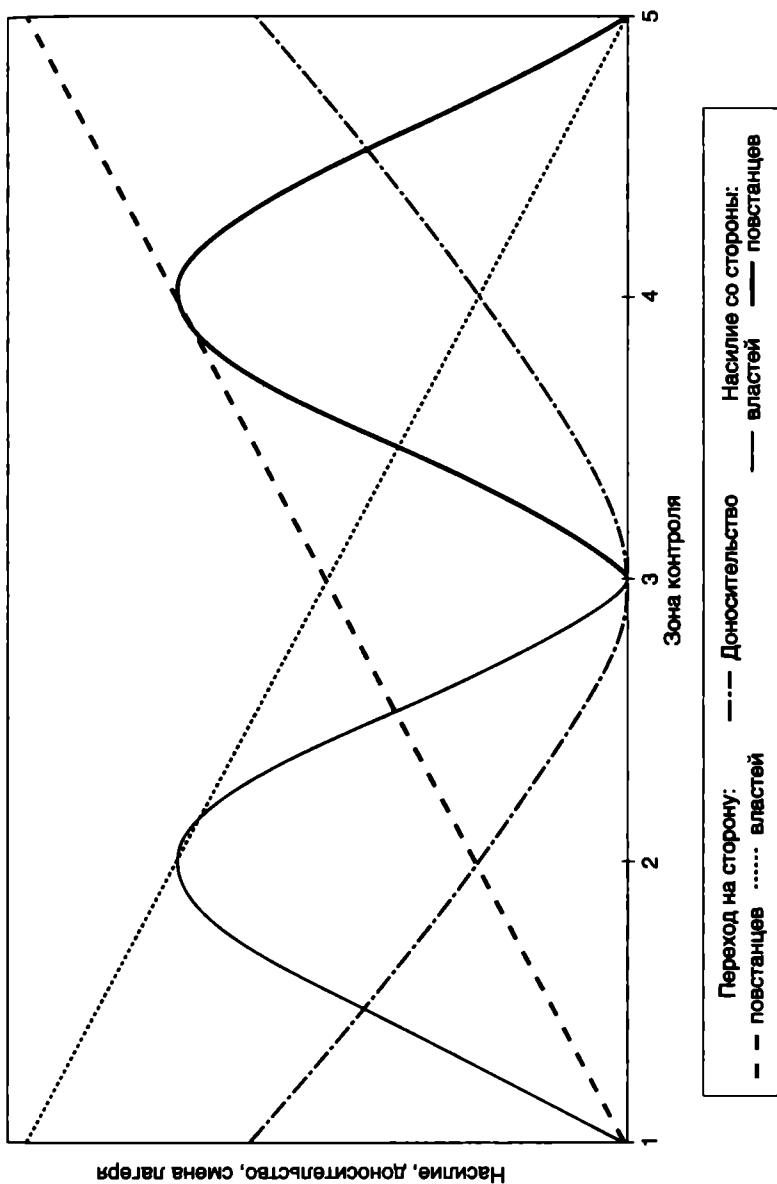

Рисунок 7.7. Прогнозируемая схема селективного насилия, перехода в лагерь противника и доносительства.

будет труднее всего избавляться от врагов там, где условия для доносительства самые безопасные.

Ключевой теоретический вывод состоит в том, что логика государственного террора (там, где сила автоматически трансформируется в насилие) фундаментально противоречит логике насилия в гражданской войне. Из нашей теории также следует вывод об эндогенной по отношению к логике контроля стратегии насилия, применяемого повстанцами. Например, когда повстанцы знают, что вряд ли получат превосходство в контроле, они могут начать применять стратегию неизбирательного террора — именно это мы видим на примерах Северной Ирландии, Страны басков, Палестины. Кроме того, наши прогнозы противоречат логике дилеммы безопасности, согласно которой возникновение насилия имеет место преимущественно на наиболее спорных территориях (зона 3), с тем аргументом, что в зоне наибольшей уязвимости любой оборонительный ход будет, скорее всего, интерпретирован противоположной стороной как наступательный и, таким образом, спровоцирует насилие. Эти прогнозы также противоречат варианту тезиса о способе ведения войны, связанному с безопасностью, в рамках которого также предполагается всплеск насилия в наиболее спорных районах (зона 3), где политические силы находятся в наиболее уязвимом положении²⁵³. Аналогичным образом, если рассматривать месть в гоббсовских терминах, то она будет наблюдаться преимущественно там, где власть более централизована, т.е. в зоне 3. Наконец, если контроль является отражением поляризации, то самым поляризованным районом оказывается зона 3, где население расколото и сотрудничает с двумя противоборствующими силами. Однако наша теория предполагает ровно обратное.

Наша теория направлена на то, чтобы прогнозировать вариативность насилия в обстоятельствах гражданских войн, и, по идее, должна что-то нам сообщать о межнациональ-

²⁵³ Стоит вспомнить, что на вариант тезиса о технологии ведения войны, связанный с безопасностью, я в своих теоретических изысканиях как раз и опирался. Это доказывает, что автор в своих теоретических прогнозах может довольно далеко уйти от изначальных предположений.

ной вариативности насилия. Если теория верна, то самые кровопролитные гражданские войны — те, что отвечают одному или нескольким из следующих условий: высокий уровень неизбирательного насилия; контроль постоянно перемещается (преобладают зоны 2 и 4); ограничены зоны равного распределения контроля (зона 3); ограничены зоны полного контроля (зоны 1 и 5). Эти схемы явно согласуются со многими типами военного взаимодействия. Согласно предположению из Главы 6, высокий уровень неизбирательного насилия в определенной местности может быть функцией того, что там есть угроза повстанцев, но они слабы, что само по себе функция определенной геополитической ситуации (например, повстанцы, которые стремятся к контролю над государством, могут при прочих равных условиях рассматриваться как большая угроза, нежели сепаратисты). Там, где контроль часто переходит от одного лагеря к другому, причина может крыться во внешней интервенции в ключевых для конфликта точках, в результате которого одна сторона теряет возможность предъявить свои права на проигранную территорию. Таковы американская и северовьетнамская интервенции в ходе восстания в Южном Вьетнаме. Еще один интересный вывод состоит в том, что продолжительные войны не все одинаковы: некоторые длительные гражданские войны — фактически патовые ситуации, в рамках которых переноса контроля почти не происходит и поэтому не возникает насилия²⁵⁴, тогда как в случае с другими длительными войнами наблюдаются продолжительные смещения контроля и, как следствие, высокий уровень насилия. Очевидно, что последнее условие может сохраняться лишь при наличии существенной иностранной помощи противоборствующим сторонам. За внешне равнозначными результатами скрывается целое многообразие конкурирующих механизмов; это предполагает, что при индуктивном изучении межнациональных проблем будет трудно не попасть в ловушку.

²⁵⁴ Это справедливо для регионов Сальвадора, которые изучает Вуд: ближе к концу войны ситуация стала патовой и насилие исчезло. На микроуровне возникновение патовой ситуации — это сигнал для жителей, что теперь можно оставаться политически нейтральными (Wood 2003: 153).

7.7. РАЗЪЯСНЕНИЯ

Теория предполагает упрощение. Наша теория — не исключение. В простоте и состоит ее замечательное преимущество. Тем не менее, об упрощениях в ее рамках следует поговорить отдельно.

Следует начать с того, что военным решениям, касающимся размещения ресурсов в пространстве и времени, присваивается экзогенный характер. Теория также предполагает, что индивидуумы умеют адекватно оценивать риск — в нашем случае риск быть пойманным при переходе в другой лагерь, а также риск контрдоносительства при доносе.

Однако психологические эксперименты показывают, что люди в целом оценивают риски не слишком хорошо (Kahneman, Tversky 1974). Нерациональные суждения затуманивают и даже искажают мысли, сужают кругозор или нарушают эффективность поведения, от которой многое зависит. Следует, однако, иметь в виду стимул к выживанию — часто это довольно мощный фактор. Во-вторых, отношение между доносом и контролем представлено здесь в статичном виде; предполагается, что стратегическая обстановка так же статична и стабильна. Люди смотрят вокруг, дают оценку текущему уровню контроля, осуществляемого противоборствующими сторонами и, если риск возмездия достаточно низок, идут доносить. Аналогично политические силы заботятся не о том, чтобы заслужить доверие людей, которое бы стало залогом успешного правления в будущем, а преимущественно о предотвращении актов перехода на сторону противника. Из этого следует, что индивидуумы игнорируют будущее (вероятность, что контроль перейдет к другой силе и последует возмездие) и прошлое (чувства вроде желания отомстить за только что произошедший акт насилия берут верх настолько, что риск в глазах людей существенно обесценивается). Не обесцениваются роли надежд и чувств каждого отдельного человека (что я косвенным образом экспериментально проверяю в Главе 9), важно заметить, что индивидуумы в массе своей часто недооценивают длительности и переменчивости гражданских войн и, следовательно, переоценивают свою

собственную безопасность, особенно на начальных этапах войны²⁵⁵.

В тот же самый период люди почти не имеют опыта и, соответственно, более склонны поверить заявлениям политических сил о том, что именно их режим наиболее стабильный. Например, житель Мозамбика вспоминает, что, когда в 1984 г. в его деревню пришли боевики РЕНАМО, они создали всех и объявили, что «ФРЕЛИМО больше никогда не появится и не станет вам досаждать» (Nordstrom 1997: 90). Чтобы менталитет людей успел адаптироваться к гражданской войне, должно пройти время: мирные жители оказываются в совершенно новой для них ситуации, непохожей ни на одну из виденных прежде. Более того, в силу ограниченности потока информации люди склонны сами выстраивать свои ожидания, исходя исключительно из местной обстановки. Даже если с начала войны прошло какое-то время, люди склонны делать слишком большой упор на текущих делах и игнорировать все, что связано с долгосрочной перспективой. Британский чиновник, посетивший Грецию в 1948 г., отмечал в своем отчете: «Думаю, будет честно сказать, что крестьянин из западной Македонии, как и практически любой человек, вынужденный жить в период неизвестности, опасности, катастрофы, живет сегодня во многом одним днем и не заглядывает в будущее дальше непосредственного завтра». Корреспондент «Би-Би-Си», которого похитили греческие повстанцы примерно в то же время, но в другом регионе, утверждал, что крестьяне «живут в атмосфере полнейшей неопределенности и смотрят в будущее лишь на не-

²⁵⁵ Например, Керквлиет (Kerkvliet 1977: 165) сообщает нам слова бывших участников антияпонского восстания на Филиппинах: «Крестьяне думали, что восстание продлится недолго». Бывший участник восстания мау-мау вспоминает: «Мало кто понимал, что война может продолжаться два, а то и три года. Большинство мыслило масштабами нескольких месяцев» (Barnett, Njama 1966: 151). В Сальвадоре, как пишет Бинфорд (Binford 1996: 112), многие крестьяне «пережидали, надеялись, что ситуация выправится. Никто — ни солдаты, ни боевики Революционной армии, ни жители — не мог тогда предвидеть, что гражданская война в Сальвадоре продлится еще десять лет». Похожие наблюдения находим в работах: Joes 2000: 73; Upton 1980: 275; Escott 1978: 171; Hunt 1974: 45.

сколько недель вперед»²⁵⁶. Наконец, немаловажно учитывать и вызванную войной географическую раздробленность, приводящую главным образом к разрозненности информации. Один греческий обозреватель в 1944 г. отмечал, что основным результатом нарушения работы связи между провинциями была «изоляция жителей, не имевших ни малейшего представления о происходящем даже в соседних с ними районах»²⁵⁷. Таким образом, индивидуальные решения часто принимаются на основе предельно локализованной информации и местных событий. Несколько проще с политическими силами: в случае, если сила победила (или уцелела), можно претворять в жизнь любую политическую программу.

Наконец, я рассматриваю только две силы, хотя на многих гражданских войнах обстоятельства благоприятствуют многополярности. В то же время наша теория применима и к таким обстоятельствам. Дело в том, что сама логика войны — упрощенческая: даже если в масштабах страны идет противостояние нескольких сил, очень часто на местах оно сводится к противоборству двух. Ситуация, в которой все силы были бы одновременно одинаково активны в каждом населенном пункте, встречается редко, а если и встречается, то заключаются военные союзы, и конфликт в итоге превращается в биполярный.

Повторимся: обратите внимание, что теория селективного насилия не претендует на полноценное представление действительности, а является ее разумным упрощением, ориентиром, а также эффективным инструментом для построения теоретически обоснованных эмпирических прогнозов.

Если мы сопоставим действительные эмпирические отклонения с этим расчетным ориентиром, мы сможем совершить эмпирическую подгонку данной теории; выявление эмпирических несоответствий видится особенно продуктивным (Глава 9).

Тем не менее теория подлежит уточнению и расширению. Путем моделирования достаточно сложной динамики

²⁵⁶ "Report by Mr. D. S. L. Dodson on a tour of Western Macedonia (26–29 November 1948)," PRO, FO 371/72328/R14275; "Notes on Conversation with Mr. Kenneth Matthews on the 1st November, 1948," PRO, FO 371/72217/R1237.

²⁵⁷ "General Report on Conditions in Athens," PRO, FO 371/43690.

войны можно будет интегрировать эту динамику в теорию и разъяснить, как насилие зависит от типа войны. Это позволит, в свою очередь, вывести обоснованные гипотезы относительно вариативности насилия в условиях разных войн, а также по различным типам насилия — от организованной преступности до терроризма и геноцида. Возможно также сформулировать теории более сложные, где будут учитываться индивидуальные предпочтения, структуры на местах, а также раскол внутри организаций; дополнительные аспекты насилия (например, насильственное перемещение, захват заложников, заключение под стражу); более реалистичная характеристика ожиданий от будущего и усвоения уроков прошлого; наконец, дополнительные параметры (например, более двух политических сил, располагающих оружием, роль пропаганды, современные СМИ, диаспоры, транснациональные сети).

Надеюсь, книга послужит достаточным стимулом для работы в этих направлениях.

7.8. ВЫВОДЫ

В данной главе автор выводит теорию селективного насилия в условиях гражданской войны как результата совместной деятельности политических сил и гражданских лиц. Ключевые ресурсы, вокруг которых разворачивается этот процесс, суть информация и насилие.

Политическим силам нужна информация, с тем чтобы обладать возможностью прицельно выбирать жертв, выделяя в общей массе мирных жителей тех, кто содействует противнику.

У мирных жителей имеется информация, предоставляемая путем доносительства; доносы могут иметь политическую либо злонамеренную подоплеку. В последнем случае они надеются на то, что политическая сила будет ориентирована на жертв доносов. В данной системе в значительной мере заложена вероятность злоупотребления, однако насилие в любом случае должно восприниматься как селективное, иначе можно попасть в ловушку неизбирательного насилия. Доносы вероятны лишь в тех ситуациях, при которых выгода от доноса, психологическая или материальная, выше, чем

прогнозируемые издержки; наиболее весомыми издержками будет возмездие, которое, вполне вероятно, будет иметь форму контрдоноса в пользу противоборствующей политической силы, который совершат жертва или ее родственники. Таким образом, доноительство будет происходить только в случае, если потенциальные доносчики уверены в способности политической силы защитить их от возмездия. Данный процесс моделируется при помощи понятия контроля; по мере усиления контроля количество перебежчиков идет на спад, а количество доносчиков растет. Селективное насилие возможно лишь в районах с достаточным уровнем контроля, позволяющем доносчикам совершать акты доноительства, но все же этот контроль не должен быть полным, иначе это будет означать, что все перебежчики либо ушли, либо не представляют для политической силы интереса. В рамках теории имеется прогноз о том, что политические силы не станут прибегать к насилию там, где больше всего в нем нуждаются, — там, где велик риск возмездия доносчикам, а также в отсутствие информации, позволяющей осуществлять селективное насилие, насилие как таковое маловероятно.

**Эмпирическое
исследование (I):
сравнительные данные**

Поди разберись в этой войне: тут всё так запутанно.

Мозамбикский крестьянин

Затем я задал вопрос, на который долго искал ответ:

— Кто совершил больше преступлений, правые или левые?

— Могу сказать только одно: чем больший у какой-то стороны контроль над той или иной областью, тем больше у нее возможностей совершать преступления.

Кевин Эндрюс, *«Полет Икара»*

В этой главе я рассмотрю такое понятие, как контроль: как он измеряется, как переходит от одной стороны к другой, а также как он связан с насилием. Я приведу обширные сравнительные данные и проверю свои гипотезы на истинность. В следующей главе предложенная мной теория пройдет скрупулезную проверку на примере конкретной географической области.

8.1. ИЗМЕРЕНИЕ КОНТРОЛЯ

Самую серьезную эмпирическую трудность представляет измерение контроля. Контроль можно определить и измерить эмпирически, используя разнообразные показатели, например, уровень политических сил, характер их присутствия на определенной территории в определенное время, а также доступ, который они имеют к определенной территории в определенное время. Идеальным был бы такой показатель степени контроля, который бы, скажем, измерял «процент вероятности того, что определенное событие (или класс событий) не произойдет в определенном месте в определенный период времени: например, процент вероятности того, что с 18.00 до 06.00 в деревню не нагрянут враждебно настроенные

индивиды из другой местности» (Rase 1973: 277). Поскольку контроль играет в ходе гражданской войны крайне важную роль, политические силы разработали различные способы его измерения, наиболее замысловатые из них, пожалуй, применялись американскими солдатами во Вьетнаме²⁵⁸.

Разделение на пять зон, о котором шла речь в предыдущей главе, — подходящий инструмент для раскрытия всех тонкостей понятия контроль. Правительственные силы осуществляют *полный* контроль в зоне 1: они уничтожили все или большую часть подпольных повстанческих группировок и лишили мятежников возможности попасть на данную территорию и действовать там хоть с какой-то степенью эффективности. У местного населения нет с ними никакого контакта.

²⁵⁸ Изначально система измерения контроля была довольно примитивной: желтым цветом (или буквой А) отмечались области под контролем правительства; синим (или буквой В) — оспариваемые области; а красным (или буквой С) — области, подконтрольные Вьетконгу (R. Thompson 1966: 132). Однако впоследствии была разработана сложная компьютеризованная система, получившая названия «Система оценки по деревням» (Hamlet Evaluation System). Она позволяла отслеживать в постоянном режиме, кому принадлежал контроль во всех 10 000 деревнях на юге Вьетнама. Со временем способы измерения контроля изменились, и сейчас используется система из пяти уровней «безопасности»: от А (наибольшая безопасность) до Е (наименьшая безопасность), в основу которой положены усредненные ответы на 18 вопросов. Вдобавок к этому выделяется еще одна, шестая категория — деревня под контролем Вьетконга (Kalyvas and Kocher 2004; Thayer 1985; HES/70; RG 300 Records of the Office of the Secretary of Defense). В Малайе британцы отмечали на карте области, перешедшие под их контроль, при помощи синих булавок; территории, в которых они уже осуществляли полный контроль, обозначались термином «белые области» (Stubbs 1989; Clutterbuck 1966). В Гватемале правительственные войска классифицировали населенные пункты по тому, насколько сильно, по их мнению, местные жители симпатизировали партизанам, и тоже помечали их на карте разноцветными булавками. Зеленым цветом обозначались населенные пункты, в которых не велась «никакая диверсионная деятельность»; красным — населенные пункты, находившиеся в руках противника; розовым и желтым — населенные пункты, в которых влияние партизан ставилось под вопрос (Carmack 1988a: xv–xvi). По имеющимся сведениям, похожие классификации применялись и в Северной Ирландии (Collins 1999: 15), Колумбии (Arnson, Kirk 1993: 72) и на Шри-Ланке (Lawrence 2000: 174) — однако в открытом доступе этих данных нет.

Под такое описание подпадают многие города в регионах, где идет гражданская война, например Алжир после сражения за Касбу. В прилегающей зоне 2 правительственные силы осуществляют *надежный (хоть и не полный)* контроль: подпольные повстанческие группировки продолжают вести там свою деятельность, а обретающиеся в окрестностях мятежники могут периодически наведываться по ночам. В качестве примера можно привести так называемое пассивное крыло кенийского движения мау-мау, состоявшее из подпольных организаций, которые сформировались в областях, по большей части, хоть и не полностью, подконтрольных британцам и их местным союзникам (Kitson 1960: 15–16). В этой же связи можно вспомнить и Китай, где коммунистам нередко удавалось проникнуть в ряды местных националистически настроенных ополченцев и склонить на свою сторону местных чиновников, про которых говорили, что у них «красное сердце и белая кожа» (Benton 1989: 79).

С другой стороны, повстанцы осуществляют полный контроль в зоне 5, а также надежный (хоть и не полный) контроль в граничащей с ней зоне 4, которую часто называют «полуосвобожденной областью» (Tucker 2001: 144). Области в зоне 5 иногда называют «базовыми» или «освобожденными». В них мятежники действуют в открытую, а вмешательство правительственных сил минимально. Например, в 2005 г. мятежники-маоисты обладали абсолютным суверенитетом над обширными областями Непала: «Они ввели целый ряд новых законов. <...> Правовые споры разрешаются передвижным народным судом. <...> За порядком следят народные дружины. На воротах на въезде в столицу развеваются красные флаги. Ближайший полицейский участок, или военный пост, или почтовое отделение — хоть какое-то учреждение, подконтрольное королевству Непал, в границах которого официально располагается деревня, — в трех днях ходьбы по холмам» (Sengupta 2005c: 67). В зоне 4 повстанцы пользуются авторитетом. «За пределами своих так называемых базовых областей, — отмечает Сомини Сенгупта (Sengupta 2005c: 67), — маоистам не удастся удержать территорию в течение длительного времени. При этом все сельские районы Непала — за исключением районных столиц — находятся в их руках». Однако они не могут помешать силам действующей власти периодически наведываться даже в эти районы и вы-

нуждены довольствоваться подпольной сетью информаторов. Так, во время оккупации Китая японцы, заняв какую-нибудь деревню, обязательно посылали шпионов в окрестные села, находящиеся под контролем мятежников (Hartford 1989: 99).

В качестве еще одного примера можно привести гражданскую войну в Сальвадоре. Над территориями, которые повстанцы обозначили как зоны контроля (*zonas de control*), они осуществляли полный суверенитет: «Армия больше не пытается поддерживать прочное присутствие в виде гарнизонов и отрядов “гражданской обороны” и не проводит программ по оказанию помощи гражданскому населению, чтобы склонить народ на свою сторону. Армейское руководство понимает, что это бессмысленно. Эти зоны — самое сердце революции: абсолютная политическая власть в них принадлежит ФНОФМ, который крайне нетерпимо относится к любым представителям государственной власти — будь то мэры, учителя или медработники» (Anderson 2004: 136–137). Зона 4, или зона экспансии (*zona de expansión*) в терминах самих повстанцев, начинается там, где заканчивается зона контроля. Там, как отмечает Андерсон (Anderson 2004: 137–139), повстанцы не чувствовали себя в достаточной безопасности и не могли действовать так же открыто, как в зоне контроля. Они захватили полицейские участки и армейские гарнизоны, прогнали с постов мэров, однако местное население сомневалось в устойчивости повстанческого режима. У них была возможность поддерживать связь с государственными властями, находившимися за пределами зоны, которым тайные информаторы сообщали сведения о повстанцах. Из-за этого мятежники «почти все время занимались сбором разведанных — в дополнение к и без того внушительным личным делам местных жителей».

Отличительная черта зон с неполным контролем (2 и 4) в том, что в них население имеет доступ, пусть и не одинаковый, к обеим политическим силам. В зонах с полным контролем (1 и 5) тот, кто находится у власти, обладает монополией силы, которую применяет явно и открыто на повседневной основе. Зона 4 находится за пределами влияния правительственных сил, вместе с тем она остается в пределах их досягаемости, чего нельзя сказать о повстанцах в зоне 2: там ситуация противоположная.

Наконец, есть еще и промежуточная область, зона 3, над которой обе политические силы имеют равную степень контроля. В Сальвадоре такие территории повстанцы обозначали термином оспариваемые зоны (*zonas en disputa*). В них, по словам Андерсона (Anderson 2004: 140), «армия поддерживает постоянное присутствие, правительственные учреждения продолжают функционировать, но при этом некоторая часть жителей проявляет лояльность по отношению к партизанам. ФНОФМ называет такой режим двоевластием». Такие области обычно описывают как места, где правительство правит днем, а повстанцы ночью (Livianos 1999: 201; Butaud, Riailand 1998: 47). «Днем кишлаки наши, — замечал один советский солдат, служивший в Афганистане, — а ночью переходят к ним. Вот так вот» (Vogovik 1991: 63). Схожая ситуация складывалась и в некоторых районах Намибии: «В течение дня свое присутствие и силу демонстрируют южноафриканские солдаты, а ночью их сменяют партизаны из Народной организации юго-западной Африки» (Groth 1995: 28). Один вьетнамский лавочник вспоминал: «Здесь были очень сильны позиции вьетминьцев. Днем правительственные войска патрулировали рынок и прилегающие к нему районы. Вечером же они возвращались на заставу. Тогда на улицах появлялись вьетминьцы, по городу они перемещались абсолютно беспрепятственно» (Race 1973: 4). Во время поездки по сельским районам Вьетнама в середине 60-х гг. XX века Дэниел Эллсберг наблюдал похожую картину. Его, как он сам пишет, ничуть не удивил бы дорожный указатель с надписью вроде этой: «Правительственный транспорт — строго с 7.00 до 18.00, остальные часы — только транспорт Вьетконга» (Ellsberg 2003: 114). Филиппинская деревня Мамбагатон также располагалась в самом центре «красной области», как выражались военные, «кишащей партизанами из ННА»: «Днем контроль находился в руках правительственных войск, а в ночное время переходил к ННА» (Berlow 1998: 33). Иногда такая «ночь» заканчивалась аж в середине дня. Летом 2004 г. в иракском городе Рамади полиция и национальная гвардия поддерживали порядок на улицах до 13.00, затем они исчезали и на смену им приходили повстанцы, под контролем которых город находился до рассвета (Huseen, Pelhman 2004).

8.2. ПЕРЕХОД КОНТРОЛЯ

Переход контроля зависит в первую очередь от военной тактики. Для начала политические силы определяют, как наиболее эффективно распределить ограниченные военные ресурсы (Trinquier 1964: 71–72). Например, правительство может поставить цель захватить группу деревень, до сих пор находившуюся под контролем повстанцев (зоны 4 и 5). Оно вводит в эти деревни войска, «захватывает» их и оккупирует — говоря специализированным языком, «зачищает и обеспечивает безопасность» (Meyerson 1970: 19). Повстанцы, которым обычно не хватает военных средств отстоять свои позиции в ходе фронтальной атаки, спасаются бегством вместе с самыми главными своими коллаборационистами из местного населения²⁵⁹. Однако они могут остаться в окрестностях и поддерживать связь с подпольными коллаборационистскими группировками, функционирующими в деревнях

²⁵⁹ Например, когда контроль над колумбийским городом Дабейба перешел от партизанов ФАРК к правым военизированным формированиям, один боец этих формирований рассказал Скотту Уилсону (Wilson 2002), что с их приходом «большинство сторонников ФАРК скрылись бегством из страха, ведь новый режим их не жаловал». Аналогичный процесс наблюдается и в противоположном уголке планеты. По словам одного британского чиновника, когда греческие коммунисты «захватили» одну из деревень, «почти все, у кого была хоть какая-то причина их бояться, в частности богачи, крупные владельцы недвижимости, а также те, кто вступал в прямые вооруженные столкновения с коммунистическими отрядами или же входил в “черный список” по причине того, что в открытую высказывался против коммунистического режима, уже бежали. Из оставшихся большинство было крестьянами, мелкими землевладельцами или владельцами небольших лавочек. Правительственные чиновники всех мастей скрылись бегством еще в самом начале, так что города и деревни остались без административного управления и функционирующих госучреждений» (“Report from Patras Consul (31 May 1949),” PRO, FO 371/78386/R6231). По наблюдениям Эллсберга (Ellsberg 2003: 143–144), во Вьетнаме происходило нечто похожее. Примерно то же замечает и Такер (Tucker 2001: 171), описывая восстание качинов в Бирме: разбитый в бою повстанческий «7-й батальон раньше контролировал холмы между рекой Маликха и хребтом Кумун. Однако его силы оказались подорваны, и укрепить свои позиции в Паджаубум ему не удалось. Теперь там безраздельно хозяйничает бирманская армия».

(т.е. «перебежчиками»). Другими словами, из зон 4 и 5 эти деревни переходят в зону 2. Пользуясь новообретенным контролем, правительственные силы начинают собирать у местных жителей информацию, которая затем дает им возможность применять селективное насилие против перебежчиков и в конечном итоге уничтожить подпольную повстанческую сеть. Как только им это удастся (при условии, что повстанцы не совершают контратаки), деревни переходят в зону 1 и попадают под полный контроль правительства²⁶⁰. Приведу несколько иллюстраций.

В восточнокитайской провинции Хэнань, когда японская армия вошла в области, ранее подконтрольные коммунистам, местные повстанческие отряды либо бежали, либо расформировались, либо перешли на сторону противника. Многие мятежники были убиты; многие «нейтральные элементы» (за симпатию которых партия боролась на протяжении трех лет) переметнулись в противоположный лагерь и стали сотрудничать с японцами. Революционное движение было приостановлено: оставшиеся его представители ушли в подполье (Wou 1994: 226). В Малайе, стоило правительству вновь занять области, ранее оставленные на откуп повстанцам, как «доверие к нему местных жителей усилилось: некоторые из них с готовностью сообщали властям сведения о членах местного подразделения движения масс (Min Yuen) и партизанских движений. Используя эту информацию, правительственные силы смогли сорвать целый ряд партизанских операций и тем самым сделать деятельность мятежников малоэффективной. Это в свою очередь подтолкнуло еще больше местных жителей к сотрудничеству с правительством» (Stubbs 1989: 190). Дэвид Эллиотт (Elliott 2003: 408) приводит описание похожего процесса, происходившего во Вьетнаме в 1962 г.:

²⁶⁰ Войдя в ранее подконтрольную повстанцам область, правительственные силы начинают периодически навещать в местные деревни (хоть и не захватывают их). Таким образом, деревни переходят из зоны 5 в зону 4. Как следствие, повстанцы начинают применять селективное насилие, чтобы пресечь переход жителей на сторону противника. То же самое справедливо и для деревень, перешедших из зоны 1 в зону 2: в них местное население так же подвергается налетам со стороны повстанцев.

Один боец Вьетконга, ставший свидетелем возвращения сил сайгонского режима в деревню Хойку, так описывает увиденное: у «правительства были информаторы среди местных жителей, которые доносили на тех односельчан, кто входил во Вьетконг, а также указывали места дислокации вьетконговских сил». Благодаря этим информаторам «правительство уничтожило войска Национального фронта: в живых осталось только пять-шесть бойцов, которые были вынуждены отступить в отдаленную сельскую местность. Операции по зачистке велись непрерывно, и люди понимали, что так или иначе все они принимали участие в деятельности Национального фронта — ходили на демонстрации, били в барабаны и т.п. — и поэтому боялись, что если сделают хоть малейшее движение в поддержку Вьетконга, им грозит избиение, арест и тюрьма.

Когда американцы разместили гарнизон в деревне Кабр-Абед на севере Ирака, известной как главный оплот повстанцев²⁶¹, им стали поступать доносы, в том числе и от членов семьи находившегося у них в плену лидера местного повстанческого движения, озлобленных на него за то, что он убил нескольких их родственников. Эта информация помогла американским солдатам захватить несколько десятков коллаборационистов повстанческого движения и таким образом рассеять его ряды. Увидев, что американские силы берут верх, селяне начали сообщать им еще больше сведений. Это в свою очередь привело к тому, что многие мятежники решили переметнуться на сторону противника. Один из них, Чиф Али, признался Ричарду Оппелу (Oppel 2005b: 4), что решил перейти в лагерь американцев, поскольку те захватили в плен большое число повстанцев. По словам Али, они полностью зачистили деревню. Американцы осознавали, что дальнейшее развитие событий будет зависеть от того, насколько хорошо им удастся контролировать территорию: «Следует всегда проявлять осторожность, нельзя принимать их гостеприимство за преданность». Они также понимали, что могут легко потерять свои позиции. Один солдат заметил: стоит чуть-чуть

²⁶¹ «Повстанцы себя там чувствовали так же вольготно, как бейсболисты в Доминикане», — замечает капитан Кевин Берк, командир роты С 1-го батальона 5-го пехотного полка, которая контролирует Кабр-Абед» (Oppel 2005b: 1).

расслабиться — и чаша весов может качнуться в противоположную сторону (Oppel 2005b: 4).

Наконец, еще один пример — город Таме в колумбийской провинции Араука (Fichtl 2003). До 2001 г. он прочно находился в руках двух крупнейших колумбийских партизанских группировок: ФАРК и АНО. Они собирали налоги с местных бизнесменов, фермеров, скотоводов, а также вымогали средства у местных выборных чиновников, которых продолжало финансировать центральное правительство. В 2001 г. в город вошли правительственные вооруженные силы вместе с правыми военизированными формированиями. К сентябрю 2002 г. полицейский контингент вырос с 20 до 120 человек, а к 2003 г. в Таме постоянно присутствовало уже порядка 4000 солдат: центр города был ими буквально наводнен. Как и следовало ожидать, ситуация изменилась:

Оснащенные лучше, чем государственная полиция, колумбийские солдаты день и ночь следят за порядком на центральной площади Таме и близлежащих улицах, рядом с правительственными учреждениями, а также у небольшого городского аэропорта. В центре, куда ни помотришь, всюду перед глазами солдаты с израильскими «Галилами» наперевес — и это не преувеличение. На некоторых улицах, примыкающих к площади, они установили блокпосты. А в ночное время они расширяют кордон и оцепляют несколько центральных кварталов. Совместно с полицейскими солдаты патрулируют отдаленные районы: проверяют документы и род занятий всех, кого не знают в лицо, ищут угнанные автомобили (в которые террористы так любят закладывать бомбы), в общем, делают так, чтобы их присутствие ощущалось.

Переход контроля в руки армии вынудил повстанцев ответить большую часть своих сил в сельскую местность Таме и отступить вглубь провинции Араука, к равнинам и пойменным джунглям. Из зоны 5 город перешел в зону 2. Затем правые военизированные формирования развернули кампанию селективного насилия против тех, кого подозревали в коллаборационизме с партизанами, в ходе которой погибло более 300 человек (общая численность населения Таме составляла около 65 000 человек). В это же время армия начала набирать солдат из местных жителей. Была создана специальная программа

под названием «Солдат из моего города» (*Soldado de mi Pueblo*), в рамках которой на военную службу в местные населенные пункты нанимали уроженцев тех мест. Один из них рассказывал: «Мы просим наших родственников и друзей сообщать нам о том, что задумывают партизаны. <...> Если до них доходит известие или слух о готовящемся похищении, краже или нападении, они моментально доносят эту информацию нам. Затем мы докладываем об этом командирам, чтобы можно было принять необходимые меры безопасности и оказать противодействие планам партизан». Видя, что теряют контроль и что местные жители совершают на них доносы, повстанцы попытались прибегнуть к неизбирательному насилию, но практически безрезультатно. Один армейский капитан рассказывал, что в течение двух лет службы в Таме ему довелось обезвредить 32 взрывных устройства, 4 бомбы, заложенные в автомобили, а также одну бомбу, заложенную в мотоцикл. Вместе с тем армии не хватает человеческих ресурсов, чтобы контролировать территорию за пределами города. На окраинах позиции правительственных сил не так сильны: город окружают блокпосты партизан, которые проверяют въезжающий и выезжающий транспорт. Местные жители называют мятежников «ребятами за городом» (*los de abajo*). Однако армия и правые военизированные формирования бросают им вызов и там, применяя неизбирательное насилие, например, устраивают вертолетные удары и массовые убийства гражданского населения. Если им удастся вытеснить мятежников, Таме из зоны 2 перейдет в зону 1.

Этот процесс протекает и в обратном направлении: контроль может переходить и от правительственных сил к повстанцам. В докладе британских солдат, находившихся в августе 1948 г. на юге Греции, описывается, как несколько деревень выскользнуло из-под контроля правительства и как это отразилось на поведении местного населения:

Происходящее в Халандрице — типичный случай для данного района в последние полгода. Когда какой-то город подвергается нападению партизан, жандармы, стоящие в нем гарнизоном, не справляются. Необходимо подкрепление, но его либо нет, либо оно приходит слишком поздно, либо же оно слишком малочисленно и не в состоянии отразить атаку. Партизаны занимают прочные позиции в городе, который является их главной мише-

ню, и начинают мародерствовать, силой вербовать в свои ряды местных мужчин, похищать в небольшом количестве женщин, всячески третировать селян и карать тех, кто, по их сведениям, пытается им противодействовать. Под власть террора попадают все новые города и деревни. Спустя время партизанская администрация начинает собирать с жителей налоги и подати в виде продовольствия и услуг и обязывает их беспрекословно подчиняться приказам. Греческое правительство полностью потеряло управление, местным жителям только и остается, что служить новым господам. <...> Испытав на себе все ужасы партизанского террора, жители настолько боятся того, что может их постигнуть, если они будут оказывать содействие правительству или правительственным силам, что в лучшем случае ведут себя пассивно. Они все чаще склонны воздерживаться от любых негативных комментариев на счет партизан или сообщать информацию, которая может быть использована против них партизанской пятой колонной (тех, кто действует в целях так называемой самозащиты) и повлечь за собой расплату в следующий раз, когда партизаны нагрянут в деревню. У жителей сельских районов, полностью находящихся во власти партизан или располагающихся поблизости от мест сосредоточения партизанских сил, отмечается явное нежелание давать хоть какие-то комментарии относительно обстановки в их местности. <...> Большая часть гражданского населения области, особенно в сельских районах, живет в постоянном страхе²⁶².

На самом деле развитие повстанческого движения происходит по «удивительно легко прогнозируемому сценарию», утверждает Джулиан Пейджет (Paget 1967: 31):

В незащищенных регионах, которые составляют большую часть территории страны, и в частности в сельской местности, где территории обширны, а полицейские даже если и присутствуют, то в очень небольшом количестве, повстанческая деятельность в начале конфликта не встречает никакого сопротивления, а потому наиболее эффективна. Сначала изолированные рейды позволяют установить существование частично организованного движения. Они привлекают внимание местных жителей и заставляют их проявлять осторож-

²⁶² "Reports on conditions in Greece. Reports on Visits and Tours Carried Out in Greece," D. P. Reilly, 24 August 1948, PRO, FO 371/72327/ R9844).

ность. Затем начинается применение селективного насилия, чтобы избавиться от менее влиятельных граждан: различных мелких должностных лиц и высших полицейских чинов, которые не поняли первых предупреждений или недостаточно быстро на них отреагировали. Вслед за этим обузывают или устраняют служащих административного аппарата. Таким образом, незащищенное гражданское население заставляют замолчать и оказывать содействие. Агенты противника получают полную свободу действий и могут манипулировать жителями, как им заблагорассудится (Trinquier 1964: 18–19).

Повстанцы, как правило, появляются в каких-то областях тогда, когда правительственный контроль там ослаблен. Чем меньше влияние существующей власти, тем ниже приверженность ему населения, а значит, задача тех, кто стремится стать альтернативным правительством, или «контргосударством», упрощается (Wickham-Crowley 1991: 35). Установив свое влияние в области, они разворачивают кампанию по уничтожению представителей государственной власти. Эти убийства выполняют сразу несколько функций: они позволяют полностью разрушить государственный аппарат, демонстрируют силу мятежников, а также пресекают любые попытки сотрудничества с правительством. Один американский офицер, служивший в период с 1899 по 1902 г. на Филиппинах, где, по некоторым оценкам, четверть числившихся убитыми проамерикански настроенных местных жителей были госслужащими, поведал, что «все потенциальные чиновники испытывали серьезный страх за свою жизнь и напроочь отказывались иметь дело с американским гражданским правительством». После серии убийств, совершенных повстанцами, другой офицер с горечью замечал: «Местные президентские выборы назначены на вечер воскресенья, но вряд ли теперь кто-то согласится занять этот пост» (Linn 1989: 38, 135)²⁶³.

²⁶³ Ряд исследователей полагает, что «терроризм» — первая активная стадия мятежа, поскольку это «оружие слабых» (Crozier 1960: 160; Paget 1967: 28). Однако это не означает, что в инициировании насилия следует винить исключительно повстанцев: многие гражданские войны — следствие жестокого и репрессивного правительственного режима. При этом все сходятся во мнении, что именно повстанцам принадлежит первая роль в подрыве авторитета существующей власти. См.: D. Anderson 2005: 47; Heer 2000: 111; Pettigrew 2000: 207; Laqueur

Если правительство не в состоянии принять ответные меры и защитить своих агентов, сельские жители начинают сотрудничать с повстанцами, а сама деревня переходит в зону 4 (если неподалеку располагаются армейские гарнизоны и солдаты оказывают давления на жителей, регулярно наведываясь в деревню) или в зону 5 (если влияние повстанцев распространяется на более обширную область, правительство сдает свои позиции, армия наведывается все реже, а сотрудничающие с правительством подпольные ячейки ликвидируются). Переход контроля также может быть неокончательным: деревня может перейти из зон 4 и 5 в зону 3 и оставаться под одновременным контролем обеих сил. В целом повстанцы, как правило, делают ход первыми: они диктуют условия борьбы и навязывают тактику — а именно иррегулярную форму ведения боевых действий²⁶⁴.

Проиллюстрировать такой процесс можно на примере одной сальвадорской деревни (J. L. Anderson 2004: 140, 181–182). Вначале мятежники совершили вооруженное нападение на одну оспариваемую деревню. Их целью было «изменить соотношение сил» в свою пользу, вытеснив посты военной и гражданской обороны. После того, как эта цель была достигнута, деревня перешла в зону 4. Андерсон (J. L. Anderson 2004: 212–213) пишет: «Расквартированных солдат в деревне не осталось, а коллаборационисты в большинстве своем были либо убиты, либо вынуждены бежать. Однако армейцы могут в любое время совершить рейд с одной из своих баз, расположенных за холмами. Где бы повстанцы не разбили лагерь на ночь, их дети совершают поочередные патруль-

1998: 27; Horton 1998: 75; Senaratne 1997: 87, 115–119; Swedenburg 1995: 119; Brody 1985: 47; Tone 1994: 112; Faivre 1994: 108; Stoll 1993: 64–65; B. Berman, Lonsdale 1992: 440; Cribb 1991: 162; Geffray 1990: 39; Stubbs 1989: 45; Kornbluh 1988: 14; Horne 1987: 135; Flower 1987: 121; Cooper 1979: 92; Henriksen 1983: 119; 1976: 382; Race 1973: 83; Paget 1967: 32; Barnett, Njama 1966: 127; Clutterbuck 1966: 7–9; Armstrong 1964: 40–41; Lear 1961: 208; Crozier 1960: 161; Leakey 1954: 112. Это мнение подтверждается эмпирическими наблюдениями о том, что между репрессиями правительственного режима, с одной стороны, и повстанческим насилием — с другой, изначально существует аналитическое и географическое несоответствие.

²⁶⁴ Fellman 1989: 131; DeLupis 1987: 34; Chaliand 1987: 67; Beaufre 1972: 61; Paget 1967: 33; Taber 1965: 19.

ные обходы периметра. При общении с местным населением мятежники проявляют осмотрительность, чтобы сохранить перемещения отряда в тайне». Повстанцы затем создают новые институты, к ним начинает стекаться информация, вслед за чем они прибегают к селективному насилию в отношении предполагаемых шпионов. Сразу после расправы над ними в деревне «устанавливается полный и безоговорочный контроль повстанцев. Оказывать им активное сопротивление больше никто не пытается».

Связь между контролем и насилием носит в некотором роде циклический характер: переход контроля может спровоцировать насилие, а насилие в свою очередь может спровоцировать переход контроля. Однако тщательное отслеживание процесса и последовательная дезагрегация решают проблему эндогенности. Отслеживание процесса предполагает, что переход контроля происходит в два отдельных этапа: *первоначальный сдвиг* и *консолидация*. На первом этапе тактические военные решения приводят к сдвигу контроля в двух направлениях: от повстанцев к правительственным силам (переход области из зоны 4 или 5 в зону 2) и от правительственных сил к повстанцам (переход области из зоны 2 и 1 в зону 4). На втором этапе применение селективного насилия — *после того, как контроль перешел*, — запускает процесс консолидации, при этом область переходит из зоны 2 в зону 1 (полный контроль правительственных сил) и из зоны 4 в зону 5 (полный контроль повстанцев). Таким образом, при отсутствии дополнительных экзогенных сдвигов в военных ресурсах, зоны 2 и 4 можно рассматривать как области в стадии перехода: в каком-то смысле они представляют собой временное измерение в процессе перехода контроля. Насилие следует за первоначальным сдвигом и предшествует консолидации.

Как было отмечено, решение выделить ресурсы, чтобы начать «вторжение», которое повлечет за собой переход контроля, принимается в теории как экзогенный фактор. Однако вполне возможно предположить, что местное население будет пытаться оказать влияние на одну из политических сил с тем, чтобы она выбрала своей мишенью именно их область. Изгнанники и беженцы всегда пытаются привлечь внешние стороны, чтобы изменить соотношение сил в конфликте, происходящем в их родной области, и вернуться домой. История Пелопонесской войны в изложении Фукидида — пример эска-

ляции конфликта посредством такого лоббирования. Вместе с тем на практике тактические решения, по обыкновению, принимают на супралокальном уровне из-за нехватки военных ресурсов, сосредоточение которых требует координации. По этой же причине мишенью в ходе военных операций, как правило, выступают не отдельные деревни, а целые области.

В оставшейся части этой главы я подробно рассматриваю каждую зону контроля и проверяю свои гипотезы на основе имеющихся примеров из истории.

8.3. ПОЛНЫЙ КОНТРОЛЬ (ЗОНЫ 1 И 5)

Макс Вебер (Weber 1994: 310) утверждает, что, хотя насилие — «не нормальное и не единственное средство, к которому может прибегнуть государство», взаимосвязь между государством и насилием «очень крепка». Эта идея лежит в основе большинства работ Мишеля Фуко; она также соотносится с изречением Ханны Арендт (Arendt 1970: 56) об обратной зависимости между властью и насилием: «Там где есть абсолютная власть, насилие отсутствует». Как пишет Кейт Браун (Brown 2003: 213), «личный выбор сужается до игольного ушка». Для гражданского населения это выливается в вездесущие «наблюдение и контроль» (Wagten 1998: 95). Наличие тюрем и плотность мониторинга позволяют фильтровать донесения и использовать различные формы репрессий за исключением убийства. Это вовсе не означает, что насилие — единственный способ удержать власть. Фактически в зонах полного контроля можно чаще всего обнаружить сочетание физического принуждения с убеждением.

Сущность и методы контроля, используемые правительственными силами, очевидны, однако, если говорить о повстанцах, тут требуется некоторое дополнительное обсуждение. Повстанческие движения лучше рассматривать не как пример коллективной деятельности или социального конфликта, а как процесс построения конкурирующего государства. Повстанцы стремятся выстроить сложное «контргосударство» (Wickham-Crowley 1991) путем «политической консолидации» (Sánchez 2001: 30). Построение государства является основной целью повстанцев, по этой причине организованные, продолжительные мятежи, которые происходят

по время гражданских войн, принципиально отличаются от таких явлений, как бандитизм, мафия и общественные движения²⁶⁵. Повстанцы стремятся захватить власть на местном уровне, даже когда у них нет никакой надежды захватить все государство целиком. А для этого необходимо завоевать и удержать территорию — в той степени, в которой это возможно (Wood 2003: 135; Romero 2000: 67; Schofield 1984: 308). Области, подконтрольные повстанцам, часто называют «освобожденными» или «базовыми», а такие термины, как теневое правительство, параллельная иерархия, повстанческая инфраструктура и альтернативное правительство относятся именно к процессу построения государства²⁶⁶. Повстанцы берут на себя функции государства: собирают налоги, охраняют правопорядок, осуществляют правосудие и призывают бойцов на военную службу. Иными словами, они обладают исключительным правом на насилие в данной области и применяют его для расправы с врагами и наказания тех, кто отказывается им подчиняться. В долине Канипако в центральном Перу повстанцы из организации «Сияющий путь» осуществляли всеобъемлющий контроль над повседневной жизнью местного населения. Они выполняли функции органов юстиции и следили за моралью, разрешали семейные конфликты, контролировали работу учителей, выступали посредниками между членами общин

²⁶⁵ «Оседлые» разбойники, которые создают устойчивые институты, являются строителями государства (Olson 2000). Августин писал: «Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства» («О граде Божьем», IV: iv).

²⁶⁶ Во французском регионе Дордонь «местное население окончательно запуталось в сетях альтернативной власти». Действующему правительству Виши стало ясно, что «происходящее — не столько полный крах их авторитета, сколько переход власти к макизарам» (Kedward 1993: 97). Аналогичные наблюдения были сделаны и об испанской партизанской войне против французов (Tone 1994: 6), гражданской войне в Китае (Schran 1976), повстанческом движении мау-мау в Кении (Paget 1967: 91), более ранних, а также недавних гражданских войнах в Алжире (Martinez 1998; Peterson 1997a; Faivre 1994: 147; Horne 1987: 134), Гвинеи-Бисау (Rudebeck 1975), Никарагуа (Horton 1998: 127), на Шри-Ланке (Pfaffenberger 1994: 129) и в Перу (Rosenau 1994: 316).

и представителями властей и должностными лицами, которых они вынудили уйти со своих постов, казнили скотокрадов и даже занимались организацией отдыха и развлечений» (Manrique 1998: 204).

Еще одна подходящая иллюстрация — коммунистическое восстание в Южном Вьетнаме. Используя организации, созданные во время восстания против французских колонизаторов (Race 1973: 4), Вьетконг смог создать необычайно сложную «подпольную» административно-хозяйственную инфраструктуру, функционирующую сразу на пяти уровнях (государственном, региональном, провинциальном, районном, а также на уровне деревень), которую к концу 1968 г. обслуживало примерно 40 000 штатных сотрудников. Некоторые южновьетнамские области находились под контролем повстанцев более или менее непрерывно с момента окончания японской оккупации (Schell 2000: 208), что объясняет, как Вьетконгу удалось превратить партийную службу в «обычную профессию» (Berman 1974: 4, 74). Джеффри Рейс (Race 1973: 199) пишет: «один поразительный вывод, который я сделал во время бесед с перебежчиками [из Вьетконга], состоит в том, что в революционных районах годами напролет полностью отсутствовал правительственный контроль; лишь изредка власти устраивали крупномасштабные зачистки, которые почти никак не влияли на деятельность местного партийного аппарата». По словам Пола Бермана (Berman 1974: 4–5), «крестьяне, мобилизованные революционными организациями, становились больше чем просто солдатами временного воинского соединения; они были потенциальными членами нового института, на фундаменте которого могло образоваться новое государство».

Вопреки широко распространенному мнению, государственное строительство — практика, ассоциирующаяся не только с левыми повстанцами. Многие повстанческие движения после Холодной войны (в том числе и этнические) создавали системы государственного управления (Finnegan 1992; Geffray 1990; Linn 1989: 40), хотя их сложность варьируется от места к месту. Стремление повстанцев построить собственное государство — причина, по которой гражданские войны воспринимают как «перетягивание каната власти» (Clutterbuck 1966: 57), когда жителям приходится подчиняться требованиям обоих правительств — как это происходи-

ло во время восстания гуков на Филиппинах (Jones, Molnar 1966: 47): «Одно правительство было законным, но, несмотря на это, не осуществляло в этих областях почти никакого физического контроля. Повстанческое правительство было незаконным, но осуществляло частичный или полный контроль и преследовало тех, кто не подчинялся его режиму». В этом контексте можно вспомнить слова Роберта Томпсона (1966) о том, что повстанческие движения подобны айсбергам: бойцы — это только верхушка, истинная сила, которой принадлежит контроль, скрыта под водой. У этой идеи имеется и географическое выражение: эксперты по борьбе с повстанцами в Мозамбике на практике установили, что «подрывную деятельность» (т.е. деятельность подпольных мятежных группировок) и места боевых действий отделяет расстояние около 80 км (Maier 1974: 33).

8.3.1. Насилие при полном контроле

Поскольку склонность перебежать во многом зависит от степени контроля, при полном контроле насилие становится ненужным: большинство жителей не хотят, да и, как правило, не имеют возможности переметнуться на сторону противника, потому что их доступ к нему ограничен. Контроль делает угрозу насилия настолько реальной, что необходимость претворять ее в жизнь отпадает сама собой (Tilly 1985: 172). Другими словами, насилие — это отклонение от равновесной траектории. Главной движущей силой становится страх.

Если Гипотеза 2 верна, правящая сила не должна вообще прибегать к насилию или же его масштаб должен быть ограничен. Это подтверждается существенным количеством примеров (Wickham-Crowley 1991: 50–51). Так, на филиппинском острове Лейте японцы убивали жителей горных деревень чаще, чем население подконтрольных им городков (Leag 1961: 214). Гватемальский город Сан-Андрес находился под жестким контролем правительственных сил, и его жителей не коснулись переселения и массовые убийства, которые происходили в других районах страны (Warren 1998: 92–93). Роберт Кармак (Carmack 1988a: xv–xvi) пишет, что в Гватемале за областями, считавшимися свободными от правительственного «надзора», приглядывала армия, но в целом

их не трогали и жители почти не подвергались насилию²⁶⁷. В Колумбии все политические силы «для поддержания порядка на своей территории пускают в ход угрозы и запугивание, хотя все же и не на ежедневной основе» (Fichtl 2004: 4). Между высокой степенью контроля и страхом имеется явная корреляция. В докладе организации «Хьюман Райтс Воч» говорится о том, что в Чечне, «в областях, находящихся под эффективным контролем [пророссийского лидера] Рамзана Кадырова, царит тяжелая атмосфера страха» (Myers 2005: A4).

То же самое наблюдается и в случае повстанцев. «Насколько я мог судить, — говорится в сообщении одного британского чиновника из Греции от 1949 г., — установив контроль, коммунисты перестали казнить так много людей»²⁶⁸. Уильям Макнил (McNeill 1947: 156) описывает свои впечатления от пребывания в Греции сразу же после того, как Германия вывела оттуда свои войска: «Правые утверждали, что власть ЭАМ основывалась на терроре, и в какой-то мере это правда. Осенью 1944 г. лишь немногие диссиденты в деревнях и провинциальных городках осмеливались высказываться против ЭАМ. По этой причине публичные расправы были нечастыми. Так что со стороны обстановка в стране казалась на удивлении мирной и спокойной». Колумбийские повстанцы также воздерживаются от применения массового насилия

²⁶⁷ Такую тенденцию можно проследить не только в контексте гражданской войны. В своем ставшем уже классикой исследовании касикизма в одной из деревень на юго-западе Мексики Пол Фридрих (Paul Friedrich 1977) констатирует, что хоть касики и прибегают к убийству политических оппонентов при необходимости, факт того, что в их руках сосредоточен безграничный контроль над средствами насилия, удерживает противников от оспаривания их авторитета и тем самым сводит смертельное насилие к минимуму. Насилие становится отклонением от равновесной траектории. Разумеется, отсутствие массового смертельного насилия не означает отсутствия угроз и запугиваний. Мэри Ролдан (Mary Roldán 2002: 221) установила, что в Колумбии наблюдается обратная зависимость между количеством убитых и высоким количеством заключенных в тюрьму: когда первый показатель был низким, второй увеличивался, и наоборот.

²⁶⁸ Consular Reports on Conditions in Greece, Tour Reports by Consular Officers, R6231, Report from Patras Consul (31 May 1949), PRO, FO 371/78386.

в пределах зон своего контроля (Sánchez 2001: 30). Несмотря на то, что в Никарагуа произошла контрреволюция, «стоит подчеркнуть, что во многих случаях контрреволюционерам не пришлось прибегать к открытому насилию, чтобы удержать контроль над горными населенными пунктами, которые служили им социальной базой. <...> Присутствия вооруженных людей и завуалированных предупреждений чаще всего было достаточно, чтобы заручиться содействием крестьян и добыть необходимые сведения о военной мощи противника» (Horton 1998: 218). В подконтрольных Вьетконгу областях южного Вьетнама крестьяне подчинялись всем требованиям членов организации, поэтому уровень насилия был низким. По словам одного вьетконговца, «сельские жители, конечно, боялись правительства, но гораздо меньше, чем нас» (Elliott 2003: 757). В 1988 г. из 85 семей, живших в подконтрольном повстанцам филиппинском селе Барангай Роуз, в 80 хотя бы один человек присоединился к мятежникам. Остальным пяти, как выяснил Грегг Джоунз (Gregg Jones 1989: 199), «приходилось соблюдать определенные правила, в частности держать рот на замке и ничего не сообщать врагу». Так, в 1985 г. повстанцы казнили одного мужчину из местных, обвиненного в информировании властей об их деятельности (т.е. в «отступничестве»). «В течение долгого времени, — заключает автор, — эта казнь служила действенным напоминанием жителям села: в руках революционеров не только культура, политика и быт, но еще и человеческие жизни».

Особенно поразительны данные, относящиеся к мозамбикскому РЕНАМО, перуанскому «Сияющему пути» и алжирской «Вооруженной исламской группе» (ВИГ): трем повстанческим движениям, известным склонностью к кровавому насилию, которое они применяли, по имеющимся свидетельствам, необоснованно и произвольно. Оказывается, члены РЕНАМО вели себя сдержанно в тех районах, в которых обладали существенным контролем, — например, в Горонгозе и Замбезии (Т. Young 1997: 132–133). Кэролин Нордстром (Nordstrom 1997: 107) исследовала северо-центральный район Мозамбика, где «позиции ФРЕЛИМО были слабы», поэтому РЕНАМО не чувствовало необходимости «устраивать показательные расправы» и убивать потенциальных сторонников ФРЕЛИМО. Фактически все области,

которые, по словам исследовательницы, находились под контролем РЕНАМО и при этом отличались относительно мирной обстановкой, были «изолированы и удалены от районов влияния ФРЕЛИМО» (Nordstrom 1997: 100). Роберт Джерсони (Gersony 1988) пришел к такому же общему заключению: в сельских населенных пунктах, где солдаты РЕНАМО перемещались свободно, случаи проявления жестокости, убийства и похищения происходили редко²⁶⁹. В Перу члены «Сияющего пути» не трогали крестьян в «освобожденных зонах», например, долине верхнего притока р. Уаллаги: оттуда не поступило ни одного сообщения о массовых убийствах. Этот факт удивил многих исследователей, ведь о жестокости данной организации все были наслышаны (Rosenau 1994: 317). Точно так же не применяла насилие в подконтрольных ей областях и алжирская ВИГ; она стала прибегать к массовому насилию только тогда, когда правительственная армия начала оспаривать ее власть (Kalyvas 1999)²⁷⁰.

Отсюда вытекает новое предположение: доносов изначально будет много в зонах с полным контролем, однако там их по большей части будут оставлять без внимания или они не будут приводить к смертельному насилию. К сожалению, конкретных данных в подтверждение этому не так много. Согласно Майклу Феллману (Fellman 1989: 27) похожая тенденция наблюдалась в штате Миссури во времена гражданской войны в США. Другой пример касается Греции: Уильям Макнил (McNeill 1947: 198–199) пишет, что, после того, как левые потеряли власть в одной деревне, «на командира гвардии налетел рой информаторов, обвинявших местных сторонников левых во всевозможных преступлениях. По

²⁶⁹ Джерсони (Gersony 1988) также выявил «области контроля», районы, где вокруг баз РЕНАМО проживали как коренные, так и похищенные повстанцами жители. В этих районах РЕНАМО проявляло изрядную жестокость, главным образом, по отношению к похищенным людям. Это насилие, отмечает автор, носило не столько террористический, сколько экстрактивный характер (т.е. было связано с грабежом).

²⁷⁰ Следует обратить внимание на то, что относительное отсутствие насилия в областях с жестким контролем часто, когда это удастся зафиксировать, рассматривается как индикатор широкой народной поддержки. Потенциальная ложность этого наблюдения должна быть к этому моменту очевидной.

большинству из этих обвинений не было принято никаких мер, однако часть обернулась арестами».

Еще одно предположение состоит в том, что многие лагеря беженцев приближаются к зоне 1 (когда доступ к ним находится под контролем правительственных сил) и к зоне 5 (когда они располагаются в областях, подконтрольных повстанцам, особенно в соседних странах, где поддержка повстанцев высока). Поэтому насилие в них должно применяться умеренно, его должно быть гораздо меньше, чем в лагерях, брошенных на произвол судьбы, да и проявляться оно должно в другой форме: во втором случае это преступное насилие, в первом — принуждения. Имеющиеся данные указывают именно на такую тенденцию (Crisp 2000; Prunier 1995; Wiesner 1988). По сути, стратегию перемещения жителей из сельских областей, являющуюся составной частью многих кампаний по борьбе с повстанцами, можно рассматривать как способ создания областей типа зоны 1: вместо того чтобы оккупировать территорию, ее просто можно очистить от гражданского населения²⁷¹.

8.4. ОТСУТСТВИЕ КОНТРОЛЯ (ЗОНЫ 1 И 5)

Политическая сила не обладает контролем над областями, находящимися под полным контролем ее противника: отсутствие контроля зеркально противоположно полному контролю. Лишенная контроля, «несуверенная» сторона слепа: у нее нет доступа к людям и информации. Перемещать силы ей трудно, это сопряжено со всевозможными опасностями, а местные жители могут вообще не вступать в контакт с ее представителями. Такая ситуация прекрасно описывается в докладе одного гражданина СССР, сотрудничавшего с немцами в 1942 г.:

²⁷¹ Стоило бы исследовать разницу в применении стратегий перемещения населения во время гражданских войн. Очевидно, что надлежащая реализация такой стратегии обходится очень дорого, а в случае применения ее в контексте неизбежного насилия, на примере того, как это происходило в Дарфуре («борьба с повстанцами без затрат»), она может сработать против тех, кто взял ее на вооружение (Prunier 2005).

Когда крестьянин сталкивается с выбором, на чью сторону ему встать: партизан или немецких солдат, к сожалению, зачастую у него нет никакой возможности отказаться в помощи партизанам. Еще бы, ведь партизан он видит почти каждый день, а немцев — лишь изредка. Даже если бы у него и было искреннее желание бороться с партизанами, как это сделать? Вступать с ними в прямую схватку — настоящее безумство, ведь он даже не вооружен. Присоединиться к коллаборационистским отрядам означало бы лишиться свою землю рабочих рук и оставить свою семью на истребление партизанам. Когда крестьянин следит за деятельностью партизан и доносит в комендатуру, об этом быстро становится известно всем, поскольку в деревне трудно что-то утаить. Расплата не заставляет себя ждать. Более того, местное население убеждается, что их доносы немцам в подавляющем большинстве случаев не приводят ни к каким последствиям. В комендатуру день за днем поступают сведения о партизанах изо всех уголков района, но из-за нехватки сил отреагировать она может лишь на некоторые из них. Описанное выше положение вещей крайне опасно: оно приводит к расширению партизанского движения и, как следствие, влечет за собой полный крах [немецкой] административной и экономической системы (Dallin et al. 1964: 325)²⁷².

8.4.1. Насилие при отсутствии контроля

Гипотеза 3 гласит, что в отсутствие хоть какого-нибудь контроля у «несуверенной» стороны нет никакой возможности прибегнуть к селективному насилию. Если она и станет применять насилие, то только неизбежно. Так, в Колумбии в период гражданской войны, известной как «Виоленсия», по сути, «самое беспощадное и непрерывное насилие имело место в районах, удаленных от фактического контроля центрального правительства» (Henderson 1985: 109). В последнее же время колумбийские повстанцы прибегают к террористическим операциям и массовым убийствам за пределами подконтрольных им зон (Sánchez 2001: 30).

Когда речь идет о правительственных силах, неизбежный характер такого насилия очевиден. Убив во время одного рейда крестьянина, южновьетнамские солдаты ска-

²⁷² Похожую точку зрения можно также найти в работах: Hondros 1993: 155; Stoll 1993: 148; Cribb 1991: 150.

зали журналисту, ставшему свидетелем расправы, что этот человек не заслуживает «жалости. Он, без сомнения, был членом Вьетконга, ведь это поселение уже долгие годы является опорным пунктом этой организации» (Browne 2000: 8). Как отмечал один майор ВВС США, «в горах почти все, что движется, записывается в члены Вьетконга» (Schell 2000: 214). Дэвид Эллиотт (Elliott 2003: 878) обнаружил, что в исследуемой им области деревушка, более других подвергавшаяся обстрелам со стороны правительственных сил, считалась главной базой Вьетконга. Основываясь на данных, собранных организациями по защите прав человека, Тимоти Галден (Gulden 2002) исследовал логику насилия в Гватемале и обнаружил, что в майянских горных местностях и в низинах оно имело разные формы. Массовые убийства гораздо чаще имели место в горах, вдали от хороших дорог. Роберт Кармак (Carmack 1988a: xv–xvi) подтверждает, что гватемальская армия совершила больше всего массовых убийств в так называемых «красных» населенных пунктах, т.е. тех, которые находились под контролем повстанцев. Там они не делали никакого существенного различия между местными жителями и мятежниками. Эти примеры согласуются с более общими выводами, например, тем, который делает в своем знаменитом исследовании Дональд Грир (Greer 1935). Он показывает, что французские революционеры применяли насилие в тех областях, где правительство сталкивалось с внутренней или внешней вооруженной конфронтацией. А Джеймс Рон (Ron 2003) отмечает, что в Израиле и бывшей Югославии случаи применения насилия учащались по мере удаления от подконтрольных областей и приближения к оспариваемым.

Повстанческое насилие следует той же логике. Повстанцы в Малайе нападали на центры для временного проживания переселенцев и города, подконтрольные британцам (Stubbs 1989: 105; R. Thompson 1966: 25); а в Мозамбике ФРЕЛИМО во время войны с колонизаторами довольно регулярно обстреливал из минометов и ракетных установок деревни, находившиеся под защитой правительства (*альдеаментос*) (Cann 1997: 157). Спустя годы повстанцы из РЕНАМО совершали зверства в отношении местных жителей — не где попало, как часто полагают, а ровно в тех районах, где были сильны позиции правительства. Они основывались на предположении, что все поголовно гражданское население было «связано» с ФРЕЛИМО (T. Young

1997: 132–133). Кэролин Нордстром (Nordstrom 1997: 108) рассказывает о случаях, когда члены РЕНАМО переключалось от «мягкости» к насилию по отношению к одним и тем же жителям — после того, как они переходили (против воли организации) под контроль ФРЕЛИМО. Роберт Джерсони (Gersony 1988) называл «областями разрушения» РЕНАМО те районы, в которых правительство присутствовало хоть в какой-то форме. Вьетконг также вел неприцельные обстрелы из минометов и ракетных установок населенных пунктов, подконтрольных южновьетнамским властям, в том числе и лагерям беженцев²⁷³. Никарагуанские контрреволюционеры применяли насилие в опорных пунктах сандинистского режима (Horton 1998: 167); перуанский «Сияющий путь» — в деревнях, которые сформировали милицию (Krauss 1999; Del Pino 1998: 172, 189; Manrique 1998: 218); сьерра-леонский ОРФ — в деревнях, которые сформировали ополчение «камайоры» (Richards 1996: 181–182); колумбийская АНО — в деревнях, которые восставали против них (например, Кармен-де-Чукури) (Rubio 1999: 120). Следует заметить, это относится как к этническим, так и к неэтническим конфликтам. Начиная деколонизационными войнами в Африке и заканчивая курдским повстанческим движением на востоке Турции, повстанцы неизменно избирают своей мишенью представителей своего же этноса, которые сотрудничают с их врагом: либо самостоятельно, либо в программах по созданию ополчения.

8.5. ОСПАРИВАНИЕ КОНТРОЛЯ (ЗОНЫ 2, 3 И 4)

Один сальвадорский крестьянин (Binford 1996: 100) рассказывал, что жить на оспариваемой территории — все равно что быть зажатым между шипом и мечом (*entre la espina y la espada*).

²⁷³ См. Moyar 1997: 307; Wiesner 1988: 102, 225–226; West 1985: 272; Lewy 1978: 276; R.Thompson 1966: 27. Луис Вайзнер (Wiesner 1988: 227, 58) упоминает о Постановлении коммунистической партии №9 от 1969 г., в котором главными объектами для нападения объявляются лагеря беженцев. Он также сообщает о неизбирательном истреблении жителей деревни Донгсай в провинции Фуоклонг в июне 1965 г., организованном в соответствии с тем же постановлением.

Жизнь одного колумбийского крестьянина из оспариваемой зоны проходила под градом обвинений в коллаборационизме то с одной, то с другой стороны: «Что ты делал в городе? С кем разговаривал? Встречались ли по дороге партизанские блокпосты? Сообщал ли ты армейцам о нашем блокпосте? Снабжаешь ли ты продовольствием военизированные формирования? Снабжаешь ли ты продовольствием партизан?» «Конечно, главный вопрос в том, есть ли у этого крестьянина выбор?» — заключает Эрик Фихтл (Fichtl 2004: 4), называя трудное положение, в котором тот оказался, «замкнутым кругом противоречащих друг другу требований», или, как выразился один крестьянин из Вьетнама, это все равно что жить с «двумя петлями на одной шее» (Elliott 2003: 258). Полковник Дж. М. Стивенз описывал ситуацию перекрестного давления в оккупированной Греции, где он служил в 1943–1944 гг.:

На Пелопоннесе почти нет деревень, в которые бы не наведывались андарты [повстанцы] и немцы — обычно по три-четыре раза каждые. Немцы, как правило, мародерствуют в пустующих домах, которые встречаются им по пути. Андарты же избивают, грабят и высылают в концентрационные лагеря тех селян, которые решили остаться в своих жилищах, дабы защитить их от немцев. <...> В итоге местные жители испытывают неопишуемые страдания. <...> Их моральный дух подорван, и они молятся, чтобы их оставили в покое: будь то повстанцы, охранные батальоны или немцы²⁷⁴.

Описаний, подобных этому, немало: люди говорят о том, что попали под «перекрестный огонь», оказались «зажаты в самой середине», «между двух огней» или «между двух шипов»²⁷⁵. Следующие слова представителей гражданского населения, живших в оспариваемых областях во время пяти разных конфликтов — в Алжире, Родезии-Зимбабве, Намибии, Афганистане и на Филиппинах, — свидетельствуют об их незавидной участи:

²⁷⁴ "Second Report of Colonel J.M. Stevens on Present Conditions in Peloponnese (24 June 1944)," PRO, HS 5/669/S6557.

²⁷⁵ Degregori 1998: 141–142; Daniel 1996: 178–180; Le Bot 1994; Stoll 1993; Fellman 1989: 32; S. Davis 1988: 26; Henriksen 1983: 133; Chung 1970; Dallin et al. 1964: 330; Lear 1961: v.

С одной стороны, французские солдаты, с другой — феллахи [повстанцы]. А мы в самой середине (Faivre 1994: 142–3).

Если мы сотрудничаем с полицией, террористы нас убивают. Если не сотрудничаем, полиция подозревает нас в укрывательстве террористов. Мы просто не знаем, что делать (Flower 1987: 122).

Я думаю, главная причина в том, что мы испытываем страх перед обеими сторонами. Примкнув к одной, ты ставишь под угрозу свою жизнь. Примкнув к другой, делаешь ровным счетом то же самое. Те, кто сотрудничают с военными, боятся Новой народной армии, те же, кто сотрудничает с Новой народной армией, боятся военных (Berlow 1998: 202).

Жизнь в Овамболенде [север Намибии] — жизнь между двух огней: силами обороны ЮАР и СВАПО. Если ночью к вам придут солдаты СВАПО и попросят о помощи, а вы им откажете, они сразу решат, что вы на стороне солдат ЮАР, и вам придется поплатиться за это жизнью. Партизанская война — непрерывная, круглосуточная борьба не на жизнь, а на смерть (Groth 1995: 28).

В дневное время к нам наведываются правительственные силы, а в ночное — талибы. Мы — словно между молотом и наковальней (Sengupta 2005b: A10).

Самое большое давление на местное население политические силы оказывают там, где у жителей меньше всего причин быть им преданными: «В оспариваемых областях [Южного Вьетнама], жители которых сильнее всего желали, чтобы их оставили в покое, как правительственные силы, так и коммунисты заставляли крестьян оказывать им помощь, применяя физическое принуждение в сочетании с убеждением» (Moyn 1997: 321). Один американский журналист (Kann 2000: 409) отмечал: «жизнь мирных граждан в оспариваемых областях Вьетнама сопряжена с постоянным риском». С точки зрения гражданского населения, ключевая особенность жизни в государстве с фрагментированным суверенитетом — глубоко укоренившееся ощущение неизвестности и опасности. Его как нельзя лучше передают слова одного грека, которые пере-

кликаются с воспоминаниями одного американского туриста в Греции и двух гватемальских крестьян:

Такая псевдвойна — ужасная штука. Люди не представляют, как себя защитить. Там нет линии фронта, они не знают, с какой стороны ждать удара. Представьте, вы идете по улице и на пути вам встречается незнакомый человек. Вы бы стали ему представляться? Вы понятия не имеет, кто это, какому богу он молится. Как бы вы отвечали на его вопросы, зная, что, если ему не понравится ответ, он вполне может вас прикончить? Естественно, что все боялись. Страх буквально витал в воздухе. Когда начались аресты, люди попросту стали спать на улице. Кругом царила какая-то анархия. Человека могли запросто убить — и никто не нес за это ответственности, как будто ничего не случилось. Абсолютная дикость. То были лихие времена (I-22).

Ситуация была невыносимой: присутствие в непосредственной близости конкурирующих вооруженных группировок не давало людям заниматься привычными делами. Если, скажем, крестьянин уходил в горы за дровами, солдаты избивали его за связь с партизанами, поскольку иначе, в их представлении, он не имел возможности беспрепятственно ходить туда-сюда. Но отказаться от этих походов крестьянин не мог: без этих пусть и скудных ресурсов ему было не выжить. Из-за этого обстановка в Керасии, которая оказалась, что называется, между Сциллой и Харибдой, была поистине удручающей (McNeill 1978: 153).

Мирные жители нигде и никогда не чувствовали себя в безопасности. Особенно страшно было по ночам. Люди не знали, от кого ожидать нападения. Они испытывали страх перед каждой из сторон. Никто не мог жить спокойно (Wagten 1998: 93).

Проблема заключалась в том, что люди никогда не знали, кто к ним нагрянет, с представителями какой стороны им придется иметь дело (Wagten 1998: 96).

В оспариваемых областях все вершат слухи, люди теряют веру в установленные законы, фундамент, на котором строится повседневное доверие, рушится, жителями овладевает чувство неуверенности и уязвимости; сама реальность, кажется, раздваивается (Wagten 1998: 110). Например, в Север-

ной Ирландии повседневная жизнь «наполнена обманом и лицемерием, людям трудно разобраться, где правда, а где ложь, а самые простые методы порой воспринимаются как сложные. Очутившись между двумя противоположными командами, невозможно понять суть игры, а также отследить изменение правил» (M. Dillon 1990: 299). Один британский турист в Греции так описывал состояние местных селян: «Их терроризируют тем или иным образом на протяжении стольких лет, что они разучились рассуждать и легко становятся жертвами слухов, какими бы дикими те не были»²⁷⁶. Такая неуверенность не дает людям возможности задуматься и выстроить какую-то линию поведения. Майкл Феллман (Fellman 1989: xv) пишет, что во время гражданской войны среди жителей штата Миссури преобладало следующее мышление: «Какой стороне лучше продемонстрировать преданность? <...> Как поступить, когда над тобой нависает такая угроза? Кто были эти люди? В каком они лагере?» Описывая одну сцену во Вьетнаме, Питер Канн (Kann 2000: 409) подчеркивает, что неуверенность жителей особенно заметна сразу после перехода контроля от одной стороны к другой: «Интенсивная программа по умиротворению деревень на базе Нуйкото принесла некоторые результаты. Семь месяцев назад большинство этих населенных пунктов находилось под прочным контролем Вьетконга, однако теперь в них присутствуют правительственные силы, во всяком случае, в дневное время. Проезжающих местные жители встречают угрюмыми взглядами. «Они не понимают, закрепятся ли тут правительственные войска или следует ждать возвращения вьетконговцев. Они пока не определились, на чью сторону встать, но, по крайней мере, впервые это друг с другом обсуждают», — отмечает майор Филдз. Один житель штата Миссисипи во время гражданской войны делился точно таким же чувством всеобъемлющей неуверенности: «Мы ума не приложим, что нас ждет в будущем, и стараемся не удивляться тому, что приносит с собой новый день. Бедный наш народ» (Ash 1995: 211).

Одним словом, оспаривание контроля осложняет большинству людей задачу выбора стороны. На этом основывается

²⁷⁶ "Memo: Situation in Greece, February 1948, by Mr. R. Blackburn (24 February 1948)," PRO, FO 371/72327/R2531.

сделанный в рамках нашей теории прогноз высокой вероятности одновременного перехода жителей в зонах с оспариваемым контролем на сторону противоборствующих сил. Такая позиция обычно описывается как нейтралитет или выжидание и часто наблюдается во время гражданских войн²⁷⁷.

Большинство предпочитают придерживаться нейтралитета, потому что не уверены, какая из сторон может учинить над ними расправу, либо, наоборот, боятся расправы с обеих сторон. Томас Барроу, торговец тканями из Чипсайда, писал во время гражданской войны в Англии: «Сохранив нейтралитет, я сохраню свою жизнь. Нужно идти своим путем и не совать нос в дела других» (McGrath 1997: 91). Похожим образом Майкл Феллман (Fellman 1989: 48) описывает и партизанскую войну в Миссури: «Во время этой войны безопасность человеку гарантировала вовсе не преданность какой-либо стороне, а уклончивость. Честность и прямота гораздо чаще приводили к разрушительным последствиям, нежели скрытность и невмешательство». В формулировке Тринкье (Trinquier 1964: 31) отмечает: «Местные жители отнекивались от какой бы то ни было ответственности, дабы не навлечь на себя месть противника». В том же духе написано и заключение одного британского отчета из Греции: «Если у деревенских жителей нет уверенности в армии, если они сомневаются в том, что в случае нападения помощь будет близко, не стоит надеяться, что они окажут сильное сопротивление, даже если в их распоряжении будут оружие»²⁷⁸. В 1963 г. в ответ на вопрос члена Вьетконга, на чьей он находится стороне, один крестьянин из деревушки в окрестностях Сайгона ответил: «Не знаю. Я следую воле Небес. Если я выполню ваши требования, меня арестуют приспешники Зьема. Если же выскажусь против вас, тогда меня арестуете вы. Лучше уж я взвалю на свои плечи обе эти ноши и буду держаться середины» (Gerald 1989: 31). Отчет ЦРУ из Вьетнама от 1968 г. не менее показателен в этом отношении: «Преобладающее настроение... — пожалуй, растущая обеспокоенность тем, как избежать опасностей войны... Если предоставить их [южных вьетнамцев] самим себе, они, вероятнее всего, так и продолжат увиливать от необходимости

²⁷⁷ См.: Livanios 1999: 205; Figes 1996: 680; H.Nelson 1980: 254; Armstrong 1964: 46; Barnett, Njama 1966: 135.

²⁷⁸ "Report on Volos area", PRO, FO371/72328/R12508.

занять чью-то сторону, пока не станет очевидным решительный прорыв одного из участников конфликта» (Moyn 1997: 321). Один колумбийский крестьянин выразил ту же самую идею более прямолинейно (Rubio 1999: 205): «*Aquí el que habla, no dura*» («Тому, кто не держит язык за зубами, здесь долго не прожить»). Подтверждением этой точки зрения служат частые признания разных людей о том, что к сотрудничеству их принудили (Tone 1994: 134; Fenoglio 1973: 53).

В большинстве случаев выжидательная позиция приобретает форму пассивного нейтралитета и даже *аттантизма*: попав под перекрестный огонь правительственных сил и повстанцев, учитывая, что на кону их жизнь, местные жители предпочитают по возможности оставаться в стороне. «Все выжидали, как будут развиваться события дальше» — эта фраза описывает позицию многих крестьяне во время гражданской войны в Китае (Hua, Thireau 1996: 304). «Жители, само собой, хотят быть на стороне победителя, — отмечает Джулиан Пейджет (Paget 1967: 35). — Это, безусловно, в их интересах. Поэтому они стараются не сердить ни одну из сторон до тех пор, пока не станет ясно, какой оборот примет борьба»²⁷⁹. В отчете греческих солдат от февраля 1948 г. утверждается, что сельские жители «не спешат сражаться на стороне партизан, но при этом и не предоставляют информацию армейцам» (H. Jones 1989: 52). Органы государственной власти в оспариваемых областях могут вести себя похожим образом. «Мы не поддерживаем ни членов сопротивления, ни американцев», — заявлял Акилу Хусину и Николасу Пелману (Huseen, Pelhman 2004: 7) командир иракской Национальной гвардии в городе Рамади.

Еще одна наглядная иллюстрация — гражданская война в Миссури. Большинство местных жителей, как пишет Майкл Феллман (Fellman 1989: xviii), «не стремились принять чью-то сторону, а старались сохранить нейтралитет. Они были вынуждены лавировать между двумя полюсами власти; в ходе последующей разрушительной партизанской войны их приверженность той или иной идеологии напрямую зависела от того, какая сторона, по их мнению, могла создать им луч-

²⁷⁹ Пейджет (Paget 1967: 111) добавляет, что, когда стало очевидно, что англичане берут верх в Кении, «те, кто колебался, разом перешли на сторону правительства».

шие условия для выживания. <...> [У них] вошло в привычку лгать [о мере своего участия в конфликте], чтобы получить как можно бóльшую защиту от обеих сторон. <...> Имей они настоящую свободу выбора, большинство жителей штата предпочли бы оставаться на нейтральной позиции». Командующий объединенными силами приграничных районов штата без обвиняков описывал ситуацию, с которой столкнулся: «Что хуже всего, так это крайне запуганное и удрученное состояние народа. Похоже, в людях не осталось ни капли мужества. Они в равной степени боятся и солдат, и повстанцев. Единственное, что им нужно, так это защита военной полиции и возможность сохранить нейтралитет» (Fellman (1989: xviii, 11, 49, 51, 78).

Важно подчеркнуть: выжидательная позиция, которую обычно рассматривают как постоянную черту гражданской войны, на самом деле является чертой переменной, напрямую зависящей от того, насколько ожесточенно стороны оспаривают контроль над той или иной территорией. Возьмем, к примеру, Кабреру, колумбийский город с населением в пять тысяч человек, расположенный в 80 км на юго-запад от Боготы. Весной 2003 г. в этот город, долгие годы находившийся под контролем повстанцев, вошли правительственные войска. Мятежники покинули город, однако продолжали находиться в окрестностях. Многие жители «полагали, что повстанцы попросту выжидают подходящего момента для нанесения контрудара». «Партизаны все еще где-то там, — рассказал один человек, указывая рукой в сторону окружающих город гор. — Если их не убили, что может помешать им вернуться?» Страх перед возвращением мятежников был «очевиден, горожане не спешили приветствовать правительственные силы с распростертыми объятиями. Один пожилой мужчина, отказавшийся представиться, то и дело озираясь по сторонам, сказал журналисту: “Тут повсюду информаторы”» (Housego 2004).

Разновидность выжидательной позиции — одновременное содействие обеим сторонам, т.е. двурушничество. Рассмотрим следующее противоречивое заявление одного афганца, приведенное Карлоттой Голл (Gall 2005: A6): «Он объяснил, что “народ поддерживает талибов, потому что они не мародерствуют и уважают женщин”. Однако добавил: “Весь район хочет помогать американцам, потому что в стране царит

разруха”». «Чтобы минимизировать потери и разрушения», многие жители штата Миссури во время гражданской войны «сотрудничали с представителями самых разных группировок и движений — на случай любого исхода. Они стремились заручиться поддержкой и защитой всех лагерей» (Fellman 1989: 174). Во время гражданской войны в Колумбии некоторые «имели при себе сразу два удостоверения личности: одно, выданное консерваторами, другое — либералами, и показывали то одно, то другое в зависимости от того, кто именно просил их предъявить документы» (Roldán 2000: 217). В Кении некоторые «ловко пытались натравить противоборствующие силы друг на друга и таким образом одной рукой подыграть правительству, а другой — революционерам» (Barnett, Njama 1966: 135). Такая «работа на два фронта» нередко имела место и в Мозамбике (Nordstrom 1997: 56). Сельские чиновники, в частности, нередко вынуждены служить «двум господам» и собирать для них обоих налоги²⁸⁰. В Сальвадоре «те же самые жители, которые помогали партизанам... сотрудничали и с солдатами правительственной армии во время операций, которые та частенько проводила в их районе» (Binford 1996: 100). Один вьетнамский крестьянин рассказывал, как его отец, заместитель сельского старосты, поступал во время войны против французов: «Мой отец был умным человеком. Он, как у нас говорят, строгал палку с обоих концов. На самом деле ему не нравилось помогать французам. <...> Он также поддерживал хорошие отношения с Соппротивлением. Он сотрудничал с ними ровно настолько, чтобы им не хотелось его устранять, ведь они были уверены, что его преемник будет хуже» (Heggington 1997: 21). Во время гражданской войны в Китае работу на два фронта образно называли «покупкой страховки» (Chang 1992: 158). Особенно рискованной (а потому редко применявшейся на практике) была стратегия, когда семья специально отправляла сыновей на службу в противоборствующие армии. Во время Английской революции «некоторые циники утверждали, что подобное распределение членов одной семьи [по разным сторонам баррикад] было не чем иным, как тщательно продуманной подстраховкой: ка-

²⁸⁰ Hamoumou 1993: 166; Jones 1989: 236–237; Henriksen 1983: 120, 153; Leites, Wolf 1970: 43–44; Pike 1966: 248; Lear 1961: 234; Kitson 1960: 206; Leakey 1954: 115.

кой бы лагерь ни одержал победу, в нем всегда будет близкий человек, который своим влиянием сможет защитить семью от конфискации имущества и разъединения» (Stone 1972: 144)²⁸¹.

В условиях паритета сил, когда противостояние заходит в тупик, распространенной практикой является манипулирование ожиданиями жителей, чтобы заставить из думать, что наступил переломный момент и одна из сторон берет верх²⁸². По мнению многих авторов (Eckstein 1965: 158), отличительная характеристика иррегулярной войны заключается как раз в том, что в ее ходе физическое оружие применяется в комбинации с «психологическим». Гордон Таллок (Tulloch 1987: 373) утверждал, что «самое главное в гражданской войне — убедить людей в скорой победе той или иной стороны». «Если бы даже самый невежественный селянин был уверен, что мы выигрываем, — вспоминает Оливер Кроуфорд (Crawford 1958: 180) о конфликте в Малайе, — тогда бы информация потекла в обратном направлении — к нам, а не в джунгли». «В войне, события которой сами по себе редко имели какое-то значение, — соглашается с ним Ф. Уэст (West 1985: 47), — главное было в том, как эти события воспринимаются людьми». По этой причине противоборствующие политические силы всячески стараются убедить гражданское население в том, что победа будет именно за ними. Об этом свидетельствуют следующие слова крестьян из Перу и Гватемалы:

Нам пообещали, что к 1985 г. Аяячуко станет освобожденной зоной. В 1981 г. они нарисовали в умах молодых людей иллюзию, что к 1985 г. наша область превратится в независимую республику. Мы мечтали о том, чтобы стать министрами или военачальниками, мечтали чего-то добиться (Degregori 1998: 130)²⁸³.

²⁸¹ Морис Фэвр (Faivre 1994: 123) пишет почти то же самое об Алжире.

²⁸² Стоит отметить, для манипулирования ожиданиями необходима материальная база: «Даже самая грамотная пропаганда не возымеет должного эффекта, если не будет подкреплена военными успехами» (Heilbrunn 1967: 36).

²⁸³ Дель Пино (Del Pino 1998: 184) соглашается, что перуанский «Сияющий путь» приложил немалые усилия, чтобы создать себе образ непобедимой, всеокрушающей силы.

Партизаны сказали, что они сильнее правительственной армии. Пообещали снабдить народ оружием. Заверили, что Куба и Никарагуа придут к нам на помощь. Рассказывали про Вьетнам, где восторжествовала власть народа, что то же самое вот-вот должно произойти в Сальвадоре. <...> [Они] призывали нас не волноваться, поскольку каждый год партизанские отряды продвигаются вперед, солдат отстреливают пачками и постепенно истребят окончательно. В общем, уверяли, что их триумф в Гватемале неминуем (Stoll 1993: 88–89, 149).

Нужное впечатление можно создать при помощи широкого арсенала средств, например, качественной экипировки и снаряжения. Греческие селяне сообщали о том, что коммунисты «великолепно обмундированы и вооружены лучше, чем они сами и даже армейские солдаты с жандармами»²⁸⁴. Португальская армия в Анголе проводила перед пленными повстанцами «учения и демонстрировала свою огневую мощь, [дабы] убедить их в том, что португальцы одержат в схватке верх» (Cann 1997: 118). Проведение военных парадов и открытых совещаний помогали руководству Вьетконга контролировать информацию, которая доходила до рядового состава: в ней делался акцент на боевые победы, никогда не признавались поражения, а также постоянно подчеркивалась неминуемость окончательного триумфа. Организация также распространяла среди крестьян листовки, в которых сообщалось, что правительство проиграет войну, «поэтому им лучше стать на сторону победителя пока еще есть такая возможность» (West 1985: 126; Bergman 1974). Зачастую военные операции преследуют цели исключительно психологического характера. Примером этому служат приведенные далее записи из дневника одного приверженца греческих коммунистов:

14 августа 1946 г.: Находимся в деревушке Гликонери. Вступили в схватку с Фотисом. Жители должны видеть боевые действия, иначе они не станут нам доверять.

16 августа 1946 г.: Засада в Нестори. Атаковали отряд противника. Двое солдат убито, двое ранено.

²⁸⁴ "Report of the Third Secretary of the Embassy from His Visit in Levidi, on May 26, 1947, 36 Hours after It was Attacked," PRO, FO 371/67006/R8651.

17 августа 1946 г.: Вернулись в Гликонери. Отношение жителей поменялось (Ραραϊοαννου 1990: 160–161).

Такая тактика весьма действенна, как можно убедиться на примере колониального Алжира: «Никто из нас не сомневается в силе ФНО. Когда это необходимо, он напоминает о своем присутствии весьма решительными методами. Когда все [электрические] столбы в радиусе 3 км одновременно падают, когда проезд по дороге вдруг перекрывают поваленные деревья, обрушившиеся каменные заграждения или траншеи, неволей задаешься вопросом, откуда пришла та толпа народа, которая смогла такое сотворить, и под чьим началом она действовала» (Feraoui 2000: 59–60).

Когда подобные стратегемы срабатывают, лояльность жителей переходит от одной стороны к другой стороне, а вслед за ней и контроль над территорией. В конечном счете, такую тактику могут применять обе противоборствующие силы одновременно, причем с равной степенью успеха. В этом случае тупиковая ситуация только усугубляется. Например, «демонстрируя постоянное присутствие партии» в слабо охраняемых районах оккупированной фашистами Украины, советские партизаны создали «впечатление, что позиции Советов там гораздо прочнее, чем позиции оккупантов». При этом немцы отвечали тем же: они расквартировывали роты в областях, представлявших для них интерес, и «регулярно навещались в отдельные деревни, благодаря чему у многих местных жителей сложилось впечатление, что немцы задержатся там надолго, поэтому партизан они стали бояться меньше» (Т. Anderson 1999: 599, 615). Такая ситуация может продолжаться до бесконечности, как видно на следующем примере, имевшем место в одной вьетнамской деревне:

Вскоре после того, как правительственные силы покинули Ми-хюэ, с десятков вьетконговцев переправились через реку, проникли в деревню, вытащили из постелей нескольких местных жителей и заставили их снести часть ограждения вокруг деревни. <...> Ополченцы собрали группу из местных жителей и восстановили его. Спустя неделю вьетконговцы опять заставил жителей его снести. Ополченцы вновь все восстановили. Американцам эта борьба за ограждение, которое не имело серьезного тактического значения, казалась глупой. Чао, который изначально выступал

против строительства ограждения, тоже признавал абсурдность ситуации, однако настаивал на том, что ополчение не может позволить себе проиграть, раз Вьетконг решил разжечь на этой почве конфликт. Они просто обязаны были дать отпор (West 1985: 206).

Одним словом, стратегия манипулирования ожиданиями с целью заручиться поддержкой местных жителей, а вслед за этим заполучить и контроль над оспариваемыми областями, не всегда приносит желаемые плоды. Поэтому ничего другого, как применять насилие, не остается. Не зря считается, что оспаривание контроля приводит к эскалации насилия по спирали, поскольку противники пытаются склонить «чашу весов страха» (Elliott 2003: 945) в свою пользу. По словам одного теоретика в области контрповстанческих операций, «когда две силы борются за лояльность гражданского населения, а также за контроль над их территорией, успеха добьется именно та, которая активнее подвергает людей жестоким репрессиям, даже несмотря на то, что симпатии населения могут быть на стороне противоположного лагеря» (Lindsay 1962: 268). Один грек, принимавший участие в партизанской войне в Македонии в начале XX века, сделал в одном служебном документе наблюдение о том, что «деревни переходили в руки греков или болгар» только «под дулом пистолета» или в результате кровопролития. Аналогичным образом одному греческому партизанскому вождю посоветовали сжечь минимум шесть домов в деревне Стремлено, иначе крестьяне вернулись бы на сторону Болгарии (Livanius 1999: 204, 216). «Чтобы завоевать доверие у местных жителей, — соглашается один французский офицер, служивший в Алжире (Aussaresses 2001: 109), — мы должны были вызывать у них больший ужас, чем [повстанцы]». Один американский офицер, сражавшийся с повстанческим движением на Филиппинах в период с 1899 по 1902 г., отмечал, что самое главное было «внушить непокорным азиатам, как по отдельности, так и сообща, страх перед действующей властью, который бы превосходил страх перед мятежниками». Ему вторит другой офицер: «Существующее состояние войны и военное положение необходимо сделать для людей настолько тягостным и невыгодным, что они начнут не только искренне желать восстановления мира и гражданского правительства, а также перемещения

бремени войны на плечи нелояльного элемента, но и предпринимать для этого все возможные действия» (Linn 1989: 53–4, 153). Британцы в Малайе утверждали, что они «сильнее повстанцев и внушают больший страх населению» (Stubbs 1989: 75). Один американский офицер в Ираке, «разделяя личные признания многих других американских офицеров», говорил, что иракцы, похоже, понимают только силу. «Кто демонстрирует большую силу и мощь, тому они и подчиняются. В душе, может, и чувствуют злобу, но подчиняются» (Filkins 2005: 66).

В таких условиях нейтралитет (даже видимый) не гарантирует выживания — наоборот, он даже может поставить его под удар. В Мозамбике солдаты как ФРЕЛИМО, так и РЕНАМО относились к тем, кто отказывался переселяться в подконтрольные им зоны, как к сторонникам противоположного лагеря, которых следовало либо брать в плен, либо убивать (Lubkemann 2005: 497). В долине Назиан к югу от Желалабада во второй половине 80-х гг. XX века многие «нейтральные» афганцы были убиты моджахедами, потому что тот факт, что их деревни не подвергались бомбардировкам со стороны правительственных сил, считался достаточным доказательством того, что они сотрудничают с правительством (Giustozzi 2000: 126)²⁸⁵.

Отсюда вытекает парадокс: с одной стороны, людям порой удастся избежать насилия либо за счет сохранения нейтралитета, либо за счет работы на два фронта, но с другой — жизнь в оспариваемых областях, по описаниям, попросту ужасна, и без насилия политическим сторонам там явно не обойтись. Чтобы разрешить это очевидное противоречие, необходимо проводить различие между областями с доминирующим, но не полным контролем одной из сторон (зоны 2 и 4) и областями, контроль над которыми в равной степени «разделен» между двумя сторонами (зона 3). Гипотеза 4 прогнозирует применение насилия более сильной стороной в первых областях. Нейтралитет и двурушничество должны наказываться в зонах 2 и 4, но не в зоне 3, где Гипотеза 5 прогнозирует полное отсутствие насилия.

²⁸⁵ См. также: Hedman 2000: 131; Senaratne 1997: 143; Tone 1994: 134; Cooper 1979: 51; Race 1973: 187; Leites, Wolf 1970: 128–129.

8.5.1. Насилие при доминирующем контроле (зоны 2 и 4)

Согласно нашей теории одновременный переход жителей на сторону обоих противников должен происходить в самом центре оспариваемой области, т.е. в зоне 3. Вместе с этим за пределами внешних границ оспариваемой области, т.е. в зонах 2 и 4, нейтралитет и двурушничество должны квалифицироваться как акты измены и сурово наказываться. Однако найти данные, которые бы позволили провести четкое различие между зонами 2 и 4, с одной стороны, и зоной 3, с другой, — трудная задача. Поэтому приводимые мной данные носят приблизительный, косвенный характер. Например, в оккупированных немцами областях СССР, «к началу 1942 г. многих элементы, которые стремились уклониться от выбора и сохранить нейтралитет, постепенно были принуждены встать на ту или иную сторону. <...> Непричастность была непозволительной роскошью во время оккупации, *по крайней мере, в тех областях, где велась партизанская и антипартизанская деятельность*. Рано или поздно каждый начинал чувствовать на себе влияние внешних сил и был вынужден занять определенную позицию» (Dallin et al. 1964: 322–324; *курсив автора*). Мысль о том, что нейтральная позиция находится в обратной зависимости от интенсивности войны (Herrington 1997: 24; Cabarrús 1983: 185), также позволяет сделать вывод, что переход контроля — это та «сила», которая стоит за вынужденной приверженностью.

Нейтралитет — позиция рискованная, особенно во время перехода контроля, когда требуются необычайно тонкие микростратегии. Как сказал один вьетнамский крестьянин, «если ты слишком умен, ты не выживешь; если слишком глуп — тоже не выживешь; единственный способ выжить — знать, когда проявить ум, а когда показаться глупцом» (Race 1973: xii). Существует множество примеров, когда соблюдение нейтралитета оказывается затруднительным. В штате Миссури «чем дольше и ожесточеннее война, тем меньше возможностей остаться в стороне». Один местный житель написал в письме: «В пограничных штатах ситуация становится все более радикальной. Ты либо поддерживаешь “Союз”, неважно прав он или нет, либо симпатизируешь повстанцам. Людей силой заставляют сделать выбор» (Fellman 1989: 52).

На филиппинском острове Лейте «за исключением тех, кому хватает ловкости, чтобы угодить и той, и другой стороне, целые области — и даже отдельные семьи — записаны в два противоположных лагеря: один про-, другой антияпонский» (Lear 1961: 27–28). В Кении попытки сохранить нейтралитет оказывались «зачастую тщетными» (Barnett, Njama 1966: 135). Что касается работы на два фронта, то она может вылиться в «крайне опасную и трудную двойную жизнь, наполненную постоянно нарастающими страхом, тревогой, подозрениями, голодом и жестокостью» (там же). Так, по словам члена ФРЕЛИМО, один местный лидер в Мозамбике был вынужден прекратить двойную игру, потому что «испытывал страх. Его волновало два аспекта: с одной стороны, он задавался вопросом: если его разоблачат здесь [т.е. в подконтрольной ФРЕЛИМО области], решим ли мы его убить, а с другой — он полагал, что если РЕНАМО станет известно о его сотрудничестве с ФРЕЛИМО, нам самим не избежать смерти» (Geffray 1990: 74). В Бангладеше «некоторые предусмотрительные ребята хранили дома по два комплекта флагов — пакистанские и бангладешские — и вывешивали на крышу тот, которого требовал случай. Но угадать с флагом было не так легко, и если какая-то из сторон ловила их по другую сторону баррикад, за этим следовало суровое наказание» (Salik 1978: 101). Китайские коммунисты также жестоко наказывали «покупателей страховки» (Chang 1992).

В оспариваемых зонах сохранению нейтралитета препятствует ряд социальных механизмов, кроме того, более сильная сторона активно (и успешно) отбивает у жителей всякое желание его сохранять²⁸⁶. Эти факторы объясняют так называемый парадокс поляризации: несмотря на то, что явную приверженность какой-то стороне выражают не многие, а большинство предпочитает не участвовать в конфликте, все-таки в конечном итоге почти все примыкают к тому или другому лагерю.

²⁸⁶ Более слабая сторона (повстанцы в зоне 2 и правительственные силы в зоне 4) нередко поощряет гражданскую пассивность, видя в этом неплохую альтернативу для достижения цели (Kedward 1993: 85; Hartford 1989: 118–119; McColl 1969: 624; Barton 1953: 141). Однако более сильная сторона в конце концов отличает реальное силовое давление от симуляций и реагирует соответствующим образом.

Во-первых, как уже было сказано, против тех, кто пытается сохранить нейтралитет, работает несколько социальных механизмов. Такие люди могут подвергаться остракизму и давлению со стороны других. Малин Акерстрём (Åkerström 1991: 57–58) утверждает, что нейтральная позиция, отказ принимать участие в борьбе и нежелание признать серьезность конфликта часто рассматриваются окружающими как предательство. «Непричастным остаться не удастся никому, — рассказал мне один информатор (I-22). — Люди вынуждены становиться на ту или иную сторону, хотя бы они того или нет». Как они могут выдержать нейтралитет, когда все вокруг прымакают к какому-то лагерю? У них попросту нет такой возможности. Более того, те, кто уже выразил приверженность какой-то стороне, испытывают по отношению к нейтральным элементам ненависть и злость, полагая, что эти люди остаются в стороне из оппортунистических соображений, в то время как они участвуют в боях и терпят страдания и лишения»²⁸⁷. Фукидид писал: «Умеренные граждане, не принадлежавшие ни к какой партии, становились жертвами обеих, потому что держались в стороне от политической борьбы или вызывали ненависть к себе уже самим своим существованием». Несмотря на то, что эти социальные механизмы константны во всех областях, они срабатывают в зонах 2 и 4, в которых контроль уже начал переходить в руки одной из сторон.

Во-вторых, политические силы полагают, что невмешательство некоторых граждан подрывает их позиции, и считают такую стратегию равноценной переходу на сторону противника. Нейтралитет рассматривается как «пассивное сотрудничество с врагом»; безучастность, нерешительность,

²⁸⁷ См.: Manrique 1998: 204; Horton 1998: 234; Åkerström 1991: 57–60; Babeuf 1987: 120; Cobb 1972: 13. Адам Смит (Smith 1982: 155) высказывал аналогичную точку зрения: «В стране, расколотой на враждующие группировки, какая-то, хоть совсем и незначительная, часть населения не поддается общим настроениям и думает своими мозгами. Как правило, это отдельные индивиды, разбросанные по разным уголкам страны, не обладающие никаким влиянием, исключенные за прямоту и честность из круга доверия обеих сторон, которые, несмотря на всю свою мудрость, а точнее, как раз из-за нее, считаются самыми ничтожными в обществе людьми. Фанатичные сторонники обеих лагерей относятся к ним с презрением и насмешкой, а порой даже и ненавистью».

выжидательный образ действий и любые другие проявления неподчинения приравниваются к враждебности и предательству (Guha 1999: 200–203). «Жители, предпочитающие держать нейтралитет, — бесспорно, серьезная помеха на пути тех, кто пытается уничтожить мау-мау, — пишет один автор с проколониалистскими взглядами (Leakey 1954: 115) о ситуации в Кении, — поскольку не оказывают им совсем никакого содействия». В Миссури «по мере того, как война набирала обороты, ни партизаны, ни юнионисты не допускали нейтралитета: в их представлении это была услуга врагу, пусть и непреднамеренная» (Fellman 1989: 51). Генерал Джеймс Франклин Белл, командовавший американской армией в одной филиппинской провинции во время повстанческого движения в 1899–1902 гг., подчеркивал, что «нейтралитет попускать не должно» (Francisco 1987: 17–18). В Ирландии по мере эскалации конфликта «даже нейтралитет был уже недопустим. Доверять можно было только тем, кто “состоял в движении”». Те, кто в то время были не с нами, был против нас» (Hart 1999: 80–81). В американском Центре исследования боевых операций (Barton 1953: v) отмечали, что гражданская «пассивность» — «подспорье для партизан» и утверждали, что «только решительный отказ от сотрудничества... позволит нанести партизанам серьезный и продолжительный ущерб». Как следствие, политические силы активно пресекают нейтральную позицию, руководствуясь простой логикой: «Кто не с нами, тот против нас». Когда военачальник в Гватемале возложил на глав одного городка обеспечение в нем безопасности, он сопроводил свое поручение такими словами: «Это дело добровольное. Кто хочет уйти — пожалуйста, дверь открыта. Но вот что я вам скажу: здесь нет никаких розовых. Есть только белые и красные. Вы либо с нами, либо — с ними. Но если вы с ними, вам не жить» (Stoll 1993: 106). Один греческий информатор пояснил, как он понимает эту логику: «Партизаны нам сказали: “Вы не с нами, значит, вы нас не поддерживаете”. — “Получается, придерживаться нейтралитета невозможно?” — “Нет, сэр, — отвечали нам в каждой организации. — У вас должна быть какая-то позиция, мы должны знать, на чьей вы стороне. А вдруг вы предатель? Откуда нам знать, что вы на нас не донесете? Так что определяйтесь: либо вы с нами, либо с ними”. Никто никому не доверял. <...> Людям не хотелось делать этот выбор, но

их принуждали к этому силой. Все должны были входить в какой-то лагерь» (I-22).

Повстанцы, как и правительственные силы, проводят в зонах, в которых обладают доминирующим контролем, довольно жесткую линию. Советские партизаны в оккупированной немцами России «принимали необходимые меры, чтобы те, кто пытается остаться в стороне, знали: после освобождения оккупированных территорий с ними расправятся как с «предателями» — военный термин для обозначения «врагов народа» (Hill 2002: 51). В Алжире в апреле 1997 г. партизаны-исламисты ВИГ старались донести аналогичную мысль до жителей села Сиди Мусса. Их лидер очертил на песке три круга, затем собрал селян и сообщил им: «Первый круг — это мы; второй — силы нечестивцев (*taghout*, т.е. действующего правительства); третий — народ. Мы не принимаем ответ: “Мы ни в одном из этих лагерей”. Либо вы с нами, либо — против нас. У вас 24 часа на размышление». Затем, чтобы убедить их в серьезности своих слов, он на глазах у всех убил одного несговорчивого селянина (Zergouky 1997). Даже в целом сдержанные французские партизаны разделяли похожую точку зрения в 1944 г.: они «были особенно нетерпимы не только к тем, кто сотрудничал с противником, но и вообще ко всем группам населения, не изъявлявшим желания принимать участие в борьбе» (Kedward 1993: 158)²⁸⁸.

В зонах 2 и 4 мишенью направленного на перебежчиков селективного насилия нередко становятся люди, придерживающиеся нейтральной позиции, — чтобы другим было неповадно²⁸⁹. Франсиско Мина, лидер испанского повстанческого

²⁸⁸ См. также: Anderson 2004: 139–140; Dupuy 1997: 128; Faivre 1994: 187; Hamoumou 1993: 168; Stoll 1993: 120; Barnett, Njama 1966: 141.

²⁸⁹ Политические силы могут заставлять людей примкнуть к своему лагерю, «подставляя их под удар» противника с тем, чтобы вынудить искать защиты у них. Так, французы в Алжире показывались на публике в компании с видными местными деятелями для того, чтобы их обвинили в коллаборационизме с врагом. В результате этим людям, осознающим, что они стали мишенью для повстанцев ФНО, попросту не оставалось ничего другого, кроме как сотрудничать с французами, дабы заручиться их защитой (Faivre 1994: 123; Hamoumou 1993). Один американский генерал отмечал, что на Филиппинах единственным «присмелемым и убедительным доказательством истинных настроений как отдельных граждан, так и членов городского совета должны быть

движения против Наполеона, однажды приказал повесить трех мэров, потому что они не предупредили его о присутствии вражеских подразделений (Laqueur 1998: 8). В 1921 г. прямо перед тем, как казнить одного мужчину, солдаты Ирландской республиканской армии обратились к нему с такими словами: «Ты одновременно и с нами, и с ними. Следовательно, ты — предатель» (Hart 1999: 15). В этой связи можно привести и следующее описание того, как южновьетнамские ополченцы поступили с семьей из двух крестьян, которые видели, как вьетконговцы устроили засаду неподалеку от их фермы, но ничего об этом не сообщили: «Те, кто сделал выбор в пользу одной из сторон и каждый день рисковал жизнью, не могли простить фермеру и его жене отказ от участия в войне. Пару обвинили в пособничестве Вьетконгу ради сохранения собственного хозяйства. Ополченцы пороли их кнутом до тех

такие публичные действия, которые бы безоговорочно свидетельствовали об их приверженности американцам, вызывая злость и враждебность со стороны повстанческих элементов» (Linn 1989: 153). В Сьерра-Леоне принудительное участие молодых новобранцев в зверствах против местных лидеров было призвано удержать их от возвращения в родные деревни из страха мести (Richards 1996: 5). Такие действия могут принимать самые разные формы: от публичного разоблачения сограждан до участия в насильственных действиях. В Корее от жителей добивались приверженности, заставляя их расписываться в членских списках и различных общественных петициях (Yoo 2002: 22). Возведенные в крайность, такие действия вселяли в людей уверенность: «если ты не убьешь кого-то, кто-то обязательно убьет тебя» (Hart 1999: 11). Более того, тот, кто совершает зверства, становится связан крепкими узами с теми, кто отдает приказания, а также с самой их деятельностью, поскольку только его успех может гарантировать, что им не придется отвечать за свои действия. Насилие сводит к нулю возможность примирения с врагом и становится «мощным сплывающим фактором и основой для дальнейшей совместной преступной деятельности» (Grossman 1995: 210–11). См. также: Gourevitch 1998: 24; Del Pino 1998: 185–186; Rosenberg 1991: 154; Horne 1987: 134; R. Thompson 1966: 36. Руководитель британской миссии в оккупированной Греции Эдди Майерс (Myers 1955: 73) вспоминал такой инцидент: «Потом я узнал, что [лидер партизанского движения Арис Велухиотис] приказал самому юному новобранцу, совсем еще мальчишке... раздеть виновного и избить его на центральной площади на глазах у всех жителей деревни. Именно таким образом он “приучал к крови” своих новых приверженцев».

пор, пока их крики не обратились в рыдания, а сами они не впади от боли в беспомощность» (West 1985: 170).

Повторных объяснений уже никому не требовалось. «Все понимали, что колебания недопустимы: ты либо за революцию, либо против, — написал в 1919 г. в личном дневнике один гражданин России, переживший две последовательные волны террора — красную и белую, «которые ввергли в ужас даже тех, кто был очень далек от политики»» (цит. по: Raleigh 2002: 278–279). Большинство людей оказываются загнаны в такое положение, в котором, как выразился один испанец, «они попросту обязаны встать на ту или иную сторону» (Zulaika 1988: 25). Когда над тобой висит реальная угроза расплаты, это самый разумный выход: сохраняя нейтралитет, можно вызвать на себя гнев обеих сторон одновременно и не получить поддержку ни от одной²⁹⁰. Как говорится в одной греческой

²⁹⁰ В условиях крайней опасности и неопределенности одним из разумных решений становится уход жителей из зоны конфликта. Один алжирский аптекарь рассказал: «В такой обстановке невозможно работать. Как-то вечером ко мне зашли трое, представились моджахедами. Один из них был ранен, и они хотели, чтобы я оказал ему помощь. Но если бы солдаты увидели этих людей перед моим домом, они бы его взорвали, меня самого убили, а мою семью выкинули на улицу, как собак. Я не имею никакого отношения к этой войне, я не поддерживаю ни один из лагерей. Мое дело сторона. Поэтому я и ушел» (цит. по: Martinez 1994: 56). «Если попытаться защитить себя и [бежать], все потеряешь, — поделился один житель Мозамбика с Кэролин Нордстром (Nordstrom 1997: 91). — Если остаться, имущество, может, и удастся сохранить, а вот жизнь потеряешь. В этой войне нет никакого смысла». Луис Вайзнер (Wiesner 1988: 109) сделал вывод, что появление беженцев во Вьетнаме стало своеобразной «адаптивной реакцией» селян, оказавшихся зажатыми между двумя в равной степени безжалостными силами, каждая из которых требовала от них полной приверженности и угрожала той или иной расправой». Жители перуанской деревушки Селло де Оро также оказались в тисках двойного давления: со стороны «Сияющего пути» в горах и правительственной армии — в долине. «Это ускорило массовое бегство селян из горных районов; некоторые оставались и продолжали жить под контролем «Сияющего пути», но остальные спускались с гор и искали убежища в долине» (Del Pino 1998: 172). Такое перемещение населения может спровоцировать процесс географического «сжатия», в результате которого оспариваемые области могут на какое-то время исчезнуть, а на их месте образуется «ничейная полоса» между территориями,

поговорке: «Отбившаяся от стада овца либо попадает в зубы волку, либо — под нож» (Svolos 1990: 60). Это подтверждают и следующие краткие свидетельства крестьян из Вьетнама и Никарагуа:

Я надеюсь, нас будет контролировать только одна сторона — неважно какая. Жить под одновременным контролем двух сторон невыносимо (Elliott 2003: 144).

У нас было только два пути: примкнуть к ним [к сандинистам] или к сопротивлению, либо умереть (Horton 1998: 184).

находящимися под полным контролем противоборствующих сторон (см. например, Geffray 1990: 122–125). Вместе с тем для многих людей уйти — не вариант, в особенности это относится к крестьянам, для которых их земельные участки — единственный источник пропитания (Binford 1996: 112; Ash 1995: 123; M.F. Brown, Fernández 1991: 127; Hunt 1974: 48–49; Lerner 1958: 25). «Только сильнейший страх мог заставить их обратиться в бегство, и многие предпочитали никуда не двигаться, опасаясь уходить еще больше, чем оставаться», — пишет Майкл Феллман (Fellman 1989: 74) о штате Миссури. Один гватемалец объяснял: «Я не сделал ничего плохого, и мне больше некуда идти. Кроме того, кто будет поддерживать мою семью?» (Annis 1988: 168). Первыми, как правило, уходят «наиболее обеспеченные, как в плане материального благосостояния, так и связей» (Zur 1998: 87). Опросы, проведенные во время войны во Вьетнаме, свидетельствуют, что решение покинуть свой дом напрямую зависит от ресурсов, при этом график этой взаимосвязи имеет форму параболы: как правило, молодые и грамотные жители, имеющие квалификацию, достаток и связи, а также самые социально неблагополучные категории и безземельные крестьяне снимаются с места раньше, чем пожилые и неграмотные жители, не имеющие квалификации, достатка и связей, а также крестьяне с землей (Wiesner 1988: 109). Более того, покидая дом, люди серьезно рискуют, поскольку политические стороны зачастую рассматривают это действие как переход на сторону противника и учиняют расправу над оставшимися членами семьи (Maier 1995; Wiesner 1988: 101; Gage 1984). Зачастую именно так повстанцы в Сальвадоре и удерживали на месте жителей подконтрольных им областей (Binford 1996: 114), а в Перу члены «Сияющего пути» убивали не только тех, кто пытался бежать, но даже тех, кто всего лишь упоминал о побеге как о возможной альтернативе. Столкнувшись с участившимся дезертирством, организация начала мстить семьям перебежчиков. Поскольку у большинства оставались родственники, расплачиваться приходилось именно им» (Del Pino 1998: 185).

Поскольку при описании оспариваемых областей обычно не проводится разграничение между областями с доминирующим и равным контролем, в дескриптивной литературе крайне трудно найти точные данные, подтверждающие обоснованность сделанных в рамках теории предположений. Обратимся к истории, произошедшей в деревне Локзыен на юге Вьетнама в 1965 г. и рассказанной Доном Моузером (Moser 2000: 86, 104, 99). Эта деревня, насчитывавшая десять тысяч жителей, располагалась неподалеку от города Хюэ и на самом деле состояла из тринадцати более мелких деревушек. «Внешне все тихо и мирно, — пишет Моузер. — Но на деле правительство и Вьетконг денно и ночью ведут друг с другом борьбу. В дневное время большая часть деревни находится под контролем правительства. Ночью же дело обстоит совсем по-другому». Вместе с тем дополнительные сведения только все запутывают. Моузер сообщает, что в Локзыене не было ни расквартированных американцев, ни народных ополченцев, что предводители правительственных войск ночевали за пределами деревни, а также что все тринадцать деревушек обороняли всего девять солдат (их командир жаловался, что «не может обеспечить деревне защиту силами лишь девяти человек»). Самая отдаленная деревушка находилась под преимущественным, хотя и неполным контролем Вьетконга (зона 4). В соответствии с нашей теорией, вьетконговцы применяли там селективное насилие, а правительственная армия — неизбирательное:

Поскольку деревушка у залива настолько отдалена от центра, в нее частенько — даже в дневное время — наведываются вьетконговцы: они берут у рыбаков рыбу и платят за нее не имеющими никакой ценности вьетконговскими деньгами. В этом году они убили двух местных жителей. Здесь настолько небезопасно, что сюда отказываются приходить учителя, поэтому многие дети неграмотны. Правительство досаждало рыбакам практически так же сильно, как и вьетконговцы. В остальных же деревнях жители симпатизируют солдатам из Армии республики Вьетнам, даже приглашают их в свои дома. <...> Наведываясь в [эту] деревушку, они избивают мальчиков-подростков, обвиняя их в соучастии с вьетконговцами, а два месяца назад они убили одного уважаемого рыбака — просто из подозрений.

Имеющиеся данные ясно показывают: в (недифференцированных) оспариваемых зонах насилие имеет довольно широкий размах. В штате Южная Каролина во время Войны за независимость «обе стороны конфликта совершали зверства, особенно в течение 1781 г., когда ни одна из них не обладала надежным контролем над сельскими районами» (Weir 1985: 74). Александр Даллин (Dallin et al. 1964: 330), исследовавший Советский Союз во время немецкой оккупации, приходит к похожему выводу: «Несмотря на то, что жить под контролем как немцев, так и партизан было довольно неприятно, в целом обстановка была безопасной. Живя на оспариваемой территории, люди все время боялись реквизиции или расправы от одной из (или сразу от обеих) сторон за сотрудничество с противником. Даже отказ от такого сотрудничества не гарантировал, что человека не тронут. <...> В результате гражданское население в таких пограничных зонах страдало больше других: люди порой оказывались в буквальном смысле между двух огней».

Там, где их контроль является доминирующим, но не полным, правительственные силы несут ответственность за большую часть насильственных действий. В оккупированном Китае самая высокая смертность от рук японцев отмечалась вовсе не в небольших городах и отдаленных сельских районах, а в областях, непосредственно прилегающих к подконтрольным японцам окружным центрам. После нападения японцев на городок в округе Цинфэн в начале 1938 г. сельские жители рассказывали, что видели на расстоянии примерно 2,5 км от деревни довольно много свежих могильных холмов. Их число увеличивалось по мере приближения к городу, где ущерб, нанесенный японцами, был наиболее серьезным. Такая картина согласуется с Гипотезой 4. Новая 4-я армия КПК, удаленная от этих деревень, находилась в относительно высокой безопасности (Thaxton 1997: 208). Точно так же наибольшие разрушения от рук японцев в южном Китае, согласно исследованию Хелен Сью (Siu 1989: 97–98), пришлось на пригородные деревни²⁹¹. Та же тенденция наблюдалась и на

²⁹¹ После ряда массовых убийств, японские солдаты сожгли пригородные деревни, чтобы создать безопасную зону между своим расположением и сельской местностью. Такие зоны получили название «трех пустынных зон» (Siu 1989: 97–98).

окупированном японцами филиппинском острове Лейте (Leag 1961: 214). В Гватемале избирательное насилие часто принимало форму похищений людей армейскими солдатами: по словам Кея Уоррена (Warren 1998: 92), они, как правило, происходили в отдаленных деревушках, где партизаны не присутствовали постоянно, но часто проходили по пути из прибрежных районов к югу от озера Атитлан в более оживленные области к северу от озера, неподалеку от городка Чичикастенанго. В Колумбии в так называемой демилитаризованной зоне, находящейся под контролем мятежников, имело место умеренное насилие. Правые применяли насилие против тех, кто предположительно сотрудничал с партизанами «сразу за пределами зоны», которую повстанцы не контролировали, но в которую они регулярно наведывались (Foggo 2002: A9). После того, как в январе 2004 г. колумбийская армия установила «нестрогий» контроль над одним из опорных пунктов партизан, солдаты тут же начали проводить аресты мирных граждан, обвиняемых в сотрудничестве с партизанами (Wilson 2004: A14)²⁹². Еще один пример: получив контроль над колумбийским городом Таме, военизированные формирования приступили к «избирательным зачисткам»: они «начали устранять тех, кто, по их предположениям, сотрудничал с партизанами во время того, как территория находилась под их управлением»; повстанцы же, отступив в отдаленные районы, отвечали тем же. «Обычные убийства, карательные операции и контррепрессивные меры стали привычным делом» (Fichtl 2003).

Зеркальная ситуация (т.е. высокий уровень повстанческого насилия) складывается там, где доминируют повстанцы, но при этом у правительственных сил сохраняется доступ к населению.

Яркая тому иллюстрация — иракский город Хадита, фермерское поселение на берегу реки Евфрат, насчитывающее 90 тысяч жителей. В 2005 г. Хадита перешла в зону 4. Омер Махди и Рори Кэрролл (Mahdi, Carroll 2005: 1) пишут, что мя-

²⁹² Имели ли эти аресты должное действие, неизвестно. Скотт Уилсон (Wilson 2004: 14A) пишет, что сельские жители отнеслись к намерению армейских солдат остаться весьма скептически и, как следствие, продолжали «соблюдать установленные партизанами правила и прислушиваться к их предупреждениям».

тежники-исламисты «получили над городом безраздельный контроль: в их руках находилось административное управление, безопасность и пути сообщения. Расположенный в трех часах езды от Багдада, прямо под носом у американских солдат, этот город — небольшое государство в стиле Талибана. Повстанцы решают, кому жить, а кому умереть, кому какую зарплату платить, что людям носить, слушать и смотреть». Боевые действия в Хадите не ведутся, поскольку «там нет ни одного человека, который бы решился бросить вызов исламистам. Полицейский участок и муниципальные учреждения были уничтожены в прошлом году, а американские морские пехотинцы наведываются сюда лишь раз в несколько месяцев, и то ненадолго». Во время этих кратковременных визитов они проводят рейды, чтобы «выбить повстанцев». По словам местных жителей, те отступают на несколько дней, а после ухода американцев возвращаются. В Хадите часто применяется селективное насилие: мятежники проводят казни на мосту Хаклания, через который осуществляется въезд в город. Посмотреть на это действие обычно собирается небольшая толпа, при том, что казни записывают на камеру и диски с записью можно купить на местном рынке прямо в тот же день после обеда. «Поскольку на мосту Хаклания было убито много предполагаемых американских шпионов, его переименовали в Шпионский мост. Затем один местный остряк окрестил его Шпионским холодильником — по ассоциации с моргом, и это название закрепилось».

Гипотезу 4 подкрепляет и большое число неофициальных данных, например, описание Джеффри Рейса (Race 1973: 114) убийств, совершавшихся в провинции Лонг Ан в 1959–1960 гг. Многие расправы вьетконговцев, о которых пишет Джей Маллин (Mallin 1966), происходили в зоне 4, где Вьетконг имел более-менее постоянное присутствие. Харви Майерсон (Meyersen 1970: 93–94) рассказывает об одной деревне в дельте реки Меконг, где вьетконговцы чувствовали себя настолько по-хозяйски, что принудительно делали жителям уколы с вибрионом холеры и даже взорвали дом одного предполагаемого информатора правительства, убив его жену и двух детей. Проведя сравнение двух областей в Перу: долины Канипако, над которой «Сияющий путь» осуществлял полный контроль, и города Харпа, куда члены организации регулярно наведывались, но постоянно не присутствовали,

Нельсон Манрике (Manrique 1998: 204) обнаружил, что во второй области повстанческого насилия было больше. Элизабет Вуд (Wood 2003: 155–156) отмечает, что в том районе Сальвадора, где она проводила исследование, повстанцы, к которым население относилось как к «местной власти», были в состоянии установить точное местонахождение и убить того, кого подозревали в осведомительстве; армейские же солдаты во время рейдов убивали людей без разбора.

Скотт Андерсон (Anderson 2004: 194) приводит похожие данные из Сальвадора. Он пишет, что в областях, полностью подконтрольных повстанцам (*zonas de control*), расправы были немногочисленны и не наблюдалось самочинства. Напротив, «в таких местах, как зоны экспансии, где партизаны (*comras*) чувствовали себя в меньшей безопасности, произвола творилось много: на население нередко пытались воздействовать силовыми методами». «Повстанцы ФНОФМ²⁹³ проявляли чудовищную жестокость, — эмоционально добавляет он (Anderson 2004: 136), — когда их политическая гегемония оказывалась под угрозой». Такого же рода избирательное насилие со стороны повстанцев в областях, находящихся под их доминирующим, но не полным контролем, наблюдалось в Бирме (Anderson 2004) и Непале (Sengupta 2005c: 67).

Дополнительные данные обнаруживаются в описаниях случаев ослабления контроля (т.е. перехода из зон 5 и 4 в зоны 1 и 2). Эти данные свидетельствуют о том, что вероятность применения насилия особенно высока как раз тогда, когда контроль ослабевает. Именно так и обстояло дело во время гражданской войны в Алжире (Kalyvas 1999) и гражданской войны в Финляндии в 1918 г.: сразу после того, как левые захватили власть в городе Гуйттинен, они убили пятерых жителей. А когда в город вошли белые, они убили еще 37 человек (Alarigo 1998). В Малайе повстанцы «начали все чаще прибегать к насилию, вымогательству и террору», после того, как британская кампания по переселению жителей начала приносить положительные результаты (Stubbs 1989: 123–124; Clutterbuck 1966: 63). В Венесуэле в 1962–1963 гг. партизаны практически не трогали крестьян, однако в 1964–1965 гг., когда правительство начало выдавливать партизан из сель-

²⁹³ Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти. — *Прим. ред.*

ских районов, ситуация изменилась и они начали их убивать (Wickham-Crowley 1990: 229). Террор Вьетконга заметно ужесточился в последние годы войны, когда организация была практически разгромлена (Blaufarb, Tanham 1989: 9; Bergman 1974: 50). В ситуации, когда вьетконговцам пришлось восстанавливать свой пошатнувшийся авторитет, когда они сами находились в уязвимом положении, они действовали «быстро и беспощадно» (Elliott 2003: 949). Понсиано Дель Пино (Del Pino 1998: 172) также отмечает, что после 1984 г. члены перуанского «Сияющего пути» перешли к более агрессивной тактике, осознав, что контроль больше не в их руках. На Филиппинах по мере того, как борьба с повстанцами имела все больший эффект, местные жители все с меньшим желанием помогали мятежникам, которые в свою очередь начали применять больше насилия и «совершать больше ошибок против народа»: «Гуки применяли силу против тех, кого, по идее, должны были защищать. Тем самым они отвратили от себя тех, чье содействие было им так необходимо» (Kerkvliet 1977: 137). То же самое позже произошло и с Новой народной армией: по мере того, как война разгоралась, она становилась все более ожесточенной (Berlow 1998: 179). В Колумбии, «когда два или более противоборствующих лагеря вступают в конфронтацию в определенной области или когда территория переходит из рук одной группировки к другой, жителей этой территории накрывает волна обвинений в коллаборационизме — как с той, так и с другой стороны»; приход «нового режима» создает «благоприятную почву для жестоких зачисток» (Fichtl 2004: 2). По словам Эрика Фихтла (Fichtl 2004: 4), «насилие вспыхивает, как от огня, там, где власти одного из этих режимов бросает вызов появление другого претендента». Массовые убийства гражданских лиц, имевшие место во время гражданской войны в Алжире, главным образом в 1997 г., идут вразрез с Гипотезой 4 — постольку, поскольку имеющиеся данные свидетельствуют о том, что они носили избирательный характер и совершали их мятежники-исламисты в областях, в которых только что потеряли контроль, т.е. в зоне 2 (Kalyvas 1997). Будь эти убийства неизбирательными и будь они делом рук правительственных сил, они бы вполне соотносились с Гипотезой 4.

Косвенную проверку Гипотезы 4 можно провести, рассмотрев характер насилия во время «симметричных» граждан-

ских войн. В таких войнах области, прилегающие к линии фронта, приближаются к зонам 2 и 4: удержать контроль здесь непросто и велика вероятность «отступничества». Примеры подобных войн свидетельствуют, что насилие, как правило, концентрируется именно в таких районах. Во время Гражданской войны в России «чем ближе мятежная область находилась к силам белых, располагавшимся прямо за линией фронта, тем более жестоким было подавление внутреннего фронта». В сущности, красный террор был напрямую связан с попытками подорвать власть большевиков. Во время Гражданской войны в России в Одессе львиная доля казней состоялась в последние несколько недель перед тем, как большевики покинули город; в Киеве за это же время было казнено 1800 человек (Brovkin 1994: 82; 122; 125); когда враг приближался, казни учащались (Werth 1998: 123–124). Ключевым прогностическим фактором вероятности применения насилия в провинции Арагон во время гражданской войны в Испании также являлась близость к линии фронта (Ledesma 2001: 265). В Италии самые масштабные массовые расправы с итальянским населением в Тоскане происходили в зонах, располагавшихся сразу за линией фронта, а также во время отступления немецкой армии (Battini, Pezzino 1997: xx; Klinkhammer 1997: 19–20). Аналогичные тенденции наблюдаются в Финляндии (Upton 1980: 292), Корее (Yoo 2002: 20), Колумбии (Fogero 2002: A9) и Афганистане (Waldman 2002b: A9).

Еще одним косвенным индикатором является то, что насилие во время многих гражданских войн приобретает кластерный характер. Во время антибританского восстания в Палестине в 1936–1939 гг. насилие было сконцентрировано в районе городов Дженин, Наблус и Тулькарм, получившем название «Треугольник страха» или «Треугольник террора» (Swedenburg 1995: xxxii). Похожий «Треугольник смерти» образовался и в Сомали (Besteman 1996: 582), а также в Алжире (Kalyvas 1999) и Ираке. В Алжире он на самом деле являлся оспариваемой зоной; так ли это или это было в других местах, неизвестно, однако имеющиеся описания указывают на то, что так.

Наконец, некоторые данные свидетельствуют о том, что при переходе области из зоны 2 в зону 4 растет количество доносов. Как только американские войска захватили контроль над иракским городом Фаллуджа, многие местные

жители начали сотрудничать с солдатами и сообщать им о местонахождении тайников с оружием и подозреваемых (Spinner 2005: A15). В оккупированной центральной России и Белоруссии немцы несколько раз отвоевывали территорию у партизан (Теггу 2005: 20–21). Умиротворить местное население вермахту удалось, разместив в этих районах гарнизоны, а также восстановив работу коллаборационистской полиции и администрации. Это стало возможным потому, что во вновь завоеванных областях Группа армий «Центр» располагала более многочисленным контингентом сил безопасности, чем в других оккупированных областях. «Возвращение немецких войск, — подчеркивает Николас Терри (Теггу 2005), — влекло за собой повторное назначение бургомистров, а также зачастую и новую волну доносов и полицейских арестов». В этой связи можно привести описание повстанческого движения в Доминиканской Республике, сделанное Брюсом Колдером (Calder 1984: 167): «Итак, [американские] морские пехотинцы решили направиться в подконтрольные партизанам области и установить личность этих повстанцев. Военное руководство опиралось на обширную сеть информаторов, в числе которых было несколько бывших партизан, а также разработало новую систему проверки, которая позволяла сохранить в тайне имена тех, кто доносил на соседей».

8.5.2. Насилие при паритете сторон (зона 3)

Согласно нашей теории к политическим силам в зоне 3 не должна стекаться никакая информация, следовательно, никакого селективного насилия там быть не должно (Гипотеза 5). Кроме того, несмотря на массовые переходы в обе стороны, люди относятся к этому терпимо, а местные военные комитеты накладывают вето на насилие.

Гипотезу 5 подтверждают многочисленные отдельные свидетельства. Наиболее показателен пример оспариваемой южновьетнамской деревушки Биньгиа, которую в период с 1965 по 1967 г. в дневное время контролировал отряд морских пехотинцев и местные ополченцы, а в ночное — вьетконговцы. Налоги с местных жителей собирали обе стороны. «Наш исполняющий обязанности сельского старосты, Чао, — пишет Ф. Дж. Уэст (F. J. West 1985: 254), — говорит, что у его коллеги из противоположного лагеря имеется список тех, кто должен

заплатить, с указанием конкретной суммы». Хотя вьетконговцы, которые были родом из этой деревни, не осмеливались навещать родственников часто, один морской пехотинец в отставке, служивший в том районе (West 1985: 5, 219–220), вспоминает, что

в отношении их семей насилие не применялось. Родственники и дети с обеих сторон были в равной мере уязвимы, так что никто не осмеливался трогать семью другого, чтобы его собственная не пострадала в десять раз сильнее. <...> Ополченцы и Вьетконг вели войну по определенным правилам: это был ряд негласных договоренностей, соблюдавшихся потому что — и до тех пор пока — они были выгодны обоим лагерям. То, что зачастую называлось компромиссом, на деле было не более чем шатким равновесием сил, и обе стороны это понимали. Хотя слово «компромисс» не самое точное. Для описания ситуации, когда обе стороны не хотят предпринимать какие-то действия из опасений, что враг может ответить тем же, лучше подходит термин «взаимное сдерживание». <...> Самый последний шаг в эскалации — убийства или массовые истребления семей ополченцев — в Биньгиа был практически исключен, поскольку семьи вьетконговцев выступали в роли заложников. [Предводитель ополченцев] Суонг объявил, что за каждого убитого члена семьи ополченца он будет убивать по десять детей вьетконговцев. Боязнь расплаты ограничивает выбор действий, которые готовы предпринять обе стороны в борьбе за деревушку.

В результате гражданское население Биньгиа никто не трогал, по крайней мере, пока там были расквартированы морские пехотинцы. «Погибали обычно сами участники конфликта с обеих сторон, но не местные жители», — заключает Уэст (West 1985: 187)²⁹⁴. С феноменом такого «негласного компромисса» между противоборствующими силами «я сталкивался

²⁹⁴ Кроме того, в соответствии с Гипотезой 5, один сотрудник ЦРУ, проходивший службу во Вьетнаме, сообщил Марку Мойяру (Moynihan 1997: 68), что «многие информаторы также опасались предоставлять сведения, которые могли отрицательно сказаться на жителях их деревни. Как следствие, члены Вьетконга, о которых мы чаще всего получали информацию, были уроженцами других мест, пришедшими в эту деревню».

неоднократно, погружаясь в реалии борьбы за Хаунгиа», — пишет Стюарт Херрингтон (Herrington 1997: 21–22) о другом регионе Вьетнама. Дэниел Эллсберг (Ellsberg 2003: 127) описывает точно такое же явление и при этом отмечает полное отсутствие доносов: «Правительство имело практически неограниченный доступ к местному населению почти во все дни, но не ночью. Вьетконг имел доступ к населению в те дни, когда правительственных войск там не было, а также ночью. По сути, правительственные силы «господствовали» в дневное время, а Вьетконг — в ночное. Как следствие, Вьетконг мог регулярно собирать с жителей налоги, вербовать в свои ряды бойцов, читать идеологические лекции и даже частенько оставаться на ночь. Для удобства они жили у местных, однако никто на них не доносил, даже правительственным чиновникам, которые навещали в дневное время в окружении охраны».

По похожему сценарию развивались и события в филиппинской деревушке Сан-Рикардо во время восстания гуков. Сан-Рикардо, по словам Бенедикта Керквлиета (Kerkvliet 1977: 163–164), находилась за пределами «освобожденной области». В самый разгар мятежа, в период между 1946 и 1950 гг., из-за встречных угроз, взаимного страха и опасений, противоборствующие вооруженные группировки нередко устанавливали негласные договоренности, которые удерживали их от борьбы за урожай. Кэролин Нордстром (Nordstrom 1997: 56) пишет, что в Мозамбике, где жители могли сотрудничать с обеими сторонами, беспорядки и количество жертв были сведены к минимуму. Колумбийский городок Сан-Хасинто оказался в такой же зоне. Он несколько раз переживал переход контроля из рук левой ФАРК в руки правых Объединенных сил самообороны Колумбии (AUC), а зимой 2002 г. между сторонами установился паритет. Скотт Уилсон (S. Wilson 2003) сообщает, что глава города с успехом наложил вето на решение правых об уничтожении вызывающих подозрение левых. Описания одного иракского городка, в котором в течение лета 2004 г. поддерживалось равновесие между правительственными и повстанческими силами, совпадают по времени с сообщениями о низком уровне насилия в данной области (Huseen, Pelhman 2004: 7)²⁹⁵.

²⁹⁵ Ричард Стаббс (Stubbs 1989: 105–106) пишет о похожей области в Малайе: «Даже в новых населенных пунктах людям приходилось про-

Однако можно привести и обратные примеры. Так, Джей Маллин (Mallin 1966: 56) пишет о множестве убийств и похищений, совершенных Вьетконгом в деревушках в области Митхо, в которых «вьетконговцы обычно находились не дальше, чем ближайшая рощица, — буквально через дорогу». Автор не дает подробностей, однако данное описание вполне может служить примером насилия в области типа зоны 3, а подобное насилие идет вразрез с Гипотезой 5.

Косвенным свидетельством механизма, приводящего к отсутствию насилия в зоне 3, может служить возможность местных комитетов накладывать вето на применение насилия их вооруженными лидерами. А поскольку политические силы зависят от помощи местного населения, они, как правило, соблюдают рекомендации комитетов. Дэвид Эллиотт (Elliott 2003: 338) приводит следующую цитату, в которой описываются отношения между вьетконговцами и их агентами из местных деревень:

Если у кого-то из селян возникали вопросы по какому-то поводу или если районное руководство ставило под сомнение доклад сельской ячейки Партии, ссылаясь на слова местных жителей, секретарь местной ячейки говорил: «Товарищ, вы нам не доверяете? Если вы нам не доверяете, можете распустить эту ячейку и создать другую». Районному руководству нечего было на это ответить, поскольку все члены сельской ячейки Партии имели единодушную позицию в отношении доклада секретаря. Им оставалось только вернуться в район и сообщить на областном уровне то, что сообщили им руководители сельской ячейки.

Практику, когда местные комитеты периодически накладывали вето на применение насилия политическими силами,

являть большую осторожность. С одной стороны, множество сторонников коммунистов были готовы донести на них в местное подразделение коммунистической партии или национально-освободительной партии Малайи за сотрудничество с полицией. С другой — Особая служба воспользовалась процессом переселения и сформировала собственную сеть информаторов, которые доносили на тех, кто помогал коммунистам. Неудивительно, что многие из вновь прибывших в центры временного размещения переселенцев продолжали чувствовать себя в опасности». К сожалению, автор ничего не сообщает о насилии.

подтверждает ряд дополнительных примеров. В Кении многие местные советы мау-мау хотели избежать репрессивных мер со стороны сил безопасности, таких как «коллективные штрафы, конфискация домашнего скота, жесткие допросы, аресты и заключение в концентрационный лагерь». Поэтому они «стремились сохранить некоторую степень контроля над противоборствующими группировками. В особенности это проявилось в Киамбу, где районный совет старейшин запретил убивать как лоялистов, так и предателей без согласия совета и тем самым смог удержать контроль над партизанскими отрядами» (Barnett, Njama 1966: 155). Глава колумбийского города Сан-Хасинто отказал двум главарям правого военизированного формирования, которые обратились к нему со списком потенциальных жертв, в котором числились три члена городского совета, и просьбой дать разрешение на массовые убийства в канун Рождества. В результате резня была предотвращена (S. Wilson 2003). Один местный член Вьетконга давал следующую оценку тридцати убийствам, совершенным в его деревне в период с 1960 по 1963 г.: «Все смертные приговоры были предложены сельскими властями. Окончательные решения были приняты на районном уровне. Районные власти не отклонили ни одного предложения, поскольку не владели никакой информацией. Они были вынуждены полагаться на решения сельских властей. *Если те хотели, чтобы эти люди умерли, — они умирали; если хотели сохранить им жизнь — они жили.* Кроме того, районным властям было важно поддержать авторитет сельских властей, поскольку они хотели держать руку на пульсе» (Elliott 2003: 338–339). Давление снизу может вынудить политические силы, которые не могут выйти из тупика при помощи дополнительных ресурсов, в конце концов прекратить поощрять доносительство (West 1985: 146).

Из Гипотезы 5 вытекают два предположения, хотя проверить каждое из них на практике не так просто. Первое: доносчики в зонах 2 и 4 моложе, чем в зонах 1 и 5, поскольку немолодые люди меньше склонны к риску, а доносительство в зонах 2 и 4 сопряжено с большим риском. К сожалению, систематических данных с именами конкретных доносчиков крайне мало — именно это и затрудняет проверку предположения. Второе: отсутствие доносительства не связано с личными качествами доносчиков и местных агентов. Многие,

пытаясь дать насилию и доносительству логическое обоснование, считают, что эти явления — дело рук «плохих людей». Например, в ходе подавляющего большинства бесед, которые я провел в Греции, мои информаторы объясняли различное поведение местных агентов их личными качествами: «честные и порядочные люди, с развитым чувством гражданского долга» пресекали ложные доносы, в то время как «плохие» использовали свое положение, чтобы свести с кем-то счеты или заниматься рэкетом. Один студент университета в Перу заявлял, что недобросовестные члены «Сияющего пути» были ответственны за львиную долю конфликтов и насилия в его области, и добавлял: «Думаю, все зависит от зоны, ведь в других были хорошие элементы» (Degregori 1998: 154–155). Несмотря на то, что в любом конфликте — в разное время, в разных местах — принимают участие как хорошие, так и плохие элементы, доносительство и насилие, а соответственно, и ощущение того, что в них виновны «плохие» люди, зависит от степени контроля. Гипотезу 5 могли бы подкрепить эмпирические данные, демонстрирующие, что подобные проявления личных качеств являются эндогенными в той или иной зоне контроля — другими словами, сделанное постфактум логическое обоснование случившихся (или не случившихся) инцидентов.

8.6. ВЫВОДЫ

Если внимательно приглядеться к динамике обычной гражданской войны, то можно увидеть, что она согласуется с нашей теорией селективного насилия и всеми вытекающими из нее предположениями. Удачный тому пример — проведенное Стивеном Эшем (Ash 1995) замечательное исследование гражданской войны на оккупированном юге США, где географические условия были приближены к условиям иррегулярной гражданской войны. Фактически, пишет автор, создавалось впечатление, что Союз оккупировал не одну территорию, а три различные: гарнизонные городки, жизнь в которых протекала в постоянном присутствии и под неусыпным контролем армии северян; границу Конфедеративных штатов, за которую силы федеральной армии проникали лишь спорадически, при этом в остальное время местные жители

находились под влиянием Конфедерации, в руках которой продолжала оставаться власть; и ничейную область, зону вокруг гарнизонных городков, которая находилась за пределами подконтрольной Конфедерации территории и куда частенько наведывались янки, вместе с тем постоянного присутствия федеральных сил там не наблюдалось. Эти три области, по словам Эша, вполне могут рассматриваться как разные миры, настолько различной была в них обстановка.

Гарнизонные городки можно считать зоной 1, границу Конфедеративных штатов — зоной 4, а ничейную область — сочетанием зон 2 и 3 в зависимости от степени проникновения федеральных сил. В соответствии с Гипотезой 2, гарнизонные городки (зона 1) были «островками порядка в океане насилия», несмотря на лютую враждебность к Союзу со стороны местных жителей. В то же самое время там, где гарнизоны армии Союза были многочисленны, доносы соседей друг на друга властям становились обычным явлением. Именно так, по словам Майкла Феллмана (Fellman 1989: 27), обстояло дело в штате Миссури. Граница Конфедерации (зона 4) периодически становилась мишенью федеральной армии, которая наведывалась туда во время разрушительных захватнических рейдов. Другими словами, местные жители страдали от неизбирательного насилия «правительственных сил». Что касается ничейной области (зоны 2 и 3), то ее патрулировали силы Союза, которые могли демонстрировать свою мощь в ее пределах, когда и где заблагорассудится, а в некоторых районах — даже не допускать к власти силы Конфедерации (зона 2). В тех районах, где юнионисты имели преимущество (зона 2), они чаще прибегали к насилию: именно там они «максимально удовлетворяли жажду мести». Более того, юнионистское насилие часто вспыхивало «после прихода янки», т.е. после того, как область переходила в зону 2. Однако федералисты одерживали верх только тогда и только в тех местах, где присутствовали союзные войска: их влияние ограничивалось «дальностью стрельбы их мушкетов и карабинов». Люди жили по большей части в своего рода вакууме власти, «серой зоне», неподконтрольной ни Союзу, ни Конфедерации. Их жизнь была наполнена страхом, неослабным чувством тревоги, куда более сильным, чем жизнь людей у границы Конфедерации, поскольку в их случае враг всегда был рядом. И все же даже в этой области можно было

обнаружить зоны мира ровно там, где власть конфедератов ограничивалась присутствием федералистов. В тех немногих районах, куда федеральные силы часто наведывались во время рейдов, сторонников сецессии сдерживал страх возмездия. «Наши друзья с юга умоляют меня не иметь дел с юнионистами, — писал один офицер-конфедерат из восточного Теннесси в то время, когда эта область все еще находилась в руках южан, — поскольку [юнионисты] обязательно на нас донесут и тем самым навлекут... карательные меры со стороны войск Федерации. <...> Поэтому я решил не арестовывать сторонников Союза за исключением тех случаев, когда было достоверно известно, что человек пособничает или сочувствует врагу».

Таким образом, в этой главе я попытался рассмотреть и дать оценку выводам из теории селективного насилия, сделанным в Главе 7, опираясь на данные по широкому спектру гражданских войн. Процесс перехода контроля состоит из двух этапов: изначального сдвига, который происходит в результате тактического решения политических сторон ввести военные ресурсы в какую-то область или, наоборот, вывести их из нее; и консолидации, во время которой стороны прибегают к избирательному насилию, чтобы пресечь переход жителей на сторону врага и получить полный контроль над той или иной областью. Когда эта цель достигнута, насилие перестает быть необходимым. Следовательно, чем выше степень контроля, тем меньше вероятность того, что сторона будет прибегать к насилию. Это справедливо как для правительственных сил, так и для повстанцев, поскольку повстанческие движения следует прежде всего рассматривать как процесс построения альтернативного государства: повстанческие организации взимают налоги с населения, создают административные структуры и стремятся выполнять те же функции, что и правительство в подконтрольных им областях. До того, как контроль окончательно установлен, переход на другую сторону и доносительство — не единственное, на что идут местные жители. Большинство пытаются занять выжидательную позицию, сохранить нейтралитет или угодить одновременно двум лагерям. Политические силы рассматривают нежелание занимать чью-то сторону как угрозу и применяют насилие, чтобы наказать провинившихся и тем самым вынудить население примкнуть к их лагерю.

Там, где они обладают бóльшим контролем и бóльшим количеством информации, они проявляют бóльшую жестокость и, таким образом, могут более точно наносить удар. Однако из-за угрозы возмездия, с которой сталкиваются доносчики, в зоне 3 доносительство не распространено, а следовательно, там не должно применяться и селективное насилие. Верность данного предположения доказывает множество конкретных примеров. В Главе 9 проводится более тщательная его проверка.

**Эмпирическое
исследование (II):
сравнение данных
на микроуровне**

Партизанами управляли мы. И если кого-то арестовывали, значит, донес кто-то из нас.

Член местного повстанческого комитета, Греция

В этой главе я проверю теорию селективного насилия и ряд следующих из нее выводов на сведениях, собранных в Арголиде, регионе на юге Греции. В качестве базовой единицы исследования я выбрал деревню; из бесед с местными жителями, судебных архивов и вторичных источников мне удалось почерпнуть немало ценной информации, на основе которой я смог восстановить ход гражданской войны во всех частях этой области.

Описав схему исследований, я изложу фоновую информацию о гражданской войне в Греции и префектуре Арголида, а также приведу короткий аналитический пересказ проходивших здесь военных действий. Далее последует описательная статистика по контролю над регионом, а также селективному и неизбирательному насилию, после чего я испытаю нашу теорию на прочность. Результаты исследования ее во многом подтверждают.

Также я затрону неверные эмпирические прогнозы. В частности, предсказания касательно масштаба насилия могут оказаться излишне пессимистичными благодаря норме положительной взаимности. Возникает она в том случае, если в напряженной ситуации сторонам удастся воздержаться от насилия; в такой ситуации отсутствием насилия будут характеризоваться и последующие взаимодействия, причем даже в тех условиях, когда донос был бы вполне разумным. Во-вторых, обратная ситуация, когда основанный на нашей теории прогноз размах насилия недооценивает, может объясняться жадой мести. В большинстве ситуаций мститель станет

действовать лишь тогда, когда уверен в собственной безнаказанности. Однако когда желание отомстить подкреплено сильным эмоциональным порывом, он может недооценить опасность и пойти на риск (Petersen 2002). В условиях неблагоприятной зоны контроля подобный просчет немедленно повлечет за собой ответные действия, что и приводит к превышающему ожидания масштабу насилия. И, наконец, я проведу ряд проверок теории уже на основе сведений, собранных по всей Греции. В них войдут аналогичное исследование в регионе, поделенном между собой различными этническими группами, и проверка дополнительных выводов применительно к 136 греческим деревням на основе информации, почерпнутой из трудов по местной истории, этнографии, сельскому хозяйству, прочих исследований и дополнительных бесед с местными жителями.

9.1. СХЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтобы решить проблемы, описанные в Главе 2, свое сравнительное исследование я решил сосредоточить на субнациональном микроуровне. К выводу о необходимости стратегии, учитывающей местные особенности²⁹⁶, я пришел благодаря общей неточности имеющихся в непосредственном доступе наборов данных. В то же время было ясно, что и этнографии в чистом виде тоже не хватит. Отталкиваясь от совета Тилли (Tilly 1964: 38) «сузить фокус и повысить кратность увеличения» и напоминаний Пшеворского и Тойне (Przeworski, Teune 1970: 74) о том, что сравнительный анализ не требует сравнения между национальными единицами, в качестве центрального эмпирического исследования я выбрал подробное изучение греческого региона, где восстановил ход войны в каждой деревне²⁹⁷. Изучая совокупность единиц одной

²⁹⁶ Я последовал совету Рассела Рэмзи (Ramsey 1973: 44) в отношении Колумбии: «Пройдя по землям Толимы, или Сантандера, или Бояки, поговорив со свидетелями и тщательно изучив корреспонденцию и архивы местных газет, ученый получит основу для того, чтобы придать исследованию насилия новую глубину».

²⁹⁷ Альтернативный вариант, выборку из случайных областей в рамках одной или нескольких стран, я отверг потому, что он не под-

префектуры, я получил подробную и введенную в местный контекст информацию этнографического качества. Помимо высокой результативности, подобная схема также предоставляет широкий простор для наблюдений и эмпирической вариации, предотвращает выборку на основе зависимой переменной и допускает высокий уровень контроля.

Выбор Греции был обусловлен сугубо практическими соображениями: там я мог вести широкие архивные и этнографические исследования в условиях сельской местности. Проведя четыре пробных научные работы в четырех разных регионах, я остановился на префектуре (номе) Арголида, что расположена в северо-восточной части Пелопонесского полуострова, который, в свою очередь, находится на юге страны. Выбор был во многом продиктован обнаружением важного судебного архива, к которому до меня с исследовательскими целями никто не обращался. С помощью этого архива мне удалось собрать свод данных, в который вошли все убийства времен гражданской войны, совершенные в любой из деревень, принадлежащих к двум главным округам этой префектуры. В 1940 г. в ее состав входила 61 деревня (с общим населением 45 086 человек) и два города (с общим населением 20 050 человек). В большинстве случаев мне удавалось с точностью установить личность убийцы и его жертвы, время, место и способ убийства, связь между этим преступлением и предшествующими и последующими случаями насилия и смягчающие обстоятельства (если таковые имелись). Более подробно источники и методологию мы рассмотрим в приложениях А и В.

Восстановить ход войны, закончившейся в 1949 г., и сопутствующие сцены насилия было бы невозможно без работы с разнообразными источниками. Из-за того, что сведения зачастую можно было почерпнуть только обрывочные, мне нередко приходилось действовать на манер археологов: «Отыскивать незаметные и разрозненные следы прошлого и собирать их в единое целое, чтобы пролить свет на обстоятельства и фон того, что иначе было бы лишь назойливым воспоминанием» (Geyer 2000: 178). Я пользовался тремя источниками: архивами, беседами с местными жителями и разного рода трудами — опубликованными и неопубликованными.

разумеает возможности перекрестной сверки информации, которая присутствует при концентрации на одном регионе.

ванными мемуарами, автобиографиями, работами по местной истории. Многие наблюдения удавалось проверить методом перекрестной сверки по многочисленным устным и письменным источникам. Я также исследовал несколько случаев доносительства и ситуаций, где насилие замышлялось, но в исполнение план приведен не был.

Затем я провел схожее, хотя и не столь глубокое, исследование в области (епархии) Алмопия (Меглен), которая расположена в Македонии, на севере Греции, рядом с бывшей югославской границей. Этот выбор был продиктован необходимостью максимально возможного контраста с Арголидой при сохранении сходства с точки зрения площади региона и природных условий. Наконец, я составил свод данных по всем деревням страны, используя сведения из дополнительных опросов, двух исследований, проведенных в конце 1940-х и начале 1950-х гг., нескольких этнографических и исторических трудов и ряда мемуаров. С этим сводом вне основной выборки я сверил и теоретические прогнозы, и результаты проведенного в Арголиде эмпирического исследования. Хотя случайной выборкой это не назовешь, подобный подход все равно позволяет провести то, что историки называют *mise en serie*, — сбор большого количества наблюдений при условии невозможности охвата всей совокупности исследуемых случаев (Veune 1996: 231). К тому же эти данные стали основой для дополнительных выводов и позволили более тщательно проверить точность прогнозов и выводов.

Подобная схема поднимает вопрос о возможности широкой генерализации. Ограничение простора для эмпирических исследований, впрочем, представляется допустимым компромиссом при изучении случаев насилия в гражданской войне в теоретическом ключе, основанном на по большей части непроверенных гипотезах. Хотя, чтобы подтвердить достоверность своей теории, я привел случаи из целого ряда гражданских войн, моя главная эмпирическая задача — подвергнуть ее первой серьезной проверке и тем самым сделать первый шаг в более масштабной исследовательской программе. Тот факт, что теория не была выведена индуктивным путем из использованных для ее проверки данных, лишь подкрепляет мою уверенность. В общем и целом это исследование стоит рассматривать в рамках более широкой тенденции, проявляющейся во многих недавних научных ра-

ботах, которые опираются на тщательно продуманную схему исследований, реализованную на микроуровне и нацеленную на расширение наших общих эмпирических и теоретических знаний (Wilkinson 2004; Posner 2004; Miguel 2004; Wantchekon 2003).

9.2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ГРЕЦИИ

Греческая гражданская война представляла собой конфликт между левым и правым крылом; то была «горькая внутренняя борьба между двумя идеологически несовместимыми лагерями, коммунистами и националистами, которая обошлась дорого стране» (Nachmani 1993: 63). Начавшись в 1943 г., во время преимущественно германской оккупации, она продлилась около шести лет и окончилась в 1949 г. поражением Коммунистической партии Греции (греч. аббревиатура — ККЕ).

Ход войны можно разделить на три фазы. Первая пришлась на период немецкой оккупации и сразу после ее окончания и включала в себя три отдельных, но связанных между собой конфликта. Первый — противостояние между повстанческой организацией Национально-освободительный фронт (ЭАМ), созданной Коммунистической партией в сентябре 1941 г. и ей же подчиняющейся, вместе с ее боевым крылом, Национально-освободительной армией Греции (ЭЛАС), с одной стороны, и разнообразными группировками националистического толка, в том числе Национал-демократической греческой лигой (ЭДЕС), Движением за национальное и социальное освобождение (ЭККА) и более мелкими отрядами, по большей части состоящими из офицеров греческой армии, с другой. Второй конфликт — между ЭАМ/ЭЛАС и разнообразными подразделениями коллаборационистов, более крупные из которых назывались батальонами безопасности. И, наконец, третий — между ЭАМ/ЭЛАС и постоккупационным правительством Греции, пользующимся поддержкой Британии, в декабре 1944 г. Эта фаза окончилась поражением коммунистов. Для второй фазы войны (1945–1946) были характерны незначительная и зачастую спорадическая партизанская деятельность и постоянное преследование левых, как со стороны правительства, так и вооруженными бандами

националистов. Третья же фаза (1947–1949) ознаменовалась новым полномасштабным коммунистическим восстанием, окончившимся его сокрушительным поражением.

Говорить о точности при попытке подсчитать количество смертей в период греческой гражданской войны сложно, так как конфликт долгое время развивался на фоне иностранной оккупации. Тщательная работа с имеющимися сведениями позволяет выделить следующую статистику: во время оккупации в ходе репрессий или массовых казней со стороны оккупантов, иногда поддерживаемых местными коллаборационистами, могло быть убито до 40 000 гражданских. Основные повстанческие организации левого толка несут ответственность приблизительно за 15 000 смертей среди мирного населения. В результате боевых столкновений было убито до 2000 вооруженных коллаборационистов и 4000 партизан (по-гречески — *andartes*). В 1945–1946 гг. были убиты 3000 гражданских, ответственность за чью гибель несли в основном боевики-националисты. В ходе последней стадии конфликта было убито до 15 000 военнослужащих греческой правительственной армии и 20 000 левых повстанцев. Коммунисты убили до 4000 гражданских, тогда как правительственные силы казнили около 5000 представителей левого крыла, в основном из числа захваченных в плен повстанцев. В общем и целом война унесла около 108 000 жизней, при том что в Греции на тот момент проживали 7 330 000 человек. Очевидно, что в эту статистику не включены раненые, беженцы и изгнанники, заключенные и прочие пострадавшие. Более 1700 деревень были частично или полностью уничтожены. Эта цена греческой гражданской войны была огромна и ужасна.

Характер конфликт носил в основном иррегулярный и во многом походил на прочие гражданские войны:

Борьба шла грязная — война в тених, где врага трудно опознать и даже заметить, а победу не измерить в захваченных территориях, человеческих жертвах или нанесенном материальном ущербе. Враг редко шел в бой в униформе, часто сражался конфискованным оружием, полагался в основном на нетрадиционные методы ведения боя и практически постоянно получал поддержку от соседних коммунистических стран в виде припасов и укрытия. Боевые столкновения в открытом поле были

редкостью, потому что партизаны предпочитали тактику террора — налеты, разбой, прицельный огонь издалека и похищения жителей деревень и городов, которых вынуждали примкнуть к их небольшим, но эффективным отрядам. ... Благодаря установившейся форме ведения войны маленькая, но не страдающая от недостатка боевого духа армия могла выигрывать, просто избегая поражения. Лучшим оружием было терпение. Затянувшийся, изматывающий конфликт мог или подорвать мораль и волю к победе в рядах дисциплинированных регулярных войск, или переполнить чашу народного терпения, что тоже означало бы конец войны. Победа зависела от сохранения поддержки среди сельских жителей путем присоединения деревни за деревней к программе умиротворения, пока войска окружали и истребляли партизан (Н. Jones 1989: 3–4).

9.3. АРГОЛИДА: МЕСТНАЯ ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Префектура Арголида расположена в северо-восточной части Пелопонесского полуострова, на юге страны (рис. 9.1, 9.2)²⁹⁸.

Наше исследование охватывает 61 деревню, входящую в округа Аргос и Нафплион, — то есть почти все населенные пункты в их составе (полный список и критерии отбора см. в Приложении В)²⁹⁹. Два входящих в их состав одноименных

²⁹⁸ Этот раздел основан преимущественно на работах Карузу (Karouzou 1995), Де Войса и Пикета (De Vooy, Piket 1958) и Анагностопулоса и Галиса (Anagnostopoulos, Galis 1938).

²⁹⁹ В 1940 г. Арголида входила в префектуру Арголидокоринфии, которая в дальнейшем была разделена на Арголиду и Коринфию. Изучаемые нами области в ту пору включали в себя два муниципалитета (административная столица Нафплион и центр торговли Аргос) и 58 «коммун» (koinotite), 19 из которых состояли из нескольких поселений. Муниципалитеты в исследование я решил не включать: как ни странно, там собирать статистику по случаям применения насилия было куда трудней. С одной стороны, гражданские реестры полной картины не давали, а с другой, проверить их содержание по устным источникам было трудно, как из-за разницы между размером населения города и деревни, так и из-за того, что с 1940-х эти города сильно изменились.

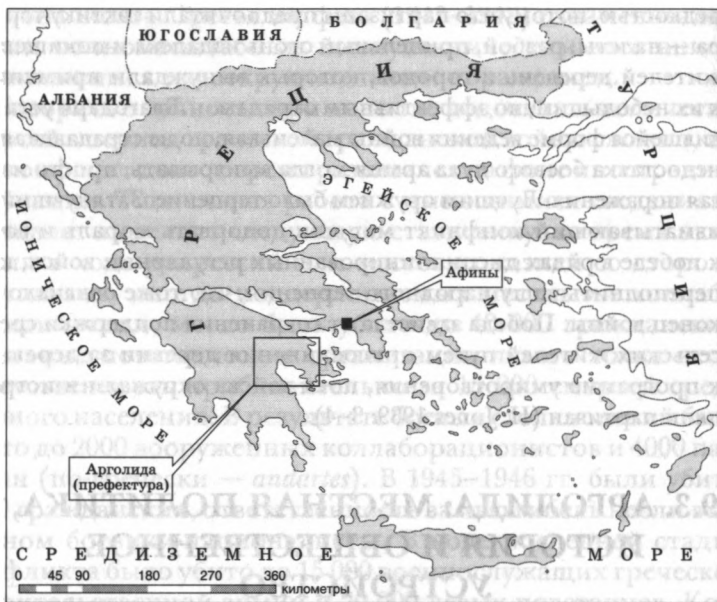

Рисунок 9.1. Греция и Арголида. На карте отмечено расположение префектуры Арголида относительно столицы, Афин.

города в исследование не вошли (причины также изложены в Приложении).

Природный ландшафт Арголиды достаточно разнообразен: здесь есть и просторная равнина, и холмы, и горы. Основных населенных областей можно выделить 6. Во-первых, это группа из 16 деревень, расположенных на равнине в центральной части префектуры. В 1940 г. эти деревни по сравнению с остальными населенными пунктами, рассматриваемыми в нашем исследовании, были самые процветающие. С городами их тесно связывала развитая сеть дорог. Основным предметом экспорта здесь была пшеница, но в 1920-х и 1930-х гг. местные жители начали пользоваться близостью к столице и поставлять на афинские рынки овощи. Вторая область — это 15 деревень на внешней части равнины, где почва куда менее плодородная. Третью область формируют 7 деревень, расположенных в восточной части равнины; с экономической точки зрения они во много походили на предыдущую группу, но здесь еще ловили рыбу

и производили оливковое масло. Четвертая и пятая области — это, соответственно, шесть деревень на восточных (округ Нафплион) и семь на западных (округ Аргос) холмах, которые здесь еще называют «срединными» (mesohoria). Самый высокий населенный пункт расположен на высоте 350 м над уровнем моря, самый низкий — на высоте 100 м. Местная экономика также напоминала вторую область: здесь тоже занимались сельским хозяйством (выращивали в основном пшеницу и табак — культуру, приносящую меньшие прибыли, нежели овощи). И, наконец, последняя область — это 13 горных деревень в округе Аргос, расположенных в среднем выше 350 м над уровнем моря. Часть этих горных деревень отличается близостью к долинам с плодородными землями, благодаря чему они были несколько более процветающими, чем аналогичные поселения в других частях Греции (см. таблицу В.1 в Приложении В). Из города было проще всего добраться до равнинных деревень, а трудней всего — до горных. Вся основная информация о шести областях изложена в таблице 9.1.

ТАБЛИЦА 9.1
Деревни: основная информация

	Число деревень	Общее население	Среднее население деревни	Средняя высота над уровнем моря (метры)	Среднее расстояние от ближайшего города
Равнина — внутренняя часть	14	10 689	764	24	1 ч. 11 м.
Равнина — внешняя часть	15	10 356	690	72	1 ч. 37 м.
Восточная равнина	7	6261	894	103	2 ч. 01 м.
Восточные холмы	6	5704	951	294	3 ч. 25 м.
Западные холмы	7	5041	840	317	3 ч. 52 м.
Горы	13	7089	545	672	5 ч. 55 м.

Как и большая часть Греции, Арголида была и остается преимущественно сельским регионом, где преобладают семейные хозяйства. Крупные имения османского периода практически исчезли в ходе последовательных земельных реформ конца XIX века. В результате большинству крестьян достались те участки, которые они ранее и возделывали. На равнине Арголиды, по которой доступна подробная сводка, было 5090 ферм, где проживало 5360 семей; издольщина была ограничена. Доля семей, оставшихся без надела, не превышала 5%, и большинству достались участки, которые можно было обрабатывать своими силами, без использования наёмного труда; излишки земли имелись лишь в немногих хозяйствах. На холмах и в горах ситуация была схожая³⁰⁰. Помимо такой эгалитарной социо-экономической стратификации, стоит отметить и значительный уровень социальной мобильности, отчасти за счет внутренней и внешней миграции, широкое распространение систем патронажа и вертикальные связи между относящимися к разным стратам жителями деревень (Aschenbrenner 1987).

Крестьяне Арголиды для подъема по социальной лестнице прибегали к самым разным способам: к временной миграции, получению образования и поступлению на государственную службу. Дети из более бедных деревень, расположенных в горах и холмах, в получении среднего образования преуспевали куда чаще, чем их сверстники с равнин. Несмотря на стремление к социальному росту на индивидуальном уровне, главной целью большинства местных жителей было все-таки сохранение семейного хозяйства. Идеалом верности семейному делу можно объяснить и ярко выраженное отвращение к наемному труду. Когда в 1885 г. здесь проводили железную дорогу, работать на ее строительстве из местных не захотел практически никто, поэтому рабочих пришлось привозить из-за границы. В общем и целом крестьяне Арголиды были склонны к консервативности. Горожане того периода опи-

³⁰⁰ Например, в 1940 г. с точки зрения землевладения горная деревня Манеси выглядела следующим образом: 10 семей (10% от общего населения деревни) владели участками площадью до 20 акров, 75 семей (75% населения) владели участками площадью от 20 до 40 акров, 15 семей (15% от общего населения деревни) владели участками площадью от 40 до 100 акров. Безземельных не было (De Vooyo, Piket 1958).

сывали их как умных, хитрых, негостеприимных, подозрительных к чужакам, лживых, нерелигиозных и не особенно склонных к совместным действиям (Anagnostopoulos, Gagalis 1938: 42–44). В то же время антропологи задокументировали развитую систему неформального сотрудничества и взаимных уступок, которые, правда, сосуществовали с жестокой конкуренцией и конфликтами (Koster 2000: 259)³⁰¹.

Отсутствие поляризации социальных классов не подразумевает отсутствия конфликтов. Один британский журналист (Capell 1946: 212) писал о греках той эпохи следующее: «Вы думаете, что в обществе, практически полностью состоящем из мелкого крестьянства, не будет классов и зависти? Но они все равно делятся на зажиточных и малоимущих, удачливых и не очень». Действительно, большинство конфликтов происходили на личном уровне и представляли собой семейные раздоры, случившиеся по самым разным причинам, таким как «конец старой дружбы, ссора между братьями из-за наследства, скандалы из-за раздела собственности и необозначенных границ между участками, публичные оскорбления или поражение в споре, неудавшееся сватовство» (Campbell, Sheppard 1968: 344). В таком контексте переплетение политических разногласий с личными и семейными конфликтами вопросов не вызывает. Примером может послужить следующий спор между владельцами кафе в деревне Амбели в центральной Греции, записанный антропологом Джулиет дю Буле (du Boulay 1974: 225):

Хотя они и состояли в разных политических партиях, главной причиной ссоры был скорей тот факт, что семья одного раньше пользовалась немалой властью, которую сейчас потеряла, а авторитет семьи второго, напротив, рос. Эта ссора получила развитие, когда племянница сочувствующего коммунистам владельца кафе сбежала с мужчиной из семьи, придерживающейся правых взглядов. За этим последовал ряд судебных исков о правах на землю, причем оба семейства привлекали свидетелей и своих сторонников. Однажды дело дошло до масштабной прилюдной

³⁰¹ Согласно Гарольду Костеру (Koster 2000: 259) сотрудничество и конкуренция друг друга дополняют, так как «с одними соседями нужно поддерживать тесные альянсы из-за продолжающейся вражды с другими».

ссоры, разнимать которую пришлось судье и адвокатам обеих сторон. Таким образом, в склоку оказалась вовлечена большая часть жителей деревни. Здесь стоит отметить, что к политической подоплеке ссоры прибавились личные связи и интересы, благодаря чему она еще много лет оказывала огромное влияние на общественную жизнь деревни Амбели.

Религиозных или этнических раздоров в Арголиде не было; как и большая часть населения Греции, местные крестьяне принадлежали к Греческой православной церкви. Однако примерно половина местных относилась к арнаутам — православным потомкам албанских мигрантов, осевших в Греции, которые нередко говорили на двух языках (греческом и *арнаутском* диалекте), осознавали свою особую культурную общность, но с точки зрения национального самосознания относили себя к грекам. Впрочем, в ходе войны этот потенциальный этнический фактор политизирован не был, и ощутимой роли в местной или государственной греческой политике он не играет. Как и в остальных частях страны, главным конфликтом накануне Второй мировой войны здесь был раскол между республиканцами и монархистами (т.е. либералами и консерваторами). На Пелопоннесе доминировали монархисты, хотя и либералы были здесь представлены достаточно широко, тогда как позиция Коммунистической партии была очень слабой. Этот расклад сил был еще более ярко выражен в округах Аргос и Нафплион, где на выборах 1936 г. (последние выборы перед диктатурой Метаксаса, пришедшего к власти в том же году) три основные монархические партии собрали 71,3% голосов против 27,13% у либералов и всего 0,75% у коммунистов. Эти пропорции сохранялись от деревни к деревне, что позволяет предположить отсутствие каких-либо глубоких межрегиональных конфликтов. В то же время противостояние республиканцев и монархистов наложилось на тонкую сеть местных раздоров, основанных преимущественно на праве наследования и родстве (Aschenbrenner 1987).

Пелопоннес вошел в состав Греции в 1833 г., как только она получила независимость от Османской империи, и стал одним из главных регионов страны. Благодаря быстрому и мирному присоединению традиция разбоя, сохранявшаяся в некоторых горных областях центральной и северной Гре-

ции до первых десятилетий XX века, здесь не прижилась. Традиций массового насилия, восстаний или массовой мобилизации в этом регионе тоже не было. Подтверждением тому служат мемуары одного из левых лидеров (Lilis б.д.), который выражает недовольство отсутствием традиции общественных и политических волнений и вспоминает только два случая крестьянской мобилизации, случившихся до войны, причем оба были исключительно локальные и недолгосрочные. Все вышеизложенное наглядно демонстрирует, что случай Арголиды бросает вызов тем теориям, которые связывают массовые беспорядки и восстания с поляризацией общества и внутренними конфликтами.

9.4. АРГОЛИДА ВО ВРЕМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Большая часть боевых действий припала на период с сентября 1943 по сентябрь 1944 г., когда Арголида находилась под германской оккупацией (до сентября 1943 г. она была оккупирована итальянскими войсками). Хотя столкновения случались и в 1948–1949 гг., происходили они в достаточно отдаленных частях префектуры и особых последствий не возымели. Так что в данном случае вполне позволительно сказать, что гражданская война полностью совпала с периодом оккупации. Никаких сложностей для проверки моей теории в действии этот факт не создает, так как гражданские войны, связанные с оккупацией, входят в мой список рабочих определений. По сути, подобные конфликты предъявляют к теории повышенные требования, потому что оккупанту трудно сравниться с национальным правительством с точки зрения способности собирать информацию в регионах и искать местных союзников. Однако постоккупационную гражданскую войну охватывают исследования вне основной выборки, в других регионах страны; более того, они демонстрируют, что, несмотря на разницу в таких параметрах, как географическое расположение и тактика ведения военных действий, нашу теорию можно вполне успешно применять как к одному виду гражданской войны, так и к другому. В свою очередь, такой вывод предоставляет эмпирическое основание для включения гражданских войн оккупационного периода в рабочее определение.

Первый период оккупации Арголиды (апрель 1941 — сентябрь 1943 гг.) по сравнению с тем, что последовало дальше, был относительно спокойным. Оккупационные власти управляли регионом через существующие административные структуры; подобный рутинный коллаборационизм распространялся широко, но был очень поверхностным. Идеологически мотивированный коллаборационизм встречался только в крайних случаях. Никаких коллаборационистских партий или общественных организаций оккупационные власти не создавали и не пытались поощрять массовую мобилизацию под их знаменами. Те, кто знал иностранные языки, иногда работали переводчиками, а часть самых отпетых разбойников пошла служить оккупационным войскам в качестве проводников и информаторов; своим положением они обычно пользовались для того, чтобы воровать, грабить и заниматься шантажом, что не приносило им особой популярности. Хотя многие были возмущены итальянской оккупацией, насилие было ограничено³⁰². Большая часть оккупационных войск была расквартирована в двух городах — Аргосе и Нафплионе — и нескольких прибрежных деревнях, где они возводили укрепления, готовясь к высадке союзников, которую (ошибочно) ожидали осенью 1943 г. В равнинные деревни итальянские солдаты наведывались часто, в расположенные на холмах — время от времени, а в горных, не представляющих особой стратегической ценности, практически не бывали, тем более что до них было труднее всего добраться. Характер оккупации до лета 1944 г. очень ярко описан в письме, отправленном в город Триполис представителю «Красного креста» жителями горной деревни Фрусуна, сожженной в июле 1944 г. в ходе германского рейда: «Самое грустное то, что жители деревни абсолютно ничего не ожидали и были удивлены появлением оккупационных войск, потому что войска эти, как и батальоны безопасности, через нашу область еще ни разу

³⁰² Основными жертвами были сельские жители, прятавшие оружие или укрывавшие британских солдат. Местных за это арестовывали или, что случалось чаще, избивали. В одном из подобных инцидентов житель деревни Скинохори от побоев скончался. Некоторых сажали в тюрьму, а осенью 1942 г. ряд деревенских и городских должностных лиц временно были выслены в Калавриту, префектура Ахайя, причем в их число вошел мэр Нафплиона (НАА/DAN E32/1945).

не ходили, и никто не думал, что они придут в настолько отдаленное и труднодоступное место в горах» (Papakongos 1977: 241). Отсутствие государственной власти в подобных областях привело к росту сельской преступности, особенно краж скота.

Хотя местные элиты и обсуждали возможность вооруженного сопротивления, в 1941–1942 гг. такая деятельность не велась. Несколько беглецов, укрывшись в горных деревнях, время от времени нападали на случайные итальянские патрули. В сельской части Греции организованные силы сопротивления вообще появились достаточно поздно, а на Пелопоннесе они возникли еще позже, чем в прочих областях страны³⁰³. Впрочем, отсутствие вооруженного сопротивления не означало отсутствия коммунистической агитации. Коммунистов в Арголиде было немного, и коммунистической традиции там не было, но благодаря близости к Афинам префектура стала перспективной площадкой для деятельности компартии; к тому же немногочисленные аргонидские коммунисты отличались особой инициативностью и предприимчивостью.

Первое собрание ЭАМ в Арголиде состоялось в декабре 1942 г., после того, как Коммунистическая партия отправила в префектуру своего координатора. На собрании в январе 1943 г. было принято решение расширить присутствие ЭАМ, по всему региону. Тайные ячейки были организованы в первой половине 1943 г., преимущественно через семейные связи³⁰⁴; однако какой-либо значительной деятельностью они еще не занимались.

Партизанская деятельность на севере Пелопоннеса началась летом 1943 г. Сначала в регион прибыл отряд из 60 бойцов ЭЛАС, отправленных сюда из центральной Греции, чтобы поспособствовать развитию местной сети. Затем высадились и британские десантники, чье задачей было подготовить саботажные группы для поддержки возможного

³⁰³ Если верить лидеру ЭАМ Яннису Франгосу, в апреле 1943 г. «на всем Пелопоннесе было всего сто пятьдесят повстанцев» (Narrative Account of a Mission to Peloponnese by Capt. P.M. Wand-Tetley, April 1943 to June 1944, PRO, HS 5/699).

³⁰⁴ Например, коммунистическая организация в деревне Гербеси была сформирована вокруг семейств Лилис, Корилис и Леккас.

вторжения союзников. Им удалось быстро выйти на связь с небольшими подразделениями партизан, уже начавшими свою деятельность в горах, и наладить воздушные поставки оружия и боеприпасов.

Летом 1943 г. группа офицеров греческой армии бежала в арголидские горы, опасаясь ареста, и там собрала партизанский отряд, но в августе их силы подверглись нападению со стороны более подготовленных партизан-коммунистов и были разбиты. Подобные столкновения происходили по всему полуострову, и исход всякий раз был один и тот же: отряды коммунистов по сравнению с офицерскими были лучше дисциплинированы и обладали более высоким боевым духом. В результате все вооруженное сопротивление в Пелопоннесских горах быстро оказалось под контролем компартии.

До конца 1943 г. поляризация в регионе была достаточно ограниченной. Быстрый разгром офицерских отрядов особых последствий за собой не повлек. Первыми жертвами бойцов ЭЛАС стали несколько бандитов-коллорабационистов, убитых летом и осенью 1943 г.; симпатий они ни у кого не вызывали. В свою очередь арголидские власти тоже действовали сдержанно: было проведено несколько арестов, но казней почти не было — с двумя примечательными исключениями ближе к зиме. 4 ноября 1943 г. ими была разрушена деревня Бербати (сегодня — Просимна), в ходе чего четверо местных жителей были убиты, а около тысячи лишились крова; нападение было совершено после того, как трое немецких солдат погибли в случайной стычке с проходившим мимо деревни отрядом ЭЛАС из другого региона. Несмотря на массовые аресты в соседних деревнях (жители Вербати бежали в горы), немцы вняли требованиям местных греческих деятелей и не стали продолжать ответные действия. Месяц спустя, 3 декабря, они повесили 52 человека в районе станции Андрица в связи с нападением на вокзал, в ходе которого были убиты несколько немецких солдат. Однако стоит отметить, что повешенных заложников туда привезли из других регионов. В прочих частях Пелопоннеса немецкий ответ на подъем ЭЛАС отличался крайней жестокостью: так, в ходе печально известной карательной экспедиции в декабре 1943 г., направленной против города Калаврита (в северной части полуострова) и окружающих деревень, немецкие войска

убили 677 гражданских (Meuer 2002). С другой стороны, городу Аргос пришлось заплатить ужасную цену и за просчеты союзников: в ходе бомбардировок погибли более 100 человек, и около 400 получили ранения.

Греческая гражданская война началась в 1943 г. со столкновений между левыми и правыми повстанческими организациями. Ее размах значительно возрос в 1944 г., когда ЭАМ схлестнулась с разнообразными группировками коллаборационистов, самые известные из которых назывались батальонами безопасности. В Арголиде конфликт может быть разделен на четыре временных периода, соответствующих четырем значительным переменам в раскладе сил³⁰⁵. Далее я более подробно освещу каждый из четырех периодов.

9.4.1. Сентябрь 1943 — 15 мая 1944 г. (период 1)

Капитуляция Италии в начале сентября 1943 г. привела к росту повстанческого движения. Как вскоре стало ясно, немецкие оккупантам не хватало личного состава для поддержания в Арголиде порядка, и в регионе, за исключением Аргоса, Нафплиона и пары равнинных и прибрежных деревень, установился политический вакуум. В то же время небольшая часть итальянского оружия оказалась в распоряжении сил ЭЛАС (Vazeos 1961: 28). К 10 октября 1943 г. у жандармерии уже не было возможности защищать свои посты в горах и холмах, и большая часть жандармов сбежала в города. После нейтрализации жандармерии связь между городами и деревнями оказалась прерванной. ЭАМ, которая к тому моменту основала тайные ячейки даже в самых маленьких деревнях, с легкостью воспользовалась ситуацией и взяла сельскую местность под свой контроль. Согласно датированному ноябрем 1943 г. немецкому рапорту, «весь Пелопоннес следует считать территорией, занимаемой бандитами»³⁰⁶. О схожей обстановке в тот период сообщал и британский

³⁰⁵ Эта периодизация основана на сменах власти, происходивших приблизительно в одно и то же время во всех шести основных населенных областях; в некоторых случаях присутствуют небольшие расхождения по времени.

³⁰⁶ Информационный отдел 117-й егерской дивизии, ежемесячный отчет от 29 ноября 1943 года (Zervis 1998: 109).

офицер связи Дж. М. Стивенс, находившийся в центральной части страны:

Греция сейчас представляет две отдельные страны — оккупированную и неоккупированную. В первой условия жизни варьируются в зависимости от того, кто является оккупантом: Германия, Италия или Болгария. Неоккупированная часть Греции подвластна Оси в той же степени, что и Англия. ...Даже на оккупированной территории реальной властью силы вторжения обладают лишь в рамках отдельных крупных городов, стратегически важных точек и ключевых линий коммуникации, но опасность появления войск Оси в какой-нибудь отдаленной деревне всегда сохраняется; повстанцы, со своей стороны, таким экспедициям могут мешать, но предотвращать их они не в силах. В оккупированной зоне жить довольно опасно, и освободительные движения держатся в подполье, чтобы не рисковать лишней раз. В неоккупированной части страны люди живут свободно³⁰⁷.

В общем и целом осенью 1943 г. Арголида выглядела следующим образом: под властью управляемой коммунистами ЭАМ находилась вся префектура, за исключением двух крупных городов и пары равнинных деревень (в которых, впрочем, организация вела активную подпольную деятельность). В подконтрольных деревнях ЭАМ открыто выполняла административные функции посредством вновь сформированных местных организаций, за деятельностью которых следила малочисленная, но крайне активная группа региональных партийных лидеров, постоянно передвигавшихся по региону. К январю 1944 г. ячейки компартии возникли уже почти во всех деревнях, а сама партия быстро росла. ЭАМ собирала налоги, оказывала логистическую поддержку боевым подраз-

³⁰⁷ Отчет лейтенанта-полковника Дж. М. Стивенса об обстановке в центральной Греции издан Ларсом Беренцем (Baerentzen 1982: 3). Подобную ситуацию Стивенс объяснял тремя факторами: во-первых, «Грецию трудно оккупировать», так как ландшафт страны гористый, и дорог в горах мало, а эффективная оккупация горного района требует большого количества войск и снабжения провизией с равнин, что будет легкой целью для засад. Во-вторых, к оккупантам местные отнеслись с ненавистью и ничем им не помогали. В-третьих, у них было «недостаточно разведанных» о повстанцах (Baerentzen 1982: 3–5).

делениям ЭЛАС, расположенным в горах, контролировала все перемещения, выдавая разрешения на выезд, обеспечивала охрану правопорядка (причем настолько эффективно, что краже скота был положен конец) и разбирала местные дела на заседаниях «народных судов». Всего за несколько месяцев из тайной организации ЭАМ превратилась в полноценное государство (McNeill 1947: 96–97).

Взглянув на Арголиду времен конца 1943 г., сторонний наблюдатель, скорее всего, пришел бы к выводу, что настроения в регионе царят в высшей степени революционные. Действительно, согласно и устным, и письменным источникам ЭАМ в этот период пользовалась здесь квазиединогласной поддержкой³⁰⁸. И все же успех ЭАМ не стоит считать однозначным свидетельством того, что этот традиционно консервативный и склонный к монархизму регион принял коммунистические ценности буквально за одну ночь. Столь быстрый и массовый поворот к новой идеологии на территории без традиции социального конфликта или массовых восстаний скорее подчеркивает масштаб влияния параллельных процессов распада и становления государства на деятельность отдельно взятого индивида.

Молниеносное превращение небольших маргинальных групп в государственные структуры во время восстаний случается нередко и зачастую становится основой для анализа, отмеченного ретроспективным детерминизмом. Многие полагают, что раз подобные организации смогли добиться такого успеха, значит, они наверняка отражали потаенное недовольство и выражали народные стремления. На самом же деле ситуация нередко складывается прямо противоположным образом: в Арголиде массовая мобилизация не предшествовала приходу ЭАМ к власти, а последовала за ним, — таким образом, контроль породил сотрудничество, а не наоборот. Очевидно, что местное население оккупантов ненавидело, было весьма предрасположено к излагаемой ЭАМ политической программе националистического толка и было благодарна организации за такие ощутимые блага, как общественный порядок и защита от разбойников. Но все же, становление ЭАМ как государственной структуры обусловили

³⁰⁸ Например, см.: “Report by Lt. Col. R. P. McMullen on Present Conditions in the Peloponnese”, PRO, HS5/699.

три фактора, без которых такой успех был бы невозможен. Во-первых, ЭАМ было так легко установить свой порядок, располагая лишь небольшим числом преданных организации членов и понижая риск для своих союзников (как мы покажем далее, с ЭАМ было куда опасней не сотрудничать), потому что оккупация создала политический вакуум и разрушила традиционную систему патронажа. Во-вторых, преумножать успех ей помогали организационные находки Коммунистической партии, имевшей немалый опыт в использовании тайных групп. И, наконец, присутствие на фоне небольшого, но не стесняющегося о себе заявить боевого корпуса ЭЛАС позволило группе завладеть монополией на применение насилия в этом регионе и подчеркивало ее способность применять меры наказания. Этот корпус прибыл из соседней области в октябре 1943 г. и разбил лагерь в горах Арголиды; в тот период его бойцы произвели несколько арестов, чтобы показать свою силу и власть, но от более радикальных мер они воздерживались. Согласно мемуарам одного из членов ЭАМ (Lilis б.д.: 45–46) после этих арестов у жителей равнинных деревень сложилось впечатление, что в горах находятся сотни вооруженных повстанцев, что помогло свести оппозицию на нет. Схожий процесс описывается в британском рапорте о северной Греции в 1944 г.: «В Македонии организованной оппозиции ЭЛАС нет. Некоторые возмущенно шепчутся о них за закрытыми дверями, неодобрительно оглядываются на них на улице, выражают свое недовольство тонкими намеками, но в общем и целом все это выглядит очень беспомощно и бессмысленно, будто люди ждут, что все разрешится само. Члены ЭЛАС слишком безжалостны, чтобы вступать с ними в конфликт, и их полномочия позволяют им бросать людей в тюрьмы и нелегально изымать все, что угодно»³⁰⁹.

Среди повстанцев за применение селективного насилия отвечала специализированная группа: карательные отряды Коммунистической партии, известные как Организация охраны народной борьбы (греческая аббревиатура — ОПЛА). В декабре 1943 г. коллаборационистское правительство начало создавать и расширять батальоны безопасности; в ответ на это Коммунистическая партия пригрозила возмездием всем,

³⁰⁹ "Situation in Greece: Assistance to Greek Resistance Movements," 2 December 1944, PRO, FO 371/43700, R21882.

кто к этим батальонам примкнет, и их семьям. Эти директивы были переданы в региональные ответвления партии, где их распространили по местным ячейкам. В Арголиде местные собрания по предотвращению коллаборационизма проводились осенью 1943 г., особенно в равнинных деревнях, где господству ЭАМ угрожали немецкие силы. Те, кто принимал в этих встречах участие, рассказали мне, что партийные лидеры устанавливали квоты на ликвидацию (обычно два-три человека на деревню) и просили предоставить им перечень «реакционеров» и дать разрешение на казнь, нередко официальное, подразумевающее подписание определенных документов (I-12). ЭАМ стремилась уничтожить влиятельных людей, не желавших ей подчиняться и способных подвигнуть своих односельчан на те или иные действия, то есть мэров, врачей или демобилизованных офицеров и сержантов. Британский офицер связи рапортовал с Пелопоннеса, что люди ЭАМ «великолепно понимали психологию “показательного насилия” ... специализируются они, судя по всему, на том, чтобы выбрать того единственного человека, чья смерть или исчезновение гарантируют им более или менее полную поддержку всех прилегающих земель» (“Report by Cpl. Buhayar,” PRO, HS 5/698)³¹⁰. В то же время многие члены деревенских комитетов использовали свое положение, чтобы сводить личные счеты или решать местные ссоры с выгодой для себя (например, I-11; I-12). Иными словами, инициаторами насилия становились как партийные деятели, так и местные жители.

Получив список имен и разрешения на казнь, ОПЛА отправляла в деревню отряд, составленный из бойцов, которых местные не знали. Их встречали проводники, после чего нужных людей похищали и доставляли в горные лагеря для пленников. После допросов, причем нередко с пытками, большинство пленников через несколько дней казнили, как правило, перерезая им горло. Некоторых избивали и отправляли обратно в деревню, а часть отпускали на свободу.

³¹⁰ Согласно другому отчету «осенью во все деревни Пелопоннеса по ночам наведывались карательные отряды ЭАМ, чья деятельность была направлена в основном против людей, придерживающихся правых взглядов» (“Second Report of Colonel J. M. Stevens on Present Conditions in Peloponnese,” PRO, HS 5/699).

В ходе подобных действий было убито тридцать семь человек; большая часть казней пришлось на январь 1944 г. Эпицентром насилия была равнина: 35% казненных были родом из внутренней ее части, 51% — с внешней, 14% — из остальных частей региона. С помощью этих убийств ЭАМ удалось создать в регионе атмосферу страха и тем самым закрепить свою власть. В то же время из-за казней среди местных жителей значительно выросло недовольство ЭАМ, которое, впрочем, в силу отсутствия альтернатив и широты возможностей организации выражения не получало. Один британский офицер связи описывал это так: «жители деревень обсуждают это между собой в темных углах, строят тайные планы, как бы избавиться от власти ЭАМ хотя бы в собственной деревне, но оружия у них нет. Вот они и многозначительно кусают ногти, словно пытаясь сказать: “Сейчас вы впереди всех, но погодите еще у нас”»³¹¹. Другой же, описывая жизнь в холмистых и горных регионах Арголиды того периода, подчеркивал, как эффективно угроза насилия нейтрализовала местных лидеров:

Как правило, непосредственные авторитет и влияние людей более высокого общественного положения, например, врачей (но не школьных учителей, которые представляют собой худшую прослойку горного населения), были значительно подорваны гестапо ЭАМ. Но на самом же деле влияние это, особенно в случае с врачами, они в любой момент могут себе вернуть, по крайней мере, если ЭАМ с ними не разделалось. Так что здесь постоянно слышишь нечто наподобие: «Господин X — человек влиятельный и уважаемый, но сейчас ничего сказать нельзя». Такие люди почти что вынуждены противостоять ЭАМ, хотя и не всегда открыто. У них, как правило, есть свой кружок, разделяющий центристские или правые взгляды, и свое время они посвящают сбору информации о совершенных ЭАМ преступлениях. Они многое преувеличивают и многое преуменьшают и в общем и целом являют собой довольно жалкое зрелище. Некоторые, чьи имена я привожу ниже, либо пришли с ЭАМ к компромиссу, либо пользуются

³¹¹ “Report by Lt. Col. R. P. McMullen on Present Conditions in the Peloponnese”, PRO, HS 5/699.

слишком большим уважением в обществе, чтобы ЭАМ рискнула на них напасть³¹².

Повстанцы применяли насилие только избирательно: жертв отыскивали по имени и лишних людей не забирали. Такой подход упрощался за счет отсутствия у местных жителей возможности сдать членов ЭАМ оккупантам: попытка привести немецкие войска (что тяжело вообразить и еще тяжелее претворить в жизнь) подразумевала бы немедленное возмездие семье доносчика со стороны ЭАМ.

А вот оккупанты в тот же период применяли и селективное, и неизбирательное насилие: жертвами первого стало шесть человек, жертвами второго — шестнадцать. Селективное насилие применялось в двух деревнях на внешней части равнины, а неизбирательное — в холмах (87%), ближайшей зоне под контролем повстанцев.

Поворотной точкой для немцев стал апрель 1944 г.: именно тогда немецкие власти приняли решение начать массовые репрессии против ЭАМ в городах Аргос и Нафплион. Туда были введены дополнительные войска, что укрепило немецкие позиции; к тому же оккупантам удалось воспользоваться местными источниками информации, и 10 апреля они арестовали нескольких подозреваемых в симпатиях к повстанцам жителей Нафплиона, которых отправили в концентрационный лагерь в соседнем городе Коринф (НАА/EDD Case 336/47)³¹³. В конце апреля в Коринфе был создан отряд коллаборационистского ополчения под названием 3-й батальон безопасности, и в Нафплион прибыло подразделение под командованием капитана греческой армии³¹⁴. Сразу же по прибытии начался набор новых рекрутов, и в итоге отряд увеличился примерно до 150 человек. Новобранцы в большинстве своем были горожанами, многие из них ранее состояли в почти исчезнувшей к тому времени жандармерии,

³¹² "Narrative of Capt P. M. Fraser. Peloponnese July 43-April 44", "Names of Influential Personnel in Argolido Korinthia," PRO, HS 5/698/S6557.

³¹³ 22 апреля одиннадцать арестантов были расстреляны из-за деятельности ЭЛАС (НАА/DAN E32/1945).

³¹⁴ "Action Report of the Third Security Battalion of Korinthos," DIS/AEA, 915/B/3.

из которой были переведены в новое ополчение. 40 новобранцев были родом из равнинной деревни Асини; к батальону безопасности они решили примкнуть по зову одного из его командиров, оказавшегося их земляком. Ополченцам удалось оградить Аргос и Нафплион от влияния повстанцев и искоренить городские ячейки ЭАМ. Региональное бюро компартии оказалось отрезанным от городов, партийные лидеры были вынуждены укрыться в горах, а несколько членов ЭАМ перешли на сторону батальонов безопасности. В своих мемуарах один из лидеров ЭАМ подтверждает, что смена власти побудила городское население отвернуться от ЭАМ, тем самым нанеся организации «огромный ущерб» (Lilis б.д.: 91–93)³¹⁵.

Установив контроль над городами, примерно с 10 мая немцы при поддержке местных союзников начали продвигаться к равнинным деревням. Они полагались на стратегию, которую французы поздней назовут *tache d'huile* (нефтяное пятно): оккупанты выставляли несколько застав вокруг и внутри деревень, увеличивали число патрулей, начинали регистрировать местных жителей, часто требовали предъявить удостоверение личности и ввели жесткий режим комендантского часа. Таким образом деревни, расположенные в центральной части равнины и на ее окраинах, были перемещены в зону 2.

9.4.2. С 15 мая по 31 июня 1944 г. (период 2)

19 мая немецкие солдаты при поддержке греческого ополчения начали череду налетов на расположенные на внешней части равнины деревни, жителей которых подозревали в симпатии к повстанцам. Два дня спустя они провели крупный рейд по восточным холмам, которые считались территорией, подконтрольной повстанцам. Рейд этот входил в более крупную операцию “Rabe” («Ворон»), направленную на зачистку территории от сил противника; его целью было уничтожение

³¹⁵ Подтверждает это и один из британских офицеров связи, который отметил, что в городах размах насилия со стороны ЭАМ принял настолько устрашающий характер, «что, когда из Афин прибыли первые бойцы батальонов безопасности, их приняли с распростертыми объятиями. Батальоны безопасности в городах считают меньшим из двух зол даже сейчас» (“Second Report of Colonel J. M. Stevens on Present Conditions in Peloponnese,” PRO, HS 5/699).

повстанцев в Коринфии и Арголиде. Устанавливая вокруг крупных областей кордоны, оккупационные силы затем прочесывали территорию, подавляя любое сопротивление³¹⁶. Для местного населения наступили тяжелые времена. С одной стороны, немцы сбрасывали листовки, в которых запрещали жителям деревень выходить из дома, так как все, кого застанут в полях, будут считаться партизанами, и их расстреляют на месте. С другой стороны, повстанцы приказывали им бежать и угрожали смертью всем, кто останется, надеясь на более массовый исход и малое количество перебежчиков. Большинство крестьян предпочитали бежать, потому что не доверяли немцам. Многие из них, включая женщин, детей и людей преклонного возраста, в полях перехватывали и расстреливали (в немецких отчетах они значились как «убитые при попытке к бегству»). Неоправданность подобных убийств становится особенно очевидной, если учесть, что некоторые погибли от немецких пуль лишь потому, что находились рядом с собственными домами всего через несколько минут после начала комендантского часа (ZSt. V 508 AR 2056/67). В общем и целом во время этой операции в ходе неизбирательного применения насилия в исследуемых мною округах Арголиды было убито 190 человек, 73% которых были родом из деревень на восточных холмах³¹⁷.

С сугубо военной точки зрения, операция «Ворон» окончилась провалом. Большинство повстанцев, включая многих глав коммунистических ячеек в деревнях, пробрались через кордон и собрались в соседних регионах. Однако деревни, которыми они управляли, оказались заброшенными. Несколько дней спустя у большинства сбежавших оттуда селян закончились продукты питания, и они начали возвращаться домой, где были вынуждены сотрудничать с новыми властями.

³¹⁶ Интересно отметить, что при подготовке данной операции немецкие генералы Гельмут Фельми и Карл фон Ле Сюир вели довольно горячий спор по переписке касательно мер наказания для гражданских и казней заложников; подчеркивая необходимость избирательного подхода, генерал фон Ле Сюир оставил за собой право отдавать приказ о применении любых мер наказания (Meyer 2002: 397–399).

³¹⁷ Во внутренних документах немецкой армии (Meyer 2002: 400) сообщается о 235 убитых и 51 аресте на той территории, которую я в рамках этого исследования не затрагивал.

ми: оккупантами и ополчением. Так было, например, в Гели (сегодня — Арахнео), стратегически-значимой деревне в восточных холмах, где в ходе неизбирательного насилия погибло 22 местных жителя. После этого остальным пришлось перейти на сторону оккупантов. Но стоит отметить, что, хотя под контроль немцев переходило множество деревень, формирование местного коллаборационистского ополчения проводилось далеко не везде: запас оружия был ограниченным, и ключевым фактором при его распределении была стратегическая важность каждого отдельного населенного пункта. Более того, я обнаружил несколько случаев, когда деревни сами требовали предоставить им оружие, но немецкие власти им в этом отказывали (I-91; I-117). Согласно рапорту командира действующего в Греции немецкого корпуса от декабря 1943 г. настроить население против повстанцев удавалось только после того, как немцы начинали вооруженное патрулирование местности, тем самым обеспечивая поддержание общественного правопорядка. В противном случае повстанцы одерживали верх, и их правлению ничто не мешало (Hondros 1993: 155). Сведения, полученные мной в Арголиде, подтверждают его правоту: залогом коллаборационизма была вооруженная немецкая охрана.

Почему целые деревни переходили на сторону Германии летом 1944 г., когда уже было ясно, что войну выигрывают союзники? Ответ указывает на то, что местные реалии оказываются сильней международной политики: повстанцы бежали, а немцы при поддержке ополчения их преследовали, что, с одной стороны, придавало веса угрозам оккупационного правительства, а с другой, предоставляло тем, кто желал отомстить повстанцам, относительно безопасную возможность осуществить свои планы. Сельские жители впервые видели военную операцию подобного размаха, и им казалось, что спасающиеся бегством партизаны потерпели поражение. Это мнение, подтвержденное как в моих собственных беседах с местными, так и в многочисленных мемуарах, вкупе с угрозой коллективного наказания стало одним из решающих факторов, определивших начало коллаборационизма в деревнях. Мне часто доводилось слышать следующее: «Людям казалось, что раз тут проводится такая крупная операция, раз горы кишат немецкими войсками, значит, повстанцев разгромили. “Что ж, — говорили они. — Тогда присоеди-

нимся к немцам”» (I-17)³¹⁸. В результате революционные настроения времен апреля 1944 г. в Арголиде сменились на крупномасштабный коллаборационизм даже быстрее, чем консервативность уступила место революционным взглядам в конце 1943 г.

Эти коллективные решения обычно принимались при схожих условиях: прибыв в очередную деревню, немцы и коллаборационисты собирали всех местных жителей на центральной площади и предлагали им выбор — взяться за оружие и примкнуть к борьбе с повстанцами или подвергнуться коллективным репрессиям. Посоветовавшись с самыми уважаемыми селянами, местный староста, как правило, выбирал первое. После этого немцы требовали в знак подтверждения верности выдать им тех сторонников ЭАМ, которым не удалось спастись бегством. В некоторых случаях селянам удавалось этого избежать, в некоторых — нет (а иногда они и сами были рады на них указать). Членов ЭАМ обычно расстреливали на месте. Кругозор у сельских жителей в большинстве случаев был не слишком широкий, и решения они принимали, исходя из местного контекста, а не государственного или международного (I-18; I-80; I-139; I-209). «Люди ждут новостей, — писал один британский офицер связи. — Всю степень невежества селян (да и горожан, раз уж на то пошло) мне трудно описать словами»³¹⁹.

В общем и целом жертвами селективного насилия со стороны немцев и коллаборационистов стало 58 сельских жителей. Наибольшая часть смертей пришлась на деревни на восточных холмах (31%)³²⁰, далее шла окраина равнины (29%), затем ее центральная часть (17%), западные холмы (12%) и восточная равнина (9%). Подобные меры помогли оккупантам закрепить свою власть: к концу июня немцы и коллаборационисты уже контролировали всю Арголиду, кроме западных холмов и гор. На повстанцев и их союзни-

³¹⁸ Описание схожих событий в западной Македонии (усложненной этнической обстановкой) можно найти в: “Report by a Supporter of EAM on the Development of the Situation in Western Macedonia,” PRO, HS 5/234.

³¹⁹ “Report by Lt. Col. R. P. McMullen on Present Conditions in the Peloponnese”, PRO, HS 5/699.

³²⁰ Селективное насилие следовало за неизбирательным в ходе операции по зачистке территории.

ков открыли охоту; местные жители нередко выдавали их немцам из страха перед оккупантами, желая отомстить или и первого, и второго одновременно. Что предсказуемо, первыми против членов ЭАМ выступили родственники их жертв. Например, один из моих собеседников из деревни Анифи, придерживавшийся левых взглядов, рассказывал, что насилие и убийства в его деревне стали ответом на четыре казни, проведенные членами ЭАМ зимой³²¹.

Под контролем повстанцев оставались деревни в горах и на западных холмах. В середине июня на западных холмах немецкие войска начали проводить рейды (что означало переход из зоны 5 в зону 4). И сельские жители, и лидеры ЭАМ внимательно следили за тем, что происходит на восточных холмах (Nassis б.д.), и невыносимый размах насилия пугал как первых, так и вторых. Многие, включая сторонников ЭАМ со связями в городах, пустились в бег. Власть организации трещала по швам. В то же время лидеры ЭАМ были напуганы событиями, происходящими в остальной части Арголиды. В результате они решили начать новую волну селективного насилия, жертвами которой стали 52 крестьянина. Большая часть смертей пришлось на деревни в западных холмах (69%), а в горных деревнях насилия было куда меньше (25%).

9.4.3. Июль 1944 г. (период 3)

После июньского «усмирения» равнины и восточных холмов немцы и их союзники взялись за западные холмы и прилегающую гористую местность. 17 июля началась масштабная операция по уничтожению горных баз повстанцев. Сельские жители бежали из деревень, укрываясь выше в горах. Ландшафтные условия для них были благоприятными, и оккупанты в этот раз действовали более сдержанно. В результате в ходе неизбирательного насилия по сравнению с восточной

³²¹ Обратить внимание стоит на следующие выдержки из наших бесед (I-6; I-7; I-8): «До этих [убийств] и не было ничего. Ну а потом уже много чего было. Но это было начало»; «все после этого и началось. Селяне разделились. Вот когда между ними начался раздор»; «Это была ошибка. Если б они тех четверых не убили, потом в Анифи кровь бы не пролилась»; «Слушайте, если бы партизаны четырех наших не убили, у нас в деревне ничего б и не было».

частью Арголиды людей погибло намного меньше, причем большинство смертей (87%) пришлось на горные деревни.

В то же время обе стороны укрепляли свою власть путем селективного насилия. Немцы и коллаборационисты несут ответственность за 44 смерти, распределенные по региону более или менее равномерно. Повстанцы же, которым становилось все трудней и трудней удерживать территорию под своим контролем, превзошли оккупантов более чем в два раза и убили 96 человек (48% смертей приходится на горные деревни, 39% — на западные холмы; именно в этих двух регионах повстанческое движение стремительно теряло поддержку среди местного населения). Весьма показательно, что перед июльским рейдом оккупационных войск повстанцы казнили 87 крестьян. Так что неудивительно, что сразу же после того, как повстанцы начали выводить своих людей, жители деревень на западных холмах подняли против них восстание. Вооружившись вилами и прочими сельскохозяйственными инструментами, крестьяне нападали на оставшихся в деревнях членов ЭАМ и или убивали их сами, или сдавали оккупантам.

9.4.4. С 26 июля по 5 октября 1944 г. (период 4)

К концу июля 1944 г. из-за быстрого наступления советских войск на Балканах расквартированные в Греции немецкие части оказались под угрозой полного окружения, поэтому командование приняло решение вывести войска из страны. В Арголиде этот процесс начался 26 июля, в только что «усмиренных» горных регионах. В начале августа немецкие войска покинули и «усмиренные» холмы; теперь оккупационные войска и силы коллаборационистов были сконцентрированы в городах и на заставах в центральной части равнины. Сразу же после ухода немцев в оставленные ими области начали возвращаться отряды вооруженных партизан, желавших отомстить выступившим против них крестьянам. Они с легкостью подавили сопротивление по большей части безоружного населения восточных холмов и сожгли их деревни; нападению подверглись и деревни Гели (29 июля) и Ахладокамбос (18 сентября), которые предоставляли бойцов для коллаборационистского ополчения. Их защитники были разбиты, после чего и сдавшиеся в плен, и мирные жители подверглись неизбирательному насилию (в целом убито было

106 человек). Вдобавок к этому, повстанцы также селективно казнили 69 человек, которых оправданно или неоправданно обвиняли в переходе на сторону оккупантов (74% казней пришлось на восточные холмы). Насилие со стороны властей в тот же период упало до незначительного уровня.

Эвакуацию Аргоса немцы провели 19 сентября, а 5 октября члены батальонов безопасности сложили оружие в своем оплоте, Нафплионе. Хотя мести желали многие, особенно в городах и тех деревнях на окраине равнины, которые находились во власти оккупантов все лето, ЭАМ установила жесткий контроль и запретила кому-либо мстить³²². Арестов было много, но не казнили никого. Хотя убийств в Арголиде не было, страх ощущался везде. В ноябре местные власти округа Нафплион выступили с критикой массового бегства в Афины, которое объясняли слухами об арестах, распускаемыми «немногочисленным реакционным меньшинством» (НАА/DAN E24/1944).

Мое последнее наблюдение касается принципа отбора областей для проведения карательных мер. Судя по имеющимся историческим источникам, решения о месте и времени проведения подобных операций принимались отнюдь не находящимися в Арголиде офицерами, а на куда более высоких уровнях (Meuer 2002). Повстанцы, в свою очередь, начинали контратаки там, откуда немцы выводили свои силы либо где заметно снижали присутствие. Иными словами, географическое распределение военных ресурсов явно не связано с событиями, происходящими на местах, и может быть объяснено только в рамках общей и весьма сложной модели, учитывающей немецкие и международные тенденции в военном деле.

В заключение этого раздела хочу отметить, что изложение хода гражданской войны в Арголиде на основе анализа отношений между коллаборационизмом, контролем и насилием, описанного в теоретической части этой книги, вполне возможно, и имеет смысл.

³²² См. директиву 546/15 Секретариата внутренних дел Политического комитета национального освобождения от 8 сентября 1944 г. (подписано Гиоргосом Сьянтосом), в которой излагается устав свежесформированной полиции ЭАМ (DAN E27/1944), и схожую директиву штаба ЭЛАС от 24 октября 1944 г., предусматривающую наказание за сведение личных счетов (ASKI, ККЕ 418/F30/4/25).

9.5. АРГОЛИДА ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ

Если в 1943–1944 гг. ЭАМ превратилась в альтернативную государственную администрацию, то к октябрю 1944 г. слово «альтернативная» ей уже не требовалось: на региональном уровне организация прочно закрепила свою власть, а на национальном ее министры сформировали так называемое Правительство национального примирения вместе с членами правительства в изгнании, которое не обладало реальной властью за пределами Афин. Однако новая администрация долго не продержалась: уже в декабре 1944 г. из-за споров касательно разоружения бойцов ЭЛАС началось новое коммунистическое восстание. ЭЛАС потерпела поражение, и власть в стране перешла в руки нового правительства, в которое коммунисты уже не входили. После периода волнений, отметившегося травлей бывших членов ЭАМ, Коммунистическая партия вновь подняла восстание в 1946 г., окончившееся в 1949 г. ее сокрушительным поражением.

Послевоенный период гражданской войны затронул Арголиду куда слабей, чем оккупационный. Сторонников ЭАМ угнетали, преследовали и арестовывали, их нередко донимали жаждущие мести люди, но до убийства дело доходило редко³²³. Ряд арестованных членов ЭАМ были казнены, но большинство в итоге приговорили к тюремным срокам разной продолжительности. Последних заключенных выпустили на свободу в 1963 г., и в дальнейшем некоторые из них вновь оказались за решеткой после военного переворота 1967 г. Коммунистические повстанцы из т.н. Демократической армии Греции на Арголиде особенно активной деятельности не вели. Первые левые вооруженные группы в префектуре появились летом 1946 г., и входили в них в основном разыскиваемые властями бывшие члены ЭАМ. В 1947 г. в горах Аркадии в центральном Пелопоннесе были сформированы новые, более организованные левые отряды, но в Арголиде,

³²³ Memoirs of Andreas Kranis, head of Argos Gendarmerie; Cable from Nauplion, March 2, 1946; Telegram from Nauplion, March 21, 1946, AMFOGE I, Prefect Reports; General Report on the Entire Area of Argos, 14 March 1946), Memorandum from District Board #1 to Central Board, 18 March 1946," AMFOGE I, District Boards.

где позиции правительства были сильны, они появлялись редко. Зимой 1948/49 гг. афинские власти провели в регионе масштабную операцию по зачистке территории от партизан, в ходе которой было эвакуировано несколько горных поселков. В городах и деревнях началась облава на лиц, подозреваемых в сотрудничестве с повстанцами. К тому же сама зима в тот год выдалась необычайно суровая, что тоже стало одним из ключевых факторов, приведших к полному разгрому мятежников на Пелопоннесе. В том же году на севере Греции были разбиты и основные силы повстанцев (Zafiroopoulos 1956).

Разнице между двумя фазами гражданской войны в Арголиде (1943–1944 и 1946–1949 гг.) можно найти два объяснения. Первое подчеркивает консервативные настроения среди крестьян и их крайнее недовольство деятельностью левых, которые в оккупационный период не скупались на насилие и тем самым настроили народные массы против себя. Однако испытания сравнением такая гипотеза не выдерживает: во-первых, ополченцы-коллаборационисты в плане насилия не особенно отличались от повстанцев, а во-вторых, в столь же консервативных регионах Пелопоннеса вроде Лаконии и Аркадии в 1947–1949 гг. левые действовали куда как более активно, хотя в период оккупации также причинили местным жителям немало бед. Второе же объяснение основано на возможностях оккупационных и новых властей. Греческому правительству, более сильному, нежели оккупанты, удалось удержать контроль над холмами и отрезать бунтовщиков от равнин. Прочность позиции Афин наглядно демонстрирует тот факт, что в этот период многие бывшие партизаны ЭАМ (включая и некоторых из тех, с кем я общался лично) примкнули к греческой армии и обратили оружие против тех, с кем раньше сражались плечом к плечу. В то же время, однако, для контроля над гористыми участками Пелопоннеса (например, префектурами Лакония и Аркадия) и особенно над горами центральной и северной Греции Афинам сил уже не хватало. Иными словами, разница в административных возможностях оккупационного правительства, действовавшего в 1943–1944 гг., и Афин времен 1946–1949 гг. отразилась на географии военных действий: во втором периоде война велась на большей высоте над уровнем моря. К этому наблюдению я в этой главе еще вернусь.

9.6. НАСИЛИЕ: ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

Между сентябрем 1943 г. и сентябрем 1944 г. в изученных мной деревнях (61 населенный пункт) жертвами насилия стало 725 гражданских, то есть 1,61% от их общего населения (см. таблицу 9.2)³²⁴. Для сравнения, комбатантов в Арголиде погибло всего 49 (35 повстанцев и 14 ополченцев-коллаборационистов). Жертвами селективного насилия стало 366 человек (50,48%), а неизбирательного — 359 (49,52%). Немцы и коллаборационисты несут ответственность за 353 смерти (48,69%), а повстанцы — за 372 (51,31%)³²⁵. В городах, Аргосе и Нафплионе, по моим приблизительным подсчетам, убито было еще 169 человек (0,84% от их общего населения)³²⁶; из них 108 (64%) были убиты оккупационными войсками, а 61 (36%) — повстанцами. В таблице 9.2 приводится сводка базовой описательной статистики. Как нетрудно понять, волна насилия захлестнула в основном сельскую местность. Ее апогей пришелся на середину мая — июнь 1944 г. (период 2) и сильнее всего затронул деревни, расположенные на холмах, а не равнинные или горные поселения. Подобная статистика подразумевает, что анализ, игнорирующий селективное насилие в пользу неизбирательного и делающий акцент на деятельности оккупационных властей (и наоборот), не учитывает половину имеющейся информации и потому не может считаться полноценным.

³²⁴ Большинство жертв были крестьяне мужского пола.

³²⁵ Этот факт интересен сам по себе, потому что в традиционной историографии по оккупационному периоду и гражданской войне в Греции размах насилия со стороны левых обычно преуменьшается, а акцент же делается исключительно на их идеологическом посыле, предполагаемой поддержке со стороны местного населения и дисциплинированности их сторонников. Мне удалось найти засекреченный послевоенный отчет для политбюро Коммунистической партии, в котором один из региональных лидеров упоминает «более 1200 казней [проведенных коммунистами в регионах Арголиды и Корнфии], которым мы на настоящий момент не можем найти никакого оправдания»; в отчете также идет речь о многочисленных правонарушениях, широко распространенных по всему Пелопоннесу (ASKI, ККЕ 418/F24/2/114).

³²⁶ Таким образом, общий счет потерь по двум округам Арголиды насчитывает 901 жертву.

ТАБЛИЦА 9.2
Базовая описательная статистика по насилию

	Число убийств	Доля от общего насилия	Доля населения
Вид насилия			
— селективное	366	50,48%	0,81%
— неизбирательное	359	49,52%	0,80%
Исполнитель			
— власти	353	48,69%	0,76%
— повстанцы	372	51,31%	0,83%
Временной период			
— период 1	66	9,10%	0,15%
— период 2	295	40,69%	0,65%
— период 3	168	23,17%	0,37%
— период 4	196	27,03%	0,43%
Местоположение			
— равнины	152	20,97%	0,34%
— холмы	450	62,07%	1,00%
— горы	123	16,97%	0,27%
В целом	725		1,61%

Географическое распределение очагов селективного и неизбирательного насилия в двух округах Арголиды за весь охватываемый исследованием временной отрезок изображено на рисунках 9.3 и 9.4. Каждая пострадавшая деревня представлена в виде секторной диаграммы, размер которой обозначает масштаб насилия, а цвета секторов демонстрируют соотношение числа пострадавших от действий оккупантов и повстанцев. Деревни, не затронутые ни той, ни другой стороной, отмечены на карте звездами.

Главная закономерность, которую можно обнаружить при изучении этих карт, заключается в том, что с точки зрения географии селективное насилие распределялось куда более

равномерно, чем неизбирательное, которое, в свою очередь, как правило, сконцентрировано в том или ином регионе. Иными словами, количество деревень, не затронутых неизбирательным насилием, куда больше, чем число населенных пунктов, избежавших селективного. Хотя размах насилия обоих видов разнится от места к месту, самые крупные боины носили неизбирательный характер. Наконец, ответственность за большую часть неизбирательного насилия несут власти, тогда как к селективным мерам прибегали в основном повстанцы. Информация по обоим видам насилия, структурированная по трем критериям (исполнитель, место, время), изложена в таблицах 9.3 и 9.4.

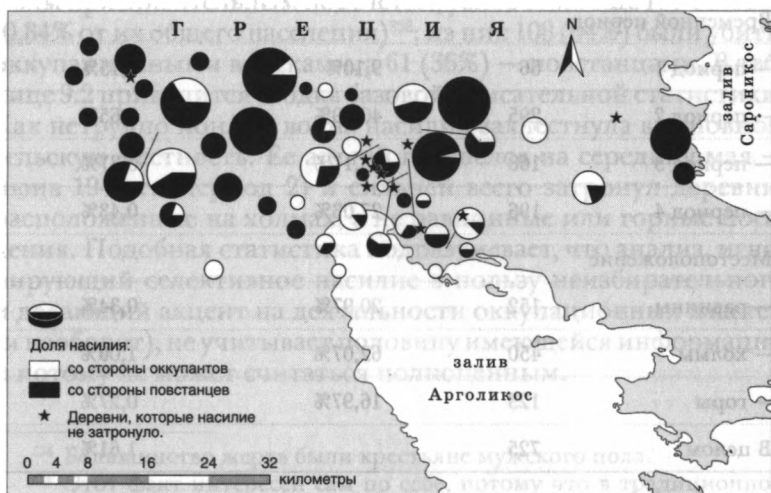

Рисунок 9.3. Географическое распределение селективного насилия, сентябрь 1943 — сентябрь 1944 гг. На секторных диаграммах белым цветом показана доля насилия со стороны оккупационных властей, черным — со стороны повстанцев; звездами отмечены деревни, которые насилие не затронуло.

На основании таблиц можно прийти к следующим выводам: во-первых, в общем и целом ответственность за убийства мирных жителей повстанцы и оккупанты несут в приблизительно равной степени. Это противоречит распространенному убеждению, что оккупанты намного более предрасположены к нападениям на местное население, ко-

торое прослеживается в подходе исследователей ко многим гражданским войнам и ярко выражено как в историографической литературе по гражданской войне в Греции, так и в исследованиях, посвященных исключительно Арголиде и освещающим только (или преимущественно) насилие со стороны оккупантов и коллаборационистов (например, G. Margaritis 2000; Papalilis 1981). Все это подчеркивает вероятность огромной погрешности в любом исследовании, предполагающем, что к насилию прибегают исключительно оккупанты, и/или основанных только на вторичных источниках, включая ряд масштабных исследований на пересечении нескольких наук.

Во-вторых, повстанцы и оккупационные власти явно предпочитают разные типы насилия. Повстанцы в большинстве случаев прибегают к селективным мерам (68,55% случаев), тогда как оккупанты действуют прямо противоположным образом (68,56% случаев). Иными словами, ответственность почти за 70% селективного насилия несут повстанцы, а за оставшиеся 30% — оккупационные власти, а в случае с неизбирательным насилием соотношение обратное. Эта закономерность соответствует гипотезе, что селективный подход к насилию связан со способностью собирать информацию на местах (Глава 6): хотя нацисты и заручились местной поддержкой, пускай даже с запозданием, по сравнению с повстанцами, чья сеть информаторов охватывала весь регион, в обстановке они ориентировались хуже.

Что же касается географического аспекта вопроса, то здесь становится очевидным значительное разнообразие в распределении очагов насилия. Большая его часть приходится на холмистые местности — 62% (в том числе 39% в восточных холмах и 23% в западных); на горные деревни пришлось 17% от всех случаев применения насилия, за ними идет внешняя часть равнины (12%) и ее восточная и внутренняя части (соответственно, 4% и 5%). Последствия применения карательных мер становятся ясней, когда их масштаб соотносят с численностью местного населения. Потери наиболее велики в восточных холмах, где было уничтожено 5,06% местного населения, далее идут западные холмы (3,25%), горы (1,74%) и центральная часть равнины (0,51%). Стоит отметить, что в восточных холмах насилие носило преимущественно не-

избирательный характер. Сравнение абсолютного масштаба селективного насилия (количество смертей в отдельно взятой деревне) с его относительным масштабом (количество смертей в отдельно взятой деревне в сопоставлении с числом проживающих в ней людей) установленной нами закономерности не меняет (рисунки 9.5 и 9.6)³²⁷.

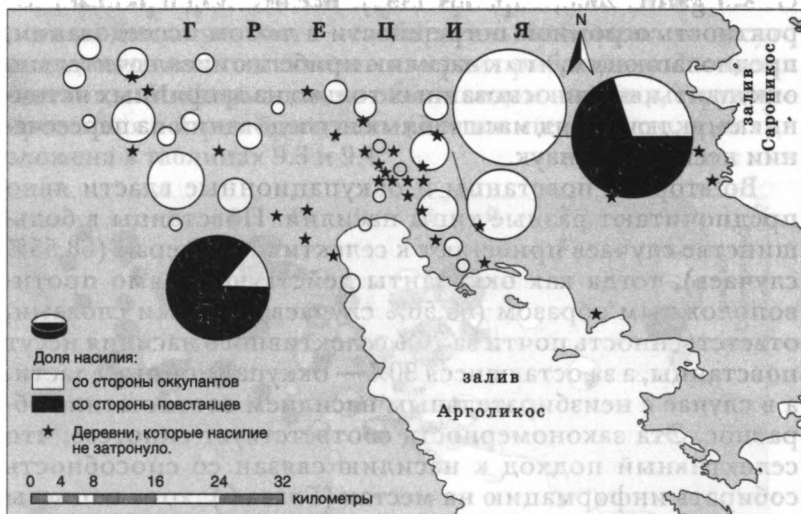

Рисунок 9.4. Географическое распространение неизбирательного насилия, сентябрь 1943 — сентябрь 1944 гг. На секторных диаграммах белым цветом показана доля насилия со стороны оккупантов, черным — со стороны повстанцев; звездами отмечены деревни, которые насиле не затронуло.

Оккупационные власти применяли насилие в основном в центральной части равнины, на ее окраине (там вероят-

³²⁷ В последующем анализе я использую абсолютный, а не относительный масштаб насилия. На то есть веские теоретические основания: вне зависимости от того, живут ли в деревне 300 человек или 1000, эффект от одной смерти будет одинаковым. В любом случае, учитывая, что численность населения от деревни к деревне меняется не сильно ($\mu = 739$, $\sigma^2 = 499.5$), нормализованные расчёты будут близки к абсолютным.

ность насилия с их стороны, а не со стороны повстанцев была на 35% выше) и на восточных холмах, тогда как повстанцы применяли карательные меры в основном на востоке равнины и в западных холмах (там вероятность насилия с их стороны была на 57% выше, чем со стороны немцев). В горных деревнях обе стороны убивали примерно с равной частотой. Если исходить из тезиса, что равнина находилась под контролем оккупантов, партизаны укрепились в горах, а холмы были оспариваемой территорией (что, в принципе, верно), можно предположить, что насилие концентрируется именно в тех зонах, за которые ведется борьба, тогда как на своей территории и повстанцы, и оккупанты применяют его не столь широко (хотя по-прежнему в значительном объеме). Однако подобная географическая интерпретация статистики была бы неверной, потому что большинство аналитиков не учитывают степень контроля каждой из сторон над своими владениями и потому неспособны точно отслеживать смены власти на местах. Иначе говоря, хотя иногда зоны контроля и соответствуют вышеупомянутым географическим зонам, с течением времени степень контроля над каждым отдельным населенным пунктом менялась и в горах, и на равнине. По сути, большая часть насилия со стороны оккупантов на равнинах приходится на те территории, где их власть была не особенно прочна; то же самое относится и к повстанцам. Если смотреть только на совокупную статистику, то этот факт можно проглядеть. Введение степени контроля в исследование сводит на нет эффект географических переменных, таких, как высота над уровнем моря и расстояние между деревней и ближайшим городом (их мы еще затронем).

Если исходить из географического распространения насилия, его концентрацию в определенных регионах хочется объяснить либо довоенным политическим настроением соответствующих деревень, либо иными местными особенностями, не учтенными в ходе исследования и положившими начало конфликтам. Однако при всей кажущейся привлекательности оба объяснения критики не выдерживают. Во-первых, никакой связи между масштабом насилия и довоенным политическим настроением не существует: в тех деревнях, где до войны голосовали за либералов, вероятность насилия была такой же, как и в тех населенных пунктах, которые голосовали за

монархистов³²⁸. Во-вторых, в точках концентрации насилия карательные меры носили в основном неизбирательный характер, а представить себе достаточно логичную связь между довоенными конфликтами на местах и рейдами оккупантов затруднительно. С другой стороны, конфликты довоенного периода вполне могли сказаться на селективном насилии. В случае с Грецией проследить их развитие и роль личных связей в действиях той или иной администрации можно с помощью судебных архивов, где содержится статистика по числу местных тяжб. Это побудило меня составить индекс количества судебных процессов по каждой деревне, который строится на соотношении числа гражданских процессов с участием хотя бы одного жителя деревни ($N = 2,813$) в 1935–1939 гг. с общей численностью ее населения. Эта идея пришла мне во время бесед с местными жителями: когда я спрашивал, отличалась ли та или иная деревня обилием местных конфликтов, мне обычно отвечали, что ее жители «постоянно таскают друг друга по судам» или «проводят много времени в суде». По сути, в посвященной Греции этнографической литературе подчеркивается и роль судебных процессов как наиболее распространенного способа урегулирования конфликтов (du Boulay 1974: 178), так и всеобъемлющая роль юристов в греческой сельской местности, где они не только представляли интересы клиентов в суде и предоставляли юридические консультации, но еще и служили посредниками между крестьянами и государством (Campbell 1974: 242)³²⁹. Таким образом, не вызывает удивления тот факт, что в Арголиде доступ к судам имели не только самые зажиточные или даже просто обеспеченные крестьяне, что подчеркивает и высокое количество судебных процессов³³⁰.

³²⁸ Я исходил из результатов голосования на выборах 1933 г., принимая выбор большинства за показатель политических настроений в отдельной взятой деревне. Так как голосование проходило не во всех деревнях, установить точную статистику невозможно, и на совершенство такая оценка не претендует.

³²⁹ Согласно дю Буле (du Boulay 1974: 178), жители Амбели обращались к суду настолько часто, что «за ними закрепилась репутация людей, которые тратят все свои деньги и время на судебные процессы», тогда как кочевые пастухи Саракацани, которых изучал Кэмпбелл (Campbell 1974: 245), «фигурировали в слишком большом числе дел».

³³⁰ Стоит отметить, что в более бедных и горных деревнях судебных процессов было меньше, но с точки зрения статистики это особой

ТАБЛИЦА 9.3
Селективное насилие — число убийств

	Оккупанты				Повстанцы			
	Период 1	Период 2	Период 3	Период 4	Период 1	Период 2	Период 3	Период 4
Равнина — внутренняя часть	0	10	7	0	13	0	0	1
Равнина — внешняя часть	9	12	7	0	9	3	6	0
Восточная равнина	0	5	4	2	3	0	0	18
Восточные холмы	0	18	5	0	0	0	7	51
Западные холмы	0	7	5	0	1	36	37	0
Горы	0	1	14	5	1	13	46	0
В целом	9	53	42	7	37	52	96	70

роли не играет. Можно допустить, что в бедных деревнях услугами судов пользовались только обеспеченные крестьяне, но и изученные мной документы, и беседы с местными жителями указывают на обратное. В анализ регрессии количества судебных исков я включил независимую переменную, которая сопоставляет уровень контроля с объемом довоенного делопроизводства, тем самым желая проверить гипотезу, что довоенные конфликты могли увеличить размах насилия только на определенном уровне контроля. Эта гипотеза подтверждается в двух из четырех временных периодов: в первом и в особенности в четвертом их воздействие оказывается статистически значимым и оказывает ярко выраженное влияние на насилие, в то же время повышая эффективность контроля. Во втором и третьем периодах подобного эффекта не наблюдается. Таким образом, можно предположить, что местные конфликты могут сказаться на масштабе применения карательных мер только при определенных условиях, зависящих от местных факторов.

ТАБЛИЦА 9.4
 Неизбирательное насилие — число убийств

	Оккупанты				Повстанцы			
	Период 1	Период 2	Период 3	Период 4	Период 1	Период 2	Период 3	Период 4
Равнина — внутренняя часть	0	0	2	1	0	0	0	0
Равнина — внешняя часть	6	21	2	1	0	0	0	0
Западные холмы	5	138	0	0	0	0	0	62
Восточные холмы	9	9	0	0	0	0	0	55
Восточная равнина	0	0	0	0	0	0	0	0
Горы	0	22	26	0	0	0	0	0
В целом	20	190	30	2	0	0	0	117

Однако в ходе изучения индекса никакой связи между числом довоенных судебных исков и объемом селективного насилия выявлено не было. Более того, во время войны в деревнях с самым высоким числом судебных процессов на человека (восточная равнина) масштаб применения селективного насилия был один из самых малых, а деревни с наименьшим числом потенциальных внутренних конфликтов (западные холмы) пострадали от него сильнее всего. В деревнях центральной и окраинной части равнины статистика по судебным процессам была приблизительно одинаковая, но размах карательных мер в этих зонах отличается. Ожидания оправдывают только деревни, расположенные на восточных холмах (таблица 9.5). Более того, объем довоенного судопроизводства нельзя использовать даже при прогнозировании размаха селективного насилия в рамках одной деревни. Многомерные тесты, о которых речь пойдет несколько позже, тоже показывают, что эта переменная особой роли не играет.

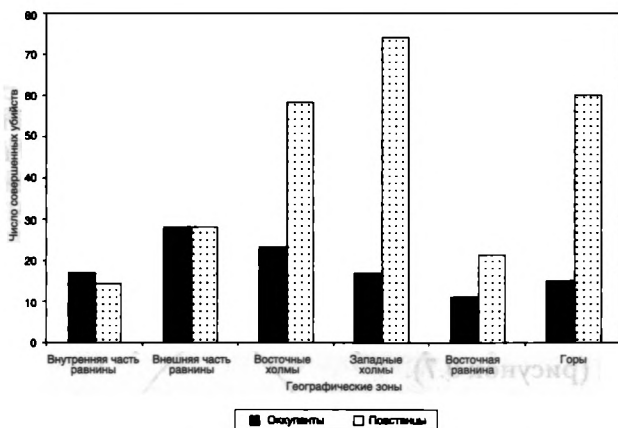

Рисунок 9.5. Категоризация селективного насилия по исполнителю и географическому расположению. Черным обозначено число убийств, совершенных оккупантами, белым — повстанцами, географические зоны, слева направо: внутренняя часть равнины, внешняя часть равнины, восточные холмы, западные холмы, восточная равнина, горы.

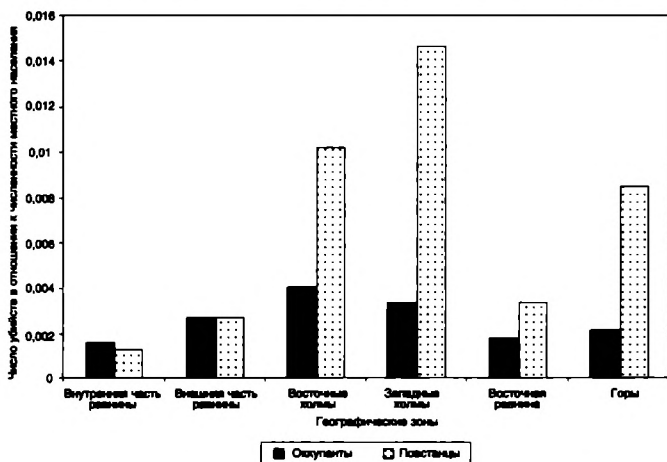

Рисунок 9.6. Категоризация селективного насилия по исполнителю и географическому расположению (нормализованное). Черным обозначено число убийств в отношении к численности местного населения, совершенных оккупантами, белым — повстанцами. Географические зоны, слева направо: внутренняя часть равнины, внешняя часть равнины, восточные холмы, западные холмы, восточная равнина, горы.

Наконец, я обращаюсь к вопросу временных рамок. В общем и целом картина здесь вырисовывается следующая: набирает обороты насилие медленно, после чего следует резкий всплеск, и заканчивается все умеренным спадом. Среди всех четырех периодов максимум насилия приходится на второй (40,69% всех случаев), за ним идут четвертый (27,03%), третий (23,17%) и первый (9,10%). Что же касается исполнителей, то объем неизбирательного насилия со стороны оккупантов уменьшается, начиная со второго периода, тогда как повстанцы применяют самые масштабные карательные меры преимущественно во время четвертого периода (рисунок 9.7).

ТАБЛИЦА 9.5
Конфликтный потенциал и насилие в гражданскую войну

	Общее число убийств	Число селективных убийств	Число селективных убийств в отношении к численности населения	Индекс довоенного делопроизводства (число поданных исков в отношении к численности населения)
Равнина — внутренняя часть	34	31	0,29	0,06
Равнина — внешняя часть	86	56	0,54	0,06
Восточные холмы	286	81	1,42	0,08
Западные холмы	164	91	1,81	0,03
Восточная равнина	32	32	0,51	0,09
Горы	123	75	1,06	0,05

Как и ранее указывалось, в том, что касается неизбирательного насилия, теоретические ожидания в общем и целом совпадают с реальностью. В то же время готовность нацистов прибегать к неизбирательным карательным мерам основана в том числе и на переменных, которые теория не учитывает:

специфика их идеологии, слабость направленного в Грецию корпуса войск и тот факт, что сама оккупация была частью намного более глобального военного противостояния. Оценка независимой роли этих факторов подразумевает сравнительный анализ обстановки в нескольких странах. Тем не менее переход Германии к более селективному насилию подтверждает значимость динамики нерегулярной войны относительно более глобальных факторов при принятии подобных решений.

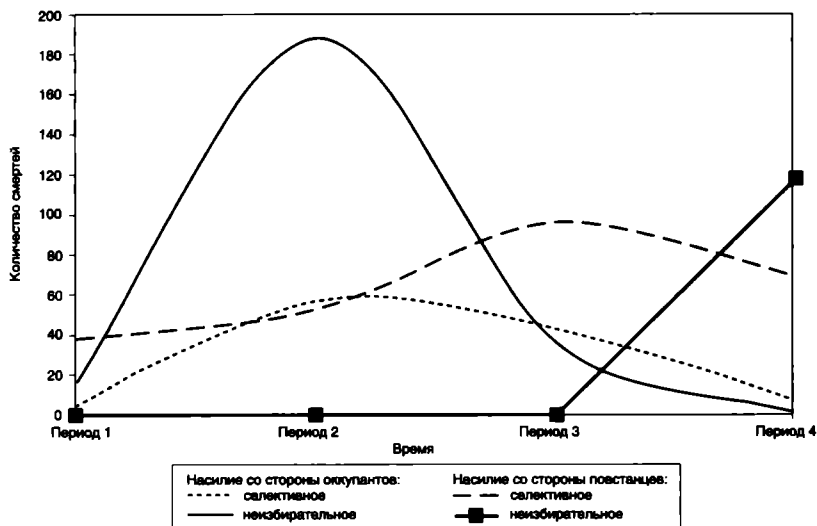

Рисунок 9.7. Объем применения насилия обоих видов в течение изучаемого временного отрезка.

На графике: ось x — время: период 1, период 2, период 3, период 4; ось y — количество смертей. Легенда, слева направо, сверху вниз: селективное насилие со стороны оккупантов, неизбирательное насилие со стороны оккупантов, селективное насилие со стороны повстанцев, неизбирательное насилие со стороны повстанцев.

Что же касается зон контроля, здесь прослеживаются следующие тенденции: целями неизбирательного насилия со стороны оккупантов чаще всего становились поселения, расположенные в зоне 4. Однако с точки зрения масштаба

карательных мер большая часть жертв неизбирательного насилия со стороны немцев приходится на деревни, расположенные в зоне 5, то есть в глубоком тылу повстанческих территорий (рисунок 9.8). Иными словами, масштабные бои были куда вероятней в зоне 5, тогда как при рейдах на деревни, расположенные в других областях, смертей было намного меньше. По сути, как показывают исследования, большинство и без того немногочисленных смертей в ходе неизбирательной жестокости в зонах 1, 2 и 3 произошло по случайности или из-за ошибки. Такая статистика подтверждает Гипотезу 3, согласно которой к неизбирательному насилию сторона склонна прибегать там, где ее позиция не отличается особой прочностью. Наконец, в соответствии с Гипотезой 1 (согласно которой та сторона, которая изначально предпочитает неизбирательное насилие, со временем перейдет к селективному), со временем оккупационные власти отказываются от неизбирательного насилия в пользу более селективных карательных мер: в первом периоде 69%

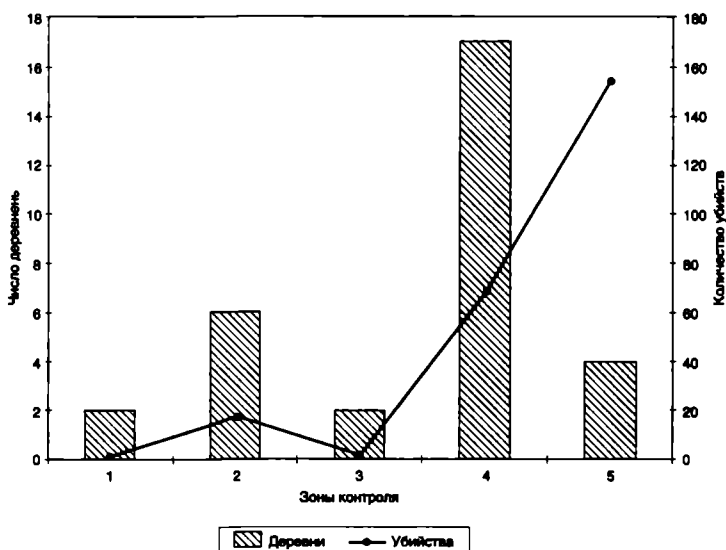

Рисунок 9.8. Частота и масштаб применения оккупантами неизбирательного насилия. Легенда: Villages — число деревень (отображаются столбцами), ось x — зоны контроля, Homicides — количество убийств (отображается ломаной линией).

насилия с их стороны носит неизбирательный характер, во втором доля неизбирательного насилия поднимается до 78%, но в третьем падает до 42%, а в четвертом — до 22%. Повстанцы же, которые к неизбирательному насилию не прибегали на протяжении первых трех периодов войны, в четвертом пользовались селективными мерами только в 37% случаев. Этот всплеск неизбирательного насилия ближе к окончанию военных действий не соответствует моим теоретическим прогнозам и указывает на механизмы, которые теория имплицитно не учитывает, как то чувство мести (к которому я еще вернусь) или политические соображения (истребление вооруженных противников в свете грядущих послевоенных изменений на политической сцене).

ТАБЛИЦА 9.6

Средние уровни контроля (скопление населенных пунктов/период)

	Период 1	Период 2	Период 3	Период 4	Средний счет по скоплению населенных пунктов
Равнина — внутренняя часть	3,00	2,00	1,00	3,00	2,00
Равнина — внешняя часть	3,73	2,47	1,60	2,47	2,60
Восточная равнина	3,86	2,00	1,00	2,29	2,29
Восточные холмы	4,80	2,00	1,83	4,00	2,88
Западные холмы	5,00	3,67	2,83	1,00	3,83
Горы	5,00	4,71	3,42	4,60	4,38
Средний уровень контроля за период ^a	4,06	2,89	1,98	3,12	

a — вычисляется на основе значения показателя в каждой отдельной деревне, а не по всему скоплению населенных пунктов.

9.7. КОНТРОЛЬ: ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

Мне удалось кодифицировать изменчивые уровни контроля в Арголиде, используя информацию о точном расположении обеих армий из нескольких источников (протокол кодификации входит в Приложение В). В таблице 9.6 приведена информация о среднем уровне контроля по каждой из групп деревень на протяжении четырех периодов.

Развитие конфликта в Арголиде может быть отображено с помощью всего одного показателя, среднего уровня контроля по региону в течение каждого периода. Индекс контроля в каждой отдельно взятой местности может варьироваться от 1 (если она находится под полным контролем оккупантов) до 5 (полный контроль повстанцев). В первом периоде большая часть региона находилась под властью повстанцев (средний показатель контроля равнялся 4,06), во втором периоде оккупанты провели успешное контрнаступление (средний показатель контроля: 2,89), в третьем укрепили свои позиции еще сильнее (средний показатель контроля: 1,98), но в четвертом начали отступать, сохраняя власть над равнинами (средний показатель контроля: 3,12). После того, как немцы в сентябре 1944 г. закончили вывод войск, а их

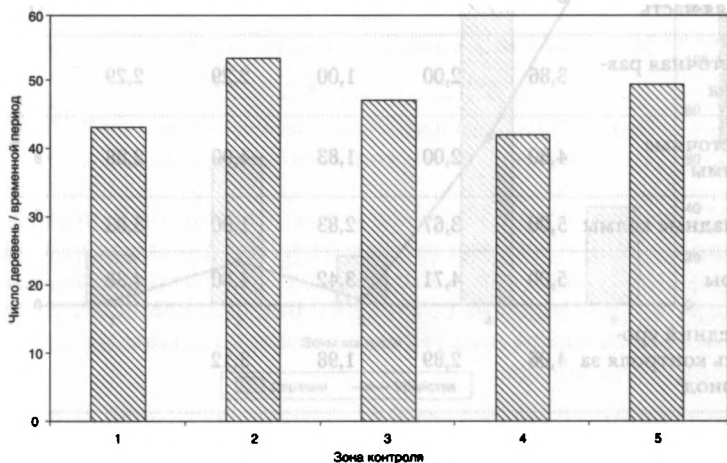

Рисунок 9.9. Распределение контроля по Арголиде.

Ось x — зона контроля, ось y — число деревень/временной период.

союзники либо сложили оружие, либо покинули префектуру, средний показатель контроля поднялся до 5.

Влияние ландшафта на зоны контроля очевидно: власть оккупантов была куда сильнее в равнинных регионах, тогда как повстанцы были куда сильнее на возвышенностях. Что любопытно, многие из моих собеседников даже называли оккупантов «нижними» (греч. *kato*), а повстанцев — верхними (греч. *pano*). Однако чисто географическая интерпретация статистики, делающая акцент на «труднодоступные области» и игнорирующая прочие факторы, не будет учитывать временные изменения в осуществлении контроля и потому приведет к погрешности в исследовании. Арголида стала отличным полигоном для испытания нашей теории, потому что статистика по разным зонам контроля различается не сильно (рисунок 9.9)³³¹.

Сегодня есть возможность измерить и закономерности в переходе зон из-под контроля одной стороны во власть другой (таблица 9.7; курсив обозначает деревни, остававшиеся в той же зоне контроля)³³². Из дискуссии о связи между контролем и насилием эмпирически следует, что зоны 2 и 4 можно назвать переходными зонами, в которых контроль консолидируется «эндогенным образом»: с началом применения селективного насилия при предполагаемом отсутствии экзогенных перемен деревни в этих зонах должны перемещаться в зону 1 или 5. В то же время смена власти в деревнях, расположенных в зонах 1, 3 и 5, должна быть вызвана мощным экзогенным вмешательством, как, например, начало новой военной операции.

Как оказалось, деревни, которые в тот или иной период контролировались оккупантами (зона 1), в ходе следующего периода могли с почти одинаковой вероятностью либо перейти в зону 3 (48,39%), либо остаться в первой (38,71%); массовый переход в зону 3 отражает постепенный вывод немецких войск в четвертом периоде: оккупантам хватило сил поддерживать постоянное присутствие на большей ча-

³³¹ Разумеется, теоретические прогнозы не зависят от частоты изменений в отдельных зонах контроля.

³³² Так как послевоенный период в исследование не входит, его я в статистику не включаю, остановившись на том моменте, когда все деревни переходят под контроль повстанцев (зона 5).

сти равнины, но предотвращать регулярные ночные рейды повстанцев у них не получалось. В деревнях, которые находились под контролем повстанцев, обнаруживается схожая закономерность: они во власти коммунистов оставались реже, и во многих областях эта власть ослабевала из-за деятельности оккупационных войск (50% перешли в зону 4 и 28,95% остались в зоне 5). Деревни, которые стороны контролировали «совместно» (зона 3), в большинстве своем переходили в зону 2 (91,67%), что опять же отражает наступление немецких войск и ополченцев-коллораборационистов на территории повстанцев во втором периоде. С деревнями из зоны значительного, но не полного контроля (2 и 4) происходило нечто любопытное. Как и следовало ожидать, более половины деревень в зоне 2 в следующем периоде перешли в зону 1 (57,41%); 12,96% остались в зоне 2, а 18,81% перешли в зону 3. С другой стороны, из зоны 4 в зону 5 перешло всего 22,86% деревень; 14,29% оставались в зоне 4, а 40% (!) переместились в зону 2.

ТАБЛИЦА 9.7
Переходы из зон контроля

	Из зоны				
	1	2	3	4	5
В зону					
1	38,71%	57,41%	0,00%	0,00%	0,00%
2	0,00%	12,96%	91,67%	40,00%	21,05%
3	48,39%	14,81%	4,17%	5,71%	0,00%
4	9,68%	7,41%	0,00%	14,29%	50,00%
5	3,23%	1,85%	4,17%	22,86%	28,95%
0	0,00%	5,56%	0,00%	17,14%	0,00%

Этим закономерностям можно подвести следующий итог. Во-первых, переходов с одного конца шкалы контроля на другой (из зоны 1 в зону 5 или из зоны 5 в зону 1) практически не бывает. Очевидно, что процесс перехода от одного правительства к другому идет постепенно, продолжается долгое время и может сопровождаться насилием. Во-вто-

рых, процесс «эндогенной» консолидации власти (переход из зоны 2 в зону 1 или из зоны 4 в зону 5) случается реже, чем можно было бы ожидать (и выражается куда более ярко в случае оккупантов, а не повстанцев). Эта закономерность отражает особую расстановку сил в регионе, в частности, летнее наступление нацистов, в результате которого повстанцам пришлось отступить, а оккупанты смогли закрепиться на занятой территории. С этой тенденцией связана нестабильность зоны 3: из нее большинство деревень переходит в зону 2. Наконец, кажется, что селективное насилие более эффективно в случае с оккупантами, а не повстанцами: им удавалось консолидировать свое правление более успешно (57,41% деревень из зоны 2 переходит в зону 1), тогда как повстанцам схожих результатов добиваться не удавалось, и в результате применения насилия они потеряли большую часть контролируемых деревень (40% деревень из зоны 4 переходит в зону 2 против 22,86%, которые перемещаются в зону 5).

Эта разница подчеркивает значимость экзогенных воздействий, то есть военной стороны конфликта летом 1944 г., с точки зрения контроля. Продвигаясь глубже в горные регионы, немцы и коллаборационисты отбивали у повстанцев деревню за деревней и на этих новых территориях успешно консолидировали свою власть. В то же время повстанцы сражались в боях, которые в итоге оказались арьергардными: насилие давало эффект лишь тогда, когда оккупанты не продолжали наступление, а в противном случае остановить их продвижение с помощью селективных карательных мер было невозможно — и когда повстанцы теряли контроль над очередным населенным пунктом, к селективному насилию прибегали уже оккупанты, стремящиеся там утвердиться. Иными словами, укрепить контроль над территорией с помощью селективного насилия можно лишь тогда, когда противник не оспаривает принадлежность этой территории напрямую военными методами. Военный захват территории сводит на нет эффект используемого противоположной стороной в стратегических целях насилия. Однако многим высокопоставленным военным доводилось сталкиваться с такой проблемой, как ограниченность в ресурсах. Стоило немцам вывести войска из той или иной области, как повстанцы тут же возвращались, укрепляя свою власть как за счет предыдущих актов насилия, так и за счет самого

факта немецкого отступления. Пример Арголиды наглядно показывает, что, как мы уже указывали в Главе 5, иррегулярная война требует разумного сочетания непосредственных военных действий и селективных карательных мер. При распределении своих небольших ресурсов командование должно проявлять смекалку: решения о том, какие позиции и когда войска должны занимать для максимальной эффективности кампании и какие стратегические коридоры необходимо заблокировать, играют огромную роль. Следовательно, концепт «способности выполнять функции правительства», используемый в ряде посвященных гражданским войнам в различных странах исследований и измеряемый, как правило, на основе размера ВВП в отношении численности населения (Fearon, Laitin 2003), стоит признать излишне грубым способом измерить динамику войны, так как он не учитывает тонкого искусства использования ограниченных военных ресурсов.

9.8. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ

Самый простой способ проверить достоверность теории селективного насилия — это сравнить сделанные на основе ее прогнозы с имеющимися данными. Здесь стоит особенно отметить значимость переменной контроля, которая явно ослабляет взаимоотношения между географией и насилием. На рисунке 9.10 прослеживается связь между уровнем контроля и применением селективного насилия, выявить которую при сугубо географическом подходе было бы невозможно. Большинство убийств со стороны повстанцев приходится на зону 4, со стороны оккупационных властей — на зону 2, тогда как в зонах 1, 3 и 5 насилие применяется далеко не столь широко; ответственность за большинство селективных карательных мер в зонах 1 и 5 несут, соответственно, оккупанты и повстанцы. Вызывает любопытство тот факт, что в зоне 3 к насилию прибегают исключительно повстанцы. Представить связь между контролем и насилием можно и по-другому — см. рисунок 9.11, на котором показано распределение насилия по зонам контроля и который предназначен для сопоставления с рисунком 7.6, где изображены наши теоретические прогнозы.

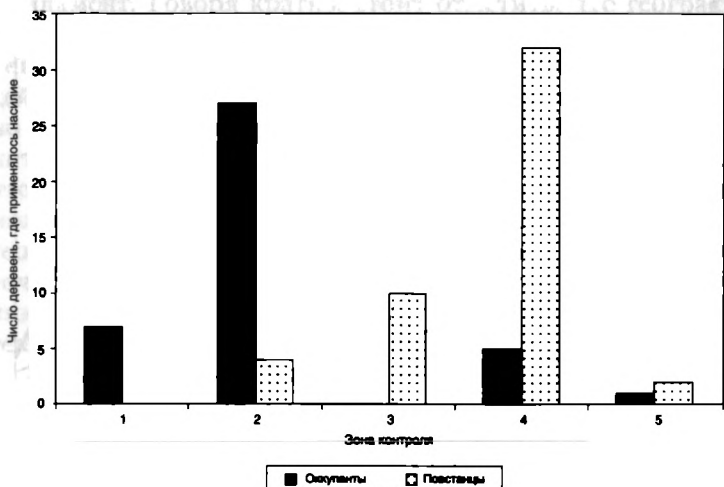

Рисунок 9.10.— Селективное насилие в пяти зонах контроля.

Ось x — зона контроля, ось y — число деревень, где применялось насилие, черным обозначено насилие со стороны оккупационных властей, белым — со стороны повстанцев.

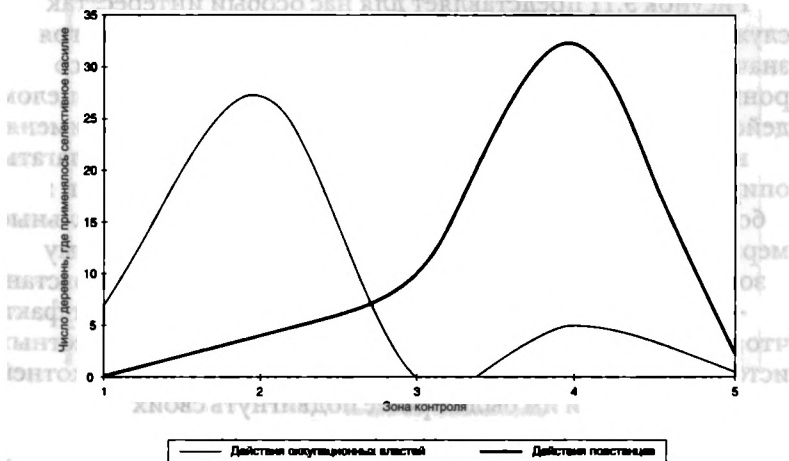

Рисунок 9.11. Распределение селективного насилия по зонам контроля.

Ось x — зона контроля, ось y — число деревень, где применялось селективное насилие, тонкой линией обозначены действия оккупационных властей, жирной — повстанцев.

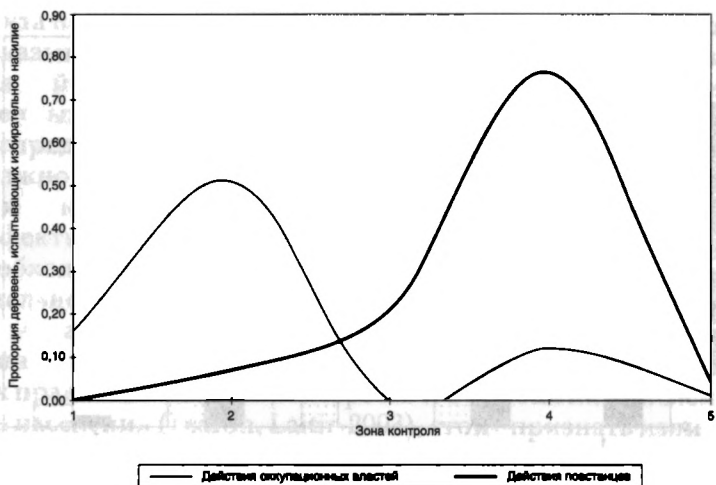

Рисунок 9.12. Пропорциональное распределение насилия по зонам контроля. Ось x — зона контроля, ось y — пропорция деревень, где применялось селективное насилие, тонкой линией обозначены действия оккупационных властей, жирной — повстанцев.

Рисунок 9.11 представляет для нас особый интерес, так как служит наглядным подтверждением того, что, несмотря на значительные различия между применением насилия со стороны оккупационных властей и повстанцев, в общем и целом действуют они схожим образом. В зоне 2 оккупанты применяют насилие не столь широко, как мы могли бы предполагать, опираясь на теорию, тогда как повстанцы действуют в зоне 4 более жестко, чем можно было ожидать; их карательные меры затрагивают и несколько деревень из зоны 3. К тому же, в зоне 1 оккупанты применяют насилие чаще, чем повстанцы — в зоне 5. Подобные закономерности отражают тот факт, что повстанцам было проще добывать сведения из местных источников, их угрозам верили более охотно, с ними охотней шли на контакт, и им было проще подвигнуть своих сторонников на действия, призванные помочь избежать риска. Все это соответствует сущностям основных игроков — оккупационных властей и местных сил сопротивления. Оккупационные власти были представлены преимущественно иностранцами, и немногочисленные связи в Греции у них появились с запозданием, тогда как повстанцам удалось выстроить мощный социальный

фундамент. Говоря кратко, стоит отметить, что географическое распространение насилия отражает те факторы, которые неявно в теорию не включены (например, сущность основных действующих в регионе сил, их организацию и идеологию), но все же фундаментальная логика насилия в нашей теории интерпретирована в целом верно. Это ведет к предположению, что с помощью теории отличительные черты вооруженных сил можно отнести к тем или иным группам. Иными словами, если теория политических действующих сил может внести больше точности в прогноз, основанный на теории селективного насилия, то теория селективного насилия является необходимым условием для любой теории политических действующих сил.

На рисунке 9.12 распространение нормализуется за счет включения пропорции деревень в исследуемой зоне контроля, подвергнувшихся селективному насилию; результаты от этого не меняются. Общее совпадение прогнозов на основе теории и результата эмпирических исследований можно проследить на рисунках 9.13 и 9.14. Хотя о полном соответствии говорить нельзя, в общем и целом прогнозы с выявленными ранее закономерностями совпадают. Наконец, на рисун-

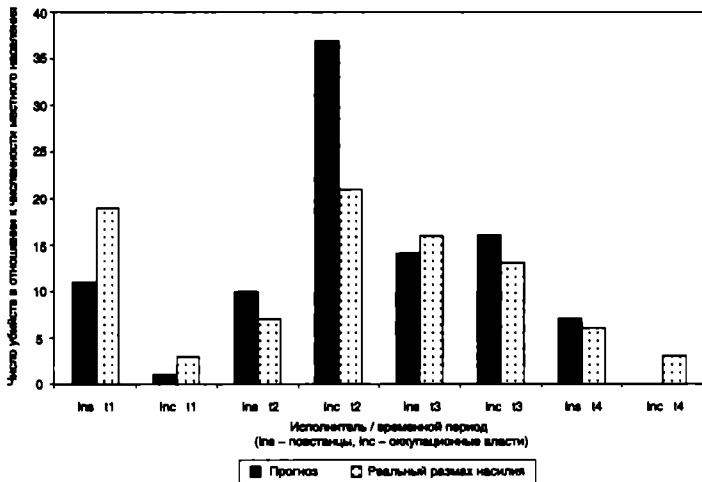

Рисунок 9.13. Сравнение прогнозов и результатов исследования: насилие.

Ось x — исполнитель/временной период (Ins — повстанцы, Inc — оккупационные власти); ось y — число деревень/временной период. Черным цветом обозначен прогноз, белым — реальный размах насилия.

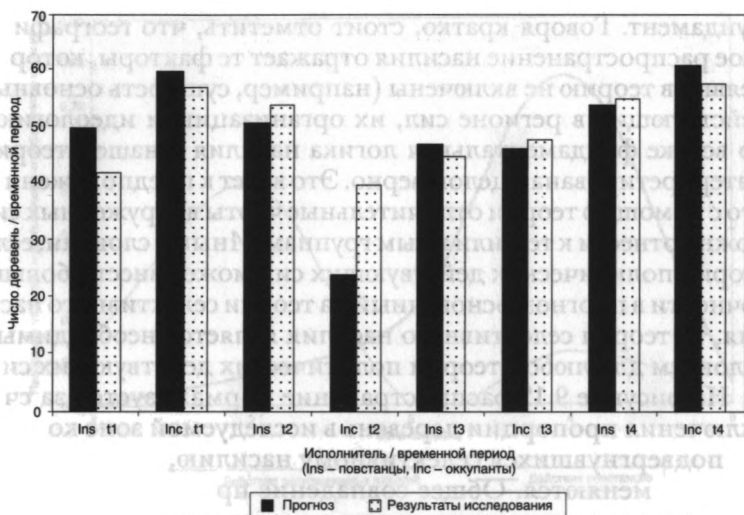

Рисунок 9.14. Сравнение прогнозов и результатов исследования: ненасилие. Ось x — исполнитель/временной период (Ins — повстанцы, Inc — оккупанты); ось y — число деревень/временной период. Черным цветом обозначен прогноз, белым — результаты исследования.

ках 9.15–9.18 соотношение контроля и насилия за все четыре периода изображено относительно карты Арголиды.

Если большинство предыдущих тестов были бивариантными, то теперь я перейду к мультивариантной модели, чтобы проверить влияние контроля на селективное насилие путем учета ряда других факторов. Чтобы избежать опасений касательно возможной эндогенности контроля по отношению к насилию, я разделил войну на четыре периода, тем самым положив начало 244 наблюдениям по деревням относительно периода времени; затем по каждому из четырех периодов я провел обратное исследование³³³. Эта периодизация основана на значительных экзогенных переменных в контроле: так, наступление оккупантов на внешнюю часть равнины и холмы в конце мая 1944 г. означает начало второго периода. Начало каждого периода привязано к конкретной дате. Новый пери-

³³³ Это предполагает, что периоды друг от друга не зависят, что не всегда соответствует действительности. Данный вопрос я рассматриваю в разделе о неверных прогнозах.

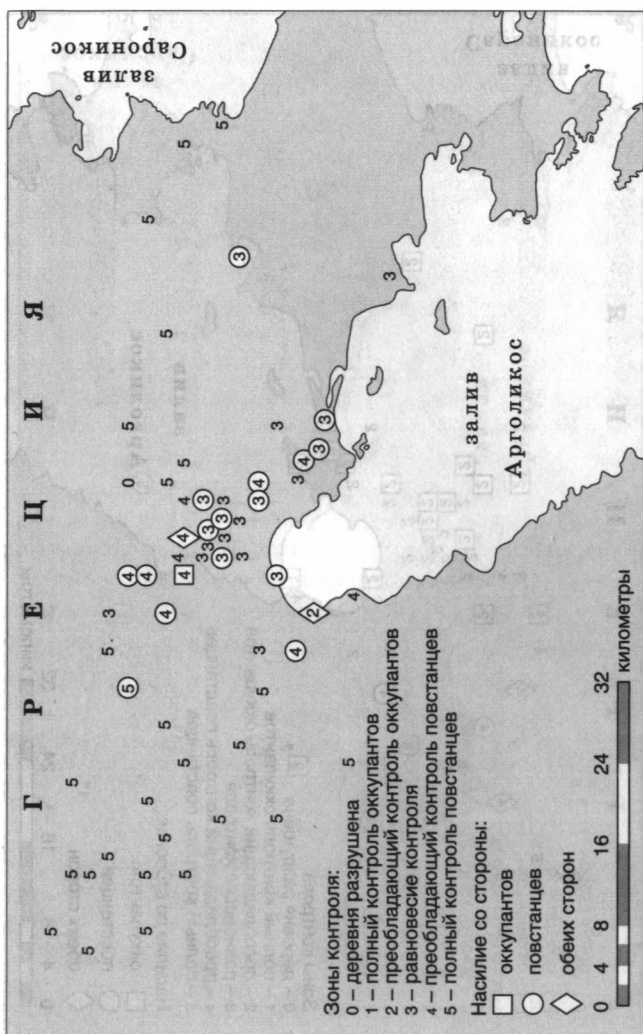

Рисунок 9.15. Насилие и контроль:

сентябрь 1943 г. — 15 мая 1944 г. (период 1), Арголида, Греция.

Зоны контроля: 0 — деревня разрушена, 1 — полный контроль оккупантов, 2 — преобладающий контроль оккупантов, 3 — равновесие контроля, 4 — преобладающий контроль повстанцев, 5 — полный контроль повстанцев. Квадратом обозначено насилие со стороны оккупационных властей, кругом — повстанцев, а ромбом — обеих сторон.

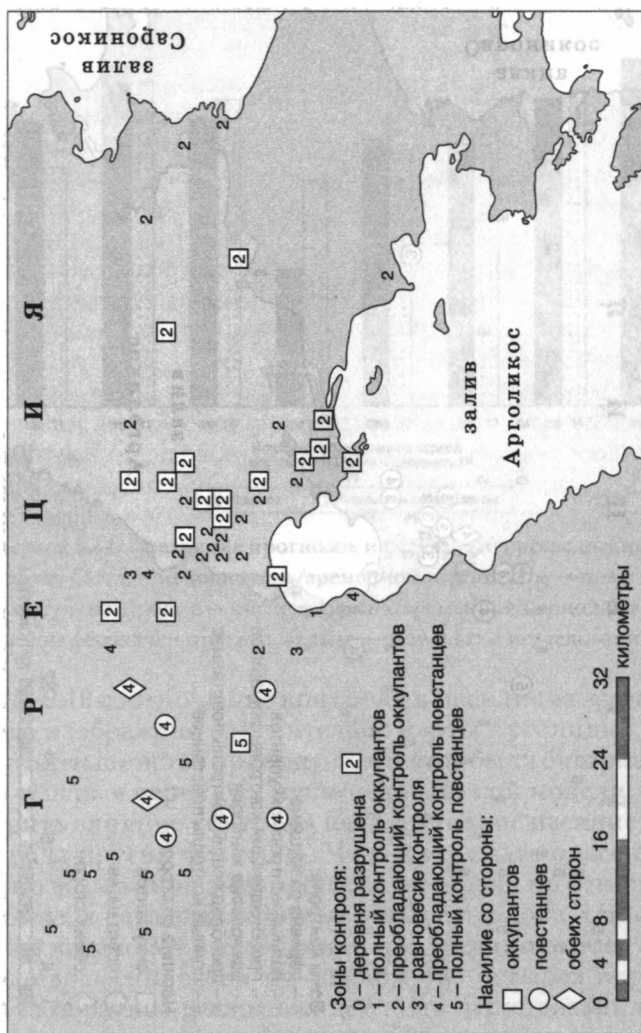

Рисунок 9.16. Насилие и контроль:

15 мая 1944 г. — 30 июня 1944 г. (период 2), Арголида, Греция.

Зоны контроля: 0 — деревня разрушена, 1 — полный контроль оккупантов, 2 — преобладающий контроль оккупантов, 3 — равновесие контроля, 4 — преобладающий контроль повстанцев, 5 — полный контроль повстанцев. Квадратом обозначено насилие со стороны оккупантов, кругом — повстанцев, а ромбом — обеих сторон.

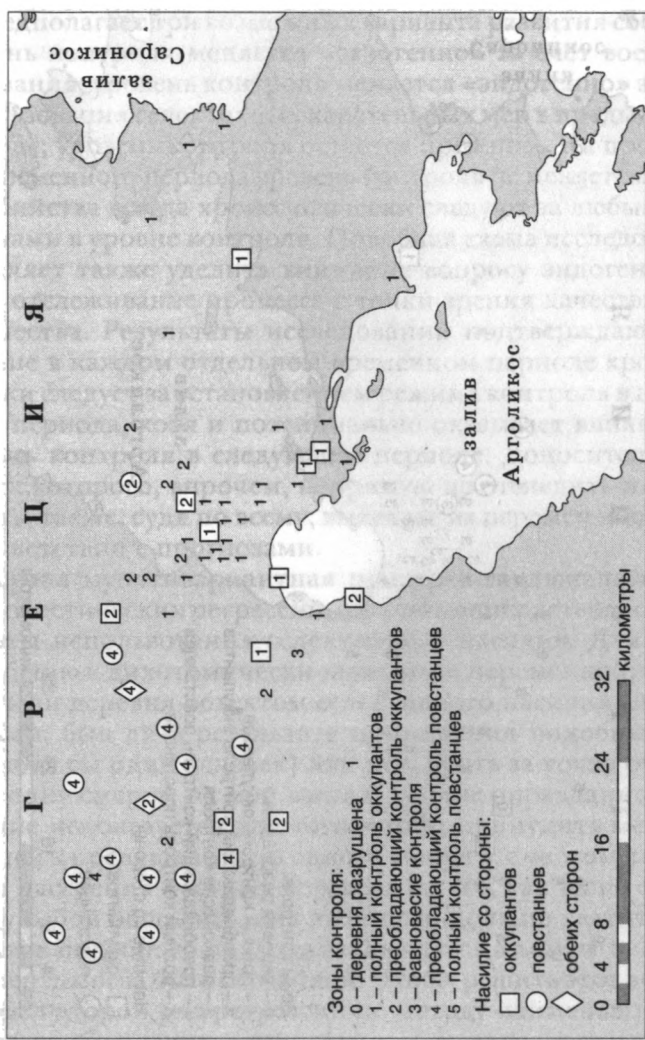

Рисунок 9.17. Насилие и контроль: 1 июля 1944 г. — 1 августа 1944 г. (период 3), Аргоида, Греция.

Зоны контроля: 0 — деревня разрушена, 1 — полный контроль оккупантов, 2 — преобладающий контроль оккупантов, 3 — равновесие контроля, 4 — преобладающий контроль повстанцев, 5 — полный контроль повстанцев. Квадратом обозначено насилие со стороны оккупантов, кругом — повстанцев, а ромбом — обеих сторон.

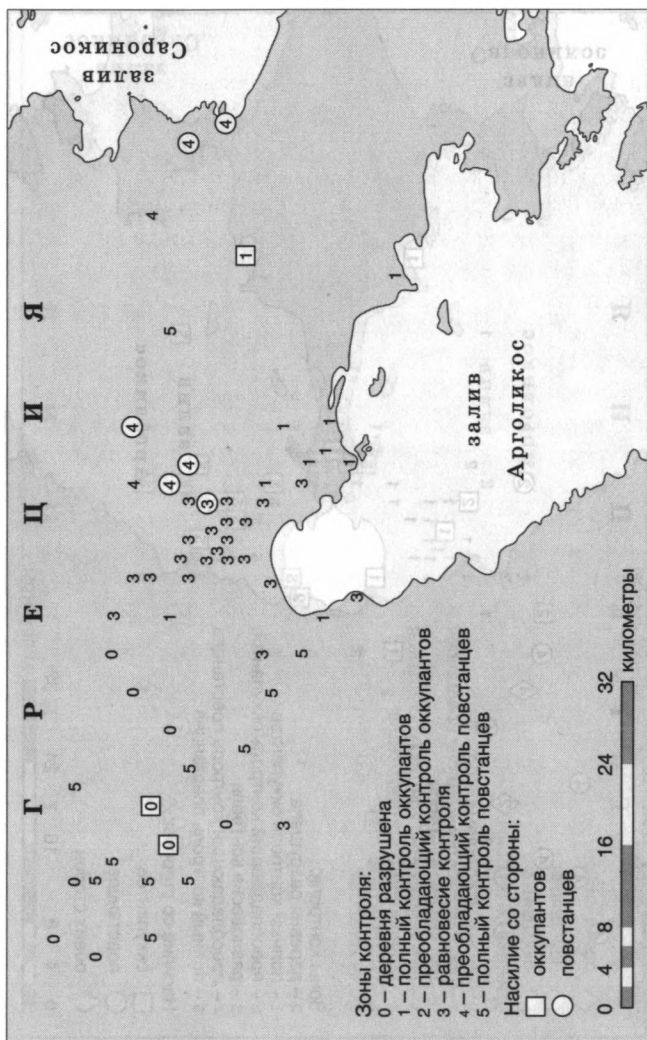

Рисунок 9.18. Насилие и контроль: 1 августа 1944 г. — 1 сентября 1944 г. (период 4), Арголида, Греция.

Зоны контроля: 0 — деревня разрушена, 1 — полный контроль оккупантов, 2 — преобладающий контроль оккупантов, 3 — равновесие контроля, 4 — преобладающий контроль повстанцев, 5 — полный контроль повстанцев. Квадратом обозначено насилие со стороны оккупантов, кругом — повстанцев, а ромбом — обеих сторон.

од предполагает три возможных варианта развития событий: уровень контроля меняется «экзогенно» за счет военного завоевания; уровень контроля меняется «эндогенно» за счет использования селективных карательных мер в предыдущем периоде; уровень контроля остается прежним. На протяжении временного периода уровень контроля не меняется, тогда как убийства всегда хронологически следуют за любыми переменами в уровне контроля. Подобная схема исследования позволяет также уделить внимание вопросу эндогенности через отслеживание процесса с точки зрения качества, а не количества. Результаты исследований подтверждают, что насилие в каждом отдельном временном периоде хронологически следует за установлением режима контроля в начале этого периода, хотя и потенциально оказывает влияние на уровень контроля в следующем периоде. Доносительство, размах которого, впрочем, напрямую не отследить и не измерить, также, судя по всему, вытекает из перемен контроля в соответствии с прогнозами.

Первая мультивариантная проверка заключалась в серии логистических регрессий, оценивающих детерминанты частоты использования селективного насилия. Для этого я прибегаю к дихотомически зависимой переменной: становилась ли деревня объектом селективного насилия (иными словами, был ли в результате применения подобных мер убит хотя бы один человек) или нет. Брать за точку отсчета всего одну смерть, на мой взгляд, вполне оправданно: если насилие используется для того, чтобы принудить местных жителей к послушанию, то одного убитого, с учетом численности населения местных деревень и того, как тесно селяне между собой общались, для этой цели должно хватить. Недостаток подобного подхода заключается в том, что иногда эта смерть могла быть случайной. Чтобы решить этот вопрос, я провел второй ряд регрессий по методу наименьших квадратов, чтобы оценить интенсивность селективного насилия, представив его как количество смертей в отдельно взятой деревне. Оба набора регрессий проводились по четырем временным периодам³³⁴. Главная казуальная переменная —

³³⁴ Провести логистическую оценку второго периода не представлялось возможным из-за проблемы нулевой ячейки (мнимая переменная по контролю идеально прогнозирует провал).

бинарная и равняется 1, когда деревня находится в зоне 2 или 4³³⁵. Переменные контроля включают в себя следующее: численность населения деревни (в соответствии с переписью населения, проведенной в 1940 г.), уровень образования (измеряется по числу детей, посещавших среднюю школу в 1937–1939 гг., в отношении к численности населения), который в вычисления вошел для того, чтобы оценить его возможные эффекты, как положительные, вроде цивилизующего влияния (Elias 1994) или политической умеренности (Raxson 2002), благодаря которым насилие может применяться не столь широко (Gurr 1970), или политического экстремизма (Kueger, Maleckova 2002), способного, наоборот, подстегнуть его размах; высота (над уровнем моря), по которой мы оценим труднодоступную местность, для которой восстания более характерны, что может оказать на насилие положительный эффект (Fearon, Laitin 2003; Tong 1988); расстояние от ближайшего города (в минутах пути, по данным 1940 г.), отражающее способность сторон достигнуть того или иного населенного пункта и эффективно применить в нем карательные меры (Tong 1988); объем делопроизводства (общее число судебных процессов в местных административных и уголовных судах), по которому можно оценить как предрасположенность деревни к конфликтам, так и социальный капитал, способный снизить размах насилия (Varshney 2002); и трехступенчатый ординальный аналог показателя ВВП, призванный оценить обеспеченность населения и стоимость возможностей (Collier et al. 2003)³³⁶. Сводка независимых переменных, использованных в мультивариантных тестах,

³³⁵ Оценивать модели всего насилия я решил для того, чтобы повысить число наблюдений. Интерпретация бинарной переменной по зонам 2 и 4, разумеется, подразумевает, что оккупанты убивали в зоне 2, а повстанцы — в зоне 4, что в подавляющем большинстве случаев соответствует действительности (исключения более подробно рассматриваются в разделе об ошибочных прогнозах). Я также оценил отдельные модели насилия со стороны оккупантов и повстанцев по зонам, соответственно, 2 и 4, и результаты не изменились.

³³⁶ Единственная значимая переменная, включить которую в расчёты у меня не удалось, это политическая поляризация. Увы, чтобы установить ее уровень с точностью до деревни, результаты довоенных выборов не подходят в силу излишне агрегированного характера. Однако вариативности в них было не столь много.

приведена в таблице В.3 в Приложении В. Результаты изложены в таблицах 9.8 и 9.9.

ТАБЛИЦА 9.8
Частота насилия (число деревень, испытавших насилие, в каждом периоде): логистические регрессии

Зависимая переменная: селективное насилие (число убийств)	Период 1	Период 2	Период 3
Зоны контроля 2 и 4 (в зонах 2 и 4 переменная = 1)			
	1,71**	2,25**	4,21***
	(0,85)	(1,22)	(1,27)
	(0,045)	(0,066)	(0,001)
Население (по результатам переписи 1940 г.)			
	0,81*	0,62	0,77
	(0,49)	(0,58)	(0,73)
	(0,094)	(0,290)	(0,290)
Уровень образования (доля учеников средней школы относительно общего населения)			
	0	0,42	0,86
	(0,59)	(0,33)	(0,55)
	(0,997)	(0,212)	(0,111)
Высота (метры)			
	0,035	0,34	0,16
	(0,30)	(0,33)	(0,70)
	(0,905)	(0,295)	(0,813)
Расстояние до ближайшего города (в минутах)			
	-0,95	-0,69	0,62
	(0,76)	(0,83)	(2,09)
	(0,213)	(0,407)	(0,765)

Зависимая переменная: селективное насилие (число убийств)	Период 1	Период 2	Период 3
Социальная напряженность (кол-во судебных процессов в 1935–1939 гг. относительно численности населения)	0,23 (0,034) (0,487)	-0,06 (0,47) (0,897)	0,32 (0,56) (0,560)
Прокси-ВВП (интервальная переменная; самая богатая деревня = 3)	-0,16 (0,61) (0,978)	-0,63 (0,55) (0,251)	0,15 (0,55) (0,863)
Константа	-1,22 (4,76) (0,797)	-2,66 (4,24) (0,530)	0,230 (9,64) (0,88)
Наблюдения	61	61	61
R в квадрате	0,210	0,266	0,378
Prob > chi ²	0,151	0,030	0,001

Примечание: в скобках даны стандартные ошибки и значения p .
* $p < 0.10$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$ (двусторонний критерий).

ТАБЛИЦА 9.9
Интенсивность насилия (число убийств в каждом периоде):
регрессии по методу наименьших квадратов

Зависимая переменная: селективное насилие (число убийств)	Период 1	Период 2	Период 3	Период 4
Зоны контроля 2 и 4 (в зонах 2 и 4 переменная = 1)	1,29* (0,66)	3,62*** (1,06)	3,28** (1,39)	10,06*** (3,54)

Зависимая переменная: селективное насилие (число убийств)	Период 1	Период 2	Период 3	Период 4
	(0,056)	(0,001)	(0,022)	(0,006)
Население (по результатам переписи 1940 г.)	0,24	1,28**	1,42*	1,05
	(0,22)	(0,59)	(0,73)	(0,81)
	(0,27)	(0,034)	(0,056)	(0,198)
Уровень образования (доля учеников средней школы относительно общего населения)	-0,11	0,37	0,38	0,52
	(0,21)	(0,52)	(0,42)	(0,46)
	(0,600)	(0,477)	(0,365)	(0,257)
Высота (метры)	-0,22	0,96***	0,63**	0,51
	(0,22)	(0,28)	(0,33)	(0,49)
	(0,335)	(0,001)	(0,044)	(0,298)
Расстояние до ближайшего города (в минутах пути)	0,36	0,36	-1,47*	0,14
	(0,62)	(0,68)	(0,76)	(0,53)
	(0,561)	(0,597)	(0,066)	(0,789)
Социальная напряженность (кол-во судебных процессов в 1935–1939 гг. относительно численности населения)	0,11	-0,67**	-0,47	0,69
	(0,17)	(0,33)	(0,48)	(0,43)
	(0,513)	(0,046)	(0,334)	(0,110)
Прокси-ВВП (интервальная переменная; самая богатая деревня = 3)				

Зависимая переменная: селективное насилие (число убийств)	Период 1	Период 2	Период 3	Период 4
	0,32	-0,09	-1,13**	0,61
	(0,36)	(0,42)	(0,50)	(0,46)
	(0,379)	(0,815)	(0,028)	(0,192)
Константа				
	-2,09	-17,65	-3,46	-9,11
	(2,96)	(6,7)	(5,58)	(7,17)
	(0,485)	(0,011)	(0,538)	(0,209)
Наблюдения	61	61	61	61
R в квадрате	0,265	0,372	0,328	0,543
Prob > chi ²	0,0258	0,0172	0,0062	0,1357

Примечание: в скобках даны стандартные ошибки и значения p .
 * $p < 0.10$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$ (двусторонний критерий).

Оба набора регрессий подтверждают значимость контроля как детерминанты насилия, причем именно в предполагаемом теории направлении³³⁷. Отличный показатель и частоты, и интенсивности насилия — это преобладающий, но не полный контроль над территорией. Остальные же независимые переменные в большинстве своем не показали стабильной значимости, и их коэффициенты с течением времени менялись; редкие исключения оказывались значимыми в определенных периодах и условиях. Эти результаты выдерживают проверку иными обстоятельствами и диагностическими тестами³³⁸.

³³⁷ За исключением модели первого периода в анализе частотности, которая несколько выпадает из интервала значительности ($\text{Prob} > \text{chi}^2 = .151$), все же остальные модели в него попадают.

³³⁸ Я также оценил негативные биномиальные модели и использовал другие комбинации независимых переменных, как зафиксированных, так и нет. К тому же я провел широкую диагностику, чтобы проверить, не повлияли ли на расчеты выбросы (не повлияли). Более того, результаты не зависят и от времени: контроль в одном периоде не означает всплеск насилия в следующем периоде, ни по отдельности,

Вызывает любопытство тот факт, что точность прогнозов теории растет по ходу развития конфликта, что подразумевает более тесную связь между контролем и насилием. Более того, воздействие контроля на интенсивность применения насилия с ходом конфликта тоже растет: в третьем периоде оно в 10 раз сильнее, чем во втором, а в четвертом — в 10 раз сильнее, чем в третьем: перемещение деревень из зон 1, 3 и 5 в зоны 2 и 4 приводит к семи дополнительным смертям, хотя в общем и целом в четвертом периоде от селективного насилия пострадало примерно в два раза меньше людей, чем в третьем. Это подразумевает значительную способность насилия к эскалации, как и такое ее свойство, как «калибровка» — которая, вероятно, объясняется тем, что исполнитель осваивает более эффективные методы применения карательных мер. Эта закономерность не противоречит положению о соревновании между противниками, стремящимися повысить действенность применяемого ими насилия. Наконец, исследования показали, что в большинстве случаев прогнозы о том, какая из сторон будет применять насилие в той или иной области, оправдывались (например, оккупанты убивали в зонах 1 и 2, а повстанцы — в зонах 4 и 5).

В целом, анализ эмпирических данных подтверждает все пять гипотез. Во-первых, с развитием хода конфликта оккупанты все реже используют неизбирательное насилие и все чаще — селективное; более того, сохраняется и связь между неизбирательным насилием и осведомленностью: неизбирательные карательные меры обычно применяются на тех территориях, о которых сторона не располагает большим количеством информации и где не может эффективно воспользоваться местными источниками сведений. Во-вторых, когда уровень контроля поднимается до наивысшего, широта применения избирательного насилия падает. В-третьих, селективные карательные меры практически не применяются на тех территориях, контроль над которыми у стороны сильно ограничен или отсутствует. В-четвертых, селективные меры чаще всего применяются там,

ни в модели, которая включает не только контроль за изучаемый период, но и насилие там же (контроль в периоде 1 предполагает насилие в периоде 2, но этот эффект исчезает, если включить в расчет контроль за тот период).

где сторона доминирует, но не обладает полной властью. В-пятых, в зонах паритета избирательное насилие практически отсутствует. В целом такие результаты поддерживают концептуализацию селективного насилия как совместного процесса с рациональными, но достаточно близорукими действующими сторонами. Они подразумевают, что люди склонны переоценивать стабильность контроля при принятии решений.

В то же время анализ опровергает ряд альтернативных теорий. Следует помнить о том, что в соответствии с тезисом социального распада между степенью распада власти и интенсивностью насилия предполагается положительная связь. Однако, как демонстрирует наше исследование, в Арголиде насилие меньше всего применялось там, где прочной власти не было и территория оспаривалась обеими сторонами (зона 3); что же касается неизбирательного насилия, то к нему стороны прибегали не там, где их власть оспаривалась, а там, где были прочны позиции противника. Гипотезу трансгрессии наше исследование тоже не подтверждает: хотя оккупационные войска неизбирательными мерами по сравнению с повстанцами пользуются чаще, в общем и целом к насилию обе стороны прибегают примерно в равном объеме, тогда как гипотеза предполагает обратное. Не получает поддержки и средневековый вариант гипотезы военных действий, предполагающий, что чем хуже подготовлены войска, тем шире будет применяться насилие. Равенство в применении насилия обеими сторонами сводит на нет обе гипотезы, причем первую опровергает тот факт, что повстанцы убили столько же людей, сколько и оккупанты, а вторую — что оккупанты, располагая более подготовленными войсками, причинили столько же смертей, сколько и повстанцы. Отсутствие насилия в зонах паритета также противоречит внутренней логике гипотезы Роджера Гоулда (Gould, 2003), что конфликт и насилие наиболее вероятны в том случае, если по силам стороны равны³³⁹. Схожим образом, наш анализ демонстри-

³³⁹ Хотя стоит отметить, что данные исследований и соответствуют той интерпретации этой гипотезы, в которой акцент делается на неоднозначности исхода конфликта. В зоне 3 было ясно, что доносительство в адрес одной стороны вызовет аналогичные меры в адрес другой стороны.

рует, что спрогнозировать размах насилия (селективного или неизбирательного), исходя из уровней социального капитала или конфликта (в той мере, в которой его отражает индекс судебного делопроизводства), уровня образованности и благосостояния населения, или расположением деревни относительно города или труднопроходимой местности. Хотя и стоит отметить, что последний факт не отменяет значимости труднодоступной местности с точки зрения начала восстания. Однако же в целом связь между географией и насилием более тонка. К тому же, хотя социальная поляризация и играет свою роль в развитии конфликта, в нашем контексте объяснить ею вариативность насилия не получится. Забывать не следует и о том, что, в соответствии с тезисом уязвимости, насилие наиболее вероятно тогда, когда сторона наиболее уязвима для противника, тогда как, согласно дилемме безопасности, насилие будет иметь место тогда, когда одна из сторон, чувствуя, что силы равны или что преимущество за противником, наносит превентивный удар по его сторонникам. Между этими гипотезами прослеживается определенное сходство, но в любом случае наши наблюдения показывают, что в зонах паритета насилие применяется мало, а в зонах консолидированного контроля — много. Более того, в противовес дилемме безопасности, страх связывается не только с насилием, но и с его предотвращением³⁴⁰. Говоря коротко, наше исследование показывает, что основанная на соображениях безопасности теория сама по себе не может применяться для прогнозирования насилия, как и теории мирного социального конфликта.

9.9. КАЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ

Помимо сведений, необходимых для статистического анализа, мои исследования в Греции также проиллюстрировали работу описываемых теорией механизмов. Составленный мной корпус сведений для настоящего издания слишком

³⁴⁰ Проводя параллель с войной между государствами, более подходящей, чем дилемма безопасности, кажется доктрина гарантированного взаимного уничтожения.

велик³⁴¹; вместо этого я предоставляю общие сводки по деревням, представляющим каждую зону.

9.9.1. Зона 5

Архетипом зоны 5 можно считать деревню Тацци (сегодня — Эксохи): она расположена высоко в горах, и оккупантам до нее добраться было так сложно (итальянцы здесь бывали всего один раз), что лидеры ЭАМ решили разместить свой штаб именно здесь. В этой маленькой деревне было расквартировано множество как повстанческих лидеров, как и рядовых партизан. Несколько зданий, включая школу, повстанцы конфисковали и использовали в собственных целях; крестьяне знали, что там держали пленников и проводили допросы, и видели десятки людей, захваченных в равнинных деревнях, которых теперь отвозили в концентрационные лагеря ЭАМ высоко в горах — в частности, в печально известный монастырь Святого Георгия в долине Фенеос. Иногда, впрочем, казни проводились прямо в деревне, и рыть для убитых могилы приходилось местным жителям. В конце июля 1944 г. деревню эвакуировали на несколько недель, пока немцы проводили операции по зачистке территории, но стоило им уйти, как власти ЭАМ вскоре (3 августа) вернулись обратно. Несмотря на то, что насилие применялось и в самой деревне, и в прилегающей местности, из проживающих в Тацци крестьян никто не пострадал. От соседних горных деревень Тацци отличалась в первую очередь присутствием штаба повстанцев, благодаря которому здесь ЭАМ была по-настоящему вездесущей; когда в июле 1944 г. оккупационные войска заняли деревни на холмах и, казалось, грозили вот-вот подняться в горы, повстанцы провели ряд селективных убийств, уничтожая тех, в чьей преданности они сомневались. Тацци, однако, эти меры не коснулись³⁴².

³⁴¹ В данный момент я работаю над книгой, в которой этот материал будет освещен в рамках описания быта местных жителей во время гражданской войны в Греции.

³⁴² На этот период я отнес Тацци к зоне 4, так как имеющиеся у меня сведения были недостаточно точными, чтобы со всей уверенностью утверждать, что ЭАМ удалось полностью сохранить в деревне свое присутствие, с учетом того, что все соседние населенные пункты явно

Таци не была уничтожена вовсе не потому, что местные жители были особо верными и рьяными сторонниками ЭАМ. Как ни странно, когда немцы зашли в пустую деревню и собирались ее сжечь, как поступили с несколькими соседними поселениями, им помешал один из коллаборационистов, который родился в Таци, а потом перебрался в Коринф и примкнул к батальонам безопасности. Местные жители принимали участие во всех мероприятиях, проводимых ЭАМ, и с повстанцами целиком и полностью сотрудничали. «С ЭАМ работала вся деревня, — рассказывал мне один местный житель левого толка (I-71). — А что поделаешь? Повстанцы говорили тебе что-то сделать, и ты соглашался, хотелось тебе того или нет. Отказываться было нельзя. Они просили хлеба? Ты давал. Они просили овцу или козу? Ты давал, а куда было деваться? ... Все пытались выжить, все пытались забыть; приходилось притворяться идиотами. Чтобы не убили, приходилось самому себе противоречить».

Отсутствие насилия во время оккупационного периода возымело долгосрочный эффект, затронув и послевоенную эру: хотя в 1946 г. несколько местных жителей присоединились к правым вооруженным бандам, в деревне они никого не трогали.

9.9.2. Зона 4

Сравнив обстановку в Таци с Маландрени, деревней в западных холмах, можно многое узнать. С сентября 1943 г. по май 1944 г. деревня находилась под полным контролем ЭАМ (т.е. в зоне 5). Внутри деревни партизаны перемещались свободно, и скрываться им не приходилось. Более того, в октябре 1943 г. группа британских агентов использовала эту деревню как оперативную базу для диверсионной работы против аэропорта Аргоса, расположенного на равнине³⁴³. Местный лидер ЭАМ, Яннис Нассис, писал в своих неопубликованных мемуарах и рассказывал мне в нескольких долгих

перешли в зону 4. Интервью, однако, указывают на то, что Таци в этот период все же относилась к зоне 5 из-за наличия штаба организации.

³⁴³ "Narrative of Capt P. M. Fraser. Peloponnese July 43–April 44," PRO, HS 5/698/S6557.

интервью (I-78), что за этот период в местный комитет поступали доносы на нескольких жителей этой деревни, которых обвиняли в предательстве и шпионаже. Например, однажды партизаны арестовали человека по обвинению в том, что он доносил итальянцам на хранящих у себя оружие крестьян; как оказалось, обвинения были ложными — на мужчину, трудившегося по испольщине, донес землевладелец, который хотел оставить весь урожай себе. Местный комитет с доносами разбирался вполне эффективно, но однажды, в апреле 1944 г., анонимные доносы все же дошли до регионального комитета. В конце концов началось расследование, и все обвинения сошлись, как вспоминает Нассис, к «оливковому маслу, овцам и прочей обычной чепухе». В результате, в соответствии с прогнозом по нашей теории, в тот период никто не пострадал.

Взяв под надежный контроль города Нафплион и Аргос, немцы обратили взгляд на деревни на холмах. В Маландрени они время от времени появлялись с середины апреля, но в конце мая ситуация резко переменилась. 21 мая в деревню прибыл небольшой немецкий отряд и арестовал местного учителя, члена ЭАМ. От него немцы узнали об обстановке в деревне и о присутствии повстанцев. Используя эту информацию, они начали давить на деревни на холмах. С переходом деревни в зону 4 повстанцы уже не чувствовали себя здесь в полной безопасности. После операций по зачистке территории в восточных холмах многие крестьяне, включая напуганных сторонников ЭАМ, предпочли бежать в относительно безопасный город Аргос, находившийся под контролем немцев и батальонов безопасности. Осознавая растущую угрозу и учащение случаев перехода на сторону противника, региональный комитет ЭАМ после собрания 6 и 7 июня призвал местный комитет деревни Маландрени потребовать возвращения всех жителей, бежавших в Аргос. Так как власть ЭАМ в деревне была уже не столь прочной, после оглашения подобного требования бежало еще больше местных жителей. Днем 9 июня был совершен рейд: в деревню вошел немецкий отряд, сопровождаемый коллаборационистами и проводниками из числа бежавших в Аргос крестьян. Нападение застало всех врасплох. Местный лидер ЭАМ получил пулевое ранение в ногу, но сумел скрыться. ЭАМ восприняло налет

как знак того, что у немцев были информаторы в деревне. В результате в ночь 13 июня 1944 г. было арестовано 13 крестьян, по большей части родственников тех, кто бежал в Аргос. Их отправили в концлагерь, где шестерых отпустили, а оставшиеся семь были казнены.

Но ситуация оставалась нестабильной: через день после этих арестов немцы и коллаборационисты совершили новый рейд и убили четырех молодых людей из соседней деревни, которые находились на заставе. ЭАМ ответила на это новыми арестами; ярая охота на шпионов, смешавшись с личными конфликтами, в июле привела еще к 17 казням. Предвзятую, но все же селективную натуру этого процесса ярко иллюстрирует дело молодого человека по имени Лиакос Дассаклис. В марте или апреле 1944 г. его отец Христос, отъявленный пьяница, обвинил сына в коллаборационизме. Его обвинения были проверены и признаны безосновательными. Местный лидер ЭАМ Яннис Нассис вспоминает встречу с отцом и сыном:

— Садись, — сказал я ему. — Что ты так привязался к Лиакосу?

— Что привязался? Он меня не слушается и не уважает.

— Но в обвинении-то ты это не упоминал, ты твердишь, что он работает на немцев.

Тот начал терять над собой контроль и кричать, что нам надо отправить Лиакоса «наверх» [в горный регион, находящийся под контролем ЭАМ] и проучить его, чтобы знал, как себя вести.

— Стыдись, Христос. А ну пошел отсюда!

Потом я повернулся к Лиакосу.

— Слушай сюда: слушайся отца, или я подтверждаю его донос, пошлю его наверх, и тебя и вправду проучат.

Он ушел. Дело было, наверное, в марте или в апреле. А в июле [партизаны] забрали Лиакоса наверх, и назад он не вернулся (Nassis б.д.: 16).

После второй, июльской волны казней немцы предприняли последний рейд на Маландрени и вывезли местных жителей в Аргос. Большинство последовали с ними, хотя некоторые и бежали в горы, где власть принадлежала партизанам. Несколько домов были сожжены немцами и повстанцами, и до конца войны деревня пустовала.

9.9.3. Зона 3

В зоне 3 качественная оценка особенно важна, как с точки зрения количественной оценки, так и для проверки того, в какой степени причинный механизм взаимного сдерживания действительно способен привести к снижению уровня насилия. Мне удалось обнаружить несколько случаев запрета на применение насилия со стороны местных комитетов³⁴⁴. Запрет на использование насилия из-за высокой вероятности контрдоносительства и ответных мер является ключевым доказательством опасности положения любого потенциального доносчика в зоне 3 и указывает на механизм взаимного сдерживания. Далее я приведу ряд примеров его работы.

Первый — из деревни под названием Бутия (сегодня — Ира). Я говорил с главой местного комитета ЭАМ, который подробно обрисовал мне стратегическую обстановку в деревне до конца мая 1944 г. (I-212). В десяти минутах от деревни находились немецкие войска; в то же время в самой деревне действовал местный комитет ЭАМ. Хотя с точки зрения политических воззрений деревня была разделена, ЭАМ помогали все. Когда я спросил, все ли их поддерживали, он ответил, что не все, но «никто не возмущался; поддержка не была публичной, потому что, когда люди выходили работать в поля, им приходилось давать еду повстанцам. Они так поступали из страха. Боялись, что, если не будут с нами сотрудничать, повстанцы придут к ним в деревню и арестуют их». Потом он рассказал, как однажды ему сверху поступил приказ об аресте одного человека. Видимо, личная ссора приняла опасный оборот, и донос каким-то образом достиг руководства в обход местного комитета, которому предписывалось арестовать подозреваемого и доставить в штаб ЭАМ для допроса. Как рассказал глава местного комитета, «его нужно было арестовать и доставить в штаб, но я подумал, что если хоть одного местного убьют, то тут все друг друга поубивают. ...Семья убитого пойдет к немцам, и немцы нас арестуют, или пошлют в Германию, или убьют. ...Немцы были совсем близко, нам, считай, дуло к виску приставили».

³⁴⁴ Фихти (I-12; I-102), Ира (I-212), Ирео (I-127; I-128), Даламанара (I-131), Куртаки (I-124), Панарити (I-81; I-84), Арголико (I-123), Ней Тринта (I-86), Пиргела (I-53), Лалукас (I-109), и Пулакида (I-84).

Он решил отправиться в штаб вместе с обвиняемым и там лично ручаться за его невиновность. «Я решил так поступить потому, что мне не нравилась сама мысль об арестах и убийствах, а еще потому, что мы могли развязать крупную ссору и всеобщую бойню». Конец у этой истории был счастливым: глава местного комитета действительно лично поручился за человека, на которого донесли, и волна насилия деревню не захлестнула. Как сказал другой житель деревни, «гроза обошла нас стороной, не намочила» (I-213).

Второй пример произошел в деревне Фихти (или Фихтия), населенном пункте на внешней части равнины, который в первом периоде относился к зоне 3. Сюда повстанцы не просто приходили каждую ночь, но, по сути, превратили ее в центр активной коммунистической агитации; в этой области было две деревни с сильной коммунистической организацией, и Фихти была одна из них. Однако так как в деревне была расположена железнодорожная станция, в ней было расквартировано и небольшое немецкое подразделение, бойцы которого с наступлением ночи не покидали свою укрепленную заставу. Можно предположить, что деревня стала полем кровавого боя, так как повстанцы и оккупанты чуть ли не наступали друг другу на ноги. Но в период оккупации смертей в этой деревне было очень мало, и в дальнейшем ее считали местом крайне спокойным. Многие жители деревни, как и люди из соседних населенных пунктов, склонны объяснять это тем, что в Фихти крестьяне обращались друг с другом необыкновенно дружелюбно. Впрочем, некоторые из опрошенных мной с этим не согласны и заявляли, что и в этой деревне были свои раздоры. До войны объем судебных исков в деревне был не слишком высоким, хотя от места с настолько низким уровнем насилия можно было ожидать и меньшего числа судебных прений. Несколько подробных интервью с членами местного комитета (I-12; I-102) показали, что репутация спокойной деревни была вполне заслуженной, так как страх перед доносом вынуждал сплотиться даже тех, кто обычно добрым нравом не отличался.

Когда в Фихти прибыли итальянцы, один из местных жителей донес на нескольких односельчан, хранивших у себя оружие, тем самым положив начало нескольким склокам. Так что, когда ЭАМ осенью 1943 г. начала здесь первую волну

казней, несколько доносов дошло до регионального главы организации Янниса Андреакиса, известного как «Гавос». На собрании местного комитета в октябре 1943 г. он призвал его членов арестовать троих человек, обвиняемых в предательстве. Реакция последовала незамедлительно и была отнюдь не положительной, так как человек, донесший на хранивших оружие крестьян итальянцам, в списке значился первым, и у него, по словам одного из моих собеседников, было «10 двоюродных родственников». Он вспоминает, как заявил следующее: «Господа, немцы уже здесь. Мы засунули голову волку в пасть, и с ними нужно поддерживать хорошие отношения. Здесь разгуливают и немцы, и замаскированные повстанцы, а значит, действовать нужно очень осторожно». Другой собеседник вспомнил интересную ситуацию, которая может послужить метафорой самой зоны 3 в целом: в одной деревне у старосты в одной комнате сидели немцы, а в другой повстанцы, и ему приходилось делать так, чтобы они друг о друге не узнали.

В качестве третьего примера можно привести равнинную деревню Панарити. Видимо, ЭАМ удалось обойти местную организацию и арестовать шесть человек, которых они посадили под замок в расположенном неподалеку монастыре. Когда об этом узнал лидер местного комитета, он отправился в монастырь, надавил на своих товарищей, некоторые из которых приходились ему родней, и вызволил своих односельчан из заточения. Его сын вспоминал, как отец отреагировал на известие об их аресте: «Нам конец. ...Если мы их оттуда не вытащим, в деревне начнутся раздоры, и нам конец. Их нужно спасти любой ценой» (I-81). Он добавил, что отец боялся, что если ему не удастся предотвратить казни, то его пятеро детей станут жертвами мстителей. И в самом деле некоторые из моих собеседников указывали на то, что многие местные лидеры, которые стали бы первой целью для всех, кто жаждет возмездия, крайне боялись положить начало порочному кругу насилия (например, см. I-109).

Механизм взаимного сдерживания в воспоминаниях опрошенных мной людей себя тоже проявляет. Человек из деревни Пулакида, которая в первый период находилась в зоне 3, рассказал мне о том, как своим поведением давал знать своим местным противникам, что за любыми попытками навредить его семье последует возмездие, и это позволило ему избежать

насилия, так как из-за близости немецких войск угроза была ощутима (I-84):

Слушайте, я был парнем суровым. ...Они меня боялись. Я был опасным, очень опасным. ...Я себя не по-человечески вел, и они это знали. Я был как дикий зверь. Я сказал, что если они что-нибудь сделают, то я пойду и их всех порешу. Никого не оставлю. Но мне повезло. Ничего не случилось. Они боялись и осторожничали. Те, наверху [местные лидеры], они с ними контакты поддерживали; но они им в ответ говорили, что, мол, если сделаем, как просите, добром дело не закончится. Да, мы можем отправить наверх его отца и мать. А что потом? Потом что делать? Этот парень на все пойдет.

Другой человек, из деревни Лиркия, рассказал мне, как его пощадили, когда он попался правым бандитам в пост-оккупационный период, после побега брата (I-60):

Меня притащили под сосны и сказали ждать их там. Я подумывал о побеге, но слишком устал. Сказал себе: "Тебя тут и пристрелят, тебя убьют". Ждал. А они снаружи [дома лидера банды] все говорили. В конце концов решили не убивать. Сказали: "Его брат сбежал, а с этим что делать? Вот мы его убьем. А дальше что? Его брат вернется, нападет на нас, на наши семьи. Что тогда делать?" И меня пощадили.

Дополнительные примеры можно найти и за пределами Арголиды. Например, один крестьянин из префектуры Аркадия, что в центре Пелопоннеса, в своих мемуарах вспоминает, как в 1948 г. ему удалось избежать смерти от рук офицера армии, которого он описывал как человека крайне жестокого (Antonopoulos 1993: 149–151). Так как все его четыре брата присоединились к повстанцам-коммунистами и нередко появлялись в деревне, его и самого подозревали в связях с левыми. Офицер и его люди избивали мужчину и еще нескольких подозреваемых три дня подряд, пытаясь вызнать, где они прячут оружие. На третий день пришел человек, которого Антонопулос описывает как «архи-убийцу и лидера местного правого ополчения», и попросил полковника «перестать мучить этих ребят». Тот поначалу отказывался, но мужчина настаивал. Наконец ополченец начал угрожать полковнику:

“Я не хочу, чтобы моя семья оказалась на улице. Если им что-нибудь сделаешь, живым отсюда не уйдешь, ясно?” Спору пришел конец, когда другой ополченец объяснил офицеру, что за крестьян они заступались не из-за сочувствия к левым, а из страха перед возмездием со стороны его братьев. “Вы отсюда уже через пару дней уйдете, — объяснял он, — а нам тут еще оставаться. Что с этими типами делать?” Женщина, которая пришла с ними, добавила: “Господин полковник, не убивайте вы их, их тут целое логово; как нам с ними потом быть?” После этого пленников поспешно отпустили. Схожие истории рассказывают и потенциальные убийцы, члены вооруженных группировок. Вспоминая о своем решении не нападать на правых бандитов в своей же деревне, один повстанец (Papakonstantinou 1986 2: 1071) вспоминал, что от подобных действий его удержал товарищ, сказавший следующее: «Если мы нападём на них сейчас, завтра они перебьют детей твоего брата. Хорошенько подумай, прежде чем действовать!» Еще он вспоминает о том, как мольбы местных правых спасли от расправы тех, кого подозревали в симпатии к коммунистам, когда через деревню проходила банда правых: «Я не могу описать, что тогда в деревне творилось. Дети и жены тех, кого схватили, рыдали и плакали так, что их стенания было слышно даже в Ликуреси [соседняя деревня]. Большинство местных правых начало волноваться. ...Они носились туда-сюда. Пошли к Фанису Цекерису, лидеру правой банды, и умоляли никого не убивать. ...Он им пообещал, что смертей не будет» (Papakonstantinou 1986 1: 196).

Помимо этих случаев, на предполагаемый теорией механизм указывают и три других объяснения, приведенные моими собеседниками или обнаруженные мной в трудах по местной истории. Во-первых, некоторые из моих информаторов говорили, что в их деревнях повстанцы воздерживались от насилия из-за близости немецких войск; они считали, что силы немцев в некоторых случаях сдерживали силы повстанцев³⁴⁵. Во-вторых, многие собеседники говорили о негласном «договоре» о взаимной защите между фракциями. Хотя это наблюдение может указывать на заключенные из солидарности тайные соглашения, некоторые респонденты

³⁴⁵ Схожие рассказы из других частей Греции можно обнаружить у Авдикоса (Avdikos 2002: 176).

также говорили, что страх возмездия был основным способом принуждения. Наконец, почти все опрошенные мной превозносили личные качества местного лидера, будь то глава комитета или староста, и его грамотные действия. Так, в некоторых трудах по местной истории отсутствие насилия объясняется «добрым нравом местных деятелей [повстанцев], предотвративших казни» (Kanellopoulos 1981: 609; Priovolos 1988; I-169). Когда я спрашивал у моих собеседников, что именно они имели в виду под «добрым нравом», почти все использовали слово «дипломатия»: хорошими лидерами считали тех, кто был отменным дипломатом, то есть умел вести дела с противоборствующими сторонами, а не просто был добрым человеком (I-22; I-51; I-81; I-102; I-169). Такие мнения соответствуют рассматриваемому теории механизму.

Наконец, любые другие интерпретации отсутствия насилия в зоне 3 отмечает сама схема исследования. И индекс судебного делопроизводства, и флуктуации контроля показывают, что в зоне 3 деревни оказываются не по собственной воле; к тому же с точки зрения практики и институтов фракционной аккомодации или типами фракционного и индивидуального взаимодействия особой разницы между деревнями Арголиды не было.

9.9.4. Зона 2

На первый взгляд, селективные карательные меры в зоне 2 вызывают изумление, так как предполагают донос на соседа оккупационным войскам. Но подобные доносы распространены были широко. Андреас Христуполос (Christopoulos 1946: 116), писатель из Аргоса, который в 1946 г. издал свои воспоминания об оккупации в печатном виде, сложившуюся в июне 1944 г. обстановку описывает так: «Один идет в гестапо докладывать, что партизаны сегодня арестовали его семью, второй говорит, что ему они дом сожгли, а еще один — что его семью истребили за то, что он был реакционером». Основным микромеханизмом у истоков подобных доносов была месть. Многие из тех, кто летом 1944 г. примкнул к рядам коллаборационистского ополчения, говорили исключительно о местном контексте, что им было все равно, кто даст им оружие для самообороны. Другими важными мотивациями были страх и давление. Хотя они и кажутся корыстными

оправданиями, поверить в их реальность просто и имеющимся сведениям, включая рассказы их местных врагов и жертв, они соответствуют.

Примером того, как страх и жажда мести сплелись между собой и положили начало доносам и насилию в зоне два, может послужить деревня Хели (сегодня — Арахнео). Этот населенный пункт был довольно изолированным, но отличался стратегически значимым положением, так как находился посреди долины горы Арахнео, и мимо него проходили горные дороги из Коринфии в Арголиду. Немцам было необходимо держать эту деревню под контролем, так как за счет этого они смогли бы ослабить поток новых бойцов, переправляемых из гор Коринфии на восток Арголиды, в Шестой полк ЭЛАС. Жили здесь, как и в большинстве окрестных деревень, албаноговорящие крестьяне; считалась она довольно отсталой. В феврале 1944 г., когда деревня находилась в глубоком тылу повстанцев, ЭАМ провела здесь массовый сбор, на котором действующие в этой местности бойцы и члены местных комитетов со всей Арголиды принесли присягу. Местным монастырём пользовались как тюрьмой для тех, кого арестовывали на равнинах, и ночью с 13 на 14 января там была проведена массовая казнь.

Местные лидеры из Хели в иерархии ЭАМ занимали не столь высокое положение, как их соседи и конкуренты из деревни Лимнес, тоже албаноговорящей и столь же отсталой. Из-за этого овец, принадлежащих крестьянам из Хели, регулярно конфисковали в пользу партизанских отрядов, что вызывало, разумеется, крайнее возмущение жителей. Впрочем, не подчиняться они не могли. Тех, кто попытался воспротивиться, партизаны арестовали и жестоко избили, хотя убивать и не стали. Местность считалась ими безопасной, и возможности для перебежчиков они не видели.

Во время немецких операций по зачистке территории в мае 1944 г. Хели подверглась массовому неизбирательному насилию. 28 мая немцы убили 22 крестьянина за то, что те пасли овец во время комендантского часа. Сразу же после этого оккупанты вошли в деревню, собрали всех ее жителей на центральной площади и пригрозили казнить всех, если те не признают их власть. Деревенские староста и священник решили пойти с ними на сделку. Немцы сказали им, что деревню не тронут, если местные жители будут препятствовать

передвижению повстанцев и отправят несколько мужчин в нафплионский батальон безопасности. Считая, что повстанцы потерпели поражение и бежали, местные решили, что такое соглашение им ничем не грозит.

Еще одним условием сделки была выдача местного комитета ЭАМ. Условие это местные выполнили: выдали немцам пятерых человек, которых те за деревней расстреляли. Шестой же, лавочник из другой деревни, который жил в Хели уже давно и был главой местного комитета, попытался спрятаться. Крестьяне поймали его и забили камнями до смерти. Настолько жестокая форма убийства служит наглядным подтверждением того, что, хотя деревня и пострадала от немцев, к ЭАМ у местных скопилось не меньше ненависти. В июне и июле деревня стала оплотом противников ЭАМ. Местным жителям несколько раз удавалось перехватывать партизан ЭЛАС, пытающихся пробраться в Арголиду, и однажды они даже убили пятерых повстанцев (НАА/EDD 368/1947). Попался им и партизан из Лимнеса, которого они жестоко избили, но убивать не стали.

29 июля деревня подверглась неожиданному нападению со стороны партизан. Немцы начали возвращаться на равнину, открыв повстанцам доступ к холмам, и командир ЭЛАС и комиссары коммунистов решили наказать деревню предателей. Сдержат натиск превосходящих числом повстанцев местным жителям не удалось. Те сожгли несколько домов и согнали местных жителей на центральной площади. Обнаружив, что местные лидеры, включая старосту и священника, бежали, повстанцы взяли 62 заложников, включая двух дочерей священнослужителя, и через несколько дней их казнили. Избитый партизан из Лимнеса тоже побывал в той деревне и прилюдно убил одного из мучителей (I-11; I-13; I-14; I-15; I-89; I-160).

Здесь важно указать, что жажду мести следует рассматривать в контексте, в котором коллаборационизм с оккупационными властями стал возможным благодаря быстрой смене зоны контроля, произошедшей в тот период. Иными словами, та месть, которую вершат в зоне 2 (или в зоне 4), основана не на том же механизме, что и месть, вызванная сильными эмоциями и предполагающая игнорирование степени риска (Elster 1999). Разумеется, жажда мести пылала в груди многих людей, униженных, или использованных, или потерявших своих любимых, особенно когда вину за потерю они возлагали

на кого-то из односельчан. Но о последствиях своих действий им приходилось думать тщательно. Несколько собеседников рассказывали мне истории о том, как опасность ответных действий вынуждала людей отказаться от мести (I-132).

9.9.5. Зона 1

Деревня Мерзес (теперь она называется Экзостис и входит в состав деревни Ария) расположена поблизости от города Нафплион. К концу мая 1944 г. город оказался под контролем немцев и батальонов безопасности, и схожая судьба в скором времени постигла и Мерзес. Немцы обустроили заставу на расположенной близ деревни фабрике томатной пасты и свободно заходили в сам населённый пункт, тогда как повстанцев из этой местности вытеснили. Таким образом, арест шести местных жителей немецкими силами 7 июня 1944 г. крестьян наверняка удивил. Арестовали их по отдельности и отвели в штаб гестапо в Нафплионе, где обвинили в членстве в ЭАМ и допросили. Впрочем, несколько дней спустя их отпустили на свободу, хотя дело не обошлось без взяток в виде «сыра, оливкового и сливочного масла, яиц, денег, и прочего». Как оказалось, на них донес один из соседей, Николаос Папаконстантину. Более того, трое из числа арестованных приходились ему родней, причем в случае его кузена Спироса Филиниса достаточно близкой. Причиной доноса стала простая размолвка между Николаосом и его кузеном, случившаяся накануне в местной кофейне. В потасовку вмешались, дерущихся пытались разнять, но Папаконстантину, видимо, был особенно уязвлен. Об этом свидетельствует то, что он донес, помимо прочих, на мужчину, который над ним смеялся. С учетом того, откуда донос поступил, немцы понимали, что обвиняемые партизанами быть не могли, и потому в этой истории обошлось без насилия (НАА/EDD 16/1947).

9.10. ВОЗВРАЩЕНИЕ К МАНЕСИ И ГЕРБЕСИ

Во вступлении к этой книге я указывал на загадку арголидских деревень-близнецов Манеси и Гербеси (сейчас переименована в Мидею): если во второй в августе 1944 г. повстанцы

устроили лютую бойню, то соседняя деревня Манеси такой участи избежала.

Хотя находятся деревни по соседству, их расположение значительно различается. Манеси разместилась на невысоком холме, который видно с равнины (высота примерно 70 метров), тогда как Гербеси находится за холмом, у основания горы Арахнайон, из-за чего кажется местом куда более удаленным. Чтобы достичь Гербеси, нужно уйти с равнины и ступить на новый ландшафт.

Этой разницей и можно объяснить тот факт, что деревня Манеси в первом периоде находилась в зоне 4, а Гербеси — в зоне 5. Манеси находилась близ деревни Мербака (сегодня — Агия Триада), где располагался небольшой немецкий гарнизон, и, более того, была соединена с ней дорогой, из-за чего нередко становилась целью неожиданных немецких налетов. Добраться до Манеси можно было легко и быстро, тогда как с Гербеси все было трудней: грамотно размещенные на подступах к деревне часовые заранее предупреждали повстанцев о приближении врага по телефону и тем самым давали им достаточно времени для того, чтобы спрятаться или бежать в горы. Из-за разницы в расположении деревень ЭАМ действовала в них по-разному; хотя существенную поддержку повстанцам оказывали обе деревни, в Манеси они держались скрытно, а в Гербеси не скрывались, и, более того, держали там свое региональное издательство.

Несмотря на неблагоприятное расположение в зоне 4, в первом периоде Манеси насилью не подвергалась. Повстанцы арестовали нескольких местных жителей, но казней не было, что, судя по варьирующимся рассказам очевидцев, можно объяснить вмешательством со стороны местных лидеров ЭАМ. В конце этого периода обе деревни испытали на себе весь ужас немецких неизбирательных карательных мер. В Манеси убили 9 человек: они нарушили комендантский час, оказавшись на улице после 18:00, и их застрелили на месте; в Гербеси же было убито 29 человек, пытавшихся бежать в горы. Большинство жертв было простыми крестьянами, тогда как лидерам ЭАМ удалось скрыться. По сути, немецкий налет на Гербеси в мае 1944 г. повлек за собой столько смертей именно потому, что крестьяне, узнав, что немцы приближаются, попытались бежать в горы, тогда как жителям Манеси из деревни деваться было некуда. Сказав, что в Манеси неизби-

рательное насилие со стороны немцев носило не столь массовый характер потому, что немцы не относили ее к опасной зоне, один член ЭАМ указал мне на логику контроля: «Хотя повстанческая организация в деревне была сильная, хотя к сопротивлению из деревни присоединилось более десятка молодых людей, они считали ее деревней с холмов, а не горной, и потому особой значимости ей не придавали» (I-75).

Во втором периоде обе деревни оказались в зоне 2. Как и прочим местным жителям, обитателям Гербеси и Манеси пришлось сотрудничать с немцами. ЭАМ была разгромлена, и повстанцы бежали, хотя, по сведениям моих собеседников, тайные ячейки продолжали функционировать; немцы в деревнях появлялись часто. В Манеси селективное насилие в этот период не применялось, а Гербеси был убит один человек. Объяснить столь низкий уровень насилия со стороны оккупантов, несмотря на нахождение деревень в зоне 2, можно смертями в предыдущем периоде. В третьем периоде я по-прежнему отношу эти населенные пункты к зоне 2, хотя к переходу в первую зону они подошли близко. Деятельность «спящих ячеек» ЭАМ подкреплялась за счет бывшего присутствия организации в этой местности и отсутствия в деревнях постоянного гарнизона противника. Немцы об этом знали и за деревнями тщательно следили, хотя на их перевод в зону 1 им войск и не хватало. В Гербеси в этом периоде смертей не было, тогда как в Манеси были убиты пять членов ЭАМ, которых немцы поймали и расстреляли во время карательного рейда, проводившегося после атаки повстанцев. В обеих деревнях также было произведено несколько арестов, и большинство арестованных, и мужчин, и женщин, в дальнейшем было перевезены в Германию, в трудовые лагеря.

В августе расклад сил снова поменялся. Немцы начали отступать к равнинам, и 29 июля партизаны атаковали и захватили деревню Хели, жители которой были вооружены немцами. Таким образом, в деревнях на восточных холмах повстанцы снова укрепились. Бежавшие в конце мая члены ЭАМ вернулись, местные организации были восстановлены, и деревни перешли в зону 4, так как немцы там время от времени еще появлялись. Единственным исключением стала Манеси, перешедшая в зону 3. Из-за близости Мербаки немцы там появлялись каждый день, как и в большинстве деревень на внешней части равнины. В середине августа ЭАМ

провела массовые зачистки во всех деревнях на восточных холмах, чтобы ликвидировать всех, кого обвиняли в коллаборационизме с оккупантами в летние месяцы. Было проведено несколько публичных судов, в том числе 20 в Гербеси и 26 в соседней деревне Лимнес. В этих бойнях участвовали не только отдельные люди, но целые семьи, и немалую роль в них сыграли личные конфликты. Манеси, однако, эта волна насилия не затронула.

Разницу в происходивших в Манеси и Гербеси событиях можно объяснить тремя способами. Во-первых, деревни отличались друг от друга в социальном плане. Хотя во многом они друг на друга походили, между ними были и значительные различия. Например, в Манеси имело место куда меньше судебных процессов, чем в Гербеси; их индексы довоенного объема делопроизводства различаются чуть ли не в два раза (0,08 против 0,17). Более того, в Манеси среднее образование ценили больше, чем в Гербеси: там в старшие классы ходила куда большая доля детей, чем в любой другой деревне с восточных холмов. Однако эти аргументы не лишены изъянов. Во-первых, индекс довоенного делопроизводства в Манеси не столь сильно отличается от прочих деревень на восточных холмах, где уровень селективного насилия был куда выше, как то в Лимнесе, Амигдалисте или Бербати. Во-вторых, социальными характеристиками, по крайней мере в таком их виде, нельзя объяснить вариацию насилия по всему региону; потому что такое объяснение разницы в уровне насилия между двумя деревнями годилось бы лишь для этой ситуации.

Второе объяснение связывает социальные характеристики или личные качества местных лидеров с практикой положительной взаимности в Манеси. Возможно, в силу отсутствия насилия в первом периоде местные жители более охотно защищали друг друга в ходе дальнейших перемен в зоне контроля. Такое объяснение совпадает с рассказами местных жителей, которые предписывают низкий уровень насилия взаимной защите со стороны местных лидеров обеих сторон. Однако сведения о местных конфликтах и доносах, случившихся в тот же период, эту версию не поддерживают. Например, в июне молодой человек покинул ряды ЭАМ и примкнул к батальонам безопасности из-за ссоры с другим членом ЭАМ, лидером ее молодежной организации. Лидеру показалось, что тот оскорбил его сестру, из-за чего он приказал жестоко

избить обидчика. Тот же, переходя на сторону батальонов безопасности, донес на восьмерых жителей деревни, которых отправили в немецкие трудовые лагеря (I-75).

Третья интерпретация указывает на контроль. В отличие от Гербеси, Манеси в четвертом периоде находилась в зоне 3. В результате у местных лидеров ЭАМ были все поводы предотвращать любое насилие, которое может быстро обратиться против них самих. По сути, о многом говорят уже тот способ, которым Манеси избежала кровопролития. Деревня входила в планы ЭАМ по зачистке на восточных холмах. Организация получила список имен, составленный, видимо, местными кадрами. В середине августа в деревню для проведения арестов прибыл отряд ОПЛА. Однако, как только они прибыли, местные лидеры начали звонить в церковные колокола, предупреждая о приближении немцев, и бойцы ОПЛА бежали. Потенциальным жертвам удалось скрыться, и насилия удалось избежать. Стоит отметить, что если в Гербеси ЭАМ осмелилась провести массовую демонстрацию, на которой над жертвами глумились сотни людей, съехавшихся из окрестных деревень, то в Манеси организации не удалось даже осуществить запланированные аресты. Подобные меры по предотвращению насилия во многом объясняют тот факт, что в послевоенный период региональные лидеры правых движений не применяли против деревни карательных мер, тогда как Гербеси стала их целью (I-21). Говоря кратко, хотя исключить из объяснения отсутствия насилия в деревне Манеси личные качества местных лидеров ЭАМ невозможно, очевиден тот факт, что если эти личные качества и реализовывались, то в соответствии с логикой контроля.

9.11. ОШИБОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ

Хотя географическое распространение насилия теория прогнозирует хорошо, с прогнозами касательно числа случаев все обстоит не столь радужно. Схема нашего исследования допускает анализ ошибочных прогнозов. В ходе изучения причин ошибок можно раскрыть глубинные механизмы происходящего с куда большей точностью. Вспомните три оговорки, на которые я указал в Главе 7: отсутствие прошлого в решениях индивидов; отсутствие будущего; независимость

единиц деревня-время. Изучение ошибочных прогнозов позволяет добавить эти измерения в анализ.

Так как в основу теории положены рациональные и инструментальные действия, тогда как неинструментальные мотивы в нее эксплицитно не включены, сравнение прогнозов с реальными событиями позволяет оценить как роль рационалистских допущений, так и альтернативных мотивов. Согласно анализу, хотя значительная часть насилия объясняется теорией с сугубо рациональной точки зрения, два типа неинструментальных механизмов, эксплицитно в нее не включенных, а именно — нормы и эмоции, тоже могут играть остаточную, но все же важную роль (Elster 1999)³⁴⁶.

Крупных групп ошибочных прогнозов три: одна касательно повстанцев (недооцененный размах насилия в первом периоде) и две касательно оккупантов (переоцененный размах насилия в периодах 2 и 3). Зимой 1943–1944 гг. (период 1) повстанцы убивали в большем количестве деревень, чем предполагалось в соответствии с теорией, тогда как в мае–июле 1944 г. (периоды 2 и 3) оккупанты применяли карательные меры не столь широко, как следовало ожидать в соответствии с теорией³⁴⁷. Далее я рассмотрю две группы деревень, подвергшихся атипичному насилию (в первом периоде находились в зоне 3, в третьем — в зоне 1) и одну группу атипично спокойных поселений (во втором периоде находились в зоне 2). Я сравню эти деревни с теми, в отношении которых прогнозы были верны, и прослежу за поведением местных жителей в предшествующих и последующих периодах. В заключение я рассмотрю те случаи, где прогноз был ошибочным с точки зрения того, какая сторона применяла карательные меры.

³⁴⁶ Здесь стоит отметить, что схема исследования позволяет идентификацию роли норм и эмоций через специфические наблюдаемые импликации теории, а не более традиционным методом, постулируя существование норм и эмоций и затем подтверждая, с той или иной правдоподобностью, их присутствие постфактум.

³⁴⁷ Теория предполагает насилие со стороны повстанцев в 11 деревнях в период 1 и насилие со стороны оккупантов в 37 деревнях в период 2, тогда как в реальности речь шла, соответственно, о 19 и 22 деревнях

9.11.1. Атипичное насилие I (зона 3, период 1)

В противовес прогнозам, из 21 деревни, находившейся в зоне 3 в первый период, целью насилия стали девять. В пяти случаях убитыми были или люди сомнительного поведения, которое всеми в деревне осуждалось, или маргиналы, не имевшие в деревне особого влияния и потому уязвимые³⁴⁸. Например, в деревне Дрепано женщину убили за связь с немецким солдатом (I-153). Эти убийства косвенно подтверждают действенность механизма взаимного сдерживания. Жертвами становились люди, которые не могли убедительно пригрозить возмездием или в силу слабости положения своей семьи, или в силу отсутствия оной семьи — которое таким образом предполагало отсутствие доступа к противнику, — или потому, что их семья не захотела бы принимать ответные меры из-за их сомнительного поведения. Остальные же случаи включают в себя один внутренний конфликт между представителями левого крыла, желавшими свести друг с другом счеты, и три реальных отклонения от теории: нападение на всю семью офицера армии, на деревенского старосту и местного врача — людей со связями, способными угрожать возмездием³⁴⁹. Собрать достаточное количество информации о случае с семьей офицера мне не удалось³⁵⁰. В случае с врачом было ясно, что решение было принято в обход местного комитета. Хотя местный лидер повстанцев отправился в штаб повстанцев и там настойчиво просил не

³⁴⁸ Нея Тиринта, Нея Киос, Пиргела, Асини и Дрепано. Схожий случай я обнаружил в северной Греции, в деревне Неа Зой. Она была расположена на равнине; немцы использовали ее как базу, но по ночам сюда заходили повстанцы. Единственной жертвой последних стал человек, приехавший в деревню в 1941 г. и не имевший в ней особых связей. Мой собеседник тоже был не оттуда, но в военные годы женился на местной девушке. Если б не ее родственники, сказал он мне, то повстанцы и его бы убили за пренебрежительный о них отзыв: «Я был не местный, но родственники жены меня защитили» (I-163).

³⁴⁹ Пулакида, Ирео, Агия Триада и Лигурио.

³⁵⁰ Я беседовал с его дочерью, которая отказалась рассказывать мне, кто и почему донес на ее семью, хотя и утверждала, что ей это известно. Она говорила, что не хочет порочить репутацию односельчан спустя столько лет. Это также был один из тех редких случаев, когда мой собеседник запретил мне включать диктофон.

лишать арестованного жизни, по неизвестным причинам ему этого не удалось (I-211). Что же касается деревенского старосты, на него донес член его же администрации, который обошел местный комитет и задействовал личные связи с главой повстанцев (I-119; I-120; I-121; I-122). Как и следовало ожидать, эти четыре случая доноса в зоне 3 вызвали ответные действия и тем самым привели к эскалации насилия в последующих периодах, подтверждая, что ответное доносительство выводит обстановку из равновесия еще сильнее.

Подводя итог, объяснить атипичное насилие в зоне 3 в первый период при помощи одного и того же механизма нельзя: привести к избыточному насилию могли нормы поведения, социальная уязвимость и сильная неприязнь. Но все же ошибочные прогнозы представляют собой косвенное подтверждение значимости постулируемых теорией механизмов.

9.11.2. Атипичное насилие II (зона 1, период 3)

В третий период (на пике контроля оккупантов) в зону 1 входило 30 деревень. Согласно прогнозам теории, в тех деревнях, где власть оккупантов уже консолидирована, карательные меры применяться не будут. И в самом деле, в большинстве населенных пунктов (24) насилия, как и предполагалось, не было. В оставшихся же шести без него не обошлось³⁵¹. Как оказалось, пять из этих деревень в первом периоде находились в зоне 3, и в четырех из них в этом периоде наблюдалось атипичное насилие. Во втором периоде они перешли в зону 2 и, как ожидалось, вновь подверглись карательным мерам. В зону 1 они перешли в третьем периоде. Однако, в отличие от остальных деревень, на этом насилие здесь не прекратилось, что указывает на последовательный эффект насилия, запускающий порочный круг смертей. В тех деревнях, где насилие изначально применялось широко, его размах и в дальнейшем оставался аномально высоким даже тогда, когда уровень контроля должен был его понизить. Качественная оценка происходящего в этих деревнях показывает, что некоторые местные жители требовали нового и нового насилия, вероятно, потому, что зачинщиками этого насилия считали

³⁵¹ Лигурио, Неа Киос, Асини, Ирео, Кефалари, Лэфкакия.

своих жертв. Видимо, инициация насилия в мирном регионе в дальнейшем приводила к более жестоким карательным мерам³⁵². Индивидуальным мотивом была месть, запятнанная чувством вины. Мне удалось найти несколько случаев, где люди высказывали изумление и восторг, когда люди отказывались от возможности отомстить (Dalianis 1998: 152). Катеватис (Katevatis б.д.: 77) вспоминает следующую историю. В 1944 г. в дом его семьи с обыском нагрянули люди ЭЛАС под командованием его соседа; его матери, проживавшей в доме, они не навредили. Он добавляет:

Сорок лет спустя, уже в Афинах, я узнал, что с моим бывшим соседом произошел несчастный случай, и он оказался в больнице. Я немедленно туда направился, сказал ему, кто я такой, предложил ему свои услуги и любую помощь, которую я только мог оказать. ...Я подчеркнул, что пришел к нему потому, что сорок лет тому назад он мог бы навредить моей матери, но вместо этого обошелся с ней по-доброму. Я не уверен, понял ли он, о чем я говорю: хотя благодарят обычно за добрые дела в прошлом, мой долг был более отрицательным и проистекал из того, что он не поступил плохо, когда у него была такая возможность.

9.11.3. Атипичное спокойствие (зона 2, период 2)

В первый период в зоне 3 находилась 21 деревня. Из них насилия, как и предполагалось, не было в 12, но еще в 9 карательные меры применялись. Во втором периоде все эти деревни перешли в зону 2. Из девяти атипично беспокойных деревень, в шести, как и было спрогнозировано, в следующем периоде, уже в зоне 2, насилие продолжалось, а в трех — нет. Однако вопреки теоретическим ожиданиям, из тех 12 деревень, где в первом периоде царил покой, в

³⁵² К сожалению, мне не удалось узнать, как эти люди смогли убедить оккупантов совершать дополнительные казни в зоне 1, где опасность перехода на сторону противника была минимальной. Среди прочих вероятностей можно допустить и то, что они указали на излишние смерти в первом периоде, заявляя, что те свидетельствуют об особой жесткости местных повстанцев и необходимости более суровых мер.

во втором насилии применялось только в трех. Такая закономерность тоже предполагает последовательный эффект, но в этот раз положительный. Видимо, отсутствие насилия в первом периоде помогло избежать его во втором вопреки эффекту уровня контроля. Этот эффект относится именно к этому виду перехода, переходу из зоны 3³⁵³. Почему деревни из зоны три, избежавшие насилия, в дальнейшем периоде ему подвергались с намного меньшей вероятностью несмотря на благоприятные для того условия, — тогда как спокойные деревни из зон 1 или 5 в таких же условиях испытывали на себе карательные меры с куда большей вероятностью?

Здесь возможен следующий механизм. Находясь в зоне 3, деревни подвергались сильному давлению со стороны как оккупантов, так и повстанцев, требовавших доносительства и контрдоносительства. Хотя в таких условиях не прибегать к насилию было разумно, его отсутствие вполне могло создать норму взаимности, из-за которой люди в дальнейших периодах отказывались от возможности донести на жертву при более благоприятных условиях. Неиспользованная возможность обязывала избежавшего насилия человека ответить тем же, и т.д. Иными словами, рациональный механизм взаимного сдерживания, предотвративший насилие на первом этапе, мог в последующих этапах задействовать неинструментальный механизм³⁵⁴.

³⁵³ Вычисление коэффициента регрессии насилия относительно предыдущего периода особого эффекта не дает.

³⁵⁴ Даже те три деревни, которые избежали насилия в первом периоде и подверглись ему во втором (Фихти, Панарити и Толо), напоминают тихие деревни. Отсутствие в них насилия по сравнению с насилием в остальных деревнях зоны 2 кажется идиосинкразическим. В Фихти немцы казнили только молодого человека, который в предыдущем периоде участвовал в убийствах в соседней деревне Анифи и попал к оккупантам после доноса местного жителя (I-102; I-143; HAA/EDD 333/47). В Панарити силами батальона безопасности из другой деревни был арестован один член ЭАМ, которого, не казнили из-за настойчивого вмешательства местных влиятельных лиц; впрочем, в заключении он свел счеты с жизнью сам (I-109; I-81; HAA/EDD 93/46). Наконец, в Толо насилие относилось к споре из соседней деревни Дрепано; скандал завязался вокруг дочери крестьянина из Дрепано, которая вышла замуж за жителя Толо (I-153).

Можно возразить, что каждый раз, когда кто-то воздерживается от применения насилия, следовать принципу «око за око» и ответить тем же вполне рационально, по крайней мере, если в последующем периоде люди осознают последовательность развития ситуации. Это, однако, не отменяет необходимости объяснить поведение человека, положившего этой цепи начало. Более того, в этом аргументе не учитывается разница между деревнями, о которых идет речь, и теми населенными пунктами, которые перешли в подразумевающие насилие зоны контроля из зон 1 или 5, а не из зоны 3; большая их часть была спокойной, но в этом ничего нетипичного не было.

В пользу механизма взаимности говорят и другие сведения. В первом периоде в зоне 4 находилось 11 деревень; в периоде 2 они перешли в три разные зоны: семь — в зону 2, две — в зону 3, и две остались в зоне 4. Эта вариация в переменных уровня контроля была вызвана динамикой хода войны, в частности, немецким наступлением. Из семи деревень, перешедших в зону 2, пять, как и предполагалось, подверглись насилию. В четырех из них карательные меры применялись и в предыдущем периоде, в одной — нет. С другой стороны, две деревни, не подвергавшиеся насилию в первом периоде, избежали его и во втором, то есть два периода подряд оставались спокойными (Манеси и Нео Ирео). Я обнаружил, что в первом периоде повстанцы проводили ряд арестов, но стараниями местных повстанцев казни были предотвращены, скорее всего, по идиосинкразическим причинам (I-127; I-128; I-75). Когда уровень контроля изменился и у власти оказались оккупанты, их местные сторонники защищали местных агентов повстанцев, исходя из того же принципа взаимности. Как и в случае с деревнями, без насилия переходящими из зоны 3 в зону 2, пример этих деревень подразумевает существование и положительной версии порочного круга, основанной на слегка измененной вариации нормы положительной взаимности: избегание насилия при невыгодных начальных условиях в дальнейшем может стать залогом мирного развития событий.

Вопрос, в таком случае, заключается в том, что в этих деревнях послужило причиной изначального отказа от насилия? Хотя я не могу с полной уверенностью исключать важность той или иной нерассмотренной нами переменной, обнаружить какие либо структурные характеристики дере-

вень, на основе которых можно спрогнозировать отсутствие смертей в начальный период (или, наоборот, их наличие), мне не удалось. На ту или иную предрасположенность не указывает ни индекс делопроизводства, ни изученная мной местная история и социо-экономическая обстановка в этих деревнях. Иными словами, для заявления об эндогенности аномальных порочных кругов или последовательного отказа от насилия в отношении к предшествующим социальным условиям веских оснований нет.

В общем и целом качественная оценка показывает, что люди отлично понимали важность предотвращения актов насилия с точки зрения отсутствия последующей его эскалации. Агент повстанцев в своих мемуарах утверждал, что ему удалось защитить родную деревню от насилия за счет того, что он никому не позволял положить начало кровопролитию: «Я знал, что если кто-то начнет убивать, то потом смертям конца не будет» (Priovolos 1988: 8). В то же время люди явно переоценивали стабильность уровня контроля, при котором им приходилось жить. В ретроспективе это может показаться странным, но, судя по моим беседам с местными жителями, в то время многие искренне считали, что правление повстанцев зимой 1943–1944 гг. и немецкая контратака летом 1944 г. представляли собой долгосрочные тенденции. В ходе качественной оценки мне также удалось обнаружить несколько случаев, когда люди публично и во многом показательно отказывались от актов возмездия (I-22; I-24; Dalianis 1998: 163). Уильям Макнил (McNeill 1978: 145) описывает, как насилие закончилось в одной деревне, где ему довелось побывать: «Староста Метони, известный своими правыми взглядами, попросил жандармов отпустить двух молодых людей из его деревни, которые сражались в рядах повстанцев, после чего вернулись в деревню и были арестованы. Он заступился за них, хотя сам на войне потерял сына; когда жандармы решили отпустить пленников, его поступок стал мощным залогом быстрого и длительного примирения между местными политическими силами». В этом примере особый интерес вызывает тот факт, что случилась эта история уже после поражения повстанцев и окончания войны; таким образом, поступок старосты нельзя объяснить ожиданием выгоды в последующих периодах или рациональной стратегией «ты — мне, я — тебе».

Наконец, местные жители в своих воспоминаниях зачастую подчеркивают важность долга и благодарности. Стелиос Перракис (Perakis 2006: 116) приводит пример интервью, которое он провел в Манеси:

В нашей деревне поддержанием мира среди местных жителей и предотвращением казней политической оппозиции во время правления левых занимался [их местный лидер] Меиданис. Правые были ему за это благодарны и, в свою очередь, от карательных мер после войны воздержались. Против левых также не выдвигались обвинения, так как казней или реакционеров в нашей деревне не было». Я указал на то, что в Гербеси, находившейся всего в паре километров от их деревни, происходило совсем иное, и они не спорили. Манеси и вправду представляет собой редкий пример аргонидской деревни, не затронутой оставившей столько шрамов по всей префектуре борьбой между фракциями. Родственники Меиданиса... только восхваляли местных правых, из благодарности за действия левых под руководством Меиданиса укрывавших их от излишне рьяных должностных лиц или пришлых правых.

В этой связи весьма показательным, что один из правых, не постеснявшийся мне подробно рассказать, как он разобрался с некоторыми левыми из этой области, сказал, что в Манеси он не тронул никого, так как поведение противников во время войны считал образцовым (I-21)³⁵⁵. Хотя такую интерпретацию можно считать рационализацией по факту, она указывает на важный механизм, и потому сбрасывать ее со счетов не стоит.

В общем и целом случаи аномального спокойствия служат примером того, что во время гражданской войны возникают не только порочные круги насилия, но и последовательный от него отказ. Последний зачастую приобретает институциональный характер, превращаясь в этику солидарности, которую

³⁵⁵ Это также указывает на вторичный характер мести (т.е., отрицательную и положительную взаимность). Описывая разнообразные действия против местных противников, этот человек не высказывал ни капли вины; единственное воспоминание, которое вызвало у него печаль, — это расстрел в 1949 г. одного из местных левых, который, как оказалось, ранее помог его семье; он раз за разом высказывал сожаление о том, что отошел от нормы положительной взаимности.

после окончания войны, как правило, считают возникнувшей еще до начала конфликта. Наши сведения показывают, что аномальное поведение внутри деревни, как положительное, так и отрицательное, носит последовательный характер и по отношению к войне во многом эндогенно.

9.11.4. Ошибочная оценка исполнителей

В некоторых случаях теоретические прогнозы неверно оценивают, какая именно сторона будет применять селективные карательные меры³⁵⁶. В их число входят налеты, осуществлённые отрядом повстанцев на самых надёжно контролируемых оккупантами территориях (зона 1); хотя организовывались они в соседней Аркадии, родом бойцы были из Арголиды и потому, используя знания о местности, с лёгкостью ориентировались в недружественной обстановке. Схожие рейды предпринимали и оккупанты (например, на Маландрени в период 2). В других же случаях речь идет о мести, завязанной на сильных эмоциях, не учитывающей возможный риск. Про людей, которых захлестывают подобные сильные чувства, греки говорят, что у них кипит кровь. Здесь я рассматриваю три случая, когда подобные сильные эмоции толкнули людей на возмездие в неблагоприятной зоне контроля: Агиос Стефанос в период 1, Анифи в период 1 и Лиркия в период 2 — во всех случаях избирательное насилие со стороны оккупантов происходит на территории, частично или полностью контролируемой повстанцами.

Роль эмоциональной мести проще всего продемонстрировать на примере деревни Агиос Стефанос, расположенной в горах и находившейся под надёжным контролем повстанцев. 12 июня местные жители захватили деревенского лидера ЭАМ, Танассиса Михаплопулоса, и передали его немцам. Лидером заговора был его кузен, Вассилис, которого, как и многих других жителей деревни, Михалопулос разозлил тем, что пользовался своей властью для шантажа и конфискации

³⁵⁶ Четыре случая насилия со стороны оккупантов в зоне 4 (Анифи в периоде 1, Лиркия и Маландрени в периоде 2 и Маландрени в периоде 3), один случай насилия со стороны оккупантов в зоне 5 (Агиос Стефанос, период 2) и четыре случая насилия со стороны повстанцев в зоне 2 (Мили в период 1, Лиркия, Бербати, Монастираки в период 3).

чужого имущества. О последствиях никто из заговорщиков не подумал. На следующий же день ЭАМ арестовала несколько человек, включая Вассилиса Михалопулоса. 13 июня троих из арестантов публично казнили в соседней деревне Кария, еще троих казнили несколько дней спустя. Сам Вассилис был убит через побивание камнями на массовом митинге в деревне Кефаловрисо, на который 6 июля собрались сотни жителей окрестных деревень (НАА/ЕDD 51/1945; 8/1947; I-9; I-79; I-91).

Последствия мести можно проследить и на примере деревни Лиркия на западных холмах. Зимой 1943–1944 гг. деревня находилась под контролем повстанцев; против повстанцев здесь никто открыто не выступал, и карательные меры не применялись. Однако, несмотря на кажущееся спокойствие, с таким положением дел были согласны не все жители деревни. С весной недовольство начало находить выражение. В апреле местный лидер ЭАМ, учитель по имени Панайотис Статхис, вопреки пожеланиям организации принял участие в выборах в Политический комитет национального освобождения, который представлял собой попытку ЭАМ создать в Греции фактическое правительство. На выборах он победил, но компартия не признала их результаты. Этот малый акт неповиновения совпал с немецкими майскими карательными операциями, в результате чего безопасность деревни оказалась под угрозой. 21 мая она подверглась нападению со стороны оккупантов. 6 июня люди ЭАМ арестовали местного священника Панайотиса Папагеоргиу и его дочь, чтобы тем самым надавить на его брата, поддерживающего немцев врача, жившего в Аргосе и женившегося на немке. 15 июня бойцы ЭАМ арестовали Статхиса, Танасиса Караса, местного врача, которого в отчетах британской разведки называли «одним из самых влиятельных людей Арголиды и самым влиятельным в долине Инахос»³⁵⁷, и доставили их в штаб организации в Тацци. После того, как доктор под пыткой рассказал повстанцам о существовании вымышленной шпионской ячейки, 16 июня арестовали еще несколько человек, включая жену Караса (I-79). Доктора в ту ночь убили. Посреди всего этого лидер ЭАМ из Аргоса, у которого в

³⁵⁷ «Отчет капитана П. М. Фрейзера, Пелопоннес, июль 43 — апрель 44 гг.» и «Имена влиятельных людей в Арголидо-Коринфии», PRO, NS 5/698/S6557.

Лиркии были семейные связи, остановился в деревне, возвращаясь со съезда Политического комитета в центральной Греции. Молодого человека звали Ясон Букурас, он был сыном известного аргосского врача. Видимо, кто-то из жителей деревни оповестил об этом сына арестованного священника, Петросу Папагеоргиу, который находился в Аргосе. Папагеоргиу передал сведения немцам, которые напали на деревню 18 июня. Пока силы оккупантов окружали деревню, Букурас пытался спрятаться, но его нашли, и Папагеоргиу при всех его опознал, после чего тот был убит немецким офицером. Действия Папагеоргиу можно объяснить только эмоциями, так как его отец и сестра находились в плену ЭАМ и деревня находилась под контролем повстанцев. За такую горячность он поплатился. На следующий же день в деревню вернулись партизаны, везя с собой священника и его дочь. Похоронив Букураса, они казнили обоих заложников. Мои собеседники говорили, что перед смертью отчаявшийся священник назвал сына «отцеубийцей и убийцей сестры» (НАА/EDD 242/1945; 15/1946; 334/1947; I-60).

Последний пример имел место в деревне Анифи, на внешней части равнины; в первом периоде она находилась в зоне 4. В Анифи действовала одна из самых активных местных ячеек ЭАМ; это был настоящий рассадник повстанческой политической деятельности. Вдобавок к тому, несколько местных жителей присоединились к повстанческим отрядам. Однако деревня находилась неподалеку от Мербаки (сегодня — Агия Триада), где располагалась немецкая застава. В январе 1944 г. четверо местных жителей, включая деревенского старосту, были казнены бойцами ЭАМ. Их убийство помогло повстанцам закрепиться на этой территории, хотя из-за близости немцев передвигаться в деревне свободно им все равно было затруднительно. Но все же, несмотря на близость заставы, от местных жителей к оккупантам не поступало никаких сведений вплоть до апреля 1944 г. 9 апреля, на Вербное воскресенье, немцы провели на Анифи большой рейд. До этого они вели себя более агрессивно, и в Арголиду прибывали подкрепления. За день до рейда они провели серию точечных арестов в Нафплионе, тем самым обезглавив городскую повстанческую ячейку. Придя в Анифи, немцы обыскали все дома и собрали всех мужчин в центре деревни. Им впервые удалось собрать о деревне разведанные; к тому же, их со-

проводил прячущий свое лицо информатор, опознавший всех местных членов ЭАМ. Несколько человек арестовали (в их число вошли влиятельные местные лидеры), а одного юношу подстрелили при попытке к бегству через окружающие деревню поля. Через несколько дней он скончался. В том же месяце двоих местных лидеров расстреляли в немецком концентрационном лагере в Коринфе. На мотивацию информанта, прячущего свое лицо, указывает его личность: он был близким родственником одного из людей, убитых ЭАМ в январе. Несколько местных жителей его узнали³⁵⁸. Его решение донести на членов ЭАМ было весьма рискованным, потому что контроля над Анифи у немцев не было и занимать деревню они не планировали. Следует отметить, что Анифи они выбрали целью для рейда раньше, чем прочие деревни на внешней части равнины и восточных холмах, некоторые из которых считались настроенными в пользу коммунистов еще решительней, так как в распоряжении немцев имелись сведения о местной обстановке, и получить их они смогли из-за мести за убийства, совершенные ЭАМ. Однако в отличие от первых двух случаев за этим доносом по неизвестным причинам возмездия не последовало. Через некоторое время в ходе массовых операций по зачистке местности немцы все-таки установили над деревней контроль³⁵⁹. В конце концов они устроили в деревне небольшую заставу, укрепили свою власть и завербовали новых союзников — ряд местных членов ЭАМ примкнули к батальонам безопасности.

Подводя итог, эти три случая показывают, как эмоции заставляют людей идти наперекор здравому смыслу и приводят к насилию в тех ситуациях, где более разумные действия позволили бы обойтись без него.

³⁵⁸ Некоторые из моих собеседников говорили, что с него сорвали капюшон, а другие — что после того, как его узнали, капюшон он с вызовом снял сам.

³⁵⁹ Что, впрочем, произошло не в один миг. Отсутствие ответных действий в этот переходный период может объясняться захватом ряда местных членов ЭАМ, которые сыграли роль заложников. В Арголиде заложников брали не столь часто, и к положительным последствиям такие действия приводили редко, но иногда, видимо, за их счет насилие удавалось держать в узде, как, например, в случае с Лефкакией (I-54; I-88).

9.12. ПОВТОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: АЛМОПИЯ

Чтобы повысить справедливость сравнительного теста на микроуровне, я повторил исследование в регионе Алмопия (Меглен) на севере страны. По размерам и природным условиям регион похож на Арголиду, но отличается от нее стратегическим расположением и этническим составом населения. Хотя мое исследование в этом регионе по глубине уступает проведенному в Арголиде, основные закономерности контроля и насилия мне установить удалось.

Алмопия входит в префектуру Пелла и включает в себя три типа ландшафта: равнины, холмы и горы. В 1940 г. население региона составляло около 30 000 человек и по большей части было сосредоточено в сельской местности (46 деревень со средним населением около 600 человек). Город в регионе был всего один. История региона неразрывно связана с историей прилегающих земель. До вхождения в состав Греции в 1913 г. Алмопия была частью Османской империи. Регион населяли христиане и мусульмане, которые преимущественно брали наделы в аренду на крупных хозяйствах (чифтликах), принадлежавших мусульманам-землевладельцам. Основными языками были турецкий, местный славянский диалект (близкий к болгарскому и современному македонскому), греческий (преимущественно в городе, который назывался Каратзова или Аридея), а также валашский (родственный румынскому язык, на котором говорили живущие в сельской местности валахи). Языком торговли был греческий; большинство местных христиан (и большинство мусульман славянского происхождения) говорило и по-македонски. До конца XIX века основой самосознания местного населения была религия, что отражало систему миллет, широко используемую в Османской империи для определения обязанностей и привилегий каждого сообщества согласно его религиозной конфессии. Однако в конце XIX века местная христианская община оказалась раздробленной из-за растущих национальных чувств местных жителей. По всей Македонии агенты Греции, Сербии, Румынии и Болгарии вели тайную войну за умы и сердца македонских христиан, живущих по большей части в сельской местности. Самый острый конфликт, принявший форму партизанской войны между бандформирова-

рованиями, развернулся между Грецией и Болгарией. Этнические раздоры нашли идеологическое отражение в сфере религии: власти греческой православной церкви с престолом в Константинополе (Стамбуле) над всем христианским населением бывших земель Османской империи в Европе бросила вызов независимая болгарская церковь (экзархат). Со временем выбор между Патриархатом и Экзархатом стал равносителен национальному самоопределению: грек ты или болгарин. Принималось это решение зачастую под влиянием насилия (применяемому враждующими между собой бандами партизан) и закреплялось через образование, организацией которого занималось множество балканских стран. Хотя в результате подобного выбора семьи иногда оказывались разделенными, формируемое национальное самосознание оказалось настолько прочным, что на то, чтобы забыть про сам факт этого выбора, хватало двух поколений (Karakasidou 1997; Danforth 1995).

После балканских войн 1912–1913 гг. Македония оказалась разделенной на три части, самая крупная из которых вошла в состав Греции, а другие перешли к Болгарии и Сербии. Во время этих войн боевые действия велись достаточно жестоко, и местное население немало пострадало, в том числе и от этнических чисток. Хотя после балканских войн этническое разнообразие значительно снизилось, населяли Македонию по-прежнему представители самых разных конфессий и этносов. Однако религиозное разнообразие Македонии оказалось уничтожено после поражения Турции в войне с Афинами 1920–1922 гг. и последующего «обмена населением». Мусульмане ушли, а в их деревнях поселились беженцы-христиане из Анатолии. Тем не менее мультиэтнический характер регион сохранил, и в переписи населения 1928 г. 40% его населения записаны как «славяноговорящие», 6% как валахи, а 54% — как «беженцы» (из Малой Азии).

Новые поселенцы говорили на разных языках, включая греческий, понтийский и турецкий, и назвать их единой общиной было трудно. Их прибытие положило начало напряженному противостоянию между представителями различных этносов, лишь подстегиваемое распределением мусульманских земель. На глазах у многих местных славяномакедонских фермеров, арендовавших надель, те земли, которые они надеялись приобрести, поделили на более мелкие

участки, которые распределили между новоприбывшими. В результате «простое крестьянское население, которое традиционно не питало к чужакам, особенно к грекам, доверия» (Rossos 1997: 70), получило множество новых поводов не доверять беженцам, которых они также считали чужаками. В свою очередь беженцы не считали славяно-македонцев греками, так как те говорят на языке, родственном языку врагов Греции — болгар. К тому же переселенцы, которым однажды уже пришлось покинуть родные земли, теперь боялись потенциального нового вынужденного массового переезда (Marantzidis 2001).

Есть множество подтверждений тому, что эти группы, говорящие на разных языках, относящиеся друг к другу с подозрением, не заключающие между собой браков, относящие себя к разным национальным государствам и борющиеся за местные ресурсы, в конечном итоге начали проявлять друг к другу враждебность (Marantzidis 2001; Koliopoulos 1999; Yannisopoulou 1998). В период между мировыми войнами в Алмопии имела место проболгарская деятельность, которая в 1920-х гг. даже приняла форму партизанской войны. Греческие власти ответили на нее репрессиями. Политика принудительной языковой ассимиляции славяно-македонского населения, проводимая диктатурой Метаксаса (1936–1940 гг.), лишь усилила недовольство славяноговорящего населения Алмопии.

Во время оккупации Греции немецкими, итальянскими и болгарскими силами (1941–1944 гг.) в северной Греции развернулась кровопролитная гражданская война, в которой этническая поляризация сыграла значительную роль (Koliopoulos 1999; Kofos 1993). В префектуре Пелла, как и в соседних областях, по большей части на западе Македонии, многие славяно-македонцы присоединялись к проболгарскому ополчению, известному как комитаджи (название восходит к македонским партизанам времен конца XIX — начала XX века), хотя болгарская армия эти земли и не занимала. В свою очередь болгарские вооруженные силы проводили широкую программу этнической чистки и переселения, изгоняя греческое население из восточной Македонии. Когда в 1942–1943 гг. эти беженцы прибыли в западную Македонию, трения между местными этническими группами значительно усилились. В период оккупации эти трения переросли

в гражданскую войну и насилие, и в период с 1946 по 1949 гг. кровопролитие не прекращалось. Гражданскую войну питала сеть текучих этнических и неэтнических мотивов и символов, зачастую прикрываемых ширмой более широкого конфликта левых и правых. Например, бои между партизанами-коммунистами (ЭЛАС) и коллаборационистами (Греческая Национальная Армия — ЭЭС) при более тщательном изучении зачастую также оказывались конфликтами между славяно-македонскими жителями и греческими поселенцами, говорящими по-турецки (Marantzidis 2001).

После окончания оккупации и демобилизации партизан-коммунистов (1945–1946 гг.) новое греческое правительство преследовало и левых, и славяно-македонцев. Процессы над коллаборационистами использовались для разрешения как этнических конфликтов, так и разнообразных местных ссор. В результате множество славяно-македонцев, как из числа бывших членов ЭАМ, так и сражавшихся в коллаборационистском ополчении, бежало за границу в Республику Македония, только что сформированную в рамках социалистической Югославии. Если во время оккупации многие славяно-македонцы идентифицировали себя как болгар и сотрудничали с болгарскими войсками, то теперь многие называли себя македонцами и с надеждой смотрели на Югославию; многие из них присоединились к движению за независимость (НОФ) и подразделению под названием Первая эгейская бригада. Обе организации были тесно связаны с коммунистическими властями югославской Македонии, которые поддерживали сложные связи с греческими коммунистами. На массовом уровне языковое самоопределение славяноговорящих групп все больше и больше накладывалось на этническое самоопределение славяно-македонцев (или македонцев) и на предрасположенность к сотрудничеству с левыми в 1946–1949 гг. Хотя о полном наложении говорить не приходится и значительная часть славяно-македонцев встали на сторону Афин³⁶⁰, очевидно, что большинство славяно-македонцев либо сотрудничали

³⁶⁰ Этих «грекофилов или ассимилировавшихся македонцев» славяно-македонские повстанцы с насмешкой называли грекоманами (Rossos 1997: 63) и нередко на них нападали. Один греческий чиновник, с другой стороны, разделял славянофонов и славянофранов (“Notes on

с греческими левыми повстанцами в 1946–1949 гг., либо открыто к ним присоединялись. По одной из оценок, таковыми были 85% (Rossos 1997: 63). С другой стороны, многие греческие поселенцы, особенно в деревнях со смешанным населением, поддерживали правых греков, даже если между войнами были ярыми сторонниками либеральной партии (Marantzidis 2001).

Говоря кратко, хотя греческая гражданская война в Македонии сугубо этнической не была, этнический характер у нее был выражен ярко. Славяно-македонцы внесли «значительный, важнейший вклад в дело коммунистической стороны в годы гражданской войны в Греции»; на них, жителей тех регионов Македонии, где велись самые тяжелые бои, легло самое тяжкое бремя. В рядах повстанческой армии их было очень много, что «далеко не соответствовало их довольно невеликой пропорции относительно населения Греции в целом. ... Их предполагаемое присутствие в ДСЕ [Демократическая армия Греции — так называли повстанческую армию коммунистов] в апреле 1947 г. превышало четверть, а к середине 1949 г. — две трети». К 1948 г. коммунистическая партия «стала практически полностью зависеть от находящихся под ее контролем относительно небольших областей в центральной и западной Македонии, населяли которые преимущественно македонцы». Важно отметить, что участие македонцев в греческой гражданской войне (по крайней мере, на уровне элит) носило скорее националистический, а не коммунистический характер. В борьбе, которая должна была привести к отколу от Греции и присоединению к югославской Республике Македония, они были удобными союзниками. Для НОФ это была «в первую очередь националистическая борьба, битва за национальное освобождение македонцев в Эгейской Македонии» (Rossos 1997: 42, 43–4, 64, 42). И все же, несмотря на эту острую этническую поляризацию, число убийств мирного населения в Алмопии было куда ниже, чем я ожидал, — и явно ниже, чем в Арголиде, — как в 1943–1944, так и в 1946–1949 гг.

Из-за географического положения (изолированный регион, отдаленный от важных линий коммуникации) Алмопия

Tour from Salonica to Verroia, Edessa and Kaimaksalan, September 11th and 12th, 1948," PRO FO 371/72327).

не представляла для оккупационных властей особого интереса, и они, по сути, махнули на нее рукой. В результате с 1943 г. зона находилась под эффективным контролем повстанцев-коммунистов. Во многих деревнях оккупационные войска за весь период бывали только один или два раза. Партизаны казнили нескольких «реакционеров», но количество казней оставалось довольно ограниченным (от силы случаев 30–40). В начале 1944 г. немецкие и болгарские войска провели операцию по зачистке территории; в результате неизбирательного насилия были убиты около 80 человек. Полному разрушению не подверглась ни одна деревня, и население, несмотря на предшествующую этническую и политическую поляризацию, особых признаков политических разногласий не выказывало. На моих беседах с местными жителями это отразилось в том, что большинство из них этот период практически не помнили. У местного населения не было иного выбора, кроме как поддержать ЭАМ, власть которой в регионе никем не оспаривалась, и сделало оно это в едином порыве. Говоря языком теории селективного насилия, Алмопия находилась преимущественно в зоне 5, хотя в зоне 4 тоже было несколько деревень; затем она полностью перешла в зону 5 и там оставалась. В соответствии с ожиданиями теории, деревни из зоны 4, где было не столь безопасно и где люди ЭАМ применяли селективное насилие, по большей части находились в низине, ближе всего к основной дороге, соединявшей регион со столицей Пеллы, городом Эдесса.

В чем-то Алмопию можно считать контрфактуальной Арголидой: если бы оккупация Арголиды окончилась в апреле 1944 г., никакой разницы между ними не было бы, несмотря на разные уровни этнической поляризации. Объяснить, почему насилие в Алмопии применялось ограниченно, можно за счет ее расположения, благодаря которому область стала для повстанцев надежным оплотом³⁶¹. На прилегающих территориях (например, в соседнем регионе Пеония в префектуре

³⁶¹ Маранцидис (Marantzidis 1997: 158) сообщает о схожем случае в раздираемых глубокими противоречиями деревнях Георгианой и Лефкопестра в префектуре Иматия, северная Греция. Из-за того, что во время оккупации местность оказалась под полным контролем ЭАМ, местные конфликты выражения не получили.

Килкис, или в префектурах Кастория и Козани) во время гражданской войны размах насилия, несмотря на схожую социальную и экономическую обстановку, был куда больше из-за стратегической важности этих земель для оккупантов, готовых за них побороться.

После окончания оккупации и демобилизации партизан в 1945 г. Алмопия прошла через процесс, также происходивший в остальных концах страны: восстановленное греческое правительство и военнизированные банды правых, по большей части родом из соседних областей, терроризировали как левых, так и славяно-македонцев. Хотя объем насилия «низкой интенсивности» был значителен (многих людей арестовали и посадили в тюрьму, многих избивали, грабили, и некоторые были вынуждены бежать из страны), количество убийств оставалось низким. В то же время здесь произошла важная перекалибровка. Многие люди, по большей части беженцы, во времена оккупации поддерживавшие (активно или пассивно) партизан, теперь сменили сторону и перешли в ряды правых и монархистов. Мотивации у них были самые разные, но главным поводом была перемена в ожиданиях касательно того, кто в конечном итоге окажется победителем. Иными словами, Алмопия переместилась в зону 1.

В 1946 г. коммунистическая партия подняла восстание. Вооруженные отряды партизан, подготовленных в Югославии, перешли границу, начали нападать на заставы жандармов, убивать местных старост и привлекать новых бойцов из числа крестьян. Из-за расположения на границе с Югославией Алмопия в гражданской войне оказалась на передовой. В «Демократическую армию» коммунистов вступило немало жителей местных славяно-македонских деревень, расположенных в восточной части региона. В этом периоде потери были большие: в некоторых деревнях было убито человек по 60-70. Но все же большая часть потерь приходилась непосредственно на боевые столкновения, гражданских за этот период было убито немного. Хотя греческая армия регулярно вела артобстрелы ряда славяно-македонских деревень, а повстанцы однажды напали на деревню беженцев и убили 39 гражданских (самая кровавая бойня за всю войну в этой местности), по сравнению с югом Греции в 1943–1944 гг. размах насилия против гражданско-

го населения в Алмопии был ограниченным. Более того, с точки зрения соотношения потерь среди гражданских и комбатантов Алмопия являла собой почти полную противоположность Арголиде.

Разницу между Арголидой и Алмопией можно объяснить за счет двух факторов, имеющих отношение к ходу войны и не имеющих отношения к характеру раздоров. Во-первых, в течение 1948 г. греческая армия эвакуировала большинство алмопийских деревень, действуя в соответствии с традиционной тактикой подавления восстаний, при которой бунтовщиков нужно отделить от местного населения. Большая часть местных жителей или покинули эту область, или отправились в лагерь для беженцев в городе Аридея. Некоторые крестьяне, сочувствующие делу левых, переместились за границу, в Югославию. В результате после 1948 г. в сельской местности Алмопии потенциальных гражданских жертв практически не осталось. Во-вторых, начиная с 1946 г., но особенно в 1947 и 1948 гг., многих пригодных к военной службе мужчин и женщин обе стороны вербовали в различные военные и полувоенные отряды. Такая широкая милитаризация сместила акцент с гражданских на поле боя.

Хотя эти факторы помогают объяснить низкий уровень насилия против гражданских, полностью объяснить его до эвакуации деревень и массового призыва гражданских на службу не получится. Мои исследования указывают на то, что, в соответствии с теорией, главной причиной такого низкого уровня насилия было распределение уровней контроля в 1946–1948 гг. Большая часть деревень располагалась в местах, одинаково доступных обеим сторонам, то есть в зоне 3. Армия и полиция заходили в деревни каждый день, но предотвращать ночные визиты повстанцев они не могли. Именно по этой причине армия и начала эвакуацию гражданского населения в город Аридея. К тому же сдерживающим фактором для сил Афин была международная граница с Югославией, предоставлявшая повстанцам надежное убежище, что в Алмопии давало левым огромное преимущество. Что делает случай Алмопии особенно интересным, так это тот факт, что этническая поляризация здесь была нейтрализована логикой контроля — и этот вопрос я еще затрону более подробно (Kalyvas 2004).

9.13. ВНЕВЫБОРОЧНАЯ ПРОВЕРКА

В этом разделе я рассмотрю сведения по деревням со всех концов Греции, чтобы проверить, совпадает ли местная статистика по насилию с прогнозами теории. Я использую следующие источники: во-первых, изучение 13 деревень, проведенное в 1951–1952 гг. Фондом Ближнего Востока; во-вторых, исследование 5 деревень, проведенное в 1947 г. историком Уильямом Макнилом; в-третьих, сведения о 136 деревнях, почерпнутые из этнографических исследований и трудов по местной истории, как и из опросов, которые я проводил вне Арголиды. Хотя это и не случайная выборка греческих деревень, эти данные охватывают большую часть страны и в целом описывают ход военных действий в сельской местности за весь период с 1943 по 1949 г. (таблица В.4 и Приложение В). Так как мотивации авторов и используемые ими источники сильно различаются, говорить о преобладании той или иной предвзятости не приходится.

Помимо представления о том, в какой степени происшедшее в Арголиде отражало более широкий национальный контекст, с помощью этих проверок я также получил возможность оценить, соответствуют ли сведения о взаимосвязи между контролем и насилием в этих деревнях прогнозам, основанным на нашей теории. Оценку эту я провожу как непосредственно за счет работы с имеющимися у меня данными, так и за счет проверки вытекающего из нашей теории постулата, что в 1943–1944 гг. селективное насилие применялось на меньших высотах относительно уровня моря, нежели в период 1946–1949 гг. Как уже было указано, важное различие между оккупационным и послевоенным периодами заключалось в объеме государственных функций, которые могли выполняться. В отличие от немцев, которые желали и могли контролировать только основные города и дороги, в том числе железные, а горы были готовы оставить повстанцам, послевоенному греческому правительству удалось бросить вызов повстанцам на тех территориях, где они были наиболее сильны. В результате если в период оккупации полный контроль оккупационного правительства даже на равнинах был установлен не везде, то в послевоенное время зоны под полным контролем повстанцев встречались не столь часто даже в гористой местности. Иначе говоря, время

может служить косвенным показателем степени присутствия правительственных сил на более высоких территориях и подчеркивает соотношение между особенностями ландшафта и способностью правительства выполнять административные функции. Так как согласно теории в областях, находящихся под полным контролем той или иной стороны, селективное насилие против гражданских применяется реже, в период оккупации в горах должен наблюдаться кластер спокойных деревень (которые в ту пору в большинстве своем находились под полным управлением повстанцев), а в период с 1947 по 1949 г. этот кластер должен переместиться на равнины (в зону полного контроля правительственных сил)³⁶². С точки зрения анализа, промежуточный период 1945–1946 гг. ближе к оккупационному, так как греческое государство все еще было слабым, что предоставляло правым и левым отрядам широкий простор для деятельности.

Говоря кратко, в 1943–1946 гг. низкие высоты должны соответствовать более высоким уровням селективного насилия, а в 1947–1949 гг. — более низким. Схожим образом по высоте над уровнем моря можно спрогнозировать и время внутренних раздоров в деревнях. В низинных деревнях время поляризации и конфликтов наступало в период оккупации, а в тех, которые расположены более высоко, — уже после оккупации. Я бы также предположил, что происходящее в тех высокогорных областях, где во времена оккупации велась борьба между разными повстанческими организациями, напоминало о равнинных деревнях того же периода, и селективные меры в них применялись более широко. Наконец, неизбежное насилие со стороны оккупантов в 1943–1944 гг. более вероятно в тех деревнях, которые расположены на возвышенностях: если моя оценка неизбежного насилия верна, то оккупанты должны применять его против тех деревень, над которыми полный контроль держат повстанцы. Чтобы структурировать дискуссию о закономерностях применения

³⁶² Зона 3 во время оккупации также должна находиться ниже (а в послевоенный период — выше). Однако, судя по Арголиде, где большинство деревень приходили в зону 3 из зон 2 или 4, или же в них, наоборот, перемещались, «миротворческий» эффект зоны 3 наблюдаться, скорее всего, не будет при отсутствии дезагрегированной меры контроля.

насилия в этих деревнях, я выделяю четыре типа населенных пунктов с точки зрения степени селективного насилия (таблица 9.10).

ТАБЛИЦА 9.10
Типология греческих деревень

Селективное насилие в 1947–1949 гг.		
	Нет	Да
Селективное насилие в 1943–1946 гг.		
Нет	Тип 1	Тип 3
Да	Тип 2	Тип 4

ТАБЛИЦА 9.11
Описательная статистика

Тип деревни	Частота	Процент	Средняя высота (метры)	σ^2
1	26	19,12	420	321,6
2	36	26,47	125	310,4
3	55	40,44	730	283,1
4	19	13,97	460	393,5

К первому типу относятся деревни, в которых насилие не применялось в течение всей войны; ко второму — те, которые в оккупационную фазу гражданской войны (1943–1944 гг.) подвергались значительному селективному насилию, которое не стихало еще пару лет, пока Афины полностью не восстановили свою власть, но после 1946 г. избирательному насилию не подвергались; к третьему относятся те деревни, где при оккупации насилия или не было вовсе, или было, но только неизбирательное, а после 1946 г. применялись селективные карательные меры. Наконец, к четвертому типу я отношу те деревни, где селективное насилие применялось и при оккупации, и после нее. Так как селективное насилие против гражданских интересует меня больше, чем потери на поле боя, учитывал я только смерти среди мирного населения. Если теоретические прогнозы были верны, деревни

второго типа должны были располагаться ниже, чем населенные пункты третьего типа. О деревнях первого и четвертого типа говорить с такой же определенностью сложно, потому что под их случаи подходят разные конфигурации контроля. Деревни первого типа должны в течение всего десятилетия либо находиться под постоянным контролем одной из сторон, либо в зоне 3, тогда как деревни, относящиеся к четвертому типу, должны были оспариваться на протяжении всего конфликта³⁶³. Рисунок 9.19 представляет собой диаграмму рассеивания типов деревень по высоте и численности населения, а в таблице 9.11 приведены сведения по всем 136 деревням.

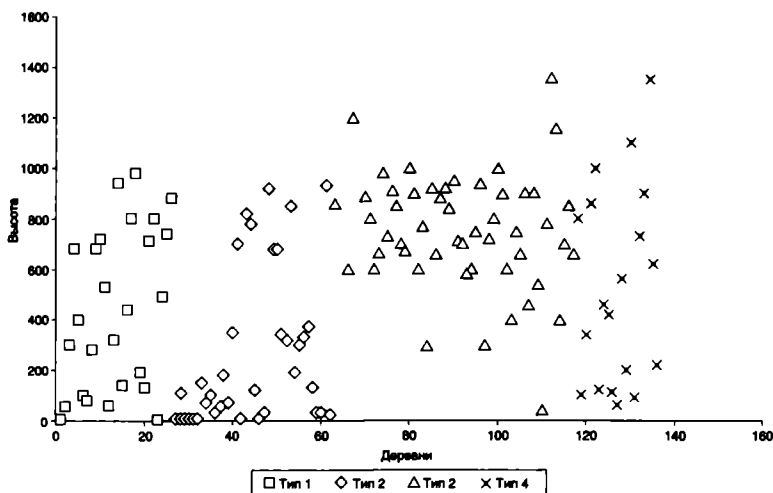

Рисунок 9.19. Типы деревень и высота. Ось x — деревни (квадрат — тип 1, ромб — тип 2, треугольник — тип 3, крест — тип 4), ось y — высота.

Предполагаемое соотношение между высотой над уровнем моря и временем применения насилия мои исследования подтверждают. Деревни второго типа, где насилие применя-

³⁶³ Классифицируя деревни подобным образом, я не придерживался столь строгой границы, как в случае с Арголидой (одна смерть на деревню); информации мне зачастую не хватало, и я ставил перед собой задачу вычислить только общие закономерности применения насилия.

лось с 1943 по 1946 г., в среднем над уровнем моря находятся значительно ниже, чем деревни третьего типа, где насилие применялось с 1946 по 1949 г.: 125 метров против 730. В отличие от этих двух типов деревни, где насилия не было или, наоборот, насилие применялось постоянно, сгруппированы куда менее плотно, и их стандартные степени отклонения по сравнению с типами 2 и 3 выше.

Подобные результаты также указывают на тот факт, что на примере Арголиды, где преобладали деревни типа 2, рассматривать происходящие во всей стране нельзя (на что указывает сравнение с Алмопией), но и исключением ее называть нельзя; по сути, степень дифференциации здесь столь высока, что выделить один типичный регион не получится. Более справедливым будет утверждение, что Арголида может послужить примером областей, где в период оккупации насилие творилось не раз, но после этого царило относительное спокойствие, то есть областей типа 2. Вне зависимости от степени представительности Арголиды, наше исследование подтверждает способность теории селективного насилия объяснять и региональные, и межрегиональные вариации. Причины применения насилия в Арголиде в 1943–1944 гг. могут с таким же успехом использоваться для объяснения насилия в любой другой части страны на протяжении любого временного периода. Это служит дальнейшим подтверждением более раннего тезиса, что хотя действующие стороны во многом и различаются, насилие они применяют схожим образом.

Подтверждаются и два дополнительных эмпирических вывода. Во-первых, динамика насилия в конфликте противоборствующих повстанческих организаций времен оккупационного периода в общем и целом соответствовала динамике насилия в противостоянии между повстанцами и правительственными силами, хотя и имеет несколько менее интенсивный характер (Filos 2000). Во-вторых, деревни типа 3 неизбирательно насилию со стороны оккупантов подвергались чаще, чем деревни типа 2. В следующем разделе я более прямым способом проверю на соответствие с теорией те закономерности насилия и контроля, которые были выявлены в ходе работы с историческими сведениями.

9.13.1. Исследование Фонда Ближнего Востока

В 1951–1952 гг. Фонд Ближнего Востока по контракту с Администрацией экономического сотрудничества США провел исследование 13 деревень для греческого Министерства сельского хозяйства. Это исследование охватывает все виды греческого ландшафта, хотя из соображения приоритетов развития сельской местности больше всего внимания уделялось орошаемым равнинным деревням. Исследование требовалось для рационализации субсидий на сельское хозяйство в послевоенный период (Sanders 1953). Все изучаемые деревни расположены в центре и на севере Греции, что позволяет создать контраст с Пелопоннесом. Исследование состоит из 13 «социальных опросов», то есть коротких отчетов на 12–15 страниц, в которых освещены местная история, общественное устройство и экономика, с особым акцентом на сельскохозяйственные практики. Приводятся и предложения по улучшению ситуации³⁶⁴. Продольной вариативности здесь больше, чем в исследовании Арголиды, потому что исследование охватывает весь период гражданской войны вплоть до 1949 г. С точки зрения контроля, горные деревни в общем и целом попадают под определение типа 3, деревни на холмах — под тип 2, а равнинные относятся либо к первому типу, либо ко второму. Такая вариативность в их случае, скорее всего, определяется специфической для их региона динамикой контроля. Раскрываемая в исследовании значительная вариативность равнинных деревень со схожей статистикой насилия с точки зрения социального устройства и политических взглядов показывает, что при описании логики насилия роль контроля перевешивает как экономические, так и общественные факторы.

В соответствии с теоретическими ожиданиями, горные деревни в движение сопротивления против оккупантов были вовлечены куда сильнее, чем равнинные или те, что располагались на холмах. Из тех трех горных деревень, которые рассматривались в исследовании, в двух оккупационные силы физически не присутствовали; эти деревни находились в зоне 5, сотрудничали с повстанцами, и несколько местных

³⁶⁴ Насколько мне известно, это исследование опубликовано не было, и его содержание так и не стало достоянием общественности.

жителей присоединилось к их отрядам; одна из этих деревень подверглась неизбирательному насилию со стороны немцев, в ходе которого было убито пять крестьян. Третья горная деревня, напротив, куда больше походит на населенный пункт из зоны 1: ее занимали итальянцы, державшие ее под контролем путем применения карательных мер, которые, впрочем, были не масштабны. В послевоенный период все три деревни оспаривались, причем преимущество, хоть и не абсолютное, было у повстанцев (зона 4). Поначалу антиправительственным силам удалось с помощью селективного насилия перевести их в зону 5, но триумф был недолгим: вскоре греческая армия эвакуировала местных жителей в подконтрольные ей города.

Две вошедшие в исследование деревни с холмов находились под болгарской оккупацией. В одной из них селективное насилие не применялось, а во второй 23 семьи спаслись бегством, а десять жителей были убиты. Особых сведений об этом, впрочем, не приводится. В период с 1946 по 1949 г. селективные карательные меры не применялись, так как обе деревни находились под контролем местного проправительственного ополчения. Согласно автору исследования расположение второй деревни близ равнины Серрес «помогло отвадить партизан».

Наконец, в восьми равнинных деревнях обстановка складывалась по-разному. На первой стадии войны пять из них в той или иной форме находились под контролем немцев. Как минимум в одной из этих деревень оккупанты присутствовали физически, а остальные располагались в зоне 1 или 2. Что же касается насилия, то в одной из деревень подобных случаев во время оккупации зафиксировано не было, в двух деревнях несколько местных жителей были арестованы и депортированы, но казней не было, а в двух последних было, соответственно, семь и девять смертей, за которые несли ответственность оккупанты вместе с коллаборационистами. Представляет интерес информация об одной из деревень, Антили, где террор со стороны немцев «достиг своего пика, когда в деревню начали проникать подпольщики под предводительством ЭАМ», что свидетельствует о расположении деревни в зоне 2. Говоря кратко, общая картина в этих пяти деревнях во многом походит на обстановку в низинных деревнях Арголиды: насилие там применялось или без леталь-

ного исхода, или носило селективный характер, в отличие от тех карательных мер, что применялись в горных деревнях. В остальных трех равнинных деревнях обстановка усложнялась тем, что за них вели борьбу две повстанческие организации, ЭАМ и некоммунистическая Греческая национал-демократическая лига (ЭДЕС). Чего и следовало ожидать, каждая из этих деревень в той или иной степени подвергалась селективному насилию. В одной из них один местный житель был убит людьми ЭДЕС, в другой ЭАМ казнила четверых, а о третьей можно сказать лишь то, что убийства там были, но сведения о числе убитых или исполнители отсутствуют. Это опять же служит подтверждением того, что динамика насилия не меняется в зависимости от противоборствующих сторон (оккупанты против местных жителей, коллаборационисты против движения сопротивления или повстанцы против других повстанцев). На второй стадии войны в шести из восьми деревень насилие носило исключительно нелегальный характер (аресты) или и вовсе не применялось³⁶⁵. Из двух оставшихся деревень, в одной правительственные силы казнили двух местных жителей, а другая подверглась опустошительному нападению со стороны повстанцев, в ходе которого было похищено 40 человек, из которых 26 удалось бежать и вернуться, а 14 были убиты (сведения, позволяющие отнести этот рейд к селективному или неизбирательному насилию, не сохранились)³⁶⁶. Причины, по которым в большинстве равнинных деревень насилие практически не применялось, в докладе обозначены очень четко: повстанцам было трудно до них добраться из-за их географического расположения. С учетом того, насколько по индикаторам разнятся альтернативные интерпретации, например, включая вызванную спорами о земельных владениях социальную разрозненность (Эвинохори), политические взгляды и ло-

³⁶⁵ Несколько местных жителей, служивших в армии, погибли в боях с повстанцами в других частях страны. В одной из деревень (Антили) в период с 1947 по 1949 г. к повстанцам присоединилось 22 человека.

³⁶⁶ В период оккупации эта деревня (Неа Никомидия) единственная на равнине не подвергалась никакому насилию. К сожалению, более никакой информации о ней в докладе не приведено. В любом случае, я отнес ее к третьему типу как статистический выброс.

яльность (Кимины) и этническую поляризацию (Калохори), примерное сходство происходящего в деревнях на равнинах свидетельствует о важности контроля как фактора. Наконец последовательного эффекта в этих деревнях не наблюдается: деревни, где во время оккупации насилие применялось, во втором периоде насилия избегали с той же вероятностью, что и те населенные пункты, где и при оккупации все было тихо.

В общем и целом содержащаяся в исследовании Фонда Ближнего Востока информация подтверждает теоретические прогнозы. Три момента следует подчеркнуть особо. Во-первых, сравнение первого и второго периодов гражданской войны ясно демонстрирует, что география служит скорее показателем военных ресурсов, а не социальной структуры. В тех деревнях, которые в первом периоде были тихими, во втором насилие уже применялось, и наоборот; менялась при этом динамика войны, а не их социальные или политические особенности. Во-вторых, когда контроль не соответствует географии, победа остается за контролем: весьма показательно, что в единственной подвластной оккупантам горной деревне события развивались по такому же сценарию, что и в контролируемых ими же деревнях на равнинах. Наконец, в оспариваемых деревнях обстановка складывалась одинаковая вне зависимости от того, шла ли борьба между оккупантами и повстанцами, противоборствующими повстанческими организациями или между повстанцами и армией Афин.

9.13.2. Исследование Макнилы

После 1944 г. признанный американский историк Уильям Макнил провел в Греции немало времени, выполняя в основном различные дипломатические функции. Ряд аспектов греческой гражданской войны он осветил весьма широко. В одной из книг, «Метаморфозы современной Греции», он рассказывает о пяти деревнях, в которых он регулярно бывал на протяжении более 40 лет, в том числе и в 1947 г., в разгар войны (таблица В.4 в Приложении В)³⁶⁷. Равнинным деревням вновь уделяется непропорционально большое количество внимания — их три, тогда как еще одна деревня располо-

³⁶⁷ Пишет он и о шестой деревне, но о ее жизни во времена гражданской войны не рассказывает практически ничего.

жена в холмах, а последняя, пятая, — в горах. Три деревни находятся в северной части страны, одна — в центральной, и еще одна — на юге. Наблюдения Макнила представляют для нашего исследования немалую ценность, сочетая в себе богатство, обусловленное личным участием в описываемых событиях, и глубину, доступную лишь выдающемуся уму великого историка. Почерпнутые им сведения теоретическим ожиданиям соответствуют³⁶⁸.

Первой Макнил описывает деревню Метони, расположенную на равнине близ горы Олимп в северной части центральной Греции, которая в общем и целом подходит под тип 3 (т.е. в период оккупации спокойная, а в последующие годы подвергавшаяся насилию). Проживали здесь как коренные греки, так и греческие беженцы из Анатолии; после земельной реформы 1927 г. в распоряжении каждой семьи оказались одинаковые участки, что не давало оснований для каких-либо классовых раздоров. Несмотря на низинное расположение, в годы оккупации деревня контролировалась силами ЭАМ, так как стратегического интереса для оккупантов не представляла (зона 5). Таким образом, как и равнинные деревни Алмопии, она может служить подтверждением того, что эффект географии с эффектом контроля особенно связывать не стоит. Не удивительно, что около 20 местных молодых людей примкнуло к ЭДАС. Во время войны мнения касательно левых в деревне разделились примерно поровну: около половины семей ЭАМ доверяли, а остальные к организации особо теплых чувств не питали. Впрочем, из-за прочности позиции ЭАМ свое недовольство они старались не высказывать. Как и следовало ожидать, репрессии смертями не оканчивались. Но в 1945 г. расклад изменился: на смену главенству ЭАМ пришла «шаткая» власть правого крыла, во время которой левые укрывались в горах. Посетив деревню в 1947 г., Макнил обнаружил, что «лишь немногие местные жители объявляли себя убежденными сторонниками той или иной стороны, вооружались и в качестве лидеров выступали за или против ЭАМ. Большинство оставалось пассивным, опасаясь вражды как с левыми, так и с правыми». Он отмечал, что к окружающим люди в ту пору зачастую относились с недоверием: «Ни-

³⁶⁸ В дальнейшем в этом разделе я ссылаюсь на его собственные работы (McNeill 1978: 138–205).

кто не был уверен даже в своем соседе» и «страх буквально витал в воздухе». Иными словами, обстановка напоминала положение в зоне 2: на улицах были вооруженные патрули, «присматривающие за теми, кто подозревался в симпатии к левым или открыто о ней заявлял», а повстанцы были близко, но регулярные визиты в деревню себе позволить не могли. После успешного нападения партизан армия арестовала примерно 15 местных жителей «по подозрению в содействии партизанам; одного из арестованных казнили». Использование селективного насилия позволило перевести деревню в зону 1. После того как партизанский отряд был вынужден покинуть область, насилия в Метони больше не было.

Вторая деревня, посещенная Макнилом, называлась Старый Коринф и располагалась в префектуре Коринфия, к северу от Арголиды. Относясь к типу 2, она отличалась от прочих деревень степенью классовой поляризации: примерно одна пятая всего ее населения не владела землей и во время оккупации поддерживала ЭАМ. Обстановка в Старом Коринфе ближе всего походила на ситуацию в аргонидских деревнях с внешней части равнины. Обе стороны активно применяли селективное насилие, и Макнил указывает на перемены в контроле. Как и в случае Арголиды, однако, после 1945 г. из-за географического расположения деревни партизанская война стала невозможной. Старый Коринф к ней не особенно располагал: здесь не было гор, зато Афины были совсем близко. В результате, во время второй стадии гражданской войны острая социальная поляриность не вылилась в повстанческую деятельность, и окончательная победа правого крыла положила насилию конец.

Третья деревня, Керасия, располагалась на горе Пелион, на севере центральной Греции. Деревня делилась на две области: Верхняя Керасия, ближе к вершине горы, где местные жители летом пасли овец, и Нижняя Керасия, в холмах в предгорье, где они зимовали. Во время оккупации она была под твердым контролем ЭАМ, которой местные жители в большинстве своем сочувствовали; многие молодые люди даже присоединились к партизанам, в наказание за что немцы уничтожили верхнюю часть деревни. В 1945 г. деревня перешла под власть правых (зона 1). «Даже те левые, кто не стеснялся открыто заявлять о своих взглядах, — пишет Макнил, — свободно признавали, что в сентябре 1946 г. (после

налета со стороны правых) проголосовали за возвращение короля просто для того, чтобы избежать неприятностей». В конце 1946 г., однако, в горах был сформирован левый повстанческий отряд, и деревня переместилась в зону 3. Верхняя ее часть превратилась в партизанский лагерь, а нижняя оказалась «в смежном положении, днем находясь под юрисдикцией подразделения греческой армии, расквартированного в Каналии, всего в пяти-семи километрах от деревни, тогда как ночью с гор спускались повстанцы, которым местные жители тоже были вынуждены подчиняться». Для оценки и сбора продуктов и прочих пожертвований в пользу повстанцев был создан тайный, но эффективный повстанческий комитет. В этот период обе стороны не гнушались избиением местных жителей и поджогами домов, но от убийств воздерживались. В марте 1947 г., вскоре после отъезда Макнила, греческая армия эвакуировала деревню, и ее жители оказались в лагере для беженцев в Волосе. Хотя к лагерю они теплых чувств не питали, с властями местные жители, напомним, придерживающиеся преимущественно левых взглядов, сотрудничали с готовностью. «Все знали, что любая заметная перемена в балансе сил могла быстро привести к массовому оттоку сторонников с той или иной стороны», — замечает Макнил, и именно так и случилось.

Горная деревня Кота на севере Греции во время визита Макнила находилась под контролем повстанцев (зона 5); об оккупационном периоде, который ее, видимо, не затронул, он информации не приводит. Продовольствия здесь не хватало, и деревне грозил голод. Согласно Макнилу, «так как ни греческий национализм, ни коммунистическая революция практического разрешения местных проблем не предлагали, политическая идеология здесь была мало кому интересна. Два находившихся в деревне партизана были аполитичны и неграмотны, и свирепо смотреть в камеру, обвешавшись патронташами и оружием, им было куда интересней, чем размышлять о каких-либо абстрактных идеях». Упоминаний о насилии в деревне нет, но информации Макнилу удалось собрать не так много.

Последней рассматривается деревня Лофискос, на равнине Фессалии, в центральной Греции; она относилась к типу 1. Первый визит Макнила в эту деревню пришелся на 1950-е гг., так что его сведения намного менее точны. Он отмечает

радикальность взглядов многих жителей деревни, корнями уходящую ко дням борьбы с греческим землевладельцем: «Видимо, у большинства местных жителей послание ЭАМ, обвинявшей богатых в коллаборационизме, вызвало симпатию. Однако особой преданности местные жители не демонстрировали, и восстановление власти Афин в 1945 г. тоже прошло достаточно гладко». Партизанских отрядов по близости не было, «так что война и ее невзгоды обошли Лофискос стороной, не оставив особых воспоминаний практически ни у кого из местных жителей, которым я задавал вопросы». Иными словами, в формировании поведения контроль брал верх над политическими взглядами. В общем и целом, сведения Макнила подтверждают прогнозы теории.

9.13.3. Труды по этнографии и местной истории

В этом разделе я рассмотрю ряд трудов по местной истории и этнографии, в которых содержится достаточно сведений, чтобы проверить, в какой степени теория охватывает вариацию по всей стране³⁶⁹. Хотя проверка и не системная, это дополнительное вневыборочное исследование предоставляет нашей теории дополнительные подтверждения.

26 деревень (19,1%) из этой выборки можно отнести к типу 1; в 1940 г. здесь не было ни одной насильственной смерти. В их число входят равнинные деревни, которые в течение обоих периодов гражданской войны контролировали правительственные силы; деревни на холмах и горные, где во время оккупации правили повстанцы, а после нее — представители Афин; горные деревни, которые были эвакуированы до применения каких-либо карательных мер; деревни, которые находились или под полным контролем одной стороны, или оспаривались сторонами в равной мере; и, наконец, деревни, которые отклоняются от теории, где принцип взаимности переборол основания для доносов.

В общем и целом подробных рассказов о том, что в этих деревнях происходило, мне удалось собрать сравнительно мало, что и неудивительно — без насилия нередко нет и ис-

³⁶⁹ Названия нескольких деревень вымышлены; объясняется это принятой среди некоторых антропологов практикой не обозначать настоящее название объекта своих исследований.

тории. Житель деревни Элеохори, которую немцы взяли под контроль, так как через нее проходило железнодорожное полотно, сказал мне, что насилия в деревне не было «из-за присутствия немцев. Тут была железная дорога, вот они и пришли. Они не за нами шли» (I-25). То же касалось и тех деревень, которыми правили повстанцы. Мой собеседник из деревни Керасия (800 м над уровнем моря, Пелопоннес, префектура Ахайя) объяснял отсутствие насилия в его деревне в 1947–1949 гг. так: «Власть повстанцев никто не оспаривал, армии поблизости не было, и все делали то, что они говорят» (I-51). Подробный рассказ мне удалось обнаружить о деревне Фурци в префектуре Мессиния, Пелопоннес (Balta 2002). В период оккупации эта деревня на холмах контролировалась повстанцами, которых некоторые местные жители искренне поддерживали, тогда как у остальных просто не было выбора. Один местный житель рассказывал об этом так (Nasi Balta 2002: 180): «Да, [с ЭАМ] я был не согласен, но я был законопослушным, а в то время законы там диктовала ЭАМ, эта организация всю область контролировала». В этот период было несколько арестов, но казней не было. После окончания оккупации местный правый лидер, нападавший на соседние деревни, оставил Фурци в покое из-за родственных связей с частью местных семей, тем самым не приведя там в действие порочный круг насилия и возмездия. В то же время рассказы местных жителей указывают на норму взаимной защиты, установившуюся между местными представителями противоборствующих сторон. Автор исследования (Balta 2002: 187) заключает свою работу следующим выводом: «Идеология приходит уже по факту, чтобы дать имя и форму и оправдать решения, при принятии которых идеологический фактор присутствовал, но более сложные причины сыграли куда большую роль; зачастую идеология играет вторичную роль, как в случае со многими сторонниками ЭАМ, примкнувшими к коммунистической партии после того, как их замечали в компании коммунистов и преследовали. ...Многие оказывались на той или иной стороне потому, что их семья была так или иначе «окрашена», или потому, что их родственников преследовали, тогда как сами они к политике отношения не имели».

Под тип 2 из выборки более-менее попадают 36 деревень (26,5%); в них во время оккупации насилие применялось

довольно широко, но во второй фазе оно либо было ограниченным, либо не использовалось вовсе. Эти деревни, где во время оккупации было несколько перемен уровня контроля, расположены преимущественно на равнинах и холмах. В эту категорию вошло бы большинство деревень Арголиды.

Необычайно подробное исследование деревень типа 2 было проведено антропологом Стэнли Ашенбреннером (Aschenbrenner 1987) в деревне Карпофора, расположенной на равнине в префектуре Мессиния, Пелопоннес. В этой небольшой деревне имело место целых 23 смерти — 18 в период оккупации и еще 5 непосредственно после окончания Второй мировой войны. По рассказам местных жителей, после первых карательных мер в действие пришел порочный круг нападений и ответных атак, остановить который не удавалось; эти действия, как они говорили, годы спустя им самим казались бессмысленными. В 1943–1944 гг. Ашенбреннер задокументировал восемь смен контроля, когда деревни переходили из зоны 2 в зону 4 и обратно. Он так же точно описал местный раздор между двумя группами семей, оказавший огромное влияние на логику насилия и местные альянсы.

Большая часть деревень типа 2 после окончания оккупации, в 1945 г., быстро оказывалась под полным или частичным контролем правительственных сил; в 1946 г. правительственные войска там укреплялись, и насилие применялось редко. В то же время есть и небольшая группа деревень второго типа, расположенных выше над уровнем моря; большинство из них находится на Пелопоннесе, где повстанцы во время войны 1947–1949 гг. были слабы. И потому там насилие не применялось. К тому же, ряд сведений указывает на процесс обучения, благодаря которому после насилия во время оккупации местные стороны в дальнейшем заранее заключали мирные соглашения (этот механизм близко к взаимному сдерживанию, но приравнивать их друг к другу не стоит). Мне удалось найти свидетельства о подобных сделках в ряде арголидских горных деревень, где в 1947–1949 гг. насилие вполне могло применяться, но смертей тем не менее не было. Лидер повстанческого комитета Лиркия рассказал мне следующее: «Старостой деревни тогда был Димитрис Коловос [правый], но сначала его кандидатуру одобрил я. Когда ему предложили стать старостой, он позвал меня и сказал, что согласится только с моего одобрения. Я сказал

ему, чтобы он соглашался. Дела идут не лучшим образом, сказал я, поэтому давай хотя бы защитим деревню, чтобы то, что бы случилось во время оккупации, больше не повторилось. Мы заключили договор. И сдержали свое слово» (I-60). Другой местный лидер, из деревни Кария, описал схожие события и подвел итог: «Мы стали умней; мы знали; мы учились» (I-117)³⁷⁰.

Вдобавок к этим 36 деревням в нескольких местных краеведческих работах также приводятся свидетельства о том, что схожие модели применения насилия наблюдались и в более широких областях, как, например, равнина Тессалоники в северной Греции (Glaveris 1998), равнина Козани, тоже на севере (Georgiadis 2004; Kallianiotis 2002, 2001), несколько областей западной и восточной Македонии (Marantzidis 2001) и холмы и горы Коринфии на Пелопоннесе (Rigas 1998; Balafoutas 1981; Vouyoukos 1973).

Деревни третьего типа встречаются в выборке чаще всего, что, возможно, отражает определенную предвзятость местной исторической литературы³⁷¹. В период оккупации в этих 55 деревнях (40,4%) насилие либо не применялось вообще, либо носило исключительно неизбирательный характер, тогда как во второй фазе гражданской войны карательные меры в них применялись широко. Большинство этих деревень находится на большой высоте, где во время оккупации у повстанцев было абсолютное преимущество (зона 5), которое, впрочем, было утеряно, когда борьба велась уже против Афин. Этим и можно объяснить тот факт, что в период оккупации повстанцы здесь насилие не применяли, но в послевоенный

³⁷⁰ Подобные сделки были возможны тогда, когда одна из сторон, в данном случае — это повстанцы, была слишком слаба, чтобы оказывать давления на своих местных представителей, но все еще представляла значительную угрозу, особенно с учетом сложившейся у нее репутации.

³⁷¹ Эта предвзятость может проявлять себя по-разному: люди из деревень, где насилие применялось в период, отмеченный коллаборационизмом с оккупацией, могли писать об этом не столь охотно; деревни, где повстанцы действовали долго, могли проникнуться к ним большим сочувствием, и потому более охотно рассказывать историю побежденной стороны; следует учитывать и то, что учителя, которые обычно и писали местные летописи, родом в большинстве своем были из горных деревень, сочувствовавших повстанцам.

период это изменилось; к тому же насилем из-за этого пользовались и правительственные войска.

Например, в деревне Амбели, что на острове Эвия (центральная Греция), был случай, когда «деревня естественным путем разделилась на левых и правых, причем некоторые из левых помогали коммунистам просто в силу симпатии к ним, тогда как правые это делали из страха — но ни те, ни другие при этом (по крайней мере, поначалу) не понимали, в каких реальных политических движениях они столь неосмотрительно участвовали» (du Boulay 1974: 237). Однако после окончания войны правление повстанцев пошло на спад и вернулось лишь в 1947 г.; такие перемены в контроле были связаны с высоким уровнем селективного насилия. Похожая история произошла и в деревне Лия на горе Мургана в периферии Эпир, близ границы с Албанией; именно здесь родился журналист Николас Гейдж, который позднее рассказал историю своей семьи в международном бестселлере «Элени» (Gage 1984). Во время оккупации в Лие насилие применялось относительно мало: был убит коллаборационист, сотрудничавший с итальянцами, нескольких местных жителей избили в ходе междоусобицы ЭАМ и ЭДЕС, а в апреле 1944 г. на деревню напали немцы, в ходе чего было сожжено множество домов. В конце концов деревня оказалась под надежным контролем ЭАМ, и население сотрудничало с повстанцами. Услышав о том, что в 1946–1947 гг. реформированная армия повстанцев вновь начала боевые действия в соседней Македонии, жители Лии обсуждали их, как «рассказы о победах местной команды в далекой стране» (Gage 1984: 157). В скором времени деревня вновь оказалась под контролем повстанцев, но весной и летом 1948 г. армия уже оказывала на деревню такое давление, что некоторые местные жители в июле 1948 г. бежали на земли, подвластные правительству. Повстанцы ответили на это казнью пяти местных жителей. Этот эпизод стал трагическим финалом книги Гейджа, чьей матери бежать не удалось; она была казнена за то, что помогала бежать остальным членам семьи.

К третьему типу относилось и большинство деревень горного региона Эвритания, в центральной Греции. Так как стратегическая значимость этой области была не слишком высока, оккупанты ее особенно не трогали; физической оккупации ни в одной из деревень не было (Collard 1989: 101).

Итальянцы, а потом и немцы время от времени проводили рейды, но постоянных гарнизонов в этой области не оставляли. Хотя до войны большая часть местного населения поддерживала монархистов, с повстанцами во время оккупации крестьяне все равно сотрудничали, так как иных властей в регионе не было. Более того, эта область начала считаться оплотом ЭАМ, которой здесь удалось развиться до стадии полноценной государственной администрации — куда более эффективной и работоспособной, чем довоенное греческое правительство в этом регионе (Woodhouse 1948). Штаб ее недолго просуществовавшего «правительства», Политического комитета национального освобождения, находился в деревне в Эвритании. В общем и целом в тот период селективное насилие практически не применялось, за исключением нескольких арестов и пары публичных казней, призванных наглядно показать местным жителям, что власть теперь принадлежала ЭАМ. Население не выступало против нового правительства в силу мотивов, описанных в Главе 5.

После окончания оккупации, когда Афины начали восстанавливать свою власть, преследуя всех, кто сотрудничал с ЭАМ, Эвритания оказалась поляризованной. В результате, когда в 1947 г. коммунисты подняли новое восстание, среди тех, кто пострадал и жаждал мести, они нашли рьяных сторонников. Началась новая волна насилия против тех, кого считали правыми, и весь регион оказался оспариваемым. Повстанцы захватили полный контроль над большей его частью, но в 1949 г. потерпели окончательное поражение.

О главных событиях, происходивших в тот период в эвританской деревне Дафни, весьма подробно рассказывается в неопубликованных мемуарах Иоанниса Колименоса³⁷². Он описывает жизнь своей деревни, подчеркивая противоборство нормы взаимности и частых споров как между отдельными людьми, так и между целыми деревнями. На Дафни несколько раз нападали итальянские войска, но разрушения и неизбирательного насилия деревня смогла избежать. Автор рассказывает, как его, одного из немногих образованных людей среди местных жителей, вынудили примкнуть к ЭАМ и как со временем он превратился в искреннего сторонника

³⁷² За возможность их прочесть я благодарен Димитрию Кастрицису.

этой организации. Чтобы утвердить свою власть, повстанцам всего-то и пришлось, что избить нескольких человек, вспоминает он, но убивать никого не пришлось, — все были готовы сотрудничать, несмотря на возможные затаенные обиды. Однако в 1945 г. расклад сил изменился, и теперь пришел черед правых утвердить свою власть. Местные жители покорились и их власти, и деревня не пострадала от правого террора, развернувшегося в этом регионе. Однако в 1947 г., с началом нового восстания коммунистов, ветер переменился вновь. Колименос вспоминает, что в последний раз все население деревни собиралось вместе на праздник на пасху 1947 г. Распространение восстания и неспособность греческой армии удержать контроль над горными деревнями привело к тому, что правым лидерам пришлось бежать в столицу Эвритании, город Карпенеси, но многие местные жители за ними не последовали. К тому моменту деревни оказались разделенными как политически, так и географически. Повстанцы возродили местную организацию и вернули себе контроль над деревней, но появления в ней армии предотвратить не могли. С мая 1947 г. они убили семерых местных жителей, которых обвиняли в доносах, тем самым лишь подогрев вражду. Автор, который был местным лидером левых, вспоминает, как повстанцы обвиняли его в симпатиях к врагу и принуждали доносить на соседей, правых, с которыми он заключил своего рода временный договор о ненападении. Это был пример того, как местные договоры, способные положить начало норме взаимности, могут оказаться разорванными в силу неблагоприятных условий контроля (в нашем случае зоны 4). В июле 1948 г. армия при поддержке ополчения, собранного из местных «изгоев», ранее уехавших в Карпенеси, устроила на эту область налет, в ходе которого ополченцы перебили 15 человек, мужчин и женщин, которых обвиняли в поддержке повстанцев. Колименос описывает эту бойню подробно, особо подчеркивая ее сугубо местный характер: часть убитых и убитых были близкими родственниками. Самому ему повезло: он успел бежать до подхода армии и тем самым, видимо, спас жизнь своей жены, которая попала в руки ополченцев, но не пострадала от них, потому что те побоялись его мести. Семь месяцев спустя, в феврале 1949 г., повстанцы атаковали Карпенеси, разбили его гарнизон — и на короткое время город перешел под их контроль. Тринадцать правых сельских

жителей, включая несколько женщин, были убиты в бою либо казнены сразу после. Вскоре армия начала контрнаступление, и в том же году восстание было подавлено. Автора арестовали и на два года посадили в тюрьму; вернувшись в деревню, он не раз становился жертвой мелких козней со стороны местных противников. Описание событий в Дафни подходит под описание происходившего в большинстве деревень второго типа — и в мемуарах (например, рассказ Нассиса о событиях в Маландрени, Арголида), и в работах этнографов (например, описание Карпофоры Ашенбрэннером). Единственное различие заключается в том, что в Дафни насилие применялось в 1947–1949 гг., тогда как в Маландрени его разгул пришелся на 1943–1944 гг., и под правительственными силами подразумевались разные исполнители. Мне удалось найти копии описаний происходившего в ряде эвританских деревень, включая деревни Агия Триада, Петралона, Домиани, Враха, Клейстос, Фурна, Холия, Паппаруси, Дитики Фрагиста, Кастания, Хелидона и Марантея; в каждой из них в период после 1947 г. были убиты десятки людей (Hunter 2003; Sakkas 2000; Zevgaras 1999; Vrana 1999; Triantafyllis 1997). Исследования областей Кардица-Домокос и Аграфы-Кардица (центральная Греция), проведенные Магопулосом (Magopoulos 1998; 1990) эту модель подтверждают. Такому же насилию подверглись и несколько деревень в горах Мессинии, Аркадии и Ахайи (Пелопоннес). Вместе с тем в тот же период ряду эвританских деревень насилие удалось избежать; в их число вошли Агиос Хараламбос (Sakkas 2000: 202), Хрисо (Koutelos 1999) и Коришадес (Sarris 1998). К сожалению, о причинах, по которым насилие там не применялось, сведений сохранилось слишком мало, но те, что у нас имеются, позволяют предположить местные сделки, основанные на механизме взаимности при неблагоприятных условиях контроля.

Наконец, 19 деревень четвертого типа (14% выборки) включают в себя как горные деревни, где во время оккупации вели борьбу разные повстанческие организации, а после нее повстанцы боролись с Афинами, так и деревни на холмах, которые по тем или иным причинам оспаривались в течение обоих периодов. Примером первых может послужить горная деревня Месохора (800 м над уровнем моря) в центральной Греции, а второй — деревня Скала (100 м над уровнем моря) на юге Пелопоннеса.

События, происходящие в этих деревнях, придали мемуарам их жителей вполне предсказуемую окраску. Те, кто жили в деревнях, где большая часть насилия пришлось на период оккупации, его и называют «настоящей гражданской войной», которая была куда хуже, чем постоккупационный период (Parandreu 1992: 94). В памяти же жителей тех деревень, которые больше всего пострадали в послевоенный период, его события сохранились как расплата за спокойствие в первом периоде, о котором они вспоминают с большим теплом (Collard 1989: 93–94). Схожим образом, момент, когда их сообщество оказалось поляризованным и распалось, первые относят к оккупационному периоду, а вторые — к послевоенному.

9.14. ВЫВОДЫ

Согласно теории селективного насилия, самым важным фактором является вариация в распределении контроля на субнациональном и даже на субрегиональном уровне; таким образом, для проверки этой теории требуются сведения, собранные на субнациональном уровне. Из-за дефицита подобных сведений я воспользовался той информацией, которую собрал в одном из регионов Греции, лично посетив каждую деревню из выборки, беседуя с местными жителями и сверяя их заявления со сведениями из местных, национальных и международных архивов. Хотя сведения собраны в Греции, ничего уникального для Греции в моделях применения и неприменения насилия в них нет. Надежность теории селективного насилия подтверждает несколько различных проверок. С одной стороны, ситуация, в которой одна из сторон преобладает, но не имеет решающего преимущества, приводит к насилию как в изучаемом, так и в последующих периодах: в тех областях, где одна из сторон одерживала верх, но окончательно закрепить контроль не могла (зоны 2 и 4), селективное летальное насилие было куда более вероятным, нежели там, где одна из сторон устанавливала полный контроль или, наоборот, территория оспаривалась в равной степени. Со сменой зоны контроля модель применения насилия менялась в соответствии с прогнозами теории. Вдобавок к этому зоны, которые в равной степени контролировались обеими

сторонами, по большей части оказывались на удивление спокойными, несмотря на веские поводы для доносительства.

Поддерживая теорию селективного насилия, собранные сведения также ставят под вопрос основательность ряда расхожих альтернативных гипотез, приводя, например, мало подтверждений того, что объяснить модели применения и неприменения насилия можно за счет страха, нервных срывов, нехватки дисциплины, идеологии или довоенной социальной и политической поляризации.

Как и любая теория человеческого поведения, теория селективного насилия порой ошибается. Ошибки в прогнозах на ее основе во многом отлично подтверждают ценность точности формулировок: возможность исследования причин, по которым происходящее в той или иной местности не соответствует ожиданиям, представляет собой великолепный способ изучить действующие причинно-следственные механизмы, также дающий возможность наблюдать работу неинструментальных механизмов, таких как нормы и эмоции. Вдобавок к этому дальнейшему теоретическому развитию на данном фронте должны поспособствовать дополнительные тесты в иных регионах. Первичные результаты исследования, проводимого на момент написания этой книги на основании подробных сведений на микроуровне из Вьетнама (Kalyvas, Kocher 2004) и Колумбии (Salamanca Nunez 2005; Chacon 2003), теорию в общем и целом подтверждают.

Близость

Не будем же пока утверждать, приносит ли война зло или добро, — сказал я, — скажем лишь, что, в свою очередь, нашли истоки войны — в тех проявлениях в городах, которые больше всего творят зло как частное, так и общественное.

Платон, «Государство»

Не стоило мне возвращаться в Уйо, ведь мои сограждане жаждали моей крови.

Иеремия Мозе Эссиен,

«В тени смерти: личные воспоминания о событиях Гражданской войны в Нигерии»

Все зло идет изнутри деревни, а не снаружи.

Житель одной греческой деревни

Вступив в спор со своим старым другом и соотечественником сэром Ральфом Хоптоном, сэр Уильям Уоллер назвал Английскую гражданскую войну «войной без врага» (McGrath 1997: 91). По его мнению, настоящим врагом мог быть только иностранец и чужак.

Что до гражданской войны, то такие враги в ней не участвуют, поскольку гражданская война — внутренняя война, ведущаяся «на родной земле против соотечественников» (Donagan 1994: 1137). Даже если гражданская война питает внешних врагов, как в случае с оккупацией и иностранной интервенцией, иностранцы заводят союзников среди местного населения, желающего локализовать антагонизм своих внутренних противников.

В случае гражданской войны близость — не случайная, а обязательная черта: она определяет «всю сущность гражданской войны» (Ash 1995: 125); свидетели Английской гражданской войны описывали ее так: это «братоубийственная» война «против самих себя, против своих братьев» (Donagan 1994: 1166); она разделяет семьи, восстанавливает друг против друга братьев и сестер, родителей и детей (Dillon 1991: xiii; West 1985: 132). Джудит Зур (Judith Zur 1998: 72), изучавшей историю гватемальской деревушки, о гражданской войне жители говорили так: «Брат воевал с братом, сыновья воевали с отцами, убивали друг друга супруги, а из-за страха (*miedo*) у беременных женщин случались выкидыши. Наступил, как предсказано в Библии, Конец света»³⁷³. Как заметил, и не без

³⁷³ «Братоубийство» используется здесь скорее не в прямом смысле, а в качестве метафоры, описывающей близость между теми, кто проявляет насильственные действия. Фукидид описывает гражданскую войну на Керкире в том числе так: «Отцы [которые] убивали сыновей». Горовиц (Horowitz 1985: 184) отмечает, что этнические конфликты часто описываются с помощью «идиомы о братьях и сестрах». В действительности, случаи противостояния близких родственников кажутся весьма необычными. Все же можно отыскать несколько примеров. Так, во время войны за независимость в Мозамбике братья Чиссано оказались в противоборствующих лагерях. Жоакин Чиссано занимал высокое положение в повстанческой группировке ФРЕЛИМО, а после стал президентом Мозамбика, а его брат служил лейтенантом в португальской армии (Henriksen 1983: 107). Или, например, у подполковника армии Южного Вьетнама Тран Нгок Чо был брат, служивший на той же должности в разведке армии Северного Вьетнама (Ellsberg 2003: 116); Павоне (Pavone 1994: 267) упоминает похожий случай времен итальянского сопротивления, а Зур (Zur 1998: 88) описывает несколько случаев, когда братья убивали мужей своих сестер. Несколько опрошенных мной в Греции людей рассказало не о настоящем насилии у них в семье, а о наличии внутрисемейного разлада (I-33). Зачастую такое разделение семьи происходит не в результате осознанного выбора, а в результате случайности. В Камбодже «каждая семья из освобожденной зоны должна была направить одного сына в Революционную армию; а вот в армии генерала Лон Нола каждому новобранцу выплачивали жалованье в размере выплаты по утрате двух сыновей, поэтому брат уходил воевать против брата» (Bizot 2003: 146). И все же, несмотря на ужасы насилия, гражданские войны не разрывают безвозвратно узы, которые подвергаются суровой проверке. Многие солдаты, сражавшиеся в Гражданской войне в Ливане, «дружили со своими врагами по

некоторой иронии, один из участников той войны: «Мы хотя бы знаем тех, кого убиваем» (Bouthoul 1970: 448). Вкратце гражданская война — варварство, потому что в ней сосед воюет с соседом, друг с другом (Montherlant 1965).

Близость с соперником во время гражданской войны, против которого выступают с насильственными действиями, приводит в замешательство лишь потому, что мы стремимся воспринимать близкие отношения как неизбежно хорошие (например, Toolis 1997: 3; Bailey 1996). Когда мы слышим слово «сосед», у нас возникают ассоциации со взаимным участием и даже обязанностями друг перед другом, как завещано было в Библии — возлюбить ближнего своего (Tymowski 2002: 298). Свое исследование причин еврейского погрома в Едвабне, совершенного руками своих же соотечественников-поляков, Ян Гросс (Gross 2001) назвал «*Sosedi*» специально, чтобы подчеркнуть некорректную оценку этого слова. Не удивительно в таком случае, что нас одновременно ужасает и завораживает насилие гражданской войны. Игнатъефф (Ignatieff 1998: 35, 46), желая «разобраться в том, как соседи становятся врагами, как люди, имевшие когда-то много общего, в итоге становятся чужими, а объединяет их только война», подчеркивает свою озабоченность: «Перевоплощение братьев во врагов занимало человеческое воображение, как минимум, с Книги Бытия. Ведь, как сказано в Книге Бытия, история человечества начинается не с убийства незнакомых друг другу людей, а братьев. Корни этого преступления так загадочны именно потому, что между ними так много общего».

Принято думать, что люди не желают проявлять насилие по отношению к тем, кого знают; считается, что факт знакомства сглаживает жестокость (van Creveld 1991: 137). Судхир Какар (Kakar 1996: 29) отмечает, что «легче убивать незнакомых людей, уничтожать людей, которые не улыбались вам при узнавании, сжигать дома тех, у кого ни разу не был гостем». «Нет такого человека, — отмечает мадам де Сталь (de Stael 1818: 116), — даже самого отъявленного преступника, которого мы, хорошо зная, возненавидим, как возненавидели бы, если бы он был нам лишь описан». Традиционно война становится варварством, когда враги являются неверными,

другую линию фронта, и многие, когда война кончилась, снова стали поддерживать дружеские отношения» (M. Johnson 2001: 125).

чужаками и «дикарями» (Howard 1994); и действительно, стороны в гражданской войне стремятся выставить противника незнакомцем, чужаком, «иным». В результате своих знаменитых экспериментов Милгрэм (Milgram 1974) выяснил, что при сокращении дистанции между обидчиком и жертвой значительно сокращается вероятность убийства по приказу. И действительно, в армиях предпринимались серьезные усилия, чтобы увеличить психологическую дистанцию между солдатами и их потенциальными мишенями, чтобы помочь им убивать (Grossman 1995)³⁷⁴.

Но вместе с тем существуют обширные криминологические данные о том, что убийства часто совершаются знакомыми людьми. В большом числе убийств без грабежей оказываются замешанными родственники, друзья или, как минимум, знакомые, причём отношения между жертвами и обидчиками являются горизонтальными: люди больше склонны к убийству своих романтических партнеров, друзей и знакомых, чем начальников (Katz 1988: 21–22)³⁷⁵. Отсюда следует вот какой парадокс. С одной стороны, политическое насилие и преступное насилие в целом считаются противоположными явлениями, лежащими на разных концах спектра: политическое насилие считается безличным, общественным и коллективным, в то время как преступное насилие в основном личное, частное и направлено против отдельного человека (Decker 1993; Black 1993, 1976). Однако с другой стороны, селективное насилие во время гражданской войны удивительно похоже на преступное: оно зачастую является близостным и направлено против личности. Теория селективного насилия включает в себя интерпретацию близостного характера насилия во время гражданской войны, которая также позволяет разрешить вышеобозначенный парадокс.

³⁷⁴ Даже когда насилие происходит между близкими, оно обычно не растет и остается индивидуальным: степень близости между предполагаемым обидчиком и жертвой, кажется, обратно пропорциональна вероятности линчевания (в США), даже если не учитывать расу обидчика (Senechal de la Roche 2001: 131–2).

³⁷⁵ По данным за 2002 г. в США 43% жертв убийств имели родственные отношения или были знакомы со своими убийцами; 14% жертв были убиты незнакомцами; оставшиеся 43% жертв имели с убийцей неопределенные отношения (Министерство юстиции США, Бюро судебной статистики <http://www.ojp.usdoj.gov/bjs/cvictc.htm>).

В данной главе в рамках теории селективного насилия рассматриваются предпосылки к часто отмечаемому близостному характеру насилия во время гражданской войны. В рамках теории, существует ряд неинтуитивных предпосылок, не отвечающих преобладающим взглядам, согласно которым упор делается либо на результат идеологической или личностной поляризации и ненависти, либо на последствия беспорядочного и аномического насилия. В рамках теории предполагается, что близостное насилие сигнализирует скорее не о простой политизации частной жизни, а отражает совершенно противоположный процесс: приватизацию политики.

Хотя при помощи теории селективного насилия можно получить объяснение, почему политическим игрокам требуется получить доступ к информации, и сделать предположение, в каком случае люди пойдут на доноительство или воздержатся от него, сложно сказать, почему человек отвечает на требование выдать информацию именно донотельством. Глава начинается с разговора о донотельстве, и я предполагаю, что в нем заключена ключевая микрооснова близостного насилия. В главе рассматривается социология донотельства и даются свидетельства его нередко преступного и частного характера. Поскольку злонамеренное донотельство тесно ассоциируется со средой, в которой много знакомых друг с другом людей, его можно рассматривать как темную сторону общественного капитала. Очень часто полагается, что при глубоком разделении общества, например, при этнической поляризации, отвергаются все нормы добрососедства (Banton 2000: 495; Bringa 1995). Мне же, напротив, думается, что насилие зачастую является не нарушением правил добрососедских отношений, а отражением этих отношений — хотя и извращенным. В заключении главы рассматриваются пригодные для проверки посылки о донотельстве при разных режимах правления вне рамок гражданской войны, включая демократический и авторитарный режимы.

10.1. БЛИЗОСТНОЕ НАСИЛИЕ

Несмотря на утверждения, что насилие «между социальными группами, жившими в одинаковых мирках и знавшими или полагавшими, что знают друг друга... кажется новым явле-

нием в истории» (Das, Kleinman 2000: 1), близостное насилие являлось основной характерной чертой гражданской войны очень долгое время. «Братоубийство», о котором с горечью говорится в библейской истории об Авеле и Каине или в истории из «Махабхараты», превращает гражданскую войну в презренный феномен как минимум со времен «Истории» Фукидида и «О гражданской войне» Лукана. Именно близость, как ничто другое, позволяет противопоставить войну между государствами гражданской войне. Когда воюют государства, физическая близость и легкость, с которой проявляется агрессия, имеют обратную связь, а вот во время гражданской войны насилие часто проявляется между людьми, являющимися членами официально признанного или «выдуманного» сообщества (суверенной единицы или нации), и/или людьми, с которыми они ежедневно взаимодействуют в социальном или территориальном смысле, например, между соседями, друзьями, родственниками и даже членами семьи.

Существует диахроническое общее мнение, что именно близость является чертой, придающей гражданской войне особую омерзительность (Faivte 1994: 225)³⁷⁶. Одна женщина-

³⁷⁶ Мнения насчет обязательных черт «близостного» насилия разнятся. С одной стороны, Тина Розенберг (Rosenberg 1991: 8) считает, что этот вид насилия «более пагубный», чем бесцельное, беспорядочное насилие против личности преступного характера, однако она не объясняет, почему так. Шатобриан решительно с этим не согласен: он отмечал, как ужасно, когда близкие соседи из твоего же сообщества «разграбляют собственность друг друга и пятнают соседские дома кровью», но вместе с тем он задавался вопросом, «действительно ли гораздо более гуманно резать незнакомых немецких крестьян, с которыми ни обмолвился не единым словом, которых грабишь и убиваешь без сожалений, чьих жен и дочерей в здравом сознании бесчестишь, просто потому что это война?». Напротив, он говорил, что «гражданские войны менее несправедливы и отвратительны, чем более естественные войны с другими государствами» (цит. по: Mayer 2000: 5–6). В том же духе Итало Кальвино (Calvino 1995) написал рассказ о мужчине по имени Луиджи, который добровольно пошел служить в армию, потому что хотел найти и убить своего личного врага Альберто. Узнав, что ему придется убивать не конкретных людей, а врагов в целом, он сильно расстраивается. Для Луиджи враг не может быть кем-то абстрактным, и он заключает, что гораздо хуже убивать незнакомых людей, которые ему ничем не навредили. При этом в итоге за годы войны Луиджи убивает множество людей и получает много наградных меда-

католичка из Северной Ирландии рассказывает, как в 1975 г. убили ее деверя: «Его убили ужасно, убийцами были его же собственные люди, которых он хорошо знал. Они вошли в дом и застрелили его» (Smyth, Fay 2000: 23). В «Государстве» Платона разница между войной и раздором (его эквиваленты войны между государствами и гражданской войны) описана с точки зрения того, что он считал неестественным характером гражданской войны:

Слово «раздор» применяется к ненависти по отношению к себе подобному, «война» — к ненависти по отношению к чужаку... Когда греки воюют с варварами, а варвары с греками, мы заключаем, что они на войне, они естественные враги, и такая ненависть должна называться войной; тогда как если греки совершают то же по отношению к грекам, мы говорим, что по природе они друзья, но в этом случае Греция нездорова и расколота, и такую ненависть нужно называть раздором... [В случае возникновения раздора] и раскола города, если каждая из сторон разоряет поля друг друга и сжигает дома, мы понимаем, что раздор — это зло, и что члены ни одной из сторон не любят свой город. Иначе бы они никогда не стали уничтожать свою мать и кормилицу³⁷⁷.

Так что для Платона насилие между греками (и особенно между жителями одного полиса) — решительно неестественно: «это внутренняя война, внутри семьи», приводящая к насилию, которое сродни пригублению «родной крови нечестивым ртом и языком». «Война против другой страны прекрасна, — вспоминал ветеран Гражданской войны в Испании (Zulaika 1988: 26). — А вот война друг против друга... тягостна. Те, кто не пережил ее, не могут знать, что она такое». И в этом же суть знаменитого высказывания Антуана де Сент-Экзюпери (1936): «Гражданская война — вовсе не война, это болезнь. Враг сидит внутри человека, и воюют здесь чуть ли не против самих себя. И поэтому-то, конечно, война при-

лей, но встретить Альберто ему так и не удастся. После войны Луиджи все-таки находит его, убивает, но за это его судят и вешают.

³⁷⁷ Далее Платон советует грекам, что «если они греки, они не будут опустошать Грецию или сжигать дома, не согласятся они и с тем, что в любом городе все им враги — мужчины, женщины и дети». Он полагает, что это должно стать законом для хранителей Государства.

нимает такую страшную форму. Больше расстреливают, чем воюют». Не случайно «эпидемия» и «болезнь» были самыми распространенными метафорами для описания гражданской войны со времен Древней Греции V века (Price 2001: 28–30).

И подобное восприятие возвращается снова и снова, несмотря на то, что гражданские войны, которые оно описывало, были в разное время, в разных местах и разного типа. Один офицер, сражавшийся в Войне за независимость США в 1781 г., утверждал, что «гражданские войны всегда сопровождаются ужасами. Одна только идея, что Друг идет с оружием на Друга и ближайших Родственников, потрясает человеческую природу!». Воевавший в той же войне гессенский наемник делится похожим наблюдением: «Сейчас Америка является сценой жесточайших событий. Соседи стоят по разные стороны баррикад, дети выступают против отцов»; а один историк описывает атмосферу в удаленной от центра Вирджинии так: «Процветали подозрительность, страх и злоба. Сосед доносил на соседа» (Crow 1985: 147; Evans 1985: 193; Shy 1976: 15). Цветан Тодоров (Todorov 1996: 94) описывает дилемму, с которой столкнулись французские партизаны-маки, казнившие в 1944 г. в Центральной Франции солдат-коллорабационистов: «Во многих случаях охранники и находящиеся под стражей с детства были связаны, ходили в одну школу, встречались с одними и теми же девушками». Часто тесная связь выливается в чувство долга, и угрозы поступают, скорее, не от незнакомцев, а от соседей. Один испанец вспоминает, как его мать арестовали и казнили местные знакомые люди: «Она вернулась домой, полагая, что раз она всех знает, проблем не возникнет, а вместо этого погибла, сама не зная, почему» (Baray 1989: 124). И в этом смысле гражданская война — не просто война без врагов, как говорил Уильям Уоллер о Гражданской войне в Англии, это война, в которой враг повсюду, включая ближайшее окружение, — как говорил о гражданской войне Гоббс.

Понятие «близости» не ограничивается использованием по отношению лишь к «идеологическим» гражданским войнам. Насилие в этнических войнах также зачастую направлено на ближнего, как в рамках этнических границ, так и по ту их сторону. Поразмыслите над описанием убийства судьи Уильяма Дойла солдатами ИРА, сделанное Тулисом (Toolis 1997: 3):

[Он] был так же внутренним врагом. Он был католиком ветви судебной власти среди протестантов/юнионистов, которые отстаивали власть Британского правительства... Кто-то из конгрегации Св. Бригитты узнал его и рассказал ИРА, и они пришли в праведное воскресенье, чтобы убить его. Было что-то отвратительно интимное в его смерти, потому что пришли они посреди мессы, и его убили прямо перед конгрегацией, а кто-то из верующих перед этим указал на него пальцем. ИРА можно было и не приходить, чтобы убить Дойла. Ее сторонники уже были в конгрегации Св. Бригитты на Мэлоун-Роуд, нарядившиеся в костюмы для воскресной службы. Они прятались среди улыбочивых девушек из школьного хора или шли, лукаво улыбаясь, обратно по проходу между рядами после святого причастия.

Массовое убийство в поселке Лари в Кении, совершенное мау-мау в 1953 г., было конфликтом «общины», разделением между соседями, тесно связанными с местными политическими фракциями, произошедшим на почве личной вражды и вылившимся в земельный конфликт; это убийство внесло свою лепту в превращение националистических беспорядков в гражданскую войну среди кенийцев-кикуйю (D. Anderson 2005: 119–180). Баскский «терроризм» в небольшой баскской деревушке Итзар был тоже глубоко внутренним конфликтом. Все шесть жертв политических убийств, совершенных в период в 1975–1980 гг. баскской террористической организацией ЭТА, были басками, причем пятеро или сами жили в деревушке, или были женаты на местных жителях: «Карлос и Мартин, лидеры противоборствующих фракций, были молочными братьями и задушевными друзьями. Солдат национальной гвардии и Хосе Мари, которого он арестовал, женились на дочерях владельца местного ресторанчика» (Zulaika 1988: 86, 97). Война между украинцами и поляками в советском приграничье была «часто личностной, в которой участвовали соседи и члены семьи. Они сражались за эту деревню, за тот изгиб реки, за этот церковный дворик» (K. Brown 2003: 222). Насилие между знавшими друг друга людьми было повсеместно и в войнах в бывшей Югославии, хотя насильственные действия совершались также военизированными группировками и бандами, которые были незнакомы их жертвам (Mueller 2004; Ron 2000a). «Мужчины по обе стороны линии фронта когда-то были соседями... До войны ходили в одну школу,

работали в одном гараже, встречались с одними и теми же девушками» (Ignatieff 1998: 34). Квартиру одной сербской учительницы начальных классов в контролируемом хорватами городе Мостар ограбила банда мужчин-мародеров, среди которых был один из ее бывших учеников (Human Rights Watch 1992: 333); мусульманина-боснийца, отправленного в концентрационный лагерь, подвергали пыткам его же одноклассники и соседи-сербь (Pervanic 1999: xviii); многих женщин изнасиловали их же соседи-мужчины и даже друзья (Gutman 1993: 68–73), а в зверских убийствах, например, в Словинье, «между преследователями и преследуемыми была очень тесная связь» (Bearak 1999a: A3). Кэтрин Дейл (Dale 1997: 81) рассказывала историю женщины, чьи родственники из Абхазии во время абхазско-грузинской войны 1992 г. воевали против ее родственников из Грузии. Для этой женщины «и многих других, война была не политической битвой за суверенность государства, а крайне личным, кровавым состязанием между соседями и членами семьи» — это же описание можно применить и к войне за Нагорный Карабах между армянами и азербайджанцами (Goltz 1998: 78)³⁷⁸.

Так что, очевидно, существует тесная связь между «близостным» характером насилия и локальным характером гражданской войны. Во время Американской гражданской войны там, где обе стороны конфликта боролись за главенство на своей территории, происходила «борьба соседа против соседа, поскольку и партизаны, и юнионисты были тесно связаны со своим сообществом. Партизаны знали о юнионистах по слухам или знали их лично; фактически, зачастую они были давними знакомыми своих жертв-юнионистов» (Ash 1995: 125). Революция и гражданская война в Ирландии была «близостной войной, разыгравшейся внутри домов, между соседями и зачастую между знакомыми людьми» (Hart 1999: 18). Во время Гражданской войны в Испании развязалась война «местная,

³⁷⁸ Близость также является характерной чертой насилия во время погромов, восстаний и геноцида. Среди совершавших геноцид в Руанде в 1994 г. были «соседи, одноклассники, иногда друзья, даже близкие родственники» (Gourevitch 1998: 18; Platteau 1998: 39–40); многие из выживших могли назвать имена своих мучителей (Vidal 1996: 358); в 1941 г. польских евреев из Едвабне убивали их же соседи-поляки (Gross 2001: 121).

в которой участвовали соседи во всех абсолютно городах и деревнях... Люди до сих пор втихаря рассказывают друг другу о том, чей отец убил чьего дядю, чей дядя предал чьего отца. Вот они, живые воспоминания, которые умирают медленно» (Gilmore 1987: 44–45). Одна испанка описывала убийцу своего брата, как человека «из Канфранка, в котором я жила и в котором мой отец работал директором Таможенного управления. У семьи отца была своя пекарня, и каждый день тот человек покупал у нас хлеб» (Barayon 1989: 155). Война во Вьетнаме также была «в высшей степени личностной, местнической и острой войной, войной, разразившейся на такой узкой территории, которую можно покрыть за час, войной, ведущейся не между безликими врагами, а между людьми, которые слишком хорошо друг друга знали» (West 1985: xv). Восстание Народного фронта освобождения на Шри-Ланке явилось процессом, «проникнувшим в будничные взаимоотношения людей: политическими оппонентами были обычно соседи, зачастую родственники, иногда бывшие друзья» (Spencer 2000: 134).

В теории селективного насилия детально рассматривается связь между близостным насилием и местническим характером гражданской войны: селективное насилие предполагает наличие идущей с мест информации, которая, в свою очередь, обычно поступает в виде доносов, мотивированных межличностными конфликтами.

10.2. ЗАЧЕМ ДОНОСИТЬ? СОЦИОЛОГИЯ ДОНОСИТЕЛЬСТВА

Согласно теории большинство индивидуумов участвуют в насильственных действиях опосредованно — через доноительство. Селективное насилие проистекает от *совместных действий* местных и надместных деятелей, инсайдеров и аутсайдеров, граждан и политиков. Такое насилие является результатом *обмена* между всеми участниками, и следовательно предполагает близкие отношения между доносчиком и жертвой доноса³⁷⁹. Иными словами, доноси-

³⁷⁹ В Советском Союзе времен Сталина и в нацистской Германии доноительство на тех, с кем доносчик был не знаком, наблюдалось крайне редко (Nerard 2004: 338; Joshi 2003: xv).

тельство является наиболее очевидным аспектом, посредством которого можно исследовать истоки близостного насилия в гражданской войне. Ключевой теоретической выкладкой является то, что коллективное насилие, скорее всего, будет близостным, а близостный характер, вероятно, но не обязательно, отражает заботы и чаяния отдельных людей и местного населения в целом. В данном разделе предлагается теория возникновения доносительства, а также приводятся устные свидетельства — единственные, которые можно получить.

Явление доносительства, как и любые общественные явления, представлено самыми разными моделями. Резонно предположить, что различные социальные и политические среды приводят к конфликтам различной степени серьезности и, следовательно, доносительства (Lucas 1997). Конфликтная среда должна при прочих равных больше способствовать доносительству, чем состояние сплоченности. Тем не менее невероятно трудно определить постфактум направление причинной связи между доносительством и наличием конфликта. Кроме того, редко можно найти систематизированные эмпирические данные о доносах.

Несмотря на все это, судя по словам очевидцев, от информаторов всегда не было отбоя, учитывая, что субъект, нуждающийся в информации, обладает определенным уровнем доверия и контроля. Более того, злодеяния, похоже, имеют всепроникающую силу. Судя по всему, Фукидид первым написал о связи злонамеренных доносов и гражданской войны. В своем описании гражданской борьбы на Керкире он упоминает некоторых людей, которых «обвинили в заговоре по свержению демократии, однако на самом деле мужчин зачастую убивали из личной ненависти или из-за денег их же должники». После Фукидида подобные наблюдения неоднократно высказывались и другими. К примеру, Пол Янковски (Jankowski 1989: 134) пишет о десятках подобных случаев в оккупированном немцами Марселе: начиная с неграмотной женщины, вступившей в фашистскую Французскую народную партию и «угрожавшей немедленными доносами всем соседям, которые ей чем-то не угодили», и заканчивая безработным мужчиной, «который, поссорившись со своим шурином, добился его высылки».

Неприязнь и зависть — всепроникающие явления³⁸⁰; а межличностный конфликт может возникнуть в любом обществе (Worchel 1974: 110). Конфликт, который является далеко не дисфункциональным, крайне необходим для формирования и поддержания существования групп (Coseru 1956; Simmel 1955). Ежедневные межличностные конфликты обычно остаются ненасильственными. Антрополог Дэвид Гилмор (Gilmore 1987) подтверждает, как самые мелкие разногласия в одной испанской деревне перерастают в ненасильственные формы дурного обращения (например, сплетни, обзывательства, словесные оскорбления и грубость, ритуальный конфликт, придирки по любому поводу и т.п.) и исполняют при этом социально полезную функцию; подобные конфликты не только не портят общественных отношений, но укрепляют связи внутри общества. Даже жажда мести редко приводит к насильственным действиям. Во все периоды истории и во всех обществах каких только способов отомстить после мелких конфликтов не было в мыслях людей (Frijda 1994: 264), однако они редко претворялись в жизнь, причем еще реже с лишением человека жизни³⁸¹. Как отмечает Томас Шеллинг (Schelling 1991: 19), существует миллион человек, живущих

³⁸⁰ Как сказал один антрепренер из Голливуда, «мне кажется, в Голливуде для каждого припасен нож. Там так заведено. Если к кому-то питают большое уважение, за его, скажем, популярнейшие роли или что-нибудь в этом роде, минут через пять для этого человека все заготовят по ножу. Такова жизнь» (Auletta 2002: 81).

³⁸¹ Мечь с применением насилия является центральной темой голливудских фильмов. «В реальной жизни, — отмечает один кинокритик, — американец не стал бы стрелять, а скорее пошел бы в суд. Но на экране нам хотелось бы видеть чистейшую мечь, и чем кровавее, тем лучше» (A. Scott 2004: 24). Согласно исследованию, проведенному Нико Фрийдой (Frijda 1994: 264), 46% респондентов признались, что хотя бы раз испытывали чувство мести. Также он приводит результаты недавнего исследования, согласно которым в повседневной жизни люди испытывают чувство мести, а иногда и мстят, под влиянием таких мотивов, как сексуальная неверность или если с ними обошлись грубо или пренебрегли ими, изменили им, украли у них велосипед и тому подобное. Подобные мысли о мести похожи на яд, а зачастую они полны крайне насильственными фантазиями и включают в себя физическое желание ломать предметы, представления о том, как обиженный закалывает своего обидчика, или желает, чтобы обидчик умер или чтобы его постигло величайшее горе. Как считает Нико Фрийда,

в транспортной доступности от его дома, которые могут безнаказанно дотла сжечь его дом, купив бензина на доллар, или похитить его детей прямо на улице, и, раз он с готовностью многое отдаст, чтобы предотвратить подобное легко воплощаемое злодейство, он удивлен, почему ничего подобного с ним до сих пор не произошло. Как пишет Шеллинг, причина тут либо в том, что в данном случае трудно будет извлечь конкретную выгоду, или в том, что у людей есть внутренние моральные рамки, или в том, что они боятся наказания, или просто в том, что они глупцы или малодушные, пользуясь терминами Фридриха Ницше³⁸², но факт остается фактом: по сравнению с желанием проявить насилие число реальных случаев насилия невероятно мало, а также имеется явное несоответствие между жаждой мести и актами отмщения.

Доносительство во время гражданской войны приводит к тому, что обычные разногласия выливаются в насилие. Начнем с того, что определенная практика доносительства существует в любом организованном обществе (Fitzpatrick, Gellately 1997: 13), а процветает она лучше всего при авторитаризме. Один из наиболее изученных случаев — в Восточной Германии (ГДР): доносительство в Министерство государственной безопасности было настолько распространено, что «невозможно было уловить различия между жертвой и настоящим преступником» (Gellately 1997: 209). Из воспоминаний Энн Тарстон (Thurston 1990: 167–168): «В 1980 г. после окончания Культурной революции одна учительница из Америки, преподававшая в Китае, рассказывала на уроке о десяти заповедях. Одну из заповедей ее ученики никак не могли понять: «Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна». Дети культурной революции, они росли, погрязнув в лжесвидетельстве. Они и не догадывались, что лжесвидетельствовать может быть неправильно».

На самом же деле политические деятели часто удивлены и даже потрясены готовности предоставлять информацию в ответ на их просьбы. В апреле 1943 г. представители бюрокра-

насилие, происходящее от ревности, является парадигматическим показателем мести.

³⁸² По словам Байера (Baier 1991: 45), Ницше считал, что лишь глупость и малодушие могут объяснить, почему женщины не используют свое право главного по кухне, чтобы травить мужей.

тического аппарата нацистской Германии выражали удивление тем, сколько обвинительных заявлений к ним поступает, особенно сколько из них ложных; они отмечали, что количество доносов «достигло неприемлемых объемов». Даже сам Гитлер в 1933 г. сетовал: «В настоящий момент мы живем в море доносов и людской злобы» (Gellately 1997: 206; Connelly 1997: 183,177; Gellately 1991: 135–143). После захвата немецкой армией в 1941 г. части территории СССР, в бюрократический аппарат все так же поступали сотни доносов на партизан на захваченных землях (Теггу 2005: 9). Один французский офицер, воевавший в Алжире, вспоминает, что ему не составляло труда регулярно получать информацию (Aussaresses 2001: 33). Зимой 2003 г. американские военные, находившиеся в Ираке, с удовольствием подсчитали, что «обычные граждане Ирака предоставляют столько информации, что [американцам] нужно составить приоритетный план, по которому будут проводиться облавы с целью ареста бывших сторонников Хусейна» (Loeb 2003: A14). В какой-то момент американцы даже организовали горячую телефонную линию фиксирования информации.

Тем не менее политические деятели не сразу осознают, что большинство поступающих им обличений подается из злого умысла, а значительная часть их — лжива. По словам одного американского офицера в Ираке, «эти люди продают друг друга с такой готовностью, будто завтра не будет» (Packer 2003: 71). Саид из Ирака заявлял: «Сейчас — так же, как при Саддаме. Мы снова под колпаком соседа или завистника. Раньше достаточно было иметь знакомства в партии «Баас», чтобы упечь человека за решетку, а теперь даже можно просто позвонить по телефону. Разве это не прогресс?» (Ourdan 2004: 2). Очевидно, что потребность в осведомителях превращает обычную личную неприязнь в насилие; по словам Ричарда Кобба (Cobb 1972: 60), в период войны общественная катастрофа предоставляет возможности для личной выгоды.

Обычные люди склонны не использовать «моральные санкции против себя» и совершают поступки ради собственной выгоды, нанося вред другим людям даже в рамках обычной «нормальной» жизни (Bandura 1990: 162), при этом подавляющее большинство в последний момент останавливается, не переходя к насилию с убийством. Применяя насилие в обмен на информацию, политики предполагают, что приносят людям, стремящимся избавиться от своих личных

врагов, серьезную моральную и практическую выгоду: политики подстрекают людей к шпионажу друг за другом (De Waal 1991: 119), заменяют санкции освобождением от наказания³⁸³, обещают иллюзорную анонимность³⁸⁴, предлагают «рациональный подход вместо более радикальных мер, которые могли бы быть предприняты в мирное время» (Freeman 1979: 164)³⁸⁵, провоцируют определенные «психологические механизмы освобождения от моральных обязательств» (Bandura 1990: 162)³⁸⁶, культивируют самообман³⁸⁷, и, что, пожалуй, важнее всего, берут на себя исполнение насильственного акта³⁸⁸. Таким образом политические игроки выгораживают доносчиков при совершении преступлений, к которым те и приводят, ведь «довольно просто причинить боль другим, если страдания жертвы не видно и если причины, повлекшие за собой определенные действия, физически и по времени отстоят от полученного результата» (Bandura 1990: 177).

Одним словом, доносительство представляет собой новое средство удовлетворения долгое время подавляемых недобрых порывов или предоставления решающего преимущества в борьбе, имевшей ранее какие-либо ограничения. В этом смысле, переиначивая Стендаля, чем больше возможностей

³⁸³ Во время Гражданской войны в Испании анархист Хуан Пейро осуществил «красноречивый и беспристрастный выпад» против тех, кто убивал, «потому что мог это делать безнаказанно» (Thomas 1986: 277–278). Во время Гражданской войны в Америке один мужчина из западного Теннесси заметил, что «все, все в большей или меньшей степени деморализованы и делают такое, [что] несколько лет назад просто отметили бы как мысль» (Ash 1995: 204).

³⁸⁴ В попытке усмирить беспорядки в Доминиканской Республике в США разработали «способ прикрытия, который защищал личность тех, кто предоставлял информацию на своих соседей» (Calder 1984: 167). Или более свежий пример не из гражданских войн: один вебсайт предоставляет возможность отправить анонимные письма с «виртуальными проклятиями», включая виртуальные куклы вуду и угрозы наподобие «Теперь тебе конец». Ежедневно с его помощью рассылается 2000–3000 таких проклятий (J. Cohen 2000: G1).

³⁸⁵ Заявляют, что информаторство служит высоким целям: помогает нации, классу или религии. По мнению бывшего активиста ИРА Имона Коллинза (Collins 1999: 3), борьба за политическую самостоятельность Северной Ирландии «узаконивает старинное времяпрепровождение — шпионаж за своими соседями и выставляет соседскую вендетту благородной борьбой».

осуществить насилие, тем жажда насилия сильнее; как считает Ханна Арендт (Arendt 1963: 134), в таких ситуациях зло практически утрачивает свою соблазнительность. Это отмечал в 1781 г. и генерал Стивен Дрейтон, воевавший против британцев во время Американской революции, удивлявшийся тому, что происходило в Северной Каролине: «Кто может чувствовать себя в безопасности, когда предвзятость, зависть или страшная злоба восстанет в груди плохого человека; не тогда ли лучших людей могут посчитать врагами и отнести к ним соответственно?» (Crow 1985: 147). Как отмечает Бинфорд (Binford 1996: 107), в Сальвадоре «никто не был защищен от насилия. Спор с соседом, долговая ссора или оскорбление, произнесенное под влиянием выпитого гуаро

³⁸⁶ Механизмы освобождения от моральных обязательств включают в себя использование эвфемизмов в речи, перекладывание и/или распространение ответственности на других (таким образом скрадывается связь между поведением и его последствиями), пренебрежение последствиями действий или их извращение, а также групповое принятие решений, «которое позволяет людям, обычно внимательным к другим, вести себя бесчеловечно, поскольку никто не чувствует своей личной ответственности за коллективно принятые решения. Когда каждый несет долю ответственности, никто в отдельности ответственным не является» (Bandura 1990: 170–177; Gurt 1975: 101). Кроме того, предлагая окончательные решения по коллективным вопросам («мы убьем пять человек из деревни»), отдельным людям становится легче решить, кем именно будут эти пять человек.

³⁸⁷ В нацистской Германии жены мужчин из рабочего класса считали, что, если донести на мужей в гестапо, сказав, что те являются коммунистами, то в рабочих или концентрационных лагерях их «обучат». Пишущий об этом факте Джоши (Joshi 2002: 433) отмечает, что, «учитывая, какие проводились жестокие преследования коммунистов, более чем удивительно, почему женщины думали таким образом».

³⁸⁸ Следующий случай произошел на Филлипинах. Мужчина, тестя которого убили во время спора о том, кто украл буйвола, решил отомстить убийце родственника. В то же время к нему подошли люди из коммунистической Новой народной армии (Jones 1989: 289): «Я рассказал им о смерти тестя, а они сказали мне позабыть о мести, потому что ННА обо всем позаботится. К ним уже поступали жалобы на того же человека. Когда я узнал о его смерти, я порадовался, что мне самому не пришлось убивать соотечественника. На меня произвела большое впечатление забота ННА, и несколько месяцев спустя я присоединился к ним».

(водки из сахарного тростника), могли привести к тому, что потерпевшая сторона говорила солдату, гвардейцу или представителю власти о том, что человек X или Y был замечен в подозрительном поведении». Ниже представлен отрывок из интервью, которое я проводил в Греции (I-10):

«В деревне было много личных разногласий, но до войны люди не имели возможности просто убить. Никто не прославлял убийство человека. Такие мысли бурлили внутри... С гражданской войной вылезли на поверхность самые ужасные человеческие инстинкты. В подсознании каждого сидели ревность, зависть... Психология жителя деревни удивительна. Он завидует тому, что обошел его. Разумеется, свою зависть он не выражает, не может, да и нет причин ее выразить, но она сидит внутри, бурлит в нем. Когда общество разобщено, у жителя есть возможность втихомолку наказать обидчика; тут же не общественное дело, для которого нужны свидетели и прочее... У него была возможность назвать [своего личного врага] предателем, тогда обидчика убили бы, а сам житель не стал бы предателем и вроде того... Тебя или могли назвать предателем, или никем. Мы жили в страшных муках. Можно ли избежать этого здесь, в деревне? Нельзя».

Очевидно, невозможно с точностью знать, какая мотивация у доносителя преобладает. Теоретически есть основание считать, что доноительство, главным образом, является не политическим, а частным и преступным намерением. Если предусмотреть групповой контроль, то возникнет «проблема безбилетника»: контроль необходим при групповой солидарности (а солидарность позволяет производить неисключаемые продукты комплексного производства), при этом «езда безбилетником» является лучшей стратегией для рационального индивидуума; отсюда следует, что взаимный контроль (или мониторинг при помощи полученных сведений) не возникнет, пока он не начнет предполагать личной выгоды (Hechter 1987)³⁸⁹. Хотя идеологию можно относить к личной

³⁸⁹ Фер и Гэхтер (Fehr, Gächter 2002) получили экспериментальные данные, согласно которым люди желают наказать безбилетников даже ценой собственной выгоды; в этом случае групповой контроль не подчиняется дилемме «безбилетника». Тем не менее контроль в случаях,

выгоде, широко распространены и неидеологические разногласия, особенно в сельской местности.

Доказательства, собранные во время изучения работы полиции — что представляет совершенно иной контекст, чем гражданская война, — говорят о том, что мотивы, которыми руководствуются информаторы полиции, обычно включают в себя «страх, неуверенность, жажду мести, зависть, угрызания совести, желание получить деньги» (Wilensky 1967: 67–68)³⁹⁰. Кроме того, немного систематических доказательств можно найти в архивах о государствах с авторитарным режимом (в этом случае подобных записей больше, чем про гражданские войны), и они подтверждают, что преступные намерения существовали повсеместно. Генри Камен (Kamen 1998: 175) провел масштабное исследование испанских архивов по Инквизиции и выявил, что «мелкое доносительство было скорее не исключением, а правилом», Джеймс Гивен (Given 1997: 141–165) предоставляет множество доказательств тому, что Инквизиция в средневековом Лангедоке работала в основном при помощи манипуляций. Доносительство в Средневековье, когда все институты власти были сосредоточены в одном месте, было крайне распространено: «Попытки манипулировать органами управления, как поступала инквизиция, не были единственными в своем роде ни в случае Инквизиции, ни в примере с Лангедоком. Там, где возможно исследовать, как функционировали средневековые органы управления, которые в этот период закладывались, мы обнаруживаем, что люди усиленно старались повлиять на эти органы власти и использовать их ради своих корыстных целей. Манипуляция при помощи этих институтов с целями, отличными от тех, ради которых эти институты создавались, вероятно, скорее не исключение, а правило» (Given 1997: 163). Сравнивая объемы репрессивных мер в Китае

когда общество разобщено, все же может открывать возможности для какой-то личной выгоды.

³⁹⁰ Как говорится в издании энциклопедии «Ларусс» XIX века, «даже сегодня ценнейшие сведения полиция получает не благодаря работающим в открытую или тайно агентам, а благодаря анонимным доносам, которые поступают в штаб-квартиру полиции на рю де Жерусалем ежедневно, являясь плодами мести преданных женщин и друзей или ревности родителей» (Fitzpatrick, Gellately 1997: 14).

конца 1960-х — начала 1970-х гг., Цзюн Чан (Chang 1992: 488) отмечает, что основным мотивом доноительства был злой умысел. Авторы первого (и, на настоящий момент, единственного) сравнительного исследования доноительства «обнаружили довольно мало случаев, в которых доносы были написаны под влиянием истинно идеологических страстей» (Fitzpatrick, Gellately 1997: 10).

Проведенный Рейнхардом Манном анализ документов дюссельдорфского гестапо показывает, что во множестве случаев доносы писались с целью разрешить частные конфликты³⁹¹. Роберт Геллатели (Gellately 1991: 151) тоже обнаружил, что «информаторов-злоумышленников» у гестапо было намного больше, чем информаторов, работающих за деньги, и что «обвинений по исключительно «правильным» [например, политическим] причинам было невероятно мало». Как сказал один полицейский женщине, находящейся под следованием: «Вы не представляете, сколько обличительных заявлений поступает нам в участок! И в нашу обязанность входит проверять их все до единого, даже если большинство оказывается злыми подозрениями или клеветой» (Gellately 1991: 72). Одного районного руководителя нацистов «явно не устраивало, что частные проблемы слишком политизированы», он жаловался: «Мы не можем решать исключительно семейные вопросы». Правление «Дойче банка» пыталось решить проблему, объявив, что ему не интересны «истории о частной жизни своих сотрудников», а министр внутренних дел попросил местные власти принять меры, чтобы обуздать стремительную экспансию доносов, «слишком многие из которых проистекали лишь от ссор с соседями» (Gellately 1991: 134, 146). Местное руководство гестапо периодически публиковало в прессе напомина-

³⁹¹ Как минимум, 26% всех случаев начинались с добровольного предоставления полиции информации отдельными гражданами (или более, если учитывать, что информация предоставлялась и в другие организации); далее, согласно его исследованию, 37% этих доносов имели целью разрешить личные конфликты, а 24% проистекали от лояльности режиму (мотивы для оставшихся 39% случаев неизвестны). Геллатели отмечает, что, «исходя из данной статистики, важная составляющая системы террора — доносы — обычно определялась личным интересом и использовалась ради получения прикладной выгоды, не предполагаемой режимом» (Gellately 1991: 134, 146).

ния о том, что оно — «не бюро приема жалоб, написанных из злости или даже подлой клеветы». В исследовании Ванданы Джоши, посвященном доносительству в Германии (Joshi 2003: xv), автор решает не упоминать так называемые «доносы по лояльности», поскольку «случаи такого доносительства были малочисленны. В документах имеются подтверждения, — добавляет она, — что доносы носили в основном прикладной характер». Автор заключает, что «если гестапо черпает свою силу в сотрудничестве масс, очевидно, массы шли на сотрудничество не с одной-единственной целью искоренить врагов государства». Неудивительно в таком случае, что послевоенное понимание доноса в Германии ассоциировалось со злонамеренностью (Joshi 2003: 9).

Частные свидетельства дают похожую картину о повстанческих организациях. Рассмотрим, например, следующее высказывание активиста ИРА:

Какое-то время спустя одно меня стало угнетать после встреч с людьми и выслушивания их жалоб. Я осознал, что многие люди, зачастую даже не республиканцы, искали помощи «Шинн Фейн», чтобы угроза прихода ИРА — как они надеялись — помогла им решить их личные разногласия. Иногда мне казалось, что люди относятся ко мне, как к мафиозному крестному отцу. Один мой бывший коллега по работе попросил меня наказать его зятя. Оказалось, что зять бьет свою жену, то есть дочь моего бывшего коллеги. Я ответил, что это дело «Шинн Фейн» не касается. А мой бывший коллега сказал на это: «Еще как касается. Мой зять не вылезает из полицейского участка. Уверен, что он информатор полиции». Я ответил, что это очень серьезное заявление. И что если ИРА примется расследовать это и выяснит, что это неправда, тогда они придут к человеку, который сказал это. К сожалению, утверждения, что такой-то такой-то является информатором (и «не вылезает из полицейского участка»), стало одним из тех, что я регулярно слышал от людей, желающих, чтобы с их соседями крайне жестоко разобрались (Collins 1999: 229).

Стивен Лубкеманн, проводивший широкомасштабное исследование на местности в Мозамбике и собравший десятки подробных историй жизни людей, сообщает (Lubkemann 2005: 498), что случаи злонамеренного доносительства «скорее были не исключением, а правилом». И по моему личному

мнению, основанному на моих изысканиях в Греции и на чтении многочисленных отчетов второго порядка о различных войнах, злой умысел при написании доносов преобладает. Хотя свидетельства этому имеют устную форму, их очень много и они не ограничиваются пределами истории, географии и типами гражданской войны³⁹². Действительно

³⁹² Свидетельства того, что «политическое» насилие имело частную составляющую, включая злонамеренное доносительство, имеются в подробных исследованиях самых разных конфликтов, например, войны в Ирландии в 1640–1660 (Clifton 1999: 113), Американская революция (Selesky 1994: 77; Escott, Crow 1986: 393), Французская контрреволюция (J.-C. Martin 1994: 40–44; Lucas 1983; Cobb 1972), восстания в Калабрии против наполеоновских войск (Finley 1994: 28–29), Рисорджименто в южной Италии (Pezzano 1994: 62), Американская гражданская война в пограничных штатах (Fisher 1997: 63 — западный Теннесси; Ash 1995: 183 — Вирджиния; Fellman 1989: 60 — Миссури; Paludan 1981: 77 — Северная Каролина), Революция и Гражданская война в России (Werth 1998: 118, 174; Figes 1996: 525, 535), Гражданская война в Финляндии (Upton 1980: 519), Ирландская революция 1916–1923 (Hart 1999: 15), Сандинистская революция в Никарагуа в 1920-х гг. (Schroeder 2000: 34, 38; Horton 1998: 32), партизанская война в Доминиканской Республике в 1917–1922 (Calder 1984: xvii), Гражданская война в Испании (Senago 2002: 79–80; Moreno 1999: 309; Abella 1996: 455; Sender Barayon 1989; Thomas 1986: 277–278; Harding 1984; Freeman 1979), Революция и гражданская война в Китае (Thaxton 1997: 290; Chan et al. 1992: 28; Marks 1984: 244), включая Культурную революцию (Chang 1992; Madsen 1984: 91), Гражданская война в Греции (Gerolymatos 2004; Ward 1992: 217–220), гражданские столкновения в оккупированной нацистами Европе, включая Францию (Sweets 1994: 235), Польшу (Paczkowski 1999: 311), Белоруссию (Теггу 2005: 8; Heer 2000: 97), Украину (Т. Anderson 1999: 616) и Югославию (Djilas 1980: 78), Гражданская война в Греции (Xanthakou 1998: 12), гражданские войны в оккупированной Японией Азии, включая Малайю (Kheng 1983: 178) и Филиппины (Rodriguez 1982: x; Lear 1961: 94, 105), антиколониальные восстания, например, восстание маумау в Кении (D. Anderson 2005: 176, 204; Bergman, Lonsdale 1992: 446, 453), Война за независимость в Алжире (Faivre 1994; Hamoumou 1993) и продолжающаяся гражданская война в Алжире (Kalyvas 1999; Gacemi 1998; Abdi 1997), восстание в Палестине в 1936–1939 (Swedenburg 1995) и палестинская интифада (Haberman 1991), массовые убийства в Индонезии в 1965–1966 (Cribb 1990: 28), различные стадии войны во Вьетнаме (Elliott 2003: 259; Moyar 1997: 71; Biltonand Sim 1992: 89; M.Young 1991: 213; Blaufarb, Tanham 1989; Race 1973: 12, 71; Hosmer 1970: 61; Crozier 1960: 94), гражданские войны в Латинской Америке, например, в Гва-

удивительно, что зачастую мелочные мотивы, стоящие за насилием во время гражданской войны, в то же время являются повсеместными, при этом им не придается особого значения в литературе на макроуровне. В следующем разделе будет рассмотрено злонамеренное доносительство в своем географическом и историческом многообразии.

10.3. РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ЗЛОНАМЕРЕННОГО ДОНОСИТЕЛЬСТВА

Доносительство по злему умыслу распространено во всех обществах, даже в тех, которые резко поляризованы — имеют различные классы (Stoll 1999; Binford 1996; G.Wilson 1970), религии (McKenna 1998: 181; Chamoun 1992: 24) и национальности (Collins 1999: 229; Pervanic 1999; Hamoumou 1993; Haberman 1991; Gross 1988). Злонамеренные доносы существовали и во времена многочисленных гражданских войн. Рассмотрим следующие примеры.

10.3.1. «Классические» гражданские войны

Один государственный служащий (Fellman 1989: 63) в 1863 г. сделал вывод, что «многие солдаты[—юнионисты] [в Варшаве, штат Миссури] находятся по соседству со своими домами, и у всех них есть личные причины для злонамеренной ме-

темале (Stoll 1993; S. Davis 1988; Paul, Demarest 1988; Ebel 1988), Венесуэле (Wickham-Crowley 1992: 143), Колумбии с 1940-х — по настоящее время (Jones 2000; Wickham-Crowley 1992: 146; Henderson 1985: 128), Эль-Сальвадоре (Wood 2003: 114; Binford 1996: 106–107; Wickham-Crowley 1992: 260), Никарагуа (Horton 1998: 217) и Перу (Starn 1998: 244; Manrique 1998: 204–205), Филиппины в 1980-х (Berlow 1998: 182; Jones 1989: 127, 289), Ливан в 1970-х и 1980-х (Mouro 1999: 19; Makdisi 1990: 86; Randal 1983: 81), Уганда (Kannyo 2000: 167–168, 172), Мозамбик в 1960-х и 1970-х (Henriksen 1983: 97) и 1980-х и 1990-х (Nordstrom 1997: 83; T.Young 1997: 132; Geffray 1990: 56–57), Ангола в 1980-х и 1990-х гг. (Brinkman 2000: 15), Зимбабве (Kriger 1992), Пенджаб в Индии (Pettigrew 2000: 210), Шри-Ланка (Argenti-Pillen 2003; Spencer 2000: 131; Senaratne 1997: 143), Сьерра-Леоне (Richards 1996: 8), Судан (Jok, Hutchinson 1999: 134), во время американской оккупации Ирака (Finer 2005; Packer 2003: 71).

сти, и результат того легко увидеть». То же происходило и на западе Теннесси, где «множество эгоистичных мотивов, включая жадность, жажду мести, страх и желание получить личную выгоду, также влияли на борьбу» (Fisher 1997: 63). Одна жительница Теннесси писала в своем дневнике о некоторых своих соседях, что «многолетние личные претензии вылезли на свет, и месть мыслится сладкой» (Ash 1995: 204). «Сведение счетов с реальными и воображаемыми противниками стало сутью политики», — пишет Владимир Бровкин (Brovkin 1994: 419) о Гражданской войне в России. Зачастую белый и красный террор был произвольным (Brovkin 1994: 226): «Поверхностное понимание того, что составляло «большевизм», породило всевозможные желания сводить счета, доносы и полное игнорирование законного порядка». Орландо Фиге (Figes 1996: 535) подсчитал, как «много первых жертв красного террора было арестовано на основании одного только доноса руки личного врага». «Люди предоставляли информацию, чтобы защитить себя, или из ревности, или со зла, или чтобы освободить комнату в коммунальной квартире» (Schmemmann 1999: 259). «Местные разборки», — вот как один советский автор мемуаров объяснял свой арест во время сталинских чисток (Grigorenko 1982: 85). В Ирландии «многие члены ИРА и прочие свидетели сообщали о случаях ложного обвинения людей в информаторстве из «местной враждебности», потому что сами враждовали с ними или были обижены на них. Большое число убийств имело, похоже, земельную подоплеку, — отмечает Питер Харт и добавляет (Hart 1999: 299–300, 306): — Типичный информатор [времен гражданской войны в Ирландии 1922–1923 гг.] был скорее человеком, имевшим не причину рассказать о другом человеке, а зуб на него, затаенную обиду, или был тем, кому было, кого или что защищать. Прочие видели в информаторстве возможность нажиться или свести старые счета... Информаторы часто доносили на людей по тем же личным причинам, по которым на кого-то доносят, что он — информатор. Большинство заявлений в Корке, проходивших как «разведка», было едва ли чем-то большим, чем просто «страх или злой умысел». Один британский военный, которому после Второй мировой войны поручили расследование для выявления в Греции коллаборационистов с нацистами, вспоминает: «В ситуации, когда уход немцев оставил вакуум, который грозили занять коммунисты,

и когда те, кто во время оккупации занимали выжидательную позицию, а теперь боролись за места среди победителей, пришло время свести личные счеты. Доносы стали тайным оружием для нападения. И неважно, обвиняли ли человека в коллаборационизме или коммунизме, ведь и то, и другое наносило человеку одинаковый вред... Таким образом, доносы стали идеальным средством сведения не относящихся к делу личных счетов и кровной мести» (Ward 1992: 217).

10.3.2. Антиколониальные восстания

Офицер Королевской армии и губернатор контролируемого Британией Нью-Йорка во времена Американской революции Эндрю Эллиотт предупреждал, что «деструктивная война» будет контрпродуктивной и просто-напросто позволит заполнить британские тюрьмы жертвами, как он говорил, «личной мести» (Shy 1976: 189). Оценивая восстание в Палестине 1936–1939 гг., Тед Сведенбург (Swedenburg 1995: 155) рассказывает о множестве случаев, в которых «мужчин ложно обвиняли в измене их противники, движимые личными или семейными причинами, и казнили по приказу командования повстанцев». Он также пишет, что, хотя восстание предполагалось против британцев, «зачастую казни по обвинению в предательстве проводились, на деле, по приказу местных влиятельных арабов... которые заявляли, что определенный человек, на которого у них был личный зуб, является предателем, организовывали его убийство, а затем заботились о том, чтобы вину за убийство повесили на [предводителя повстанцев] Абу Дурру». «Доносы — это зависть», — вот как крестьянин-алжирец описал ситуацию в Алжире в конце 1950-х гг. (Hamoutou 1993: 199). В Восточном Тиморе Центральный комитет Революционного фронта за независимость Восточного Тимора (ФРЕТИЛИН) постановил эдиктом, что «различные делегаты ФРЕТИЛИНа в районе Мобиссы воспользовались текущей ситуацией, чтобы отомстить по личным мотивам от имени ФРЕТИЛИНа и замыслили эксплуатировать людей» (Jolliffe 1978: 135).

10.3.3. Гражданская война во время оккупации

Пол Янковски предоставляет следующий отчет о доносах в оккупированной нацистами Франции:

Злодеи, злоумышлявшие частное предательское сотрудничество с врагом... были корбо, доносчиками. Их единственным мотивом был злой умысел. Сперва приходили фанатики, доносившие на совершеннейших незнакомцев, которые подслушивали разговоры голлистов, коммунистов или противников Германии — обычно за их выявление назначалась награда. Потом приходили соседи, наймодатели и квартиросъемщики, обличавшие друг друга, потом супруги и любовники, работодатели и работники, и, наконец, деловые коллеги и партнеры. Они якобы поймали друг друга за слушанием «Би-би-си», укрывательством уклонистов или евреев-иностранцев, высказыванием голлистских или коммунистических взглядов, сокрытием оружия, но почти всегда за этими обличениями в письмах германской тайной полиции СД лежали более прозаичные поводы — споры из-за ренты, неудачный брак, конкуренция на работе или обыкновенная зависть: «[Единственная причина, по которой] я был арестован — мои соседи плохо ко мне относились, потому что у меня был самый лучший огород в квартале» (Jankowski 1989: 133).

10.3.4. Повстанческие движения «холодной войны»

В Малайе «некоторые члены полицейских сил опускались до того, чтобы доносить на людей как подозреваемых по личным мотивам» (Stubbs 1989: 74), а во Вьетнаме, как вспоминает офицер американской разведки, «невероятное множество вендетт было совершено под прикрытием «Феникса» (M. Young 1991: 213). На Шри-Ланке «преследование членов Народного фронта освобождения часто имело подоплекой обычную вражду и зависть, которые испытывали сингалы из сельских районов. Видя возможность для мести или для удовлетворения своей зависти, [сингальские] деревенские жители обвиняли своих врагов в симпатизировании Народному фронту освобождения, и этого было достаточно, чтобы навлечь на врагов гнев правительства» (McGowan 1992: 221). В Гватемале «доносы часто писались из личной мести или из-за политических разногласий, а вовсе не из жажды революционной деятельности: как сказал один чиновник из Чималтеко: «(Люди) умирали в борьбе за одну женщину, за землю, (даже) за религию» (Watanabe 1992: 181); люди «могли действовать из собственной злобы и зависти, донося на жителей своего же города противникам. В такой

ситуации месть была равносильна смертному приговору», — пишет Уоррен (Warren 1998: 99) о той же Гватемале. Она приводит слова двух крестьян: «Я считаю, некоторые пользовались ситуацией в своих целях, некоторые, у кого были разногласия. Они использовали возможность, чтобы обвинить других. Из-за этого было много жестокости и смертей... Из-за зависти было много всяких личных разногласий... Самым печальным было то, что многие из-за злобы и зависти умирали. Просто потому что человек был там, где был, и кого-то задевало, что у него хорошо идут дела. И тогда о них шли и говорили: «Этот человек с партизанами»».

10.3.5. «Этнический конфликт»

В Либерии «поиск врагов государства слился с поиском личных врагов... Под этой маской очень многие сводили свои счета» (Ellis 1999: 117). «Земельные споры, семейные ссоры и разлад между друзьями и даже родственниками приводил к тому, что все вокруг становились жертвами» (Brehun 1991: 67). На Шри-Ланке доносы под влиянием личной ненависти были как внутриэтническими, так и межэтническими. Одному молодому тамилу «заплатили, чтобы он указал на членов «Тигров за освобождение Тамил-Илама», но в реальности он воспользовался новообретенной властью, чтобы свести множество своих личных счетов» (McGowan 1992: 242–243).

10.3.6. Мотивы

Участники гражданских войн подтверждают все эти наблюдения. Практически все доносы, предоставленные Полем Осаресом, французским офицером, служившим главой разведки во время войны в Алжире, основаны на личных мотивах: «Начали поступать доносы. В сельской местности многие дуары [деревенские жители] были принципиально враждебны Фронту национального освобождения. Помимо желания жить в мире, у них были и свои личные причины, затаенные обиды, часто из-за женщин». Осарес (Aussaresses 2001: 40, 118) также добавляет, что во время битвы за Алжир «доносы часто использовались, чтобы свести личные счета». Эти замечания подтверждают множество наблюдений, указывающих на тривиальный характер большинства доносов.

Далее представляется возможным выделить различные мотивы написания злонамеренных доносов. Частым мотивом является местная фракционность — она соотносится в особенностях с расколом местного населения в гражданских войнах (см. Главу 11). Ниже приведен пример ситуации на юге Китая во время японской оккупации (Siu 1989: 103). Чень Чулинь из района Тианма Сян поссорился с братьями Е из соседнего района Тианлу Сян. Поскольку самые важные люди из Тианма были в хороших отношениях с коллаборационистским правительством города Хуэйчен, они составили ложный донос, обвинив район Тианлу в укрывательстве китайских военных. В результате коллаборационистское правительство направило туда солдат, которые грабили дома и насиловали женщин³⁹³. Уоррен (Warren 1998: 99) отмечает такую же динамику в Гватемале: «В Сан-Андресе, казалось, все происходило под влиянием этнической и личной ненависти; в прочих городах существующие фракции и появляющиеся влиятельные люди в политике набросились друг на друга, что повсеместно вылилось в убийства».

Другими основными причинами злонамеренного доносительства являются межличностный конфликт, например, соперничество на работе, вражда соседей, семейные ссоры, разногласия между супругами, романтическое соперничество и прочее.

Чрезвычайно часты доносы, мотивированные самыми разными ситуациями в отношениях между мужчинами и женщинами (романтическое соперничество, ссора между любовниками, супругами или бывшими супругами)³⁹⁴. В конце концов, разногласия между любовниками и супругами могут носить очень неприятный характер и в обычных обстоятельствах³⁹⁵. При романтическом соперничестве люди особенно

³⁹³ История на этом не закончилась. Братья Е отреагировали мобилизацией разъяренных жителей, устроили засаду и убили солдат. В ответ японская армия разбомбила Тианлу и сровняла его с землей. В разгар бомбежки жители Тианма отправились в Тианлу и разграбили его, растащив даже мостовые и мосты. Большинство жителей Тианлу, число которых составляло 4 тысячи, сбежали и домой вернулась лишь половина.

³⁹⁴ Terry 2005: 8; Elliott 2003: 1244; Aussaresses 2001: 40; Pettigrew 2000: 210; Swedenburg 1995: 167; Madsen 1990: 184.

³⁹⁵ «Мелочная месть рождается, когда один из супругов не очень хочет продавать собственность. Я помню, как смотрел один красивый кот-

склонны к насилию, которое обостряется тем, что во время гражданской войны молодые люди становятся наделенными определенной властью³⁹⁶. Один полковник, воевавший за Южный Вьетнам, рассказывал Марку Мояру (Moay 1997: 116) о провинциальных разведывательных отрядах: «Когда они видели красивую девушку, они хотели стать ее парнем. А если получали отказ, то сразу же обвиняли девушку в том, что она из вьетконговцев»³⁹⁷. Подобные вещи происходили и в других местах. Например, на западном берегу реки Иордан «выяснилось, что так называемый коллаборационист [в пользу Израиля], который был за некоторое время до этого убит, был любовником жены человека, его убившего» (Naberman 2001: A1). Романтическое соперничество в сельской местности также может быть тесно переплетено с планами семьи. Подробное исследование батальонов смерти в городке Сан-Педро-ла-Лагуна в Гватемале, проведенное Поллом и Демарестом (Paul, Demarest 1988), полным-полно подобных примеров. В частности, например, похищение одного мужчины как месть за то, что он женился на бывшей жене члена батальона смерти, или донос женщины на мужчину как на «подрывника», потому что на самом-то деле «он украл любовь ее невестки». Сендер Барайон (Barayon 1989),

тедж в Сассексе, и меня потрясло, с какой беззастенчивой честностью хозяин дома показывал его нам с женой. Он преспокойно показал нам, где есть протечки, где ненадежная электрическая проводка, рассказал, что в снежную холодную зиму из аллеи не выехать» (Maskwood 2002: 13).

³⁹⁶ Дегрегори (Degregori 1998: 134) в исследовании перуанской организации «Сияющий путь» отмечает, что сельская молодежь, присоединившаяся к повстанцам, не была свободна «от тесно переплетенных родственных связей и общественных отношений, со своими динамическими взаимосвязями, затаенными обидами, ненавистью и предпочтениями, которые их связывали. В результате молодые представители новой власти часто бывали втянуты в гражданские и внутриколлективные споры».

³⁹⁷ Эту тенденцию подтверждает и следующий случай, если и не сам по себе донос, из Сальвадора. Командир отделения партизан был убит местным главой отряда после того, как девушка первого ушла от него к последнему. Убийство было мотивировано страхом того, что командир отделения может из злого умысла выдать местонахождение партизанского лагеря. Описавший эту историю Филиппе Буржуа (Bourgois 2001: 21–22) добавляет, что «в результате ревности из-за любви товарищи по оружию убивают друг друга из-за малейших подозрений».

выросший в США сын женщины, которую убили националисты во время Гражданской войны в Испании, исследовал обстоятельства смерти своей матери в городе Замора и обнаружил, что ее убил бывший ухажер, которому она отказала (причем убил ее по доносу ее свояков, которые претендовали на часть ее наследства!)³⁹⁸.

Доносы супругов (и бывших супругов) друг на друга вышли так далеко из-под контроля в годы существования нацистской Германии, что в 1941 г. в штабе гестапо в Берлине решили разослать письмо всем местным отделениям гестапо, в котором просили обращать особое внимание на обвинения, поступающие на родственников — а особенно, супругов (Gellately 1991: 148). И действительно, Джоши (Joshi 2002: 427–429) обнаружила, что большинство доносов, приходивших в дюссельдорфское отделение гестапо от женщин, было написано женами, в то же время подававшими на развод; кроме того, она выяснила, что доносы, составленные женами на своих мужей, также писались, если женщина встречалась с другим мужчиной и для нее донос «был самым лучшим и быстрым способом избавиться от мужа». Многие женщины составляли доносы на мужей, сообщая, что те придерживаются левых взглядов, если подвергались домашнему насилию или избиению и хотели взять ситуацию под контроль (Joshi 2002: 421–422). В советской «Правде» также не одобряли злонамеренное доносительство злых друг на друга бывших супругов (Fitzpatrick 1997: 104). Один француз-борец с повстанцами в Алжире (Aussaresses 2001: 119–120) вспоминает, как во время первых дней Битвы за Алжир к нему пришла мусульманка, обвинявшая своего мужа, повстанца: «На самом деле ей хотелось избавиться от него, поэтому она поставила нам свои условия: она выдаст нам информацию в обмен на гарантию того, что она станет вдовой». Капитан полиции безопасности Южной Африки по имени Майкл Беллинган «пытался оправдать убийство своей жены в 1991 г. тем, что она якобы

³⁹⁸ «Магдалена кивнула. "Вилория. Он когда-то ухаживал за Ампаро. Влюбился в нее. Но Ампаро ему сказала: "Нет!" Я удивленно выдохнул: "Что?" — "Так оно и было, — подтвердил ее муж. — Такая вот история". Какой ужасающий поворот! Вилория не просто выполнял приказы. Он отомстил женщине, которая отвергла его ухаживания. Невероятно!» (Barayon 1989: 164).

собиралась выдать информацию об отделе безопасности» (Gottschalk 2000: 246)³⁹⁹.

Также часта борьба между родственниками, которая может представлять собой спор поколений или ссоры между родными или двоюродными братьями и сестрами, свояками. Когда Дэвид Столл (Stoll 1999) продемонстрировал, что преследование, которому подверглась семья нобелевского лауреата — активистки из Гватемалы Ригоберты Менчу, являлось не просто результатом идеологического классового конфликта, как она заявляла, а также следствием вражды между ее родней и родней мужа, его заявление вызвало множество споров. Один антрополог, изучавший греческую деревню, отмечает, что «говорят, что один мужчина присоединился к коммунистам, открыто выражая намерение убить соперника за наследство отца» (du Boulay 1974: 239). Любекманн (Lubkemann 2005: 498) упоминает случай, произошедший в Мозамбике: успешному сезонному рабочему удалось открыть несколько мельниц; из-за этого ему стали завидовать его старшие братья, которые в своей сезонной работе не были так успешны. Даже несмотря на то, что этот мужчина симпатизировал Мозамбикскому национальному сопротивлению (РЕНАМО) и переехал в область, контролируемую повстанцами, его братья смогли убедить РЕНАМО, что он возит зерно в деревню и отдаст его солдатам правительства; в итоге мужчину застрелили солдаты РЕНАМО. Внутрисемейное соперничество может быть особо острым в полигамных отношениях. В Мозамбике одна из двух младших жен мужчины, с которым беседовал Любекманн, сообщила солдатам правительственной армии, что сын второй жены, ее соперницы, собирается вступить в РЕНАМО. В результате жену-соперницу с детьми насильственно выселили, а сына задержали, и он умер во время допроса.

Также повсеместны доносы, являющиеся результатом споров между соседями. В революционной России несвоевременно произнесенного проклятия было достаточно, чтобы из обычного мужика сделать кулака и отправить его в трудовой лагерь (Schmemann 1999: 269). Житель одной алжирской деревни вспоминает, что к окончанию войны многочисленные

³⁹⁹ Джоши (Joshi 2002: 422) приводит донос женщины, в котором та, после подробно описанных обвинений своего мужа в домашнем насилии всякого рода, заключает: «А теперь самое главное: он левый».

случаи убийств предполагаемых коллаборационистов с французами проистекали на самом-то деле из желания «свести счеты между семьями, которые не имели никакого отношения к войне за Алжир. Ты в прошлом украл мою овцу, ты взял мое одеяло...» (Faivre 1994: 202). Когда повстанческая Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) начала насильственную кампанию среди беженцев по всему миру, «страх, что на тебя донесут личные враги или даже соседи распространился среди изгнанного населения повсеместно» (Saul, Leys 1995: 56). Исследуя гражданскую войну в Гватемале на территории Ишиль, Столл (Stoll 1993: 98) обнаружил, что «множество смертей происходило из-за личных ссор, когда враги, жившие в маленьких городках, доносили друг на друга как на подрывников или информаторов армии. Говорят, одна женщина брала деньги с тех, кто жаждал мести, за то, чтобы отнести доносы на их врагов представителям армии, и делала это, пока в армии ее не разоблачили и тоже не увели». Один американский ученый (Forment 2000: 5), проживший в Аяуалулько в штате Веракруз в Мексико почти два года, в годы общественных волнений и активных действий партизан не мог не заметить этих изменений и написал о них в разделе «Благодарности» в своей диссертации (посвященной, кстати, абсолютно другой теме): «Аяуалулько, к счастью, не считалось горячей точкой, хотя и до нас долетали отголоски кампании, усложняя повседневную жизнь, а временами даже делая ее опасной. Лидеры Институционно-революционной партии устроили “охоту на ведьм” против каждого в регионе, кто был против правящей партии. Друзья и соседи в нескольких сообществах воспользовались ситуацией, чтобы свести семейные счеты, обвиняя друг друга в поддержке подрывной деятельности или участия в ней».

Профессиональное соперничество — другой повод для написания доносов. Во время Гражданской войны в Испании в муниципалитете Ибьека в сообществе Арагон одного плотника по имени Хоакин Мурильо убили ополченцы-анархисты; как говорится в исследовании Сьюзан Хардинг (Harding 1984: 75), основанном на сборе данных на месте, убийство плотника «имело мало отношения к войне и революции, по словам одного из соседей, который говорил, что на Мурильо из зависти донес один из его товарищей-плотников». Одна женщина из Мадрида говорила, что «ее отец, кузнец, даже

никогда не интересовался политикой; но его убили, как она считала, потому, что другой кузнец, который имел влияние в местной фаланге, захотел отнять его дело» (Kolbert 2003: 66). На знаменитую греческую актрису Елени Пападаки, которую в декабре 1944 г. убили коммунисты, на самом деле написала донос более старшая соперница, которая была ведущей актрисой до прихода Пападаки (Gerolymatos 2004: 167). В Северной Ирландии одному сотруднику таможни начальник отказал в повышении, и тот донес на начальника, что привело к тому, что начальника убила ИРА (Collins 1999: 21). Немецкая полиция в оккупированном Марселе убила бандита Жана Гримальди после того, как его соперники из местных убедили немцев в том, что тот был ведущим членом сопротивления (Jankowski 1989: 117). Во время «культурной революции» в Китае многих людей коллеги обвиняли в контрреволюционной деятельности, «но на самом деле им просто завидовали» (Chang 1992: 328). Подтипом профессионального соперничества может быть само желание получить работу. Во время Виоленсии две дочери мэра-консерватора из одного городка в Колумбии служили учительницами в школе, и места свои они получили, ложно обвинив двух своих предшественниц в предательстве партии (Roldan 2002: 215).

Зачастую доносы пишутся, когда в ежедневных взаимоотношениях наблюдается много недовольства, но оно не выливается в насилие с лишением жизни. Например, судьи часто становятся объектами мести тех, кого они осудили (Thomas 1986: 276). Аналогично взаимоотношения между учителем и учеником очень часто питают доносительство. Когда Мао начал «культурную революцию», он поощрял учащихся восставать против своих учителей. «Практически в каждой школе в Китае, — вспоминает Чан (Chang 1992: 284), — учителей оскорбляли и били, иногда до смерти. Некоторые школьники придумывали тюрьмы, в которых мучили своих учителей»; она вспоминает собрания в своей школе, на которых ученики били своих учителей как классовых врагов. Их «обвиняли во всяких нелепых преступлениях; но на самом деле учителя там были, потому что у некоторых учеников на них был зуб» (Chang 1992: 293). Начало гражданской войны в Ливане в 1976 г. означало, что «многие студенты» в Бейрутском американском университете «начали унижать и даже угрожать членам администрации и профессорско-преподавательскому

составу из-за различий в политических предпочтениях и, что более опасно, из-за недовольства своими оценками» (Mougo 1999: 19). Аналогично, во время войны в Либерии учащийся мог навлечь смерть на учителя, у которого провалился на экзамене (Ellis 1999: 117)⁴⁰⁰. Подобная динамика наблюдается и в других ситуациях, включающих ежедневную расстановку сил и злобу, которую она может породить. Хью Томас (Thomas 1986: 278) приводит случай, произошедший с бывшим ризничим, который активно убивал священников на стороне республиканцев в 1936 г. (в 1939 г., когда удача отвернулась от республиканцев, он донес на своих товарищей по убийствам и занялся убийством республиканцев).

Также нередки доносы на кредиторов от заемщиков, как было, например, во время Гражданской войны в Испании (Ledesma 2004: 288; Reig Tapia 1996: 580; Thomas 1986: 274). Во время Гражданской войны в Китае в китайской деревне Цянь Фоцзи один богатый крестьянин вернулся в свою деревню после побега от армии Гоминьдан в 1947 г. и донес в Гоминьдан, что его дядя был коммунистом. Ральф Тэкстон (Thaxton 1997: 290) отмечает, что ранее этого крестьянина «попросили вернуть проценты местным кредиторам, включая дядю». Один американский советник во Вьетнаме (цит. по: Mouag 1997: 293) вспоминает следующий случай: «Один парень был осведомителем о вьетконговцах и избавил свою семью от долга в третьем поколении. Он предоставил фальшивую информацию, в которой назвал вьетконговцами людей, которым его семья должны была деньги».

Особо огорчает неоднократное наблюдение, что серьезность нанесенной обиды не соответствует серьезности следующего за доносом наказания (Gellately 1997: 206; Fitzpatrick 1997: 108; Gellately 1991: 147–151). Например, во время Гражданской войны в Америке в деревне Эрроу-Рок в центральном Миссури одна женщина подала заявление начальнику военной полиции, чтобы освободили ее мужа, которого шурин обвинил

⁴⁰⁰ Учителя не всегда являются жертвами, хотя, будучи идеологической стороной, их мотивы не так очевидно злонамеренны. Один заключенный мусульманин-босниец в сербском концентрационном лагере вспоминает о допрашивающих его: «Мои вчерашние учителя стали моими сегодняшними судьями. Раньше они решали, какие оценки мне ставить, теперь они решают, жить мне или умереть» (Pervanic 1999: 134).

в пособничестве партизанам, тогда как на самом деле «он устроил ссору в деревне и чуть не подрался, а поскольку был трусом, то испугался, что мой муж когда-нибудь его выпорет за оскорбление. Так что он решил, что лучше всего ему пойти в Хантсвилл и высказывать всякие обвинения против мужа» (Fellman 1989: 60). Во время Гражданской войны в России один мужчина был арестован по доносу, спровоцированному пустячной ссорой за место в очереди у входа в Московскую оперу (Figs 1996: 643). Активист ИРА вспоминает, как некоторые люди доносили на своих соседей, называя их информаторами, из-за того, что те «помяли их кусты, сделали вмятину на машине, громко слушали музыку» (Collins 1999: 229).

Повсеместный характер злонамеренного доносительства отвечает теории селективного насилия, а в особенности понятие коллективного насилия. Более того, сфокусировавшись на динамике доносительства, позволяет понимать насилие периода гражданской войны как процесс, происходящий из-за нежелания людей переходить к насилию с лишением жизни — в противовес распространенной гоббсовской точке зрения, постулирующей, что насилие в гражданскую войну отражает исконно насильственную природу человека. В основном людей отталкивает мысль о том, что придется применять насилие, поэтому они не решаются это делать, если только кто-нибудь, прикрыв их, не сделает за них всю грязную работу. Насилие после доноса, как и насилие вследствие кровной вражды, является скорее не показателем падения нравов, как считал Гоббс, а отрицательным побочным продуктом механизмов социального контроля; не результатом произвольного разлома в обществе и анархического хаоса, а результатом усложнения общественных взаимосвязей — не показателем дегуманизации, а показателем «страстей» и извращенной «излишней гуманизации». Понимание насилия, которое дает анализ доносов, также идет вразрез со шмиттовской точкой зрения на массовое политическое насилие, являющееся результатом безличной ненависти к политическому врагу. Наоборот, гражданская война зачастую сталкивает индивидуумов не только как родовых членов противоборствующих групп, но и как определенных личностей, ведомых личной враждой.

Помимо того, что доносительство может навлечь смерть, оно еще и крайне иронично. Оно дает понять, что гражданская

война не только политизирует частную жизнь, она влияет и обратным образом: делает политику частным делом. Гражданская война превращает обычно мелочные и тривиальные разногласия и обиды в насилие со смертельным исходом; примененный единожды, такой вид насилия обретает политический смысл, который можно быстро влить в новую коллективную идентичность. Неудивительно, что тривиальное происхождение такой идентичности теряется в тумане памяти или реконструируется, исходя из особенностей новой политики, подпитываемой войной, а провести ретроспективную реконструкцию ее происхождения оказывается очень сложно. Но это не должно останавливать нас, не давая осознать ее важность.

10.4. ТЕМНАЯ СТОРОНА ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА: СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ ЗЛОНАМЕРЕННОГО ДОНОСИТЕЛЬСТВА

Злонамеренное доносительство тесно связано с межличностным конфликтом в контексте «органичной» солидарности: мелкомасштабные индивидуализованные социальные условия, в которых люди развивают сильно переплетенные межличностные взаимодействия, ежедневно живут и работают вместе, завися друг от друга, соперничая и любя. Эти связи прочно соединяют соседей, деревни и маленькие городки, многоквартирные дома (Lobbia 1999: 49), семейный бизнес⁴⁰¹ и рабочую среду (включая учебные заведения)⁴⁰². Удивитель-

⁴⁰¹ Лишь менее трети семейных бизнесов в США будет в следующем поколении принадлежать членам семьи, частично из-за того, что, когда члены семьи совместно ведут дела, у них возникают конфликты (Ellin 2001: C1).

⁴⁰² После удара, сразившего «Бритиш Эйруэйз» летом 2005 г., в компании организовали телефонную линию доверия, «позволяющую желающим сотрудникам указывать на сотрудников и членов профсоюза, которые подстрекали к забастовке» (Timmons 2005: C3). А Фицпатрик (Fitzpatrick 1997: 108) упоминает такой случай, произошедший в СССР: жена биолога донесла на коллегу мужа как на «ничтожного пигмея от науки, плагиатора и компилятора».

но и не очень предполагаемо, что и в этнически гомогенных и социально эгалитарных условиях, в которых отсутствует глубокое этническое, религиозное или классовое разделение, пишутся доносы⁴⁰³. В действительности же доносительство часто имеет горизонтальную структуру. Например, частым мотивом для доносительства служит ревность, рожденная из «романтического соперничества», и она обусловлена высоким социальным эгалитаризмом общества, поскольку соперничество за одного человека в целом невозможно для людей, принадлежащих к разным кастам или строго стратифицированным классам и закрытым этническим группам. При исследовании 5422 доносов в нацистской Германии выяснилось, что они в основном горизонтальные («доносчики имели один социальный статус с теми, на кого доносили»), а не вертикальные («занимающие скромное положение в жизни» доносили на тех, кто выше по статусу) (Gellately 1991: 144). Аналогично, в Советском Союзе большинство насильственных действий провоцировали доносы не межклассового толка, а доносы враждующих колхозных групп (Fitzpatrick 1994: 254)⁴⁰⁴. В тюремной среде и в концентрационных лагерях все располагает к тому, чтобы заключенные доносили друг на друга (Lloyd 1999; Overly 1997: 231)⁴⁰⁵. В общем, доносительство выступает

⁴⁰³ Эгалитаристская среда может существовать и в неравном обществе. Например, возьмем деревню перуанских пеонов, поселение индейцев в Гватемале, группу промышленных рабочих или заключенных в концентрационном лагере. Конечно, вертикальные и горизонтальные конфликты могут существовать параллельно в одном сообществе. В исследовании Редфилда (Redfield 1989: 134), посвященном гватемальской деревне Тепотцтлан, говорится о том, что «различия между богатыми и бедными приводили к серьезной антипатии и недоверию; и особенно внутри многих семей рождались неудовлетворенность, подозрительность и страдания».

⁴⁰⁴ При этом Фицпатрик (Fitzpatrick 1997: 103) также обнаружил, что доносы на членов семьи бывают редко. Хотя в это, пожалуй, не входят случаи с настоящими или бывшими супругами, которые доносили друг на друга и в дореволюционной России (Burds 1997: 66), и в Советском Союзе (Fitzpatrick 1997: 104).

⁴⁰⁵ Бизот (Bizot 2003: 201) описывает случай с людьми, которые искали укрытие от «Красных кхмеров» в посольстве Франции в Пномпене: «Всего за несколько дней территория нашего посольства превратилась в рассадник всяческих низжайших инстинктов: воровства,

в параллели с обыкновенным убийством без целей грабежа, которое, бывает, случается среди заключенных и равных.

Связь между злонамеренным доношением и мелко-масштабными индивидуализированными социальными условиями ужасает, поскольку мы привыкли положительно относиться к подобным условиям — это отражено в литературе об общественном капитале, широко понимаемом как плотная сеть социальных контактов и обмена. В этом отношении практика доношительства может рассматриваться как темная сторона общественного капитала. Такая трактовка помогает облечь смыслом парадоксальный всплеск насилия в социальном контексте, характеризующемся высоким уровнем контактов, обмена и даже межличностного доверия (Finnegan 1992: 99). На деле же социологи, антропологи и историки давно заметили, что среды с большим общественным капиталом, включая маленькие деревеньки с «огромным уровнем близости», могут также порождать менее заметные, но тем не менее интенсивные межличностные конфликты (Figs 1996: 90; Zulaika 1988: 97). Параллельно немецкие буржуа с развитым чувством гражданского долга, как оказалось, особенно были склонны к доношительству друг на друга (Gellately 1991: 146).

По мнению Ханса Магнуса Энзенбергера (Enzensberger 1994: 12), «изначальной целью нашей ненависти, вероятно, всегда был наш сосед». Это представление, хотя и размытое, указывает на два ключевых причинных механизма, оба из которых соотносятся с «теорией социального сравнения» Фестингера, согласно которой люди оценивают себя во многом не по объективным стандартам, а сравнивая себя с другими людьми вокруг: относительно гомогенные тесно связанные и эгалитарные социальные условия могут провоцировать больше доносов по двум ясным причинам: из-за симметрии и концентрации.

10.4.1. Симметрия

Когда Северный альянс, поддерживаемый США, выступил в 2001 г. против талибов, командующий талибов согласился сдаться со своими войсками; но, осознав, что ему придется

ревности, эгоистичности, агрессии. Вылезли на поверхность старые ссоры между кланами и семьями, при этом никто и не помнил, из-за чего они изначально начались».

сдать оружие командиру Северного альянса, который был его товарищем-пуштуном и двоюродным братом, пошел на попятную. «Он хотел сдать оружие таджику», а не пушту. «Иначе это было бы слишком унижительно», — писала Элизабет Рубин (Rubin 2001). Данный пример подтверждает, что равенство статуса (или симметрия) не избавляет от межличностного конфликта, совсем наоборот.

Симметричные условия только укрепляют доносительство посредством механизмов страха — боязни утратить статус и зависти. Социальные иерархии в симметричных контекстах имеют тенденцию к подвижности (люди имеют какой-то статус по отношению к другим, выражающийся в еле заметных градациях) и открытости к изменениям (в отличие от каст или строгой стратификации). Соперничество за статус («лицо» или «честь») является открытым, ежедневным и напряженным; оно порождает унижение, посрамление и «потерю лица» — обычно это считается одной из самых неприятных вещей, которые могут произойти с человеком⁴⁰⁶. Хорошо известно, что испытания для чести происходят с подачи сторон, равных по занимаемому положению (O'Neill 1999), и что эгалитарные обывательские общества склонны ассоциировать с культурой чести (M. Johnson 2001: 67) или «лица», что подвергает поведение индивидуума к постоянной и требовательной общественной оценке (Hua, Thireau 1996). В анализе Мартина Янга (Yang 1945: 167–172), рассматривающем конфликты в китайской деревне, показано, что потеря лица возникает только в контексте симметричных

⁴⁰⁶ Потеря лица означает утрату престижа, чувство обиды или неловкости перед группой людей (Yang 1945: 167). Интервью, которые я брал в Греции, полны случаев, описывающих унижения, порождающие желание отомстить или предпринять какие-то действия — от написания доноса до вступления в армию. В одном из интервью (I-91) мужчина, сторонник правого крыла, которого когда-то заключили в тюрьму левые партизаны и который после боролся с ними, рассказал мне, что чуть было не перешел на их сторону из-за того, что его унижил жандарм: «Если бы тогда поблизости оказалась повстанческая организация, — сказал он мне, — ну или хотя бы один повстанец, я бы перешел на их сторону. Я бы перешел к ним, только чтобы убить этих жандармов». Во Вьетнаме «человек испытывает патологический страх обидеть других и потерять лицо»; «потеря лица часто приводит к убийству или самоубийству» (R. Verma 1974: 43, 41).

отношений, поскольку межличностные конфликты нависают над равными:

Если человек, оскорбивший другого, лишь простой крестьянин или кто-то, кого считают невежественным или злым человеком, культурный человек совершенно не теряет лицо, потому что люди скажут, что эта неприятность произошла из-за невежества крестьянина, а не по вине другого, и если второй неотреагирует на оскорбление, односельчане будут щедры на похвалы за то, что тот был так умен, что не стал ввязываться в споры с злым человеком, или так добр, что может простить чужое невежество. Неравенство социального статуса может иным образом свести на нет страх потерять лицо. Если простой житель деревни будет обруган или поранен джентльменом, он может вознегодовать, но не потеряет лицо⁴⁰⁷.

Поскольку небольшая потеря лица человеком обычно говорит о потере социальной власти, которая требует восстановления, или даже приводит к ней, потеря лица провоцирует написание доносов при первой же возможности.

В более общем смысле, говорил Георг Зиммель (Simmel 1955: 43–44), подобие порождает напряженный конфликт, а люди, у которых много общего, обычно причиняют друг другу больше зла, чем незнакомцы. Для Зиммеля даже несущественный антагонизм между похожими людьми «имеет относительное значение иное, чем в случае с незнакомыми друг другу людьми, у которых изначально очень много различий. Отсюда семейные конфликты, из-за которых люди, находившиеся в полном согласии, иногда прекращают отношения». И Дональд Горовиц (Horowitz 1985: 182), и Майкл

⁴⁰⁷ Если одному из двух в равной степени пользующихся симпатией профессоров отказывает в услуге другой, добавляет Янг (Yang 1945: 167–172), для первого это означает потерю лица; но если то же самое произойдет со студентом, студент лица не потеряет. Неприятнейшие из конфликтов, отмечает он, происходят, когда одну семью из высшего класса ругает плохими словами или оскорбляет насильственными действиями другая семья с тем же социальным статусом. Как и в случае доносительства, это обычно выражается в действиях, которые мы считаем незначительными: например, один житель деревни намеренно разглашает секрет своего соседа перед общественным собранием или намеренно задает непростые вопросы другому участнику собрания.

Игнатъефф (Ignatieff 1998: 48–53) опирались на фрейдовский «нарциссизм малых различий», чтобы объяснить, почему появляется близостный аспект в этническом насилии. Фрейд начал с того, что заметил, что в близких кругах общения (дружеских, брачных, у родителей с детьми) чувство враждебности сосуществует с чувством любви и близости; так он пришел к заключению, что чем ближе отношения между группами людей, тем враждебнее они могут быть по отношению друг к другу. По словам Фрейда (Ignatieff 1998: 59), «из двух соседних городов каждый для другого — самый завистливый соперник; каждый небольшой кантон взирал на другие с презрением. Тесно связанные рода держат друг друга на расстоянии вытянутой руки; южные германцы терпеть не могут северных, англичане возводят всяческую клевету на шотландцев, испанцы презирают португальцев». Подобным же образом рассуждает Адам Смит (Smith 1982: 229–230), заключая, что «национальные предрассудки и ненависть резко простираются дальше соседствующих наций», а в своем обзоре насильственных практик в Древней Греции Андре Бернан (Bernand 1999: 273) пишет, что «чем меньше расстояние от добычи до преступления, тем сильнее ненависть». Насильственный потенциал симметричных взаимоотношений отмечали и студенты, изучающие международную конфликтологию. В 1602 г. Уильям Фулбек отметил, что война возникает на почве «противоречий» между «двумя принцами равной власти» (Hale 1971: 7). Недавно Роджер Гулд (Gould 2003) продемонстрировал, что тривиальные межличностные разногласия могут перерасти в насилие, если в них участвуют равные люди в относительно симметричных отношениях, из-за неясности насчет относительного социального статуса.

Зависть — еще одно чувство, которое провоцирует межличностный конфликт в симметричных контекстах. Близость не предотвращает появления чувства зависти. На самом деле люди, которым мы больше всего завидуем, обычно оказываются нам самыми близкими. «Ты скорее больше будешь завидовать коллеге, который зарабатывает на тысячу долларов в год больше, — отмечает Аарон Бен-Зеев, — чем исполнительному директору, который получает на миллион долларов больше» (St. John 2002: A17). Психолог Дэниел Неттл считает, что богатый человек — это в основном любой человек, который зарабатывает на 100 фунтов больше, чем муж сестры его жены

(Persaud 2005: W3). Дэвид Хьюм видит источник зависти и злобы в сравнении себя с другими (Frijda 1994: 280), Алексис де Токвиль (Tocqueville 1933: 185–186) отмечает, что чем больше равенство, тем чаще возникает сравнение, основанное на зависти (чем равнее становятся люди, тем тяжелее им переносить все более редкое, но легко определяемое неравенство), а Йон Элстер (Elster 1999) пишет, что зависть предполагает веру в то, что «на этом месте мог быть я», что порождает обиду. Все эти мнения сводят в одну точку относительную симметрию и доносительство — посредством зависти⁴⁰⁸. И правда, согласно недавним исследованиям в области психологии, благосостояние в большей степени определено не тем, что объективно имеется у людей, а тем, с кем эти люди себя сравнивают, а референтная группа подобных сравнений — люди, равные по статусу: соседи, коллеги по работе и члены семьи. Такая трактовка объясняет, почему встречи одноклассников рожают самые разные соревновательные инстинкты и зависть (Persaud 2005: W3). От зависти до доноса всего один шаг, как сказал Столлу один крестьянин-гватемалец (Stoll 1993: 143): «Здесь, в Котцале, много зависти... Так что если появятся партизаны, завистники могут сказать им, что он — информатор армии. Или сказать армии, что он говорил с партизаном. Поэтому так много людей здесь погибло».

10.4.2. Концентрация

Концентрацией обозначается сильное совпадение социального взаимодействия в малых и закрытых условиях. Подобные среды являются крайне взаимозависимыми. Мелкомасштабные «моральные сообщества», отличающиеся плотностью взаимосвязей, сочетают в себе уязвимость (из-за межличностной конкуренции и ассоциируемой с ней небезопасностью) и взаимозависимость в контекстах, характеризующихся повторяемыми взаимодействиями. Сильно развитые механизмы социального контроля в сочетании с наличием полной информации о вероятных исходах кон-

⁴⁰⁸ Это отражается в бородатой шутке советских времен о крестьянине, который жалуется на то, что у его соседа есть корова, а у него нет. «Так ты тоже хочешь корову?» — «Нет, я хочу, чтобы ее у него забрали» (Schmemmann 1999: 34).

фликтов сами по себе предполагают и регулируют межличностный конфликт (Gilmore 1987). «Как в любом маленьком городке, — пишет Ватанабе (Watanabe 1992: ix) о своем месте полевых исследований в Гватемале, — споров и враждебности было очень много, но они в основном касались не политических, а личных вопросов».

Существование институтов, которые разряжают конфликтную обстановку, часто приводило исследователей к мысли о том, что нужно интерпретировать такие плотные среды как солидаристские (Petersen 2001; Skocpol 1979). Тем не менее антропологи отмечали их фундаментально дуальную природу: такие среды являются конфликтными и вместе с тем солидаристскими⁴⁰⁹. Описав жестокое междоусобное насилие в баскской деревне, вылившееся в несколько спровоцированных местными убийств, Сулайка (Zulaika 1988: 98) при этом описывает эту деревню как место, где он ни разу не наблюдал «настоящих драк или публичных словесных оскорблений, в которых участвовали двое взрослых людей. Шумные споры в баре провоцируют у присутствующих сильнейшее напряжение, и поэтому крайне не одобряются»⁴¹⁰.

⁴⁰⁹ Два лица одной плотной среды не всегда улавливаются одним ученым. Один исследователь описал население Тепоцтлана в Гватемале как «относительно гомогенное, изолированное, гладко функционирующее и хорошо интегрированное общество, состоящее из пребывающих в согласии и хорошо уживающихся друг с другом людей», опустив все вопросы, связанные с «бедностью, экономическими проблемами и политическим расколом», но особо подчеркнул «умение кооперироваться и сплоченность». А другой антрополог при этом описал ту же деревню, делая упор на «лежащий в основе тепоцтекканских институтов и характеров индивидуализм, отсутствие кооперации, наличие напряженных отношений между жителями и органами власти, раскол в деревне, а также всепроникающий страх, зависть и недоверие» (см. Redfield 1989: 134).

⁴¹⁰ Дуализм среды наблюдается также в периоды существования открытого конфликта. Сулайка (Zulaika 1988: 96–97) рассказывает историю о похищении в 1986 г. баскской группировкой ЭТА баскского промышленника. И сам промышленник, и один из похитителей были из одной деревни, Итзар. Когда промышленника освободили, его односельчанина убили. Первый отправил свои наилучшие пожелания матери последнего, которая в ответ передала привет жене промышленника. Сулайка отмечает, что «обмен любезностями был таким же искренним и нормальным, как в любой обычной ситуации. Во время

При ближайшем наблюдении исследователи отмечали, что сильная привязанность и верность своей деревне сосуществует с усиленной подозрительностью к неродственникам; что глубокая и крепкая привязанность к семье сопровождается взаимной подозрительностью и сильной внутрисемейной конкуренцией, например ярко выраженным соперничеством между детьми⁴¹¹; что центральная роль, которую играет дружба в жизни людей, не исключает существования напряженной конкуренции между друзьями⁴¹²; и что изобилие идеалов и механизмов избегания межличностных конфликтов сосуществует с большим количеством межличностных конфликтов на тривиальной и пустячной почве — при этом также существует значительный потенциал для залечивания глубоких ран, которые может оставить конфликт. Вкратце, в этих средах есть тенденция к тому, чтобы одновременно быть основанными на близком родстве и сильной конкуренции, быть внешне едиными и внутренне разделенными, «семьеориентированными», но в то же время конфликтными. Дэвид Гилмор (Gilmore 1987: 3), исследуя одну деревню в южной Испании, обнаружил, что в основе всех взаимоотношений между ровней, где есть близкое родство, сообщество, где все друг друга знают, лежит «очень мощная эмоциональная подструктура, которая обычно скрыта... В частной жизни в глубине души семья выступает

пребывания в плену «нормальность» омрачалась антагонизмом ролей, которые им необходимо было играть по плану, который ни один из них полностью не контролировал; но теперь они снова стали дружескими односельчанами».

⁴¹¹ Антропологи отмечают, что хотя солидарность братьев расклевывается средиземноморскими крестьянами как нечто идеальное, зачастую ей противопоставляется открытая и насильственная враждебность между ними (Gilmore 1987: 43).

⁴¹² Ричард Берман (Berman 1974: 43) отмечает, что во Вьетнаме «дружба между мужчинами очень сильна и напоминает любовные отношения, в рамках которых сильные эмоции, преданность, солидарность, полное доверие, равенство и отсутствие переживаний насчет статуса являются идеалом. В самом настоящем смысле друг становится братом, членом чьей-то группы первостепенного значения. Несмотря на это, такая дружба во вьетнамском обществе — редкость и, следовательно, является скорее фантазией, чем реальностью». Как сказал Гилмору (Gilmore 1987: 6) один испанец: «К черту друзей, они самые ужасные враги».

против семьи, а человек противопоставляется человеку; сила недоверия и вспышки зависти всегда [были] глубоко сокрыты под налетом показного дружелюбия... Это темное основание эмоциональной напряженности сильно влияет на сообщество, так же сильно и неотступно, как классовая поляризация и политика».

Концентрация приводит к межличностным конфликтам посредством двух механизмов: во-первых, количество взаимодействий между одними и теми же людьми высоко, а значит, выше вероятность того, что возникнут межличностные конфликты и взаимные претензии⁴¹³. Зиммель (Simmel 1955: 44–45) предположил, что конфликты в плотных средах являются интенсивными, потому что глубина отношений между людьми, которые спорят, в личностных отношениях приводит «ни к единому контакту, ни к одному слову, ни к одному действию или обиде», после чего нельзя остаться в стороне. Не случайно в социально плотных средах преобладают обзывательства, злостная клевета и сплетни, которые Роланд Бартез (Barthes 1977: 169) метко назвал «словесным убийством».

Во-вторых, в плотных средах предполагается наличие аудитории для каждого взаимодействия. Чем больше число взаимодействий и чем больше их плотность среди членов группы, тем больше возможностей непосредственно наблюдать поведение друг друга (Gambetta 1993: 168; Hechter 1987: 154). Мнение равных людей имеет невероятный вес и зачастую определяет самоуважение. Как отмечает один житель китайской деревушки, в деревне «тяжело обрести лицо. Люди наблюдают за тобой со дня твоего появления на свет» (Hua, Thireau 1996: 127). По мнению Янга (Yang 1945: 167–168), «потеря лица означает утрату престижа, чувство обиды или неловкости перед группой людей... Вопрос о том, потерял ли человек лицо или нет, основан на предвидении реакции на это третьего человека или стороны. Следовательно, деревенские улицы или места обществен-

⁴¹³ Очевидно, это относится к случаям, когда семья большая, в нее входит множество домохозяйств, и все они под одной крышей. Такое совместное проживание «дает повод для множества явных и потенциальных проблем в семье, рождает зависть, подозрения, непонимание, обиду и эгоистичные страхи» (Yang 1945: 239).

ных собраний — места, в которых каждый рискует потерять лицо»⁴¹⁴. И действительно, как полагает Джозеф Эпстейн (Epstein 2002), снобизм может быть только местечковым явлением; людей могут забавлять перегибы во вкусах рок-звезды, но раздражать вкусы соседа⁴¹⁵. Вкратце плотные сообщества отлично описывает испанская поговорка: «Маленькая деревня, большой ад».

Очевидно, плотная эгалитарная среда одновременно может глубоко удовлетворять членов среды из-за близости людей, которую она порождает, и может глубоко беспокоить их из-за соревновательной динамики, которой она дает волю. Близостный характер насилия в гражданскую войну во многих отношениях является точным отражением

⁴¹⁴ Янг (Yang 1945: 168–169) считает, что для потери лица требуется средний уровень социальной дистанции. Если наблюдающий потерю лица другого человека является близким для одной или обеих сторон конфликта, побежденная или оскорбленная сторона не чувствует, что утратила лицо, или, по крайней мере, может не принимать в расчет произошедшее. Проблема принимает серьезный оборот, когда социальная дистанция простирается дальше рамок семьи до уровня соседей, деревни или даже дальше. Но за пределами определенной дистанции этот фактор утрачивает свою значимость, потому что потеря лица нерелевантна, если происходит на виду у совершенно незнакомого человека: «Когда человек живет в абсолютно чужом обществе, не существует проблемы утраты лица, и не важно, какие ошибки человек допускает, потому что никто его не знает... Поэтому человек, всегда порядочно ведущий себя в своем сообществе, может начать вести себя иначе в большом городе». Янг также отмечает, что существуют и дополнительные факторы, такие, как: общественная санкция (что-то имеет значение, а что-то нет), осознание собственного авторитета (чем лучше кто-то осознает, какой у него статус, тем сильнее боится потерять лицо), а также возраст (люди среднего возраста больше страдают от потери лица).

⁴¹⁵ Жан-Жак Руссо считал, что истоки неравенства нужно искать в следующих локальных взаимодействиях: «Каждый начинал смотреть на других и хотел, чтобы смотрели на него, а общественная оценка имела значение. Тот, что лучше пел или танцевал, кто был красивее прочих или сильнее, ловчее или красноречивее, занимал самое высокое положение; это было первым шагом к неравенству и в то же время к порочности. Эти первые предпочтения породили, с одной стороны, тщеславие и презрение, а с другой — стыд и зависть; брожение, которое породили эти новые дрожжи, постепенно породило смеси, смертельные для жизни и невинности».

вышеобозначенных контекстов. Данная связь не укрылась от внимательных наблюдателей, которые указывают на удивительную связь между сплетнями и насилием. Как отмечает Фелман (Fellman 1989: 38), «ужасы партизанской войны [в Миссури] лежат отчасти в том, что обыкновенно полное споров сельское общество, активно пользующееся оскорбительной лексикой, иногда вступающее в драки и погрязшее в бесконечных судебных процессах, превратилось в зону войны всех против всех». Возможно, идеальной иллюстрацией этого наблюдения является образование в 1863 г. «комитета бдительности», основанного юнионистами в округе Эндрю на северо-западе Миссури и направленного на то, чтобы выявить, какие граждане являются «зловредными», и выселить их из округа (Fellman 1989: 54). Харт (Hart 1999: 314–315) в своем анализе насилия во время Революции и гражданской войны в Ирландии делает подобное заключение:

За ворохом предлогов и подозрений, за официальными речами о военном суде и обвинительными приговорами ИРА на самом деле нащупала глубокую вену общественных предрассудков и сплетничества: о хапугах, черных протестантах и масонских обществах, грязных жестянщиках и шантрапе, о летунах и женщинах нестрогих правил, свряях из дома номер 4 и игорном доме под номером 30. Такого рода разговоры обычно велись в пабах, на кухнях и на улицах. Что сделала революция, так это вынесла эти разговоры из-за закрытых дверей на всеобщее обозрение... Революция превратила этих людей и их семьи в чужаков, а их соседей — во врагов.

Арендт (Arendt 1970: 55) отмечала, что террор приводит к атомизации, которая затем «сохраняется и усиливается посредством везде существующих информаторов, которые могут быть буквально вездесущи из-за того, что они больше не являются простыми профессиональными агентами, которым платит полиция, ими потенциально может стать любой человек, с которыми кто-нибудь войдет в контакт». И это действительно так, если учесть, что тесное социальное взаимодействие может удивительным образом лежать в основе атомизации, и что информаторы особенно часто появляются в плотной социальной среде.

10.5. ИЗМЕНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ДЛЯ ДОНОСИТЕЛЬСТВА

Теория селективного насилия получила бы большую поддержку, если бы могла предоставить интересные и состоятельные доводы не только в области эмпирического знания. Во-первых, для этого нам следует примерить практику доносительства на плотную социальную среду, где все друг друга знают, даже в мирной демократической обстановке, поскольку механизмы, управляющие предоставлением сведений, наверняка должны присутствовать в урезанной форме, когда потребность в доносах минимальна или почти равна нулю. Во-вторых, следует, не противореча теории, объяснить, почему доносительство в авторитарных режимах распространено повсеместно. В-третьих, следует учесть различие уровня насилия в разных авторитарных режимах.

Доносительство является редкой практикой в демократических режимах, в которых оно сильно ограничивается моральными нормами. И тем не менее, хотя доносительство и редкое явление, полностью оно не отсутствует. Например, когда летом 2000 г. в штате Джорджия в Америке решили ограничить внешнее орошение во всех 15 графствах Атланты, люди начали доносить на тех соседей, которые незаконно осуществляли полив, называя их «водяными преступниками» (Firestone 2000: A16). Ещё более зловещая ситуация разыгралась после взрывов 11 сентября, когда в ФБР поступали тысячи доносов (Moss 2003: A1); к октябрю 2001 поступило 365 000 доносов, а к концу ноября их число составило уже 435 000 (Van Natta 2001: B1; A. Davis et al. 2001: A1) — и все они во множестве содержали злонамеренные доносы. По заявлению представителя ФБР Чикаго, «сейчас в тюрьме мужчин больше, потому что какая-нибудь бывшая жена или девушка решила их сдать» (A. Davis et al. 2001: A1).

Согласно теории есть еще одна дополнительная причина относительной редкости доносительства в демократических режимах: демократии обычно возникают в высокоразвитых и урбанизированных обществах, что укрепляет атомизированность людей и анонимность взаимоотношений. Ещё одним доступным для проверки доводом является то, что в исключительно плотных, мелких или неатомизированных бедных районах в богатых демократических странах и бедных демократических

странах (которые с большей вероятностью являются сельскими) доносительства, судя по всему, должно быть больше.

Полиция привыкла опираться на «подсказки» осведомителей при раскрытии преступлений или контроле уровня преступности в бедных районах (например, Goldberg 1999: A18). Последовавший за взрывами 11 сентября в Америке арест четырех иммигрантов с Ближнего Востока в Эвансвилле в штате Индиана «на самом деле произошел из-за любовной ссоры одного из них с женщиной, которая в итоге пошла в полицию и сообщила, что один из девяти мужчин вел пугающие разговоры о самоубийстве» (Clines 2001: B7). Аналогичным образом арест оператора на приеме-выдаче багажа в аэропорту Парижа алжирца Абдрезака Бессегира был спровоцирован родственниками со стороны жены: они подложили в его машину оружие и взрывчатку (Smith 2003: A4). Обвинения в краже электричества в Нью-Йорке обычно поступают от «обманутых любовников, рассерженных бывших сотрудников компаний, любопытных соседей» (Urbina 2004: A1). В общем, злонамеренное доносительство даже в демократических странах коррелирует с близкими взаимоотношениями между людьми.

В связи с отсутствием большого задокументированного количества доносов, нам следует также учесть наличие высокого уровня межличностной конкуренции (и, потенциально, конфликта) в самых симметричных и концентрированных средах. Напротив, в атомизированных социальных средах должно наблюдаться меньше межличностной конкуренции. И действительно, согласно одному социологическому исследованию американских пригородных районов, именно социальный контекст, в котором доминирует «отсутствие конфронтации, толерантность и избежание конфликтов», разрушают «ссоры, насилие, необходимость посредничества и судебные иски» (Baumgartner 1988: vi). Тем не менее в случае возникновения споров они, вероятнее всего, возникнут между ближайшими соседями, которые взаимодействуют друг с другом (Shattuck 2000: F1). Например, у людей в маленьких американских городках, где они чаще пересекаются по работе или в жизни, наблюдается большой соревновательный дух⁴¹⁶.

⁴¹⁶ По словам Уильяма Глаберсона (Glaberson 2001: A13), «даже в самых больших городах расследования по делам о наркотиках часто строятся на предательстве. Но в маленьких сообществах наподобие

То же относится и к школьной и рабочей средам, в которых происходит ежедневное взаимодействие и возникает межличностная конкуренция. Директор одной школы в Аризоне, пользуясь той же логикой, объясняет, почему «самые ужасающие случаи» школьного насилия происходят в пригородных гомогенных школах для среднего класса: «В больших городах существует множество мест, в которых дети могут завести знакомства, где они оставляют частичку своей жизни. Но в городках типа нашего мы все вращаемся в одной среде» (Lewin 1999). Хотя в таких школах и учатся относительно равные социально ученики, они делятся на десятки соревнующихся «клик», что рождает напряженную конкуренцию. «Жилищные комплексы для пенсионеров» (дорогой вариант домов престарелых) также являются местом, где «крепко дружат и соперничают. Каждый знает, как обстоят дела у каждого» (Gross 2005: 1)⁴¹⁷. Особо дурной славой пользуются конфликты между квартиросъемщиками, между арендодателями и квартиросъемщиками, возникающие в нью-йоркских кондоминиумах, — они более напряженные, чем, например, в Лос-Анджелесе, где социальные взаимосвязи не такие плотные⁴¹⁸. Профессиональная и рабочая среда, предполагающая ежедневные взаимодействия, также печально известна проведением порочной политики (MacGregor 2002)

Колумбуса [Монтана] двуличность имеет особую силу, поскольку супруги, друзья и деловые партнеры предают друг друга. Там, где почти все друг друга знают, волной, запущенной громким делом, может смыть весь город».

⁴¹⁷ «Если бы не пробки из-за кресел на колесах или прогуливающих, — отмечает Джейн Гросс (Gross 2005: 1), — столовая жилого комплекса для пенсионеров «Атрия» могла бы с успехом сойти за школьную столовую».

⁴¹⁸ Сообщается, что «горячий рынок» съемного жилья вынудил нью-йоркских владельцев сдаваемых квартир «совать нос в бумажные дела квартиросъемщиков, нанимать частных следователей для видеозаписи их прихода и ухода и даже договариваться с соседями о слежке друг за другом». Если владелец квартиры считает, что квартиросъемщик не проживает в квартире основное время или пересдает ее, его могут выселить. Как сказал президент крупнейшего городского лобби арендодателей: «Ставки гораздо выше не только из-за состояния рынка, но и из-за налоговых скидок за простой. Если вы можете доказать свою правоту, то получите выгоду». См.: Lobbia 1999: 49.

и тем, «люди готовы далеко пойти, чтобы покарать обидчика за обычные нарушения правил» (Urbina 2005: 35), включая написание доносов в официальные органы из-за различных нарушений регламента, мотивированное злобой и жадной мести (Rasenberger 2005). Особый жанр книги практических советов, в которых даются советы по политике внутри офиса, включает в себя следующее руководство с говорящим названием «Каин и Авель на работе». Злой умысел играет немалую роль и в других, более утонченных литературных (James 2003: 13) и академических мирах. По словам Фрииды (Frijda 1994: 285), она лично знает «одного человека, который помешал продвижению по службе другого человека, потому что друг последнего когда-то, по его мнению, третировал его, позже он признался, что сделал это назло».

В отличие от демократических режимов, в авторитарных режимах доносительство гораздо более частотно, поскольку в них высока потребность в информации (Jan Gross 2001; Fitzpatrick, Gellately 1997)⁴¹⁹. Авторитарные режимы напоминают зоны полного контроля во время гражданской войны: следовательно, мы должны учитывать и высокий уровень доносительства, и низкий уровень насилия. Вездесущий характер доносительства в авторитарных государствах легко устанавливается эмпирически. На деле множество исследований явления доносительства вышли из-под пера ученых, живших при авторитаризме. Во всех этих исследованиях указывается на близостный и злонамеренный характер доносов. Камен в работе об испанской инквизиции (Камен 1998: 175, 177) отмечает:

Нет сомнения в том, какой страх распространила Инквизиция уже в самом начале своего существования. Но страх суда не был главным стимулом. Система правосудия, распространенная в то время в Европе, повсеместно опиралась на сотрудничество с обществом. Именно свидетельств членов общины — то есть соседей, родственников и врагов — обвиняемые и боялись больше

⁴¹⁹ Насилие часто применяется совместно в рамках восстаний, государственного террора и геноцида. Во время антитамильских восстаний на Шри-Ланке «некоторые сингальские бизнесмены получили возможность избавиться от своих конкурентов, а домовладельцы — от нежелательных жильцов и так далее» (Tambiah 1996: 97). Подобные случаи происходили и в Руанде (Straus 2004; Andre, Platteau 1998).

всего... Скорее не страх перед Инквизицией, а страх перед соседями, был, в первую очередь, самой главной — и постоянной — заботой тех, на кого доносили... Инквизиция стала удобным оружием для сведения старых счетов... В записях Инквизиции полно случаев, когда соседи доносили на соседей, друзья доносили на друзей, а члены семьи — друг на друга.

В сравнительном анализе явления доносительства в современных диктатурах Европы Фитцпатрика и Геллатели (Fitzpatrick, Gellately 1997), а также в исследовании Яна Гросса (Gross 1988: 118–119), посвященном советской оккупации Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г., отмечаются подобные черты. Как только власть в Германии перешла к нацистам, отмечает Геллатели (Gellately 1991: 139), «представители нацистов воспользовались новой ситуацией, чтобы свести счеты со старыми врагами, а «обычные» граждане не гнушались возможностью убрать деловых конкурентов, высказывая различные предположения, которые приводили к арестам и интернированию». По оценкам, за годы немецкой оккупации французы написали от 3 до 5 миллионов добровольных доносов, большинство из которых были подписаны, а Министерство государственной безопасности ГДР полагалось на информацию, предоставляемую миллионами «обычных граждан», которые не являлись членами тайной полиции, но которые сотрудничали с министерством на регулярной основе (Fitzpatrick, Gellately 1997).

Далее, практика доносительства в авторитарных режимах разрушает предположение о том, что безличная поляризация формирует необходимую основу для близостного насилия во время гражданской войны. Да, политизация жизни, возникающая в крайних формах авторитаризма, приводит к приватизации политики. Но это происходит не потому, что политические страсти затрагивают каждого человека, а скорее потому, что крайняя политизация жизни предоставляет возможность использовать доносительство ради собственной выгоды. Фитцпатрик и Геллатели особо это отмечают (Fitzpatrick, Gellately 1997: 11):

Из-за особого желания управляющих тоталитарным государством людей получать доносы от своих граждан и действовать исходя из этих доносов, государственные силы для устрашения

фактически были отданы в распоряжение отдельных граждан. Если у вас был личный враг, почему бы не донести на него в полицию, сказав, что он якобы является евреем или троцкистом? Тогда гестапо или НКВД отправили бы его в концентрационный лагерь, и ваша проблема была бы решена... Манипуляторные доносы подобного рода были в обоих обществах крайне часты. В СССР времен Сталина на классовых врагов доносили соседи, желавшие занять их жилплощадь; в нацистской Германии соседи доносили на евреев по тем же причинам и с тем же успехом.

Ян Гросс (Gross 2001: 4) считает, что суть режимов, провоцирующих доносы и процветающих при его помощи, заключается в «институционализации обиды». В своем исследовании (Gross 1988: 117–120), посвященном советской оккупации Западной Украины и Западной Белорусии в 1939 г., он пишет о том, что новый аппарат власти был «мотивирован строго определенными интересами, например, желанием отомстить за личную обиду, утолить голод или удовлетворить жадность». Гросс дает такое описание оккупации, которое говорит само за себя: «Советская власть проводила обыски и аресты... прямо в ответ на доносы, составленные соседями, которые хотели расквитаться по старым счетам»; «обвинения, доносы, а также личная вражда могли в любой момент привести к аресту. Людей официально подстрекали к тому, чтобы они приносили доносы и обвинения»; «если кто-то имел зуб на кого-то или старого врага, если кто-то кому-то насолил — всегда можно было проявить себя, и всегда было ухо, готовое выслушать». Гросс говорит, что этот общественный процесс сродни приватизации инструментов принуждения и самого государства, которую, «так сказать, давали в использование местным частным лицам, пользовавшимся своей властью для достижения личных интересов и сведения счетов; стремление удовлетворить личные интересы стало основным методом выполнения официальных обязанностей и установления власти». В своем исследовании Цзюнь Цзин (Jing 1996: 87) показывает, как во время «культурной революции» в Китае близостный характер насилия проистекал от взаимного смешения политических и личных интересов:

Заметной характеристикой маоистских кампаний, которые опустошали китайскую сельскую местность, являлось то, что в них

наблюдалась тесная связь между политическими жертвами и их мучителями. Сельское общество не было пассивной общностью, беспомощно сотрясаемой политическими кампаниями, начатыми сверху. Что сделали политические кампании — так это открыли ящик Пандоры, направив агентов местной власти на охоту за конкретными целями на низшем уровне в погоне за «бесконечной революцией», предусмотренной Мао. Среди тысяч деревень находились местные осведомители, которые пытались манипулировать этими кампаниями, используя их ради своей выгоды. Во многих случаях их мотивацией являлась давняя вражда с отдельными людьми, членами семьи или местными группировками. Чаще всего жертвами при этом становились соседи, друзья детства или даже близкие родственники по крови или по браку.

Аналогичным образом Цзюнь Чан (Chang 1992: 495–496) считает, что источник основного насилия, применявшегося во время культурной революции, лежит в спровоцированной Мао мобилизации зависти и чувства обиды. Местные комитеты «обычно состояли из мужчин на пенсии и старых домохозяек, и некоторые из них заработали печальную известность благодаря тому, что лезли в чужие дела и помыкали другими» (Chang 1992: 265). В истории своей семьи она красноречиво показывает, что политизация частной жизни неизменно приводит в приватизации политики (Chang 1992: 134, 184):

Коммунисты начали радикальную реорганизацию не только государственных институтов, но и людских жизней, особенно жизней тех, кто «присоединился к революции». Их идея состояла в том, что все личное было политическим; в действительности же с этих пор все переставало считаться «личным» или частным. Узаконивалось мелочное, получив статус «политическое», а собрания стали форумом, на котором коммунисты объединили всякого рода межличностную вражду... В каждой кампании каждый человек, представлявший категорию, определенную Пекином как цель, в определенной степени ощущал на себе пристальное внимание, в основном не со стороны полиции, а со стороны коллег по работе и соседей. Вот в чем состояло ключевое изобретение Мао: вовлечь в аппарат контроля все население. Мало правонарушителей согласно критериям режима могло укрыться от пристального взгляда людей, особенно

в обществе, в котором с давних времен бытовала ментальность консьержей. Однако «эффективность» такой системы была достигнута колоссальной ценой: поскольку кампании опирались на весьма расплывчатые критерии, а также поскольку существовали личная месть и особенно сплетни, осуждено было множество невинных людей⁴²⁰.

И наконец, в рамках теории предлагается доступная для проверки предпосылка, объясняющая изменение уровня коллективного насилия в авторитарных режимах: спиральный характер массового насилия может быть вызван наличием конкуренции среди нескольких институтов власти, нуждающихся в доносах. Если эти институты проверяют друг друга, тогда уровень насилия должен быть низким (повторяя логику взаимного сдерживания, преобладающую в зоне 3). Тем не менее, если эти институты могут конкурировать друг с другом за получение доносов (в ситуации, повторяющей зоны 2 и 4), мы должны наблюдать спиральный рост насилия. Исходя из описаний массового террора в Советском Союзе и Китае, можно предположить, что это достоверная гипотеза.

10.6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Один чеченец вспоминал о войне в Чечне в следующих словах: «Я начал понимать, что война не всегда приходит к нам извне. Война, смерть, разруха — все эти ужасы прямо под нашими ногами, так близко к нам, что человек может кануть в пропасть в любой момент... Мы все ходим по тонкому льду, так сказать, и можем в любой момент провалиться в бездну» (Tishkov 2004: 145). Это высказывание является подходящим заключением для данной главы, поскольку близостное насилие во время гражданской войны,

⁴²⁰ Чан (Chang 1992: 173) даст следующий пример из своей жизни: «Моя мать тоже была в ужасе, узнав, что на мою бабушку донесли — причем ее же собственная невестка, жена Ю-Линя. Та долго таила обиду на бабушку за то, что ей приходилось выполнять всю тяжелую работу по дому, тогда как бабушка играла роль хозяйки. Коммунисты побуждали всех открыто говорить о «притеснениях и эксплуатации», так что миссис Ю-Линь получила политическую основу для своей обиды».

как я предположил, часто связано скорее с межличностными и местными разногласиями (они «прямо под нашими ногами, так близко к нам...»), чем с безличной абстрактной ненавистью. Но при этом высказывание этого человека следует меньше воспринимать как простое подтверждение гоббсовской точки зрения на человеческую природу как принципиально носящую насильственный характер в условиях опасности, а больше как замечание о власти доносительства, побуждаемого межличностной конкуренцией. Все это потому, что близостное насилие меньше сигнализирует о политизации частной жизни и больше о всепроникающем процессе приватизации политики; меньше — о трансгрессии социальных связей и больше — об их полном, хотя и превратном, проявлении. Согласно представленной здесь теории, ключевым механизмом является злонамеренное доносительство. Свидетельства злонамеренного доносительства в симметричных и концентрированных средах далее разрушают точку зрения о том, что близостное насилие является следствием лишь глубокого разделения — хотя такого рода насилие может в итоге превратить межличностную ненависть в безличную.

В данной главе давался теоретический обзор природы и причин близостного насилия во время гражданской войны, основанный на теории селективного насилия с фокусом на коллективном насилии. Такая точка зрения помогает разгадать ключевую загадку: политическое насилие, как считается, стоит на диаметральной противоположной стороне от преступного насилия, но оба этих типа насилия имеют важную общую черту — близость. Таким образом, в этой главе удастся примирить две различные исследовательские программы, которые долгое время считались несовместимыми друг с другом: одна из них фокусируется на узкомасштабном межличностном насилии (примером служит работа: Gould 2003), а другая фокусируется на широкомасштабном политическом насилии. Ссылаясь на процесс, при помощи которого основные особенности конфликта и действительная динамика практически соединяются друг с другом (или, наоборот, разъединяются), эта глава также закладывает основу для следующей, заключительной, главы, в которой рассматриваются теоретические предпосылки данного разъединения.

Раскол и содействие

Это запутанная война.

Уильям Финнеган,
«Запутанная война»

Ни одна из сторон не действовала исключительно из принципов. Старая борьба как один похожих группировок — соперничество в чистом виде за трофеи, добытые в территориальном управлении. Между фракциями в некоторых муниципалитетах давно существовала вражда. Так что более чем ожидаемым было то, что если фракция, находящаяся у власти, занимала сторону коллаборационистов, то другая фракция, не стоящая у руля, во всеуслышание осуждала противника и провозглашала себя приверженцами движения сопротивления.

Элмер Лир, *«Японская оккупация острова Лейте на Филиппинах в 1941–45 гг.»*

До настоящего момента основное внимание в книге я уделял тому, как вооруженные участники конфликта используют насилие с целью принуждения к чему-то. И хотя насилие направлено в основном на то, чтобы сдержать «отступничество», оно служит и для того, чтобы добиться и других целей, и дает некоторый внешний эффект. В данной главе мной рассматривается дополнительное измерение, связанное с насилием: его роль как ресурс для мобилизации на местном уровне. Анализируя, как основные игроки из центра связаны с действиями, производящимися на местах, и как раскол,

о котором разглагольствуют на национальном уровне, связан с местными конфликтами, с которыми зачастую у них на деле мало общего, можно сделать несколько важных выводов, необходимых для общего понимания сути гражданских войн.

Я начну с упоминания часто отмечаемого, но не вполне понятного факта: кажется, что конфликты и насилие «на местах» часто связаны не с «основной причиной раздора», которая порождает гражданскую войну на национальном уровне, а с местными проблемами. Так происходит, несмотря на то, что серьезные разногласия на местном уровне обычно оформляются дискурсивной терминологией, используемой для формулировки основной причины раздора. Такое разобщение дает основание для вопроса о содействии разнообразным процессам, возникающим во время гражданской войны. Лежит ли содействие — набору новобранцев, насилию, определению собственной принадлежности и каждому из прочих процессов, которые сопровождают гражданскую войну и способствуют переворотам в ее процессе, — в основном в области частной или общественной жизни? Сутью явления доносительства, рассмотренного в предыдущей главе, является то, что отдельные люди и местные сообщества, включенные в военный процесс, стремятся извлечь выгоду из общей обстановки на данный момент, чтобы разрешить частные и местные конфликты, слабо связанные с основными причинами войны или целями воюющих сторон. При нормальных обстоятельствах эти конфликты поддаются регулировке и не выливаются в насильственный конфликт. Мы едва ли связываем их с политическим насилием в целом и гражданской войной в частности. Почему происходит такое разобщение, можно понять, как только осознаешь, что локусы содействия, распространяемые гражданской войной, по сути многочисленны — следовательно, возникают разнообразие и неопределенность мотивов и идентичности, приводящие в замешательство. Иными словами, смешение и взаимодействие между динамикой в центре и на периферии являются скорее не следствием гражданской войны, а ее фундаментальной характеристикой, не побочным эффектом, а сутью дела.

Теория селективного насилия, рассмотренная с учетом понимания его как совместно примененного насилия, предоставляет отсутствующую ключевую связь между общественной и частной сферами, а также между основным расколом

и местными разногласиями. Гражданскую войну можно рассмотреть как процесс, который трансформирует поиски победы и власти, к которым стремятся политические силы, а также жажду получения выгоды, которую питают отдельные люди, в коллективный процесс применения насилия. В данной книге в качестве одной из основ теории селективного насилия предлагается альтернативное основание для связи элиты и динамики на местах: альянс. Альянс предполагает договоренность между надместными и местными силами, при которой первые снабжают последних внешними силами, таким образом, позволяя им получить решающее преимущество на местах; в обмен на это надместные силы набирают и мотивируют сторонников на местном уровне. Насилие, рассматриваемое в этой перспективе, является ключевым отборочным преимуществом, рождающим коллективное действие и поддержку на местах. Ниже следует несколько теоретических выкладок.

Во-первых, локус содействия во время гражданской войны одновременно находится на разных уровнях объединения: в центре, в регионе, в деревне и так далее. Во-вторых, к именованию собственной принадлежности следует относиться осторожно: силы, участвующие в гражданской войне, нельзя рассматривать как унитарные. Наименования, придуманные в центре, могут вводить в заблуждение, если распространить их на местный уровень; а значит, личную мотивацию нельзя вывести на основании наименования групповой идентичности. В-третьих, предположение об индивидуальной взаимозаменяемости, которое лежит в основе концепции «группового конфликта» и «коллективного насилия», стоит считать не константой, а переменной. И наконец, согласно нашей теории споры об «истинной» причине или типе гражданской войны, вероятно, в конечном счете не являются решаемыми или продуктивными. Если суммировать, исследование гражданской войны требует четкого указания релевантного уровня анализа и в конечном итоге должно охватывать все уровни. Только при таком указании учитывается сложность данного феномена, причем данному вопросу можно найти как теоретическое, так и эмпирическое разрешение. Вкратце, связь между концептуальными и позитивными предпринятиями, обрисованная во вступлении, лежит в правильном концептуальном разукрупнении процесса гражданской войны.

Фокусировка на местном содействии дополняет и расширяет теорию селективного насилия, полно и точно определяя логику местного участия в производстве насилия; она также указывает на важность местного содействия в более общих процессах распада и формирования государства.

11.1. ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

Принято описывать, классифицировать и понимать гражданские войны с позиции так называемого всеобъемлющего содействия: то есть мы говорим об идеологических, этнических, религиозных или классовых войнах и обозначаем политические силы в этнических гражданских войнах этническими силами, насилие в этнических войнах — этническим насилием и так далее. Тем не менее подобное разделение оказывается гораздо коварнее, чем кажется. Являются ли повстанцы в Ираке активистами из партии «Баас», сепаратистами-суннитами, исламскими джихадистами или иракскими националистами? Происходили ли столкновения между даяками, малайцами и мадурцами на Западном Калимантане в Индонезии из-за религии или этнической принадлежности (Davidson 2003)? Велась ли гражданская война в Алжире из-за религии или классового неравенства (Freeman 1994: 14)? Являлись ли повстанцы в Кот-д'Ивуара солдатами-мятежниками, жаждущими власти, победителями из маргинальных кругов общества или иностранными наемниками, которым платили местные региональные соперники (Wax 2002: A30)? Являлись ли афганцы, восставшие против советской оккупации, на вид «монолитной ордой борцов за свободу» или горсткой этнических и племенных ополченцев, движимых жадностью и жаждой власти (Beagak 1999b)? Кто такие талибы: люди из народности пуштунов, маскирующиеся под исламистов-фундаменталистов, или исламские фундаменталисты, родившиеся среди пуштунов? Являются ли чеченские повстанцы националистами, исламистами, международными террористами или обычными преступниками? Является ли война в Чечне сепаратистским конфликтом, религиозной войной или чем-то еще более запутанным, как, например, «сплетением соперничества между кланами, этнической ненависти и кровной мести» (Mydans 2003: A6)? И, наконец, кем был Джесси

Джеймс: обычным преступником или последним повстанцем времен Гражданской войны в Америке (Stiles 2002)?

Процесс классификации гражданских войн зачастую похож на раскрытие матрешки: один слой трактовки тянет за собой другой, напоминая бесконечный и неразрешимый поиск «настоящей» природы, предположительно скрытой глубже. Так что часто заявляют, что идеологическая война на самом деле ведется из-за этнической принадлежности или что этническая война на самом деле начинается с целью утолить жадность и ограбить и так далее. И это не новое веяние мысли. Еще в 1623 г. Эмерик Крусе говорил, что к исключительно мирским причинам войны «можно добавить религию, если бы из опыта уже не было известно, что она чаще всего служит предлогом» (Hale 1971: 9).

В силу расчетного преобладания расколов на национальном уровне, динамика на местах часто воспринимается лишь каких локальное проявление. Аналогично, местные силы рассматриваются лишь как местное подобие сил центра. В результате динамика на местах и местные силы обычно игнорируются. Тем не менее описание гражданской войны на местах обычно отражает запутанный и непростой мир, соединяющий все виды мотивов, так что сложно с точностью связать силы, приводящие к насилию на местах с заявленными мотивами и целями самой войны. В таких описаниях указывается, что часто существует настоящее разделение между проблемами, личностью сторон и мотивами на местном и национальном уровнях. Внимательное чтение докладов, составленных наблюдателями на выборах в Греции в 1946 г., оставляет стойкое и неизменное чувство замешательства насчет истинных мотивов применения насилия и озадачивает из-за наличия смеси политических, местных и личностных компонентов:

Трудно было бы определить, имели ли эти [убийства] исключительно политическую природу или носили враждебный характер. К последним относился один случай, о котором мне рассказали и который произошел в Веррии.

Очень часто причина для убийства носит не политический, а личностный характер, однако в некоторых случаях точно соблюдается линия партии. Многие отрицательные человеческие чувства во время Гражданской войны проявляются под влиянием поведения членов ЭЛАС (Национально-освободительной

армии Греции); а поскольку многие из них сейчас состоят в коалиции ЭАМ (Национально-освободительного фронта), роялисты пользуются своим положением у власти, чтобы дать выход своим отрицательным чувствам по отношению к членам ЭАМ.

В некоторых случаях такая семейная месть началась еще задолго до случаев 1944–1945 гг. Как минимум в одном из случаев недавние бои произошли по причине убийства, произошедшего в результате любовной ссоры еще в 1942 г. Также иногда бои провоцировались женщинами, чьи мужья были убиты ЭЛАС. Хотя эти женщины не преследуют своих политических целей, их ненависть неизбежно втянута в политическую игру, поскольку они являются женами правых. Крайне непросто провести черту между семейной мстью и политическими преследованиями.

Многие случаи имеют под собой не политические причины, а происходят из враждебных чувств.

В наблюдательный период в разных частях региона происходили вспышки насилия. На острове Кефалония группой правых бандитов было убито не меньше 8 человек. За месяц до выборов во многих деревнях совершались нападения на членов ЭАМ полностью или частично по политическим причинам. На самом севере региона, где жители деревни сочувствовали ЭАМ, левые нападали на правых. В течение всей истории в этом регионе периодически применялось насилие, и хотя за последние годы применение насилия позволило разграничить политические партии, большинство случаев его применения на самом деле проистекает из вражды или кровной мести... Жители деревни, до определенной степени привычные к ненависти и кровной мести, в целом намерены не только предотвратить возвращение ужасов 1943–1944 гг., но и отомстить лидерам ЭЛАС, которых считают ответственными за применение экстремальных мер⁴²¹.

Устные свидетельства о гражданских войнах, которые четко отзываются на распространение мотивов, указывают на процесс, в рамках которого национальное часто ниспро-

⁴²¹ Соответственно: Unofficial Observations Made on a Visit to Salonika, 14.03.1946, AMFOGE I; Joint Report on Khalkidhiki, 28.03.1946, AMFOGE I; Memorandum from District Board, Salonika to Central Board, Athens, 29.03.1946, AMFOGE I; Daily Summary of Reports and Observations, from District No.5 to Central Board, 30.03.1946, AMFOGE I; Report for District No.4, Patras, AMFOGE I.

вергается местным. Как и во многих других случаях, японская оккупация Филиппин во время Второй мировой войны породила и движение сопротивления, и гражданскую войну, поскольку некоторые филиппинцы выступили на стороне японцев. Альфред Маккой (McCoу 1980), исследуя западные Висайские острова, обнаружил, что хотя страна пережила последовательные радикальные политические изменения в 1941–1946 гг. (включая существование демократии Содружества США, военное правление японцев и национальную независимость), местные и муниципальные политические лидеры продолжили участвовать в местной фракционной борьбе со своими местными соперниками. Маккой отмечает, что соперничающие в регионе фракции не были равнодушны к более серьезным событиям, происходящим в Маниле и дальше; на деле они быстро адаптировались к каждому из последующих режимов, пытаясь воспользоваться его ресурсами ради извлечения собственной выгоды и нанесения вреда соперникам: режиссеры по костюмам и режиссеры по подбору актеров постоянно менялись, но сами действующие лица и диалоги оставались теми же. Изменился контекст, альянсы развалились и перегруппировались, но соперники остались все в той же диаметральной оппозиции и таким образом определили значение все более номинального партийного разделения и категоризации наподобие «партизан» и «коллорационист». Насилие в конфликтах было напрямую связано с этими конфликтами противоборствующих сторон. В подробном расследовании убийства 8 известных мужчин в провинции Илойло в 1942 г., проведенном Маккоем, выяснилось, что каждое без исключений убийство было совершено по причинам, возникшим в довоенных предвыборных конфликтах за контроль мэрских должностей и должностей в местной администрации между соперничающими муниципальными фракциями. Он приходит к заключению, что разногласия между партиями во время войны не были привнесены в Илойло сверху, а спонтанно выскочили с нижнего уровня местной политической системы. Исследование ситуации на острове Лейте Элмера Лира (Leag 1961) подтверждает это предположение; он выяснил, что партизаны-филиппинцы вербовали сторонников из той политической партии, которая проиграла на выборах, предшествовавших войне, тогда как победителей набирали в армию японских оккупантов.

Чтобы кому-нибудь вышеуказанный пример не показался исключением или нечастотным случаем, задумайтесь о том, как Великая французская революция распространялась вне Парижа. Оказывается, расколы, питавшие этот классовый идеологический конфликт, были зачастую абсолютно местечковыми. Колин Лукас (Lucas 1983) считает, что революция подарила язык для выражения всяческих конфликтов. Например, пространственная реорганизация провинций, существовавших при старом режиме, в современную иерархию административных регионов привела к не имеющим себе равных спорам между городами. Тед Маргадант (Margadant 1992) указывает на то, что в тот период за изменениями в политической риторике можно было увидеть соперничество между городами-конкурентами: маленькими и более крупными, административными и торговыми, столицами округа и удаленными от центра; вкратце, местные проблемы были вплетены в национальный раскол. Самыми яркими сторонниками Великой французской революции в провинции были, в числе прочих, лидеры маленьких и средних городов, которые на деле использовали, например, понятия равенства и идеи ненависти к аристократии, чтобы получить административные привилегии для своих городов, включая назначение своего города столицей округа. Магадант считает, что при рассмотрении этой конкуренции можно лучше понять расстановку политических сил во время революции, чем при рассмотрении классовых различий. Ричард Кобб (Cobb 1972: 123) предлагает следующее видение формирования расстановки политических сил во время Великой французской революции:

Все зависело от удачного шанса, от местных влиятельных группировок, от того, кто в какой части очереди стоял, от того, до какой степени были удовлетворены чьи-то амбиции, от того, как разом перепрыгнуть тех, кто стоял перед тобой. В этом случае можно было легко эксплуатировать внешние события; политические ярлыки, придуманные в Париже, перенесенные на местный уровень, могли означать нечто совершенно иное... Эти ярлыки могли на самом деле быть и вовсе не парижскими; они могли иметь и местное происхождение. В регион у Луары «федерализм» был привнесен извне группами вооруженных мужчин, прибывших из Лиона. Но опыт «федерализма» и последующие

репрессии, направленные против тех, кто содействовал ему, позволили одной влиятельной группировке — практически такого же социального положения и уровня богатства — выгнать другую в те города, которые сильнее всего разрушил кризис.

Подобные впечатления представлены и в работах Дэвида Столла (Stoll 1993: 259) по отношению к Гватемале и Уильяма Финнегана (Finnegan 1992: 71, 214) — в описании ситуации в Мозамбике:

Сторонний наблюдатель при рассмотрении государства ишилей склонен воспринимать его сквозь призму титанической политической борьбы между левыми и правыми. Но большинству небахенос эти категории видятся навязанными внешними силами в ситуации, которую они воспринимают по-другому. Классовое и этническое разделение, которое очевидно для стороннего наблюдателя, для небахенос является разрывом между семьей и общественными связями. Небахенос располагают богатыми знаниями местных особенностей, поэтому они имеют непосредственное представление о том, каким темным и запутанным делом является местная политика, и представляют это гораздо лучше, чем кто-то со стороны... То, что наблюдателям-космополитам кажется ясным следствием национального и межнационального развития, местные люди воспринимают как путаницу в местечковой жизни⁴²².

Я слышал об области, в которой узор верноподданства напоминал шахматную доску: каждый клан решил работать с той стороной, которая являлась его ближайшим соседом, не выбирая своего традиционного соперника, чтобы иметь

⁴²² Далее Столл (Stoll 1993: 68, 76) демонстрирует, как первые индейцы-ишили, которые сотрудничали с повстанцами в Гватемале, «не были обедневшими сезонными работниками на плантациях, как того ожидали стратеги [повстанцев]. Напротив, они были уважаемыми людьми из Сан-Хуан Котцаль, занимавшими довольно удобное положение купцов и вербовщиков наемной силы, которые хотели втянуть партизан в неприятную политическую вражду в их городе». В отличие от них, их местные враги, «которые обесчестили себя у власти и были побеждены на выборах, теперь могли доносить на своих противников армии».

возможность с оружием бороться против этого соперника. Неизбежно в игру втягивались более крупные региональные и этнические соперники, как и участники мелких внутрисемейных разладов, и такая эскалация розни лишь способствовала раздуванию рядов РЕНАМО... Угроза, нависавшая над [городом] Рибанг [от повстанцев РЕНАМО], напоминала семейную вражду аппалачских семей или разборки банд в районах бедноты.

Таким образом, недавнее журналистское открытие, что Афганистан — «мир, в котором местное соперничество и глобальные цели, похоже, подпитывают друг друга», и в котором «политика является крайне местечковым явлением, а военачальники меняют стороны ради более удобных альянсов, которые изменяются со сменой удачи в течение 22 лет войны»⁴²³, не является специфическим для Афганистана, это скорее свежее проявление повторяемой схемы. Например, описывая гражданскую войну в одной китайской провинции, Кит Шоппа (Schoppa 2001: 175) заключает, что «тогда как кто-то может воспринять борьбу в провинции Шаосинь как гражданскую войну, считая противниками японцев с марионеточными войсками и Гомиьдан, и одновременно коммунистические войска, на деле же сильного разделения между "сторонами" не наблюдалось: единые фронты формировались и распадались, и снова формировались между силами, ранее казавшимися антагонистами». Аналогично, Любкеманн (Lubkemann 2005) описывает, как на оформление насилия во время войны «значительно влияла напряженность на местном уровне и микрополитические цели, определенные и функционирующие на уровне сообщества или даже семьи». Он показывает, как жители района, который он изучал, «смогли присвоить средства осуществления насилия правительства и повстанцев... в стремлении разрешить местные социальные споры, динамика которых определялась другой в культурном отношении логикой. В общем и целом, — заключает он, —

⁴²³ Местные соперничающие группировки в Афганистане обвиняли друг друга в том, что те являются «талибами» или «членами Аль-Каиды», чтобы врагов разбомбили ВВС США (Bergner 2003: 44; Waldman 2002a: A15). О подобном местные группировки и племена доносили и в оккупированном США Ираке (Graham 2005; Oppel 2005a; Clover 2003).

эти микрополитические цели были совершенно не связаны с борьбой за государственную власть».

Игроки, выступающие на национальном уровне, часто неправильно кодируют подобную динамику. Парижские революционеры либо не смогли понять сложную динамику гражданской войны, вспыхнувшей на юге Франции в 1790–1791 гг. между Авиньоном и Карпантра, суть которой заключалась не столько в идеях и программах, сколько в сведении местных счетов, либо не хотели этого признавать. Робеспьер, например, без смущения обрамлял конфликт риторикой национального раскола (J.-C. Martin 1998: 95–96, 121; Skinner 1995: 143).

Присущая динамике на местном уровне неопределенность во многих отношениях находит параллель «объективным» структурам и «субъективным» действиям⁴²⁴. В этом отношении отдельные свидетельства, взятые из разных гражданских войн, впечатляют; действительно, не будет преувеличением сказать, что ссылки на расхождение динамики в центре и на периферии присутствуют практически в каждом дескриптивном исследовании гражданской войны (Kalyvas 2003)⁴²⁵.

Местные расколы могут обманчивым образом собираться в единое целое. Например, конфликт, классифицируемый как классовый, может вобрать местную динамику, так что

⁴²⁴ Возможно расценивать зависть человека как индивидуальную манифестацию классового конфликта (Harding 1984) или, наоборот, участие личности в абстрактной классовой борьбе как индивидуальное алиби для выражения субъективной индивидуальной зависти. Крибб (Cribb 1990, 28) высказывает похожее предположение, размышляя о насилии в Индонезии в 1965–1966 гг., и говорит, что убийства, мотивированные желанием свести личные счета, были политическими, поскольку имели место в напряженной атмосфере, в которой «мало что так или иначе не имело никакого отношения к политике, и личная обида так или иначе подпадала под более широкую модель социальной поляризации». Тем не менее ценнее и проще было бы развести обе точки зрения, разобрав их аналитически.

⁴²⁵ Zucchini 2004: A9; Roldan 2002: 251, 206, 212; Seybolt 2001: 202; Peterson 2000: 207; Romero 2000: 53; Ellis 1999: 128–129; Zur 1998: 114; Vargas Llosa 1998: 113; Howell 1997: 315; Dalrymple 1997: 253; Schroeder 1996: 424, 431; P. Berman 1996: 65; Hua, Thireau 1996: 270–271; Kedward (1993: 152–153; Cribb 1990: 24–27; Fellman 1989: 90; Crow 1985: 162; Freeman 1979: 164; Shy 1976: 206.

богатые крестьяне поддерживают одну политическую силу в одном регионе и ее соперников в соседнем регионе или деревне (Geffray 1990; Cabarrus 1983; Hofheinz 1969); или богатые торговцы становятся мишенью и обладающих классовым сознанием, революционно настроенных крестьян, и бедных членов эскадронов смерти (Paul, Demarest 1988: 128, 150); одна и та же индусская каста может быть в состоянии войны с британцами в одном регионе и воевать на их стороне в другом (Guha 1999: 331) и так далее. Наборы разнообразных и временами накладывающихся друг на друга региональных и местных расколов, например, расколов по социально-экономическим причинам, вследствие разногласий между соперничающими группировками, из-за происхождения, принадлежности разным кланам, племенам, различия в поле или разницы в возрасте, создают гибкие (и даже меняющиеся) привязанности, которые при взгляде с исключительно совокупной перспективы, ошибочным образом могут показаться едиными; вертикальные взаимоотношения и связи (в рамках отношений патрон-клиент, сообщества, соседства, прихода, корпорации, фракции, клана или родства) взаимодействуют с поперечным срезом общества и часто превосходят «горизонтальные» общенациональные расколы, такие как классовый и этнический. Личные взаимоотношения, индивидуальные политические и религиозные предпочтения, а также сельские представления о чести и долге часто играют автономную роль. Майкл Сейдман (Seidman 2002: 6) считает, что испанцы, хотя и осознавали свою классовую принадлежность, «использовали классовые организации — будь то партии или союзы — для личных целей... Родство и близость могли с успехом соперничать за благосклонность с классом и полом». Грегор Бентон (Benton 1999: 168) показывает, как китайская коммунистическая Новая 4-я армия успешно союзничала с «людьми во время войны, которые в обычное время вряд ли стали бы их союзниками. Она создавала эти союзы на манер, едва ли напомилавший коммунизм в привычном понимании, и сильно полагалась на использование дружеских, родственных связей, опиралась на общее происхождение, школьных товарищей и тому подобное... Подобная модель стала систематической и даже нормативной». Линн Хортон (Horton 1998: 69) рассказывает, как левые повстанцы во время Сандинистской революции в Никарагуа, «прагматично

понимая, что «финкьеро [богатый фермер] может нанять колоно, бедного крестьянина, но бедный крестьянин никогда не сможет нанять финкьеро», сперва побеждали финкьеро, а затем давали этому производителю автономию, чтобы он построил собственную сеть сотрудников, в которую обычно входили его дальние родственники и рабочие и колоны»⁴²⁶.

Вкратце, эти групповые интересы часто оказываются «местническими и специфическими для региона»⁴²⁷; личные мотивы не обязательно питаются обидами на основе безличного общественного раскола, а зачастую местными и межличностными конфликтами⁴²⁸. Значимая и часто отмечаемая «местная экологическая изменчивость» гражданской войны (Perry 1984: 440) и ее «федеральный» характер (Levine 1987: 129) указывают на важное значение местного раскола, даже для обществ, сильно поляризованных в отношении классов (Cenago 2002: 72; Stoll 1999; Gould 1995), религии (Dean 2000: 81; Fawaz 1994) и этнической принадлежности (Richards 1996: 6; Hamoumou 1993; Gross 1988).

Все вышеуказанное соотносится с наблюдением, что гражданские войны являются «запутанным клубком сложной борьбы» (Harding 1984: 59), а не простым двусторонним конфликтом, аккуратно располагающимся в одной плоскости. В этом смысле гражданские войны можно понимать как процесс, предоставляющий средство для удовлетворения

⁴²⁶ Похожие свидетельства: Lubkemann 2005; Ledesma 2004; Davidson 2003; Yoo 2002: 5; M. Johnson 2001; Schoppa 2001: 178; Cahen 2000: 173; Bax 2000: 29; Pettigrew 2000: 206; Romero 2000: 53; Schroeder 2000: 39–40; Bazenguissa-Ganga 1999b: 356; Hart 1999: 177; Berlow 1998: 180; Horton 1998: 14; McKenna 1998: 162; Starn 1998: 235; Nordstrom 1997: 48; Hart 1997: 143; Besteman 1996; Figes 1996: 525–526; Tambiah 1996: 23; Groth 1995: 91; Brovkin 1994: 8–9; Stoll 1993: 149; Kriger 1992: 8; May 1991: 40–48; Geffray 1990: 31, 92; Lipman 1990: 75; Linn 1989: 56, 66; Jones 1989: 124; L.White 1989: 307; Collier 1987: 13; Henderson 1985: 42, 63; Perry 1984: 445; 1980: 250; Calder 1984: 121; Hinton 1984: 527; Marks 1984: 264; Cabarrus 1983: 185–197; McCoy 1980: 198–199; Fiennes 1975: 133; Hynt 1974: 12–20.

⁴²⁷ Tishkov 2004: 15; Keen 1998: 53; T. Young 1997: 138–142; Chingono 1996: 16; Berry 1994: xvii; Wou 1994: 378; J.-C. Martin 1994: 40–44; Wickham-Crowley 1992: 131; Tilly 1964: 305; Lear 1961: 109; Barton 1953: 12.

⁴²⁸ Bouaziz, Mahe 2004: 253–254; Mydans 1999; McKenna 1998; Swedenburg 1995; Tone 1994; Yoon 1992; Paul, Demarest 1988; Lucas 1983; Kheng 1983; 1980; Freeman 1979.

различных претензий в рамках более широкомасштабного конфликта, в частности, посредством насилия. Понимание того, что динамика гражданской войны, по сути, формируется под влиянием местного раскола, также полностью соответствует повторяющимся наблюдениям и догадкам, предполагающим, что основной раскол часто не объясняет природу конфликта и насилия (Roldan 2002; Dean 2000; Duyvesteyn 2000); что насилие или не полностью связано или совсем не связано с преобладающим дискурсом войны (Varshney 2001; O'Leary, McGarry 1993); что модели демократизации на местном уровне являются мощными определителями вероятности восстания (Трејо 2004: 332); и что гражданские войны являются несовершенными, многослойными и изменчивыми скоплениями крайне сложных, частично налагающихся друг на друга, различных и локализованных гражданских войн с очевидными различиями от региона к региону и от долины к долине, отражающими разрыв власти на «тысячи фрагментов и микровласти местного характера» (Ledesma 2001: 258) и на «очень локализованное, часто изменчивые сферы влияния» (Fichtl 2004: 2)⁴²⁹. Иными словами, гражданские войны состоят из «мозаики отдельных мини-войн» (Berkeley 2001: 151).

Наконец, данный набор свидетельств соотносится с более общим наблюдением, состоящим в том, что введение национальной электоральной политики усиливает местную фракционность (J. Scott 1977a: 141) и что местная политика является не просто (или не главным образом) местным отражением национальной политики, а, напротив, что партийные ярлыки присваиваются в деревне, чтобы служить целям, которые зачастую имеют только местное значение и мало или никак не связаны с партиями как национальными институтами, в процессе, который был описан как «отстаивание ограниченных интересов» (J. Scott 1977c: 221). Анализируя местную политику на Шри-Ланке, Джонатан Спенсер (Spencer 1990: 12, 80, 184) показывает, что «жителям не просто навязывали политику; скорее они присваивали политику и использовали ее для достижения собственных целей»; также он добавляет,

⁴²⁹ K. Brown 2003: 222; Loyd 2001: 179; Hoare 2001: 1; M. Johnson 2001: 124; Burg, Shoup 1999: 138; Nordstrom 1997: 47; Dale 1997: 81; Pecaut 1996: 266; Finnegan 1992: 71.

что «люди не обязательно становились врагами, потому что поддерживали разные партии; чаще они начинали поддерживать разные партии именно потому, что были врагами». В свою очередь, «как минимум часть явной идеологической и социологической непоследовательности верности политической партии» может проистекать от того, что политика предоставляла средства для выражения местных конфликтов: «Можно воспринять серьезную часть политики деревни как нечто большее, чем простое приукрашивание обычных местных разногласий атрибутикой партийной политической конкуренции, воспользовавшись общественными ожиданиями беды, которые сопровождают партийную политику, с целью сведения личных счетов, прикрываясь языком общественной политики. Партийная политика очень прочно утверждается на Шри-Ланке частично благодаря избирательным предпочтениям населения, симпатизирующего разделенным или делящим сообществам, которым иначе не хватает повседневных средств выражения, с помощью которых можно охарактеризовать их разобщенность: а политика предоставляет именно такие средства выражения».

Значимость местных расколов помогает объяснить две повторно возникающие черты гражданских войн: их очень быстрое первичное распространение (привычной метафорой здесь является лесной пожар) и их тенденция вдруг останавливать боевые действия (Geffray 1990: 67)⁴³⁰. Более того, при фокусировании на местном расколе встают вопросы о трактовке таких концепций как «групповой конфликт» или «групповое насилие» (или этнический конфликт и этническое насилие и так далее), которые предполагают полную взаимозаменяемость личностей, кем бы они ни являлись:

⁴³⁰ Учитывая связь между контролем и поддержкой, освещенную в Главе 7, местный раскол, вероятно, играет самую важную роль на ранних стадиях гражданской войны и на участках боевых действий, в которых соперничающие силы испытывают недостаток в людских ресурсах для установления контроля. В то же самое время преимущества местных расколов для политических сил склонны со временем размываться, поскольку они становятся преградой для установления контроля. Местный раскол, который сохраняется, с большей вероятностью будет поглощен доминирующим идеологическим дискурсом и структурой раскола. Тем не менее этот процесс может занять очень длительное время.

участниками и виновниками конфликта или жертвами. «Групповой конфликт» имеет смысл, только если члены группы полностью замещаемы друг другом (Kelly 2000: 5; Loizos 1988). Если жертвы насилия выбираются не только по признакам принадлежности к какой-то группе, насилие нельзя назвать исключительно этническим, классовым или каким-то в таком роде. Зачастую основной раскол устанавливает базовую линию, которая определяет, какие группы являются релевантными, но вторичный критерий отбора, основывающийся на индивидуальных характеристиках, не связанных с идентичностью группы, определяет, кто станет жертвой насилия, нарушая предположение о взаимозаменяемости личностей. Частотна внутригрупповая виктимизация, движимая грабительскими мотивами (Toolis 1997: 100; Dale 1997). «Бригада Восточного Тирона [из ИРА] была не армией, а бандой, бандой из современных лесных разбойников, обычных фермеров, механиков, трактористов, безработных, уволенных школьных учителей, наследников, лишенных владений, которые объединились, чтобы убить определенных известных всем врагов, например Эдварда Гибсона, Томаса Джеймсона и Гарри Генри. ИРА не вела войну, а устраивала спорадические кампании по убийству определенных людей в крошечных сельских сообществах Тирона, чтобы под этим прикрытием напасть на врага» (Toolis 1997: 81–82; курсив автора)⁴³¹. Благодаря классовому расколу, определяющему соответствующую групповую идентичность в республиканской Барселоне во время Гражданской войны в Испании,

⁴³¹ Также в Северной Ирландии насильственные действия между соседствующими деревнями Коук и Ардбо, которые унесли жизни тридцати мужчин (при общей численности населения чуть больше тысячи человек) в конце 80-х — начале 90-х за промежуток в три года, были не просто насилием между католической ИРА и протестантскими Ольстерскими добровольческими силами, но и «жестоким кровавым мщением» и «новейшим витком кровавой вражды», которая столкнула эти две деревни друг с другом. Иными словами, природу насилия в этой области нельзя понять, просто рассмотрев религиозный раскол в Северной Ирландии, тут требуется знать о местном расколе между деревнями Коук и Ардбо (Toolis 1997: 35). Аналогично, раскол между шиитами и суннитами в Южном Ираке, последовавший за вторжением американцев в 2003 г., можно разложить на соперничество между определенными кланами шиитов и суннитов (Andrews 2003).

консьержи, слуги и обслуживающий персонал в зажиточных районах могли подвергаться преследованию семьи из среднего класса, проживающие в зданиях, в которых они работали (De Foха 1993: 291–292). Тем не менее, как мне рассказал один житель Барселоны, консьержи часто выбирали своих жертв на основе дополнительных критериев и личной неприязни: не все буржуа были одинаковыми.

Индивидуализированный отбор может происходить и при экстремальных обстоятельствах — этнических чистках и геноциде. Члены хозяйств, владевшие крупными участками земли в Руанде, в 1994–2000 гг. имели более высокий шанс умереть насильственной смертью, что означает, что, «помимо этнической составляющей, на убийства влияли и другие факторы» (Verwimp 2003: 438). Катерин Андре и Жан-Филипп Платто (Andre, Platteau 1998: 40) обнаружили, что геноцид в Руанде «предоставлял уникальную возможность свести счеты или перераспределить земельную собственность даже среди деревенских жителей хуту»⁴³². Один бывший заключенный, ставший свидетелем насилия во время налета охранников-сербов на заключенных-мусульман в печально известном боснийском лагере Омарска, рассказывает о множестве подобных случаев (Perović 1999: 120, 156–157). Один раз один охранник-серб пришел ночью и оскорбил заключенного, который, будучи раньше судьей, еще в конце 1970-х гг. оштрафовал его за нарушение правил дорожного движения! В другой раз

тридцатидвухлетний Сакиб Перванич, мой земляк, «исчез», потому что у другого человека был зуб на его отца. Отец Сакиба, Мустафа, когда-то вел дела с Раде Грубаном, но со временем они не смогли договориться насчет каких-то долгов по бизнесу. Раде владел парой продуктовых магазинчиков, в которых продавались также кое-какие электроприборы. Один из магазинчиков

⁴³² Убийство женщины-тутси во время геноцида в руандской деревне, которую изучали Андре и Платто (Andre, Platteau 1998: 40–41), нельзя свести к «исключительно расистскому акту», поскольку ее не любили по нескольким причинам: она была чужаком, приехав в деревню из другого региона; она унаследовала от своего мужа относительно большой кусок земли, хотя и была его четвертой женой; и она участвовала во многих земельных распрях.

располагался в нашей деревне. Дела шли хорошо, и он решил расширить бизнес, начав продавать крупные партии цемента, однако ему не хватало складских площадей. Для этих целей Мустафа одолжил ему часть своего подвала, но они не могли договориться о величине аренды. В итоге Мустафа отказался платить Раде за кое-какие приборы, которые купил в кредит. Раде захотел отомстить, но Мустафа уже оказался в лагере в Трнополе. Это обстоятельство спасло его, но не его сына.

По наблюдениям Яна Гросса (Gross 1988: 42), насилие, разразившееся в Восточной Польше в 1939 г., особенно хорошо раскрывает личностный аспект группового насилия: «И хотя большинство актов насилия представляло собой взрыв смеси из этнического, религиозного и националистического конфликта, я все же потрясен его близостным характером. Сплошь и рядом жертвы и палачи лично знали друг друга. Даже спустя несколько лет выжившие все еще могли назвать своих мучителей по именам. Определенно, люди воспользовались этим, чтобы свести счеты за личные обиды прошлого».

Хотя данное наблюдение повсеместно встречается в дескриптивной литературе, описываемая им динамика полностью игнорируется исследованиями гражданской войны на макроуровне, как историческими, так и теоретическими⁴³³. И даже наоборот: в большинстве исследований индивидуальная идентичность и действия выводятся напрямую из основной причины раскола во время войны. Исследователи, внимательно относящиеся к происходящему на местах, описывают эту динамику и могут отделить «реальность от идеологически структурированной внешней картинки» (Rugnier 2005: 4), однако им в основном не удается подвести под них теоретическую базу. Для начала в данном случае следует набросать нескольких широких отличительных черт. Местный раскол может или существовать априори, или произойти под влиянием войны; он может точно соотноситься с основным расколом или идти вразрез с ним; и он может сохранять форму в течение времени или быть более изменчивым и непоследовательным.

⁴³³ Среди редких исключений см.: J.-C. Martin 2002: 57; 1994: 62; Ranzato 1994: 22.

Во-первых, рассмотрим оппозицию существовавшего до войны раскола и раскола, случившегося под влиянием войны. В первом случае война активизирует существующие неочевидные проблемы, а во втором создает новые. Тогда как довоенные местные расколы уже были политизированы и вписаны в национальную структуру раскола, их автономия и очевидность в качестве местных расколов уменьшена; но даже тогда основной раскол не может уничтожить их. В самых крайних случаях местный раскол теряет свою автономию и превращается в обычную локальную манифестацию основного раскола. Тем не менее этот процесс может пойти обратным путем: основной раскол может ответвиться в местные, которые не утратят активности даже после того, как основной раскол исчезнет. Судя по всему, именно так и произошло в Колумбии, где идеологический раскол между либералами и консерваторами породил сегрегацию населения по месту жительства и долгое время после утраты своего значения продолжал влиять на типы смешанных браков (Henderson 1985).

Часто существовавший до войны местный раскол не полностью вливается в основной раскол, что увеличивает заметность первого. Так, конфликт между роялистами и парламентаристами во время Гражданской войны в Англии в Лестершире также являлся конфликтом между семьями Гастингс и Грей, который «уходил корнями в личную вражду, начавшуюся гораздо раньше гражданской войны, то есть в действительности в соперничество, начавшееся еще в середине XVI века, за контроль над графством. Для этих двух семей революция была, на одном уровне, просто следующим шагом в длинной войне за местное господство» (Everitt 1997: 24). В более общем понимании, в контексте Гражданской войны в Англии местная вражда стала посредником, при помощи которого воспринимались многие национальные чаяния, тогда как повестка и язык национальных споров использовались, чтобы облечь в некую форму местную политическую борьбу» (Howell 1997: 324). Насилие между католиками и протестантами, вспыхнувшее в юго-восточной Франции во время Великой французской революции, не было обычным религиозным конфликтом; скорее оно противопоставило друг другу определенные семьи, которые долгое время таили друг на друга обиду: Лантери против Лабестинов в Шамбориго, Боссье против Ру в Вовере и Русселей

против Деволов в Баньольсе. Аналогичным образом «семья и фракция диктовали курс во время раскола частей ИРА по всей Ирландии» во время гражданской войны: «Опять же, Бреннасы выступили против Барретов в Клэре, Ханниганиты против Манаханитов на востоке Лимерика, а Суини против О'Доннеллов в Донеголе, когда вновь запылала старая вражда». Столкновения между либералами и консерваторами в Колумбии «часто проистекали из длительной семейной вражды. Например, либералы Уррегос присоединились к Франко, тогда как их давние враги, Коссиосы и Монтойя из Кайседо, вошли в ряды полиции и консервативных контрачузма [банд] в соседних городах». Или недавняя война в Ираке между поддерживающей партию «Баас» курдской милицией джаш и курдами-повстанцами также являлась конфликтом между семьями Сурчи и Барзани; на более низком уровне, по ту сторону границы, в Восточной Турции, война между курдами и турками в деревне Уграк была войной между семьями Гуклу, Тангунер и Текин, все из которых были этническими курдами⁴³⁴.

Кроме того, война может породить и новый местный раскол, поскольку смещение власти на местном уровне угнетает существующие хрупкие договоренности. Как было в средневековой Японии, «вооруженные столкновения за политическое господство в рамках сообщества будущих правителей открывали путь семейным ссорам, аграрным восстаниям, столкновениям между религиозными сектами, яростным спорам за торговые привилегии и размер долга к уплате ростовщикам» (Вергу 1994: 7). После того, как «Сияющий путь» назначил новых лидеров в одной из деревень, «партизанские колонны ушли, не осознавая, что оставили после себя осиное гнездо с противоречиями, которые нельзя разрешить. Назначение новой власти зародило у населения негодование и спровоцировало появление первых крестьянских союзов вооруженных сил, «информаторов» (соплов), пользуясь терминологией сендеристов» (Degregori 1998: 135). С приходом «Сияющего пути» население центральной перуанской долины Канипако наслаждалось «своеобразным медовым месяцем», который закончился, когда между двумя общинами разразился спор за

⁴³⁴ Соответственно: Lewis 1978: 133; Hart 1999: 265–266; Roldan 2002: 243; Chivers 2003: A8; Vick 2002: A18.

распределение земель, ранее узурпированных владельцами гасиенд. И вот описание, показывающее, что раньше между этими двумя сообществами не было раскола: «Выступление вооруженных бойцов «Сияющего пути» на стороне одной из общин в широкомасштабной конфронтации против союза общин-соперников спровоцировало разрыв с последними, с теми, которые решили передать двух сендеристов, ранее пойманных во время потасовки, властям в Хуанкайо. Это действие спровоцировало ответные меры со стороны «Сияющего пути», приведшие в итоге к казни 13 крестьянских лидеров. Жертвы были похищены из своих общин и убиты на центральной площади Чонгос Альто» (Manrique 1998: 204–205). Среди самых сильных расколов, порожденных гражданской войной, — раскол поколений: повстанцы (но также и правительственные силы) часто вербуют молодых людей, которые затем устраивают репрессии против старших в своей деревне⁴³⁵.

Наконец, местный раскол может разрушить основной, вызвав конфликт между фракциями в рамках предположительно единого политического лагеря. Во время японской оккупации Западных Висайских островов на Филиппинах члены одной политической фракции по разные стороны тесно сотрудничали друг с другом, тогда как члены оппозиционных фракций в рамках движения сопротивления и поддерживаемого Японией правительства, соответственно, яростно боролись друг с другом (McCoу 1980: 205–206). Аналогичным образом родственные конфликты в некоторых сельских сообществах в Эль-Сальвадоре привели к серьезному разладу между политическими партиями (Sabagus 1983: 189).

⁴³⁵ Многие исследователи отмечали, какое значение повстанческие движения уделяют вербовке молодых людей (Pike 1966: 287), но мало кто отмечал, что это приводит к расколу поколений между молодыми у власти и лишенными власти старшими (исключение составляют работы D. Anderson 2005: 67; Hart 1999; Degregori 1998: 134; Figes 1996; 1989; Kriger 1992; L.White 1989: 295–302). Обратите внимание, что этот раскол может быть вызван также поддерживаемой властями милицией. Например, правительство Южного Вьетнама допустило серьезную ошибку в стратегической программе охвата деревушек: рьяно поддерживая республиканскую молодежь, оно заронило семена конфликта в сообщество между молодежью и взрослыми традиционалистами (R. Thompson 1966: 126).

Говоря вкратце, местный раскол имеет значение. Хотя такого рода расколы не являются единственным механизмом, приводящим к образованию предпочтений и к насилию, они оказывают значительное влияние на распределение этих предпочтений, а также цели и интенсивность насилия. Разумеется, свидетельства в данном случае могут быть лишь устными, поскольку у нас недостаточно систематических исследований динамики гражданских войн на местном уровне, в также эмпирических измерений местных расколов⁴³⁶. Хотя невозможно на данном этапе установить относительный вес местного раскола в рамках войны и по сравнению с другими войнами, необходимо признать его важность данного феномена как предпосылки для его систематического изучения.

11.2. КТО КОГО? ЛОКУС СОДЕЙСТВИЯ

Феномен злонамеренного доносительства и важность местного раскола поднимают вопрос о содействии: если частные агенты могут манипулировать своим начальством, чтобы добиться своих целей, где лежит локус содействия?

Разрыв между политическим и частным насилием дает значительное пространство для манипуляции — это отмечали и участники насильственных действий, и сторонние наблюдатели. Например, французские войска, отправленные Наполеоном для подавления восстания 1807 г. в Калабрии, отмечали, что местное население «крадет» у них войну. Местные добровольцы, присоединившиеся к Гражданской гвардии, имели «тенденцию преследовать свои цели отмщения, не связанные с войной. Есть множество свидетельств тому, что желание разрешить раздор с какой-нибудь местной семьей, с которой другая долгое время враждовала, являлось сильным стимулом для присоединения к Гражданской гвардии. В некоторых случаях жители местных городов просили у французов разрешения казнить преступников из Калабрии, которые оказывались членами семьи или жителями города, с которыми велась вражда» (Finley 1994: 73). У проблемы содействия присутствуют очевидные моральные аспекты,

⁴³⁶ Очевидно, индекс этнолингвистической фракционализации (ELF) не охватывает местные расколы.

которые нужно учитывать; при этом проблема также представляет собой эмпирическую загадку. Гейдж, автор книги о казни своей матери во время Гражданской войны в Греции, упоминавшийся ранее, ставит эту проблему основной темой своей работы (Gage 1984: 19):

Подъезжая к центральной площади, поверх гула автомобильного двигателя я все время слышал фразу, которую сотни раз повторяли мои сестра и отец: «*Tinfagane i horiani*», то есть «Это местные ее убили». Для нашей семьи партизаны-коммунисты наподобие «Катис» были безличным воплощением божьей воли, насланным на нашу деревню войной, как чума. И именно соседей они винили в смерти матери; деревенских жителей, которые нашептывали всякое службам безопасности и свидетельствовали против нее в суде. И вот что мне предстояло рассудить: возможно, жители больше виноваты в ее смерти, чем мужчины, которые выносили приговор и стреляли в нее. Может быть, что-то в моей матери сподвигло жителей Лиа предложить ее как жертвенного агнца. Или, может, жителями просто манипулировали партизаны, которые пользовались их моральной слабостью, мелочной ревностью и страхами, поскольку партизаны хотели, чтобы мою мать убили по каким-то политическим причинам. В чем заключалась истинная причина ее казни?

Исследователи гражданских войн постоянно сталкиваются со сложностью разделения политического и частного измерений насилия, которые рождают значительную путаницу. «То, что в одном документе выглядит как явный случай гражданской войны между вигами и тори, — отмечает Джон Шай (Shy 1976: 191), рассказывая об одном случае, произошедшем во время Американской революции, — становится в другой раз запутанной историей, в которой преданность политическому делу и революционный пыл менее заметны, чем личная расчетливость и грубая преступность». Отсюда следует вопрос: где лежит локус содействия? Этот вопрос можно грубо выразить фразой Ленина «Кто кого?», то есть кто кого использует?

На превалирующее восприятие влияют две соперничающие интерпретационные системы, обычно противопоставленные дихотомично — и названные недавно «алчность и недовольство» (Collier, Hoeffler 2002) и «причины со стороны

предложения и объективные причины». Первая из них вдохновлена Гоббсом и делает упор на онтологии гражданской войны, характеризующейся свержением власти и следующей за этим анархией. С этой точки зрения гражданские войны провоцируют приватизацию насилия, выставляя на передний план в практически произвольной манере всякого рода мотивы в «войне всех против всех». Данный тезис оказывает влияние на некоторые популярные точки зрения насчет этнических гражданских войн (Mueller 2004; Posen 1993) и так называемых новых войн, которые якобы мотивированы алчностью и желанием обогатиться (Kaldor 1999; Keen 1998). Другая система, которую мы можем назвать шмиттовской, разделяет онтологию гражданских войн, основанную на абстрактных групповых предпочтениях и воззрениях, в которых политический враг становится личным противником только под влиянием присутствовавшей ранее коллективной или безличной вражды. Безличная и абстрактная вражда, которую Карл Шмитт считал обязательной чертой политики (С. Schmitt 1976), вторит восприятию Руссо, полагавшему, что война является не вопросом взаимоотношений «человека с человеком», а лишь «Государства с Государством». Как считал Руссо, индивидуумы становились врагами лишь по стечению обстоятельств, и не как личности, а как солдаты (De Lupis 1987: 4). В противоположность гоббсовскому тезису, отдающему приоритет частной сфере, тем самым исключаящему политическую сферу, шмиттовский тезис делает упор на фундаментальной политической природе гражданских войн и сопутствующих им процессов; он оказывает влияние на интерпретации традиционных «идеологических» или «революционных» гражданских войн (Ranzato 1994; Bobbio 1992; Payne 1987), а также предлагает аргументацию этнических гражданских войн и «межобщинного насилия», которая делает упор на сильных воззрениях, групповой враждебности и культурной антипатии (Varshney 2003; Horowitz 1985). Данное обсуждение скорее не постулирует дихотомию между алчностью и недовольством, а указывает вместо этого на взаимодействие между политической и частной идентичностями и действиями.

Уже должно быть ясно, что точка зрения Шмитта может вводить в заблуждение, поскольку насилие в гражданской войне не обязательно навязывается извне на ничего не по-

дозревающих людей и, следовательно, невинных граждан. Множество детальных описаний насилия предполагает наличие серьезного местного влияния на применение насилия. Данное свидетельство, в противовес представлению о насилии, которое всегда навязывается сообществам сторонними силами, предполагает, что оно может вырасти из динамики в рамках сообщества. Описание насилия правого крыла во время Гражданской войны в Испании, данное Джорджем Кольером (Collier 1987: 162–163), является парадигматическим по части того, как насилие может одновременно применяться и интерпретироваться:

Жители городка, очевидно, приписывают основную ответственность за возмездие Испанской фаланги внешним силам. Хотя их вел Иносенцио Морено, именно фалангисты, пришедшие извне, сопровождали оккупационные силы, собирали горожан в эскадроны для строевой подготовки и полицейских облав и направляли репрессии. Массовые убийства выполнялись по приказаниям высших властей, которые выдавали местным властям квоты на убийство людей. Гражданская гвардия, все сторонние люди, содействовали арестам и казням; одного капитана обвиняли в десяти смертях... Несмотря на это, у фалангистов были и сочувствующие, сторонние люди, их осведомители в городе. Лишь местные жители могли бы указать фалангистам на отцов и братьев ведущей социалистической и военной молодежи, чтобы арестовать их для первой массовой казни. Извне власти побуждали к доносам и обычно действовали по доносам местных жителей; нужно было найти всего лишь двух «свидетелей», чтобы подтвердить одно из обвинений. Правые, назначенные в городской совет и суд, были теми, кто составлял списки людей, которых предполагалось убить, чтобы заполнить квоты, приходящие сверху. Местные жители, некоторые из которых до сих пор живы, вызывали товарищей-горожан в штаб и помогали с охотой на людей. Выжившие вспоминают эти случаи как дискреционные акты, хотя приказания о них и поступали сверху. Жители городка чувствовали, что казней вовсе не случилось бы в Лос-Оливос, если бы правые ходатайствовали от лица других жителей. Они приводят в пример случай, произошедший в соседнем городке Лос-Маринес, где, по сообщениям, не было никаких казней, поскольку главные семьи города каждый раз вступались за арестованных жителей.

Присутствие местного вклада в акты насилия неизменно отмечается в исследованиях на микроуровне и в соответствующих описаниях. Когда в 1863 г. федеральные силы вошли в центральный Арканзас, делегация юнионистов из Пайн-Блафф вышла им навстречу и проводила в свой город. По приезде в Пайн-Блафф войска продолжили грабить дома симпатизирующих повстанцам и, как отмечал один из жителей, «они знали имена каждого и кто где жил» (Ash 1995: 127). Изучив письменные признания, написанные во время Гражданской войны в Никарагуа, произошедшей в 1920-х гг., Шредер (Schroeder 2000: 35) обнаружил, что жертвы и нападавшие на них обычно были хорошо знакомы друг с другом; большинство очевидцев могли идентифицировать десяток или больше членов банды по имени и в лицо, что указывает на один из самых поразительных аспектов насилия, местные корни насилия: «Это соседи вырезали соседей». Японский командующий в Папуа — Новой Гвинее генерал-лейтенант Такео Ито во время послевоенного суда над собой рассказал судьям, что «списки казней составлялись таким образом. Информацию предоставлял японскому солдату местный житель, говоря, что такой-то человек является шпионом и контактировал с австралийскими солдатами» (H. Nelson 1980: 253)⁴³⁷. В Гватемале «в одно и то же время сельские сообщества майя были застигнуты пугающим национальным кризисом, который не могли контролировать, и было все более ясно, что и армия, и партизаны зависят от местных контактов, предоставляющих им информацию. Таким образом, часть мира вышла из-под контроля, часть была подвергнута опасному положению и насилию с разрешения местных властей — и от всего этого страдали триксанос» (Wagten 1998: 99). Местные сербы в деревне Словинье в Косово участвовали в массовом убийстве около 40 этнических албанцев; по словам одного свидетеля, «когда вошла армия, наши собственные сербы надели маски и присоединились к резне. Они знали, кого выделить. Они знали, у кого были деньги» (Bearak 1999a: A3). Крестьянка из баскской деревни, чья семья пострадала от рук националистов во время Гражданской войны в Испа-

⁴³⁷ Ито добавил, что с арестованным человеком плохо обращались, вынуждая его доносить на других, таким образом, список арестованных рос.

нии, четче всех описывает происходившее: «Нам навредил не Франко, а местные люди — деревенские» (Zulaika 1988: 21).

Политические силы опирались на местную информацию, обычно сообщаемую посредством распространенного использования «списков имен» или «черных списков» в процессе применения насилия, как было указано в архетипичном докладе из Колумбии: «Как минимум восемь крестьян были убиты в деревне Сан-Роке на севере страны, по подозрению полиции, это произошло во время военизированного нападения членов правого крыла. По заявлению полиции, вооруженные преступники убили четырех членов семьи на запра-вочной станции, а затем ворвались в дома четырех рабочих с фермы и, сверив их имена по списку, открыли огонь. Эта зона является также местом частых нападений левых повстанцев» (J. Moore 1999: A10)⁴³⁸.

Местное участие в конфликте соотносится с разного рода мотивами, начиная от самых идеологических и заканчивая самыми оппортунистическими. Как в случае злонамеренности при частном доносителстве, сведение местных и личных счетов становится ключевым мотивом в контексте местной динамики. Зачастую акты насилия, которые на поверхности (и со стороны) кажутся порождением абстрактных политических мотивов, оказываются, при ближайшем рассмотрении, «вызванными не политической, а личной ненавистью, кровной местью и завистью» (Harding 1984: 75). Фукидид считал, что личностно-мотивированное преступление под политическим предлогом является одной из основных черт гражданской

⁴³⁸ Использование списков имен невероятно распространено во время гражданской войны. Такие списки использовали, среди прочего, во время партизанской войны в Наварре (Tone 1994: 113), гражданских войн в Америке (Ash 1995: 183; Fellman 1989: 61), в России (Werth 1998: 79,117), в Испании (Ledesma 2001: 260), в Малайе (Kheng 1980: 96), Италии (Franzinelli 2002: 204; Fenoglio 1973: 47, 194), Колумбийской Виоленсии (Roldan 2002: 162), Алжире (Faivre 1994: 145; Hamoumou 1993: 199), во Вьетнаме (Herrington 1997: 13; Wiesner 1988: 162; Hosmer 1970: 7,29), Анголе (Mair 1995), Ливии (Ellis 1995: 186), Гватемале (Stoll 1993; Carmack 1988b: 53; Paul, Demarest 1988), Пенджабе (Rosenberg 1991: 46; Arnson, Kirk 1993: 79), на Шри-Ланке (Argenti-Pillen 2003: 65), в Руанде (Berkeley 2002: 3), Сьерра-Леоне (Richards 1996: 8), Конго-Браззавилле (Bazenguissa Ganga 1999a: 46). Также широко распространены слухи о том, что составлялись списки имен (Kaufmann 2001: 3).

войны, а Николо Макиавелли описывал ситуацию, в которой политически мотивированные восстания становились предлогом для личного насилия⁴³⁹. Токвилль (Tocqueville 1988: 17) высказывал аналогичные наблюдения, когда говорил, что «частный интерес, который всегда играет важнейшую роль в политических страстях, является... мастерски сокрытым под маской общественного интереса». Кей Уоррен (Warren 1998: 98) в своем исследовании, посвященном Гватемале, описывает тайные и личные обоснования убийства, которое казалось политическим и безличным, как его «глубинное послание». То же самое говорится о злонамеренности в доносах: Фицпатрик (Fitzpatrick 1994: 255) замечает, что, тогда как «функционирование доноса может быть рассмотрено в терминах системы «сверху вниз» как механизм государственного контроля и средство мониторинга общественного мнения... имеется также возможность интерпретировать его «снизу вверх»: если государство использовало данную практику для контроля граждан, отдельные граждане могли также использовать ее в собственных интересах для манипулирования государством». Осознание этого позволяет сделать интересные наблюдения, как, например, сделал Тэкстон (Thaxton 1997: 275) об оккупированном Китае: «Марионеточное правительство Янга преследовало собственные интересы за спиной своего японского начальства»⁴⁴⁰. Опять же личные мотивы часто бывают неправильно кодированы на макроуровне, как точно показал Брасс (Brass 1997); на них не обращают внимания из-за отсутствия теоретической базы, позволившей бы изучать гражданскую войну и конфликт более обще. Тот факт, что местный раскол обычно выражается языком основного военного раскола, только усиливает данную тенденцию⁴⁴¹.

⁴³⁹ «Многие граждане, чтобы отомстить за личные обиды, приходили в дома своих врагов; поскольку достаточно было того, чтобы единственный голос выкрикнул среди толпы народа «в такой-то дом», или чтобы тот, у кого в руке было знамя, повернулся к нему» («История Флоренции»).

⁴⁴⁰ Как говорил о восстании РЕНАМО в Мозамбике начальник разведки Родезии Кен Флауэр (Ken Flower 1987: 262): «Я стал спрашивать, не создали ли мы монстра, который вышел из-под контроля».

⁴⁴¹ Пожалуй, в этом отношении самыми показательными являются история Аристокгона и Горمودия, рассказанная Фукидидом, а также бессмертный поступок Павлика Морозова, советского мальчика-муче-

В данном случае утверждается скорее не то, что все «политическое насилие» имеет под собой личные мотивы, а то, что есть очевидная тенденция интерпретировать и кодировать все насилие, происходящее во время гражданской войны, как только и исключительно политическое.

Все эти примеры могли бы стать подтверждением гоббсовской точки зрения. В противовес групповой поляризации и действию, предложенным Шмиттом, в гоббсовской теории гражданская война рассматривается как децентрализованный процесс, который порождает аномическое и беспорядочное насилие (Roldan 2002: 211). И война, и насилие являются деполитизированными и приватизированными: политическое включается в категорию личного. Гражданская война дает обычный предлог, костюм, под которым можно скрыть поиски разрешения личных конфликтов; она лишь скрывает частные и местные мотивы, выставляя их политическими. Таким образом, точки зрения, в которых особый упор делается на микроуровень и местный аспект насилия в гражданской войне, отражают эту точку зрения в явном контрасте с точками зрения, подчеркивающими политическое и стратегическое измерение этого насилия (Lubkemann 2005: 494–495). Следовательно, гражданские войны сводятся к простой агрегации частной вражды и местных конфликтов — как Гомер часто описывал войну как собрание дуэлей (Bernand 1999: 90); это «вражда усугубленная» (Loizos 1988). Отмечая широко распространенную преступную деятельность в разгар последних гражданских войн (и игнорируя ее преобладание в идеализированных старых), некоторые исследователи (Kaldor 1999; Keen 1998; Ignatieff 1998; Enzensberger 1994) сделали вывод о том, что мы столкнулись с новым типом войны, мотивированной скорее не недовольством, а алчностью — то есть не политическим, а скорее преступным феноменом.

Тем не менее гоббсовская точка зрения может вводить в заблуждение не меньше шмиттовской: тогда как последний игнорирует частную сферу, первый не учитывает общественную. В гоббсовской интерпретации насилия отсутствует контекст, в котором разворачивается действие. Как я уже отмечал, местные конфликты и личная обида присут-

ника, донесшего на своего отца-кулака, а в сентябре 1932 г. в отместку убитого своими дядями (Fitzpatrick 1994: 255–256).

ствуют во многих случаях в разные времена, но обычно не выливаются в насилия — это относится даже к гражданской войне⁴⁴². В равной мере нужно ограничивать заявления о распространенности преступности⁴⁴³. Иными словами, частное редко полностью независимо от политического. Как отмечал один парламентарий из Манчестера, «личные и конкретные интересы запакованы в обертку общественно-го, причем не такого общественного, если говорить об этом наедине» (Blackwood 1997: 276). Южноафриканская комиссия по установлению истины и примирению высказывала то же наблюдение, заявляя, что апартеидное государство проводило политику «манипулирования социальными, этническими и другими дивизионами с намерением сплотить

⁴⁴² Например, Ватанабе (Watanabe 1992: ix–x) заметил, что хотя личные и местные разногласия и вражда изобиловали в маленьком городке в Гватемале, который он изучал, они не привели к насилию: «Даже в самые ужасные месяцы, когда в 1982–83 гг. гватемальская армия проводила кампанию против партизан, город не поддался удовлетворению собственных обвинительных приговоров, борьбе за власть и убийствам, затрагивающим всех соседей».

⁴⁴³ Партизанские отряды и этнические группировки иногда не различают цветов и вымогают у всех одинаково. Такой случай произошел в Зворнике в Боснии, где сербская полувоенная группировка «Желтые осы» вымогала деньги у зажиточных сербов (Ron 2000b: 297). Тем не менее, чаще всего такие группы дискриминируют людей на основании линии раскола. Бандиты в Джакарте, присоединившиеся к индонезийским мятежникам против голландцев «сочетали разбой с патриотизмом», грабя только тех, у кого кожа была слишком светлой (китайцев, евразийцев и европейцев) или слишком темной (амбонезийцев и тиморцев) (Cribb 1991: 52). Грабители-грузины, мародерствовавшие в Сухуме в 1992 г., часто сначала спрашивали о национальности предполагаемой жертвы, и переходили к грабежу только если жертвы оказывались абхазами (Dale 1997: 87). Аналогично, колумбийская Виоленсия «стала зонтом, под которым какой только вид преступности нельзя было найти. Грабежи, осуществляемые людьми с оружием, принимали все более ужасающую форму, и стало ясно, что огромное число психопатов и обычных бандитов присоединилось к тем, кто якобы боролся за свои политические принципы». Несмотря на это, Хендерсон (Henderson 1985: 149–150) выяснил, что «политический мотив обычно присутствовал всегда, каким бы отвратительным не было преступление. Консервативные и либеральные виолентос старались не убивать кампесинос, которые были явно их политической принадлежности».

одну группу против другой» (Pigou 2001: 226). Хотя в южновьетнамской деревушке Бин Нгиа жители выказали «не особенно горячее отношение вьетконговцам», поскольку местное коммунистическое движение пришло из-за реки в деревушки Фу Лонг, эта враждебность активно культивировалась внешними силами:

Враждебности между жителями Фу Лонг и Бин Нгиа уже много поколений, и вражда проистекает из-за прав на рыбную ловлю. Было естественным, что жители Фу Лонг приняли экономическую, а также политическую власть, когда вьетконговцы были на подъеме, что было сделано на деньги рыбаков из Бин Нгиа. Так что позже, когда вьетконговцы перешли реку, чтобы распространить свои убеждения, в Бин Нгиа было много жителей, которым не нравились ни они, ни преследуемые ими цели. Начальники полиции подпитывали эту нелюбовь деньгами и выстроили шпионскую сеть (West 1985: 146–147).

И действительно, Пол и Демарест дают детальное описание операции эскадрона смерти в одном городке в Гватемале, показывая, как группу индивидуумов армия наделила особой властью, которой они пользовались с целью получить «деньги, выпивку и секс», отомстить или обрести местную власть, и осторожно заключают (Paul, Demarest 1988: 153):

Представляется заманчивым обвинить во вспышке насилия в Сан-Педро социальные поводы для раскола и желание свести старые счеты, но не стоит поддаваться. Жизнь в Сан-Педро характеризовали религиозное соперничество и сильное политическое противоборство за многие десятилетия до 1980 г., но в насилие это не выливалось. То же самое можно сказать о межличностном антагонизме. Он возник в прошлом и устранился чуть ли не посредством убийства. Что нарушило мир в Сан-Педро — это не присутствовавшие в обществе различия и раскол, а проводившаяся армией вербовка агентов и шпионов, которые повлияли на использование этого раскола в своих целях⁴⁴⁴.

⁴⁴⁴ Похожие мысли об оккупированных японцами Малайей и Китае, а также и о Шри-Ланке: Kheng 1980: 117; Siu 1989: 103, 115; Argenti-Pillen 2003.

11.3. АЛЬЯНС

Утверждение строгой дихотомии между политическим и частным (или центром и периферией) может привести к обманчивым выводам. Нельзя использовать демонстрацию вездесущности местного и личного конфликта, чтобы отрицать важность политического и стратегического измерения в гражданской войне, равно как и делать упор на эти измерения, что может скрыть значимость местных и личных конфликтов.

Местные и личные конфликты перерастают в насилие не из-за гражданской войны как пример гоббсовской анархии, и не в результате замыслов и манипуляций надместных сил. Напротив, что важно, так это взаимодействие между политической и личной сферами. Хосе Луис Ледесма (Ledesma 2001: 260, 267) верно утверждает, что децентрализованная и локализованная природа насилия республиканцев во время Гражданской войны в Испании не означает, что оно является примером спонтанного и анархичного проявления насилия со стороны неконтролируемых сил, как обычно считается историками, изучающими этот конфликт. Права Уоррен (Warren 1998: 99), описывая насилие во время Гражданской войны в Гватемале как обоюдное. Права Шредер (Schroeder 2000: 29), который отмечает, что насилие в Никарагуа в 1920-х гг. «коренилось глубоко в местных социальных отношениях и одновременно было политическим и личностным... и основывалось на взаимопересекающихся отношениях между семьей, сообществом, партией, этносом и классом», а также Джоши (Joshi 2002: 435), в заключение своего исследования доносительства в гестапо времен нацистской Германии написавшая, что «дихотомия частное / общественное сворачивается не только сверху вниз, но и снизу вверх. Общественное / политическое не было изолированным от частного / внутреннего / личного. Следовательно, «большой мир» политики не стоял выше или над «маленьким миром» семьи. Оба эти мира были неразрывно связаны».

Аналогично, Ричард Кобб (Cobb 1972: 56, 90) детально описывает несколько случаев насилия во время Великой французской революции как ситуации, созданные людьми, переведшими «частное насилие в общественное русло». «Тогда как различие между насилием, мотивированным политическими

причинами, и насилием, происходящим вследствие личных обид, имеет значение, — пишет Ноэль Фишер (Fisher 1997: 63) о Гражданской войне в Восточном Теннесси, — участники насилия не всегда их разделяли». В одном письме, написанном в 1944 г. в оккупированной Греции, замечательно передается это взаимодействие: «Джейсон, сын П.», как говорится в письме, служил итальянцам на своем острове так хорошо, что итальянцы «выполняли все его желания» (Mazower 1993: xv). Стэнли Ашенбрэннер (Aschenbrenner 1987: 116) описывает гражданскую войну в одной греческой деревушке как «последовательность действий и реакций, которые не нуждались во внешней энергии для продолжения, хотя, конечно, внешние силы использовали их в своих целях». Описание убийства Афонсо Гонкалвеса, произошедшего в сентябре 1999 г. в Восточном Тиморе, практически отражает парадигму данного процесса взаимодействия. Гонкалвеса убили не просто из-за его пронезависимых взглядов, но также из-за семейной вражды, связанной с его племянницей, которая, несмотря на сопротивление семьи, сбежала с проиндонезийским солдатом-ополченцем. Год спустя во время террора, поглотившего Восточный Тимор в преддверии референдума, члены семьи ополченца пришли в дом Гонкалвеса и убили его. Это убийство, как заключает Сет Майденс (Mydans 1999), было «таким же частным, как политическим».

Литература по общественным наукам использует концепцию «раскола», чтобы отсылать к связи между силами в центре и действием на местах. В значительной степени существование основного и локального раскола как отдельных импульсов не выделяется как отдельная проблема. Тем не менее, «что необходимо знать, так это в какой манере местные задачи, местные представления и местные проблемы формировали национальную перспективу и предоставляли этому измерению информацию... и наоборот, нужно знать, как чувство всеобщности, являющееся такой неотменной частью национальной перспективы, было перенесено на структуру и язык местной политики и, возможно, транслировано обратно» (Howell 1997: 309). Возможные связи между центром и периферией заключаются в обычных предпочтениях, коренящихся в заранее существующих идентичностях (Horowitz 1985; Lipset, Rokkan 1967), централизованной организации (Kalyvas 1996; Bartolini, Mair 1990), страхе, зависящем от иден-

тичности (Posen 1993), и координации вокруг точки фокуса (Chwe 2001; Hardin 1995). И хотя каждый из вышеперечисленных механизмов обладает собственной важностью, они не соотносятся (или не полностью соотносятся) с наличием очевидного разобщения между центром и периферией. Или, наоборот, механизм, который соединяет центр и периферию и соотносится с очевидным разобщением между ними, может быть описан при помощи понятия «альянса».

Альянс предполагает процесс конвергенции интересов посредством договоренности между надместными и местными игроками, в рамках которого первые предоставляют последним внешние силы, таким образом позволяя им получить решающее преимущество над местными соперниками; в обмен на это надместные игроки имеют возможность входить в местные сети и устраивать мобилизацию. Следовательно, большая доля деятельности во время гражданской войны одновременно децентрализована и связана с более широким протеканием конфликта. Так, гражданская война является (также) процессом, который соединяет стремление коллективных сил захватить власть и стремление местных сил получить преимущество на местах. Иными словами, насилие также может нести селективное преимущество, которое порождает местную мобилизацию посредством установления альянса.

Альянс для всех его сторон означает скорее не цель, а средство (Clastres 1999)⁴⁵. Политические силы, являющиеся для сообщества внешними, играют критическую роль при конверсии местных и частных конфликтов в насилие, поскольку порождают стимулы, без которых местные силы не смогли бы или не захотели бы применять насилие. В то же самое время, местные игроки делают сознательный выбор, решая объединиться с внешними силами. Так, гражданскую войну можно рассматривать как некое взаимодействие. И эта идея восходит к Фукидиду, который считал, что «в мирное время не могло бы существовать ни поводов, ни желания к призыву

⁴⁵ Ян Гросс (Gross 2001: 4) считает, что целевая активация и эксплуатация «каждого мыслимого раскола в обществе» составляет суть тоталитаризма. Тем не менее во время гражданской войны активация местного раскола обычно возникает, в большей степени, чем предполагает Гросс, как средство, а не как цель.

[внешних] союзников, но во время войны, когда каждая сторона могла в любое время рассчитывать на альянс, который навредит сопернику и в то же время усилит собственную позицию стороны, для каждого, кто хотел свергнуть правительство, стало естественным просить помощи у сторонних сил». В «Истории Флоренции» Макиавелли полно подобных наблюдений. В Мозамбике повстанцы РЕНАМО смогли получить местную поддержку только в тех местах, в которых традиционные лидеры с популярными воззрениями хотели создать союз с ними (Roesch 1990: 25). На Шри-Ланке, как отмечает Джонатан Спенсер (Spencer 1990: 184), «если политика предоставляет необходимое средство для того, чтобы разобраться в местных раздорах и обидах, это происходит за счет апелляции к силам и властям вне местного сообщества». В начале 1950-х гг. в Колумбии популярность партизан-либералов и контрпартизанских сил-консерваторов можно приписать тому, что «они позволяли определенным местным группировкам безнаказанно отомстить соперникам и использовать угрозу террора, чтобы добиться настоящих преимуществ» (Roldan 2002: 206). В Сальвадоре споры между крестьянскими семьями о владении землей и за доступ к воде, а также местной политической властью, привело к насилию, потому что «они пытались разрешить конфликты, используя политические группировки» (Sabagrus 1983: 189).

Чтобы определить, когда и как образуются подобные альянсы, требуется тщательное исследование. Например, часто возникающая модель представлена таким образом: проигравшие в местном конфликте с большей вероятностью первые совершают движение вперед и, следовательно, первые договариваются с внешними силами. Если так происходит, гражданская война становится особенно дестабилизирующей, поскольку дает новые возможности проигравшей в борьбе за местную власть стороне, жаждущей возможности взять реванш. Это соотносится с несколькими наблюдениями: в Китае первыми, кто шел на коллаборацию с японскими оккупантами, иногда были «те, кто не смог проявить себя в политике и преподавании» (Lagu 2001: 111); в Мозамбике местные лидеры, которые были маргинализированы правительством, с большей вероятностью присоединялись к повстанцам РЕНАМО (Geffray 1990); в Сьерра-Леоне проигравшие в борьбе за местные земли или положение вождя иногда

присоединялись к повстанцам, чтобы отомстить (Richards 1996: 8); в Камбодже озлобленных и обиженных людей «красные кхмеры» использовали как местных агентов (Bizot 2003: 44); а в Германии жены с большей готовностью доносили на мужей в гестапо, чем мужья на жен (Joshi 2002). Иногда все дело упирается в то, кто первый придет в поисках союза. В одном городке в Гватемале проигравшие на местных выборах объединились не с повстанцами, а с армией (Stoll 1993: 76). Сложно описать это положение дел лучше, чем это сделал один мужчина, который, после того как армия юнионистов вошла в округ Мэдисон в Алабаме, объявил о своем намерении убить своего соперника из местных и после «взять несколько солдат и вынести все из [его] дома и поджечь его... Он долгое время был моим хорошим товарищем, но сейчас пришло время поставить его на место» (Ash 1995: 128).

Под этим углом зрения «основной» раскол можно понимать как одновременные символическую и физическую формации, которые упрощают, оформляют и инкорпорируют невероятное разнообразие местных конфликтов — мнение, которое соотносится с тем, как сторонние наблюдатели, например, историки, полагаются на «национальную идею» как средство «составления заговора», чтобы прямо и захватывающе рассказать о многих сложных конфликтах (Ricoeur 1984). Концепция альянса позволяет заново ввести в рассмотрение сложность, пусть и в теоретически доступном для трактовки виде. Гражданские войны являются стечением многочисленных и зачастую несхожих местных расколов, более или менее свободно организованных вокруг основного раскола. Например, Оливье Рой (Roy 1999) интерпретирует раскол между исламистами и консерваторами, произошедший в 1992 г. в Таджикистане, в терминах, которые он называет махалгерай или местничество. Он разбирает основной раскол гражданской войны (из-за религии) на несколько отдельных конфликтов, происходящих в многочисленных измерениях, таких как регион, профессия, положение в госаппарате и этническая принадлежность⁴⁴⁶. Неудивительно, что легче

⁴⁴⁶ Исламско-демократический блок включал в себя региональные, профессиональные и этнические группировки, например, гармцев (из области Каратегин), памирцев (из Горного Бадахшана) и интеллигенцию (из района Пенджикента). «Консервативное крыло» состояло из

распознать такую динамику в недавних гражданских войнах, в которых отсутствует своеобразный модульный дискурс, получаемый под влиянием Холодной войны. Тем не менее имеющиеся свидетельства позволяют предположить, что данная динамика является распространенной; предполагаемое различие между конфликтами после Холодной войны и предшествующими ей гражданскими войнами можно в большей мере приписать утрате готовых концептуальных категорий вследствие окончания Холодной войны, чем фундаментально иной природе гражданских войн до Холодной войны (Kalyvas 2001). Аналогично, то обстоятельство, что этнический или религиозный местные расколы обычно легче заметить стороннему наблюдателю, чем фракционный, может также приводить к существованию предвзятости в представлении свидетельств, их кодировании и интерпретации.

Механизмы сотрудничества указывают на очень важную дилемму и для сил центра, и для местных сил. С одной стороны, силы в центре должны мобилизовывать на местном уровне, даже когда их идеологическая повестка противопоставляется местничеству. Например, Грегор Бентон (Benton 1999) умело демонстрирует, как китайские коммунисты смогли проникнуть в местное сообщество с помощью удовлетворения узких интересов, а не при помощи абстрактных идеологических заявлений⁴⁷. Силы в центре осознают, что их нереалистичные призывы часто не приводят к желаемому результату — местной мобилизации, поскольку на такие призывы часто не обращают внимания или их даже не понимают. В то же время они не должны ограничиваться партикуляризмом и локализмом, поскольку, как говорит Джеймс Скотт (Scott 1977с: 222), «у каждой великой традиции восстания с поддержкой масс имеется маленькая традиция бунта, который грозит узурпировать восстание ради своих ограниченных интересов».

ленинабадцев (жителей Ленинабада), кулябцев из Куляба, гиссарцев из Гиссара и этнических узбеков (Roy 1999: 222–225). Салиби (Salibi 1988) предоставляет аналогичный анализ Гражданской войны в Ливане.

⁴⁷ В этом смысле характерный пример являют собой китайские и вьетнамские коммунисты (Benton 1999; Huan, Thireau 1996; Hunt 1974: 12), а также повстанцы, боровшиеся против колонизаторов в Африке (Finnegan 1992: 116–117).

Локализм — это то, что отличает традиционные крестьянские войны от современных восстаний и наносит первым урон. Фридрих Энгельс считал, что крестьянские восстания в Крестьянской войне в Германии 1525 г. «никогда не выходили за рамки социальных отношений и местного масштаба» и «ограничивались рамками местного горизонта»; он жестко критиковал их «упрямый провинциализм» и «отвратительную узколобость» — качества, которые он описывал как «неизменные для крестьянских масс», что, в итоге, и губило их восстание. Троцкий говорил, что «местный кретинизм — это проклятие истории, насланное на все крестьянские бунты», а Мао критиковал местничество в крестьянско-партизанских отрядах, «которые часто поглощены лишь решением местных вопросов и не обращают внимания на главные цели» (Guha 1999: 278–279). Следовательно, силы в центре неотступно (в разной степени неотступно) пытаются продвигать на местах и основной раскол. В то же время местные силы сопротивляются этому намерению и не хотят вливаться в централизованные и иерархические структуры. Хотя технически они и завязаны на основную причину раскола, они стараются сохранить самостоятельность и некоторую степень автономности. «Крестьянство отчаянно старалось испытывать терпение как архиепископов, так и комиссаров», — отмечает Джеймс Скотт (Scott 1977b: 1). История многих повстанческих движений — это рассказ о напряженных отношениях между этими конфликтующими целями⁴⁴⁸. С этой точки зрения гражданская война представляет собой процесс политической и административной «нормализации», а государственный институт может рассматриваться как фасад гражданской войны.

⁴⁴⁸ В документах, составленных китайскими коммунистами, написано, что войска Красной армии отказались вести партизанскую войну в «белых зонах», предпочтя остаться в «красных зонах», где они могли спокойно и мирно существовать, а местные жители исполняли бы роль часовых. Такую тенденцию принято называть местничеством (дифан жуи) (Wou 1994: 140). Дональд Рейли (Raleigh 2002: 74–108) описывает, как во время советского режима применялись чистки и прочие инструменты для того, чтобы разрушить независимость региональных и местных партийных организаций. Местные силы в Македонии иногда применяли больше насилия, чем было принято в центре (Livaniос 1999: 206), и так далее.

Обоснованность альянса как механизма, который позволяет влить местный раскол в основной раскол в рамках конфликта, имеет два аспекта: во-первых, он предусматривает теоретическое понимание гражданской войны как войны, которая не игнорирует, а включает в себя непростой вопрос разъединения между центром и периферией и окружающую этот процесс двусмысленность. Во-вторых, альянс превращает взаимодействие центр-периферия в центральный вопрос и заставляет нас получше задуматься о методах связи определённых сил и мотивов. Признавая существование цепи многочисленных и несхожих расколов, мы можем вскрыть связь между центральным и местными расколами — возможность, которой не давало раскрыться общепринятое понимание раскола.

Нетрадиционная война в международной политике имеет долгую историю, начавшуюся во времена существования Римской империи (Shaw 2001: 155) и до эпохи Холодной войны. Тем не менее нам не удалось составить представление о гражданской войне как о большом количестве и скоплении нетрадиционных войн. Теперь возможно примирить в рамках одной аналитической модели мотивы, которые считаются противоречащими друг другу, при этом не совмещая их, такие как стратегические действия политических сил и оппортунистические действия местных группировок и личностей. Теоретическим преимуществом альянса является то, что он позволяет существование не единичных сил, а множественных, что локус содействия может находиться не только в центре или на периферии, а в обоих местах, и то, что множество предпочтений и идентичностей противопоставляется одной привычной и всеохватывающей. Ключевым методологическим выводом является то, что тщательное разукрупнение должно предшествовать макроинтерпретации. Иными словами, мы не можем разобраться в микромеханизмах, проанализировав макропеременные.

Эмпирически альянс соотносится с личностным и зачастую злонамеренным характером селективного насилия, эндогенностью раскола во время войны и ограниченной видимостью местного раскола после войны. По окончании войны национальная идея в рамках конфликта даёт удобный путь для того, чтобы задним числом упростить, оформить и, в конечном итоге, стереть сложности войны, ее противоречия и запутанность. Интересен здесь следующий вывод: то, что отличает

досовременные восстания и современные, — это отсутствие городской элиты и их дискурса в первых. Более того, во многих из так называемых постсовременных (или «симметричных нетрадиционных») восстаний также, оказывается, отсутствует связь с явной городской элитой. Альянс также соотносится с наблюдением, что ВВП на душу населения в стране имеет обратную зависимость с началом гражданской войны: поскольку уровень образования коррелирует с ВВП, а идеологические послания требуют наличия образования, мы ожидаем, что во время гражданской войны будут преобладать альтернативы идеологической мобилизации, такие как местный раскол.

В данном случае утверждается, что альянс — это один из механизмов, но не единственный; тем не менее разумеется, что это самый часто игнорируемый механизм формирования раскола и его выражения; и, как уже отмечалось ранее, признание роли местного раскола ни в коей мере не предполагает, что можно больше не изучать динамику на национальном уровне и причины основного раскола. Фокусирование внимания на взаимодействии требует внимательного анализа обеих составляющих. Если я и делаю упор на местный раскол, то только потому, что до этого на него так мало обращали внимания.

Учитывать местный раскол необходимо для того, чтобы ближе свести теории о макроуровне и микроуровне и интерпретировать межнациональные исследования макропеременных, таких как начало, продолжительность и окончание гражданской войны. Например, на одном из самых надежных предвестников начала гражданской войны, ВВП на душу населения (Fearon, Laitin 2003; Collier, Hoeffler 1999), может отражаться влияние местного раскола: бедное, несовременное государство никогда не могло эффективно проникнуть на периферию, таким образом, ему не удавалось сгладить острые углы местных расколов (Lipset, Rokkan 1967), и такие расколы служили пищей для восстаний.

11.4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевым выводом из теории селективного насилия для понимания гражданской войны является то, что существующая ныне настойчивая привязанность исследователей к гоббсовско-шмиттовской дихотомии может быть крайне

обманчивой. Во-первых, и в противовес мнению Шмитта, действия во время гражданской войны, включая «политическое насилие», не обязательно являются политическими и не всегда отражают глубокую идеологическую поляризацию. Идентичность и действия нельзя сводить к решениям, принимаемым воюющими организациями, к дискурсам, рождаемым в центре, а также к идеологиям, проистекающим из основной причины раскола во время войны. Следовательно, подход, выделяющий единичные силы, выводящий динамику идентичности и действия исключительно из основного раскола и описывающий гражданскую войну бинарными терминами, приводит к некорректным умозаключениям; напротив, в теорию гражданской войны должны быть инкорпорированы местный раскол и динамика внутри сообщества, как было проиллюстрировано в теории селективного насилия. Во-вторых, и в противовес мнению Гоббса, гражданскую войну нельзя сводить к обычному механизму, который дает дорогу беспорядочному и анархичному насилию против личности. Осуществление насилия против личности в целом ограничено логикой альянса и контроля, то есть национальной элитой и надместными силами. В гражданской войне создается процесс взаимодействия между силами с отличными идентичностями и интересами. Гражданская война — это конвергенция между местными мотивами и надместными императивами, которая наделяет гражданскую войну ее личностным характером и приводит к коллективному насилию, используемому разделению между политическим и частным, коллективным и индивидуальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Беды следуют за бедами.

Эврипид, *«Ифигения в Тавриде»*

В этой книге приведены теория и различные свидетельства с целью продемонстрировать, что в насилии во время гражданской войны есть определенная логика и что насилие против мирных граждан нельзя сводить к одному только тупому помешательству. Шекспир и Гете не зря подозревали: в помешательстве есть логика, а у ада есть свои законы. Популярность предположения, что насилие не поддается пониманию, породила множество неубедительных объяснений насилия, делающих упор на коллективные эмоции, идеологию и культуру, объяснительная сила которых невелика. В то же время логика насилия в гражданской войне, как оказалось, значительно отличается от распространенных, но довольно тавтологических интерпретаций, в которых утверждается, что насилие применяется потому, что «оно окупается». Подобные взгляды путают рациональность выбора с оптимальностью результата и выводят первое из второго, и наоборот.

Напротив, в данной книге конкретно указывается, как, когда, где и для кого «окупается» насилие. Проще говоря, неизбирательное насилие опирается на использование урезанной информации и может привести к обратным результатам для тех, кто его применяет; селективное насилие совместно применяется политическими силами, жаждущими получить информацию, и отдельными гражданскими лицами, пытающимися избежать худшего, но также и хватающимися за возможности, которые предоставляет их затруднительное положение. В обоих случаях насилие никогда не является простым отражением оптимальной стратегии тех, кто его применяет; его крайне интерактивный характер разрушает логику простой максимизации и при этом приводит к неожиданным результатам.

данным результатам, например, к относительному ненасилию «передовой» гражданской войны.

На более абстрактном уровне я задавался вопросом, почему гражданские войны порождают насилие, которое склонно одновременно иметь крайне жестокий и невероятно близостный характер. Является ли насилие отражением человеческой природы, как считали Фукидид и Гоббс? Или оно отражает глубокое политическое разделение, которое превращает людей в смертных врагов, как полагал Шмитт? Подобные вопросы находятся на слишком высоком уровне обобщения, а в этой книге не предполагается напрямую решать их; тем не менее в книге даются теоретические умозаключения и эмпирические свидетельства, которые ставят под сомнение исключительную связь между насилием в гражданской войне и склонностью к жестокости или бушующим политическим страстям.

Преобладающее фокусирование на метафорах анархии и поляризации привело к тому, что мы не заметили критическое измерение гражданской войны: то, что они предоставляют мощные стимулы к порождению «непрямого» насилия при помощи «обычных» граждан. Многим людям, которые по природе не кровожадны и воздерживаются от непосредственного применения насилия, гражданская война предоставляет соблазнительную возможность навредить повседневным врагам. Именно эта банальность войны, перефразируя Ханну Арендт, придает гражданской войне большую часть ее притягательности.

Гражданская война не просто политизирует частную жизнь, наоборот, она действует и в обратном направлении тоже: приватизирует политику. Гражданская война часто трансформирует местные и личные обиды в насилие со смертельным исходом; когда это происходит, такое насилие наделяется политическим значением, которое можно быстро ассимилировать к новым и стойким идентичностям. Обычно тривиальное происхождение этих новых идентичностей теряется в памяти или реконструируется в рамках новой политики, рожденной войной.

Отсюда следуют два общих вывода. Во-первых, не нужно проводить фундаментального различия между уклонением от прямого применения насилия и желанием навредить соседу в странах, где идет гражданская война, и в тех странах,

где ее нет. Во-вторых, война — это трансформирующее явление⁴⁴⁹, а уж гражданская война — и того более. Приход войны изменяет индивидуальные предпочтения, выбор, поведение и идентичность, и, главным образом, война выполняет свою трансформирующую функцию посредством насилия. Иными словами, существует несколько направлений, в рамках которых насилие выступает как независимая переменная. Этот вывод едва ли нов, но тем не менее удивительно, как слабо он повлиял на последние исследования, посвященные гражданским войнам.

В самой свежей работе по гражданским войнам представлено исследование большого количества случаев с упором на начало войны, ее продолжительность и окончание. В отличие от этой ценной работы, в своей работе я исследовал динамику насилия с самого начала войны; и, в отличие от данной книги, в тех теориях почти ничего не говорится о насилии; в них насилие рассматривается как автоматический результат войны, недостойный отдельного изучения. Такое небрежение естественно связано с нынешней повсеместной политической практикой в политической науке по части повседневного статуса предпочтений, стратегий и идентичностей.

Тем не менее из данной книги можно сделать некоторые выводы, полезные для существующих теорий гражданских войн. Во-первых, то, что гражданские войны являются крайне «эндогенным» процессом, часто игнорируется. Коллективные и индивидуальные предпочтения, стратегии, ценности и идентичности постоянно оформляются и приобретают новую форму в течение войны. Лояльность общественности, неверность и поддержку нельзя считать экзогенными и фиксированными. Следовательно, теории, в которых силы и предпочтения считаются статичными в своем довоенном выражении и которые полагаются на это предположение, чтобы объяснить различные аспекты гражданской войны, такие как их начало, продолжительность и окончание, будут предвзятыми. Эта предвзятость усиливается тенденцией делать выводы о довоенных силах, предпочтениях и идентичностях из «национальной идеи» гражданской войны. Разумеется,

⁴⁴⁹ Об этом, в числе прочих, красноречиво высказывался Джордж Кеннан (Kennan 1951).

подобные идеи упрощают сложный характер гражданской войны⁴⁵⁰. Все же то, что гражданские войны являются государствообразующим процессом, означает, что на их «национальную идею», вероятно, исход войны окажет пагубное влияние: ее границы будут размыты, а неясность и противоречия будут стерты⁴⁵¹. Часто гегемония подобной идеи оказывает такое мощное влияние, что даже исследователи, которые собирают подробные свидетельства, склонны не обращать на них внимания или преуменьшать их значение, поскольку они не вписываются в существующие рамки. Например, то, что большая доля насилия проистекает от частных раздоров, неоднократно отмечалось исследователями и одновременно ими же считалось не особенно важным. В результате теории о начале гражданских войн, основанные на этих выкладках, вероятно, выводят причины войны из ее результатов.

Во-вторых, в современных теориях гражданских войн просто не рассматривается отдельный человек. Когда индивидуумы не объединяются в группы, действия которых направляют другие, они рассматриваются как жертвы насилия. Существует тенденция рассматривать насилие как то, что навязывается извне ничему не подозревающим и, следовательно, невинным гражданам — данную перспективу усиливает дискурс о правах человека, ей вторят теории этнического конфликта инструменталистов, согласно которым индивидом неизменно манипулируют политики. Выражаясь кратко, индивид обычно рассматривается не как субъект насилия, а как объект. Такая перспектива емко отражена в различных высказываниях, вошедших в поговорку, о муравьях, которых ловят, когда между собой дерутся слоны или буйволы. Тем не менее индивидов

⁴⁵⁰ Поэтому-то проникающие всюду неэтнические мотивы, стоящие за насилием в «этнических» войнах, такие как грабеж и желание заполучить жилище соседа, обычно не учитываются, и этническая составляющая становится «основной категорией, которой люди на местах оперируют, рассказывая о насилии во время войны и анализируя его» (Dale 1997: 91).

⁴⁵¹ На деле в теоретических исследованиях часто, как и в «официальных историографиях», присутствует тенденция исключать представляющие сложность для понимания внутренние разделения, «классовый раскол, случаи предательства или крестьянские инициативы, которые предлагались обособленно от контролирующей элиты» и сглаживать «острые углы прошлого» (Swedenburg 1995: 21; Kedward 1993: 160).

нельзя рассматривать просто как пассивных, поддающихся манипуляции или невидимых игроков; напротив, они часто сами манипулируют силами центра, вынуждая их помочь в борьбе со своими местными соперниками. Вкратце, их нужно открыто включить в теорию гражданских войн так, чтобы это отражало сложность их участия в конфликте.

В-третьих, во множестве работ игнорируется то, что микро- и макроуровни не обязательно частично перекрывают друг друга. Бытующий в настоящее время упор на макроуровень означает, что «местная» динамика воспринимается как довольно нерелевантная локальная манифестация макроуровня. Местные силы рассматриваются как местные копии центральных сил, а исследование их особенностей может иметь смысл лишь при исследовании местной истории или из интереса, который испытывает любитель редкостей. Причина такого небрежения происходит в силу нескольких причин: существует разделение труда, разграничивающее сбор свидетельств на микроуровне, и интерпретация макродинамики; эпистемическое предпочтение, которое выводит определенный аспект в группу нечастотных; а также интерпретация динамики на микроуровне с помощью языка основного раскола. В результате политические силы рассматриваются как унитарные, а личные мотивы выводятся из решения элит в рамках «модульных» тем: религии, этноса или класса. Тем не менее разделение между основным и местным расколами рождает серьезные сомнения насчет обоснованности подобных заключений. Иными словами, насилие в «этнической» или «классовой войне» не является автоматически или обязательно этническим или классовым насилием. Это, правда, означает не то, что этническая, религиозная или классовая принадлежность неверны или нерелевантны, а скорее то, что эффект от нее сильно отличается в разное время и на разных территориях в одной и той же гражданской войне и что их консолидация часто является не причиной насилия, а его результатом.

Если делать заключение о местной динамике из положения вещей на макроуровне, можно с большой вероятностью получить предвзятые выводы, как в случае со знаменитым экологическим заблуждением. Разумеется, народные массы беспорядочны. Эта «местная беспорядочность» может быть не замечена, если единственной целью исследователя является получение упрощенной оценки макроисторического уровня для широкой аудитории; тем не менее рьяный

теоретический и эмпирический анализ гражданской войны невозможно провести без уделения пристального внимания динамике микроуровня. Аналогичным образом неверно объяснять поведение индивидуумов, ссылаясь лишь на действия элиты или размытых «групп». Взаимоотношения между индивидами и элитой меняются в зависимости от времени и места. Отсюда следует, что теории гражданских войн должны включать в себя анализ на разных уровнях, одновременно учитывая взаимодействие между соперничающими элитами, между элитой и народом, а также между индивидуумами. Если этого не сделать, анализ получится искаженным, а механизмы посредничества между возможностями и сдерживающими факторами в центре и на периферии не будут учтены.

Динамику на микроуровне часто неверно интерпретируют, поскольку исследователями предлагаются микрооснования, которые либо не апробированы (то есть «стилизованы»), либо являются ложными; кроме того, неверная интерпретация привела к чрезмерно обобщенной концептуализации переменных, обычно подверженных влиянию проблем обозримой эквивалентности. Например, ВВП на душу населения соотносится с несколькими механизмами начала гражданской войны; работоспособность государства соотносится со многими типами распределения ресурсов; несмотря на частые утверждения, личные мотивы для присоединения к повстанческим движениям редко являются простой манифестацией «обиды» или средством выражения «жадности», и вступление в ряды повстанцев часто совершенно не имеет под собой проблемы коллективного действия; анархия — обычно неверная метафора для ситуации на местах; страх не обязательно приводит к насилию; принимаемые элитой решения являются далеко не единственной причиной насилия; источник контроля не обязательно находится в популярных предпочтениях; и так далее. Иными словами, концептуализация и микрооснования должны проистекать из тщательного эмпирического исследования, а не из сомнительных стилизованных фактов.

Помимо того, что фокусирование на эндогенной динамике гражданской войны является необходимым для правильного понимания гражданских войн, оно указывает на потенциальные практические политические выводы, которые не зависят исключительно от анализа довоенной политики. Уменьшение насилия требует как усиленных действий на местах, так и усиленных

действий в центре. Хотя бы в кратко- и среднесрочной перспективе уделение внимания местному контролю может быть более эффективным способом установления мира и стабильности, чем усилия, направленные на смену отношения масс. С этой точки зрения внедрение операционных мер контроля обязано стать приоритетом для поддержания мира и его установления. Базирование войск и в особенности административных ресурсов должно происходить на основе ясного понимания местного балансирования контроля. Напротив, вторжение в местные контролирующие действия вооруженных сил без мандата или способности защитить гражданских «перебежчиков» может нанести ситуации серьезный вред. Аналогично, поскольку селективное насилие применяется коллективно, миротворцы обязаны относиться к гражданским как к агентам и учитывать их поведение, разрабатывая миротворческие стратегии. И поскольку граждане часто проявляют активность в применении насилия, но делают это опосредованно, разобраться с прошлым насилием становится сложнее, чем с тем, что уже есть сейчас⁴⁵².

У фокусирования на эндогенной динамике гражданской войны также есть свои методологические заключения. Основным среди них является важность разукрупнения как на уровне теории, так и на уровне эмпирического исследования. Например, задавать вопрос, что приводит к гражданской войне, не то же самое, что спрашивать, что приводит к насилию в гражданской войне; исследование формирования новых военных группировок не то же самое, что исследование вербовки людей уже сформированными военными группировками, и так далее. Выдвижение здравых предположений о микроосновах и апробирование их при помощи надежных данных обязательно должно стать предпосылкой к исследованию на макроуровне. Мы многое можем узнать, оценив «беспорядочность» гражданской войны, и в этом отношении очень полезными могут быть субнациональные схемы проведения исследования.

⁴⁵² Имеется любопытное заключение касательно реинтеграции воюющих в свои сообщества: поскольку они могут знать о том, кто на кого донес, их возвращение может привести к спорам, усилить местный конфликт и дестабилизировать сообщество. В исследованиях, посвященных демобилизации и реинтеграции, этот аспект не рассматривался. Я благодарен Анне Арджоне (Ала Аржона) за то, что указала мне на него.

Присущая гражданским войнам сложность структуры также делает продуктивным использование методологического эклектизма, что я и пытался показать в данной книге. Тогда как в микроориентированных исследованиях не учитывалась сложность на местном уровне; в исследованиях, в которых делался упор на местные корни насилия, все время отсутствует систематизация и теоретизация местной динамики, о которой в них пишется. В данной книге демонстрируется, что абстрактные аналитические теории могут пролить свет на свидетельства, которые кажутся тривиальными или локальными; в книге упор делается на теоретический импорт свидетельств, считаемых «маргинальными» на основании преобладающих схем понимания, а также призывается инкорпорировать их в теоретическую работу; в книге предлагаются пути, с помощью которых можно использовать этнографические свидетельства с целью проанализировать четко определенные эмпирические выкладки абстрактных теорий, и показано, что их можно объединить с несколькими инструментами, включая статистический анализ; в книге призывается к сбору информации о совокупном результате и актуальных процессах; в ней продемонстрировано, что необходимо и возможно применять гипотетические механизмы, соединяющие независимые и зависимые переменные с непосредственным апробированием, а не просто утверждать о существовании отдаленных связей или предполагать их наличие.

Несколько лет назад я представлял свои исследования публике в Греции, и люди, ослепленные однобокой предвзятостью, не желали принимать тот факт, что движение сопротивления в Греции убило множество невинных греков. Один интеллеktуал-общественник поднялся и зло высказал мне, что его огорчает моя речь; затем он спросил у меня, каковы были «истинные мотивы» моего исследования. Когда я писал эту книгу, мной двигало интеллектуальное любопытство, мне хотелось разобраться в особенно тревожащей и непрозрачной грани человеческого поведения. И данной книге удалось бы достичь своей цели, если бы у нее получилось вдохновить ученых на программу исследования, направленную на тщательный анализ микродинамики в гражданских войнах. При этом, если книге удастся внести вклад в дело уменьшения насилия во время гражданской войны, с ее помощью будет достигнуто гораздо больше, чем я задумывал вначале и даже чем я мог надеяться.

ПРИЛОЖЕНИЕ А: ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

А.1. Архивы

Как правило, при изучении насилия в период гражданской войны количество архивных данных оказывается весьма ограниченным, поскольку в большинстве случаев никаких письменных свидетельств не остается (Klinkhammer 1997: xi; Roy 1994: 5). Архивы в развивающихся странах (где обычно случаются гражданские войны) обычно находятся в плохом состоянии, и за ними никто не следит⁴⁵³. Так, например, в Греции куда-то нет доступа, а где-то состояние слишком плохо. Мне удалось обнаружить обширный архивный источник: уголовные судебные архивы всего восточного Пелопоннеса⁴⁵⁴. Хотя архив не был каталогизирован во время проведения моего исследования, он содержит данные из всех уголовных судов восточного Пелопоннеса, состоявшихся после 1945 г. В ходе 80–90% судов, состоявшихся в период между 1945 и 1950 гг., рассматривались либо военные преступления, совершенные коммунистическим сопротивлением (большая часть дел), либо послевоенные преступления, совершенные правым ополчением. В архиве также содержатся данные, посвященные Специальному суду над коллаборационистами (*Eidikon dikastirion dosilogon*), состоявшемуся в Арголиде: трибуналу над лицами, обвиняемыми в сотрудничестве

⁴⁵³ Согласно оценке греческого историка, «фундаментальное исследование периода войны почти невозможно на основе одних лишь греческих архивов» (Mazower 1993: 423). Большая часть архивных материалов, связанных с гражданской войной, в том числе десятки тысяч полицейских дел, была уничтожена в 1989 г., в рамках политики «национального примирения», символизируемого созданием коалиционного правительства коммунистов и правых.

⁴⁵⁴ Первоначально хранившиеся в Апелляционном суде Нафплиона, эти архивы в 1998 г. были переданы в Исторический архив Арголиды. Я также использовал муниципальные архивы города Нафплион.

стве с оккупационными силами. В большинстве случаев имеется подробное описание судов, однако значительное количество досье содержит все сопутствующие документы: обвинительные акты, показания, в том числе данные под присягой, допросы, а также дополнительные материалы, такие как полицейские отчеты, газеты, письма и фотографии.

Использовать судебные данные трудно главным образом из-за свойственной им пристрастности. Правосудие в послевоенной Греции было предвзято по отношению к левым (Delaportas 1978). Как и во многих других странах, после гражданской войны преобладало правосудие победителя (например, Auman 1984: 91). В большинстве случаев главным доказательством становились «слухи и родственные связи» (Fellman 1989: 47). Свидетели обвинения часто преувеличивали вину подсудимых, впутывали невинных людей и оправдывали свои собственные действия. Всем участникам — подсудимым, истцам, свидетелям — было выгодно свидетельствовать таким образом, чтобы добиться максимально хорошего для себя результата. Подсудимые часто пытались оправдаться, лгали, искажали мотивацию, преуменьшали приверженность политическому делу, раскаивались и так далее⁴⁵⁵.

Но, несмотря на свои недостатки, судебные дела представляют собой важные источники. Их необходимо тщательно отбирать и взвешивать представленную в них информацию. Поскольку вранье и искажение фактов имеют определенную модель, можно понять, что кроется за ними⁴⁵⁶. Важно так-

⁴⁵⁵ Феллман (Fellman 1989: 49–50) обнаружил, что во время Американской гражданской войны в Миссури «большинство партизан и их сторонников, будучи арестованными и допрошенными властями Союза, лгали о своей причастности. Формула отрицания содержала утверждения о том, что допрашиваемые были принуждены под угрозами пойти на партизанскую службу... Притворяясь глупцами, допрашиваемые старались преуменьшить свою вовлеченность в партизанскую деятельность, отрицая причастность к сбору развединформации, жалуясь на партизанские грабежи, подчеркивая страх перед уничтожением и в то же время заявляя о своей лояльности Союзу. То были стандартные уловки защиты».

⁴⁵⁶ Янковский (Jankowski 1989: 173–174) дает полезный набор практических правил для перекрестной проверки достоверности заявленных мотивов. Он предупреждает, что при анализе коллективных мотиваций существует «предел погрешности».

же осуществлять перепроверку по дополнительным источникам⁴⁵⁷. При критической оценке из судебных источников можно получить подробное описание жестоких событий и их участников, в том числе подробную хронологию. Часто они оказываются единственным источником. Нередко они включают в себя подробные заметки, сделанные подзащитными для того, чтобы защититься от обвинения. Даже от недостатков есть своя польза, поскольку типы аргументов, представленных в суде, — сами по себе ценный источник информации. Так, например, очень часто обвиняемые говорили, что нельзя винить в смерти другого человека, если ты не знал его лично, из чего следует важный и заслуживающий доверия вывод (хотя и не сформулированный таким образом), что большую часть насилия совершали люди, которые знали друг друга. Майкл Шредер (Schroeder 1996: 409) выяснил, что, «несмотря на скудный и сухой язык», судебные источники в Никарагуа «представляют собой выдающиеся документы, свидетельствующие о политике в сельской местности, которую редко видят сторонние наблюдатели». Мой опыт говорит о том же самом.

В общем, в судебных источниках не просто излагаются содержание преступлений и вердикты. Они содержат обширный материал, который можно особым способом истолковать. Именно поэтому это такой важный инструмент для историков (Hobsbawm 2001: xvii). На самом деле они успешно применялись в ряде исследований, в которых говорилось о политическом насилии (D. Anderson 2005; Joshi 2003; Gross 2001; Della Porta 1995; Browning 1992; Gellately 1991; Ortiz Sarmiento 1990; Fellman 1989; Jankowski 1989; Lucas 1983; McCoy 1980; Cobb 1972), а также о криминальном насилии в сельской местности (Gould 2003; Gambetta 1993).

Помимо судебных, я использовал архивы греческой коммунистической партии и греческой армии. Они оба неполные и стали доступны совсем недавно, однако в них содержится важная информация относительно Арголиды. Я также проанализировал архивы британского Министерства ино-

⁴⁵⁷ Характеризуя доступные источники по истории нацистской оккупации Польши, Ян Гросс (Gross 1979: 44) замечает, что «история этого периода никогда не будет написана, если кто-то будет настаивать на использовании исключительно источников безупречной достоверности».

странных дел и Управления специальными операциями, расположенные в Государственном архиве в Лондоне. Обе организации активно интересовались положением дел в Греции, поскольку считалось, что она находится в сфере влияния Великобритании. Отчеты УСО об Арголиде, сделанные в 1943–1944 гг., дополняют другие местные источники. Я также изучил подробные отчеты Союзной организации, наблюдавшей за выборами в Греции (AMFOGE). И наконец, я использовал небольшое количество немецких военных и судебных архивных материалов, в которых говорилось о военной ситуации в Арголиде.

А.2. Устные источники

Морис Хальбвакс (Halbwachs 1968) отмечает, что во время национальных катаклизмов история страны оказывается непосредственно связана с историей отдельно взятого человека. Более того, история индивидуума охватывает многие аспекты, которые обычно опускаются в официальных отчетах, а равно и в национальной историографии. Как замечает Рамон Сендер Барайон (Barayon 1989: 115), рассуждая о гражданской войне в Испании, историки «ведут летопись славных битв, истинная же человеческая сага складывается из страданий каждой семьи». Устные мемуары, затрагивающие именно такие, личные аспекты, вносят необходимую коррективу при урбанистическом уклоне. Именно поэтому они послужили основным источником для данной книги. Я провел в Арголиде в общей сложности 10 месяцев в период с 1997 по 1999 г.⁴⁵⁸, вдобавок в 2000 г. я работал еще три месяца в Алмопии, непосредственно на месте (совмещая с работой в архиве уголовного суда г. Салоники). В общей сложности я записал на пленку 215 интервью, из них 116 — с жителями Арголиды, 35 — с жителями Алмопии и оставшиеся — с жителями других районов Греции. В таблице А.1 вы найдете полный список опрошенных, данные о их происхождении, а также краткое описание. Кроме того, некоторые интервью я проводил совершенно официально, но не зафиксировал письменно, а кроме того, бесчисленное множество раз мне

⁴⁵⁸ Лето 1997 г. (три месяца), зима 1998 г. (два месяца), лето 1998 г. (три месяца) и лето 1999 г. (два месяца).

доводилось вести о гражданской войне неформальные беседы. Интервью представляли собой вдумчивые частные беседы длительностью 1-4 часа, структурированные, но с нерегламентированным содержанием; я также организовывал дискуссии с участием небольшого количества человек, обычно в общественных местах (в кофейнях, на площадях). Я отбирал опрошенных по принципу «снежного кома»: уже поучаствовавшие в интервью рекомендовали мне новых собеседников. Учитывая деликатность вопроса, я не приступал к интервью, если не был представлен или рекомендован интервьюируемому его другом или родственником.

Стоит отметить, что я не ограничивал себя опросом исключительно «жертв». Хотя мои респонденты не представляли собой репрезентативной выборки, все же в их число вошли (в случае с Арголидой) все, с кем мне удалось познакомиться и кого удалось опросить во время работ на месте (учитывая, что со времени окончания гражданской войны прошло более полувека и большинства участников нет в живых). В моей работе представлена в отдельности каждая деревня региона. Я опрашивал как мужчин, так и женщин — активных участников (в разных чинах: политических деятелей, военных низшего и среднего ранга, солдат, коллаборационистов всех мастей), а также неактивных участников, в основном крестьян; я говорил с нападавшими, с их жертвами (часто и в том, и в другом качестве выступал один человек), их родственниками и случайными свидетелями; наконец, моими собеседниками были левые, правые, а также небольшая группа политически не определившихся, а равно и те, кто со временем поменял политические убеждения⁴⁵⁹.

Как и другие исследователи (Smyth, Fay 2000: 3), я увидел, что люди горят желанием рассказать о своих страданиях. Огромное преимущество в том, что ты сразу «свой» и «чужой»: как «свой» (грек по происхождению) я вызывал у со-

⁴⁵⁹ Такстон (Thaxton 1997: xvi-xvii) признает, что 75% его информаторов были крестьянами-коммунистами или сочувствующими (ни один из них не был сочувствующим противоположно стороне). И наоборот, многие исследования войны во Вьетнаме (напр., R. Вертап 1974) основаны исключительно на интервью с бывшими повстанцами, заключенными и перебежчиками.

беседника симпатию и доверие, меня охотно принимали⁴⁶⁰; в то же время у меня была возможность заметить большинство (надеюсь, что так!) вербальных и невербальных уловок, к которым они прибегали⁴⁶¹, и критически подходить к их рассказам. Как «чужаку», у которого в данной деревне или районе нет близких родственников, мне оказывали самый теплый прием, как нейтральной, не вовлеченной в местные распри третьей стороне⁴⁶².

Большинство историков говорит о спорности устных источников: это скользкий путь (Hobsbawm 2001: xi), поэтому «у историков есть правило, и довольно разумное, полагаться в значительно большей мере на источники, современные событиям, нежели на воспоминания, озвученные годы спустя, перетерпевшие переработку и трансформацию в человеческой памяти» (Novick 1999: 106). Действительно, воспоминания, особенно посвященные событиям кровопролитным или имеющим политическую окраску, по своей спорной природе весьма неоднозначны (Vargas Llosa 1998: 101); подвержены влиянию времени и нескольких сложных психологических и когнитивных процессов (Goldberg 2003), в частности, склонности людей восполнять недостаток информации собственными логичными домыслами (Mendelsohn 2002: 55). Воспоминания также отличаются существенной сжатостью событий во времени (M. F. Brown, Fernandez 1991: 118), часто несут на себе отпечаток последующих событий, им может быть свойственна пристрастность, приукрашенность, оправдательный мотив, и, что важнее всего, — политические силы и государство после гражданской войны принимают активное участие

⁴⁶⁰ Политолог Кэрол Суэйн (Swain 1993: 229) замечает, что несколько чернокожих конгрессменов США не стали бы говорить с ней так, как говорили, будь она белой.

⁴⁶¹ Боснийский крестьянин предупреждал Тона Бринга (Bringa 1995: xvi): «Всегда помните, что люди делают одно, говорят другое и думают третье».

⁴⁶² Один респондент, который настаивал на том, чтобы увидеть меня, несмотря на приковавшую его к постели болезнь, сказал, что рассказ был похож на исповедь (I-30). Этот человек признался, по-видимому, впервые, что он донес на друга. Он добавил, что испытал чувство облегчения от этого признания. Хортон (Horton 1998: 316) также подчеркивает, что некоторые ее интервью в Никарагуа носили характер «катарсиса», и связывает это со своим «посторонним» статусом.

в формировании такой коллективной памяти сообразно стоящим перед ними целям. Отпечаток обстоятельств несут на себе и мемуары; это обстоятельства, в которых они пишутся и трансформируются из индивидуально хранимых воспоминаний в рассказы, которыми, в свою очередь, в специфических же обстоятельствах, делятся с исследователем. Если кратко, устные воспоминания могут противоречить себе, быть неполными и предвзятыми. Перед исследователем стоит целый ряд трудностей. Как можно понять, верит ли респондент в то, что говорит? Говорит ли только то, во что сам верит? Что делать, если разные описания одного события или заявления, сделанные одним человеком, противоречат друг другу? Расценивает ли исследователь все индивидуальные мнения и действия как равновеликие по важности? Всем этим вопросам Джованни Контини подводит итог в следующем своем утверждении (Contini 1997: 17): «В рассказе трудно различить факт и интерпретацию, изолировать смысл от искажений; ученый рискует некритически принять на веру анахронизмы, инверсии временных и событийной последовательностей, концентрацию множества событий в одном и опущение некоторых из них».

Эти проблемы обостряются, когда речь идет о насилии, имевшем место в прошлом. Например, главную трудность во время интервью с жертвой насилия (или его осуществлявшим) точно охарактеризовал Антониус Роббен (Robben 1996), обозначив термином «соблазны»: интервьюируемый имеет власть над ведущим опрос, сознательно и бессознательно. Хотя некоторые исследователи не видят в этом проблемы⁴⁶³, они, несомненно, есть, и серьезные. Поскольку в политологии не принято обращаться к устным воспоминаниям, я остановлюсь на данных проблемах подробнее.

А.2.1. Время

Время — важный фактор. С течением времени воспоминания блекнут. Гражданская война в Греции закончилась 50 лет назад, и это обстоятельство, несомненно, сказалось на воспоминаниях ее переживших. Большинству респондентов с трудом удавалось

⁴⁶³ Мари Смит и Мари-Тереза Фэй (Smyth, Fay 2000: 2) утверждают, что «воспринимали себя как инструменты, с помощью которых можно было записать рассказ собеседника».

(или не удавалось вовсе) вспомнить конкретные даты⁴⁶⁴; их воспоминания носили избирательный характер и отличались сжатостью, линейного повествования также не получалось. Мне удалось преодолеть эти трудности путем параллельного обращения к письменным источникам на ту же тему.

Есть и менее очевидное обстоятельство. В силу времени не только стирается память и уходят из жизни потенциальные респонденты. Время дает еще и значительные преимущества. В Главе 2 я упоминал некоторые трудности, возникающие при проведении полевых исследований в обстоятельствах войны. Seriously ограничены возможности исследователя и непосредственно после войны: из-за политических репрессий людям можно будет рассказывать о конфликте не все. Желание поделиться воспоминаниями может пропадать на фоне страхов (Brinkman 2000: 2; M. F. Brown, Fernandez 1991: 9; Cribb 1990: 3); у сторонников проигравшего лагеря не будет иного выбора, кроме как хранить молчание (Julia 1999: 37–38). Цзюнь Цзин (Jing 1996: 55–56) пишет, что брать интервью в китайской провинции «оказалось труднее, чем ожидалось... имели место сплошные недомолвки, люди предпочитали молчать. В устном изложении история политической жизни села, к несчастью, представала в крайне разрозненной форме. Действительно, о политических кампаниях, предшествовавших культурной революции, селяне-респонденты говорили неохотно, поскольку [их] нельзя было критиковать»⁴⁶⁵. Так может продолжаться многие годы. В первой половине 1990-х гг. в Индонезии любая связь с компартией все еще считалась серьезным преступлением, «поэтому [зверства 1965 г.] мало кто был готов обсуждать открыто и уж тем более не мог признаться в том, что имеет об этой партии четкое представление» (Robinson 1995: xii). Молчание не является исключительно результатом внешнего подавления. Человек

⁴⁶⁴ «Респондент, который помнит даты, встречается редко» (Allen, Montell 1981: 26).

⁴⁶⁵ Цзин добавляет, что его респонденты часто прибегали к «мстительной стратегии», в рамках которой протестовали против того, что их ошибочно называли врагами народа, вместо того чтобы ставить под сомнение правомерность преследования. Некоторые пытались убедить слушателя в том, что их подставили, когда классифицировали как «контрреволюционеров».

может пойти в отказ: люди знают то, чего знать не следует (Suarez-Orozco 1990: 367). Антрополог Кей Уоррен (Warren 1998: 93, 110) столкнулся с тем, что гватемальские крестьяне соглашались побеседовать о гражданской войне в целом, а вот в деталях обсуждать ее отказывались. В основном люди «молчали и запирались», а также пускали в ход «тщательно отточенные двусмысленные формулировки». Воспоминания о насилии столь тягостны, что те, кто его пережил, стараются их подавить (Kheng 1983: xiv). Писатель левых взглядов Рамон Сендер, переехавший в Штаты после гражданской войны в Испании, наотрез оказывался рассказывать сыну о том, как от рук повстанцев погибла жена (Sender Barayon 1989). Когда людей, видевших гражданскую войну, просят рассказать о пережитом, то они обычно реагируют настороженно (Horton 1998: 206). Изучая жизнь в одной греческой деревне, антрополог Стэнли Ашенбрэннер (Aschenbrenner 1987: 106) заметил, что о гражданской войне жители обычно говорят в подавленном состоянии и «намеренно увиливают». Чтобы сложить воедино осколки картины военных событий в этой деревне, Ашенбрэннер не пожалел времени и сил (работал на месте в течение 14 лет, в общей сложности 70 месяцев)⁴⁶⁶.

В условиях всеобщего молчания к рассказам могут примешиваться личные страсти. Сьюзен Фримен (Freeman 1979: 164), проводившая исследования в одном городке на севере Испании, обнаружила там «клубок связей и мотивов... который было трудно распутать, особенно потому, что старые распри во многих случаях до сих пор живы и несут ту же политическую окраску». Линн Хортон (Horton 1998: 315) отмечает, что ее полевым исследованиям в Никарагуа мешала появившаяся после войны поляризованность крестьянских общин. Макнил (McNeill 1978: 148) описывает, как в 1947 г. приезжал в деревню Старый Коринф на Пелопоннесе: «Напряжённость в деревне выросла из-за того, что в войну погибли несколько жителей [Старого Коринфа], в том числе от рук немцев и от рук Народно-освободительной армии Греции [левых повстанцев]. Получить подлинную картину

⁴⁶⁶ Французский антрополог Мари-Элизабет Хандман (Handman 1983: 42–43) описывает еще более трудный опыт проведения исследований в тот же период: хотя она проводила полевую работу в греческой деревне с 1973 по 1978 г., она смогла собрать лишь обрывки информации.

произошедшего в деревне не удалось, поскольку сторонники разных лагерей озвучивали версии, которые вопиющим образом расходились друг с другом».

Если брать Грецию, то дело обстояло так: интервьюировать людей на тему гражданской войны стало несколько проще разве что к концу 1980-х гг. Греческие левые подвергались преследованиям вплоть до начала 1960-х гг. Компартия была вне закона. Тысячи ее сторонников эмигрировали в страны соцлагеря, многие из оставшихся на родине попали за решетку или были отправлены в ссылку. В 1967 г. произошел правый военный переворот, ознаменовавший продолжение эпохи репрессий вплоть до падения диктатуры в 1974 г. Победа социалистической партии (ПАСОК) в 1981 г. сопровождалась значительной политической поляризацией, в которой немалую роль играли воспоминания времен гражданской войны (Kalyvas 1997). Например, в 1980-е гг. политическую окраску и раскол приобрело основное времяпрепровождение в деревнях (для мужской части населения) — сборы в кофейнях. В результате вести полевое исследование на темы гражданской войны стало невероятно трудно. Политические страсти пошли на спад лишь в 1990-е гг., появились возможности для работы.

Принятая в греческом обществе картина гражданской войны во многом состоит из стереотипов, это результат того, что об исторических событиях ведет рассказы в основном городская интеллигенция, не имеющая представления о жизни греческой деревни и даже не желающая о ней знать. В этих публично озвученных рассказах не оставлено камня на камне от сложностей и неоднозначностей, на их место принят набор упрощенных и сглаженных версий происходившего, тесно связанных либо с правым, либо с левым лагерем. Хотя в данных рассказах частное и локальное, свойственное индивидуальным воспоминаниям, выносилось за скобки, сами воспоминания от этого не пострадали. Я обнаружил, что в памяти одного человека часто могли уживаться официальная версия и собственная⁴⁶⁷. При первой беседе мои респонденты

⁴⁶⁷ Это опровергает утверждение Примо Леви (Levi 1988: 24) о том, что «память, востребуемая слишком часто и выраженная в форме рассказа, имеет тенденцию фиксироваться в стереотипе... кристаллизоваться, совершенствоваться, украшаться, замещая «необработанную» память и развиваясь за ее счет».

обращались к официальному изложению, в котором упор делался на элитарную политику и фрагменты дипломатической истории; однако когда их просили рассказать о событиях на месте, они переходили на изложение совершенно иного толка, в котором центральное место занимала неопределенность⁴⁶⁸. Знакомство с краеведческой информацией благодаря архивной работе сыграло решающую роль: мне удавалось уговорить моих респондентов на рассказ о личном и местном.

А.2.2. Уклон

Со временем политические страсти идут на спад, но не исчезают совсем. Вражда, порожденная Гражданской войной в России, способствовала распространению насилия и в последующий период коллективизации (Viola 1993: 74). Согласно наблюдению Роббена (Robben 1995: 94), «любое исследование, посвященное политическому насилию, имеет предмет изучения слишком много скелетов и слишком много шкафов. Если не считать случаев осознанной лжи, полуправды и необоснованного обвинения (которые в большинстве своем невозможно отследить и проверить), имеет место оговор и злостная клевета». Работая на месте, я понял, что большинство респондентов воспринимает тему граждан-

⁴⁶⁸ Палудан (Paludan 1981: xii) сообщает о своем опыте исследования Американской гражданской войны в общине Северной Каролины: «Когда люди в долине говорят о гражданской войне, их мало волнует конфликт культур, крах политики или волна модернизации. Война для них означает убийство их дедов, прадедов и двоюродных братьев. Это означает время, когда бабушке Франклин приходилось наблюдать, как солдаты сжигают ее дом и убивают ее трех сыновей, которые там прятались, а также то, что она сделала после войны, когда один из ее братьев убил одного из причастных солдат». Однако Бринкман (Brinkman 2000: 5) установила, что ангольские беженцы, у которых она брала интервью, расставили приоритеты в рамках «национальной истории» над местной. Урваши Буталия (Butalia 2000: 12) сообщает, что рассказы о насилии, которые она собирала у жертв раздела Индии, были различались по гендерному принципу: мужчины подчеркивали более широкие политические проблемы, а женщины — повседневные детали жизни. Мои интервью имели схожее гендерное различие, однако если задавались конкретные вопросы, мужчины также охотно поговорили о местных аспектах конфликта.

ской войны очень остро. Сегодня не редкость браки между людьми из семей сторонников левых и правых (Aschenbrenner 1987). Это знак того, что разногласия в обществе потеряли свою остроту, но для многих представителей старшего поколения, принадлежавших к противоположным лагерям, общение и контакты друг с другом все еще невозможны⁴⁶⁹.

Кроме того, многие находят естественным интерпретировать факты так, чтобы выпятить собственную положительную роль и принизить отрицательные последствия своих действий⁴⁷⁰. «Вот что я вам скажу, — предостерегал меня один респондент, — в деревнях, куда вы приезжаете, война еще не закончилась. Люди, пережившие ее, до сих пор воюют друг с другом, поэтому [сведения, которые вы получаете,] зависят от того, с кем вы беседуете» (I-143). Вдобавок многие насильственные действия хранятся в тайне: при всей подозрительности населения личность заказчика, исполнителя, а также мотив не всегда ясны. Изучение насилия, приближаясь к уголовному следствию, в духе японских детективных фильмов кишит обилием версий одних и тех же событий,

⁴⁶⁹ Женщина, с которой я беседовал в 1998 г., рассказала мне, что за несколько дней до интервью она встретила односельчанина, с которым она не разговаривала с 1944 г., — с тех пор, как ее брат приказал убить всю семью этого человека. Односельчанин, с которым я беседовал в 1997 г., подошел к ней на деревенской площади и сказал, что для них не имеет смысла больше не разговаривать друг с другом, ведь им обоим недолго осталось жить (I-104).

⁴⁷⁰ Например, Сведенборг (Swedenborg 1995: 24–26) обнаружила, что «палестинские крестьяне, с которым она беседовала о восстании 1936–1939 гг., отвергали причастность повстанцев к таким действиям, как убийства, грабежи или клановость. Еще одной табуированной темой было существование предателей и шпионов, а также отношения к ним повстанцев. Между тем, как и в большинстве крестьянских восстаний, повстанцы 1936–1939 гг. в Палестине часто сурово наказывали тех, кого считали предателями и шпионами врага. Возможно, важной причиной подобных умолчаний было нежелание респондентов запятнать блеск центрального национального символа, предшественников современного движению освобождения... Даже жители деревни, которые признавали, что грабежи, убийства или продажа земли имели место во время восстания, часто были расплывчатыми в деталях. Другие утверждали, что подобное происходило в других местах, но никогда в их деревне или районе». Другой стратегией является перекладывание вины на врага, в том числе при помощи сложных теорий заговора.

а также противоречащими друг другу зацепками. Существует тенденция отмечать такие вопросы. Например, Смит и Фей (Smyth, Fay 2000: 4) доказывают, что, поскольку не существует «единственной истины», исследователям лишь остается фиксировать версии: «Правдивее ли данный взгляд на события, чем другой, — мы судить не готовы и не в состоянии. Мы рассказываем себе историю событий, совместимую с нашими представлениями о себе, и склонны маскировать собственную вину и проступки. Поэтому нас не должно удивлять, что респонденты поступают так же». Такое отношение, хотя и способствует появлению ряда достоверных наблюдений, все же сопряжено с проблемами. В той мере, в какой целью является реконструкция событий, в том числе путаных и многогранных, необходимо принимать во внимание предвзятость и сводить ее к минимуму. Если предмет исследования — отношения и намерения, то сделать это трудно, моей же главной задачей было восстановить ход определенных событий.

Часто история фиксируется в человеческой памяти в личных, семейных и локальных понятиях; аспекты насилия, обсуждаемые в интервью, помещаются в рамки частных интересов, что приводит к тому, что индивидуальные оценки разнятся меньше, чем я ожидал. Действительно, совпадает основной набор событий (кого убили, кто, когда, где). Примечательно, что в отношении определенных актов насилия в значительной мере наблюдалось что-то вроде «согласия по договоренности сторон» (если возникал вопрос, считать определенное убийство «справедливым» или «несправедливым», имеющим отношения к прошлым распрям или нет)⁴⁷¹. Хорошо зарекомендовала себя перекрестная проверка (и перекрестные интервью — т.е. обращение к тому же респонденту за новой информацией). Кроме того, варианты в изложении событий могут быть крайне полезны: на их материале выявляются точки соприкосновения. Я взял за правило дополни-

⁴⁷¹ В своем исследовании общественных беспорядков в Бангладеше Бет Рой (Roy 1994: 99) также обнаружила, что «сообщения о первоначальной ссоре были похожего качества; люди неосознанно рассказывали эту историю со своей собственной точки зрения. Однако когда дело дошло до описания самих беспорядков, истории стали все лучше совпадать. Разумеется, респонденты были склонны описывать ту или иную сторону как более агрессивную. Но они соглашались в важных деталях».

тельное внимание уделять «внутриколлективной критике», т.е. критическим замечаниям о действиях внутри чьей-либо собственной политической группировки. Некоторые информанты, оказавшиеся причастными к актам насилия, на ряд вопросов реагировали недомолвками и молчанием; другие, однако, проявляли удивительную откровенность и были готовы признать свое участие.

При том, что во время интервью я не распространялся о своих политических пристрастиях (исходим из того, что политически нейтральных людей не бывает)⁴⁷², я старался посылать политические сигналы сообразно ситуации. Так, я прибегал к разной терминологии: общаясь с леваками, рассказывал им, что изучаю «сопротивление», т.к. этот термин, наряду с термином «гражданская война», был не в чести у правых⁴⁷³. Обычно в один заход я опрашивал людей, принадлежащих к исключительно одной стороне политического спектра; с их местными оппонентами я беседовал позднее, в другой заход. Узнав меня поближе, люди охотно принимали тот факт, что я веду беседу и с тем, и с другим лагерем⁴⁷⁴. Поскольку я оказался «вхож» в три группировки (правых, левых плюс аморфный «центр»), практически независимые друг от друга (вероятность того, что левый расскажет о тебе правому, была в целом ничтожна), у меня была возможность сравнить факты, изложенные каждой из пристрастных сторон. Далее я осуществил дополнительную проверку по ту и другую сторону границ, разделяющих территории и политические предпочтения. В целом люди оказывались хорошо

⁴⁷² Исследователь конфликта в Северной Ирландии (Sluka 1989: 2) приводит следующий анекдот: житель Белфаста спрашивает американского туриста о религии. «Я атеист», — отвечает сообразительный американец. «А вы атеист-католик или атеист-протестант?» — уточняет его собеседник.

⁴⁷³ Многие правые по-прежнему называют гражданскую войну «бандитской войной», использовавшимся правительством термином.

⁴⁷⁴ Хотя новости в деревнях распространяются быстро, уровень политической сегрегации среди выживших остается значительным, и это позволило мне установить доверительные отношения с одной группой, прежде чем я связался с их местными оппонентами, которые часто почти или совсем не знали о моих предыдущих контактах в их деревне. Иногда, конечно, это доставляло мне неприятности, поскольку мои предыдущие информаторы думали, что я предаю.

осведомлены о происходящем в соседней деревне (при этом об остальных уголках региона имели на удивление смутное или неверное представление). По возможности я, заручившись сведениями из новых источников, беседовал с одним человеком по несколько раз. Я также взял за правило, когда официальная часть интервью закончена, всегда принимать приглашения на обед или ужин; в целом моим респондентам казалось, что они меня после беседы уже достаточно хорошо знают, и тогда разговор менял направление: обсуждали семью, работу, личные дела. Благодаря этим беседам я стал лучше понимать своих информантов: их систему ценностей, мироощущение, страхи, их боль. Преимущество таких неформальных встреч в том, что удавалось по крупицам собрать о гражданской войне дополнительные сведения и лучше их осмыслить; нередко важнейшая информация получалась побочно в ходе обсуждения, как тогда казалось, более важных вопросов. С некоторыми собеседниками я за четыре года встретился более десятка раз — проводя исследования, я познакомился с ними и их родными весьма тесно⁴⁷⁵. Наконец, взяв большое количество интервью на одну тему в одной области, я научился лучше чувствовать, насколько достоверна информация и, соответственно, надежен источник⁴⁷⁶.

⁴⁷⁵ Эти отношения порой приобретали трансатлантический характер, поскольку у многих моих респондентов родственники проживали в Нью-Йорке.

⁴⁷⁶ Мой опыт совпадает с описанным Лиром (Lear 1961: vii) процессом его исследования на Филиппинах: «Теперь я начал систематизировать совокупность собранных фактов. Начала проявляться модель значимых отношений, составляющих основу для дальнейшего поиска информации и исследовательский инструмент во время интервью. Я знал, что спросить, что искать. Я разработал временную последовательность событий периода оккупации.... Я стал лучше подготовлен к тому, чтобы выносить суждения, распознавать, когда мой респондент искажает ситуацию с целью самовосхваления или клеветы на своих противников. Наедине со своими мыслями я смог задать некоторые вопросы по накопленным мною данным, предназначенным для объяснения событий военного времени на острове. Эти гипотезы подверглись дальнейшей модификации, поскольку дальнейшие интервью и постепенное накопление письменных материалов опровергли некоторые мои предположения».

А.2.3. Память

Человеческая память, согласно наблюдению Эрика Хобсбаума (Hobsbawm 1988: 18), — не самое надежное средство хранения фактов. Она — механизм не для ведения хроники, а скорее для отбора, к тому же этот механизм постоянно перестраивается. Функция коллективной памяти — выражать самобытность, способствовать самоопределению, поэтому в рамках коллективной памяти некоторые события обретают второстепенный характер и даже замалчиваются. Человеческая память в течение жизни индивидуума все время меняется, перестраивается. В ней появляется взятая из поздних трактовок информация о ключевом событии или рассказы других, индивидуальные воспоминания за счет их преобразуются и редактируются, часто неосознанным путем. В момент времени t_3 воспоминания о событии y , произошедшем в t_1 , могут попасть под влияние момента t_2 . Так, например, Контини (Contini 1997) наглядно демонстрирует, как воспоминания местных жителей о нацистских зверствах 1944 г. — убийстве 212 жителей в тосканских деревнях Чивителла-валь-ди-Кьяна, Ла-Корнья и Сан-Панкрацо (под предлогом возмездия за убийство партизанами трех немецких солдат), после которого население обвинило левых партизан в провоцировании нацистов — оказались под влиянием политических событий в Италии как межвоенного, так и послевоенного времени. Влияние посторонних событий („ t_2 “) часто сильнее там, где такие события важнее. Сведенбург (Swedenburg 1995: xxvi–xxvii) отмечает, что палестинцы, с которыми он беседовал о восстании 1936–1939 гг., обнаруживали удивительной степени «подверженность своего ощущения исторических событий текущей ситуации. Так, многие старались изложить свое мнение языком современной им националистической парадигмы... Старые палестинцы прекрасно сознавали, что теперь они нужны в борьбе за выживание народа как таковое, поэтому многим казалось неверным представлять разношерстную картину прошлого, которая могла бы подорвать репутацию их постоянно сдерживающего враждебный натиск народа. Поэтому они тут же вставляли на защиту репутации Палестины и в своих воспоминаниях рисовали все ту же общепринятую благостную картину единой истории палестинского государства».

Если даже намерения защитить прошлое от посягательств как такового нет, с воспоминаниями о насилии в мирное время трудно смириться. Как пишет Алессандро Портелли (Portelli 1997: 138), бывшим итальянским партизанам было непросто «вспоминать о прошлом, они с трудом согласуют нужды и образ мысли прежнего времени с собственными современными чувствами и ценностями, воспоминания о насилии, ненависти, бесчинствах с идеалами демократии и цивилизованного общества (которые — и это еще больше усложняет дело — представляют собой идеалы, за которые они как раз и сражаются)». Если вкратце, то воспоминания представляют собой спорные семантические участки, подверженные множеству политических и культурных интерпретаций, трактовок; они суть предмет постоянных модификаций, манипуляций, обновлений; они скорее характеризуют не события прошлого, составляющие их содержание, а текущие (или недавние) политические и социальные события. Смежная проблема связана с тем, что воспоминания не находятся в свободном доступе, а должны быть переданы посредством устного изложения, что накладывает свой отпечаток на характер сообщаемых сведений. Когда чьи-то воспоминания записываются, они «загрязняются»: у никому не известного рассказчика появляется возможность вписать себя в общественный дискурс; это публичный речевой акт, совершаемый людьми, у которых редко когда была возможность высказаться публично (Gilsenan 1999: 111; Portelli 1997: 161). Как отметила Бет Бой (Roy 1994: 5), «правда, что истории, услышанные мной в селении в Бангладеше, фактически не касались случившегося (хотя понятие случившегося довольно размыто). Я услышала лишь то, как люди видели происходящее, или то, что они помнили из увиденного, или то, что они мне рассказали из того, что запомнили».

Естественно, что конструирование индивидуальных и коллективных воспоминаний, а равно индивидуальные рассказы и официальный дискурс, связанные с насилием, — это многогранные общественные явления, в полной мере заслуживающие того, чтобы их понимали как главные объекты изучения (Portelli 1997; Gilsenan 1996; Aguilar 1996; Robben 1995). Действительно, некоторые исследователи прямо утверждают, что как объекты изучения воспоминания более интересны, чем факты, которые они содержат (Contini

1997: 17; Swedenburg 1995: xxvi). Портелли (Portelli 1997: 128) обращает внимание главным образом на искажения фактов в устных воспоминаниях, считая их показателями работы памяти, воображения и интерпретации⁴⁷⁷. Некоторые даже утверждали, что достоверность «фактов» как таковая им не важна, а важны факты в увязке с политикой их презентации и интерпретации (Taussig 1987: xiii).

Должен напомнить читателю, что главной целью книги было изучение действительного насилия — в противоположность воспоминаниям и рассказам о нем, его репрезентациям.

Задача эта осуществима несмотря на все трудности, связанные с устными источниками. Хотя справедливо, что все воспоминания являются предвзятыми, немаловажно также, что акты насилия весьма травматичны и остаются в памяти людей (Green 1995: 115; Gilmore 1987: 44). Память особо восприимчива к событиям, происходившим внутри семьи или общины: гражданская война как конфликт носила отнюдь не абстрактный характер, она отразилась на жизни большинства людей, часто трагическим образом. Действительно, я выяснил, что у многих информантов сохранились воспоминания о гражданской войне яркие, с избытком деталей и событий⁴⁷⁸. Мне было проще вести исследовательскую работу в силу того обстоятельства, что насилие — явление совершенно осязаемое: когда я задавал конкретные вопросы о том, кого убили в деревне, когда, кто это сделал и при каких обстоятельствах, мне и отвечали по большей части предельно конкретно⁴⁷⁹.

⁴⁷⁷ «Позвольте мне повторить: это не достоверный рассказ. Но позвольте мне также повторить: вот почему это важно» (Portelli 1997: 136).

⁴⁷⁸ Часто информаторы говорили мне, что они не могут вспомнить, что у них было на ужин предыдущим вечером, и затем рассказывали о том, что с ними произошло пятьдесят лет назад, — до мельчайших подробностей.

⁴⁷⁹ Во время первых интервью я заметил, что люди отвечали на общие и расплывчатые запросы (например: «поддерживали ли мятежников люди в регионе?» или «что люди думали о насилии?») расплывчато и/или очень пристрастно. Когда же им задавали конкретные вопросы (например: «кто был убит в вашей деревне?»), ответы становились гораздо более конкретными и беспристрастными. Они становились еще более конкретными, когда я сослался на подробную информацию об этих актах насилия, полученную из других интервью и архивов.

В результате такой осязаемости гражданские войны и восстания (Verveniotti 2003; McKenna 1998; Thaxton 1997; Kedward 1993), а равно и периоды гражданских беспорядков и репрессий (Jing 1996; Chan, Madsen, Unger 1992) исследовать по устным источникам довольно удобно. Устные источники — ключевое орудие постижения динамики развития событий на местности (Fraser 1993). Как отмечает один исследователь истории французского сопротивления, «устные свидетельства даже спустя 50 лет после события способствуют порождению гипотез, получению личных данных, раскрытию местного колорита, глубинному анализу и сохранению индивидуальности, так что историки не могут позволить себе их игнорировать» (Kedward 1993: vii).

Путем совмещения устных и письменных источников из определенного периода я получал возможность осуществить тщательнейшую проверку, которая бы позволила мне установить общую надежность каждого из устных источников. Все потому, что региональная ориентация моего исследования позволяла мне собирать как письменные, так и устные сведения об одних и тех же событиях и людях⁴⁸⁰. Я установил, что мои воспоминания в целом соотносятся с архивными источниками (и наоборот). Как выразился Х. Р. Кедвард (Kedward 1993: viii), «реальность может быть запечатлена фрагментарно, может быть преумножена, но забыта — почти никогда». На деле данные два типа источников прекрасно друг друга дополняли. Юридические документы, с одной стороны, обнаруживали огромное количество деталей и укладывались в линейную хронологию. Устные рассказы, с другой стороны, отличались своеобразием взгляда на события и глубиной, а выявление, а если откуда-то появляются «неизвестные стенограммы» (J. Scott 1990) или «незавершенные показания» (McKenna 1998: 183), проливающие свет на излагаемые в юридических документах события в дополнение к детальному и эмпирически

⁴⁸⁰ В некоторых случаях я брал интервью у людей, чьи показания пятидесятилетней давности я только что извлек из судебных архивов. Исследования Керквлиета (Kerkvliet 1977) о восстании на Филиппинах и Андерсона (Anderson 1999) о партизанской войне на Украине 1941–1942 гг. являются примерами исследований, сочетающих локальную или региональную направленность с устными источниками и архивными исследованиями.

подкрепленному пониманию как конкретно-предметных (например, осознание того, какую цену платил человек за вступление в ряды повстанцев) и теоретических (например, осознание затрат и выгоды, которые сулят определенные действия). Так, мои беседы позволили мне в рамках теоретического анализа количественно измерить готовность жителей рисковать и найти способ формализовать степень риска⁴⁸¹.

Действительно, при использовании исключительно архивных источников в качестве единственно надежных вероятность ошибки уж точно никак не меньше, чем при работе с устными данными. Например, исследователи гражданской войны в Греции рассуждают о мотивах жителей, присоединившихся к той или иной стороне, либо на основе сообщений британской разведки, сотрудники которой нередко имели весьма поверхностное представление о сложившихся на момент их доблестной службы местных реалиях, либо по воспоминаниям участников, написанных ими же в определенных небескорыстных целях.

А.3. Мемуары, автобиографии, краеведческие данные

В дополнение к интервью и архивным свидетельствам я также обращался к опубликованным и неопубликованным мемуарам, автобиографиям и краеведческим данным. К таким документам в целом нужно подходить осторожно, поскольку они нередко отличаются высокой степенью предвзятости; подавляющее большинство авторов преследуют свои интересы и пристрастно подходят к делу. Такие авторы нередко забывают «нонконформистскую инстинуту» и фактам предпочитают демагогию (Veupe 1996: 256–7). Например, мемуары члена компартии в Арголиде (Papalilis 1980) практически не содержат упоминаний о насильственных действиях, со-

⁴⁸¹ Анализ индивидуальных стратегий определяется пониманием контекста, в котором они реализуются. Как указывает Ричардс (Richards 1996: xxii), «повстанцы в Сьерра-Леоне относятся к лесу, истории борьбы за лесные ресурсы и характеру лесных социальных институтов как к «основе» для вынесения суждений о рисках и выгодах политических действий, основанных на насилии. Уберите лес с картинки (или проигнорируйте ее), и рациональность действий исчезнет».

вершаемых его стороной. Однако решающее значение таких частных описаний кроется не в фактуальной достоверности отдельных деталей, а в содержащемся в этих описаниях архетипическом материале (Какаг 1996: 30). Кроме того, по-настоящему ценными могут оказаться случайные наблюдения и вскользь брошенные фразы, имеющие отношение к главной мысли автора, в том числе случайные, но раскрывающие суть комментарии, косвенные упоминания, досужие утверждения и даже частные сплетни. Это так называемые «остаточные» свидетельства, «в определенной мере нетронутые, неотредактированные и неосвоенные идеологическим аппаратом страны... Эти свидетельства либо примыкают к официальной истории страны, либо стоят особняком, и часто возникали неосознанно» (Swedenburg 1995: 111). Удивительно, но некоторые из этих мемуаров, особенно неопубликованные, написанные обычными людьми, считавшими свой опыт полезным для ограниченного круга семьи и друзей, оказываются весьма обстоятельными и затрагивают огромное количество спорных тем.

ТАБЛИЦА А.1
Интервью

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
1	Эфкарпия, Серре	Крестьянка; муж — партизан в Демократической армии Греции.
2	Агия Триада, Иматия	Отец, братья и сестры — партизаны в Демократической армии Греции.
3	Платаноресва Сервион, Козани	Партизан в Народно-освободительной армии Греции и Демократической армии Греции.
4	Мидеа, Арголида	Региональный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
5	Мидеа, Арголида	Муж — партизан в Народно-освободительной армии Греции.
6	Анифи, Арголида	Брат — партизан в Народно-освободительной армии Греции.
7	Анифи, Арголида	Местный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.

ПРИЛОЖЕНИЕ А: ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
8	Анифи, Арголида	Сын регионального лидера в Национально-освободительном фронте Греции.
9	Врусти, Арголида	Крестьянин; связан с батальоном безопасности.
10	Эвандро, Аркадия	Крестьянин.
11	Кутсоподи, Арголида	Крестьянин; участник Национально-освободительного фронта Греции.
12	Фихтия, Арголида	Местный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
13	Хели, Арголида	Крестьянин.
14	Хели, Арголида	Крестьянин.
15	Хели, Арголида	Крестьянин.
16	Хели, Арголида	Крестьянин.
17	Хели, Арголида	Пастух.
18	Асини, Арголида	Крестьянин.
19	Лимнес, Арголида	Крестьянин.
20	Агиос Андрианос, Арголида	Крестьянин; правый активист.
21	Мидеа, Арголида	Крестьянин.
22	Элеохори, Аркадия	Крестьянин; сочувствовал Национально-освободительному фронту Греции.
23	Элеохори, Аркадия	Учащийся.
24	Элеохори, Аркадия	Крестьянин.
25	Элеохори, Аркадия	Крестьянин.
26	Кастри, Аркадия	Крестьянин; сочувствовал Национально-освободительному фронту Греции.
27	Кастри, Аркадия	Крестьянин.
28	Кастри, Аркадия	Кадровый военный батальона безопасности.
29	Кастри, Аркадия	Партизан в Народно-освободительной армии Греции, затем солдат батальона безопасности.
30	Кастри, Аркадия	Региональный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
31	Кастри, Аркадия	Крестьянин.
32	Никити, Халкидики	Крестьянин; состоял в местном ополчении.
33	Никити, Халкидики	Офицер в Демократической армии Греции.
34	Космас, Аркадия	Дочь регионального командира Национально-освободительного фронта Греции.
35	Кастри, Аркадия	Армейский офицер.
36	Кастри, Аркадия	Крестьянин.
37	Кастри, Аркадия	Крестьянин.
38	Кастри, Аркадия	Крестьянин.
39	Тсерия, Мессиния	Партизан в Народно-освободительной армии Греции.
40	Тсерия, Мессиния	Крестьянин; сотрудничал с Национально-освободительным фронтом Греции/Демократической армией Греции.
41	Камбос Авиас, Мессиния	Сотрудничал с Национально-освободительным фронтом Греции; призван в группировку правого толка.
42	Малта, Мессиния	Призван в группировку правого толка.
43	Вромовриси, Мессиния	Учащийся.
44	Копанаки, Мессиния	Крестьянин.
45	Гандринос, Мессиния	Крестьянин.
46	Маландрени, Мессиния	Крестьянин.
47	Леонидиа, Коринфия	Крестьянин.
48	Гралиста, Кардица	Крестьянин.
49	Неос Пиргос, Эвбея	Торговец.
50	Татари, Кардица	Учащийся.
51	Керасия, Ахайя	Учащийся.
52	Маландрени, Арголида	Партизан в Народно-освободительной армии Греции.
53	Пиргела, Арголида	Сочувствующий Национально-освободительному фронту Греции.
54	Лэфкакия, Арголида	Солдат батальона безопасности.

ПРИЛОЖЕНИЕ А: ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
55	Аргос, Арголида	Член Коммунистической партии Греции.
56	Краниди, Арголида	Крестьянин.
57	Краниди, Арголида	Крестьянин, сочувствовал Национально-освободительному фронту Греции.
58	Микинес, Арголида	Руководитель деревенской ячейки в Национально-освободительном фронте Греции.
59	Ахладокамбос, Арголида	Крестьянин.
60	Лиркия, Арголида	Сотрудничал с Национально-освободительным фронтом Греции.
61	Капарели, Арголида	Крестьянин.
62	Ираклион/Аргос, Коринфия/Арголида.	Крестьянин; сын человека, сотрудничавшего с батальоном безопасности.
63	Скинохори, Арголида	Крестьянин.
64	Кораковуни, Аркадия	Крестьянин; член молодежного крыла в Национально-освободительном фронте Греции.
65	Каливия, Коринфия	Крестьянин.
66	Пастух.	Пастух.
67	Скотини, Арголида	Партизан Демократической армии Греции.
68	Каливия, Коринфия	Крестьянин.
69	Каливия, Коринфия	Сочувствовал Национально-освободительному фронту Греции.
70	Просимна, Арголида	Партизан в Народно-освободительной армии Греции.
71	Татси, Арголида	Крестьянин
72	Монастираки, Арголида	Предводитель правого формирования.
73	Крестьянин.	Крестьянин.
74	Монастираки, Арголида	Крестьянин.
75	Манеси, Арголида	Член молодежного объединения в Национально-освободительном фронте Греции; сын руководителя деревенской ячейки Национально-освободительного фронта Греции.

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
76	Агиос Андрианос, Арголида	Крестьянин.
77	Манеси, Арголида	Партизан в Народно-освободительной армии Греции/Демократической армии Греции
78	Маландрени, Арголида	Глава деревенской ячейки Национально-освободительного фронта Греции, член Коммунистической партии Греции.
79	Капарели, Арголида	Глава деревенской ячейки Национально-освободительного фронта Греции.
80	Асини, Арголида	Крестьянин.
8	Панарити, Арголида	Сын главы деревенской ячейки Национально-освободительного фронта Греции.
82	Пулакида, Арголида	Партизан в Народно-освободительной армии Греции/Демократической армии Греции.
83	Пурнария, Аркадия	Партизан в Демократической армии Греции.
84	Пулакида, Арголида	Член Коммунистической партии Греции, затем диссидент; сотрудничал с батальонами безопасности.
85	Аргос, Арголида	Руководитель правой группировки.
86	Неа Тиринта, Арголида	Крестьянин.
87	Нафплио, Арголида	Учащийся.
88	Лефкакия, Арголида.	Крестьянин.
89	Хели, Арголида	Руководитель правого формирования.
90	Аттикия, Коринфия	Крестьянин.
91	Кария, Арголида	Кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции/член компартии
92	Мидеа, Арголида	Член Организации охраны народной борьбы.
93	Мидеа, Арголида	Крестьяне (групповое интервью).
94	Ираклион, Коринфия	Жандарм.
95	Метохи, Арголида	Крестьянин.

ПРИЛОЖЕНИЕ А: ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
96	Метохи, Арголида	Крестьянин.
97	Метохи, Арголида	Крестьянин.
98	Стемница, Аркадия	Крестьянин.
99	Фрусиуна, Арголида	Местный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
100	Фрусиуна, Арголида	Партизан в Народно-освободительной армии Греции.
101	Кефаловрисо, Арголида	Крестьянин.
102	Фихтия, Арголида	Местный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
103	Борса, Арголида	Крестьянин.
104	Мидса, Арголида	Крестьянин; сестра одного из руководителей в Организации охраны народной борьбы.
105	Амигдалица, Арголида	Партизан в Народно-освободительной армии Греции/Демократической армии Греции.
106	Амигдалица, Арголида	Крестьянин.
107	Инахос, Арголида	Партизан в Народно-освободительной армии Греции.
108	Анифи, Арголида	Крестьянин.
109	Лалука, Арголида	Сотрудничал с Национально-освободительным фронтом Греции; брат был партизаном Демократической армии Греции.
110	Лимнес, Арголида	Крестьянин.
111	Ирео, Арголида	Крестьянин.
112	Тристрато/Инахос, Арголида	Крестьянин.
113	Ахладокамбос, Арголида	Учащийся.
114	Ахладокамбос, Арголида	Местный лидер батальона безопасности.
115	Тристрато/Инахос, Арголида	Руководитель деревенской ячейки в Национально-освободительном фронте Греции; рядовой в Национальной армии.
116	Скинохори, Арголида	Крестьянин.

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
117	Кария, Арголида	Местный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
118	Ниохори, Арголида	Крестьянин.
119	Агия Триада, Арголида	Крестьянин.
120	Агия Триада, Арголида	Крестьянин.
121	Агия Триада, Арголида	Крестьянин.
122	Агия Триада, Арголида	Крестьянин.
123	Арголико, Арголида	Рядовой в элитной части.
124	Куртаки, Арголида	Местный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
125	Манеси/Куртаки, Арголида	Сотрудничал с Национально-освободительным фронтом Греции.
126	Неа Киос, Арголида	Местный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
127	Нео Ирсо, Арголида	Крестьянин.
128	Нео Ирсо, Арголида	Крестьянин.
129	Скафидаки, Арголида	Крестьянин.
130	Просимна, Арголида	Крестьянин.
131	Даламанара, Арголида	Крестьянин.
132	Монастираки, Арголида	Крестьянин.
133	Немеа, Коринфия	Крестьянин.
134	Агиос Николаос/Платани, Арголида	Крестьянин.
135	Агиос Николаос/Платани, Арголида	Крестьянин.
136	Неа Эпидаврос, Арголида	Крестьянин.
137	Неа Эпидаврос, Аргolidп	Крестьянин.
138	Неа Эпидаврос, Арголида	Крестьянин.
139	Асини, Арголида	Региональный военный командир батальона безопасности
140	Милой, Арголида	Сотрудничал с Национально-освободительным фронтом Греции.

ПРИЛОЖЕНИЕ А: ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
141	Пиргела, Арголида	Крестьянин.
142	Анифи, Арголида	Крестьянин.
143	Анифи, Арголида	Крестьянин.
144	Гимно, Арголида	Крестьянин.
145	Крионери/Келафари, Арголида	Крестьянин.
146	Крионери/Келафари, Арголида	Крестьянин.
147	Эллинико/Крионери, Арголида	Крестьянин.
148	Крионери/Зонга, Арголида	Крестьянин.
149	Партени, Аркадия	Партизан в Народно-освободительной армии Греции/Демократической армии Греции.
150	Араховица-Хохлия, Эвритания	Крестьянин.
151	Мавронорос, Янина	Крестьянин.
152	Нифи, Кефалония	Дочь местного кадрового военного в Национально-освободительном фронте Греции.
153	Дрепано, Арголида	Сын руководителя деревенской ячейки Национально-освободительного фронта Греции.
154	Кивери, Арголида	Руководитель деревенской ячейки в Национально-освободительном фронте Греции.
155	Кивери, Арголида	Крестьянин.
156	Кивери, Арголида	Крестьянин.
157	Немея, Коринфия	Кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции
158	Риза, Коринфия	Командир отделения в Организации охраны народной борьбы.
159	Алонакия, Козани	Крестьянин, затем жандарм.
160	Хели, Арголида	Рядовой батальона безопасности.
161	Агиос Стефанос, Арголида	Крестьянин.

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
162	Гимно, Арголида	Крестьянин.
163	Неа Зои, Иматия	Крестьянин.
164	Велвендо, Козани	Учащийся.
165	Салоники	Жандарм.
166	Салоники	Домохозяйка.
167	Омали, Козани	Крестьянин.
168	Омали, Козани	Крестьянин.
169	Гликокерасия, Козани	Крестьянин; член местного ополчения.
170	Велвендо, Козани	Учащийся.
171	Коррисос, Кастория	Местный кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
172	Ставрохори, Килкис	Крестьянин.
173	Фустани, Алмопия	Крестьянин.
174	Константия, Алмопия	Крестьянин.
175	Триопетра, Алмопия	Крестьянин.
176	Нотия, Алмопия	Партизан в «Народно-освободительной армии Греции» и Демократической армии Греции.
177	Экзаплатанос, Алмопия	Крестьянин.
178	Триопетра, Алмопия	Боец батальона безопасности, затем местного ополчения.
179	Ида, Алмопия	Крестьяне; солдаты в македонском батальоне Народно-освободительной армии Греции.
180	Периклейя, Алмопия	Крестьянин.
181	Орма, Алмопия	Крестьянин.
182	Хриси, Алмопия	Крестьянин.
183	Теодораки, Алмопия	Крестьянин.
184	Милия, Алмопия	Крестьянин.
185	Архаггелос, Алмопия	Крестьянин.
186	Поликарпи, Алмопия	Крестьянин.
187	Филотейя, Алмопия	Крестьянин.

ПРИЛОЖЕНИЕ А: ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
188	Ризохори, Алмопия	Крестьянин.
189	Ксифиани, Алмопия	Кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
190	Ксифиани, Алмопия	Крестьянин.
191	Ксифиани, Алмопия	Кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции.
192	Аридайя, Алмопия	Аридайя, Алмопия
193	Тсакой, Алмопия	Сотрудничал с Национально-освободительным фронтом Греции.
194	Хрися, Алмопия	Партизан в Демократической армии Греции.
195	Алоро, Алмопия	Партизан в Народно-освободительной армии Греции.
196	Ниохори, Алмопия	Ниохори, Алмопия. Крестьянин.
197	Ниохори, Алмопия	Кадровый военный в Национально-освободительном фронте Греции; партизан в Народно-освободительной армии Греции.
198	Ворино, Алмопия	Лидер местного ополчения; деревенский староста.
199	Неромилос, Алмопия	Крестьянин.
200	Продромос, Алмопия	Сотрудничал с Национально-освободительным фронтом Греции.
201	Доротейя, Алмопия	Крестьянин.
202	Аридайя, Алмопия	Торговец.
203	Соссандра, Алмопия	Крестьянин.
204	Соссандра, Алмопия	Кадровый военный, участвовал от деревни в Национально-освободительном фронте Греции.
205	Милия, Промахой, Алмопия	Крестьянин.
206	Промахой, Алмопия	Крестьянин.
207	Промахой, Алмопия	Крестьянин.
208	Нафплио, Арголида	Горожанин.
209	Асини, Арголида	Крестьянин.

ЛОГИКА НАСИЛИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

№	Родной населенный пункт респондента	Краткая характеристика респондента
210	Нафплио, Арголида	Торговец.
211	Лигурио, Арголида	Крестьянин.
212	Бутия (Ира), Арголида	Руководитель деревенской ячейки в Национально-освободительном фронте Греции.
213	Бутия (Ира), Арголида	Крестьянин.
214	Нафплио, Арголида	Член отряда Организации охраны народной борьбы.
215	Нафплио, Арголида	Дочь лидера Национально-освободительного фронта Греции.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ОБРАБОТКА ДАННЫХ

В.1. Деревни

Арголида (в 1940 г. это была определенная часть Арголидо-Коринфской префектуры) подразделялась на три округа: Аргос, Нафплия и Эрмионидо-Тризиния. Дабы восстановить картину, я изучал округа Аргос и Нафплия, в которые в 1940 г. входили два муниципальных образования (столица округа Нафплио и главный торговый город Аргос), а также 58 «коммун» (*koinotites*) (19 из которых состояли более чем из одного поселения). Общее число изученных «деревень» составило 61. Данного показателя я достиг следующим образом. Во-первых, я включил в исследования все коммуны за исключением двух, Трахеи и Адами, расположенных на восточной границе округа Нафплия и тесно связанных с деревнями Эрмионидо-Тризинии. Во-вторых, я считал деревнями все мелкие деревушки, не имеющие административной автономии, в том случае, если их население превышало 200 человек. Из этого правила было 7 исключений. С одной стороны, я включил туда одну деревушку с населением менее 200 человек (Амигдалица) на основании ее удаленного расположения и относительной политической независимости; с другой стороны, я исключил из рассмотрения 4 деревни с населением (немногим) более 200 человек (Хуталейка, Агиос Димитриос, Стерна и Каламаки) по аналогичным причинам: в то время они естественным образом входили в центральную деревню коммуны, и я посчитал их приданными ей. В таблице В.1 содержатся основная описательная информация по всем деревням, в таблице В.2 — информация о шести экологических кластерах, а в таблице В.3 перечислены независимые переменные, соответствующие деревням и используемые в различных процедурах анализа. Наконец, в таблице В.4 имеется список не вошедших в выборку деревень в разных частях Греции, к которому я прибегаю, чтобы проверить репрезентативность выборки из Арголиды.

Из квантитативного анализа я исключил два города — Аргос и Нафплио: в отношении их оказалось гораздо труднее восстанавливать на микроуровне городские события, нежели деревенские. В отличие от деревень, города в 1949 г. значительно изменились, за счет чего разделить местность на зоны по наличию контроля, хотя и следовало бы, но невозможно. Более того, невероятно трудно присвоить точный уровень контроля, учитывая городскую плотность и размытость границ городских окраин. Так или иначе, мне удалось предварительно установить уровень смертности для обоих городов, по большей части полагаясь на имеющиеся неполные реестры гражданских лиц; я также включил в повествование события, происходившие в этих двух городах. Общие схемы насилия в них в целом согласуются с теорией, и их исключение из рассмотрения не влияет на достоверность результата.

ТАБЛИЦА В.1
Деревни, включенные в исследование по Арголиде

Название	Округ	Высота над уровнем моря (м)	Население (перепись 1940)	Кол-во жертв
Ахладокамбос	Аргос	479	1926	67
Агия Триада (Мербака)	Нафплия	30	1165	5
Агиос Адрианос (Катсигри)	Нафплия	80	1114	12
Агиос Николаос	Аргос	760	244	14
Агиос Стефанос	Аргос	700	325	15
Алеа (Бойати)	Аргос	280	705	6
Амигдалица (Барди)	Нафплия	200	114	8
Анифи	Нафплия	30	936	14
Арахнео (Гели)	Нафплия	600	1930	92
Арголико (Кутси)	Нафплия	20	704	0
Ария	Нафплия	40	654	0
Асини	Нафплия	50	1171	10
Борсас	Аргос	230	168	1

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ОБРАБОТКА ДАННЫХ

Название	Округ	Высота над уровнем моря (м)	Население (перепись 1940)	Кол-во жертв
Даламанара	Аргос	10	767	1
Димена	Нафплия	190	254	0
Дука Вриси	Аргос	480	245	3
Дрепано	Нафплия	20	1532	2
Эллинико	Аргос	250	349	3
Экзохи (Татси)	Аргос	760	232	0
Фихти	Аргос	100	751	5
Фрусиуна	Аргос	760	437	4
Гимно	Аргос	430	691	5
Инахос (Пасса)	Аргос	40	574	3
Ира (Бутия)	Аргос	18	494	0
Ирео (Гоника)	Аргос	25	252	8
Ирия	Нафплия	20	292	0
Капарелли	Аргос	380	387	17
Кария	Аргос	700	1930	42
Келафари	Аргос	20	409	2
Кефаловрисо (Пано Белеси)	Аргос	750	445	14
Кивери	Аргос	40	769	4
Куртаки	Аргос	15	371	0
Кутсоподи	Аргос	40	1600	5
Крионери	Аргос	960	244	6
Лалукас	Аргос	14	559	0
Лефкакья (Специку)	Нафплия	40	759	8
Лигурио	Нафплия	370	1491	10
Лимнес	Аргос	520	1555	104
Лиркия (Белеси)	Аргос	250	1102	25
Маландрени	Аргос	300	883	29

Название	Округ	Высота над уровнем моря (м)	Население (перепись 1940)	Кол-во жертв
Манесис	Нафплия	70	602	9
Мидеа (Гербеси)	Нафплия	120	470	50
Микинес (Гарвати)	Аргос	110	342	4
Мили	Аргос	15	438	3
Монастираки (Прифтиани)	Аргос	90	284	7
Неа Эпидаврос (Пиада)	Нафплия	100	1327	14
Неа Киос	Аргос	10	1899	8
Неа Тиринта (Кофини)	Нафплия	30	1686	2
Нео Ирео (Аадибеи)	Аргос	30	470	1
Ниохори Аргос 700 250 6	Аргос	700	250	6
Палия Эпидаврос	Нафплия	370	761	4
Панарити	Нафплия	45	556	1
Пиргела	Аргос	15	578	1
Пиргиотика	Нафплия	120	201	0
Пулакида	Нафплия	45	595	6
Просимна (Бербати)	Аргос	250	979	19
Скафидаки	Аргос	50	598	3
Скинохори	Аргос	260	575	25
Скотини	Аргос	690	890	7
Толо	Нафплия	10	604	2
Врусти	Аргос	660	451	6

Прим.: В круглых скобках — старые названия, которые все еще в ходу у местных.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ОБРАБОТКА ДАННЫХ

ТАБЛИЦА В.2
Экологические кластеры

Кластеры	Деревни
Глубокая измененность	Агия Триада, Арголико, Ария, Даламанара, Ира, Ирео, Келафари, Куртаки, Лалукас, Неа Киос, Неа Тиринта, Панарити, Пиргела, Пулакида
Внешняя равнинная зона	Анифи, Асини, Эллинико, Фихти, Инахос, Микинес, Нео Ирео, Агиос Адрианос, Кивери, Кутсоподи, Лэфкакия, Мили, Панарити, Пиргиотика, Пулакида, Монастираки, Скафидаки
Восточные горы	Амигдалица, Просимна, Мидеа, Арахнео, Лимнес, Манесис
Западные горы	Ахладокамбос, Борсас, Капарелли, Лиркия, Маландрени, Скинохори.
Восточная равнина	Димена, Дрепано, Ирия, Неа Эпидаврос, Паляя Эпидаврос, Лигурио, Толо
Высокогорье	Агиос Николаос, Агиос Стефанос, Алеа, Дука Вриси, Фрусиуна, Гимно, Кария, Кефаловрисо, Крионери, Ниохори, Скотини, Экзохи, Врусти

ТАБЛИЦА В.3
Независимые переменные

Переменная	Диапазон	Источник
Зоны контроля 2 и 4 (фиктивн.: 1 в зоне контроля 2 или 4)		Собственные расчеты на базе материала из Исторического архива Арголиды и интервью
Население (1940)	Средн.: 739 Мин.: 114 Макс.: 1,930	Перепись населения (1940)
Уровень образования (учащихся средней школы на душу населения)	Средн.: 0.66 Мин.: 0 Макс.: 3.7	Школьные архивы, документация из старших классов Аргоса и Нафплио, Исторический архив Арголиды
Высота над уровнем моря (м)	Средн.: 238 Мин.: 10 Макс.: 960	Miliarakis 1886; Stamatelatos, Vamva-Stamatelatou 2001

Переменная	Диапазон	Источник
Удаленность от ближайшего города	Средн.: 2 ч 50 мин. Мин.: 15 мин. Макс.: 8 ч. 30 мин.	Miliarakis 1886; Anagnostopoulos, Gagalis 1938
Довоенный конфликт: судебных дел на душу населения (1935–1939)	В среднем: .06 Мин.: .01 Макс.: .24	Архивы общегражданского суда Нафплио, Исторический архив Арголиды
Косвенные данные по ВВП (интервальная переменная; наиболее богатая из деревень = 3)		Собственные расчеты на основе данных по д. Анагностопулос и Гагалис (1938)

В.2. Гражданские лица

Хорошо известно, что гражданская война размывает различия между комбатантами и нонкомбатантами, так что эти определения часто оказываются взаимозаменяемыми. Выражаясь словами одного бывшего партизана на Филиппинах, «днем мы были крестьяне, а по ночам партизаны» (Kerkvliet 1977: 70). Жозеф Клеменсо (Clemenceau 1909: 8) дает описание повстанцев в Вандее, которое предвосхитило десятки подобных описаний участников относительно недавних гражданских войн: «После боя, победителями либо побежденными, они шли обратно домой, принимались за обычные дела — в поле ли, в лавке, каждое мгновение готовые вновь идти в бой». Естественно, что однозначного разделения между комбатантами и нонкомбатантами не существует. Разрешить эту проблему не так просто, учитывая, что сотрудничество с вооруженной группировкой — широко распространенный и часто вынужденный шаг. Поскольку в мои задачи входит не установить юридическую или моральную ответственность за эти действия, а по большей части дать толкование насилию, происходящему за пределами поля боя, я выбрал более широкое определение нонкомбатантов как индивидуумов, не состоящих в той или иной группировке на постоянной основе в качестве вооруженных бойцов. Под данное определение подпадают коллаборационисты всех мастей, людей, временно сражавшихся и убитых вне поля боя, а также невооруженных пленных.

ТАБЛИЦА В.4
Деревни в разных областях Греции

Название	Высота над уровнем моря (м)	Население (1940)	Префектура	Регион	Источник
Палеоксари	660	454	Фокида	Центр	Andreopoulou 1999
Карпофора	100	195	Мессиния	Юг	Aschenbrenner 1987
Палеохори	300	200	Теспротия	Север	Ballios 1999
Фурци	300	461	Мессиния	Юг	Balta 2002
Месохора	800	541	Трикала	Центр	Varoutas 1998
Пурния	900	438	Янина	Север	Christidis 1991
Калаподи	350	837	Фтиодиды	Центр	Dalianis 1998
Гревенити	980	796	Янина	Север	Damianakos 1996
Пури	400	846	Магнисия	Центр	Diamantakos 1997
Христианой	400	372	Мессиния	Юг	Dimitropoulos б.д.
Фарса	120	498	Кефалония	Запад	Drakatos 1999
Амбели	600	144	Эвия	Центр	du Boulay 1974
Фурка	1360	808	Янина	Север	Exarchos 1987
Агнанта	660	829	Арта	Север	Filos 1991
Лиа	660	787	Теспротия	Север	Gage 1984
Алона	1000	991	Флорина	Север	Gali 1999
Родохори	730	258	Козани	Север	Gavanas 1999
Паракаламос	400	1454	Янина	Север	Gogos 1995
Ливади	1160	3199	Лариса	Центр	Goumas 1973
Рендина	900	1786	Кардица	Центр	Haidas 1999
Капсас	700	1170	Аркадия	Юг	Halkiopoulos 2000
Атани	340	737	Лефкада	Запад	Halkiopoulos 2000
Крионери	680	326	Мессиния	Юг	Hunter 2003
Кастания	950	656	Эвритания	Центр	Hunter 2003

Название	Высота над уровнем моря (м)	Население (1940)	Префектура	Регион	Источник
Дитики Франгиста	710	785	Эвритания	Центр	Hunter 2003
Паппаруси	700	391	Эвритания	Центр	Hunter 2003
Заравина	580	415	Янина	Север	Hunter 2003
Эвандро	680	175	Аркадия	Юг	I-10
Немея	320	4247	Коринфия	Юг	I-133; I-157
Партени	680	1439	Аркадия	Юг	I-149
Мавронорос	900	317	Янина	Север	I-151
Алонакия	710	592	Козани	Север	I-159
Неа Зои	130	344	Пелла	Север	I-163
Велвендо	420	3614	Козани	Север	I-164; I-170
Омали	780	387	Козани	Север	I-167; I-168
Гликокерасия	800	125	Козани	Север	I-169
Ставрохори	110	3108	Кылкис	Север	I-172
Элефтерохори	60	332	Кылкис	Север	I-172
Элеохори	530	836	Аркадия	Юг	I-22; I-24; I-25
Кастри	920	1868	Аркадия	Юг	I-26; I-27; I-28; I-29; I-35; I-36; I-37
Платаноревма	490	242	Козани	Север	I-3
Никити	40	1738	Халкидики	Север	I-32; I-33
Тсерия	600	360	Мессиния	Юг	I-39; I-40
Камбос	300	553	Мессиния	Юг	I-41
Малта	330	226	Мессиния	Юг	I-42
Вромовриси	370	65	Мессиния	Юг	I-43
Копанаки	190	953	Мессиния	Юг	I-44
Гандринос	320	1007	Мессиния	Юг	I-45

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ОБРАБОТКА ДАННЫХ

Название	Высота над уровнем моря (м)	Население (1940)	Префектура	Регион	Источник
Гралиста	560	1045	Кардица	Центр	I-48
Неос Пиргос	5	1247	Эвия	Центр	I-49
Зудохос Пиги	190	447	Лариса	Центр	I-50
Керасия	800	122	Ахайя	Юг	I-51
Лехури	980	453	Ахайя	Юг	I-51
Ливарци	932	850	Ахайя	Юг	I-51
Ираклио	340	534	Коринфия	Юг	I-112
Кораковуни	60	642	Аркадия	Юг	I-64
Каливия	850	1073	Коринфия	Юг	I-65; I-68; I-69
Ассирос	180	1635	Салоники	Север	Karakasidou 1997
Агия	200	2910	Лариса	Центр	Kardaras 1982
Меркада	850	531	Фтиотис	Центр	Katsoyannos 1994
Элафотопус	1100	391	Янина	Север	Kikopoulos 1991
Дафни	600	550	Эвритания	Центр	Kolimmenos, б.д.
Артемисио	680	1143	Аркадия	Юг	Koutelos 1999
Хрисо	720	487	Эвритания	Центр	Koutelos 1999
Симиадес	720	447	Аркадия	Юг	Koutelos 1999
Креммиди	280	153	Кефалония	Запад	Kremidas 1999
Агиос Василиос	670	460	Аркадия	Центр	Latsis 1991
Агиос Георгиос	120	532	Магнисия	Север	Liapis 1994
Нимфео	1350	929	Флорина	Север	Loustas 1988
Гардики	1000	1183	Фтиотида	Центр	Maloukos 1992
Амигдалия	620	1013	Фокида	Центр	Manetas 1996
Мантамадос	140	2839	Лесвос	Восток	Marantzidis 1997
Георгианой	440	398	Имантия	Север	Marantzidis 1997

Название	Высота над уровнем моря (м)	Население (1940)	Префектура	Регион	Источник
Герания	460	464	Лариса	Центр	Marantzidis 1997
Скала	100	1054	Мессиния	Юг	T. Margaritis 1995
Лофискос	56	114	Лариса	Центр	McNeill 1978
Палайя Коринф	70	1389	Коринфия	Юг	McNeill 1978
Метони	85	791	Пиерия	Север	McNeill 1978
Керасия	120	295	Магнисия	Север	McNeill 1978
Котас	890	586	Флорина	Север	McNeill 1978
Месеникола	700	1450	Кардица	Центр	Militsis 1997
Арбунас	700	22	Ахайя	Юг	Nasiopoulos 1996
Псатотопи	6	322	Арта	Север	фонд NEF
Калохори	7	1373	Салоники	Север	фонд NEF
Антили	8	1463	Фтиотис	Север	фонд NEF
Кимина	8	2175	Салоники	Север	фонд NEF
Неохори	10	2421	Этолоакар- нания	Центр	фонд NEF
Гурия	15	880	Этолоакар- нания	Центр	фонд NEF
Эвинохори	15	590	Этолоакар- нания	Центр	фонд NEF
Вамвакия	150	539	Серрес	Север	фонд NEF
Муссуница	860	339	Фокида	Центр	фонд NEF
Неа Нико- димия	25	841	Имантия	Север	фонд NEF
Дафнон	160	1490	Ксанти	Север	фонд NEF
Тсукка	600	1024	Фтиотис	Центр	фонд NEF
Котили	1200	57	Кастория	Север	фонд NEF
Атира	30	1542	Пелла	Север	Nikolaidis 1977
Месия	30	433	Кылкис	Север	Nikolaidis 1977

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ОБРАБОТКА ДАННЫХ

Название	Высота над уровнем моря (м)	Население (1940)	Префектура	Регион	Источник
Агиос Петрос	30	1435	Килкис	Север	Nikolaidis 1977
Дистрато	1000	1033	Янина	Север	Nikou-Stolou 1999
Крестена	100	3154	Илия	Юг	Notias 1999
Кардамила	80	2837	Хиос	Восток	Notias 1999
Спилия	820	394	Козани	Север	Notias 1999
Арна	780	874	Лакони	Юг	Notias 1999
Морфи	860	329	Козани	Север	Notias 1999
Лехово	900	1477	Флорина	Север	Oikonomou 1976
Палумба	740	461	Аркадия	Юг	Papachristou 1994
Харокопио	130	1080	Мессиния	Юг	Pasagiotis 1998
Инои	730	900	Кастория	Север	Pelagidis 1996
Спецес	20	3612	Пирей	Юг	Perrakis 2004
Петрина	220	942	Лакония	Юг	Poulimenakos 1989
Элос	5	1141	Лакония	Юг	Rouvclas 1999
Агиос Гараламбос	880	295	Эвритания	Центр	Sakkas 2000
Агия Триада	770	773	Эвритания	Центр	Sakkas 2000
Петралона	297	900	Эвритания	Центр	Sakkas 2000
Домиани	660	698	Эвритания	Центр	Sakkas 2000
Враха	880	857	Эвритания	Центр	Sakkas 2000
Фурна	840	1591	Эвритания	Центр	Sakkas 2000
Хохлия	920	357	Эвритания	Центр	Sakkas 2000; I-150
Клейстос	920	1489	Эвритания	Центр	Sakkas 2000; Zevgaras 1999
Корисхадес	940	380	Эвритания	Центр	Sarris 1998
Коскинас	70	263	Илия	Юг	Skaltsas 1994
Теодориана	940	1410	Арта	Север	Skoutelas 1994

Название	Высота над уровнем моря (м)	Население (1940)	Префектура	Регион	Источник
Кароплеси	910	820	Кардица	Центр	Souflas 1991
Сами	10	912	Кефалония	Запад	Spathis 1999
Атаманио	750	602	Арта	Север	Stasinis 2000
Вамваку	800	837	Лакония	Юг	Stavropoulos 1989
Комботи	90	1822	Арта	Север	Tatsiopoulos 1971
Гелидона	600	265	Эвритания	Центр	Triantafyllis 1997
Зиака	900	830	Гревена	Центр	van Boeschoten 1997
Москопотамос	460	1807	Пиерия	Север	Varmazis 2002
Зевголатио	30	2552	Коринфия	Юг	Velentza 1999
Амбелофито	50	1000	Серрес	Север	Vermeulen 1993
Кертези	850	1442	Ахайя	Юг	Voryllas 1994
Ахладия	540	355	Трикала	Центр	Vourlas 1992
Маратя	800	534	Эвритания	Центр	Vrana 1999

В.3. Насильственная смерть

В Главе 1 я объясняю, что в центре моего внимания — случаи насильственной смерти, убийства. По Арголиде скольконибудь полного перечня убийств не существует. Кодировал, исходя главным образом из судебной хроники и гражданских реестров, которые вели в деревне; данные сведения я сличал со списками жертв, составленными Антонопулосом (Antonopoulos 1964), Папалилисом (Papalilis 1980), а также именами из краеведческих хроник, мемуаров, с мемориальных досок и надгробных памятников, наконец, из моих собственных интервью. Информацию о убийстве я включал в набор данных, если она присутствовала в судебных хрониках, гражданских реестрах, или списках Антонопулоса, которые тот составил на основе официальных источников. Массив данных я скорректировал по двум аспектам: во-первых,

исключил 13 смертей в 5 деревнях (Инахос, Ира, Лефкакия, Пулакида и Крионери), так как они произошли непреднамеренно (то были аресты, в ходе которых было четко обозначено намерение брать живыми, а также несчастные случаи). Во-вторых, я зафиксировал 5 смертей в одной деревне (Ирео), которых на самом деле не было: людей готовили к казни, но им удалось в последний момент бежать.

Данные корректировки не влияют на кодовый статус деревни — я ее считаю воинствующей или невоинственной вне зависимости от них; если и есть влияние на статус, то оно мои прогнозы не подтверждает, а скорее опровергает (например, Ирео включается в зону 3 в момент времени t_1 , когда состоялись запланированные казни).

В.4. Тип насилия

Главное разграничение при категоризации насилия — его подразделение на селективное и неизбирательные. Я присваивал убийству статус избирательного в случае, если есть свидетельства индивидуализированного отбора: сюда входят случаи, когда прибегают к поимённому списку, когда открыто пользуются услугой информатора, когда сначала устанавливают личность, после чего следует арест, или же когда арест связан с допросом. Поскольку невозможно получить доступ ко всем процедурам и поименным спискам, бывшим в распоряжении той и другой стороны, быть до конца уверенным в избирательности таких действий невозможно, но косвенные свидетельства тому весьма убедительны. В случаях, когда в ходе расследования не появлялось никаких свидетельств индивидуализированного отбора или когда имелось свидетельство отбора по коллективному признаку, я присваивал акту насилия статус неизбирательного. Например, немцы перед атакой часто делали предупреждение о том, что насилие будет применяться неизбирательно. Расследование нацистских операций, имевших место в мае—июне 1944 г., проведенное германским военным трибуналом в 1960-е гг. (ZSt. V 508 AR 2056/67 (Аргос), подкрепляет устные воспоминания и свидетельства, прозвучавшие в ходе послевоенных судебных процессов в Греции, о том, что характер некоторых убийств был в чистом виде неизбирательным: по людям, убегающим в поля, случайным образом открывали пулеметный огонь,

жителей деревень и пленных расстреливали также без какого либо предварительного отбора. Актами неизбирательного насилия я также считал такие инциденты, как стрельба на КПП. Если точнее, моя кодировка охватывала избирательность и неизбирательность насилия в соответствии с восприятием людей, что согласуется с моей теорией. Возьмем в качестве примера деревню Анифи, о которой я вкратце упомянул в Главе 9. В апреле 1944 г. немцы провели в деревне операцию и, опираясь на показания анонимного доносчика, арестовали и затем расстреляли нескольких человек. Перед нами пример насилия селективного.

В мае того же года немцы ввели комендантский час и объявили, что каждый, кого увидят на улице после 6 вечера, будет застрелен. Четверо мужчин сидели рядом с домом и беседовали; мимо проезжала немецкая машина; немецкий солдат опустил стекло и расстрелял сидящих (I-108). В данном случае перед нами пример неизбирательного насилия.

Были случаи, которые не так просто было определить в какую-либо из категорий. Так, имели место аресты и убийства отдельных людей, в отношении которых никаких сведений о списках, доносчиках или же об аналогичных акциях у меня не оказалось. Мои информанты почти всегда знали, кто на кого донес, однако данное знание они, вполне возможно, получили постфактум. Обычно при кодировании таких случаев я полагался на всю информацию, которую собрал по данной деревне. Например, немцы 21 мая 1944 г. застрелили трех человек в деревне Пасса (ныне Инахос). Из толпы мужчин были выбраны 20 человек, из них застрелили трех. Один из них был активист в Национально-освободительном фронте Греции, но двое других в нем не состояли. Мои первоначальные интервью не позволяли мне с достаточной долей уверенности утверждать, были ли рассматриваемые убийства актами селективного или неизбирательного насилия, хотя информант сообщил, что на этих троих донесли. Впоследствии моим собеседником был член Национально-освободительного фронта Греции из соседней деревни, который рассказал о случившемся в больших подробностях и назвал имя предполагаемого доносчика. (I-115). Также из другого интервью выяснилось, что деревню накануне вечером прочесывали немецкие солдаты, проверяли удостоверения личности и сверяли со списком, в котором были фотографии (I-107). На этом основании я присвоил

данным убийствам статус случаев селективного насилия, по крайней мере, из беседы выходило, что люди воспринимали эти действия именно как селективные.

В.5. Контроль

Кодирование зон контроля осуществлялось по следующему протоколу.

Зона 1: комбатанты, сражающиеся за действующую власть, постоянно дислоцированы либо на расстоянии часового перехода, либо в часе ходьбы от нее; эти военные и администраторы действуют беспрепятственно в любое время суток; действий повстанцев не зафиксировано; тайные повстанческие организации либо разгромлены, либо их никогда не существовало.

Зона 2: правительственные войска также постоянно дислоцированы в деревне или на расстоянии часового перехода; правительственные войска и администрация действуют беспрепятственно в любое время суток; в деревне действуют подпольные организации повстанцев; проходят подпольные собрания; боевики повстанцев периодически совершают вылазки по ночам.

Зона 3: правительственные войска постоянно дислоцированы в деревне либо на расстоянии часового перехода, однако не могут беспрепятственно совершать перемещения по ночам; правительственные чиновники обычно не ночуют дома; действуют организаторы повстанцев; повстанцы по ночам регулярно проводят подпольные собрания; боевики регулярно приходят по ночам в деревню.

Зона 4: В деревне или рядом с ней постоянно находятся войска повстанцев; войска и администрация повстанцев действуют беспрепятственно днем и ночью; в деревне действуют тайные проправительственные организации и/или проходят подпольные собрания и/или периодически в деревню заглядывают правительственные войска.

Зона 5: Войска повстанцев постоянно дислоцированы в деревне или неподалеку; войска и администрация повстанцев действуют беспрепятственно в дневное и ночное время; деятельности проправительственных сил не зафиксировано; подпольные проправительственные организации либо никогда не существовали либо полностью ликвидированы.

0: деревня полностью разрушена / оставлена жителями.

Соответствующая информация была отобрана как из устных, так и из письменных источников (судебные протоколы; греческие, британские и немецкие военные протоколы; красневдческая информация).

Вследствие относительно малой продолжительности войны и ее территориальной ограниченности, материал, получаемый в ходе интервью, как правило, совпадает с письменными источниками. Если материал противоречив и малоубедителен, то я приписывал деревню к той же зоне контроля, что и ближайшую из соседних с ней. В большинстве случаев по показателям контроля существовала тесная взаимозависимость между всеми шестью экологическими кластерами деревень. В деревнях одного региона смещение контроля происходило примерно в одно время и в основном в едином направлении. Стоит заметить, что перед нами пример не пространственной автокорреляции, а единого подхода, применяемого сразу к целому набору единиц. Из этой тенденции есть исключения, в основном связанные с частными особенностями.

Например, все деревни восточного хребта в момент t_4 приписываются к зоне 4; исключение составляют две: Арахнео (Гели) находится в зоне 5, а Манеси — в зоне 3. Деревня Арахнео, наиболее изолированная из всех, стала объектом вылазок повстанцев, которые казнили всех своих противников и обратили в бегство всех, кто не попал к ним в руки; теперь деревня под их контролем; деревня Манеси находится в 10 минутах езды от деревни Агия Триада, где были дислоцированы немцы; последние взяли за правило навещать в Манеси чуть ли не каждый день. Следуя той же логике, я присваиваю деревне Фихти в момент t_1 статус «зона 3», в отличие от окружающих ее деревень, расположенных в четвертой зоне. Причина в том, что ввиду наличия железнодорожной станции немцы постоянно держали в деревне небольшое подразделение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Первичные и неопубликованные источники

1.1 Архивы

- Archive of Contemporary Social History (ASKI), Athens
- Archive of the Communist Party of Greece (ККЕ)
- Directorate of Army History (DIS), Athens
- Archive of National Resistance (1941–4) (AEA)
- Eric Gray Newspaper Collection, Christ Church Library, Oxford
- Historical Archive of the Argolid (HAA), Nafplio
- Municipal Archives of Nafplio (DAN)
- Nafplio Three-member (Trimeles) Court of Appeals (Indictment Files) (ATEN) (DIK. 1.2.2)
- Nafplion Five-member (Pentameles) Court of Appeals (Minutes-Decisions) (APEN) (DIK. 1.4.2)
- Nafplion Criminal Court (Indictment Files) (AKN) (DIK. 1.5.1)
- Nafplion Criminal Court (Minutes-Decisions) (AKN) (DIK. 1.5.2)
- Tripolis Criminal Court (Indictment Files) (AKT) (DIK. 1.6.1)
- Tripolis Criminal Court (Minutes-Decisions) (AKT) (DIK. 1.6.2)
- Sparta Criminal Court (Indictment Files) (AKS) (DIK. 1.9.1)
- Sparta Criminal Court of (Minutes-Decisions) (AKS) (DIK. 1.9.2)
- Gytheion Criminal Court (Indictment Files) (AKG) (DIK. 1.12.1)
- Gytheion Criminal Court (Minutes-Decisions) (AKG) (DIK. 1.12.2) Special Court of Collaborators (EDD) (DIK. 1.16.1)
- National Archives and Records Administration (NARA), Washington D.C.
- Allied Mission for Observing the Greek Elections (AMFOGE I and II), Retired Lot Files of NEA/GTI, Lot M-72, 62 A 624
- General Records of the Department of State, Decimal File 1945–9
- Near East Foundation, New York
- Village Social Organization in Greece
- Public Records Office (PRO), Kew Gardens
- Foreign Office Records (FO series)

Special Operations Executive Records (HS series)
 Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen (ZSt.), Ludwigsburg V 508
 AR 2056/67 (Argos)

1.2 Неопубликованные научные работы

Harisis Asimopoulos, Velvendo, Kozani
 Kiriakos Dimitropoulos, Christianoi, Messinia
 Petros S. Hasapis, Kiveri, Argolid
 Efthimiós Katsoyannos, Kleisto, Evritania
 Ioannis G. Kolimenos, Dafni, Evritania
 Panayotis Kondylis, Ancient Olympia, Ilia
 Andreas Kranis, Argos, Argolid
 Panayotis Lilis, Midea, Argolid
 Yannis Nassis, Malandreni, Argolid
 Dimitris Oikonomou, Heli, Argolid
 Ioannis Petrou, Didyma, Argolid
 Anastasios Rodopoulos, Neochori, Aridaia
 Thanasis Siaterlis, Poulakida, Argolid
 Giorgos Stamatiou, Spetses, Argosaronikos
 Petros E. Tavoulaareas, Tseria, Messinia

1.3 Студенческие исследовательские работы (история деревни)

Angeliki Andreopoulou, University of Athens, 1999
 Vassiliki Ballios, New York University, 1999
 Gerasimos Drakatos, University of Athens, 1999
 Sofia Gali, University of Athens, 1999
 Thomas Haidas, University of Athens, 1999
 Olga Halkiopoulos, New York University, 2000
 Dorothea Hunter, University of Chicago, 2003
 Kali Koutelos, New York University, 1999
 Evangelia Kremidas, New York University, 1999
 Katerina Nikou-Stolou, University of Athens, 1999
 Carol Notias, New York University, 1999
 Helen Rouvelas, New York University, 1999
 Evangelos Spathis, University of Athens, 1999
 Ioanna Velentza, University of Athens, 1999
 Elsa A. Vrana, University of Athens, 1999
 Ioanna Zevgaras, New York University, 1999

2. Греция и гражданская война в Греции

2.1. Общее

Andrews, Kevin. 1984. *The Flight of Ikaros*. London: Penguin.

Antoniou, Giorgos. 2001. *The Importance of Interwar Communism in the Spread of the Resistance Movement (EAM)*. Unpublished paper, European University Institute.

Antonopoulos, Kosmas E. 1964. *Ethniki Antistasis 1941–1945* [National Resistance, 1941–1945]. 3 vols. Athens.

Baerentzen, Lars. 1982. *British Reports on Greece 1943–44* by J. M. Stevens, C. M. Woodhouse and D. J. Wallace. Copenhagen: Museum Tusulanum Press.

Campbell, John, and Philip Sherrard. 1968. *Modern Greece*. New York: Praeger.

Capell, Richard. 1946. *Simiomata: A Greek Note Book, 1944–1945*. London: MacDonal.

Close, David H. 1995. *The Origins of the Greek Civil War*. London: Longman.

Condit, D. M. 1961. *Case Study in Guerrilla War: Greece during World War II*. Washington, D.C.: Special Operations Research Office, American University.

Danforth, Loring M. 1995. *Macedonian Conflict: Ethnic Nationalism in a Transnational World*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Delaportas, Pavlos G. 1978. *To simiomatario enos Pilatou* [The notebook of a Pilatus]. Athens: Themelio.

Dordanas, Efstratios N. 1996. *I periochi tis Thessalonikis kai tis evriteris Makedonias kato apo ti Germaniki katochi, 1941–1943* [The Thessaloniki and wider Macedonia are under German occupation, 1941–1943]. Unpublished paper, Department of History, Aristoteleian University of Thessaloniki.

Fleischer, Hagen. 1979. *Antipoina ton germanikon dinameon katochis stin Ellada 1941–1944* [Reprisals of the German occupation forces in Greece, 1941–1944]. *Mnimon* 7:182–95.

Gardner, Hugh H. 1962. *Guerrilla and Counterguerrilla Warfare in Greece, 1941–1945*. Washington, D.C.: Office of the Chief of Military History, Department of the Army.

Gerolymatos, André. 2004. *Red Acropolis, Black Terror: The Greek Civil War and the Origins of Soviet-American Rivalry, 1943–1949*. New York: Basic Books.

Gerolymatos, André. 1984. *The Role of the Greek Officer Corps in the Resistance*. *Journal of the Hellenic Diaspora* 11, 3:69–79.

Hammond, N. G. L. 1993. *The Allied Military Mission and the Resistance in Western Macedonia*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies.

Hondros, John L. 1993. *Occupation and Resistance: The Greek Agony, 1941–1944*. New York: Pella.

Jones, Howard. 1989. "A New Kind of War": America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece. New York: Oxford University Press.

Kalyvas, Stathis N. 2000. Red Terror: Leftist Violence during the Occupation. In Mark Mazower (ed.), *After the War Was Over: Reconstructing Family, State, and Nation in Greece, 1944–1960*, 142–83. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Kalyvas, Stathis N. 1997. Polarization in Greek Politics: PASOK's First Four Years, 1981–1985. *Journal of the Hellenic Diaspora* 23, 1:83–104.

Karakasidou, Anastasia N. 1997. *Fields of Wheat, Hills of Blood: Passages to Nationhood in Greek Macedonia, 1870–1990*. Chicago: University of Chicago Press.

Kofos, Evangelos. 1993. Nationalism and Communism in Macedonia: Civil Conflict, Politics of Mutation, National Identity. New Rochelle, N.Y.: A. D. Caratzas.

Koliopoulos, Ioannis S. 1999. *Plundered Loyalties: Axis Occupation and Civil Strife in Greek West Macedonia, 1941–1949*. London: Hurst.

Marantzidis, Nikos. 2001. *Yasasin Millet, Zito to Ethnos. Prosfygia, katohi kai emfylios: Ethnotiki taftotita kai politiki symperifora stous tourkofonous elinorthodoxous tou Dytikou Pontou [Yasasin Millet, long live the nation: Uprooting, occupation, and civil war: Ethnic identity and political behavior in the Turkish-Speaking Greek-Orthodox of Western Pontos]*. Irakleio: University Press of Crete.

Marantzidis, Nikos. 1997. *Mikres Mosches: Politiki kai eklogiki analisi tis parousias tou kommounismou ston Elladiko agrotiko choro [Little Moscows: A political and electoral analysis of the communist presence in the Greek rural space]*. Athens: Papazissis.

Margaritis, Giorgos. 2000. *Istoria tou Emfyliou Poleμου [History of the Civil War]*. 2 vols. Athens: Vivliorama.

Mathiopoulos, Vasos. 1980. *I Elliniki Antistasi (1941–1944) kai oi "Symmchoi" [The Greek Resistance and the "Allies"]*. Athens: Papazissis.

McNeill, William H. 1978. *The Metamorphosis of Greece since World War II*. Oxford: Blackwell.

McNeill, William H. 1947. *The Greek Dilemma: War and Aftermath*. Philadelphia: J. B. Lippincott.

Mazower, Marc. 1993. *Inside Hitler's Greece: The Experience of the Occupation, 1941–1944*. New Haven: Yale University Press.

Mazower, Mark. 1992. Military Violence and National Socialist Values: The Wehrmacht in Greece, 1941–1944. *Past and Present* 134:129–58.

Meyer, H. F. 2002. *Von Wien nach Kalavryta. Die blutige Spur der 117. Jäger-Division durch Serbien und Griechenland*. Moehnesee: Bibliopolis.

Meyer, H. F. 1995. *Missing in Greece: Destinies in the Greek Freedom Fight, 1941–1944*. London: Minerva.

Myers, E. C. W. 1955. *Greek Entanglement*. London: Hart-Davies.

Nachmani, Amikam. 1993. *Guerrillas at Bay. The Rise and Fall of the Greek Democratic Army: The Military Dimension. Civil War in Greece: 1946–1949*. *Journal of Modern Hellenism* 9:63–95.

Rossos, Andrew. 1997. *Incompatible Allies: Greek Communism and Macedonian Nationalism in the Civil War in Greece, 1943–1949*. *Journal of Modern History* 69, 1:42–76.

Skouras, F., A. Hadjidimos, A. Kaloutsis, and G. Papadimitriou. 1947. *I psychopathologia tis pinas, tou fovou kai tou agxous: Nevroseis kai psychonevroseis [The psychopathology of hunger, fear, and anxiety: Neuroses and psychoneuroses]*. Athens.

Vervenioti, Tasoula. 2003. *Diplo vivlio. I afigisi tis Stamatias Barbatsi [Double book: The narrative of Stamatia Barbatsi]*. Athens: Vivliorama.

Voigt, F. A. 1949. *The Greek Sedition*. London: Hollis and Carter.

Ward, Michael. 1992. *Greek Assignments. SOE 1943–1948 UNSCOB*. Athens: Lycabettus Press.

Woodhouse, C. 1948. *Apple of Discord: A Survey of Recent Greek Politics in Their International Setting*. London: Hutchinson.

Zafiropoulos, D. 1956. *O Antisymmoriakos agon, 1945–1949 [The anti-bandit struggle, 1945–1949]*. Athens.

2.2 Исследования и научные публикации по местной истории

Antonopoulos, Antonis. 1993. *Mnimes enos andarti tou ELAS [Recollections of an ELAS guerrilla]*. Athens: Alfeios.

Aschenbrenner, Stanley. 1987. *The Civil War from the Perspective of a Messenian Village*. In Lars Baerentzen, J. O. Iatrides, and O. L. Smith (eds.), *Studies on the History of the Greek Civil War, 1945–9*, 105–25. Copenhagen: Museum Tusulanum Press.

Avdikos, Evangelos Gr. 2002. *Halase to horios mas halase [Our village is ruined]*. Alexandroupoli.

Balafoutas, Yannis. 1981. *Apo ton promachona tis Stimangas [From the bastion of Stimanga]*. Athens.

Balta, Nasi. 2002. “Tote me ta ‘hitika’ den kotages na peis oute t’ onoma sou.” *Martiries gia ton emfylio se ena chorio tis Pylas*. [“Then with the ‘hitika’ you didn’t even dare to say what your name was.” Testimonies about the civil war in a village of Pylia]. In Ilias Nikolakopoulos, Alkis Rigos, and Grigoris Psallidas (eds.), *O Emfylios Polmos. Apo ti Varkiza sto Grammo, Fevrouarios*

1945–Avgoustos 1949 [The Civil War: From Varkiza to Grammos, February 1945–August 1949], 176–87. Athens: Themelio.

Baroutas, Kostas G. 1998. Mesochora. Athens: Irodotos.

Campbell, J. K. 1974. Honour, Family, and Patronage: A Study of Institutions and Moral Values in a Greek Mountain Community. New York: Oxford University Press.

Christidis, Christodoulos I. 1991. Pournia Konitsis-Ioanninon. Athens.

Collard, Anna. 1989. Investigating “Social Memory” in a Greek Context. In E. Tonkin, M. McDonald, and M. Chapman (eds.), *History and Ethnicity*, 89-103. London: Routledge.

Dalianis, Anastasios I. 1998. Iampolis, Valtetsi, Kalapodi. Athens: Arsenidis.
Damianakos, Stathis. 1996. *Le paysan grec. Défis et adaptations face à la société moderne*. Paris: L’Harmattan.

Diamantakos, Nikos. 1997. *To Pouri*. Volos: Koinotita Pouriou. du Boulay, Janet. 1974. *Portrait of a Greek Mountain Village*. Oxford: Oxford University Press.

Exarchos, Christos G. 1987. *I Fourka Ipirou*. Thessaloniki.

Filos, Stefanos. 2000. *Ta Tzoumerkohoria*. Athens.

Filos, Stefanos. 1991. *Agnanta Artas*. Athens: Adelfotis Agnantiton Athinas.

Gage, Nicholas. 1984. *Eleni*. New York: Ballantine Books.

Gavanas, Dimtrios G. 1999. *Rodohori Voiou*. Thessaloniki.

Georgiadis, Georgios. 2004. *O Emfylios Polemos stis Vorioanatoliki Eordea (1943–1949)* [The civil war in Northeast Eordea]. Unpublished paper.

Glaveris, Theodoros Ath. 1998. *O kambos tis Thessalonikis*. Thessaloniki.

Gogos, Andreas K. 1995. *Parakalamos*. Athens: Dodoni.

Goumas, Eleftherios. 1973. *Livadi*. Livadi.

Handman, Marie-Élisabeth. 1983. *La violence et la ruse: Hommes et femmes dans un village grec*. Aix-en-Provence: Édisud.

Hartomatsidis, Pavlos Ch. 1989. *Pontoirakleia Kilkis, 1924–1984*. Thessaloniki.

Kallianiotis, Thanasis. 2002. *Oi protoi andartes sta Ventzia, 1942–1943* [The first rebels in Ventzia, 1942–1943]. Unpublished paper.

Kallianiotis, Thanasis. 2001. *I OPLA tou Tsiartsamba, 1941–1949*. Unpublished paper.

Kardaras, Takis G. 1982. *Mnimes sto diava mias zois* [Memories in the course of a life]. Athens.

Katevatis, N. n.d. *Anamniseis apo tin Katohi stin Zakyntho kai i megali apogoitefsisis* [Reminiscences from the occupation in Zakynthos and the great disappointment]. Athens.

Katsogiannos, Stelios. 1994. *I agnosti alitheia gia ton ELAS* [The unknown truth about ELAS]. Athens.

- Kikopoulos, Menelaos St. 1991. Elafotopos (Tservari). Ioannina.
- Latsis, Vaggelis P. 1991. Oi antartes tou Parnona [The guerrillas of Parnon]. Athens: Forma.
- Liapis, Kostas. 1994. O "megalos" Ai-Giorgis tou Piliou. Volos.
- Loustas, Nikolaos Arg. 1988. I Istoria tou Nimfeou-Neveskas Florinis. Thessaloniki.
- Magopoulos, Nikos V. 1998. Agonistes ton Karditsiotikon Agrafon kai tou kambou 1940- 1950 [Fighters from the Agrafa part of Karditsa and the plain, 1940-1950]. Karditsa.
- Magopoulos, Nikos V. 1990. Genia agonon kai thision. 33 choria Karditsas-Domokou stin Antistasi [Generation of struggles and sacrifices: 33 villages of Karditsa and Domokos in the Resistance]. Athens.
- Maloukos, Konstantinos I. 1992. Enthimimata katochika kai antistasiaka [Recollections from the occupation and the resistance]. Thessaloniki.
- Mandas, Georgios I. E. (or Hondros). 1996. Apomnimonevmata apo to 1876 os to 1966 [Memoirs from 1876 to 1966]. Tripoli.
- Manetas, Athanasios Th. 1996. Plessa-Amygdalia. Athens.
- Margaritis, Thodoros. 1995. I Skala Messinias. Athens: Vivliogonia.
- Militsis, Christos M. 1997. Agrafa. Karditsa, Mesenikola kai ta choria tou teos dimou Nevropolis [Agrafa. Karditsa, Mesenikola and the villages of the former municipality of Nevropolis]. Karditsa.
- Nasiopoulos, Andreas Ath. 1996. O Arbounas. Athens: Paraskinio.
- Nikolaidis, Kostas. 1977. I alithia gia tin Ethniki Antistasi [The truth about the National Resistance]. Thessaloniki.
- Oikonomou, Pantelis. 1976. To Lehovo. Thessaloniki.
- Papachristou, Giannis D. 1994. Tou Paloumba kai oi Paloumbaioi. Tripoli: Fylla.
- Papaioannou, Achilleas. 1990. Giorgis Giannoulis: I thriliki morfi tou Grammou. To agnosto imerologio tou [Giorgis Giannoulis: Grammos' legendary figure; His unknown diary]. Athens: Glaros.
- Papakongos, Kostis. 1977. Archeio Person. Katochika documenta tou DES Peloponnisou [Person archive: Documents from the International Red Cross Office in the Peloponnese during the occupation]. Athens: Papazissis.
- Papakonstantinou, Konstantinos (Belas). 1986. I nekri merarchia [The dead regiment]. 2 vols. Athens: Alfeios.
- Papakonstantinou, Michalis. 1999. To chroniko tis megalis nichtas [The chronicle of the long night]. Athens: Estia.
- Papandreou, Andreas K. 1992. Odoiporiko sta dyskola chronia [Journey during the hard years]. Kavala.
- Papasteriopoulos, Ilias. 1965. O Morias sta opla [Morias in arms]. 4 vols. Athens: Erevna kai Kritiki tis Neoellinikis Istorias.

- Pasagiotis, Nikos P. 1998. *Anamniseis [Recollections]*. Athens.
- Pelagidis, Stathis. 1996. *I Inoi tis Kastorias*. Thessaloniki: Community of Inoi.
- Poulimenakos, Aris G. 1989. *I Petrina*. Athens.
- Priovolos, Kaisar. 1988. *Imoun Ipefthinos [I was responsible]*. Athens.
- Sakkas, John. 2000. *The Civil War in Evrytania*. In Mark Mazower (ed.), *After the War Was Over: Reconstructing Family, State, and Nation in Greece, 1944–1960*, 186–209. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Sanders, Irwin T. 1953. *Village Social Organization in Greece*. *Rural Sociology* 18, 1–4:366–75.
- Sarris, Konstantinos A. 1998. *Chroniko Koryschadon [A chronicle of Koryshades]*. Athens: Vasilopoulos.
- Skaltsas, Panagiotis D. 1994. *Stis ochthes tou Kladeou [On the of banks of Kladeos]*. Athens.
- Skoutelas, Rigas-Giorgos S. 1994. *Theodoriana Artas*. Athens: Kinotis Theodorianon.
- Souflas, Kosmas. 1991. *Peninta palikaria [Fifty young men]*. Athens.
- Stamatelatos, Michail, and Fotini Vamva-Stamatelatou. 2001. *Epitomo Geographiko Lexiko tis Ellados [Geographical dictionary of Greece]*. Athens: Ermis.
- Stasinou, Kostas G. 2000. *To Athamanio ton Tzoumerkou*. Athens.
- Stavropoulos, Nikos Ch. 1989. *I Vamvakou*. Athens: Sokolis.
- Svolos, Alexandros. 1990. *Andartis sta vouna tou Moria. Odoiporiko (1947–49) [Guerrilla in the mountains of Morias: A journey (1947–49)]*. Athens.
- Tatsiopoulos, Lambros A. 1971. *To Komboti Artis*. Ioannina.
- Tchobanoglou, Marie. 1951. *A Macedonian Village*. Prepared under the direction of William J. Tudor. Unpublished Paper, Near East Foundation.
- Triantafyllis, Kostas N. 1997. *Me nychia kai me dontia [Tooth and nail]*. Athens.
- van Boeschoten, Riki. 1997. *Anapoda chronia. Sillogiki mnimi kai istoria sto Ziaka Grevenon (1900–1950) [Hapless Years: Collective Memory and History in Ziakas, Grevena (1900–1950)]*. Athens: Plethron.
- Varmazis, Nikos D. 2002. *Dyskola Chronia stin Pieria [Difficult years in Pieria]*. Katerini: Mati.
- Vermeulen, Hans. 1993. *To varos tou parelthontos. I exousia ton kapetaneon sto xorio tou Cain kai tou Avel [The weight of the past: The power of the capetans in Cain's and Abel's village]*. In E. Papataxiarchis and Th. Paradellis (eds.), *Anthropologia kai parelthon: simvoles stin koinoniki istoria tis neoteris Elladas [Anthropology and past: A contribution to the social history of Modern Greece]*, 113–33. Athens: Alexandria.
- Vettas, Yannis. 2002. *I machi tis Edessas [The battle of Edessa]*. Thessaloniki: Erodios.

Vourlas, Fotios St. 1992. *Mnimes kai didagmata. Emfylios dihasmos (1944–1949)* [Memories and lessons: Civil strife (1944–1949)]. Achladia.

Voryllas, Andreas Ch. 1994. *Kertezi*. Athens: Paraskinio.

Xanthakou, Margarita. 1998. *Violence en trois temps: Vendetta, guerre civile et desordre ´ nouveau dans une region grecque*. Unpublished paper.

Yannisopoulou, Maria. 1998. *I anthropologiki proseggisi. Almopia: parelthon, paron kai mellon* [The anthropological approach: Almopia: Past, present, and future]. In National Center of Social Research, *Makedonia kai Valkania: xenophobia kai anaptyxi* [Macedonia and the Balkans: Xenophobia and development], 330–426. Athens: Alexandria.

Zervis, Nikos I. 1998. *I Germaniki katochi sti Messinia* [The German Occupation in Messinia]. Kalamata.

2.3 Северный Пелопоннес (включая Арголиду).

Anagnostopoulos, Ioannis Sp. 1961. *I istoria tou Achladokambou* [The history of Achladokambos]. Athens.

Anagnostopoulos, N. N., and G. Gagalis., 1938. *I Argoliki Pedias* [The plain of Argolid]. Athens.

Barelos, Panayotis. 1983. *Skotini 17 Iouli 1944* [Skotini, 17 July 1944]. Skotini.

Binardopoulos, Yannis, Lambis Roupas, and Thodoris Chliapas. 1987. *I Egialia stin katochi kai tin antistasi* [Egialia during the occupation and the resistance]. Athens.

Bouyoukos, Takis. 1973. *I Feneos ana tous aiones* [Feneos throughout the centuries]. Athens.

Christopoulos, Andreas Ch. 1946. *Oi Italogermanoi stin Argolida* [The Italians and Germans in the Argolid]. Nafplion: Tipografion Efimeridos Sintagma.

Danousis, Kostas. 1994. *Opuscula Argiva XIII. Anagennisi 321:4–13*.

De Vooy, A. C., and J. J. C. A. Piket. 1958. *Geographical Analysis of Two Villages in the Peloponnesos*. *Tijdschrift van het Koninklijk Nederlandsch Aardrijkskundig Genootschap* 75, 1:31–55.

Frangoulis, Apostolos Ch. 1988. *Imerologio Ethnikis Antistasis Ermionis* [National Resistance diary of Ermioni]. Piraeus.

Kanellopoulos, Georgios A. 1981. *Istoria kai laografia ths Anatolikis Egialias-Kalavryton* [History and folklore of eastern Egialia and Kalavryta]. Athens.

Karouzou, Evi. 1995. *Cultures maraichères dans la Méditerranée: Les transformations de la plaine et la société argolique, 1860–1910*. Ph.D. dissertation, European University Institute, Florence.

Koster, Harold A. 2000. *Neighbors and Pastures: Reciprocity and Access to Pasture*. In Susan Buck Sutton (ed.), *Contingent Countryside: Settlement,*

Economy, and Land Use in the Southern Argolid Since 1700, 241–61. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Ladas, Vasilis. 2002. *Oi Andartes tis Thalassas* [Sea guerrillas]. Athens.

Miliarakis, Antonios. 1886. *Geographia politiki, nea kai archaia, tou nomou Argolidos kai Korinthias* [Political geography, modern and ancient, of the prefecture of Argolid and Korinthia]. Athens.

Panagopoulos, Andreas M. 1981. *Istoria tou choriou Malandreniou Argous* [History of the village Malandreni of Argos].

Papalilis, Giorgos. 1981. *I Ethniki Antistasi stin Argolida* [The National Resistance in Argolis]. Argos: Anagennisi.

Perrakis, Stelios. 2006. *Plaka Beach*. Madison, N.J.: Fairleigh Dickinson University Press.

Perrakis, Stelios. 2004. *Collaboration as Revenge: Evidence from a Local Study in the Eastern Argolid*. Unpublished paper.

Rigas, Dimitris. 1998. *Martyrologio. Ta thimata tis Korinthias* [List of martyrs: The victims of Korinthia]. Loutraki.

Spanos, Dimtris. 1990. *Istoria tis Karias Argolidos* [History of Karia, Argolid]. Thessaloniki.

Vazcos, Emmanouil. 1961. *Ta agnosta paraskinia tis Ethnikis Antistaseos eis tin Peloponnison* [The unknown back-stage of the National Resistance in the Peloponnese]. Korinthos.

3. Вторичные источники по общим темам

Abdi, Nidam. 1997. *C'est devenu une guerre de tribus*. *Lib'eration*, 24 September.

Abella, Rafael. 1996. *La vida cotidiana*. In Edward Malefakis (ed.), *La Guerra de España (1936–1939)*, 451–79. Madrid: Taurus.

Achakzai, Saeed Ali. 2003. *US Troops Provoke Anger, Fear in Afghan Villages*. Reuters, 23 August. <http://www.reuters.com, storyID=3326254>.

Adams, Sam. 1994. *War of Numbers: An Intelligence Memoir*. South Royalton: Steerforth Press.

Aguilar Fernández, Paloma. 1996. *Memoria y olvido de la Guerra Civil Española*. Madrid: Alianza Editorial.

Åkerström, Malin. 1991. *Betrayals and Betrayers: The Sociology of Treachery*. New Brunswick, N.J.: Transaction.

Alapuro, Risto. 2002. *Violence in the Finnish Civil War of 1918 and Its Legacy in a Local Perspective*. Paper presented at the Workshop on “Civil Wars and Political Violence in 20th Century Europe,” European University Institute, Florence 18–20 April.

Alapuro, Risto. 1998. Artisans and Revolution in a Finnish Country Town. In Michael P. Hanagan, Leslie Page Moch, and Wayne Brake (eds.), *Challenging Authority: The Historical Study of Contentious Politics*, 73–88. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Allen, Barbara, and William Lynwood Montell. 1981. *From Memory to History: Using Oral Sources in Local Historical Research*. Nashville, Tenn.: American Association for State and Local History.

Allen, Tim. 1999. Perceiving Contemporary Wars. In Tim Allen and Jean Seaton (eds.), *The Media of Conflict: War Reporting and Representations of Ethnic Violence*, 11–42. London: Zed Books.

Allen, Tim. 1989. Violence and Moral Knowledge: Observing Social Trauma in Sudan and Uganda. *Cambridge Anthropology* 13, 2:45–67.

Allen, Tim, and Jean Seaton. 1999. Introduction. Allen and Jean Seaton (eds.), *The Media of Conflict: War Reporting and Representations of Ethnic Violence*, 1–7. London: Zed Books.

Anderson, David. 2005. *Histories of the Hanged: The Dirty War in Kenya and the End of Empire*. New York: W. W. Norton.

Anderson, Jon Lee. 2004. *Guerrilla: Journeys in the Insurgent World*. New York: Penguin.

Anderson, Scott. 2004. How Did Darfur Happen? *New York Times Magazine*, 17 October, 49–63.

Anderson, Truman. 1999. Incident at Baranivka: German Reprisals and the Soviet Partisan Movement in Ukraine, October–December 1941. *Journal of Modern History*, 71:585–623.

Anderson, Truman. 1995. *The Conduct of Reprisals by the German Army of Occupation in the Southern USSR, 1941–1943*. 2 vols. Ph.D. dissertation, University of Chicago.

André, Catherine, and Jean-Philippe Platteau. 1998. Land Relations under Unbearable Stress: Rwanda Caught in the Malthusian Trap. *Journal of Economic Behavior and Organization* 34, 1:1–47.

Andreopoulos, George J. 1994. The Age of National Liberation Movements. In Michael Howard, George J. Andreopoulos, and Mark R. Shulman (eds.), *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World, 191–213*. New Haven: Yale University Press.

Andrews, Edmund L. 2003. Once Feared, a Southern Iraqi Clan Finds Itself Hunted. *New York Times*, 15 June, 10.

Angstrom, Jan. 2001. Towards a Typology of Internal Armed Conflict: Synthesizing a Decade of Conceptual Turmoil. *Civil Wars* 4, 3:93–116.

Annis, Sheldon. 1988. Story from a Peaceful Town: San Antonio Aguas Calientes. In Robert M. Carmack (ed.), *Harvest of Violence: The Maya*

Indians and the Guatemalan Crisis, 155–73. Norman: University of Oklahoma Press.

Appadurai, Arjun. 1996. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Modernization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Apter, David E. 1997. Political Violence in Analytical Perspective. In David Apter (ed.), *The Legitimization of Violence*, 1–32. New York: New York University Press.

Arendt, Hannah. 1973. *The Origins of Totalitarianism*. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich.

Arendt, Hannah. 1970. *On Violence*. New York: Harcourt, Brace and World.

Arendt, Hannah. 1963. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Viking.

Argenti-Pillen, Alex. 2003. *Masking Terror: How Women Contain Violence in Southern Sri Lanka*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Armony, Ariel C. 1997. The Former Contras. In Thomas W. Walker (ed.), *Nicaragua without Illusions*, 203–18. Wilmington, Del.: Scholarly Resources.

Armstrong, John A. 1964. Introduction. In John A. Armstrong (ed.), *Soviet Partisans in World War II*, 3–70. Madison: University of Wisconsin Press.

Arnson, Cynthia J., and Robin Kirk. 1993. *State of War*. New York: Human Rights Watch/Americas.

Aron, Raymond. 1966. *Peace and War*. London: Weidenfeld & Nicolson.

Ash, Stephen V. 1995. *When the Yankees Came: Conflict and Chaos in the Occupied South, 1861–1865*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Ash, Stephen V. 1988. *Middle Tennessee Society Transformed, 1860–1870: War and Peace in the Upper South*. Baton Rouge: Louisiana State University.

Asprey, Robert B. 1994. *War in the Shadows: The Guerrilla in History*. New York: Morrow.

Auletta, Ken. 2002. *Beauty and the Beast*. New Yorker, 16 December 2002, 65–81.

Auman, William T. 1984. Neighbor against Neighbor: The Inner Civil War in the Randolph County Area of Confederate North Carolina. *North Carolina Historical Review* 61, 1:59–92.

Aussaresses, Paul. 2001. *Services sp'eciaux. Alg'erie 1955–1957*. Paris: Perrin.

Avioutsikii, Viatcheslav, and Hayder Mili. 2003. The Geopolitics of Separatism: Genesis of Chechen Field Commanders. *Central Asia and the Caucasus* 2, 20:7–14.

Azam, Paul, and Anke Hoeffler. 2002. Violence against Civilians in Civil Wars: Looting or Terror? *Journal of Peace Research* 39, 4:461–85.

Babeuf, Gracchus. 1987. *La guerre de la Vendée et le système de dépopulation*. Edited by Reynald Secher and Jean-Joël Brégeon. Paris: Tallandier.

Baier, Annette C. 1991. *Violent Demonstrations*. In R. G. Frey and Christopher W. Morris (eds.), *Violence, Terrorism, and Justice*, 33–58. Cambridge: Cambridge University Press.

Bailey, F. G. 1996. *The Civility of Indifference: On Domesticating Ethnicity*. Ithaca: Cornell University Press.

Baker, Peter. 2002. GIs Battle “Ghosts” in Afghanistan. Search for Elusive Enemy Frustrates Americans. *Washington Post*, May 16, A1.

Bandura, Albert. 1990. *Mechanisms of Moral Disengagement*. In Walter Reich (ed.), *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*, 161–91. Cambridge: Cambridge University Press.

Bandura, Albert. 1983. *Psychological Mechanisms of Aggression*. In R. G. Green and E. I. Donnerstein (eds.), *Aggression: Theoretical and Empirical Reviews*, 1–40. New York: Academic Press.

Banton, Michael. 2000. *Ethnic Conflict*. *Sociology* 34, 3:481–98.

Barnett, Donald, and Karari Njama. 1966. *Mau Mau from Within: Autobiography and Analysis of Kenya’s Peasant Revolt*. Letchworth: MacGibbon and Kee.

Barnstone, Willis. 1995. *Sunday Morning in Fascist Spain: A European Memoir, 1948–1953*. Carbondale: Southern Illinois University Press.

Barrett, David P. 2001. *Introduction: Occupied China and the Limits of Accommodation*. In David P. Barrett and Larry N. Shyu (eds.), *Chinese Collaboration with Japan, 1932– 1945: The Limits of Accommodation*, 1–17. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Barth, Fredrik. 1994. *Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity*. In Hans Vermeulen and Cora Govers (eds.), *The Anthropology of Ethnicity: Beyond “Ethnic Groups and Boundaries,”* 11–32. Amsterdam: Het Spinhuis.

Barthes, Roland. 1977. *Roland Barthes*. New York: Hill and Wang.

Bartolini, Stefano, and Peter Mair. 1990. *Identity, Competition, and Electoral Availability: The Stabilization of European Electorates, 1885–1985*. Cambridge: Cambridge University Press.

Barton, Fred H. 1953. *Salient Operational Aspects of Paramilitary Warfare in Three Asian Areas*. ORO-T-228. Chevy Chase, Md.: Operations Research Office.

Bartov, Omer. 1992. *Hitler’s Army: Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich*. New York: Oxford University Press.

Bass, Gary Jonathan. 2000. *Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crimes Tribunals*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Bates, Robert H. 1999. *Ethnicity, Capital Formation, and Conflict*. Paper prepared for a conference sponsored by the Social Capital Initiative of the World Bank, 15–16 June, Washington, D.C.

Battini, Michele, and Paolo Pezzino. 1997. *Guerra ai civili: Occupazione tedesca e politica del massacro, Toscana 1944*. Venice: Marsilio.

Bauer, Yehuda. 2000. *Rethinking the Holocaust*. New Haven: Yale University Press.

Baumgartner, M. P. 1988. *The Moral Order of a Suburb*. New York: Oxford University Press.

Bax, Mart. 2000. Warlords, Priests and the Politics of Ethnic Cleansing: A Case Study from Rural Bosnia Hercegovina. *Ethnic and Racial Studies* 23, 1:16–36.

Bayly, C. A. 1988. "Rallying around the Subaltern." Review of the Writings of the Subaltern School. *Journal of Peasant Studies* 16, 1:110–20.

Bazenguissa-Ganga, Rémy. 1999a. The Spread of Political Violence in Congo-Brazzaville. *African Affairs* 98, 390:37–54.

Bazenguissa-Ganga, Rémy. 1999b. Les Ninja, les Cobra et les Zoulou crèvent l'écran à Brazzaville: Le rôle des medias et la construction des identités de violence politique. *Canadian Journal of African Studies* 33, 2–3:329–61.

BBC News. 2002. Egypt Feud Ends in Carnage. 10 August. <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/middle-east/2185164.stm>.

Bearak, Barry. 2000. A Kashmiri Mystery. *New York Times Magazine*, 31 December, 26–36.

Bearak, Barry. 1999a. Kosovo Town's Tale of Betrayal and Massacre. *New York Times*, 6 May, A3.

Bearak, Barry. 1999b. Afghan "Lion" Fights Taliban with Rifle and Fax Machine. *New York Times*, 9 November, A1.

Beaufre, André. 1972. *La guerre révolutionnaire. Les formes nouvelles de la guerre*. Paris: Fayard.

Beccaria, Cesare. 1986[1764]. *On Crimes and Punishments*. Translated from Italian by David Young. Indianapolis: Hackett.

Beckett, Ian F. W. 2001. *Modern Insurgencies and Counter-Insurgencies: Guerrillas and Their Opponents since 1750*. London: Routledge.

Belluck, Pam. 2001. On a Sworn Mission Seeking Pretenders to Military Heroism. *New York Times*, 10 August, A1.

Benini, Aldo A., and Lawrence H. Moulton. 2004. Civilian Victims in an Asymmetrical Conflict: Operation Enduring Freedom, Afghanistan. *Journal of Peace Research* 41, 4:403–22.

Bennett, Rab. 1999. *Under the Shadow of the Swastika: The Moral Dilemmas of Resistance and Collaboration in Hitler's Europe*. New York: New York University Press.

Benton, Gregor. 1999. *New Fourth Army: Communist Resistance along the Yangtze and the Huai, 1938–1941*. Berkeley: University of California Press.

Benton, Gregor. 1992. *Mountain Fire: The Red Army's Three-Year War in South China, 1934–1938*. Berkeley: University of California Press.

Benton, Gregor. 1989. Communist Guerrilla Bases in Southeast China after the Start of the Long March. In Kathleen Hartford and Steven M. Goldstein (eds.), *Single Sparks: China's Rural Revolutions*, 62–91. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe.

Bergner, Daniel. 2003. Where the Enemy Is Everywhere and Nowhere. *New York Times Magazine*, 20 July, 38–44.

Berkeley, Bill. 2001. *The Graves Are Not Yet Full: Race, Tribe, and Power in the Heart of Africa*. New York: Basic Books.

Berlow, Alan. 1998. *Dead Season: A Story of Murder and Revenge*. New York: Vintage.

Berman, Bruce, and John Lonsdale. 1992. *Unhappy Valley: Conflict in Kenya and Africa*. Oxford: James Currey.

Berman, Paul. 1996. In Search of Ben Linder's Killers. *New Yorker*, 23 September 1996, 58–81.

Berman, Richard. 1974. *Revolutionary Organization: Institution-Building within the People's Liberation Armed Forces*. Lexington, Mass.: D. C. Heath.

Bernard, André. 1999. *Guerre et violence dans la Grèce antique*. Paris: Hachette.

Berry, Mary Elizabeth. 1994. *The Culture of Civil War in Kyoto*. Berkeley: University of California Press.

Besteman, Catherine. 1996. Violent Politics and the Politics of Violence: The Dissolution of the Somali Nation-State. *American Ethnologist* 23, 3:579–96.

Bigeard, Marcel-Maurice. 1995. *Ma guerre d'Algérie*. Paris: Hachette/Carrère.

Bilton, Michael, and Kevin Sim. 1992. *Four Hours in My Lai*. New York: Penguin.

Binford, Leigh. 1996. *The El Mozote Massacre: Anthropology and Human Rights*. Tucson: University of Arizona Press.

Bizot, François. 2003. *The Gate*. New York: Knopf.

Black, Donald J. 1993. *The Social Structure of Right and Wrong*. San Diego: Academic Press.

Black, Donald J. 1976. *The Behavior of Law*. New York: Academic Press.

Black-Michaud, Jacob. 1975. *Cohesive Force: Feud in the Mediterranean and the Middle East*. New York: St. Martin's Press.

Blackwood, B. G. 1997. Parties and Issues in the Civil War in Lancashire and East Anglia. In R. C. Richardson (ed.), *The English Civil Wars: Local Aspects*, 261–85. Phoenix Mill: Sutton.

Blaufarb, Douglas S., and George K. Tanham. 1989. *Who Will Win? A Key to the Puzzle of Revolutionary War*. New York: Crane Russak.

- Bobbio, Norberto. 1992. *Guerra Civile? Teoria Politica* 1–2:297–307.
- Boehm, Christopher. 1984. *Blood Revenge: The Enactment and Management of Conflict in Montenegro and Other Societies*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Bohlen, Celestine. 1999. *Russia Troops Are in New Battle with Separatists in the Caucasus*. *New York Times*, 9 August, A1.
- Borovik, Artyom. 1991. *The Hidden War: A Russian Journalist's Account of the Soviet War in Afghanistan*. London: Faber and Faber.
- Bosch Sánchez, Aurora. 1983. *Ugetistas y libertarios. Guerra civil y revolucí'on en el pais valenciano, 1936–1939*. Valencia: Instituto Alfons el Magnanim.
- Boswell, Laird. 1998. *Rural Communism in France, 1920–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
- Bouaziz, Moula, and Alain Mah2. 2004. *La Grande Kabylie durant la guerre d'Indépendance algerienne*. In Mohammed Harbi and Benjamin Stora (eds.), *La guerre d'Algerie. 1954–2004, la fin de l'amnésic*, 227–65. Paris: Robert Laffont.
- Boudon, Raymond. 1988. *The Logic of Relative Frustration*. In Michael Taylor (ed.), *Rationality and Revolution*, 245–67. Cambridge: Cambridge University.
- Bougarel, Xavier. 1996. *Bosnie, anatomie d' un conflit*. Paris: La Découverte.
- Bourdieu, Pierre. 1977. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bourgois, Philippe. 2001. *The Power of Violence in War and Peace: Post-Cold War Lessons from El Salvador*. *Ethnography* 2, 1:5–34.
- Bouthoul, Gaston. 1970. *Trait' e de pol' emologie. Sociologie des guerres*. Paris: Payot.
- Bran, Mirel. 2002. *Dona Cornea: Dans le miroir de la Securitate*. *Le Monde*, 8 October, 14.
- Brass, Paul R. 1997. *Theft of an Idol: Text and Context in the Representation of Collective Violence*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Braud, Philippe. 1999. *Violence symbolique, violence physique. El' cements de la ' problematisation*. In Jean Hannoyer (ed.), *' Guerres civiles: Economies de la violence, dimensions de la civilite' e*, 33–45. Paris: Karthala-Cermoc.
- Brehun, Leonard. 1991. *Liberia: The War of Horror*. Accra: Adwinsa Publications.
- Bringa, Tone. 1995. *Being Muslim the Bosnian Way: Identity and Community in a Central Bosnian Village*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Brinkley, Douglas. 2003. *Tour of Duty: John Kerry in Vietnam*. *Atlantic Monthly*, December, 47–60.
- Brinkman, Inge. 2000. *Ways of Death: Accounts of Terror from Angolan Refugees in Namibia*. *Africa* 70, 1:1–23.

Brody, Reed. 1985. *Contra Terror in Nicaragua: Report of a Fact-Finding Mission, September 1984–January 1985*. Boston: South End Press.

Brovkin, Vladimir N. 1994. *Behind the Front Lines of the Civil War*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Brown, Kate. 2003. *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Brown, Mervyn. 2001. *War in Shangri-La: A Memoir of Civil War in Laos*. London: Radcliffe Press.

Brown, Michael F., and Eduardo Fernández. 1991. *War of Shadows: The Struggle for Utopia in the Peruvian Amazon*. Berkeley: University of California Press.

Brown, Timothy C. 2001. *The Real Contra War: Highlander Peasant Resistance in Nicaragua*. Norman: University of Oklahoma Press.

Browne, Malcolm W. 2000. Paddy War. In *Reporting Vietnam: American Journalism, 1959–1975*, 3–10. New York: Library of America.

Browning, Christopher R. 1998. *Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*. New York: HarperCollins.

Browning, Christopher R. 1992. *The Path to Genocide: Essays on Launching the Final Solution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Browning, Christopher R. 1990. Germans and Serbs: The Emergence of Nazi Antipartisan Policies in 1941. In Michael Berenbaum (ed.), *A Mosaic of Victims: Non-Jews Persecuted and Murdered by the Nazis*, 64–73. New York: New York University Press.

Brubaker, Rogers, and David D. Laitin. 1998. Ethnic and Nationalist Violence. *Annual Review of Sociology* 24: 423–52.

Brustein, William, and Margaret Levi. 1987. The Geography of Rebellion: Rulers, Rebels, and Regions, 1500 to 1700. *Theory and Society* 16:467–95.

Buoye, Thomas. 1990. Economic Change and Rural Violence: Homicides Related to Disputes over Property Rights in Guangdong during the Eighteenth Century. *Peasant Studies* 17, 4:233–59.

Burds, Jeffrey. 1997. A Culture of Denunciation: Peasant Labor Migration and Religious Anathematization in Rural Russia, 1860–1905. In Sheila Fitzpatrick and Robert Gellately (eds.), *Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989*, 40–72. Chicago: University of Chicago Press.

Burg, Steven L., and Paul S. Shoup. 1999. *The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharp.

Buruma, Ian. 2002. The Blood Lust of Identity. *New York Review of Books*, 11 April, 12–14.

Butalia, Urvashi. 2000. *The Other Side of Silence: Voices from the Partition of India*. Durham: Duke University Press.

Butaud, Christian, and Marina Riolland. 1998. *Le blé en feu: Algérie, années 50*. Paris: Editions du Reflet.

Butterfield, Fox. 2005. *Guns and Jeers Used by Gangs to Buy Silence*. *New York Times*, 16 January, A1.

Byrne, Hugh. 1996. *El Salvador's Civil War: A Study of Revolution*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner.

Cabarrús, Carlos Rafael. 1983. *Génesis de una revolución: Análisis del surgimiento y desarrollo de la organización campesina en El Salvador*. Hidalgo: Ediciones de la Casa Chata.

Cahen, Michel. 2000. *Nationalism and Ethnicities: Lessons from Mozambique*. In Einar Braathen, Morten Bøås, and Gjermund Sæther (eds.), *Ethnicity Kills? The Politics of War, Peace and Ethnicity in SubSaharan Africa*, 163–87. London: Macmillan.

Calder, Bruce J. 1984. *The Impact of Intervention: The Dominican Republic during the U.S. Occupation of 1916–1924*. Austin: University of Texas Press.

Calvino, Italo. 1995. *Numbers in the Dark and Other Stories*. Translated by Tim Parks. London: Jonathan Cape.

Cann, John P. 1997. *Counterinsurgency in Africa: The Portuguese Way of War, 1961–1974*. Westport, Conn.: Greenwood Press.

Carlton, Eric. 1994. *Massacres: An Historical Perspective*. Aldershot: Scolar Press.

Carmack, Robert M. 1988a. *Editor's Preface to the First Edition*. In Robert M. Carmack (ed.), *Harvest of Violence: The Maya Indians and the Guatemalan Crisis*, ix–xvii. Norman: University of Oklahoma Press.

Carmack, Robert M. 1988b. *The Story of Santa Cruz Quiche*. In Robert M. Carmack (ed.), *Harvest of Violence: The Maya Indians and the Guatemalan Crisis*, 39–69. Norman: University of Oklahoma Press.

Carnegie Endowment for International Peace. 1993[1913]. *The Other Balkan Wars: A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Restrospect*. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.

Carpenter, Charli R. 2003. "Women and Children First": Gender, Norms, and Humanitarian Evacuation in the Balkans, 1991–95. *International Organization* 57:661–94.

Carr, Jaqueline Barbara. 2004. *After the Siege: A Social History of Boston, 1775–1800*. Boston: Northeastern University Press.

Casanova, Julián. 1985. *Anarquismo y revolución social en la sociedad aragonesa, 1936–1938*. Madrid: Siglo XXI.

Casas de la Vega, Rafael. 1994. *El Terror: Madrid 1936; Investigación histórica y catálogo historico de víctimas identificadas*. Madrid: Editorial Fénix.

Cela, Camilo José. 1992. *Mazurka for Two Dead Men*. New York: New Directions.

Cenarro, Ángela. 2002. Matar, vigilar y delatar: La quiebra de la sociedad civil durante la guerra y la posguerra en España (1936–1948). *Historia Social* 44:65–86.

Chacón Barrero, Mario. 2003. Dinámica y determinantes de la violencia durante “La Violencia”: Una aproximación desde la econometría espacial. Unpublished paper, Universidad de los Andes.

Chaliand, Gérard. 1987. *Terrorism: From Popular Struggle to Media Spectacle*. London: Saqi Books.

Chalk, Frank, and Kurt Jonassohn. 1990. *The History and Sociology of Genocide: Analyses and Case Studies*. New Haven: Yale University Press.

Chamoun, Tracy. 1992. *Au nom du père*. Paris: J.-C. Lattès.

Chan, Anita, Richard Madsen, and Jonathan Unger. 1992. *Chen Village: Under Mao and Deng*. Berkeley: University of California Press.

Chandrasekaran, Rajiv. 2004. Violence in Iraq Belies Claims of Calm, Data Show. *Washington Post*, 26 September, A1.

Chang, Jung. 1992. *Wild Swans: Three Daughters of China*. New York: Doubleday.

Che Guevara, Ernesto. 1998 [1961]. *Guerrilla Warfare*. Lincoln: University of Nebraska Press.

Chingono, Mark F. 1996. *The State, Violence, and Development: The Political Economy of War in Mozambique, 1975–1992*. Aldershot: Avebury.

Chivers, C. J. 2003. Feud between Kurdish Clans Creates Its Own War. *New York Times*, 24 February, A8.

Chung, Ly Qui. 1970. *Between Two Fires: The Unheard Voices of Vietnam*. New York: Praeger.

Chwe, Michael Suk-Young. 2001. *Rational Ritual: Culture, Coordination, and Common Knowledge*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Clastres, Pierre. 1999. *Archéologie de la violence*. Paris: Editions de l'Aube.

Clausewitz, Carl von. 1976. *On War*. Edited and translated by Peter Paret and Michael Howard. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Claverie, Elisabeth. 2002. Apparition de la Vierge et “retour” des disparus. La constitution d’une identité à Medjugorje (Bosnie-Herzégovine). *Terrain* 38:41–54.

Clayton, Anthony. 1999. *Frontiersmen: Warfare in Africa since 1950*. London: UCL Press.

Clémenceau, Joseph. 1909. *Histoire de la guerre de Vendée (1793–1815)*. Paris: Nouvelle Librairie Nationale.

Clifton, Robin. 1999. “An Indiscriminate Blackness”? Massacre, Counter-Massacre, and Ethnic Cleansing in Ireland, 1640–1660. In Mark Levene and Penny Roberts (eds.), *The Massacre in History*, 107–26. New York: Berghahn Books.

Clines, Francis X. 2001. Harsh Civics Lesson for Immigrants. *New York Times*, 11 November, B7.

Clover, Charles. 2003. Pro-Saddam "Fighters" or Feuding Neighbours? *Financial Times*, 14–15 June, 7.

Clutterbuck, Richard L. 1966. *The Long Long War: Counterinsurgency in Malaya and Vietnam*. New York: Praeger.

CNN. 2003. Inside the Hunt for Iraqi Insurgents. Paula Zahn Now, aired 26 December, <http://www.cnn.com/TRANSCRIPTS/0312/26/pzn.00.html>.

Cobb, Richard. 1972. *Reactions to the French Revolution*. London: Oxford University Press.

Cohen, Joyce. 2000. Revenge among the Nerds. *New York Times*, 24 August, G1.

Cohen, Roger. 1994. AUN Aid Says Plight of Gorazde Is Exaggerated. *New York Times*, 30 April, A3.

Coleman, James S. 1990. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press.

Collier, George A. 1987. *Socialists of Rural Andalusia: Unacknowledged Revolutionaries of the Second Republic*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Collier, Paul, V. L. Elliott, Håvard Hegre, Anke Hoeffler, Marta Reynal-Querol, and Nicholas Sambanis. 2003. *Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy*. Washington, D.C.: World Bank and Oxford University Press.

Collier, Paul, and Anke Hoeffler. 1999. *Justice-Seeking and Loot-Seeking in Civil War*. Unpublished paper, World Bank.

Collins, Eamon (with Mick McGovern). 1999. *Killing Rage*. New York: Granta Books.

Collotti, Enzo. 1996. Occupazione e guerra totale nell'Italia 1943–1945. In Tristano Matta (ed.), *Un percorso della memoria: Guida ai luoghi della violenza nazista e fascista in Italia*, 11–35. Trieste: Electa.

Comisión Nacional sobre la Desaparición de Personas. 1986. *Nunca Más: The Report of the Argentine National Commission on the Disappeared*. New York: Farrar Straus Giroux.

Connelly, John. 1997. The Uses of Volksgemeinschaft: Letters to the NSDAP Kreisleitung Eisenach, 1939–1940. In Sheila Fitzpatrick and Robert Gellately (eds.), *Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989*, 153–84. Chicago: University of Chicago Press.

Contini, Giovanni. 1997. *La memoria divisa*. Milan: Rizzoli.

Converse, Philip E. 1964. The Nature of Belief Systems in Mass Publics. In David E. Apter (ed.), *Ideology and Discontent*, 206–61. New York: Free Press.

Cooper, Matthew. 1979. *The Nazi War against Soviet Partisans, 1941–1944*. New York: Stein and Day.

Cordesman, Anthony H., and Abraham R. Wagner. 1990. *The Lessons of Modern War. Vol. 3: The Afghan and Falklands Conflicts*. Boulder, Colo.: Westview Press.

Coser, Lewis A. 1956. *The Functions of Social Conflict*. New York: Free Press.

Coster, Will. 1999. *Massacre and Codes of Conduct in the English Civil War*. In Mark Levene and Penny Roberts (eds.), *The Massacre in History*, 89–105. New York: Berghahn Books.

Courtois, Stéphane. 1998. *Les crimes du communisme*. In Stéphane Courtois, Nicolas Werth, Jean-Louis Panné, Andrzej Paczkowski, Karel Bartosek, and Jean-Louis Margolin, *Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, répression*, 5–38. Paris: Laffont.

Cranna, Michael (ed.). 1994. *The True Cost of Conflict*. New York: New Press.

Crawford, Oliver. 1958. *The Door Marked Malaya*. London: Rupert Hart-Davis.

Crenshaw, Martha. 1995. *The Effectiveness of Terrorism in the Algerian War*. In Martha Crenshaw (ed.), *Terrorism in Context*, 473–513. University Park: Pennsylvania State University Press.

Cribb, Robert. 1991. *Gangsters and Revolutionaries: The Jakarta People's Militia and the Indonesian Revolution, 1945–1949*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Cribb, Robert. 1990. *Introduction: Problems in the Historiography of the Killings in Indonesia*. In Robert Cribb (ed.), *The Indonesian Killings of 1965–1966: Studies from Java and Bali*, 1–43. Monash University: Centre of Southeast Asian Studies.

Crisp, Jeff. 2000. *A State of Insecurity: The Political Economy of Violence in Kenya's Refugee Camps*. *African Affairs* 99:601–32.

Crouzet, Denis. 1990. *Les guerriers de dieu: La violence au temps des troubles de religion (vers 1525–vers 1610)*. 2 vols. Seyssel: Champ Vallon.

Crow, Jeffrey J. 1985. *Liberty Men and Loyalists: Disorder and Disaffection in the North Carolina Backcountry*. In Ronald Hoffman, Thad W. Tate, and Peter J. Albert (eds.), *An Uncivil War: The Southern Backcountry during the American Revolution*, 125–78. Charlottesville: University Press of Virginia.

Crozier, Brian. 1960. *The Rebels: A Study of Postwar Insurrections*. Boston: Beacon Press.

Dale, Catherine. 1997. *The Dynamics and Challenges of Ethnic Cleansing: The Georgia-Abkhazia Case*. *Refugee Survey Quarterly* 16, 3:77–109.

Dallin, Alexander, Ralph Mavrogordato, and Wilhelm Moll. 1964. *Partisan Psychological Warfare and Popular Attitudes*. In John A. Armstrong (ed.), *Soviet Partisans in World War II*, 197–337. Madison: University of Wisconsin Press.

Dalrymple, William. 1997. *From the Holy Mountain: A Journey among the Christians of the Middle East*. New York: Henry Holt.

Daniel, E. Valentine. 1996. *Charred Lullabies: Chapters in an Anthropology of Violence*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Danner, Mark. 1994. *The Massacre of El Mozote*. New York: Vintage.

Darby, John. 1990. *Intimidation and Interaction in a Small Belfast Community: The Water and the Fish*. In John Darby, Nicholas Dodge, and A. C. Hepburn (eds.), *Political Violence: Ireland in a Comparative Perspective*, 83–102. Ottawa: University of Ottawa Press.

Das, Veena, and Arthur Kleinman. 2000. Introduction. In Veena Das, Arthur Kleinman, Mamphela Ramphele, and Pamela Reynolds (eds.), *Violence and Subjectivity*, 1–18. Berkeley: University of California Press.

Davenport, Christian, and Patrick Ball. 2002. Implications of Source Selection in the Case of the Guatemalan State Terror. *Journal of Conflict Resolution* 46, 3:427–50.

David, Steven R. 1997. *Internal War: Causes and Cures*. *World Politics* 49, 4:552–76.

Davidson, Jamie S. 2003. *The Politics of Violence on an Indonesian Periphery*. *South East Asia Research* 11, 1:59–90.

Davies, Rees. 2003. *The Medieval State: The Tyranny of a Concept?* *Journal of Historical Sociology* 16, 2:280–300.

Davis, Ann, Maureen Tkacik, and Andrea Petersen. 2001. *A Nation of Tipsters Answers FBI's Call in War on Terrorism*. *Wall Street Journal*, 21 November, A1, A8.

Davis, Shelton H. 1988. Introduction: *Sowing the Seeds of Violence*. In Robert M. Carmack (ed.), *Harvest of Violence: The Maya Indians and the Guatemalan Crisis*, 3–36. Norman: University of Oklahoma Press.

Dealey, Sam. 2004. *Misreading the Truth in Sudan*. *New York Times*, 8 August, WK11.

Dean, Roger. 2000. *Rethinking the Civil War in Sudan*. *Civil Wars* 3, 1:71–91.

De Baecque, Antoine. 2002. *Apprivoiser une histoire déchaînée: Dix ans de travaux historiques sur la Terreur*. *Annales HSS* 57, 2:851–65.

Debray, Régis. 1967. *Revolution in the Revolution? Armed Struggle and Political Struggle in Latin America*. New York: Grove Press.

Debray, Régis (in collaboration with Ricardo Ramirez). 1975. *Guatemala*. In Régis Debray (ed.), *Las pruebas de fuego*, 249–324. Mexico: Siglo Veintiuno Editores.

Decker, Scott H. 1993. Exploring Victim-Offender Relationships in Homicide: The Role of Individual and Event Characteristics. *Justice Quarterly* 10:585–612.

De Figueiredo, Rui J. P., Jr., and Barry R. Weingast. 1999. The Rationality of Fear: Political Opportunism and Ethnic Conflict. In Barbara F. Walter and Jack Snyder (eds.), *Civil Wars, Insecurity, and Intervention*, 261–302. New York: Columbia University Press.

De Foxà, Agustín. 1993. *Madrid de Corte a Checa*. Barcelona: Planeta.

Degregori, Carlos Iván. 1998. Harvesting Storms: Peasant Rondas and the Defeat of Sendero Luminoso in Ayacucho. In Steve J. Stern (ed.), *Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995*, 128–57. Durham: Duke University Press.

de la Cueva, Julio. 1998. Religious Persecution, Anticlerical Tradition, and Revolution: On Atrocities against the Clergy during the Spanish Civil War. *Journal of Contemporary History* 33, 3:355–69.

Della Porta, Donatella. 1995. *Social Movements, Political Violence, and the State: A Comparative Analysis of Italy and Germany*. Cambridge: Cambridge University Press.

Del Pino, H. Ponciano. 1998. Family, Culture, and “Revolution”: Everyday Life with Sendero Luminoso. In Steve J. Stern (ed.), *Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995*, 158–92. Durham: Duke University Press.

De Lupis, Ingrid Detter. 1987. *The Law of War*. Cambridge: Cambridge University Press.

DeNardo, J. N. 1985. *Power in Numbers*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Derriennic, Jean-Pierre. 2001. *Les guerres civiles*. Paris: Presses de Sciences Po.

De Staël, Germaine. 1799 [1798]. *Des circonstances actuelles qui peuvent terminer la révolution et des principes qui doivent fonder la république en France*. Critical edition by Lucia Omacini. Geneva: Librairie Droz.

De Staël, Germaine. 1818. *Considerations on the Principal Events of the French Revolution*. London: Baldwin, Cradock, and Joy.

deTurck, M. A., and G. R. Miller. 1990. Training Observers to Detect Deception: Effects of Self-Monitoring and Rehearsal. *Human Communication Research* 16, 4:603–20.

De Waal, Alexander. 1991. *Evil Days: Thirty Years of War and Famine in Ethiopia*. New York: Human Rights Watch.

Díaz-Balart, Mirta Núñez, and Antonio Rojas Friend. 1997. *Consejo de guerra: Los fusilamientos en el Madrid de la posguerra (1939–1945)*. Madrid: Compañía Literaria.

Dillon, Martin. 1990. *The Dirty War: Covert Strategies and Tactics Used in Political Conflicts*. New York: Routledge.

Dillon, Sam. 1991. *Commandos: The CIA and Nicaragua's Contra Rebels*. New York: Henry Holt.

Dion, Douglas. 1997. Competition and Ethnic Conflict: Artifactual? *Journal of Conflict Resolution* 41:5, 638–48.

Djilas, Milovan. 1980. *Tito: The Story from Inside*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Donagan, Barbara. 1994. Atrocity, War Crime, and Treason in the English Civil War. *American Historical Review* 99, 4:1137–66.

Downes, Alexander B. 2004. *Drastic Measures: Why Civilians Are Victimized in War*. Ph.D. dissertation, University of Chicago.

Downie, Richard Duncan. 1998. *Learning from Conflict: The U.S. Military in Vietnam, El Salvador, and the Drug War*. Westport, Conn.: Praeger.

Dulić, Tomislav. 2004. Tito's Slaughterhouse: A Critical Analysis of Rummel's Work on Democide. *Journal of Peace Research* 41, 1:85–102.

Dupuy, Roger. 1997. *Les chouans*. Paris: Hachette.

Durkheim, Emile. 1951 [1897]. *Suicide: A Study in Sociology*. New York: Free Press.

Durkheim, Emile. 1938 [1895]. *The Rules of Sociological Method*. New York: Free Press.

Durrell, Lawrence. 1996 [1957]. *Bitter Lemons*. New York: Marlowe.

Duvall, Raymond, and Michael Stohl. 1983. Governance by Terror. In Michael Stohl (ed.), *The Politics of Terrorism*, 179–219. New York: Marcel Dekker.

Duyvesteyn, Isabelle. 2000. Contemporary War: Ethnic Conflict, Resource Conflict, or Something Else? *Civil Wars* 3, 1:92–116.

Dwyer, Jim. 2001. Memories of the Louima Case: 1 Meeting, 4 Trained Observers. *New York Times*, 19 August, 14.

Earle, Timothy. 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Ebel, Roland H. 1988. When Indians Take Power: Conflict and Consensus in San Juan Ostuncalco. In Robert M. Carmack (ed.), *Harvest of Violence: The Maya Indians and the Guatemalan Crisis*, 174–91. Norman: University of Oklahoma Press.

Echandia, Camilo. 1999. *Conflicto armado y las manifestaciones de violencia en las regiones de Colombia*. Santafé de Bogotá: Presidencia de la República de Colombia, Oficina del Alto Comisionado para la Paz, Observatorio de Violencia.

Eckhardt, William. 1989. Civilian Deaths in Wartime. *Bulletin of Peace Proposals* 20, 1: 89–98.

Eckstein, Harry. 1965. On the Etiology of Internal Wars. *History and Theory* 4, 2:133–63.

Economist. 2003. Far from Normal. An Impending Referendum Will Bring Neither Peace nor Security. 22 March, 46.

Ekirch, A. Roger. 1985. Whig Authority and Public Order in Backcountry North Carolina, 1776–1783. In Ronald Hoffman, Thad W. Tate, and Peter J. Albert (eds.), *An Uncivil War: The Southern Backcountry during the American Revolution*, 99–124. Charlottesville: University Press of Virginia.

Elias, Norbert. 1994. *The Civilizing Process*. Translated by Edmund Jephcott. Oxford: Blackwell.

Ellin, Abby. 2001. Family Conflicts That Can Bring a Business Down. *New York Times*, 29 August, C1.

Elliott, David W. P. 2003. *The Vietnamese War: Revolution and Social Change in the Mekong Delta, 1930–1975*. 2 vols. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe.

Ellis, Stephen. 1999. *The Mask of Anarchy: The Destruction of Liberia and the Religious Dimension of an African Civil War*. New York: New York University Press.

Ellis, Stephen. 1995. Liberia 1989–1994: A Study of Ethnic and Spiritual Violence. *African Affairs* 94, 375:165–97.

Ellsberg, Daniel. 2003. *Secrets: A Memoir of Vietnam and the Pentagon Papers*. New York: Penguin.

Ellul, Jacques. 1969. *Violence: Reflections from a Christian Perspective*. New York: Seabury Press.

Elster, Jon. 1999. *Alchemies of the Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.

Enzensberger, Hans Magnus. 1994. *Civil Wars: From L.A. to Bosnia*. New York: New Press.

Epstein, Joseph. 2002. *Snobbery: The American Version*. New York: Houghton Mifflin.

Ermakoff, Ivan. 2001. *Ideological Challenge, Strategies of Action, and Regime Breakdown*. Unpublished paper, Department of Sociology, University of Wisconsin-Madison.

Escott, Paul D. 1978. *After Secession: Jefferson Davis and the Failure of Confederate Nationalism*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.

Escott, Paul D., and Jeffrey J. Crow. 1986. The Social Order and Violent Disorder: An Analysis of North Carolina in the Revolution and the Civil War. *Journal of Southern History* 52, 3:373–402.

Essien, Jeremiah Moses. 1987. *In the Shadow of Death: Personal Recollections of Events during the Nigerian Civil War*. Ibadan: Heineman.

Esteban, J., and D. Ray. 1994. On the Measurement of Polarization. *Econometrica* 62: 819–52.

Estrada i Planell, Gemma. 1995. *La Guerra Civil al Bruc*. Barcelona: Publicacions de l'Abadia de Montserrat.

Evans, Emory G. 1985. *Trouble in the Backcountry: Disaffection in Southwest Virginia during the American Revolution*. In Ronald Hoffman, Thad W. Tate, and Peter J. Albert (eds.), *An Uncivil War: The Southern Backcountry during the American Revolution, 179–212*. Charlottesville: University Press of Virginia.

Everitt, Alan. 1997. *The Local Community and the Great Rebellion*. In R. C. Richardson (ed.), *The English Civil Wars: Local Aspects, 15–36*. Phoenix Mill: Sutton.

Faivre, Maurice. 1994. *Un village de Harkis*. Paris: L'Harmattan.

Fall, Bernard B. 2000. *Vietnam Blitz: A Report on the Impersonal War*. In *Reporting Vietnam: American Journalism, 1959–1975, 106–17*. New York: Library of America.

Falla, Ricardo. 1994. *Massacres in the Jungle: Ixcán, Guatemala, 1975–1982*. Boulder, Colo.: Westview Press.

Fawaz, Leila Tarazi. 1994. *An Occasion for War: Civil Conflict in Lebanon and Damascus in 1860*. Berkeley: University of California Press.

Fearon, James D., and David D. Laitin. 2003. *Ethnicity, Insurgency, and Civil War*. *American Political Science Review* 97, 1:75–86.

Fearon, James D., and David D. Laitin. 2000. *Violence and the Social Construction of Ethnic Identity*. *International Organization* 54, 4:845–77.

Fehr, Ernst, and Simon Gächter. 2002. *Altruistic Punishment in Humans*. *Nature* 415: 137–40.

Fein, Helen. 1993. *Genocide: A Sociological Perspective*. London: Sage.

Fein, Helen. 1979. *Accounting for Genocide: National Responses and Jewish Victimization during the Holocaust*. Chicago: University of Chicago Press.

Feldman, Arnold S. 1964. *Violence and Volatility: The Likelihood of Revolution*. In Harry Eckstein (ed.), *Internal War: Problems and Approaches, 111–29*. New York: Free Press.

Fellman, Michael. 1989. *Inside War: The Guerrilla Conflict in Missouri during the American Civil War*. New York: Oxford University Press.

Fenoglio, Beppe. 1973. *La guerre sur les collines*. Paris: Gallimard.

Feraoun, Mouloud. 2000. *Journal 1955–1962: Reflections on the French-Algerian War*. Lincoln: University of Nebraska Press.

Ferguson, A. Thomas, Jr. 1975. *Sources for the Study of Revolutionary Guerrilla Warfare*. In Sam C. Sarkesian (ed.), *Revolutionary Guerrilla Warfare, 617–23*. Chicago: Precedent Publishing.

Fichtl, Eric. 2004. *The Ambiguous Nature of "Collaboration" in Colombia*. *Colombia Journal Online*, March. <http://www.colombiajournal.org/colombia181.htm>.

Fichtl, Eric. 2003. Araucan Nightmare: Life and Death in Tame. *Columbia Journal Online*, August. http://www.columbiajournal.org/araucan_nightmare.htm.

Fiennes, Ranulph. 1975. *Where Soldiers Fear to Tread*. London: Hodder and Stoughton.

Figes, Orlando. 1996. *A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924*. New York: Penguin.

Figes, Orlando. 1989. *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921)*. Oxford: Clarendon Press.

Filkins, Dexter. 2005. The Fall of the Warrior King. *New York Times Magazine*, 23 October, 52–177.

Filkins, Dexter. 2004. US Plans Year-End Drive to Take Iraqi Rebel Areas. *New York Times*, 19 September, 1.

Filkins, Dexter. 2001. Surrender of Taliban Begins at Final Northern Stronghold. *New York Times*, 25 November, A1.

Filkins, Dexter (with Carlotta Gall). 2001. Fierce Fighting at Kunduz Undercuts Surrender Deal. *New York Times*, 23 November, B2.

Finer, Jonathan. 2005. Informants Decide Fate of Iraqi Detainees. U.S. Military Relies on Guidance of “Sources” in Tall Afar. *Washington Post*, 13 September, A1.

Finley, Milton. 1994. *The Most Monstrous of Wars: The Napoleonic Guerrilla War in Southern Italy, 1806–1811*. Columbia: University of South Carolina Press.

Finnegan, William. 1999. The Invisible War. *New Yorker*, 25 January.

Finnegan, William. 1992. *A Complicated War: The Harrowing of Mozambique*. Berkeley: University of California Press.

Firestone, David. 2000. Booming Atlanta Saps Water as Drought Wilts Georgia. *New York Times*, 15 June, A16.

Fisher, Noel C. 1997. *War at Every Door: Partisan Politics and Guerrilla Violence in East Tennessee, 1860–1869*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

FitzGerald, Frances. 1989. *Fire in the Lake: The Vietnamese and the Americans in Vietnam*. New York: Vintage Books.

Fitzpatrick, Sheila. 1997. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s. In Sheila Fitzpatrick and Robert Gellately (eds.), *Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989*, 85–120. Chicago: University of Chicago Press.

Fitzpatrick, Sheila. 1994. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York: Oxford University Press.

Fitzpatrick, Sheila, and Robert Gellately. 1997. Introduction to the Practices of Denunciation in Modern European History. In Sheila Fitzpatrick and Robert

Gellately (eds.), *Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989*, 1–21. Chicago: University of Chicago Press.

Flower, Ken. 1987. *Serving Secretly: An Intelligence Chief on Record; Rhodesia into Zimbabwe, 1964–1981*. London: John Murray.

Forero, Juan. 2002. *Colombian Troops Move on Rebel Zone as Talks Fail*. *New York Times*, 11 January, A9.

Forero, Juan. 2001. *Colombia's Army Rebuilds and Challenges Rebels*. *New York Times*, 2 September, A3.

Forero, Juan. 2000. *Rebel-Held Zone in Colombia Fears End of Truce*. *New York Times*, 16 December, A3.

Forment, Carlos A. 2000. *Democracy in Latin America: Civic Selfhood and Public Life in Postcolonial Mexico and Peru*. Unpublished paper.

Foucault, Michel. 1977. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Pantheon Books.

Franzinelli, Mimmo. 2002. *Delatori. Spie e confidenti anonimi: L'arma segreta del regime fascista*. Milan: Mondadori.

Fraser, Ronald. 1993. *La historia oral como historia desde abajo*. *Ayer* 12:79–92.

Freeman, Simon. 1994. *Learning the Fundamental Lessons of Religious Conviction*. *Scotsman*, 28 December, 14.

Freeman, Susan Tax. 1979. *The Pasiegos: Spaniards in No Man's Land*. Chicago: University of Chicago Press.

Freeman, Susan Tax. 1970. *Neighbors: The Social Contract in a Castilian Hamlet*. Chicago: University of Chicago Press.

Friedrich, Carl J. 1972. *The Pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy, and Propaganda*. New York: Harper & Row.

Friedrich, Paul. 1977. *Agrarian Revolt in a Mexican Village*. Chicago: University of Chicago Press.

Frijda, Nico H. 1994. *The Lex Talionis: On Vengeance*. In Stephanie H. M. Van Goozen, Nanne E. Van de Poll, and Joseph Sergeant (eds.), *Emotions: Essays on Emotion Theory*, 263–89. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates.

Furet, Francois. 1981. *Interpreting the French Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gacemi, Baya. 1998. *Moi, Nadia, femme d'un émir du GIA*. Paris: Éditions du Seuil.

Gall, Carlotta. 2005. *Despite Years of U.S. Pressure, Taliban Fight On in Jagged Hills*. *New York Times*, 4 June, A1, A6.

Gall, Carlotta. 2001. *The Way We Live Now: Questions for Kenneth Gluck; Home Free*. *New York Times Magazine*, 11 March, 25.

Gall, Carlotta. 1999. *Villagers Hope Kosovo Peace Arrives before the War*. *New York Times*, 15 March, A6.

Gallagher, A. M. 1995. Policing Northern Ireland: Attitudinal Evidence. In Alan O'Day (ed.), *Terrorism's Laboratory: The Case of Northern Ireland*, 47–58. Aldershot: Dartmouth.

Galtung, Johan. 1975. *Peace: Research, Education, Action*. Copenhagen: Christian Ejlertsen.

Gambetta, Diego. 1993. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Garton Ash, Timothy. 1997. *The File: A Personal History*. New York: Random House.

Garvin, John R. 1991. Uncomfortable Wars: Toward a New Paradigm. In Max G. Manwaring (ed.), *Uncomfortable Wars: Toward a New Paradigm of Low Intensity Conflict*, 9–28. Boulder, Colo.: Westview Press.

Gawande, Atul. 2001. Under Suspicion. *The Fugitive Science of Criminal Justice*. *New Yorker*, 8 January, 50–3.

Geffray, Christian. 1990. *La cause des armes au Mozambique: Anthropologie d'une guerre civile*. Paris: Karthala.

Gellately, Robert. 1997. Denunciations in Twentieth-Century Germany: Aspects of Self-Policing in the Third Reich and the German Democratic Republic. In Sheila Fitzpatrick and Robert Gellately (eds.), *Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989*, 185–221. Chicago: University of Chicago Press.

Gellately, Robert. 1991. *The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy, 1933–1945*. Oxford: Oxford University Press.

Genschel, Philipp, and Klaus Schlichte. 1998. Civil War as a Chronic Condition. *Law and State*, 58:107–23.

Georgy, Michael. 2003. Iraqi Tribal Revenge Fuels Falluja's Anti-U.S. Rage. *Reuters*, 6 November. <http://www.reuters.com>, storyID = 3766606.

Gersony, Robert. 1988. Summary of Mozambican Refugee Accounts of Principally Conflict-Related Experience in Mozambique. Report submitted to Ambassador Jonathon Moore, Director, Bureau for Refugees Program and Dr. Chester Crocker, Assistant Secretary of African Affairs, Washington, D.C., April.

Getty, J. Arch, and Roberta T. Manning. 1993. Introduction. In J. Arch Getty and Roberta T. Manning (eds.), *Stalinist Terror: New Perspectives*, 1–20. Cambridge: Cambridge University Press.

Geyer, Michael. 2000. Civitella della Chiana on 29 June 1944. The Reconstruction of a German "Measure." In Hannes Heer and Klaus Naumann (eds.), *War of Extermination: The German Military in World War II, 1941–1944*, 175–216. New York: Berghahn Books.

Gilbert, Daniel T., and Patrick S. Malone. 1995. The Correspondence Bias. *Psychological Bulletin* 117, 1:21–38.

Gillespie, Richard. 1995. Political Violence in Argentina: Guerrillas, Terrorists, and Carapintadas. In Martha Crenshaw (ed.), *Terrorism in Context*, 211–48. University Park: Pennsylvania State University Press.

Gilmore, David D. 1987. *Aggression and Community: Paradoxes of Andalusian Culture*. New Haven: Yale University Press.

Gilsenan, Michael. 1999. Problems in the Analysis of Violence. In Jean Hannoyer (ed.), *Guerres civiles: Economies de la violence, dimensions de la civilité*, 105–22. Paris: KarthalaCermoc.

Gilsenan, Michael. 1996. *Lords of the Lebanese Marches: Violence and Narrative in an Arab Society*. London: I. B. Tauris.

Girard, René. 1977. *Violence and the Sacred*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Giustozzi, Antonio. 2000. *War, Politics, and Society in Afghanistan, 1978–1992*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.

Glaberson, William. 2001. A Tale of Betrayals Unfolds in a Montana Drug Trial. *New York Times*, 14 May, A13.

Glanz, James. 2005. New Iraqi Soldiers Gain Ground but Face Pitfalls. *New York Times*, 6 April, A14.

Given, James B. 1997. *Inquisition and Medieval Society: Power, Discipline, and Resistance in Languedoc*. Ithaca: Cornell University Press.

Goldberg, Carey. 2003. Studies Say Old Memories Can Be Lost. *Boston Globe*, 30 December, A1.

Goldberg, Carey. 1999. Court Ruling Sets Guides on Use of Informers. *New York Times*, 16 September, A18.

Goldhagen, Daniel. 1996. *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust*. New York: Alfred A. Knopf.

Goldstein, Robert Justin. 1992. The Limitations of Using Quantitative Data in Studying Human Rights Abuses. In Thomas B. Jabine and Richard P. Claude (eds.), *Human Rights and Statistics: Getting the Record Straight*, 35–61. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Goltz, Thomas. 1998. *Azerbaijan Diary: A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War Torn, Post-Soviet Republic*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe.

Goodwin, Jeff. 2001. *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*. Cambridge: Cambridge University Press.

Goodwin, Jeff. 1999. *Are Rebels Opportunists? Political Opportunities and the Emergence of Political Contention*. Unpublished paper.

Gordon, Michael R. 2000a. Chechen Rebels Swim in Friendly Waters to Nip Russians. *New York Times*, 12 January, A3.

Gordon, Michael R. 2000b. Russia Takes Chechen Town, but Can It Keep It? *New York Times*, 14 January, A4.

Gordon, Michael R. 1999a. Russian Generals See Victory Near in Caucasus Clash. *New York Times*, 16 August, A1.

Gordon, Michael R. 1999b. Russia Uses a Sledgehammer in Chechnya War This Time. *New York Times*, 8 December, A1.

Gordon, Michael R. 1999c. Chechens Say They Were Shot at in Safe Corridor. *New York Times*, 17 December, A1.

Gossman, Patricia. 2000. India's Secret Armies. In Bruce B. Campbell and Arthur D. Brenner (eds.), *Death Squads in Global Perspective: Murder with Deniability*, 261–86. New York: St. Martin's Press.

Gottschalk, Keith. 2000. National, Ethnic, and Religious Identity Conflict. In Bruce B. Campbell and Arthur D. Brenner (eds.), *Death Squads in Global Perspective: Murder with Deniability*, 229–59. New York: St. Martin's Press.

Gould, Roger. 2003. Collision of Wills. How Ambiguity about Social Rank Breeds Conflict. Chicago: University of Chicago Press.

Gould, Roger. 1995. *Insurgent Identities: Class, Community, and Protest in Paris from 1848 to the Commune*. Chicago: University of Chicago Press.

Gourevitch, Philip. 1998. *We Wish to Inform You That Tomorrow We Will Be Killed with Our Families: Stories from Rwanda*. New York: Farrar, Straus, and Giroux.

Graham, Patrick . 2005. The Message from the Sunni Heartland. *New York Times*, 22 May, WK3.

Green, Linda. 1995. Living in a State of Fear. In Carolyn Nordstrom and Antonius C. G. M. Robben (eds.), *Fieldwork under Fire: Contemporary Studies of Violence and Survival*, 105–27. Berkeley: University of California Press.

Greenberg, Joel. 2001. As Violence Erupts, Barak and Sharon Agree on Unity Guidelines *New York Times*, 13 February, A1, A8.

Greene, Thomas H. 1990. *Comparative Revolutionary Movements: Search for Theory and Justice*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

Greenhill, Kelly M. 2003. The Use of Refugees as Political and Military Weapons in the Kosovo Conflict. In Raju G. C. Thomas (ed.), *Yugoslavia Unraveled: Sovereignty, Self-Determination, and Intervention*, 205–42. Lanham, Md.: Lexington Books/Rowman and Littlefield.

Greer, Donald. 1935. *The Incidence of the Terror during the French Revolution: A Statistical Interpretation*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Grenier, Yvon. 1999. *The Emergence of Insurgency in El Salvador: Ideology and Political Will*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Griffin, Patricia E. 1976. *The Chinese Communist Treatment of Counterrevolutionaries: 1924–1949*. Princeton, N.J.; Princeton University Press.

Grigorenko, Petro G. 1982. *Memoirs*. New York: Norton.

Gross, Jan T. 2001. *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Gross, Jan T. 1988. *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Gross, Jan T. 1979. *Polish Society under German Occupation: The Generalgouvernement, 1939–1944*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Gross, Jane. 2005. *Under One Roof, Aging Together Yet Alone*. New York Times, 30 January, 1.

Grossman, Dave. 1995. *On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society*. Boston: Little, Brown.

Groth, Siegfried. 1995. *Namibia — The Wall of Silence: The Dark Days of the Liberation Struggle*. Wuppertal: Peter Hammer Verlag.

Grotius, Hugo. 1925[1625]. *De Jure Belli Ac Pacis*. Translated by Francis W. Kelsey, with the collaboration of Arthur E. R. Boak, Henry A. Sanders, Jesse S. Reeves, and Herbert F. Wright. Oxford: Clarendon Press, 1925.

Guelke, Adrian. 1995. *The Age of Terrorism and the International Political System*. New York: St. Martin's Press.

Guha, Ranajit. 1999. *Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India*. Durham: Duke University Press.

Gulden, Timothy R. 2002. *Spatial and Temporal Patterns in Civil Violence: Guatemala, 1977–1986*. Working Paper No. 26. Washington, D.C.: CSED.

Gumz, Jonathan E. 2001. *Wehrmacht Perceptions of Mass Violence in Croatia, 1941–1942*. *Historical Journal* 44, 4:1015–38.

Gunther, John. 1949. *Behind the Curtain*. New York: Harper.

Gurr, Ted R. 1986. *The Political Origins of State Violence and Terror: A Theoretical Analysis*. In Michael Stohl and George Lopez (eds.), *Government Violence and Repression: An Agenda for Research*, 45–72. New York: Greenwood Press.

Gurr, Ted R. 1980. *Handbook of Political Conflict*. New York: Free Press.

Gurr, Ted R. 1975. *Psychological Factors in Civil Violence*. In Sam C. Sarkesian (ed.), *Revolutionary Guerrilla Warfare*, 75–114. Chicago: Precedent Publishing.

Gurr, Ted R. 1970. *Why Men Rebel*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Gutman, Roy. 1993. *A Witness to Genocide: The First Inside Account of the Horrors of "Ethnic Cleansing" in Bosnia*. Shaftesbury, Dorset: Element Books.

Haberman, Clyde. 2001. *Arab Fury Rising at Enemy Within*. New York Times, 7 August, A1.

Haberman, Clyde. 1991. *After Four Years, Intifada Still Smolders*. New York Times, 9 December, A11.

- Halbwachs, Maurice. 1968. *La m'emoire collective*. Paris: PUF.
- Hale, J. R. 1971. Sixteenth-Century Explanations of War and Violence. *Past and Present* 51:3–26.
- Hall, Brian. 1994. *The Impossible Country: A Journey through the Last Days of Yugoslavia*. New York: Penguin.
- Hamilton-Merritt, Jane. 1993. *Tragic Mountains: The Hmong, the Americans, and the Secret Wars for Laos, 1942–1992*. Bloomington: Indiana University Press.
- Hammond, Jenny. 1999. *Fire from the Ashes: A Chronicle of the Revolution in Tigray, Ethiopia, 1975–1991*. Lawrenceville, N.J.: Red Sea Press.
- Hamoumou, Mohand. 1993. *Et ils sont devenus Harkis*. Paris: Fayard.
- Harbom, Lotta, and Peter Wallensteen. 2005. *Armed Conflict and Its International Dimensions, 1946–2004*. *Journal of Peace Research* 42, 5:623–35.
- Hardin, Russell. 1995. *One for All: The Logic of Group Conflict*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Harding, Susan F. 1984. *Remaking Ibiaca: Rural Life in Aragon under Franco*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Harff, Barbara. 2003. No Lessons Learned from the Holocaust? Assessing Risks of Genocide and Political Mass Murder since 1955. *American Political Science Review* 97, 1: 57–73.
- Harkavy, Robert E., and Stephanie G. Neuman. 2001. *Warfare and the Third World*. New York: Palgrave.
- Harmon, Christopher C. 1992. Illustrations of “Learning” in Counterinsurgency. *Comparative Strategy* 11, 1:29–48.
- Harris, Rosemary. 1989. Anthropological Views on “Violence” in Northern Ireland. In Yonah Alexander and Alan O’Day (eds.), *Ireland’s Terrorist Trauma: Interdisciplinary Perspectives*, 75–100. New York: St. Martin’s Press.
- Hart, Peter. 1999. *The I.R.A. and Its Enemies: Violence and Community in Cork, 1916–1923*. New York: Clarendon Press. Hart, Peter. 1997. The Geography of Revolution in Ireland, 1917–1923. *Past & Present* 155:142–55.
- Hartford, Katherine. 1989. Repression and Communist Success: The Case of Jin-ChaJi, 1938–1943. In Kathleen Hartford and Steven M. Goldstein (eds.), *Single Sparks: China’s Rural Revolutions*, 92–127. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe.
- Hayden, William. 1999. The Kosovo Conflict: The Strategic Use of Displacement and the Obstacle to International Protection. *Civil Wars* 2, 1:35–68.
- Hechter, Michael. 1987. *Principles of Group Solidarity*. Berkeley: University of California Press.
- Hedges, Chris. 2003. *War Is a Force That Gives Us Meaning*. New York: Anchor Books.
- Hedges, Chris. 1997. War Crime “Victims” Are Alive, Embarrassing Bosnia. *International Herald Tribune*, 3 March.

Hedman, Eva-Lotta. 2000. State of Siege: Political Violence and Vigilante Mobilization in the Philippines. In Bruce B. Campbell and Arthur D. Brenner (eds.), *Death Squads in Global Perspective: Murder with Deniability*, 125–51. New York: St. Martin's Press.

Heer, Hannes. 2000. The Logic of the War of Extermination: The Wehrmacht and the Anti-Partisan War. In Hannes Heer and Klaus Naumann (eds.), *War of Extermination: The German Military in World War II, 1941–1944*, 92–126. New York: Berghahn Books.

Heer, Hannes, and Klaus Naumann. 2000. Introduction. In Hannes Heer and Klaus Naumann (eds.), *War of Extermination: The German Military in World War II, 1941–1944*, 1–12. New York: Berghahn Books.

Heilbrunn, Otto. 1967. *Partisan Warfare*. New York: Praeger.

Henderson, James D. 1985. *When Colombia Bled: A History of the Violencia in Tolima*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.

Henriksen, Thomas H. 1983. *Revolution and Counterrevolution: Mozambique's War of Independence, 1964–1974*. Westport, Conn.: Greenwood Press.

Henriksen, Thomas H. 1976. People's War in Angola, Mozambique, and Guinea-Bissau. *Journal of Modern African Studies* 14, 3:377–99.

Héritier, Françoise (ed.). 1996. *De la violence*. Paris: Odile Jacob.

Herrington, Stuart A. 1997. *Stalking the Vietcong: Inside Operation Phoenix: A Personal Account*. Novato, Calif.: Presidio Press.

Hill, Alexander. 2002. The Partisan War in North-West Russia, 1941–44: A Reexamination. *Journal of Strategic Studies* 25, 3:37–55.

Hilton, Isabel. 2002. *Between the Mountains*. *New Yorker*, 11 March, 64–75.

Hinton, William. 1984. *Shenfan: The Continuing Revolution in a Chinese Village*. New York: Vintage Books.

Hoare, Marko. 2001. *The Partisans in Bosnia-Herzegovina, 1941–1946*. Unpublished paper.

Hobbes, Thomas. 1968 [1651]. *Leviathan*. Edited by C. B. Macpherson. Harmondsworth: Penguin.

Hobsbawm, E. J. 2001. Foreword. In Gonzalo Sánchez and Donny Meertens, *Bandits, Peasants, and Politics: The Case of "La Violencia" in Colombia*, ix–xii. Austin: University of Texas Press.

Hobsbawm, E. J. 1997. *On History*. New York: New Press.

Hobsbawm, E. J. 1988. History from Below — Some Reflections. In Frederick Krantz (ed.), *History from Below: Studies in Popular Protest and Popular Ideology*, 13–27. Oxford: Blackwell.

Hodson, Randy, Duško Seculič, and Garth Massey. 1994. National Tolerance in the Former Yugoslavia. *American Journal of Sociology* 99:1535–58.

Hofheinz, Roy, Jr. 1969. The Ecology of Chinese Communist Success: Rural Influence Patterns, 1923–45. In Doak Barnett (ed.), *Chinese Communist Politics in Action*, 3–77. Seattle: University of Washington Press.

Holsti, Kalevi J. 1996. *The State, War, and the State of War*. Cambridge: Cambridge University Press.

Horne, Alistair. 1987. *A Savage War of Peace: Algeria, 1954–1962*. New York: Penguin Books.

Horowitz, Donald L. 2001. *The Deadly Ethnic Riot*. Berkeley: University of California Press.

Horowitz, Donald L. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.

Horton, Lynn. 1998. *Peasants in Arms: War and Peace in the Mountains of Nicaragua, 1979–1984*. Athens: Ohio University Center for International Studies.

Hosmer, Stephen T. 1970. *Viet Cong Repression and Its Implications for the Future*. Lexington, Mass.: D.C. Heath.

Housego, Kim. 2004. Colombian Towns Fear a Rebel Resurgence. <http://archive.wn.com/2004/03/10/1400/colombiapost/>.

Hovil, Lucy, and Eric Werker. 2005. Portrait of a Failed Rebellion. An Account of Rational, Sub-optimal Violence in Western Uganda. *Rationality and Society* 17, 1:5–34.

Howard, Michael. 1994. Constraints on Warfare. In Michael Howard, George J. Andreopoulos, and Mark R. Shulman (eds.), *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World*, 1–11. New Haven: Yale University Press.

Howell, Roger, Jr. 1997. Newcastle and the Nation: The Seventeenth-Century Experience. In R. C. Richardson (ed.), *The English Civil Wars: Local Aspects*, 309–29. Phoenix Mill: Sutton.

Hua, Linshan, and Isabelle Thireau. 1996. *Enqu^ete sociologique sur la Chine, 1911–1949*. Paris: Presses Universitaires de France.

Hull, Isabel V. 2004. *Instant Degeneration: Systemic Radicalization in German Warfare in the First Months of World War I*. Unpublished paper.

Human Rights Watch. 1992. *War Crimes in Bosnia-Herzegovina: A Helsinki Watch Report*. Vol. 1. New York: Human Rights Watch.

Hunt, David. 1974. Villagers at War: The National Liberation Front in My Tho Provinces, 1965–1967. *Radical America* 8, 1–2:3–184.

Huseen, Akeel, and Nicolas Pelhman. 2004. *Rebels' Writ Runs Large across the Troublesome Sunni Triangle*. *Financial Times*, 30 July, 7.

Ignatieff, Michael. 1998. *The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience*. New York: Henry Holt.

Jacoby, Susan. 1983. *Wild Justice: The Evolution of Revenge*. New York: Harper & Row.

James, Clive. 2003. *The Good of a Bad Review*. *New York Times*, 7 September, 13.

Jankowski, Paul. 1989. *Communism and Collaboration: Simon Sabiani and Politics in Marseille, 1919–1944*. New Haven: Yale University Press.

Jing, Jun. 1996. *The Temple of Memories: History, Power, and Morality in a Chinese Village*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Johnson, Chalmers. 1968. *The Third Generation of Guerrilla Warfare*. *Asian Survey* 8, 6:435–47.

Johnson, Chalmers. 1962. *Civilian Loyalties and Guerrilla Conflict*. *World Politics* 14, 4:646–61.

Johnson, Michael. 2001. *All Honourable Men: The Social Origins of War in Lebanon*. London: I. B. Tauris.

Jok, Madut, and Sharon Elaine Hutchinson. 1999. *Sudan's Prolonged Second Civil War and the Militarization of Nuer and Dinka Ethnic Identities*. *African Studies Review* 42, 2:125–45.

Jolliffe, Jill. 1978. *East Timor: Nationalism and Colonialism*. St. Lucia, Queensland: University of Queensland Press.

Jonassohn, Kurt (with Karin Solveig Bjornson). ~ 1998. *Genocide and Gross Human Rights Violations in Comparative Perspective*. New Brunswick, N.J.: Transaction.

Jones, Adrian H., and Andrew R. Molnar. 1966. *Internal Defense against Insurgency: Six Cases*. Washington, D.C.: Center for Research in Social Systems.

Jones, Gregg R. 1989. *Red Revolution: Inside the Philippine Guerrilla Movement*. Boulder, Colo.: Westview Press.

Jones, James C. 2000. *We're Targeting a Colombia We Don't Fully Understand*. *Washington Post*, April 2.

Jongerden, Joost. 2001. *Resettlement and Reconstruction of Identity: The Case of the Kurds in Turkey*. *Global Review of Ethnopolitics* 1, 1:80–6.

Joshi, Vandana. 2003. *Gender and Power in the Third Reich: Female Denouncers and the Gestapo (1933–1945)*. Houndmills: Palgrave Macmillan.

Joshi, Vandana. 2002. *The "Private" Became "Public": Wives as Denouncers in the Third Reich*. *Journal of Contemporary History* 37, 3:419–35.

Jouanna, Arlette. 1998. *Saint-Barthélemy*. In Arlette Jouanna, Jacqueline Boucher, Dominique Biloghi, and Guy Le Thiec, *Histoire et dictionnaire des guerres de religion, 1262–4*. Paris: Laffont.

Juliá, Santos. 2000. *Introducción: Violencia política en España. Fin de una larga historia?* ~ In Santos Juliá (ed.), *Violencia política en la España del Siglo XX*, 11–23. Madrid: Taurus.

Juliá, Santos. 1999. De "guerra contra el invasor" a "guerra fratricida." In Santos Juliá (ed.), *Víctimas de la guerra civil*, 11–54. Madrid: Temas de Hoy.

Kahneman, Daniel, and Amos Tversky. 1974. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science* 185:1124–31.

Kakar, Sudhir. 1996. *The Colors of Violence: Cultural Identities, Religion, and Conflict*. Chicago: University of Chicago Press.

Kaldor, Mary. 1999. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Kalyvas, Stathis N. 2004. *Ethnicity and Civil War Violence: Micro-level Empirical Findings and Macro-level Hypotheses*. Unpublished paper.

Kalyvas, Stathis N. 2003. The Ontology of "Political Violence:" Action and Identity in Civil Wars. *Perspectives on Politics* 1, 3:475–94.

Kalyvas, Stathis N. 2001. "New" and "Old" Civil Wars: A Valid Distinction? *World Politics* 54, 1:99–118.

Kalyvas, Stathis N. 1999. Wanton and Senseless? The Logic of Massacres in Algeria. *Rationality and Society* 11, 3:243–85.

Kalyvas, Stathis N. 1996. *The Rise of Christian Democracy in Europe*. Ithaca: Cornell University Press.

Kalyvas, Stathis N., and Matthew Kocher. 2005. *Il modello Vietnam in Iraq. Il Manifesto*, 21 June, 5.

Kalyvas, Stathis N., and Matthew Kocher. 2004. *Violence and Control in Vietnam: An Analysis of the Hamlet Evaluation System (HES)*. Unpublished paper.

Kalyvas, Stathis N., and Nicholas Sambanis. 2005. *Bosnia's Civil War: Origins and Violence Dynamics*. In Paul Collier and Nicholas Sambanis (eds.), *Understanding Civil War: Evidence and Analysis*, 2:191–229. Washington, D.C.: World Bank.

Kalyvas, Stathis N., and Ignacio Sanchez-Cuenca. 2005. *The Absence of Suicide Missions*. In Diego Gambetta (ed.), *Making Sense of Suicide Missions*, 209–32. Oxford: Oxford University Press.

Kamen, Henry. 1998. *The Spanish Inquisition: A Historical Revision*. New Haven: Yale University Press.

Kann, Peter R. 2000. *A Long, Leisurely Drive through Mekong Delta Tells Much of the War*. In *Reporting Vietnam: American Journalism, 1959–1975*, 401–12. New York: Library of America.

Kannyo, Edward. 2000. *State Terrorism and Death Squads in Uganda (1971–79)*. In Bruce B. Campbell and Arthur D. Brenner (eds.), *Death Squads in Global Perspective: Murder with Deniability*, 153–79. New York: St. Martin's Press.

Katz, Amrom. 1975. *An Approach to Future Wars of National Liberation*. In Sam C. Sarkesian (ed.), *Revolutionary Guerrilla Warfare*, 587–601. Chicago: Precedent Publishing.

Katz, Jack. 1988. *Seductions of Crime: A Chilling Exploration of the Criminal Mind — from Juvenile Delinquency to Cold-blooded Murder*. New York: BasicBooks.

Kaufman, Stuart J. 2001. *Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War*. Ithaca: Cornell University Press.

Kaufmann, Chaim. 1996. Possible and Impossible Solutions to Ethnic Civil Wars. *International Security* 20, 4:136–75.

Keane, John. 1996. *Reflections on Violence*. London: Verso.

Kedward, H. R. 1993. *In Search of the Maquis: Rural Resistance in Southern France 1942–1944*. Oxford: Oxford University Press.

Keen, David. 1998. The Economic Functions of Violence in Civil Wars. *Adelphi Paper*, 320.

Keiser, Lincoln. 1991. *Friend by Day, Enemy by Night: Organized Vengeance in a Kohistani Community*. Fort Worth: Holt, Rinehart and Winston.

Kelly, Raymond C. 2000. *Warless Societies and the Origin of War*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Kennan, George F. 1951. *American Diplomacy, 1900–1950*. Chicago: University of Chicago Press.

Kenney, George. 1995. The Bosnia Calculation. *New York Times Magazine*, 23 April, 42–3.

Kenny, C. S. 1929. *Outlines of Criminal Law, Based on Lectures Delivered in the University of Cambridge*. 13th ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Kenny, C. S. 1907. *Outlines of Criminal Law*. Revised and adapted for American scholars, by James H. Webb. New York: Macmillan.

Kerkvliet, Benedict J. 1977. *The Huk Rebellion: A Study of Peasant Revolt in the Philippines*. Berkeley: University of California Press.

Khan, Amadu Wurie. 1998. Journalism and Armed Conflict in Africa: The Civil War in Sierra Leone. *Review of African Political Economy* 78:585–97.

Kheng, Cheah Boon. 1983. *Red Star over Malaya: Resistance and Social Conflict during and after the Japanese Occupation of Malaya, 1941–1946*. Singapore: Singapore University Press.

Kheng, Cheah Boon. 1980. The Social Impact of the Japanese Occupation of Malaya (1942–1945). In Alfred W. McCoy (ed.), *Southeast Asia under Japanese Occupation*, 91–123. New Haven: Yale University Southeast Asia Studies.

Kinzer, Stephen. 2000. In Kurdish Turkey, Problems of Peace. *New York Times*, 11 May, A8.

Kitson, Frank. 1960. *Gangs and Counter-Gangs*. London: Barrie and Rockliff.

Klinkhammer, Lutz. 1997. *Stragi Naziste in Italia: La guerra contro i civili (1943–1944)*. Rome: Donzelli.

Klonis, N. I. 1972. *Guerrilla Warfare: Analysis and Projections*. New York: Robert Speller & Sons.

Knight, Jonathan. 2003. Statistical Model Leaves Peru Counting the Cost of the Civil War. *Nature* 425, 6.

Kocher, Matthew. 2004. *Human Ecology and Civil War*. Ph.D. dissertation, University of Chicago.

Kolbert, Elizabeth. 2003. Looking for Lorca. *New Yorker*, 22–9 December, 64–75.

Kornbluh, Peter. 1988. Nicaragua: U.S. Proinsurgency Warfare against the Sandinistas. In Michael T. Klare and Peter Kornbluh (eds.), *Low-Intensity Warfare: Counterinsurgency, Proinsurgency, and Antiterrorism in the Eighties*, 136–57. New York: Pantheon Books.

Kozlov, Vladimir A. 1996. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944–1953. *Journal of Modern History* 68:867–98.

Krauss, Clifford. 2000. Peru “Innocents” Get Back Lives. *International Herald Tribune*, 18 July, 3.

Krauss, Clifford. 1999. A Revolution Peru’s Rebels Didn’t Intend. *New York Times*, 29 August.

Kriger, Norma. 1992. *Zimbabwe’s Guerrilla War: Peasant Voices*. Cambridge: Cambridge University Press.

Krueger, Alan, and Jitka Maleckova. 2002. Education, Poverty, Political Violence, and Terrorism: Is There a Causal Connection? NBER Working Paper No. 9074. Cambridge, Mass.

Kuran, Timur. 1991. Now Out of Never: The Element of Surprise in the Eastern European Revolution of 1989. *World Politics* 44:7–48.

Kuromiya, Hiroaki. 1993. Stalinist Terror in the Donbas: A Note. In J. Arch Getty and Roberta T. Manning (eds.), *Stalinist Terror: New Perspectives*, 215–22. Cambridge: Cambridge University Press.

Lacey, Mark. 2005. The Mournful Math of Darfur: The Dead Don’t Add Up. *New York Times*, 18 May, A4.

Lacoste-Dujardin, Camille. 1997. *Opération “Oiseau bleu”: Des Kabyles, des ethnologues et la guerre en Algérie*. Paris: Découverte.

Laitin, David. 2001. Secessionist Rebellion in the Former Soviet Union. *Comparative Political Studies* 34, 8:839–61.

Lansdale, Edward G. 1964. Viet Nam: Do We Understand Revolution? *Foreign Affairs* 43, 1:75–86.

Laqueur, Walter. 1998. *Guerrilla Warfare: A Historical and Critical Study*. New Brunswick, N.J.: Transaction.

Larwood, L., and W. Whitaker. 1977. Managerial Myopia: Self-Serving Biases in Organisational Planning. *Journal of Applied Psychology* 62:194–8.

Lary, Diana. 2001. A Ravaged Place: The Devastation of the Xuzhou Region, 1938. In Diana Lary and Stephen McKinnon (eds.), *Scars of War: The Impact of Warfare on Modern China*, 98–116. Vancouver: UBC Press.

Last, Murray. 2000. Reconciliation and Memory in Postwar Nigeria. In Veena Das, Arthur Kleinman, Mamphela Ramphele, and Pamela Reynolds (eds.), *Violence and Subjectivity*, 315–32. Berkeley: University of California Press.

Lavery, Brian. 2005. Families in Northern Ireland Break Silence about Killings. *New York Times*, 14 March, A5.

Lawrence, Pamela. 2000. Violence, Suffering, Amman: The Work of Oracles in Sri Lanka's Eastern War Zone. In Veena Das, Arthur Kleinman, Mamphela Ramphele, and Pamela Reynolds (eds.), *Violence and Subjectivity*, 171–204. Berkeley: University of California Press.

Leakey, Louis Seymour Bazett. 1954. *Deafoating Mau Mau*. London: Methuen.

Lear, Elmer. 1961. *The Japanese Occupation of the Philippines, Leyte, 1941–1945*. Data Paper No. 42, Southeast Asia Program, Department of Far Eastern Studies. Cornell University, Ithaca, N.Y.

Le Bot, Yvon. 1994. Violence, communauté et territoire. In Denis-Constant Martin (ed.), *Cartes d'identité: Comment dit-on "nous" en politique?*, 163–83. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques.

Lebrun, Guy. 1998. *Le lieutenant aux pieds nus. Conchinchine 1952–1954*. Paris: Éditions France-Empire.

Leclère, Thierry. 1997. Raïs, retour sur un massacre. *Télérama*, 2493, 22 October, 10–16.

Ledesma, José Luis. 2004. *Los días de llamas de la revolución. Violencia y política en la retaguardia de Zaragoza durante la guerra civil*. Zaragoza: Institución "Fernando el Católico."

Ledesma, José Luis. 2001. *Espacios de poder, violencia y revolución: Una perspectiva política de la represión en el Aragón republicano durante la guerra civil*. In Antonio Morales Moya (ed.), *El difícil camino a la democracia*, 249–68. Madrid: Sociedad Estatal España Nuevo Milenio.

Leiden, Carl, and Karl M. Schmitt. 1968. *The Politics of Violence: Revolution in the Modern World*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

Leites, Nathan, and Charles Wolf Jr. 1970. *Rebellion and Authority: An Analytic Essay on Insurgent Conflicts*. Chicago: Markham.

Le Pape, Marc. 1999. *L'exportation des massacres du Rwanda au Congo-Zaire*. Paper presented at the Conference on the Political Uses of Massacres, CERI, Paris, 16 November.

Lerner, Daniel. 1958. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York: Free Press.

Levene, Mark. 1999. Introduction. In Mark Levene and Penny Roberts (eds.), *The Massacre in History*, 1–38. New York: Berghahn Books.

Levi, Margaret. 1997. *Consent, Dissent, and Patriotism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Levi, Primo. 1988. *The Drowned and the Saved*. Translated by Raymond Rosenthal. New York: Summit Books.

Levine, Steven I. 1987. *Anvil of Victory: The Communist Revolution in Manchuria, 1945–1948*. New York: Columbia University Press.

Lewin, Tamar. 1999. Arizona High School Provides Glimpses inside Cliques' Divisive Webs. *New York Times*, 2 May 1999.

Lewis, Gwynne. 1978. *The Second Vend'ee*. Oxford: Oxford University Press.

Lewy, Guenter. 1978. *America in Vietnam*. New York: Oxford University Press.

Leys, Colin, and John S. Saul. 1995. Introduction. In Colin Leys and John S. Saul, *Namibia's Liberation Struggle: The Two-Edged Sword*, 1–18. Athens: Ohio University Press.

Li, Lincoln. 1975. *The Japanese Army in North China, 1937–1941: Problems of Political and Economic Control*. Tokyo: Oxford University Press.

Lichbach, Mark Irving. 1995. *The Rebel's Dilemma*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Lichbach, Mark Irving. 1987. Deterrence or Escalation? The Puzzle of Aggregate Studies of Repression and Dissent. *Journal of Conflict Resolution* 31, 2:266–97.

Licklider, Roy. 1998. Early Returns: Results of the First Wave of Statistical Studies of Civil War Termination. *Civil Wars* 1, 3:121–32.

Lindsay, Franklin A. 1962. Unconventional Warfare. *Foreign Affairs* 40, 2:264–74.

Linn, Brian McAllister. 1989. *The U.S. Army and Counterinsurgency in the Philippine War, 1899–1902*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Lins de Albuquerque, Adriana, and Alicia Cheng. 2005. 14 Days in Iraq. *New York Times*, 16 January, 11.

Lipman, Jonathan N. 1990. Ethnic Violence in Modern China: Hans and Huis in Gansu, 1781–1929. In Jonathan N. Lipman and Stevan Harrell (eds.), *Violence in China: Essays in Culture and Counterculture*, 65–86. Albany: State University of New York Press.

Lipset, Seymour M., and Stein Rokkan. 1967. "Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction." In Seymour M. Lipset and

Stein Rokkan (eds.), *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*, 1–64. New York: Free Press.

Lison-Tolosana, Carmelo. 1983. *Belmonte de los Caballeros: Anthropology and History in an Aragonese Community*. Princeton, N.J., Princeton University Press.

Livanios, Dimitris. 1999. "Conquering the Souls": Nationalism and Greek Guerrilla Warfare in Ottoman Macedonia, 1904–1908. *Byzantine and Modern Greek Studies* 23: 195–221.

Lloyd, John. 1999. *The Russian Devolution*. *New York Times Magazine*, 15 August 1999, 34–45.

Lobbia, J. A. 1999. *Your Landlord's Dick*. *Village Voice*, 3 August, 49.

Loeb, Vernon. 2003. *Baghdad Army Chief Says Bombings Obscure Progress*. *Washington Post*, 29 October, A14.

Loizos, Peter. 1999. *A Duty of Care? Three Granada Television Films Concerned with War*. In Tim Allen and Jean Seaton (eds.), *The Media of Conflict: War Reporting and Representations of Ethnic Violence*, 102–24. London: Zed Books.

Loizos, Peter. 1988. *Intercommunal Killing in Cyprus*. *Man*, 23:639–53.

Lopez, George A., and Michael Stohl. 1992. *Problems of Concept and Measurement in the Study of Human Rights*. In Thomas B. Jabine and Richard P. Claude (eds.), *Human Rights and Statistics: Getting the Record Straight*, 216–34. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Lotnik, Waldemar. 1999. *Nine Lives: Ethnic Conflict in the Polish-Ukrainian Borderlands*. London: Serif.

Louie, Richard. 1964. *The Incidence of the Terror: A Critique of a Statistical Interpretation*. *French Historical Studies* 3, 3:379–89.

Loyd, Anthony. 2001. *My War Gone By, I Miss It So*. New York: Penguin.

Lubkemann, Stephen C. 2005. *Migratory Coping in Wartime Mozambique: An Anthropology of Violence and Displacement in "Fragmented Wars"*. *Journal of Peace Research* 42, 4:493–508.

Lucan. 1985. *Bellum civile IX*. Introduction and notes by David P. Kubiak. Bryn Mawr, Pa.: Thomas Library, Bryn Mawr College.

Lucas, Colin. 1997. *The Theory and the Practice of Denunciation in the French Revolution*. In Sheila Fitzpatrick and Robert Gellately (eds.), *Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989*, 22–39. Chicago: University of Chicago Press.

Lucas, Colin. 1983. *Themes in Southern Violence after 9 Thermidor*. In Gwynne Lewis and Colin Lucas (eds.), *Beyond the Terror: Essays in French Regional and Social History, 1794–1815*, 152–94. Cambridge: Cambridge University Press.

Luttwak, Edward N. 2003. So Few Soldiers, So Much to Do. *New York Times*, 4 November, A25. Luttwak, Edward N. 1995. Great-Powerless Days. *Times Literary Supplement*, June 16.

Lynn, John. 1984. *The Bayonets of the Republic: Motivation and Tactics in the Army of Revolutionary France*. Urbana: University of Illinois Press.

Maass, Peter. 2005. The Way of the Commandos. *New York Times Magazine*, 1 May, 38–83.

MacGregor Serven, Lawrence B. 2002. *The End of Office Politics as Usual: A Complete Strategy for Creating a More Productive and Profitable Organization*. New York: Amacom.

Machiavelli, Niccolò. 2003[1513]. *The Prince*. Translated by George Bull. London: Penguin.

Machiavelli, Niccolò. 1988[1532]. *Florentine Histories*. Translated by Laura F. Banfield and Harvey C. Mansfield, Jr. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Mackenzie, S. P. 1997. *Revolutionary Armies in the Modern Era: A Revisionist Approach*. London: Routledge.

Mackey, Chris, and Greg Miller. 2004. *The Interrogators. Task Force 500 and America's Secret War Against Al Qaeda*. New York: Back Bay Books.

Mackwood, Neil. 2002. Breaking Up Can Be So Hard to Sell. *Financial Times*, 19–20 October, 13.

Madiebo, Alexander A. 1980. *The Nigerian Revolution and the Biafran War*. Enugu: Fourth Dimension Publishing.

Madsen, Richard. 1990. The Politics of Revenge in Rural China during the Cultural Revolution. In Jonathan N. Lipman and Stevan Harrell (eds.), *Violence in China: Essays in Culture and Counterculture*, 175–201. Albany: State University of New York Press.

Madsen, Richard. 1984. *Morality and Power in a Chinese Village*. Berkeley: University of California Press.

Magalhães, Eduardo. 1996. Civil Wars. In Frank N. Magill (ed.), *International Encyclopedia of Government and Politics*, 225–8. Chicago: Fitzroy Dearborn.

Mahdi, Omer, and Rory Carroll. 2005. Under US Noses, Brutal Insurgents Rule Sunni Citadel. *Guardian*, 22 August, 1.

Mahmood, Cynthia Keppley. 2000. Trials by Fire: Dynamics of Terror in Punjab and Kashmir. In Jeffrey A. Sluka (ed.), *Death Squad: The Anthropology of State Terror*, 70–90. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Maier, F. X. 1974. *Revolution and Terrorism in Mozambique*. New York: American African Affairs Association.

Maier, Karl. 1995. A Fragile Peace. *Africa Report* 40: 22–7.

Makdisi, Jean Said. 1990. *Beirut Fragments: A War Memoir*. New York: Persea Books.

Malcolm, Noel. 1998. *The Roots of Bosnian Horror Lie Not So Deep*. New York Times, 19 October.

Malefakis, Edward. 1996. Aspectos históricos y teóricos de la guerra. In Edward Malefakis (ed.), *La guerra de España (1936–1939)*, 11–47. Madrid: Taurus.

Mallin, Jay. 1966. *Terror in Viet Nam*. Princeton, N.J.: Van Nostrand.

Manrique, Nelson. 1998. *The War for the Central Sierra*. In Steve J. Stern (ed.), *Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995*, 193–223. Durham: Duke University Press.

Maranto, Robert, and Paula S. Tuchman. 1992. *Knowing the Rational Peasant: The Creation of Rival Incentive Structures in Vietnam*. *Journal of Peace Research* 29, 3: 249–64.

Margadant, Ted W. 1992. *Urban Rivalries in the French Revolution*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Margolin, Jean-Louis. 1999. *L'armée, le Parti, les milices: Indonésie, 1965, et après*. Paper presented at the Conference on the Political Uses of Massacres, CERI, Paris, 16 November.

Marks, Robert. 1984. *Rural Revolution in South China: Peasants and the Making of History in Haifeng County, 1570–1930*. Madison: University of Wisconsin Press.

Marshall, S. L. A. 1947. *Men against Fire*. New York: William Morrow.

Martin, Gerard. 2000. *The "Tradition of Violence" in Colombia: Material and Symbolic Aspects*. In Goran Aijmer and Jon Abbink (eds.), *Meanings of Violence*, 101–91. New York: Berg.

Martin, Jean-Clément. 2002. *Dans la guerre civile tout est permis. L'Histoire* 267:56–9.

Martin, Jean-Clément. 1998. *Contre-Révolution, Révolution et Nation en France, 1789–1799*. Paris: Éditions du Seuil.

Martin, Jean-Clément. 1995. *Guerre civile et modernité: Le cas de la Révolution*. In Jean-Clément Martin (ed.), *La guerre civile entre histoire et mémoire*, 57–64. Nantes: Ouest Éditions.

Martin, Jean-Clément. 1994. *Rivoluzione francese e guerra civile*. In Gabriele Ranzato (ed.), *Guerre fratricide: Le guerre civili in età contemporanea*, 27–85. Turin: Bollati Boringhieri.

Martinez, Luis. 1998. *La guerre civile en Algérie*. Paris: Karthala.

Martinez, Luis. 1994. *Les Eucalyptus, banlieue d'Alger dans la guerre civile: Les facteurs de la mobilisation islamiste*. In G. Kepel (ed.), *Exils et royaumes*, 89–104. Paris: Presses de la FNSP.

Mason, T. David, and Dale A. Krane. 1989. The Political Economy of Death Squads: Toward a Theory of the Impact of State-Sanctioned Terror. *International Studies Quarterly* 33:175–98.

Massey, Garth, Randy Hodson, and Duško Seculić. 1999. Ethnic Enclaves and Intolerance: The Case of Yugoslavia. *Social Forces* 78, 2:669–91.

May, Glenn Anthony. 1991. *Battle for Batangas: A Philippine Province at War*. New Haven: Yale University Press.

Mayer, Arno J. 2000. *The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Mazower, Mark. 1998. *Dark Continent: Europe's Twentieth Century*. London: Allen Lane.

McAuley, Mary. 1992. *Soviet Politics, 1917–1991*. Oxford: Oxford University Press.

McCull, Robert W. 1969. The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution. *Annals of the Association of American Geographers* 59, 4:613–31.

McCull, Robert W. 1967. A Political Geography of Revolution: China, Vietnam, and Thailand. *Journal of Conflict Resolution* 11, 2:153–67.

McCoubrey, Hilaire, and Nigel D. White. 1995. *International Organizations and Civil Wars*. Aldershot: Dartmouth.

McCoy, Alfred W. 1980. "Politics by Other Means": World War II in the Western Visayas, Philippines. In Alfred W. McCoy (ed.), *Southeast Asia under Japanese Occupation, 191–245*. New Haven: Yale University Southeast Asia Studies.

McCrary, Edward. 1969. *The History of South Carolina in the Revolution, 1780–1783*. New York: Paladin.

McGowan, William. 1992. *Only Man Is Vile: The Tragedy of Sri Lanka*. New York: Farrar, Straus, and Giroux.

McGrath, Patrick. 1997. Bristol and the Civil War. In R. C. Richardson (ed.), *The English Civil Wars: Local Aspects*, 91–128. Phoenix Mill: Sutton.

McKenna, Thomas M. 1998. *Muslim Rulers and Rebels: Everyday Politics and Armed Separatism in the Southern Philippines*. Berkeley: University of California Press.

Mendelsohn, Daniel. 2002. What Happened to Uncle Shmiel? *New York Times Magazine*, 14 July, 24–55.

Merrill, John. 1989. *Korea: The Peninsular Origins of the War*. Newark: University of Delaware Press.

Meyerson, Harvey. 1970. *Vinh Long*. Boston: Houghton Mifflin.

Meynier, Gilbert. 2004. Le PPA-MTLD et le FLN-ALN, étude comparée. In Mohammed Harbi and Benjamin Stora (eds.), *La guerre d'Algérie, 1954–2004, la fin de l'amnésie*, 417–50. Paris: Robert Laffont.

Meynier, Gilbert, and Pierre Vidal-Naquet. 1999. *Le sens d'une agression*. *Le Monde*, 1 December.

Miall, Hugh. 1992. *The Peacemakers: Peaceful Settlement of Disputes since 1945*. New York: St. Martin's.

Miguel, Edward. 2004. Tribe or Nation? Nation Building and Public Goods in Kenya versus Tanzania. *World Politics* 56, 3:327–62.

Milgram, Stanley. 1974. *Obedience to Authority: An Experimental View*. New York: Harper & Row.

Miller, D. T., and M. Ross. 1975. Self-Serving Biases in Attribution of Causality: Fact or Fiction? *Psychological Bulletin* 82:213–25.

Miller, William Ian. 1990. *Bloodtaking and Peacemaking: Feud, Law, and Society in Saga Iceland*. Chicago: University of Chicago Press.

Milosz, Czeslaw. 1990. *The Captive Mind*. New York: Vintage.

Minardi, Marco. 2002. War in the Mountains: Community Ties and Civil War in Central Italy. Paper presented at the Workshop on "Civil Wars and Political Violence in 20th Century Europe," European University Institute, Florence 18–20 April.

Mirels, H. L. 1980. The Avowal of Responsibility for Good and Bad Outcomes: The Effects of Generalized Self-Serving Biases. *Personality and Social Psychology Bulletin* 6, 299–306.

Mirzeler, Mustafa, and Crawford Young. 2000. Pastoral Politics in the Northeast Periphery in Uganda: AK-47 as Change Agent. *Journal of Modern African Studies* 38, 3: 407–29.

Mishra, Pankaj. 2000. Pride and Blood in Kashmir. *New York Times*, 22 March.

Mitchell, Christopher, Michael Stohl, David Carleton, and George A. Lopez. 1986. State Terrorism: Issues of Concept and Measurement. In Michael Stohl and George A. Lopez (eds.), *Government Violence and Repression: An Agenda for Research*, 1–25. Westport, Conn.: Greenwood Press.

Mitchell, Edward J. 1968. Inequality and Insurgency: A Statistical Study of South Vietnam. *World Politics* 20, 3:421–38.

Mitter, Rana. 2000. *The Manchurian Myth: Nationalism, Resistance, and Collaboration in Modern China*. Berkeley: University of California Press.

Mohr, Charles. 1966. Questions on U.S. Raids: Many Feel Johnson Should Have Asked about Political Merit of Hamlet Attacks. *New York Times*, 16 August 1966, 3.

Molnar, Andrew R. 1965. *Human Factors Considerations of Undergrounds in Insurgencies*. Washington, D.C.: Special Operations Research Office.

Montaigne, Michel de. 1991. *The Complete Essays*. Translated by M. A. Screech. London: Penguin.

Montherlant, Henry de. 1965. *La guerre civile*. Paris: Gallimard.

- Moore, Barrington. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
- Moore, Barrington. 1954. *Terror and Progress: USSR*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Moore, Jeanne. 1999. *World Briefing*. *New York Times*, 19 August, A10.
- Moore, M. 1993. *Thoroughly Modern Revolutionaries: The JVP in Sri Lanka*. *Modern Asian Studies* 27, 3:593–642.
- Moore, Robert Ian. 1987. *The Formation of a Persecuting Society*. Oxford: Blackwell.
- Moreno, Francisco. 1999. *La represión en la posguerra*. In Santos Juliá (ed.), *Víctimas de la guerra civil*, 277–405. Madrid: Temas de Hoy.
- Moser, Don. 2000. *Eight Dedicated Men Marked for Death*. In *Reporting Vietnam: American Journalism, 1959–1975*, 84–105. New York: Library of America.
- Moss, Michael. 2003. *False Terrorist Tips to the FBI Uproot Lives of Suspects*. *New York Times*, 19 June, A1.
- Mouro, Gladys. 1999. *An American Nurse amidst Chaos*. Beirut: American University of Beirut.
- Moyar, Mark. 1997. *Phoenix and the Birds of Prey: The CIA's Secret Campaign to Destroy the Viet Cong*. Annapolis, Md.: Naval Institute Press.
- Mueller, John. 2004. *The Remnants of War*. Ithaca: Cornell University Press, 2004.
- Münkler, Herfried. 2002. *Über den Krieg. Stationen der Kriegsgeschichte im Spiegel ihrer theoretischen Reflexion*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft.
- Murshed, S. Mansoob, and Scott Gates. 2005. *Spatial-Horizontal Inequality and the Maoist Insurgency in Nepal*. *Review of Development Economics* 9, 1:121–34.
- Mydans, Seth. 2003. *Russia's Chechen Plan: Pick a Leader and Leave*. *New York Times*, 18 September, A6.
- Mydans, Seth. 1999. *East Timor Family's Terror: Trapped at Home by Gunmen*. *New York Times*, 27 September, A1.
- Myers, Steven Lee. 2005. *Even Chechnya's Dream Street Is a Dead End*. *New York Times*, 23 March, A4.
- Myers, Steven Lee. 2002. *Chechen Rebels in Limbo Vow Endless Resistance*. *New York Times*, 23 August, A6.
- Nabulsi, Karma. 2001. *Evolving Conceptions of Civilians and Belligerents: One Hundred Years after the Hague Peace Conferences*. In Simon Chesterman (ed.), *Civilians in War*, 9–24. Boulder, Colo.: Lynne Rienner.
- Nabulsi, Karma. 1999. *Traditions of War: Occupation, Resistance, and the Law*. Oxford: Oxford University Press.

Nagengast, Carole. 1994. Violence, Terror, and the Crisis of the State. *Annual Review of Anthropology* 23:109–36.

Nahoum-Grappe, Véronique. 1996. L'usage politique de la cruauté: L'épuration ethnique (ex-Yougoslavie, 1991–1995). In Françoise Héritier (ed.), *De la violence*, 273–323. Paris: Odile Jacob.

Nasr, Salim. 1990. Lebanon's War: Is the End in Sight? *Middle East Report*, No. 162, 4–8, 30.

Negus, Steve. 2004. US Squares Up to Long Guerrilla War in Iraq. *Financial Times*, 27–8 November, 5.

Nelson, Hank. 1980. Taim Bilong Pait: The Impact of the Second World War on Papua New Guinea. In Alfred W. McCoy (ed.), *Southeast Asia under Japanese Occupation*, 246–66. New Haven: Yale University Southeast Asia Studies.

Nérard, François-Xavier. 2004. 5% de vérité. La dénonciation dans l'URSS de Staline (1928–1941). Paris: Tallandier.

Nino, Carlos Santiago. 1996. *Radical Evil on Trial*. New Haven: Yale University Press.

Nordlinger, Eric A. 1972. *Conflict Regulation in Divided Societies*. Occasional Papers in International Affairs 29. Cambridge, Mass.: Harvard Center for International Affairs.

Nordstrom, Carolyn. 1997. *A Different Kind of War Story*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Nordstrom, Carolyn. 1992. The Backyard Front. In Carolyn Nordstrom and JoAnn Martin (eds.), *The Paths to Domination, Resistance, and Terror*, 260–74. Berkeley: University of California Press.

Nordstrom, Carolyn, and JoAnn Martin. 1992. The Culture of Conflict: Field Reality and Theory. In Carolyn Nordstrom and JoAnn Martin (eds.), *The Paths to Domination, Resistance, and Terror*, 3–17. Berkeley: University of California Press.

Nougayrede, Natalie. 2002. En Tchéthchénie, la jeune génération se radicalité dans la guérilla. *Le Monde*, 25 October, 7.

Novick, Peter. 1999. *The Holocaust in American Life*. New York: Houghton Mifflin.

Oberschall, Anthony. 2000. The Manipulation of Ethnicity: From Ethnic Cooperation to Violence and War in Yugoslavia. *Ethnic and Racial Studies* 23, 6:982–1001.

Okey, Robin. 1999. The Legacy of Massacre: The “Jacenovac Myth” and the Breakdown of Communist Yugoslavia. In Mark Levene and Penny Roberts (eds.), *The Massacre in History*, 263–82. New York: Berghahn Books.

O'Leary, Brendan, and John McGarry. 1993. *The Politics of Antagonism: Understanding Northern Ireland*. London: Athlone Press.

Olson, Mancur. 2000. *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. New York: Basic Books.

O'Neill, Bard E. 1990. *Insurgency and Terrorism: Inside Modern Revolutionary Warfare*. Washington: Brassey's.

O'Neill, Barry. 1999. *Honor, Symbols, and War*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

O'Neill, Onora. 1991. Which Are the Offers You Can't Refuse? In R. G. Frey and Christopher W. Morris (eds.), *Violence, Terrorism, and Justice*, 170–95. Cambridge: Cambridge University Press.

Onishi, Norimitsu. 1999. *Sierra Leone Measures Terror in Severed Limbs*. *New York Times*, 22 August, 3.

Oppel, Richard A., Jr. 2005a. *Magnet for Iraq Insurgents Is Test for U.S. Strategy*. *New York Times*, 16 June, A1, A8.

Oppel, Richard A., Jr. 2005b. *By Courting Sunnis, G.I.'s See Security Rise in a Sinister Town*. *New York Times*, 17 July, 1, 4.

Ortiz Sarmiento, Carlos Miguel. 1990. *La violence en Colombie: Racines historiques et sociales*. Paris: L'Harmatan.

Orwell, George. 1937. *The Road to Wigan Pier*. London: V. Gollancz.

O'Sullivan, Patrick. 1983. *A Geographical Analysis of Guerrilla Warfare*. *Political Geography Quarterly* 2, 2:139–50.

Ourdan, Rémy. 2004. *Cinq "hotlines" antiguérilla pour inciter les Irakiens à la délation*. *Le Monde*, 18 November, 2.

Overy, Richard. 1997. *Russia's War: A History of the Soviet War Effort, 1941–1945*. New York: Penguin.

Packer, George. 2003. *War after the War. What Washington Doesn't See in Iraq*. *New Yorker*, 24 November, 58–85.

Paczkowski, Andrzej. 1999. *Nazisme et Communisme dans l'expérience et la mémoire Polonaise*. In Henry Rousso (ed.), *Stalinisme et Nazisme: Histoire et mémoire comparées*, 307–30. Paris: Complexe.

Paget, Julian. 1967. *Counter-Insurgency Operations: Techniques of Guerrilla Warfare*. New York: Walker.

Paggi, Leonardo. 1996. *Storia e memoria di un massacro ordinario*. Rome: Manifestolibri.

Paige, Jeffery M. 1975. *Agrarian Revolutions: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. New York: Free Press.

Paludan, Phillip Shaw. 1981. *Victims: A True Story of the Civil War*. Knoxville: University of Tennessee Press.

Parker, Geoffrey. 1994. *Early Modern Europe*. In Michael Howard, George J. Andreopoulos, and Mark R. Shulman (eds.), *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World*, 40–58. New Haven: Yale University Press.

Paul, Benjamin D., and William J. Demarest. 1988. The Operation of a Death Squad in San Pedro la Laguna. In Robert M. Carmack (ed.), *Harvest of Violence: The Maya Indians and the Guatemalan Crisis*, 119–54. Norman: University of Oklahoma Press.

Pavone, Claudio. 1994. *Una guerra civile. Saggio storico sulla moralità nella Resistenza*. Turin: Bollati Boringhieri.

Paxson, Christina. 2002. Comment on Alan Krueger and Jitka Maleckova, “Education, Poverty, Political Violence, and Terrorism: Is There a Causal Connection?” Unpublished paper.

Payne, Stanley G. 1987. *The Franco Regime, 1936–1975*. Madison: University of Wisconsin Press.

Pécaut, Daniel. 1996. *Réflexions sur la violence en Colombie*. In Françoise Héritier (éd.), *De la violence*, 225–71. Paris: Odile Jacob.

Peluso, Nancy Lee, and Emily Harwell. 2001. Territory, Custom, and the Cultural Politics of Ethnic War in Western Kalimantan, Indonesia. In Nancy Lee Peluso and Michael Watts (eds.), *Violent Environments*, 83–116. Ithaca: Cornell University Press.

Peralta, Gabriel Aguilera, and John Beverly. 1980. Terror and Violence as Weapons of Counterinsurgency in Guatemala. *Latin American Perspectives* 7, 2–3:91–113.

Perez-Díaz, Victor M. 1993. *The Return of Civil Society: The Emergence of Democratic Spain*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Perry, Elizabeth J. 1984. Collective Violence in China, 1880–1980. *Theory and Society* 13, 3:427–54.

Perry, Elizabeth J. 1980. *Rebels and Revolutionaries in North China, 1845–1945*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Persaud, Raj. 2005. *Winning Mental Ways*. *Financial Times*, 10–11 September, W3.

Pervanic, Kemal. 1999. *The Killing Days*. London: Blake.

Peters, Krijn, and Paul Richards. 1998. “Why We Fight”: Voices of Youth Combatants in Sierra Leone. *Africa* 68, 2:183–210.

Petersen, Roger D. 2002. *Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred, and Resentment in Twentieth-Century Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Petersen, Roger D. 2001. *Resistance and Rebellion: Lessons from Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Peterson, Scott. 2000. *Me against My Brother: At War in Somalia, Sudan, and Rwanda; A Journalistic Report from the Battlefields of Africa*. New York: Routledge.

Peterson, Scott. 1997a. *Algeria’s Real War: Ending the Cycle of Violence*. *Christian Science Monitor*, 24 June.

Peterson, Scott. 1997b. Algeria's Village Vigilantes Unite against Terror. *Christian Science Monitor*, 5 November.

Petitfrère, Claude. 1981. *La Vendée et les Vendéens*. Paris: Gallimard/Julliard.

Pettigrew, Joyce. 2000. Parents and Their Children in Situations of Terror: Disappearances and Special Police Activity in Punjab. In Jeffrey A. Sluka (ed.), *Death Squad: The Anthropology of State Terror*, 204–25. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Pezzino, Paolo. 1994. Risorgimento e guerra civile. Alcune considerazioni preliminari. In Gabriele Ranzato (ed.), *Guerre fratricide: Le guerre civili in et' a contemporanea*, 56–85. Turin: Bollati Boringhieri.

Pfaffenberger, Bryan. 1994. The Structure of Protracted Conflict: The Case of Sri Lanka. *Humboldt Journal of Social Relations* 20, 2:121–47.

Pigou, Piers. 2001. The Apartheid State and Violence: What Has the Truth and Reconciliation Commission Found? *Politikon* 28, 2:207–33.

Pike, Douglas. 1966. *Viet Cong: The Organization and Techniques of the National Liberation Front of South Vietnam*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Polgreen, Lydia. 2005. Civilians Bear Brunt of the Continuing Violence in Darfur. *New York Times*, 24 January, A3.

Poole, Michael A. 1995. The Spatial Distribution of Political Violence in Northern Ireland: An Update to 1993. In Alan O'Day (ed.), *Terrorism's Laboratory: The Case of Northern Ireland*, 27–45. Aldershot: Dartmouth.

Poole, Michael A. 1990. The Geographical Location of Political Violence in Northern Ireland. In John Darby, Nicholas Dodge, and A. C. Hepburn (eds.), *Political Violence: Ireland in a Comparative Perspective*, 64–82. Ottawa: University of Ottawa Press.

Popkin, Samuel L. 1979. *The Rational Peasant: The Political Economy of Rural Society in Vietnam*. Berkeley: University of California Press.

Portelli, Alessandro. 1997. *The Battle of Valle Giulia: Oral History and the Art of Dialogue*. Madison: University of Wisconsin Press.

Porter, Bruce. 1994. *War and the Rise of the State: The Military Foundations of Modern Politics*. New York: Free Press.

Posen, Barry. 1993. The Security Dilemma and Ethnic Conflict. *Survival* 35, 1:27–47.

Posner, Daniel. 2004. The Political Salience of Cultural Difference: Why Chewas and Tumbukas Are Allies in Zambia and Adversaries in Malawi. *American Political Science Review* 98, 4:529–45.

Pred, Allan. 1990. *Making Histories and Constructing Human Geographies: The Local Transformation of Practice, Power Relations, and Consciousness*. Boulder, Colo.: Westview Press.

Price, Jonathan J. 2001. *Thucydides and Internal War*. Cambridge: Cambridge University Press.

Prins, Gwyn. 1999. *Civil and Uncivil Wars*. *Civil Wars* 2, 1:117–29.

Prunier, Gérard. 2005. *Darfur: The Ambiguous Genocide*. Ithaca: Cornell University Press.

Prunier, Gérard. 1995. *The Rwandan Crisis: History of a Genocide*. New York: Columbia University Press.

Przeworski, Adam. 1991. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.

Przeworski, Adam, and Henry Teune. 1970. *The Logic of Comparative Social Inquiry*. New York: Wiley-Interscience.

Pye, Lucian W. 1964. *The Roots of Insurgency and the Commencement of Rebellions*. In Harry Eckstein (ed.), *Internal War: Problems and Approaches*, 157–79. New York: Free Press.

Pye, Lucian W. 1956. *Guerrilla Communism in Malaya: Its Social and Political Meaning*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Pyszczynski, Tom, Jeff Greenberg, and Sheldon Solomon. 1997. *Why Do We Need What We Need? A Terror Management Perspective on the Roots of Human Social Motivation*. *Psychological Inquiry* 8, 1:1–20.

Race, Jeffrey. 1973. *War Comes to Long An: Revolutionary Conflict in a Vietnamese Province*. Berkeley: University of California Press.

Rajagopal, Balakrishnan. 2001. *In Asia, Ethnic Cleansing in the Name of Progress*. *International Herald Tribune*, 10 August.

Raleigh, Donald J. 2002. *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Ramsey, Russell W. 1973. *Critical Bibliography on La Violencia in Colombia*. *Latin American Research Review* 8:3–44.

Randal, Jonathan C. 1983. *Going All the Way: Christian Warlords, Israeli Adventurers, and the War in Lebanon*. New York: Viking Press.

Ranzato, Gabriele. 1994. *Un evento antico e un nuovo oggetto di riflessione*. In Gabriele Ranzato (ed.), *Guerre fratricide: Le guerre civili in et`a contemporanea*, ix–lvi. Turin: Bollati Boringhieri.

Ranzato, Gabriele. 1988. *Dies Irae. La persecuzione religiosa nella zona repubblicana durante la guerra civile spagnola (1936–1939)*. *Movimento Operaio e Socialista* 11: 195–220.

Rasenberger, Jim. 2005. *Shadows on the Wall*. *New York Times, City Section*, 23 January, 1.

Redfield, Robert. 1989. *The Little Community and Peasant Society and Culture*. Chicago: University of Chicago Press.

Reig Tapia, Alberto. 1996. Represión y esfuerzos humanitarios. In Edward Malefakis (ed.), *La guerra de España (1936–1939)*, 571–602. Madrid: Taurus.

Reig Tapia, Alberto. 1990. *Violencia y Terror. Los Berrocales del Jarama*: Akal Universitaria.

Rejali, Darius. 2004a. *Torture's Dark Allure*. Salon.com. http://archive.salon.com/opinion/feature/2004/06/18/torture_1/index3.html.

Rejali, Darius. 2004b. *Does Torture Work?* Salon.com. http://archive.salon.com/opinion/feature/2004/06/21/torture_algiers/index2.html.

Reuters. 2005. *65 Kenyans Killed in Cattle-Rustling Violence*. *New York Times*, 14 July, A5.

Rich, Paul B., and Richard Stubbs. 1997. *Introduction: The Counter-Insurgent State*. In Paul B. Rich and Richard Stubbs, *The Counter-Insurgent State: Guerrilla Warfare and State-Building in the Twentieth Century*, 1–25. New York: St. Martin's Press.

Richards, Paul. 1996. *Fighting for the Rain Forest: War, Youth, and Resources in Sierra Leone*. Oxford: James Currey.

Richardson, R. C. 1997. *Introduction: Local Historians and the English Civil War*. In R. C. Richardson (ed.), *The English Civil Wars: Local Aspects*, 1–13. Phoenix Mill: Sutton.

Riches, David. 1986. *The Phenomenon of Violence*. In David Riches (ed.), *The Anthropology of Violence*, 1–27. London: Blackwell.

Ricoeur, Paul. 1984. *Time and Narrative*. Chicago: University of Chicago Press.

Riste, Olav, and Berit Nokleby. "1973. *Norway, 1940–1945*. Oslo: Johan Grundt Tanum Forlag.

Robben, Antonius C. G. M. 1996. *Ethnographic Seduction, Transference, and Resistance in Dialogues about Terror and Violence in Argentina*. *Ethos* 24, 1:71–106.

Robben, Antonius C. G. M. 1995. *Seduction and Persuasion*. In Carolyn Nordstrom and Antonius C. G. M. Robben (eds.), *Fieldwork under Fire: Contemporary Studies of Violence and Survival*, 81–103. Berkeley: University of California Press.

Roberts, Adam. 1994. *Land Warfare: From Hague to Nuremberg*. In Michael Howard, George J. Andreopoulos, and Mark R. Shulman (eds.), *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World*, 116–39. New Haven: Yale University Press.

Robinson, Geoffrey. 1995. *The Dark Side of Paradise: Political Violence in Bali*. Ithaca: Cornell University Press.

Rodriguez, Ernesto R., Jr. 1982. *The Bad Guerrillas of Northern Luzon: A Memoir of the Japanese Occupation in the Philippines*. Quezon City: J. Burgos Media Services.

Roesch, Otto. 1990. *Renamo and the Peasantry: A View from Gaza*. *Southern Africa Report* 6, 5:21–5.

Rohde, David. 2001. *Warehouse of Death*. *New York Times Magazine*, 11 March, 46.

Rohkrämer, Thomas. 1997. *Daily Life at the Front and the Concept of Total War*. In Stig Förster and Jörg Nagler (eds.), *On the Road to Total War: The American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871*, 497–518. Cambridge: Cambridge University Press.

Roldán, Mary. 2002. *La violencia in Antioquia, Colombia, 1946–1953*. Durham: Duke University Press.

Romero, Mauricio. 2000. *Changing Identities and Contested Settings: Regional Elites and the Paramilitaries in Colombia*. *International Journal of Politics, Culture, and Society* 14, 1:51–69.

Ron, James. 2003. *Frontiers and Ghettos: State Violence in Serbia and Israel*. Berkeley: University of California Press.

Ron, James. 2000a. *Boundaries and Violence: Repertoires of State Action along the Bosnia/Yugoslavia Divide*. *Theory and Society* 29:609–40.

Ron, James. 2000b. *Territoriality and Plausible Deniability: Serbian Paramilitaries in the Bosnian War*. In Bruce B. Campbell and Arthur D. Brenner (eds.), *Death Squads in Global Perspective: Murder with Deniability*, 287–312. New York: St. Martin's Press.

Rose, David. 2004. *Guantanamo Bay on Trial*. *Vanity Fair*, January, 88–136.

Rosenau, William. 1994. *Is the Shining Path the "New Khmer Rouge"?* *Studies in Conflict and Terrorism* 17, 4:305–22.

Rosenberg, Tina. 1991. *Children of Cain: Violence and the Violent in Latin America*. New York: Penguin.

Rotella, Sebastian. 2002. *U.N. Prosecutors Open Milosevic's War Crimes Trial*. *Los Angeles Times*, 13 February, 1, 4.

Rothenberg, Gunther. 1994. *The Age of Napoleon. Constraints on Warfare*. In Michael Howard, George J. Andreopoulos, and Mark R. Shulman (eds.), *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World*, 86–97. New Haven: Yale University Press.

Rothstein, Edward. 2005. *Hate Crimes: What Is Gained When Forbidden Acts Become Forbidden Beliefs?* *New York Times*, 19 September, E3.

Rousseau, Jean Jacques. 1964. *The First and Second Discourses*. Translated by Roger D. Masters and Judith R. Masters. New York: St. Martin's Press.

Rousseau, Jean Jacques. 1997[1762]. *The Social Contract and Other Later Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rouso, Henry. 1998. *La hantise du passé*. Paris: Textuel.

Roy, Beth. 1994. *Some Trouble with Cows: Making Sense of Social Conflict*. Berkeley: University of California Press.

Roy, Olivier. 1999. Etat et recompositions identitaires: L'exemple du Tadjikistan. In Jean Hannoyer (ed.), *Guerres civiles: Economies de la violence, dimensions de la civilité*, 221–34. Paris: Karthala.

Rubin, Elizabeth. 2001. Kabul Dispatch. *Brothers in Arms*. New Republic Online, 29 November. <http://www.thenewrepublic.com/121001/reubin121001.html>.

Rubio, Mauricio. 1999. Crimen e impunidad: Precisiones sobre la violencia. Santafé de Bogotá: Tercer Mundo.

Rudebeck, Lars. 1975. Political Mobilisation in Guinea-Bissau. In Sam C. Sarkesian (ed.), *Revolutionary Guerrilla Warfare*, 431–51. Chicago: Precedent Publishing.

Rule, James B. 1988. *Theories of Civil Violence*. Berkeley: University of California Press.

Rummel, R. J. 1994. *Death by Government*. New Brunswick, N.J.: Transaction.

Rushdie, Salman. 1987. *The Jaguar Smile*. New York: Viking.

Sadowski, Yahya. 1998. *The Myth of Global Chaos*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Saint-Exupéry, Antoine. 1936. L'Espagne ensanglotée. L'Intransigeant, 12–19 August.

Salamanca Núñez, Camila. 2005. *Massacres en Colombia 1995–2002: ¿Violencia Indiscriminada o Racional?* Unpublished paper, Universidad de los Andes.

Salibi, Kamal S. 1988. *A House of Many Mansions: The History of Lebanon Reconsidered*. London: I. B. Tauris.

Salik, Siddiq. 1978. *Witness to Surrender*. Karachi: Oxford University Press.

Sambanis, Nicholas. 2004. What Is a Civil War? Conceptual and Empirical Complexities of an Operational Definition. *Journal of Conflict Resolution* 48, 6: 814–58.

Sambanis, Nicholas. 2000. Partition as a Solution to Ethnic War: An Empirical Critique of the Theoretical Literature. *World Politics* 52, 4:437–83.

Sambanis, Nicholas, and Ibrahim Elbadawi. 2002. How Many Wars Will We See? Explaining the Prevalence of Civil War. *Journal of Conflict Resolution* 46, 3:307–34.

Sánchez, Gonzalo. 2001. Introduction: Problems of Violence, Prospects for Peace. In Charles Bergquist, Ricardo Peñaranda, and Gonzalo Sánchez G. (eds.), *Violence in Colombia, 1990–2000: Waging War and Negotiating Peace*, 1–38. Wilmington, Del.: Scholarly Resources.

Sánchez, Gonzalo, and Donny Meertens. 2001. *Bandits, Peasants, and Politics: The Case of “La Violence” in Colombia*. Austin: University of Texas Press.

Sansom, Robert L. 1970. *The Economics of Insurgency in the Mekong Delta of Vietnam*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Sarkesian, Sam C. 1989. *The American Response to Low-Intensity Conflict: The Formative Period*. In David A. Charters and Maurice Tugwell (eds.), *Armies in Low-Intensity Conflicts: A Comparative Analysis*, 19–48. London: Brassey's Defense Publishers.

Sartori, Giovanni. 1970. *Concept Misformation in Comparative Politics*. *American Political Science Review* 64, 4:1033–53.

Sartori, Giovanni. 1969. *From the Sociology of Politics to Political Sociology*. In Seymour Martin Lipset (ed.), *Politics and the Social Sciences*, 65–100. New York: Oxford University Press.

Saul, John S., and Colin Leys. 1995. *SWAPO: The Politics of Exile*. In Colin Leys and John S. Saul, *Namibia's Liberation Struggle: The Two-Edged Sword*, 40–65. Athens: Ohio University Press.

Scheffler, Thomas. 1999. *Religion, Violence and the Civilizing Process: The Case of Lebanon*. In Jean Hannoyer (ed.), *Guerres civiles: Economies de la violence, dimensions de la civilité*, 163–85. Paris: Karthala.

Schell, Jonathan. 2000. *An Account of the Destruction in Quang Ngai and Quang Tin*. In *Reporting Vietnam: American Journalism 1959–1975*, 204–34. New York: Library of America.

Schell, Jonathan. 1967. *The Village of Ben Suc*. New York: Knopf.

Schelling, Thomas C. 1991. *What Purpose Can "International Terrorism" Serve?* In R. G. Frey and Christopher W. Morris (eds.), *Violence, Terrorism, and Justice*, 18–32. Cambridge: Cambridge University

Scheper-Hughes, Nancy. 1992. *Death without Weeping: The Violence of Everyday Life in Brazil*. Berkeley: University of California Press.

Schlichte, Klaus. 1997. *Magnitudes and Trends in Intrastate Violent Conflict*. Paper presented at the International Conference on Violent Crime and Conflict, Courmayeur, Mont Blanc, Italy, 4–6 October.

Schmemmann, Serge. 1999. *Echoes of a Native Land: Two Centuries of a Russian Village*. New York: Vintage.

Schmid, Alex P. 1983. *Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases, and Literature*. Amsterdam: SWIDOC.

Schmitt, Carl. 1992 [1963]. *Théorie du partisan*. Paris: Flammarion.

Schmitt, Carl. 1976. *The Concept of the Political*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press.

Schmitt, Eric. 2003. *Military in Iraq Is Warned of Attacks during Holidays*. *New York Times*, 22 December, A20.

Schofield, Victoria. 1996. *Kashmir in the Crossfire*. London: I. B. Tauris.

Schofield, Victoria. 1984. *Every Rock, Every Hill: The Plain Tale of the North-West Frontier and Afghanistan*. London: Buchan & Enright.

Schoppa, R. Keith. 2001. Patterns and Dynamics of Elite Collaboration in Occupied Shaoxing County. In David P. Barrett and Larry N. Shyu (eds.), *Chinese Collaboration with Japan, 1932–1945: The Limits of Accommodation*, 156–79. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Schran, Peter. 1976. *Guerrilla Economy: The Development of the Shensi-Kansu-Ninghsia Border Region, 1937–1945*. Albany: State University of New York Press.

Schroeder, Michael J. 2000. “To Induce a Sense of Terror”: Caudillio Politics and Political Violence in Northern Nicaragua, 1926–34 and 1981–95. In Bruce B. Campbell and Arthur D. Brenner (eds.), *Death Squads in Global Perspective: Murder with Deniability*, 27–56. New York: St. Martin’s Press.

Schroeder, Michael J. 1996. Horse Thieves to Rebels to Dogs: Political Gang Violence and the State in the Western Segovias, Nicaragua, in the Time of Sandino, 1926–1934. *Journal of Latin American Studies* 28, 2:383–434.

Schulte, Theo J. 2000. Korück 582. In Hannes Heer and Klaus Naumann (eds.), *War of Extermination: The German Military in World War II, 1941–1944*, 315–28. New York: Berghahn Books.

Scott, A. O. 2004. Vengeance Is Ours, Says Hollywood. *New York Times*, 2 May, 24.

Scott, James C. 1990. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press.

Scott, James C. 1985. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.

Scott, James C. 1977a. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia. In Steffen W. Schmidt et al. (eds.), *Friends, Followers, and Factions: A Reader in Political Clientelism*, 123–46. Berkeley: University of California Press.

Scott, James C. 1977b. Protest and Profanation: Agrarian Revolt and the Little Tradition, Part I. *Theory and Society* 4, 1:1–38.

Scott, James C. 1977c. Protest and Profanation: Agrarian Revolt and the Little Tradition, Part II. *Theory and Society* 4, 2:211–46.

Seculić, Duško. 2005. *Structural Determinants of Nationalism in Croatia*. Unpublished paper.

Seidman, Gay. 2001. *Guerrillas in Their Midst: Armed Struggle in the South African Anti-Apartheid Movement*. Paper presented at the 2001 Meeting of the Social Science History Association, Chicago, 15–18 November.

Seidman, Michael. 2002. *Republic of Egos: A Social History of the Spanish Civil War*. Madison: University of Wisconsin Press.

Selesky, Harold E. 1994. Colonial America. In Michael Howard, George J. Andreopoulos, and Mark R. Shulman (eds.), *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World*, 59–85. New Haven: Yale University Press.

Semana. 2003. La Gran Redada. *Revista Semana*, 3 March. <http://semana2.terra.com.co/opencms/opencms/Semana/articulo.html?id=73650#>.

Sémelin, Jacques. 2000. Qu'est-ce qu'un crime de masse? Le cas de l'ex-Yougoslavie. *Critique Internationale* 6:143–58.

Sen, Amartya. 1986. Behaviour and the Concept of Preference. In Jon Elster (ed.), *Rational Choice*, 60–81. New York: New York University Press.

Senaratne, Jagath P. 1997. *Political Violence in Sri Lanka, 1977–1990: Riots, Insurrections, Counterinsurgencies, Foreign Intervention*. Amsterdam: VU University Press.

Sender Barayón, Ramón. 1989. *A Death in Zamora*. Albuquerque: University of New Mexico Press.

Senechal de la Roche, Roberta. 2001. Why Is Collective Violence Collective? *Sociological Theory* 19, 2:126–44.

Sengupta, Somini. 2005a. Vigilantes May Be Nepal's Secret Weapon against Rebels. *New York Times*, 11 April, A3.

Sengupta, Somini. 2005b. For Afghans, Voting May Be a Life-and-Death Decision. *New York Times*, 16 September, A10.

Sengupta, Somini. 2005c. Where Maoists Still Matter. *New York Times Magazine*, 30 October, 64–69.

Sengupta, Somini. 2004. Sudan Government's Attacks Stoke Rebels' Fury. *New York Times*, 11 September, A1, A8.

Serrano, Secundino. 2002. *Maquis: Historia de la guerrilla antifranquista*. Madrid: Temas de Hoy.

Seybolt, Peter J. 2001. The War within a War: A Case Study of a County on the North China Plain. In David P. Barrett and Larry N. Shyu (eds.), *Chinese Collaboration with Japan, 1932–1945: The Limits of Accommodation*, 201–25. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Shalita, Nicholas. 1994. The Sudan Conflict. In Michael Cranna (ed.), *The True Cost of Conflict*, 135–54. New York: New Press.

Shanin, T. 1975. The Peasantry as a Political Factor. In Sam C. Sarkesian (ed.), *Revolutionary Guerrilla Warfare*, 267–89. Chicago: Precedent Publishing.

Shanker, Thom, and Steven Lee Myers. 2001. Increased US Activity to Aid Afghan Rebels. *New York Times*, 19 October, B2.

Shattuck, Kathryn. 2000. Beware the Cry of "NIYBY": Not in Your Backyard! *New York Times*, 11 May, F1.

Shave, David. 1994. The Peru Conflict. In Michael Cranna (ed.), *The True Cost of Conflict*, 113–33. New York: New Press.

Shaw, Brent. 2001. War and Violence. In G. W. Bowersock, Peter Brown, and Oleg Grabar (eds.), *Interpreting Late Antiquity: Essays on the Postclassical World*, 130–69. Cambridge, Mass.: Belknap Press.

Shaw, Bruno. 1975. Selections from Selected Works of Mao Tse-Tung. In Sam C. Sarkesian (ed.), *Revolutionary Guerrilla Warfare*, 205–35. Chicago: Precedent Publishing.

Sheehan, Neil. 1989. *A Bright Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam*. New York: Vintage.

Shepherd, Ben. 2002. Hawks, Doves and Tote Zonen: A Wehrmacht Security Division in Central Russia, 1943. *Journal of Contemporary History* 37, 3:349–69.

Shils, Edward, and Morris Janowitz. 1948. Cohesion and Disintegration in the Wehrmacht in World War II. *Public Opinion Quarterly*, 2:280–315.

Shy, John. 1976. *A People Numerous and Armed: Reflections on the Military Struggle for American Independence*. New York: Oxford University Press.

Siegel, Daniel, and Joy Hackel. 1988. El Salvador: Counterinsurgency Revisited. In Michael T. Klare and Peter Kornbluh (eds.), *Low-Intensity Warfare: Counterinsurgency, Proinsurgency, and Antiterrorism in the Eighties*, 112–35. New York: Pantheon Books.

Silber, Laura, and Allan Little. 1997. *Yugoslavia: Death of A Nation*. New York: Penguin.

Silke, Andrew. 1998. In Defense of the Realm: Financing Loyalist Terrorism in Northern Ireland — Part One: Extortion and Blackmail. *Studies in Conflict and Terrorism* 21:331–61.

Simmel, Georg. 1955 [1908]. *Conflict*. Glencoe, Ill.: Free Press.

Simons, Anna. 1999. War: Back to the Future. *Annual Reviews of Anthropology* 28:73–108.

Siu, Helen F. 1989. *Agents and Victims in South China: Accomplices in Rural Revolution*. New Haven: Yale University Press.

Sivard, Ruth Leger. 1996. *World Military and Social Expenditures, 1996*. 16th ed. Washington, D.C.: World Priorities.

Sivard, Ruth Leger. 1987. *World Military and Social Expenditures, 1987–88*. 12th ed. Washington, D.C.: World Priorities.

Skinner, Jonathan. 1995. La guerre civile révolutionnaire: Oubli ou héritage? L'exemple de la presse vaclusienne de la IIe République. In Jean-Clément Martin (ed.), *La guerre civile entre histoire et mémoire*, 143–53. Nantes: Ouest Éditions.

Skocpol, Theda. 1979. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sluka, Jeffrey A. 2000. Introduction: State Terror and Anthropology. In Jeffrey A. Sluka (ed.), *Death Squad: The Anthropology of State Terror*, 1–45. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Sluka, Jeffrey A. 1989. *Hearts and Minds, Water and Fish: Support for the IRA and INLA in a Northern Irish Ghetto*. Greenwich, Conn.: JAI Press.

Smith, Adam. 1982 [1790]. *The Theory of Moral Sentiments*. Edited by D. D. Raphael and A. L. Macfie. Indianapolis: Liberty Fund.

Smith, Carol. 1988. Destruction of the Material Bases for Indian Culture: Economic Changes in Totonicapán. In Robert M. Carmack (ed.), *Harvest of Violence: The Maya Indians and the Guatemalan Crisis*, 206–31. Norman: University of Oklahoma Press.

Smith, Craig. 2005. U.S. and Iraq Step Up Effort to Block Insurgents' Routes. *New York Times*, 3 October, A6.

Smith, Craig. 2003. Paris Frees Airport Worker Who Was Framed as Terror Suspect. *New York Times*, 11 January, A5.

Smith, M. L. R. 1995. Holding Fire: Strategic Theory and the Missing Military Dimension in the Academic Study of Northern Ireland. In Alan O'Day (ed.), *Terrorism's Laboratory: The Case of Northern Ireland*, 225–40. Aldershot: Dartmouth.

Smyth, Marie, and Marie-Therese Fay. 2000. *Personal Accounts from Northern Ireland's Troubles: Public Conflict, Private Loss*. London: Pluto Press.

Snow, Clyde Collins, and Maria Julia Bihurriet. 1992. An Epidemiology of Homicide: Ning'un Nombre Burials in the Province of Buenos Aires from 1970 to 1984. In Thomas B. Jabine and Richard P. Claude (eds.), *Human Rights and Statistics: Getting the Record Straight*, 328–63. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Snow, Donald M. 1997. *Distant Thunder: Patterns of Conflict in the Developing World*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe.

Snyder, Timothy. 2003. The Causes of the Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing, 1943. *Past and Present* 179:197–234.

Sofsky, Wolfgang. 1998. *Traité de la violence*. Paris: Gallimard.

Solomon, Robert C. 1994. Sympathy and Vengeance: The Role of the Emotions in Justice. In Stephanie H. M. Van Goozen, Nanne E. Van de Poll, and Joseph Sergeant (eds.), *Emotions: Essays on Emotion Theory*, 291–311. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates.

Sontag, Deborah. 2000. After Lebanon Convulsion, an Uncertain Landscape. *New York Times*, 25 May, A1.

Sorel, Georges. 1921. *Réflexions sur la violence*. Paris: Rivière.

Spencer, Jonathan. 2000. On Not Becoming a "Terrorist." Problems of Memory, Agency, and Community in the Sri Lankan Conflict. In Veena Das, Arthur Kleinman, Mamphela Ramphele, and Pamela Reynolds (eds.), *Violence and Subjectivity*, 120–40. Berkeley: University of California Press.

Spencer, Jonathan. 1992. Problems in the Analysis of Communal Violence. *Contributions to Indian Sociology* 26, 2:261–79.

Spencer, Jonathan. 1990. *A Sinhala Village in a Time of Trouble: Politics and Change in Rural Sri Lanka*. Delhi: Oxford University Press.

Spiereburg, Pieter. 1996. Long-Term Trends in Homicide: Theoretical Reflections and Dutch Evidence: Fifteenth to Twentieth Centuries. In Eric Johnson and Eric H. Monkkonen (eds.), *The Civilization of Crime: Violence in Town and Country since the Middle Ages*, 63–105. Urbana: University of Illinois Press.

Spinner, Jacquie. 2005. In a Calmer Fallujah, Marines Still Feel the Insurgents' Pulse. *Washington Post*, 16 February, A15.

Stacey, Robert C. 1994. The Age of Chivalry. In Michael Howard, George J. Andreopoulos, and Mark R. Shulman (eds.), *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World*, 27–39. New Haven: Yale University Press.

Stanley, William. 1996. *The Protection Racket State: Elite Politics, Military Extortion, and Civil War in El Salvador*. Philadelphia: Temple University Press.

Stark, Rodney. 1997. *The Rise of Christianity: How the Obscure, Marginal Jesus Movement Became the Dominant Religious Force in the Western World in a Few Centuries*. New York: HarperCollins.

Starn, Orin. 1998. Villagers at Arms: War and Counterrevolution in the Central-South Andes. In Steve J. Stern (ed.), *Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995*, 224–57. Durham: Duke University Press.

Steinberg, Jacques. 2004. Source for USA Today Reporter Disputes Details of Kosovo Article. *New York Times*, 26 January, C1.

Stendhal. 1996. *L'abbesse de Castro*. Paris: Libro.

Stiles, T. J. 2002. *Jesse James: Last Rebel of the Civil War*. New York: Knopf.

St. John, Warren. 2002. Sorrow So Sweet: A Guilty Pleasure in Another's Woe. *New York Times*, 24 August, A17.

Stoll, David. 1999. *Rigoberta Mench' u and the Story of All Poor Guatemalans*. Boulder, Colo.: Westview Press.

Stoll, David. 1993. *Between Two Armies: In the Ixil Towns of Guatemala*. New York: Columbia University Press.

Stone, Lawrence. 1972. *The Causes of the English Revolution: 1529–1642*. New York: Harper Torchbooks.

Stouffer, Samuel. 1949. *The American Soldier*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Straus, Scott. 2004. *The Order of Genocide: Race, Power, and War in Rwanda*. Ph.D. dissertation, University of California, Berkeley.

Straus, Scott. 2000. *Definitions and Sub-types: A Conceptual Analysis of Genocide*. Unpublished paper, University of California, Berkeley.

Stubbs, Richard. 1989. *Hearts and Minds in Guerrilla Warfare: The Malayan Emergency, 1948–1960*. Singapore: Oxford University Press.

Suárez-Orozco, Marcelo. 1992. *A Grammar of Terror: Psychocultural Responses to State Terrorism in Dirty War and Post-Dirty War Argentina*.

In Carolyn Nordstrom and JoAnn Martin (eds.), *The Paths to Domination, Resistance, and Terror*, 219–59. Berkeley: University of California Press.

Suárez-Orozco, Marcelo. 1990. Speaking of the Unspeakable: Toward a Psychological Understanding of Responses to Terror. *Ethos* 18, 3:353–83.

Swain, Carol M. 1993. *Black Faces, Black Interests: The Representation of African Americans in Congress*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Swedenburg, Ted. 1995. *Memories of Revolt: The 1936–1939 Rebellion and the Palestinian National Past*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Sweets, John F. 1994. *Choices in Vichy France: The French under Nazi Occupation*. New York: Oxford University Press.

Tabbara, Lina Mikdadi. 1979. *Survival in Beirut: A Diary of Civil War*. London: Onyx Press.

Taber, Robert. 1965. *The War of the Flea: A Study of Guerrilla Warfare Theory and Practice*. New York: Lyle Stuart.

Tambiah, Stanley J. 1996. *Leveling Crowds: Ethnonationalist Conflict and Collective Violence in South Asia*. Berkeley: University of California Press.

Tarnopolsky, Noga. 1999. The Family That Disappeared. *New Yorker*, 15 November, 48–57.

Tarrow, Sidney G. 1994. *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Taussig, Michael. 1987. *Colonialism, Shamanism, and the Wild Man: A Study in Terror and Healing*. Chicago: University of Chicago Press.

Tereshchuk, David. 2001. An Unreliable Witness. *New York Times Magazine*, 28 January, 66.

Terry, Nicholas. 2005. People's War or Civil War? The Struggle between Collaborators and Partisans in Central Russia and Belorussia, 1941–1944. Paper presented at the Conference on War Time Collaboration in Nazi Europe 1939–1945, EUI, Florence, 13–14 October.

Thaxton, Ralph. 1997. *Salt of the Earth: The Political Origins of Peasant Protest and Communist Revolution in China*. Berkeley: University of California Press.

Thayer, Thomas C. 1985. *War without Fronts: The American Experience in Vietnam*. Boulder, Colo.: Westview Press.

Thomas, Hugh. 1986. *The Spanish Civil War*. New York: Simon & Schuster.

Thompson, Ginger. 2003. El Quemado Journal; A Mexican Village Mourns Its Abducted Sons. *New York Times*, 28 July, A4.

Thompson, Ginger. 2001. Houses Divided; Why Peace Eludes Mexico's Indians. *New York Times*, 11 March, sec. 4:16.

Thompson, Robert. 1966. *Defeating Communist Insurgency*. New York: Praeger.

Thornton, Thomas P. 1964. *Terror as a Weapon of Political Agitation*. In Harry Eckstein (ed.), *Internal War: Problems and Approaches*, 71–99. New York: Free Press.

Thucydides. [1972]. *History of the Peloponnesian War*. Translated by Rex Warner. London: Penguin.

Thurston, Anne F. 1990. *Urban Violence during the Cultural Revolution: Who Is to Blame?* In Jonathan N. Lipman and Stevan Harrell (eds.), *Violence in China: Essays in Culture and Counterculture*, 149–74. Albany: State University of New York Press.

Tilly, Charles. 2003. *Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tilly, Charles. 1992. *Coercion, Capital and European States*. London: Blackwell.

Tilly, Charles. 1985. *War Making and State Making as Organized Crime*. In Peter B. Evans, Dietrich Rueschemeyer, and Theda Skocpol (eds.), *Bringing the State Back*, 168–91. Cambridge: Cambridge University Press.

Tilly, Charles. 1978. *From Mobilization to Revolution*. New York: McGraw-Hill.

Tilly, Charles. 1975. *Revolutions and Collective Violence*. In Fred I. Greenstein and Nelson W. Polsby (eds.), *Handbook of Political Science: Macropolitical Theory*, 483–555. Reading, Mass.: Addison-Wesley.

Tilly, Charles. 1964. *The Vend'ee*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Timmons, Heather. 2005. *Weakened British Unions Step Up Fight against Airlines and Their Suppliers*. *New York Times*, 20 August, C3.

Tishkov, Valery. 2004. *Chechnya: Life in a War-Torn Society*. Berkeley: University of California Press.

Tishkov, Valery. 1999. *Ethnic Conflicts in the Former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data*. *Journal of Peace Research* 36, 5:571–91.

Tishkov, Valery. 1997. *Political Anthropology of the Chechen War*. *Security Dialogue* 28:425–37.

Tocqueville, Alexis de. 1988. *Democracy in America*. Edited by J. P. Mayer, translated by George Lawrence. New York: Harper & Row.

Tocqueville, Alexis de. 1933. *L'ancien regime*. Oxford: Blackwell.

Todorov, Tzvetan. 1996. *A French Tragedy: Scenes of Civil War, Summer 1944*. Hanover, N.H.: University Press of New England.

Toft, Monica Duffy. 2003. *The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests, and the Indivisibility of Territory*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Tone, John Lawrence. 1994. *The Fatal Knot: The Guerrilla War in Navarre and the Defeat of Napoleon in Spain*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Tong, James. 1991. *Disorder under Heaven: Collective Violence in the Ming Dynasty*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Tong, James. 1988. *Rational Outlaws: Rebels and Bandits in the Ming Dynasty*. In Michael Taylor (ed.), *Rationality and Revolution*, 98–128. Cambridge: Cambridge University Press.

Toolis, Kevin. 1997. *Rebel Hearts: Journeys within the IRA's Soul*. New York: St. Martin's Griffin.

Trejo Osorio, Guillermo. 2004. *Indigenous Insurgency: Protest, Rebellion, and the Politicization of Ethnicity in 20th Century Mexico*. Ph.D. dissertation, University of Chicago.

Trinquier, Roger. 1964. *Modern Warfare: A French View of Counterinsurgency*. New York: Praeger.

Trotsky, Leon. 1965. *A History of the Russian Revolution*. 2 vols. London: Gollancz.

Trotsky, Leon. 1961. *Terrorism and Communism: A Reply to Karl Kautsky*. Ann Arbor, Mich.: Ann Arbor Paperbacks.

Trullinger, James W. 1994. *Village at War: An Account of Conflict in Vietnam*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Tucker, Shelby. 2001. *Among the Insurgents: Walking through Burma*. London: Flamingo.

Tulloch, Gordon. 1987. *Autocracy*. In Gerard Radnitzky and Peter Bernholz (eds.), *Economic Imperialism: The Economic Approach Applied Outside of the Field of Economics*, 365–81. New York: Paragon House.

Tyler, Patrick E. 2002. *Ex-Soldier Fabricated Chechnya Story, Russian Officials Say*. *New York Times*, 22 April, A2.

Tyler, Patrick E. 2001. *Key Chechen Who Backed the Russians Dies in Battle*. *New York Times*, 20 August, A8.

Tymowski, Andrej W. 2002. *Apologies for Jedwabne and Modernity*. *East European Politics and Societies* 16, 1:291–306.

Ucelay da Cal, Enric. 1995. *La guerre civile espagnole et la propagande franco-belge de la Première Guerre mondiale*. In Jean-Clément Martin (ed.), *La guerre civile entre histoire et mémoire*, 77–90. Nantes: Ouest Editions.

Ung, Loung. 2000. *First They Killed My Father*. New York: Harper Collins.

University of Teachers for Human Rights. 1993. *Someone Else's War*. Colombo: Movement for Inter Racial Justice and Equality.

Upton, Anthony F. 1980. *The Finnish Revolution, 1917–1918*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Urbina, Ian. 2005. *Revenge of the Perturbed IIL Readers Offer New Tactics*. *New York Times*, 20 March, 35.

Urbina, Ian. 2004. *As Energy Thieves Turn Crafty, Con Ed Turns Up Battle of Wits*. *New York Times*, 5 May, A1, B9.

Uribe, Maria Victoria. 1990. *Matar, rematar y contramatar: Las masacres de la violencia en el Tolima, 1948–1964*. Bogotá: CINEP.

Valentino, Benjamin A. 2004. *Final Solutions: Mass Killing and Genocide in the 20th Century*. Ithaca: Cornell University Press.

Valentino, Benjamin A. 2000. *Final Solutions: The Causes of Mass Killings and Genocides*. *Security Studies* 9, 3:1–59.

Valentino, Benjamin A., Paul Huth, and Dylan Balch-Lindsay. 2004. “Draining the Sea”: Mass Killing and Guerrilla Warfare. *International Organization* 58, 2: 375–407.

Van Creveld, Martin. 1991. *The Transformation of War*. New York: Free Press.

Van Evera, Stephen. 2001. Primordialism Lives! *APSA-CP* 12, 1:20–2.

Van Natta, Don. 2001. Hundreds of Arrests, but Promising Leads Unravel. *New York Times*, 21 October, B1.

Vargas Llosa, Mario. 1998. *Un barbare chez les civilisés*. Paris: Gallimard.

Vargas Llosa, Mario. 1994. *A Fish in the Water: A Memoir*. New York: Farrar, Strauss, Giroux.

Varshney, Ashutosh. 2003. Nationalism, Ethnic Conflict, and Rationality. *Perspectives on Politics* 1, 1:85–99.

Varshney, Ashutosh. 2002. *Ethnic Conflict and Civic Life: Hindus and Muslims in India*. New Haven: Yale University Press.

Varshney, Ashutosh. 2001. Ethnic Conflict and Civil Society: India and Beyond. *World Politics* 53, 3:362–98.

Verri, Pietro. 1961. *Osservazioni sulla tortura*. Edited by Gianluigi Barni. Milan: Rizzoli.

Verwimp, Philip. 2003. Testing the Double-Genocide Thesis for Central and Southern Rwanda. *Journal of Conflict Resolution* 47, 4:423–42.

Veyne, Paul. 1996. *Comment on écrit l’histoire*. Paris: Seuil.

Vick, Karl. 2002. In Kurdish Turkey, a New Enemy. Village Guards, Empowered during War, Turn Guns on Returnees. *Washington Post*, October 31, A18.

Vidal, Claudine. 1996. *Le génocide des Rwandais tutsi: Cruauté délibérée et logiques de haine*. In Françoise Héritier (ed.), *De la violence*, 327–66. Paris: Odile Jacob.

Vincent, Shaun. 1994. *The Mozambique Conflict (1980–1992)*. In Michael Cranna (ed.), *The True Cost of Conflict*, 81–112. New York: New Press.

Viola, Lynne. 1993. *The Second Coming: Class Enemies in the Soviet Countryside, 1927–1935*. In J. Arch Getty and Roberta T. Manning (eds.), *Stalinist Terror: New Perspectives*, 65–98. Cambridge: Cambridge University Press.

Wageenaar, Willem A. 1988. *Identifying Ivan: A Case Study in Legal Psychology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Waghelstein, John D. 1985. *El Salvador: Observations and Experiences in Counterinsurgency*. Carlisle Barracks, Pa: US Army War College.

Wakin, Eric. 1992. *Anthropology Goes to War: Professional Ethics and Counterinsurgency in Thailand*. Madison: University of Wisconsin Center for Southeast Asian Studies.

Waldman, Amy. 2004. *Afghan Strife Exposes Deep and Wide Ethnic Tensions*. *New York Times*, 6 September, A3.

Waldman, Amy. 2003. *Young Sri Lankans Are Lost to Forced Recruitment*. *New York Times*, 6 January, A1.

Waldman, Amy. 2002a. *Afghan Warlord's Rivals Link Him to U.S. Attacks*. *New York Times*, 3 January, A15.

Waldman, Amy. 2002b. "Once Fertile Valley Left Arid by Taliban." *New York Times*, 7 January, A9.

Walter, Barbara F. 1997. *The Critical Barrier to Civil War Settlement*. *International Organization* 51, 3:331–60.

Walter, Eugene V. 1969. *Terror and Resistance*. New York: Oxford.

Walters, Richard H. 1966. *Implications of Laboratory Studies of Aggression for the Control and Regulation of Violence*. *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 364:60–72.

Walzer, Michael. 1997. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books.

Wantchekon, Leonard. 2003. *Clientelism and Voting Behavior: Evidence from a Field Experiment in Benin*. *World Politics* 55, 3:399–422.

Warren, Kay B. 1998. *Indigenous Movements and Their Critics: Pan-Maya Activism in Guatemala*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Watanabe, John M. 1992. *Maya Saints and Souls in a Changing World*. Austin: University of Texas Press.

Wax, Emily. 2002. *Key to Conflict in Ivory Coast: Who Are Rebels?* *Washington Post*, 24 October, A30.

Weber, Max. 1994. *Political Writings*. Edited by Peter Lassman and Ronald Speirs. Cambridge: Cambridge University Press.

Weiner, Tim. 2001. *Gun Control Policy, Jalalabad Style: He Who Grabs All the Rifles Writes the Rules*. *New York Times*, 23 November, B4.

Weinstein, Jeremy. 2003. *Inside Rebellion: The Political Economy of Rebel Organization*. Ph.D. dissertation, Harvard University.

Weinstein, N. D. 1980. *Unrealistic Optimism about Future Life Events*. *Journal of Personality and Social Psychology* 39:806–20.

Weir, Robert M. 1985. "The Violent Spirit," the Reestablishment of Order, and the Continuity of Leadership in Post-Revolutionary South Carolina. In

Ronald Hoffman, Thad W. Tate, and Peter J. Albert (eds.), *An Uncivil War: The Southern Backcountry during the American Revolution*, 70–98. Charlottesville: University Press of Virginia.

Welch, Richard E. 1974. American Atrocities in the Philippines: The Challenge and the Response. *Pacific Historical Review*, 43:233–53.

Werth, Nicolas. 1998. Un état contre son peuple: Violences, répressions, terreurs en Union Soviétique. In Stéphane Courtois et al., *Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, répression*, 39–312. Paris: Robert Laffont.

West, F. J., Jr. 1985. *The Village*. Madison: University of Wisconsin Press.

Westing, Arthur H. 1982. Research Communication: War as a Human Endeavor: The High-Fatality Wars of the Twentieth Century. *Journal of Peace Research* 19, 3:261–70.

White, Lynn T., III. 1989. Policies of Chaos: The Organizational Causes of Violence in China's Cultural Revolution. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

White, Robert W. 1989. From Peaceful Protest to Guerrilla War: Micromobilization of the Provisional Irish Republican Army. *American Journal of Sociology* 94, 6: 1277–1302.

Wickham-Crowley, Timothy P. 1992. *Guerrillas and Revolution in Latin America: A Comparative Study of Insurgents and Regimes since 1956*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Wickham-Crowley, Timothy P. 1991. *Exploring Revolution: Essays on Latin American Insurgency and Revolutionary Theory*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe.

Wickham-Crowley, Timothy P. 1990. Terror and Guerrilla Warfare in Latin America, 1956–1970. *Comparative Studies in Society and History* 32, 2:201–37.

Wiesner, Louis A. 1988. *Victims and Survivors: Displaced Persons and Other War Victims in Viet-Nam, 1954–1975*. New York: Greenwood Press.

Wilensky, Harold L. 1967. *Organizational Intelligence: Knowledge and Policy in Government and Industry*. New York: Basic Books.

Wilkinson, Steven I. 2004. *Votes and Violence: Electoral Competition and Ethnic Riots in India*. Cambridge: Cambridge University Press.

Williams, Cratis D. 1975. The Southern Mountaineer in Fact and Fiction. Edited by Martha H. Pipes. *Appalachian Journal* 3:8–41.

Wills, Brian Steel. 2001. *The War Hits Home: The Civil War in Southeastern Virginia*. Charlottesville: University Press of Virginia.

Wilson, Gabrielle. 1970. *The Blood of Spain*. Philadelphia: Dorrance.

Wilson, Scott. 2004. Colombia Targeting Rebel Strongholds. *Washington Post*, 25 January, A14.

Wilson, Scott. 2003. "Peasant" Force Takes Shape in Colombia. *Washington Post*, 13 March, A11.

Wilson, Scott. 2002. Fewer Massacres in Colombia, but More Deaths. *Washington Post*, 24 June, A15.

Wines, Michael. 2003. Chechnya Weighs a Russian Offer of Self-Rule. *New York Times*, 23 March, A3.

Wines, Michael. 2001. Russians Recall the "Giant Mincer" That Was Afghanistan. *New York Times*, 29 September, B7.

Wintrobe, Ronald. 1998. *The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wolf, Eric R. 1969. *Peasant Wars of the Twentieth Century*. New York, Harper & Row.

Wood, Elisabeth Jean. 2003. *Insurgent Collective Action and Civil War in El Salvador*. Cambridge: Cambridge University Press.

Worchel, Stephen. 1974. Societal Restrictiveness and the Presence of Outlets for the Release of Aggression. *Journal of Cross-Cultural Psychology* 5:109–23.

Worden, Blair. 1985. Providence and Politics in Cromwellian England. *Past and Present* 109:55–99.

Wormald, Jenny. 1980. Bloodfeud, Kindred and Government in Early Modern Scotland. *Past and Present* 87:54–97.

Wou, Odoric Y. K. 1994. *Mobilizing the Masses: Building Revolution in Henan*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Wyatt, Edward. 2005. Iraqi Refugee's Tale of Abuse Dissolves upon Later Scrutiny. *New York Times*, 21 January, A8.

Yang, Martin C. 1945. *A Chinese Village: Taitou, Shantung Province*. New York: Columbia University Press.

Yoo, Jieun. 2002. *War Boundaries and Local Organization: Cases from the Korean War*. Unpublished paper, University of Chicago.

Yoo, Jieun. 2001. *The Chejudo Rebellions*. Unpublished paper, University of Chicago.

Yoon, Taek-lim. 1992. *Koreans' Stories about Themselves: An Ethnographic History of Hermit Pond Village in South Korea*. Ph.D. dissertation, University of Minnesota.

Young, Marilyn B. 1991. *The Vietnam Wars, 1945–1990*. New York: Harper Perennial.

Young, Tom. 1997. A Victim of Modernity? Explaining the War in Mozambique. In Paul B. Rich and Richard Stubbs (eds.), *The Counter-Insurgent State: Guerrilla Warfare and State-Building in the Twentieth Century*, 120–51. New York: St. Martin's Press.

Zahar, Marie-Joëlle. 2001. Protégés, Clients, Cannon Fodder: Civil-Militia Relations in Internal Conflicts. In Simon Chesterman (ed.), *Civilians in War*, 43–65. Boulder, Colo.: Lynne Rienner.

Zaretsky, Mark. 2003. City Soldier Gets a Break from War. *New Haven Register*, 8 December, A4.

Zemon Davis, Natalie. 1973. The Rites of Violence: Religious Riot in Sixteenth-Century France. *Past and Present* 59:51–91.

Zerrouky, Hassane. 1997. Le jeune capitaine et les paysans. *L'Humanité*, 17 October 1997.

Ziemke, Earl. 1964. Composition and Morale of the Partisan Movement. In John A. Armstrong (ed.), *Soviet Partisans in World War II*, 141–96. Madison: University of Wisconsin Press.

Zimmerman, Matilde. 2000. *Sandinista*. Durham, N.C.: Duke University Press.

Zimring, Franklin E., and Gordon J. Hawkins. 1973. *Deterrence: The Legal Threat in Crime Control*. Chicago: University of Chicago Press.

Zucchini, David. 2004. Sorting Friends from Foes. *Los Angeles Times*, 1 November, A1, A8–A9.

Zulaika, Joseba. 1988. *Basque Violence: Metaphor and Sacrament*. Reno: University of Nevada Press.

Zulaika, Joseba, and William Douglass. 1996. *Terror and Taboo: The Follies, Fables, and Faces of Terrorism*. New York: Routledge.

Zur, Judith N. 1998. *Violent Memories: Mayan War Widows in Guatemala*. Boulder, Colo.: Westview Press.

Zur, Judith N. 1994. The Psychological Impact of Impunity. *Anthropology Today* 10, 3:12–17.

Каливас С.

К17 Логика насилия в гражданской войне / пер. с англ. Н. Алексеевой, С. Алексеева; под научн. ред. О.Е. Орленко, А.Р. Дюкова, М.А. Поликарпова. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»); Фонд «Историческая память», 2019. — 784 с. — (Серия «Современная история массового насилия»).

ISBN 978-5-9990-0067-5 (Фонд «Историческая память»)

ISBN 978-5-9500938-7-6 (Издательство «Пятый Рим»)

Новейшие работы по гражданским войнам часто увлекательно написаны и охватывают обширный материал, однако в этих работах, как правило, не обнаруживается детального описания причин, по которым происходит эскалация насилия в отношении мирного населения. Исследование американского политолога Статиса Каливаса — работа знаковая и крайне ценная: в ней причины и динамика насилия в гражданской войне рассматриваются с беспрецедентной степенью конкретики и детализации не в ущерб убедительности анализа. Вопреки господствующему мнению о том, что такое насилие есть либо результат необузданного безумия, либо способ достижения стратегических целей, автор доказывает, что в рамках гражданских войн имеют место действия на микроуровне, мало соотносимые с общей направленностью конфликта.

Статис Каливас — профессор политологии Оксфордского университета. Вышедшая в 2006 году книга С. Каливаса «Логика насилия в гражданской войне» удостоена премии *Woodrow Wilson Foundation Award*, присуждаемой Американской ассоциацией политических наук, а также премии *Best Book Award*, присуждаемой Европейской академией социологии.

УДК 316.334.3
ББК 60.56

Научное издание

Каливас Статис

**ЛОГИКА НАСИЛИЯ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ**

Ответственный научный редактор *О. Орленко*

Научные редакторы *А. Дюков, М. Поликарпов*

Ответственный редактор *Г. Пернавский*

Художественный редактор *М. Левыкин*

Верстка *А. Григорьев*

Технический редактор *Н. Атауллина*

Корректор *Г. Васильева*

Фонд содействия актуальным историческим
исследованиям «Историческая память»

Почтовый адрес:

Москва, 119019, Москва, Гагаринский пер., д.35, офис 8

www.historyfoundation.ru

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».

Адрес: 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д.13, стр. 1,
этаж 8 пом. I ком. 22, оф. 835

Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

ISBN 978-5-9990-0067-5 (Фонд «Историческая память»)

ISBN 978-5-9500938-7-6 (Издательство «Пятый Рим»)

Подписано в печать 17.05.2019.

Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Baskerville 10 Pro». Печать офсетная.

Бум. офс. Усл. печ. л. 49,0. Тираж 2000 экз.

Зак. № 3532.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 83.

www.oaotpk.ru, тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

16+ Издание не рекомендуется детям младше 16 лет

Новейшие работы по гражданским войнам часто увлекательно написаны и охватывают обширный материал, однако в этих работах, как правило, не обнаруживается детального описания причин, по которым происходит эскалация насилия в отношении мирного населения. Исследование американского политолога Статиса Каливаса – работа знаковая и крайне ценная: в ней причины и динамика насилия в гражданской войне рассматриваются с беспрецедентной степенью конкретики и детализации не в ущерб убедительности анализа. Вопреки господствующему мнению о том, что такое насилие есть либо результат необузданного безумия, либо способ достижения стратегических целей, автор доказывает, что в рамках гражданских войн имеют место действия на микроуровне, мало соотносимые с общей направленностью конфликта.

Статис Каливас – профессор политологии Оксфордского университета. Вышедшая в 2006 году книга С. Каливаса «Логика насилия в гражданской войне» удостоена премии *Woodrow Wilson Foundation Award*, присуждаемой Американской ассоциацией политических наук, а также премии *Best Book Award*, присуждаемой Европейской академией социологии.

ISBN 978-5-9500938-7-6

9 785950 093876

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ФОНД СОЗДАНИЯ
ДЕТАЛЬНЫМ
ИСТОРИЧЕСКИМ
ИССЛЕДОВАНИЯМ
ПАМЯТЬ

ПЯТЫЙ РИМ